

Наталья Мамбеева

**Минус всей моей
жизни**

2016

Разгадать загадку человеческих взаимоотношений нелегко, а порой, невозможно. Вчера была радость при встрече или, наоборот, раздражение, а сегодня?.. И что предпримет обычная девушка Евгения, чтобы изменить глубокую неприязнь своего нового начальника-тирана по отношению к себе? Сможет ли она доказать ему, что красота человека определяется не его внешностью, а моралью, целями и жизненными принципами? И к чему приведет ее отважный порыв, когда ее главным попутчиком на жизненном пути вечно оказывается виртуозное умение притягивать к своей персоне множество мелких неприятностей?..

Минус всей моей жизни

Глава 1. "Плюс"

Ты в жизни своей — словно бешеный ветер,
Несешься в тумане чуть пыльных дорог,
А сзади — лишь мгла, впереди — серый пепел,
И что ты забыл в дымке подлых болот?
А я лишь задумчивой тучей летала,
Пытаясь вскопать грядки смысла во лжи,
И чуть не забылась, и чуть не устала,
Когда в мою душу врывается ты.
В сомненья, в печали, в тоску ты вгоняешь,
Ты рвешь меня в старые, жалкие клочья,
А я вдруг в безумстве твоём увидала
В конце предложенья судьбы многоточие.
И плох ты, возможно, для всех во всем свете,
Но я ослепилась одним лишь тобой,
Глаза мои смотрят, душа вся трепещет,
И сердце к тебе лишь стремится стрелой.
И боль сокрушает, и смысла не вижу,
Но есть ли в сердечной пружине хоть он?
Без цели, без умысла, без компромисса
Лишь ты — моя жизнь, мой волшебный покой.
И как позитрон, я стремлюсь к электрону,
Бороться с природой нет сил у меня,
И каждый мой шаг от тебя — словно омут,
Сжигающий мукою в пасти огня.
И пусть растворюсь я в своих убежденьях,
Заборы из принципов выстрою я,
Запутаюсь, сгину, исчезну в мученьи!
Но буду любить до исходного дня.
Ты — горный ручей в моей зыбкой плотине,
Ты — крик белой чайки в небесной заре,
Не жажда, не жалость, не зов одинокий,
А чувственно-нежное движет во мне.
И пусть мрак тоннеля сотрет мои линии,
Пусть море отчаянья схватит меня,
Но не откажусь, не порву, не покину,
И сердце мое бьется вновь для тебя.

Часть 1. Взаимное отталкивание

Глава 1. «Плюс»

Жизнь каждого из нас состоит из достижения определенных целей. Большие или

маленькие, призрачные и заоблачные, а может, вполне себе приземленные и явственно различимые, они, как цветы, расцветают на нашем пути, манят нас своей красотой, верой в утопическое будущее, указывают нам направление нашего движения.

Кто-то смотрит в небо, мечтая познать то, что выходит за рамки нашего понимания, мечтая прикоснуться к чему-то великому и неизведанному, оттолкнувшись от земной рутины и совершенно не обращая внимания на то, что пока он, этот самый кто-то, смотрит в небо, его замечательный, и, может быть, даже когда-то чистый, башмак уже раз эдак тридцать наступил в самую невеликую, но уже изведенную им достаточно, грязь.

Кто-то смотрит в себя, копаясь в своих комплексах, ведя непрерывную борьбу с самим собой, своими недостатками, и мечтая уничтожить в себе греховность, так сказать, вырвать с корнем, но все-таки, каждый раз терпит поражение и начинает заново, сражаясь в конечном итоге лишь с собственной ленью, парализующей волю без остатка...

А кто-то смотрит по сторонам, мечтая иметь все на свете (или, правильнее выразиться, мечтая иметь «весь свет»?): хорошую машину, просторную квартиру, недостижимую должность и безграничную власть (ну, почти как у президента, или ДАЖЕ больше, чем у президента, президент-то у нас кто? Всего-лишь президент, а вот «властелин» звучит гораздо изысканнее!), что в результате сводится лишь к одной-единственной самоцели — заработать столько денег, чтобы бассейну с золотом Скруджа Макдака из известного всем диснеевского мультфильма стало завидно. И как бы мы, в конечном счете, ни жили, к чему бы ни стремились, зарабатывание денег, как ни крути, тоже тихонечко вписывает себя в наш «целевой» список под лозунгом «мечты-мечтами, но зачем они нужны, если ты, весь такой благородный и духовный, помрешь с голоду как какой-нибудь верблюд без саксаула?»

Жизнь каждого состоит из достижения целей. Они наполняют ее смыслом, заставляют нас становиться безрассудными и мечтательными в упорном стремлении достичь их, освещают наши сердца огнем... Так думала Женя Зябликова, торопливо шагая по извилистой тропинке парка отдыха, который служил отличным приспособлением к тому, чтобы срезать путь до дома. Радостно глядя на унылый осенний пейзаж вокруг, характерный для абсолютно каждого сентября каждого года в этом городе, она, уверенно шлепая по утонувшей в грязи и лужах, песчаной (это летом песчаной и очень радужно-желтой и манящей для сотен тысяч пар кед и сандалий, а сейчас просто грязной каше-малаше) дорожке, собирая симпатичный гербарий из раскисших листьев на высокие, тонкие каблук своих кожаных сапожек, улыбаясь, сияя с ног до головы, чего нельзя сказать о поникших деревьях и серой, кислой, как аскорбиновая кислота вперемешку с лимонным соком, траве.

Женя была воодушевлена своей маленькой победой. Одна из целей ее немного странной, до сих пор какой-то сумбурной и не совсем последовательной, жизни была достигнута: Женю взяли на работу. Секретарем руководителя в одну производственную фирму под интригующим названием ЗАО «Черный полюс». Как полюс может быть, помимо северного и южного, еще и черным, девушка не задумывалась, да и о том, чем, собственно, занимается этот самый «Черный полюс», кроме того, что производит «что-то там» из разряда «чего-то там» для Министерства обороны нашей страны, пока что, тоже. Завтра будет первый рабочий день, и она сможет поподробнее обо всем узнать...

А сейчас, шагая в уже до колен заляпанных грязью сапогах, чувствуя, как на лицо потихоньку начинают падать первые холодные капли тоскливого осеннего дождя, Евгения думала о том, как поскорее сообщит радостную новость родителям и младшей сестренке.

Кто-то (возможно из тех, кто стремится выстраивать лабиринты из денежных пачек в

своих десятикомнатных квартирах) может подумать, что девчонка просто не в своем уме: радоваться не очень денежной, не очень высокоинтеллектуальной, не очень престижной работе секретаря на полставки в какой-то Богом забытой, никому не известной компанейке или фирмочке, и это в полных двадцать пять-то лет! Не самый маленький, прям скажем, возраст для женщины... Пора бы уже и по карьерной лестнице продвигаться, и семью завести, и на ноги встать так уверенно, что ни один комбайн тебя с этой земли грешной не опрокинет лицом в размытую ненастьем российскую дорожку, но...

Жизнь Евгении складывалась иначе.

Ей нужна была работа, о да, конечно, ей нужны были деньги. У нее было высшее образование номер один: пять лет в институте и гордое звание социального работника в красном дипломе... Раз ей нужны были деньги, то для чего пять лет она училась на специальности «социальная работа», спросите вы? Ответ прост: Женя и сама не знала. В тот момент ей вдруг ужасно захотелось стать кем-то, кто делает этот мир лучше (а разве вас не посещала подобная идея в восемнадцать лет?), кем-то, кто принесет реальную пользу, кто окажет необходимую и посильную помощь нуждающимся... А как стать политиком или депутатом бедная Женя как-то не очень понимала... В этой ситуации ее, такую добрую и открытую для бесконечного и усердного выплеска альтруизма из своего сердца, такую маленькую и наивную, приютил под свое великодушное крыло гуманитарный факультет при университете, открыв перед девушкой дорогу в мир спасения пожилых людей от одиночества, детей из неблагополучных семей от голода и других неприятностей, малоимущих с ограниченными способностями и прочее, прочее...

Однако, по прошествии пяти лет, Женька вдруг поняла, что устроиться по специальности в своем небольшом и не очень дружелюбном по отношению к таким «специфичным» и отнюдь не слишком современным и продвинутым профессиям городе ей ну никак не удастся. Тогда и всплыл на горизонте новый спасительный огонек и заочное отделение факультета юриспруденции того же «Альма-матер», что и подарил ей гордое звание «социального работника».

Но деньги девушке и ее семье по-прежнему были нужны... А значит, необходимо было всерьез взяться за поиск работы. В любом городе, не только большом, возникают трудности совмещения работы и обучения. В ущерб себе и своим занятиям, которые Жене периодически приходилось прогуливать, а потом «подтаскивать» хвосты и заниматься бесконечными пересдачами зачетов и экзаменов, девушка успела поработать и барменом в ночном клубе, и менеджером в туристической фирме, и продавцом в магазине рыболовных снастей... Но с учебой начался кавардак, а денег по-прежнему было недостаточно...

И вот, неожиданно, как гроза во время зимы, на отчаявшуюся Женьку вдруг свалилось счастье: генеральному директору этого самого «Черного полюса» нужен был второй секретарь, потому что первый секретарь страдал той же самой тяжелой болезнью, что и наша Женя — заочным обучением в институте. Деньги были обещаны неплохие, и девушка, поживаясь от холода и плотнее кутаясь в короткую синтепоновую курточку персикового цвета, уже мечтала, как распорядится своей первой зарплатой...

После серо-грязно-желто-красного парка Женя вышла на запруженную городскую улицу и, открыто глядя на угрюмые лица прохожих, прячущиеся под зонтиками, нырнула в неприметный, самый обыкновенный двор девятиэтажек конца советского и начала российского периодов, в котором раньше можно было с главной улицы разглядеть железные, сваренные чьей-то доброй рукой качели, вмещающие, если очень постараться, не двоих, а

сразу троих детей, песочницу под крышей, покрашенной в цвет мухомора с белыми пятнами, которая сейчас облупилась до такой степени, что невозможно было разглядеть, где мухомор, а где сами пятна, и лавочку, как магнитом притягивающую на свое деревянное сиденье не только молодых мамочек с колясками, но и довольно неопрятных, безработных и, зачастую, не очень вежливых личностей, преимущественно со сморщившимися лицами, синими носами и красными, расфокусированными глазами, фокусирующимися только на одном важном предмете жизнедеятельности — бутылке.

Теперь же всю эту доброту местного ЖКХ невозможно было лицезреть из-за припаркованных то тут, то там, автомобилей, торчащих из самых, казалось, невозможных для парковки мест и уголков двора семиподъездного, напоминающего по форме букву «П» дома, с удовольствием газующих по утрам под окна первых этажей и оставляющих для проезда маленькую, узенькую щель, в простонародье именуемой «дорогой к дому».

Протиснувшись между чьих-то тонированных «в полный ноль» «Жигулей», давно уже мечтающих об автомобильном рае на автомобильном кладбище, но так заботливо «оттюнингованных» дорожным углеродным капотом, большой выхлопной трубой, которая могла бы по своему диаметру служить домиком для белок, и «спойлером» на багажник, занимавших место по одну сторону дорожки, и огромной (особенно по сравнению с «Жигулями») «Тойотой Лэнд Крузер» абсолютно черного, блестящего в любую погоду, цвета с другой стороны, припаркованных не где-нибудь, а у самого входа во второй подъезд (где, собственно, и жила Женя с семьей), оставив между друг другом заботливое расстояние на одну (при чем, не самую широкую) детскую коляску (близнецы исключаются), Женя, наконец, вошла в помещение, отметив про себя, что домофон опять не работает, а дверь снова открывается на удивление легко: видимо, чья-то умная, а главное — трезвая нога решила избавить жителей от необходимости напрягать руки при входе и выходе, сорвав петли со всего, что можно, одним удачным пинком.

Поднявшись на восьмой этаж, где, помимо квартиры 78, куда Женя и держала свой путь, удобненько разместились еще две двери под номерами 77 и 79, завершая небольшое пространство лестничной клетки, девушка остановилась, немного порывшись в сумке в поисках ключей, а затем, нисколько не задумываясь, этими же ключами звонко постучала по двери номер 77 и, не дожидаясь, пока ей кто-нибудь откроет, прошла к своей квартире, ловко отворив дверь этими же ключами и войдя внутрь, оставив дверь незапертой и устроив гудящий, с шумом и свистом, промозглый и мощный сквозняк.

Обычная тесная прихожая трехкомнатной квартиры, переходящая в удлиненный, узкий коридор, из которого первая дверь направо вела в кухню, вторая дверь направо — в гостиную, третья дверь направо — в комнату Жени и ее сестренки, четвертая дверь... Боже, Боже, сколько же дверей!.. Четвертая дверь, только теперь прямо, — в ванную комнату, а пятая дверь налево (да, да, квартирка — шик! На целых две стороны окна выходят!) — в спальню родителей, встретила девушку также, как и шум пылесоса (о, мама уже дома!), звуки телевизора из гостиной (папа) и детские девичьи крики из их с сестрой комнаты (Полина), сообщающие восхитительную новость о том, что вся семья Жени в полном составе уже находится дома.

Скинув, как попало, грязные сапоги в угол прихожей, Женька торопливо сняла куртку и, все еще продолжая улыбаться, мельком глянула на себя в зеркало, висящее по левую сторону от нее, заботливо украшенное бумажными цветочками, раскрашенными фломастерами, и демонстрирующее ее во весь рост.

На нее посмотрела обыкновенная девушка двадцати пяти лет, с кудрявыми, пышными, абсолютно не поддающимися никакому колдовству, легкими и мягкими волосами темно-рыжего, напоминающего своим блеском и оттенком ржавчину на раковине или потемневшую от времени бронзу, цвета, которые спадали на ее спину и плечи, создавая огненный ореол вокруг ее лица и головы, выделяя тем самым в толпе привычных нашему глазу каштановых, светло- или темно-русых волос; темные (не в пример волосам), длинные и густые ресницы обрамляли глаза странного и редкого фиалкового* цвета, ставившие в тупик как родителей Жени, которые недоумевали, откуда у их дочурки могли взяться такие глаза и не происки ли это представителей внеземных цивилизаций, так и всех, кому по той или иной причине выпадало невероятное счастье хоть раз в своей жизни посмотреть девушке в глаза, неизменно сохраняя и поддерживая сложившуюся с детства традицию начинать разговор с ней с порядком осточертевшей Женьку фразы: «Ух ты, это у тебя что, контактные линзы такие? Глаза?!? Ну ни фигя себе!..», или близких к тому вариаций в зависимости от интеллектуального уровня собеседника... Но мы отвлеклись, а в зеркале, ко всему прочему, отражалась довольно неплохо сложенная, стройная и аккуратная фигура в синем строгом платье с длинным рукавом, которое эффективно подчеркивало ее достоинства (с точки зрения самой Евгении одно — длинные, стройные ноги) и скрывало недостатки (с точки зрения Жени — да все остальное!), выделяя девушку ростом в, ни много ни мало, сто семьдесят сантиметров.

Ах да, помимо высокого, шпалообразного роста и ржавых, непослушных волос, да фиолетово-сиреневых глаз, Женя была еще и счастливой обладательницей белоснежной бархатистой кожи и... веснушек.

Как же она их не любила! Зимой или в холодное и пасмурное время года (кое бывает и весной, и летом в наших краях) веснушки неясными, рыжими точками мило покрывали лишь нос и немного щечки девушки, становясь почти незаметными, такими призрачными постоянными пассажирами, но как только выглядывало солнце... Вместе с загаром Женя получала еще и бесплатный подарок в виде веснушек на руках, плечах, даже на шее и зоне декольте... Что очень смущало ее, не смотря на заверения мамы о том, что «она становится настоящей русской красавицей! Такой милой и нежной, словно барыня из восемнадцатого века!..» Мда. Схожесть с какой-нибудь столбовой дворянкой из сказки о рыбаке и рыбке Женька, уж как-нибудь, переживет, а вот все остальные «дары природы»...

Но сейчас она просто улыбалась, правда настолько рьяно, что ее челюсть, вопреки анатомическим возможностям тела человека, стремилась выскочить наружу (может, захотела полежать в каком-нибудь цветастом стаканчике?), да так активно, что Жене приходилось ее сдерживать, и, осмотрев себя придирчивым фиолетовым глазом, девушка звонко крикнула вглубь квартиры:

— Мам! Я дома! Ищи меня в кухне!

И под чарующие звуки затихающего пылесоса, обнажившие электрическому свету другие, не менее прелестные звуки эмоционального и зычного голоса комментатора вперемешку с шумом трибун из гостиной, и непринужденной, детской болтовни из спальни, Женька прошествовала через первую дверь направо, войдя в небольшую, но блестящую чистотой уютную кухоньку, главной гордостью которой был дубовый обеденный стол на резных толстых ножках, накрытый розовой скатертью и окруженный четырьмя такими же потрясающими дубовыми стульями (стиль, однако!) с витиеватыми, украшенными деревянной резьбой спинками и такими же невероятными, испещренными тонкими и

сложными узорами ножками. Этот стол и стулья, как и многие другие предметы мебели в доме, являлись плодом неиссякаемого творческого порыва и выплеска таланта и были выпилены умелыми руками дедушки Жени, Петром Кузьмичом, папой ее папы и сталеваром по профессии. Его квартира напоминала Жене и Полине, частенько приезжавшим к нему в гости, целую мастерскую: кругом доски, торчавшие и из-за штор, и из-под мягкой мебели, и даже готовые выпрыгнуть тебе на голову, если вдруг тебя посетит мысль глянуть за межкомнатную дверь, а на полу, помимо полосатого линолеума, — неизменные опилки, грозящие вцепиться в ногу при любом, удобном случае, а с ними за компанию различные лобзики для резьбы по дереву то там, то здесь, и груды начатых, но пока еще неоконченных произведений деревянного искусства в виде рамок для фотографий, отдельных ножек для столов, диванов, кресел и прочей мебели и даже наполовину оформленные, но оставленные до счастливого момента возвращения шальной и непостоянной подружки-музы деревянные картины...

Находясь в этой творческой, покрытой древесной пылью атмосфере, наполненной, ко всему прочему, восхитительным запахом свежесрубленных деревьев и синтетическим (хоть и не очень приятным, но тоже являющимся неотъемлемой частью сей же волшебной сказки) ароматом лака, Женя восхищенно понимала, что минуту назад шагнула совсем в иную жизнь... Особенную, непредсказуемую, похожую на скачки давления в атмосфере, далекую от их семейных проблем и ее личных переживаний, где есть лишь полет фантазии и свобода души, где границы и рамки раздвигаются до бесконечных размеров, и такими родными и любимыми руками может быть рожден любой образ, любая вещь, несущая в себе теплую, едва уловимую, но такую светлую и добрую энергетику деда...

Помимо стола и стульев на кухне присутствовал еще и белый гарнитур в компании с гигантским исполином — двухметровым холодильником с двумя холодильными и двумя морозильными камерами (как шутил сосед Жени и ее друг детства по совместительству — для длительного и беспрепятственного хранения трупов), супер-функциональная плита, на которую ушла когда-то вся папина зарплата за один печальный для папы, но такой счастливый для мамы Жени день, и окно без штор, выходящее в тот самый, забитый битком автомобильным хламом двор и демонстрирующее пепельные, тяжелые, как груз ответственности при минимальных способностях, тучи.

Женька весело бросила свои пятьдесят пять килограмм на ближайший стул и, схватив яблоко с блюда, любезно задержавшегося на столе, с огромным наслаждением откусила почти половину, громко хрумкая на всю кухню. Этот счастливый шум, однако, был немедленно прерван.

— Женя! Ну зачем?? — раздался укоряющий голос из-за дверей, и в кухню суетливо вошла мама — Дарья Федоровна Зябликова, в синем домашнем халате на пуговицах, мягких красных тапочках с изображением золотого коня, вставшего на дыбы (кажется, китайцы очень даже неплохо постарались, чтобы слизать изображение с всемирно известного итальянского лейбла), и пестрым полотенцем на голове, скрывающим такие же рыжие, как и у дочери, но только коротко остриженные кудряшки, подкрашенные в свой естественный цвет и сейчас, судя по всему, вдобавок еще и чисто вымытые.

Мама, в отличие от старшей дочери, была ниже ростом, с полноватой фигурой и круглым, открытым лицом, всегда непременно располагающим к себе своей доброжелательностью и немного озорной улыбкой, говорящей лишь о том, что в ее голове зреет очередная милая шутка, но при этом мама, как никто другой, умеющая внести в

атмосферу их домашнего очага такую необходимую всем домочадцам ласку, тепло и уют, умело и тщательно скрывала за положительными эмоциями те внутренние страдания и тяжелые переживания от всех проблем и бед, свалившихся на ее плечи и продолжающих на них лежать до сих пор, напоминая высокую кирпичную пирамидку.

Вопросительно подняв брови и пытаясь казаться строгой, мама выразительно посмотрела своими смеющимися карими глазами на жалкую половину яблока в руках у дочери и уперла руки в бока.

— Зачем? Я приготовила такую шикарную утку с гарниром из овощей-гриль, полдня тут, понимаешь, на кухне дымила, даже вон, у твоего отца футболка насквозь грилем пропахла, а ты перебиваешь аппетит какими-то яблоками?! Женька, ну сколько можно тебе говорить? Как маленькая, ей Богу... Сначала поешь, а потом уже...

Удрученно качая головой, мама прошла к холодильнику и принялась ловко выуживать оттуда сковородки и кастрюли, битком набитые вышеупомянутыми вкусностями, и от их, пока еще, холодного аромата Женька услышала громкую и жалобную мольбу своего желудка.

Дело было в том, что мама Жени Дарья Федоровна работала поваром в одном из самых дорогих французских ресторанов города под названием «Бонапарт». Поскольку меню включало в себя блюда не только французской, но и итальянской, и русской, и даже такой популярной и излюбленной молодежью города азиатской кухни, то Дарья Федоровна была просто великолепна не только в приготовлении различного рода жульенов или фондю (хоть фондю и швейцарское блюдо, но во Франции его тоже с огромным аппетитом едят), но и в борщах и пельменях, за что ее любило не только семейство, но и жители всего подъезда, «вынюхивающие» блаженные ароматы из своих квартир, начиная чуть ли не с первого этажа, и периодически выстраивающиеся в очередь под дверь благодушного и щедрого повара 78 квартиры с контейнерами в руках, чем ужасно раздражали воинственного мужа Дарьи Федоровны и главу их маленькой, но дружной семьи. Этим и объяснялось наличие огромного холодильника и многофункциональной плиты в обычной трехкомнатной квартире людей среднего достатка, а также принципиальность матери в отношении всех приемов пищи ее любимого мужа и двух дочерей.

Женька хихикнула, посмотрев на сковородки, пристроенные на плиту для процесса согревания волшебных яств, и с полным ртом пробухтела:

— Да ладно, мам! Неужели ты и вправду думаешь, что какому-то яблоку под силу отбить желание наброситься с ножом и вилкой на твою восхитительнейшую утку и съесть разом всю сковородку, не прерываясь при этом даже на такую банальную вещь, как дыхание? Тем более, надо как-то желудок к твоим шедеврам подготовить, а то он может очуметь от такой вкусотищи и бросить мое брэнное тело ради твоих кастрюль!

Дарья Федоровна заулыбалась, услышав очередной комплимент своему кулинарному мастерству, и махнула полотенцем, невесть откуда взявшимся в ее руке:

— Ой, ну вечно ты наговоришь, Женька! Ладно, никуда твой желудок не денется, лучше расскажи — как там твое собеседование?

С трудом прожевав яблоко, Женька ослепительно улыбнулась и подмигнула маме:

— Супер! Меня взяли.

Дарья Федоровна звонко и радостно, но с нескрываемой долей облегчения, рассмеялась, тут же наклонившись к дочери и поцеловав ее в макушку, а для наиболее полного выражения эмоций — сжав ее плечи своими теплыми и нежными ладонями, и громко воскликнула:

— Я так и знала! Ну еще бы! Как моя умница-дочь могла бы им не подойти? Женечка, ты такая молодец! О, Боже мой! О, Боже мой! Так... — Дарья Федоровна закрутилась по кухне как юла, не в силах сдержать распиравшую ее гордость за дочь и удовольствие от понимания того, что Женины мучения в поисках работы все-таки подошли к концу. — Это дело надо срочно отметить!

Секунда — и Женя уже видела, как мамин затылок, обернутый в полотенце, торчит из-за распахнутой дверцы холодильника, дыхнувшего на кухню морозным воздушком, но еще через секунду (Женька не успела даже предостерегающе вскинуть руку и напомнить, что завтра слишком важный день для того, чтобы печалить его туманным разумом позвякивающей черепной коробки и мутно-болезненно-тяжелым, а главное — обязательным, плачевным состоянием желудочно-кишечного тракта) рыжеволосая поедательница яблок за два укуса снова могла лицезреть мамино лицо, собравшее в себя недоверчиво поджатые губы и пристальный, требовательный взгляд прищуренных глаз, буравящих со всей серьезностью этого мира фиалковые, облачно-счастливые глаза дочери:

— Так, стоп. — Мама снова уперла руки в бока, принимая грозную позу. — Я хочу знать подробности! Что за фирма? Чем занимается? Как давно существует? А это точно нормальная организация, а не какая-нибудь там... афера? Какой рабочий график? Ты же помнишь, у тебя еще учеба, и...

Женя рассмеялась, взяв мамины руки в свои ладони и легко пожав их, и шутливо надула губы:

— Ну почему сразу «афера», мам?!? Меня что, в нормальную компанию только после второй-третьей рюмашки коньяка взять могут? Вот это вера в дочерины силы! Ну спасибо, мамуля!

Дарья Федоровна рассмеялась и отошла к плите, на которой уже вовсю шваркали «неземные яства»:

— Прекращай, Евгения, ты прекрасно знаешь, что я не это имела ввиду! Ох уж твои шуточки! И, возвращаясь к теме фирмы... — подтолкнула она дочь к дальнейшему повествованию.

Женька вздохнула и, с новой силой захрустев яблоком, невнятно забубнила:

— Фирма как фирма. Обыкновенная. «Черный полюс» называется. Занимается промышленным производством... чего-то. Да какая разница? Меня взяли секретарем директора на полставки. Зарплата, учитывая статус должности и ее «половинчатость», хорошая, да и с учебой самое то совмещать. Все шикарно, мамочка! — вскинула руки в облегченном жесте Женя, растекаясь по стулу.

Дарья Федоровна пару секунд внимательно поизучала дочь, видимо, пытаясь заразиться ее уверенностью в своем удачно сложившемся будущем, а потом вздохнула и улыбнулась:

— Ну вот и хорошо, дочка. Я очень за тебя рада. — она повернулась лицом к дверному проему и громко крикнула:

— Эдуард! Бросай свой дурацкий футбол и иди сюда, к нам! Твою дочь, между прочим, взяли на работу!

Сквозь шум ревуших зрителей на трибунах и верещащий на сверхдецибеллах голос футбольного комментатора, раздававшихся из динамиков телевизора, вдруг громыхнул мощный, низкий бас отца:

— Вот же идиоты!!! Там был фол, фол, боковой арбитр, у тебя что, дырки вместо глаз??? Продажные собаки, чтоб им мяч по головке настучал!!!

Женя с мамой переглянулись и одновременно прыснули.

Вот и еще одна краска семьи Зябликовых. Эдуард Петрович Зябликов — футбольный судья. Нет, папа Жени не ездил в длительные командировки по стране с огромной сумкой, забитой свежевystиранными судейскими формами и мамиными ароматными пирожками и рассольником в баночке. Эдуард Петрович судил только местные матчи с участием команды города, прочно заседавшей где-то в районе «после десятого места» чемпионата страны, но при этом, он был настолько строг и справедлив, настолько серьезно относился к своим обязанностям, что футболисты его даже побаивались. Лично Женьке всегда казалось, что высокий, метр девяносто полного роста, крепкий и широкоплечий папа с блестящей лысиной на голове, но великолепными пушистыми усами, а также не менее густыми, темными бровями и жесткими карими глазами уже родился со свистком в руке и очень мощным геном безумной любви к футболу, потому что в те редкие дни, когда он не занимался судейством на поле, он проводил часы в гостиной, внимательно прожигая свирепым, но ненасытно жадным взглядом это же самое поле на экране телевизора, зорко наблюдая за действиями белых или красных точек, расползавшихся, как дохлые мухи, в разные стороны. Помимо изощренных крепких словечек, которыми Эдуард Петрович мог от души полирнуть нерадивых судей и неторопливых игроков, отец Жени мог также похвастаться тем, что его гостиная — центр вселенского футбола — впитала в себя дух своего хозяина и своего самого постоянного посетителя из всех членов небольшого семейства: на стеллаже по левую сторону удачно устроилась целая коллекция футбольных мячей (напоминающая кривоватый парад планет нашей солнечной системы) с автографами... нет, не всемирно известных и самых талантливых футболистов мира, а никому не известных (кроме, конечно, самого папочки) судей из различных стран, которых странным, насмешливым, а может, лукавым ветром все ж таки задуло в их скромный городишко (не иначе, как лишь для того, чтобы они поставили на отцовском мяче свои чудные, размашистые загогулины). Эдуард Петрович очень гордился своим личным музеем и показывал свою коллекцию каждому, чья нога переступала порог их дома, будь то подруги Полины из школы, друзья Евгении или мамины знакомые. Помимо мячей, гостиную украшали пузатые кубки и блестящие медали за лучшее судейство, лучший матч, за звание рефери года и многое другое, развешенное по стенам, расставленное по стеклянным шкафчикам и разложенное по полкам. Так что Женя вполне могла гордиться собственным папой и только мечтать о том, чтобы и она когда-нибудь нашла в своей жизни работу по душе и по призванию.

— Эдик! — снова окликнула его мама. — Ты вообще слышал, что я сказала? Женя устроилась на работу! Может, ты наконец оставишь бедный ЦСКА в покое...

— Бедный ЦСКА??? — снова громыхнул возмущенный бас. — Даша, ты вообще в курсе что у «бедного ЦСКА» хватит денег, чтобы купить все нефтяные вышки в нашей стране и пару островов в Атлантическом океане? Ты в курсе, что у «бедного ЦСКА» даже хватит денег, чтобы поставить всем игрокам металлические протезы вместо ног и навсегда задушить традицию падать на газон и хвататься за лодыжки при каждом нелепом случае??? Ну ты даешь, Даша, вот тебе раз... — покручинился он, а затем закончил философское возмущение новой, окончательно убившей его жену наповал, фразой:

— Женя устроилась на работу... Погоди-ка, а с предыдущей работы ее что, турнули?!? Вот же скоты! Выбросить на улицу такую девчонку! Не бойсь, Женька, мы, Зябликовы, на дороге подолгу не валяемся! Будет и на твоей улице праздник! А теперь тишина! Еще... м-м-

м... двадцать одну минуту! — приказал папа и добавил звук на телевизоре.

Мама обреченно вздохнула, но улыбнулась и заговорщически подмигнула Жене:

— Твой отец в своем репертуаре... А потом будет ругаться, что обо всех новостях нашего дома узнает последним. Не волнуйся, Женечка, я ему позже обо всем расскажу, он за тебя порадуется, а теперь давай-ка, налетай!

И она поставила перед успевшей порядком изойти слюной Женей тарелку с ароматным кушаньем, от одного только вида которого хочется иметь безразмерный желудок, чтобы поглощать и поглощать его вечно, пока смерть не разлучит...

— Зябликова! — появился в кухне новый действующий персонаж, а именно: сосед из 77 квартиры, по совместительству друг детства, юношества и вообще всей сознательной жизни, по совместительству высокий любитель пособирать люстры головой, худой, но очень резвый и довольно складный парнишка в модных очках с подключением к интернету, зачастую любящий поболтать с браузером «по душам» и помахать перед глазами длинными руками с целью перелистывания картинок, отображающихся на одном из стекол очков, и за это прослывшийся пациентом желтого дома у местных бабулек, щелкающих семечки на одной-единственной, всеми любимой лавочке во дворе, дополняя свой образ сумасшедшего, по которому льет слезы местное отделение психиатрии, длинными, взлохмаченными волосами и косой челкой, падающей ему на один глаз, а также инопланетными рожами на тему «Звездных войн» Джорджа Лукаса, глядящих с его многочисленных просторных футболок, и, наконец, по совместительству еще и главный помощник в поедании харчей Дарьи Федоровны, звали которого Игорь Сторожев, всплывший в кухню походкой местного аборигена и преспокойненько плюхнувшийся на свободный дубовый стул, продолжая возмущенно вещать:

— Вот что за дурная привычка: долбить в нашу дверь ключами, а затем смываться к себе в квартиру?? — он чуть прищурился, глядя на Женьку яркими голубыми глазами из-под модных стекол очков, на одном из которых мелькал маленький экранчик, безуспешно пытающийся привлечь внимание хозяина какими-то прыгающими буквами. — Я что, по-твоему, всегда должен скакать к тебе по первому зову? — он вдруг посмотрел на тарелку, из которой Женя как ни в чем не бывало жевала потрясающую печеную утку и овощи-гриль, а затем резко поднял глаза на маму Жени, с улыбкой наблюдавшую за ним и дочкой, и совсем другим, веселым и до неприличия вежливым голосом воскликнул:

— О, здрасьте, тетя Даш! Отлично выглядите! Эти тапочки так вам к лицу... В смысле... Я хотел сказать... — замялся Игорь, сообразив, что сморозил что-то неподобающее, но Женя прервала этот бессвязный поток неудавшихся извинений:

— Придурок! — со смехом прошипела она с набитым ртом. — Ради еды — душу дьяволу продашь, подхалим непутевый!

— Женя, перестань! — остановила ее мама и улыбнулась, посмотрев на Игоря:

— Игореша, кушать будешь? У меня и хлебушек свеженький ко всему прочему имеется...

Игорь радостно и довольно улыбнулся, будто ему на счастливую физиономию упала пачка сто долларовых купюр:

— Я с удовольствием, тетя Даш, ваши блюда — это же пища Богов!

— А я думала, пища Богов — это виноград. — хмыкнула Женя. — Их же везде с ним малюют!

— Женька, ты — неуч. Несмотря на две... почти что две, — поправился Игорь, —

вышки. И не отходи от темы! Чего ты стучишь и сбегаешь, будто барабашка? А если бы я был занят? А если бы меня не было дома? А если бы я был не один???

Женька захохотала.

— А с кем?? Не смей меня, домосед! Ты, наверное, хотел сказать: «А если бы моя бабушка спала?», так, Игорек? Не переживай, дружок-пирожок, — пихнула его кулаком в плечо Женька, — твоя бабуля просто добавила бы этот поступок в черный список моих недостатков, я уже давно у нее включена в разряд особо опасных для ее нежного и чувствительного внука хулиганок. Ну а если бы ты не пришел... Что ж, — печально вздохнула Женька, — я бы поплакала, конечно, но через пару часов все же закрыла бы входную дверь.

Дарья Федоровна рассмеялась вместе с дочерью, а Игорь сурово погрозил Женьке пальцем:

— Насчет бабули — сама виновата! Нечего было в пять лет спички на нашем балконе жечь! — но он тут же смягчился, словно сливочное масло в духовке, увидев перед собой огромную тарелку с уткой и овощами, уже более весело и добродушно спросив:

— Так чего случилось-то? Говори, пока я все не съел, потому что бабушка не знает, что я... В общем, потому что когда тарелка опустеет, я уйду.

Женька фыркнула, прекрасно догадываясь о том, что Игорь хотел сказать, и зная тот факт, что из их квартиры его может скovyрнуть разве что техногенная катастрофа. Подобная манера общения сложилась у них уже давным-давно, еще в далеком детстве, когда семья Сторожевых, состоящая из молодых инженеров местного Научно-исследовательского института, базирующегося на физике тяжелых металлов, их маленького сына Игоря и вышеупомянутой бабушки, Раисы Васильевны, пенсионерки со стажем, бывшего бухгалтера городского банка, переехала за соседнюю дверь лестничной площадки под бок к семье Зябликовых, после чего между двумя семьями завязалась крепкая и самая настоящая дружба. О бабушке Игоря необходимо вернуть пару фраз отдельно: это была шустрая и деловая старушка с цепкими глазами — маленькими сапфириками, затянутыми в тугий пучок, еще на редкость густыми волосами и вечно накрученной на бигуди седой челкой, которая своим крепким и решительным, воинственным нравом держала в кулаке всю семью, правда, иногда разжимая кулак, чтобы ее домочадцы могли расслышать вынесенный ею очередной бытовой приговор. Раиса Васильевна любила громко и напористо высказывать свое мнение, которое всегда было единственно правильным, как ей казалось, и держала дочь, зятя и внука под строжайшим контролем, как полицейский, отслеживая все их перемещения, занятия и круг общения, поэтому-то и обронил Игорек случайное «бабушка не знает, что я...». «Ушел», — можно было бы так закончить наполненную опаской фразу друга, но Женька, зная нрав и характер его бабушки, не винила его в проявлении подобного чувства.

Игорь и Женька росли вместе, играли вместе, учились в одном классе одной и той же школы, и близкое и искреннее общение сложилось как-то само собой. В процессе роста и взросления Женьки в ее жизни произошла странная метаморфоза: одна за другой, по той или иной причине, у девочки стали исчезать подружки, а на их месте появлялись все новые и новые «корешки»-друзья.

Женька не могла объяснить, почему с мальчиками ей всегда было проще и интереснее, и отсутствие подружек временами давалось ей как нелегко, потому что любой девчонке, пусть она и пропадает целыми вечерами за игрой в мяч или ползает с парнями по гаражам, очень необходимо это особенное девичье общение, секреты и тайные дневники с фотографией

понравившегося звезды телеэкрана, да хоть те же разговорчики на тему мальчишек!

В конечном счете, когда Женька Зябликова выросла и превратилась в прекрасную, рыжеволосую и длинноногую лебедь Евгению, она вдруг поняла, что отношение окружавших ее мальчишек, как-то резко вытянувшихся в рост и начинающих потихоньку обзаводиться щетиной на щеках, их отношение к ней резко изменилось. Статус «своей девчонки» неумолимо испарялся, а на его место посыпались приглашения на свидания и все такое прочее... Вот так бедная Женя постепенно, на культурном человеческом языке отшивала парней, одного за другим, пока не растеряла всех, кроме... Кроме, конечно, соседского друга Игорька, который по-прежнему общался с ней именно на том уровне дружбы, что и был ей так необходим в условиях дефицита настоящих подружек-девочек. Мда. Отношения с девчонками у нее как-то с самого детства не складывались... А теперь и на нормальных мужчин везение вдруг спрятало голову в песок...

Так что теперь жизнь Жени стала состоять из множества маленьких целей, которые так приятно было достигать.

— Меня взяли на работу. — довольным голосом сообщила она, наклонившись к нему через стол.

Игорь замер, расширив глаза в шутливом удивлении, а затем, с ярко-выраженным саркастическим фоном в голосе проговорил:

— Да ладно?! На настоящую работу?? И в какой пиццерии ты теперь курьер, Зябликова? В той, что на Вознесенской улице, или в квартале Старого города?

Женька закатила глаза, а Дарья Федоровна, хлопнув дочь по спине и подмигнув Игорю, с улыбкой проговорила:

— Ладно, дети, я вас оставлю, еще в спальне не закончила пылесосить. Чай, надеюсь, сможете сами себе налить без драки?

— И во время драки сможем, мам. — хмыкнула Женька. — Иди.

— Уж я не сомневаюсь! — весело усмехнулась мама Жени и вышла из кухни.

Женька снова требовательно уставилась на Игоря, ожидая его «нормальной» реакции. Впрочем, с ехидным лицом гиены, только что отведавшей ногу спящего льва и даже при этом его не разбудившей, невозмутимо продолжая уплетать то, что с огромной скоростью испарялось с тарелки и оказывалось кое в чем желудке, Игорек вовсе не спешил становиться «адекватным».

— Так, хорошо, Женька, я понял: тебе нужна моя помощь. — он положил вилку и скосил глаза на правую линзу очков, где мельтешили какие-то квадратики. — Окей, гугл. Работа уборщицы, зарплата не менее пяти тысяч рублей, район Куйбышевский, поиск!

— Я тебе сейчас оливки вместо зрачков воткну в глаза, идиот! — раздраженно прошипела Женя и хлопнула в ладони прямо перед его правым глазом. — Очень смешно!

От хлопка Игорь моргнул и укоризненно посмотрел на подругу:

— Ну вот! «По вашему запросу ничего не найдено»... Сбила мне все результаты. И как я теперь проложу тебе дорогу в светлое будущее?

Женя погрозила ему вилкой и встала, подойдя к чайнику.

— У меня уже есть дорога в светлое будущее, Сторожев! Я устроилась в ЗАО «Черный полюс» секретарем директора! Не слышу аплодисментов!

Она обернулась к Игорю с кружкой в руках, но тот испепелял ее скептическим, насмешливым взглядом, сложив локти на стол.

— В ЗАО «Черный полюс»? Секретарем? А ты подробно уточнила на собеседовании

свои должностные обязанности, Женька? Может, помимо подношений кофе какому-то усатому старперу, ты и еще кое-чего должна будешь для него де...

Женька ухмыльнулась и поставила перед другом кружку с таким звоном, что он осекся, а сама спокойненько уселась на стул, поджав под себя ноги, и хлопнула по столешнице:

— Не болтай ерунды. Работа — на полдня, я смогу совмещать с учебой, плюс — деньги неплохие, по сравнению со всем, что у меня уже было, плюс... — ее лицо вдруг просияло, а глаза загорелись радостным, мечтательным огнем. — Я смогу накопить на санаторно-курортное лечение в Алтайском крае для Полины! — тихо, шепотом добавила она. — Сейчас сентябрь, значит, у меня есть почти год, и я должна достать около 350 тысяч на путевку! — Женья вздохнула и посмотрела в погрустневшие и посерьезневшие глаза Игоря. — Врач сказала, что в Алтайском крае, в околоторной зоне есть очень хороший санаторий для лечения бронхиальной астмы у детей. Но чтобы лечение дало результат, лучше приезжать на максимальный срок — на двадцать один день, и в конце августа, когда цветение и пыль уменьшаются, а погода еще хорошая... А лечебная программа с полным комплексом оздоровительных процедур, да еще оплата двухместного и не самого, попрошу заметить, дорогого номера, да еще авиабилеты обойдутся мне примерно в ту сумму, что я озвучила этажом выше. Возможно, болезнь навсегда отступит, понимаешь, Игорек? — импульсивно закончила Женька, чувствуя, как от переполнявшего ее волнения у нее порозовели щеки, и положила подбородок на стол, устало и пусто глядя на причудливые узоры розовой скатерти.

Игорь вздохнул и потрепал девушку по мягким кудрям, тихо проговорив:

— Не обижайся, Женька, но мне кажется, что твоей полуставочной зарплаты едва хватит, чтобы покрыть кредит на машину, который, между прочим, взял твой отец совсем недавно и сроком на три года, а чтобы еще откладывать для Поли... Думаю, не то, что за год, ты и за пять лет нужной суммы не наскребешь.

Женья обреченно посмотрела на него и подняла голову со стола, схватив его за руку.

— И кстати, насчет машины!! — быстро затараторила она с жадным блеском в фиалковых глазах. — Завтра в девять ноль-ноль ты едешь со мной на авторынок! Кредит-то папуля взял, так надо же воспользоваться, раз я теперь сама смогу его выплачивать! — она заулыбалась и мечтательно посмотрела в окно. — Где-то там ждет меня моя ласточка, ждет не дождется...

Игорь ухмыльнулся и постучал кулаком по голове подруги.

— Ты чего, Женька, совсем на почве радости обретения секретарства рехнулась? Какие «девять ноль-ноль»?!! Не-е-ет, подруга, если хочешь, чтобы я с тобой поехал, а я, кстати говоря, настоящий спец по части автомобилей, — нагло и самоуверенно уточнил он с гордой улыбкой и идиотским подмигиванием на одном и том же лице, — тогда не раньше двенадцати! Слышала, Зябликова?

Женька фыркнула и сделала глоток чая из кружки, насмешливо посмотрев на Игорька, все еще дующегося от гордости, как объевшийся снегирь.

— Нет, автомобильный гений, в девять, не позже! В двенадцать у меня лекция по гражданскому праву, а к двум я должна быть на работе! На машине. — уверенно заявила она и счастливо вздохнула, предвкушая, как будет крутить руль не отцовского «Фольксвагена» с футбольным мячом-ароматизатором на приборной панели, а собственной, пахнущей кожей и еще, Бог знает, чем пташечки... Но увидев вдруг за окном большую, серо-черную, тяжелую, как кирпич, тучищу, закрывшую собой половину неба, тут же нахмурилась, вспомнив о Полине. — А на санаторий Поле я все равно накоплю, вот увидишь! — она решительно

сжала кулаки и посмотрела на угрюмого от перспективы завтрашнего раннего подъема Игорька. — Буду брать лишние смены, если придется, прогуляю пару раз институт, хорошенько постараюсь и докажу этому... как ты там говорил? Усатому старперу, что я способна на большее, чем просто регистрация корреспонденции и кофейное дефиле по кабинету! Возможно, меня когда-нибудь даже повысят... — размечталась она, а Игорь негодуя всплеснул руками:

— Вот именно! Дура ты, Женька! Такая взрослая, а все по-прежнему думаешь, что достойна быть лишь продавцом или секретарем, обслуживая тех, кто в твоём возрасте уже всего добился! Меня поражает твоя неуверенность в себе! Ты закончила школу с медалью, институт — с красным дипломом, а ведешь себя так, будто ты глупая неумеха, а не высококвалифицированный специалист! Секретарь? Секретарь?? Да ты совсем того, рыжая!!! — он вспыльчиво наклонился к ней через стол и быстро проговорил на повышенных тонах:

— О каком таком повышении ты мечтаешь, «але, повторите, я не слышу» из «Черного полюса»? Что за тупое название вообще?.. — буркнул он себе под нос. — Думаешь, этот зазнавшийся кретин-директор ради такой милашки и умницы, как ты, введет в штат новую должность «старший секретарь»??? Нет, Зябликова, и через год, и через пять лет ты по-прежнему будешь носить кофе, если не вспомнишь, что у тебя есть мозги и квалификация вперемешку с высокой работоспособностью! Вот я — программист, — гордо сообщил он, будто Женька об этом не знала, — и я в будущем точно кем-нибудь стану! Возможно, открою свой бизнес...

— Угу, только для начала начни хотя бы ездить в офис, программист с охренительным будущим, а то ты так и не узнаешь, что такое — работать с людьми, а не железкой, напичканной разными умными приложениями. Для «своего бизнеса» полезно. — хмыкнула Женька и вздохнула, снова сложив подбородок на стол. — А в целом — ты, наверное, прав. Я никогда ничего не добьюсь в жизни, если не поверю в себя и свои силы... Вопрос только в том, как это сделать?..

Игорь тоже положил подбородок на стол и заглянул в Женины фиалковые глаза своими ярко-голубыми:

— Вот, что я тебе скажу...

Но, к несчастью, ничего умного и обнадеживающего сказать он не успел: в кухню влетело маленькое, чудесное десятилетнее создание с длинными, до середины спины, каштановыми, в отличие от Женькиных пожароподобных, кудряшками, большими карими, с золотым отливом у зрачков глазницами и вздернутым носиком, облаченное в розовую футболку с мордой улыбающейся лошади на груди и полосатые гетры до колен, вереща, как стая птиц, облепивших лысое дерево после зимы и почуявших приближение оттепели:

— Ига, Ига, Ига, привет, ты пришо-о-ол!!!

Поля запрыгнула на соседний, рядом с Игорем стул и полезла к нему обниматься, чуть не опрокинув при этом кружку со стола, да и самого Игоря, который к такому бурному приветствию давно уже привык. Стиснув радостную девочку в объятьях, Игорь со смехом ответил:

— Привет-привет, Пулька! Скучала по мне?

— Да! — четко воскликнула Поля, выпуская из своей детской, но очень цепкой хватки парня и заглядывая в его веселые глаза со всем доверием на Земле. Женька тихонечко ухмыльнулась: она знала, что ее младшая сестричка души не чаяла в ее друге детства или,

попросту говоря, была по уши в него влюблена, ревнуя своего «Игу» к каждой особи женского пола, начиная от всеми любимой кинодивы и матери шестерых детей Анжелины Джоли и заканчивая самой Женькой, не задумываясь над тем, есть ли у ее старшей сестры настоящий парень или нет. Вообще-то, если говорить положив руку на сердце, Игорь сам во многом поспособствовал тому, что малышка Полина Зябликова, бедная девочка, страдающая бронхиальной астмой в тяжелой форме с четырех лет, восприняла его как героя своего романа. Искренне беспокоясь о ней и о ее здоровье, Игорь делал все, чтобы как можно чаще радовать свою «младшую подружку»: он играл во все ее игры, смотрел вместе с ней любимые мультфильмы, приносил ей сладкое и игрушки, а главное — с удовольствием обнимался с ней при каждом удобном случае... Да и страшеньким его назвать тоже язык как-то не поворачивался: темно-каштановые густые волосы, темные брови, яркие голубые глаза, чуть удлиненное лицо и правильный небольшой нос в совокупности с хорошим телосложением и высоким ростом только добавляли в образ принца для Поли нужную краску. Хотя сам Игорь, кажется, все-таки понимал, какие чувства вызывает в душе нежной, измученной болезнью малышки (особенно после неоднократных шуточек Жени на тему того, что ему, видимо, придется дожидаться Полиного совершеннолетия и жениться на ней), но все равно все отрицал и изменить отношение к своей «Пульке» уже никак не мог.

— Правильно делала, мелкая! — бодро потрепал он девочку по густым каштановым кудряшкам, и карие глаза Поли засияли бешеной преданностью, а щеки подернул милый румянец. — Как прошла твоя ночка, принцесска? А ну, колись старому доброму Игорю!

Женя хихикнула, а Полина ярко заулыбалась, подавая все признаки женского флирта: опустила глаза в пол и театрально глубоко вздохнула:

— У меня опять был приступ. — гордо сообщила она и тут же поспешила добавить:

— А ты не старый, Ига! Очень, очень молодой!

— И красивый, мой кумир! — шепнула Женя так, чтобы ее мог слышать только парень.

Игорь легонько пнул девушку ногой под столом, а сам нахмурено спросил, посмотрев с тревогой на Полину:

— Опять, Поля? Ты не испугалась? — он поднял глаза на Женьку и сурово спросил:

— Что на этот раз? Кто-то, забрызганный духами с ног до головы, решил снова посетить ваше скромное жилище?

Женя вздохнула.

— Нет, она играла в гостиной, на диване, а его уже три дня не пылесосили...

Игорь недовольно покачал головой, намекая на то, что следить лучше надо, ведь приступы у девочки случались, чаще всего, из-за пыли и цветущих растений, поэтому в доме Зябликовых никогда не было цветов, вся мягкая мебель, включая кровати девочек и родителей, была выполнена из специального, гипоаллергенного волокна, ни на одном окне не наблюдалось штор, равно, как и ковров на ламинате, а квартиру пылесосили каждый день, во избежание повторения приступов удушья каждую ночь.

Но, несмотря на все усилия, медикаментозное лечение и неизменный ингалятор под подушкой, бедная Полина задыхалась гораздо чаще, чем нужно было, почти каждую ночь, и Женя с содроганием в сердце вспоминала эти часы, когда она сидела рядом с ней, придерживая ингалятор и слушая хрипы и свисты, вырывающиеся из груди этой маленькой, ни в чем не повинной ни перед Богом, ни перед человеком девочки, ощущая ее боль как свою, чувствуя, как разрывается в панической атаке ее сердце и сердца их мамы и папы, как долбит в голове, словно все новый и новый солнечный удар, мысль, что это несправедливо,

что ребенок не заслужил столь сурового испытания в свои малые годы, что ее младшая сестра так и не познала беззаботности детства, радостей этой планеты, счастья пребывания в мире цветов и запахов, в мире живой природы и спортивной легкости, в мире свободы от боли и страхов ложиться спать.

Именно поэтому Женя так уповала на алтайский санаторий, поэтому намеревалась откладывать всю оставшуюся от выплаты кредита часть зарплаты, чтобы вместе с родителями успеть накопить нужную сумму до следующего сентября... Ничто не было более важным в ее жизни сейчас, кроме этого.

Полина потянулась через стол и схватила яблоко, откусив, ровно так же, как и ее старшая сестра, почти половину.

— Нет, не испугалась. Со мной были мама, папа и Женька, так чего бояться? — философски изрекла малышка с набитым ртом и пожала плечами, но тут же крепко вцепилась в руку Игоря и возбужденно заголосила:

— Ига, Ига, пойдём, ты мне поможешь построить конюшню для моей лошадки Патрисии? Пошли, пошли, пожалуйста, пошли, Ига!!! — она соскочила со стула и принялась что есть мочи тянуть ухмыляющегося парня за руку, а тот вздохнул и обреченно, но не без доли самодовольства, посмотрел на Женьку:

— Ладно, идем, Пулька, да не тяни ты так, оторвешь мне руку и сделаешь капитаном Крюком на всю жизнь... Помой посуду, Женька, окей? — он встал и, хитро улыбаясь, быстро бросил через плечо, позволяя маленькой даме увести себя:

— Давай, не кисни, Зябликова, привыкай обслуживать по первому требованию и высшему разряду...

— Ах ты!.. — шутливо возмущенно замахнулась на него Женька кухонным полотенцем, но Игорь только захохотал и, подхватив подмышку звонко взвизгнувшую Полю, быстро скрылся за углом.

Женька недобро покачала головой и еще немного потрясла кухонной утварью вслед единственному другу-жгучему юмористу конца девяностых, но тут же остыла, особенно после того, как услышала из гостиной новый грозный бас отца:

— Да что вы раскукарекались, малышня??? Цыц, я сказал, цыц, цыц еще двенадцать минут! Эх, из-за вас имя того мыльного популизатора-центрального арбитра прослушал!.. Ну что вы за люди, дети?!?

— Популизатор, популизатор!!.. — тут же раздался довольный голос Полины из спальни, и Женька прыснула, а крик мамы из третьей комнаты окончательно поставил точку в расшумевшемся на ночь глядя балагане заезжих артистов:

— Эдик! Сколько раз говорила: не ори гадости на весь дом! Дети слышат! И повторяют! Если Женьке уже поздно внушать, то Полину мы все еще можем спасти! Каждый день одно и то же...

Звуки пылесоса возобновились.

Глава 2. "Плюс"

Глава 2. «Плюс»

Квартира Зябликовых. Половина восьмого утра.

— «Ах, за что меня бросили в подвал?

Разве ж это я денежки украл?

Я ведь не такой, я ведь не злодей!

Никогда не крал деньги у людей!

Кто это все придумал, кто оклеветал меня?

Ах, ну кому чего плохого в жизни сделал я?

Разве что кошек палкой по двору любил гонять.

Но не со зла, а так чтоб время было чем занять.

Было чем время занять!

У каменной стены, на сырой земле

Молча я сижу и тоскливо мне.

Палкой по спине получил вчера,

Шлепнули меня буд...»

Женская рука, показавшаяся из-под темно-бордового одеяла, схватила мобильный телефон и слепым нажатием на одну-единственную кнопку прекратила душещипательные, с примесью отчаяния и гнева, обрамленные волшебными звуками гитарных риффов и барабанной стукотни излияния солиста всеми известной панк-рок группы.

— М-м-м... А предыдущий дяденька на твоём будильнике мне нравился куда больше... — протянул сонный голос Полины с другой стороны комнаты, и Женька, с трудом разлепив глаза, выкарабкалась из плена своего теплого и уютного одеяла, чтобы посмотреть на сестру.

В комнату уже пробивался сине-серый дневной свет очередного пасмурного сентябрьского утра, совершенно никак не помогая в бодром самочувствии открыть глаза и, так сказать, с новыми силами ринуться в бой.

Фиалковый, заспанный взгляд Жени прошел по темно-серому ламинату на полу, где в беспорядке валялись детали от конструктора, книжки, детские школьные тетрадки и остатки вчерашнего «лошадиного приюта», который Поля и Игорь строили из обувных коробок и Полиных кофт, любезно выпотрошенных из шкафа рядом с Жениной кроватью, прошел по компьютерному столу (естественно, с компьютером, подмигивающим желтым глазом на нем) у окна, зеркалу с туалетным столиком у противоположной стены и, наконец, остановился на кровати, отразив каштановую пышную массу, рассыпавшуюся по подушке, одну тоненькую голую ножку, свесившуюся с кровати, и грудку белого, с голубыми бабочками одеяла, заботливо припрятавшего под собой все остальное.

— Это который? — зевая, спросила Женька. — Тот, что пел про бомжа и тот неоспоримый факт, что все мы, его истинные братья, должны спасти его обленившуюся до крайней степени, проспиртованную душу и набить ему на халюву желудок едой, ради которой все остальные люди батрачат с утра до вечера на работе, надсаживая горбушку?

Поля хихикнула и повернула голову, посмотрев на сестру. Ее лицо разругалось со сна, и Женька вдруг вспомнила, что сегодня ночью у нее, в кои-то веки, не было приступа. Ее улыбка, словно воздушный десерт с кусочками фруктов, сразу поднял настроение Женьке на несколько градусов.

— Не-е-е... Хотя и эта была тоже прикольная! — задумчиво рассудила Поля, потянув руки вверх. — Я про ту, где дядька поет о сердце...

— О сердце?

— Ага... Сейчас, подожди, как же там?.. — Полина смешно закрыла один глаз, вспоминая, очевидно, текст той самой песни, а потом вдруг резко села в кровати, одернув смявшуюся, хлопчатобумажную сорочку, и, откинув волосы с лица, воскликнула:

— Вспомнила! — она набрала полную грудь воздуха, будто собиралась надуть воздушный шарик, и, что есть дури, заголосила на весь дом:

— «Свобода, свобода, так много, так мало ты нам рассказала, какого мы рода... Ни жизни, ни смерти, ни лжи не сдаешься, как небо, под сердцем в тоске моей бье-е-ешья!!!»

Женя захохотала, особенно после того, как Поля сделала такой акцент на последней длинной ноте, и в ту же секунду услышала нервный стук в стену рядом с собой.

— Дурында ты, Полька, это разве «о сердце»? — смеясь, проговорила девушка. — Спела ты, конечно, шикарно, только вот у твоего пения образовался один побочный эффект, и этот эффект уже долбитя в стенку, недовольный своей жалкой, лишившейся тридцати минут сладкого сна, жизнью! А между прочим, — Женя села и откинула одеяло, тоже явив миру такую же хлопчатобумажную сорочку, как у сестры, — мне с ним еще на авторынок ехать.

Полина громко захохотала и, вприпрыжку соскочив со своей кровати, подлетела к Женьке и принялась мощно долбить по стене за ее спиной и верещать:

— Ига, Ига!!! С добрым утром тебя, Ига!!!

Устроив секундную тишину, девчонки с хитрыми глазами переглянулись и одновременно приложили ухо к стене. Мгновение — и с той стороны раздался обреченный стон. Захохотав, они хлопнули по рукам, едва услышав сквозь веселье, как отворилась дверь их комнаты и на пороге показался папа в домашней футболке, спортивных штанах и тапочках, отбросив внушительную тень от электрического света из коридора на добрую половину комнаты.

— Я так понял, будить вас не надо. — философски изрек он, посмотрев на дочерей строгими карими глазами. — Поля, одевайся, я отвезу тебя в школу, только в темпе, в темпе, мне еще нужно сюда вернуться: Женька с нахлебником собрались машину покупать, и им тюкнуло по мозговитым головушкам сделать это именно сегодня. Ну? Поля, живо, живо! — с хлопком «поподгонял» он младшую дочь, которая недовольно сморщила нос, бросив взгляд на сестру, но все же нехотя поплелась к шкафу.

Эдуард Петрович внимательно проследил за ней пристальным взглядом и перевел суровые глаза на Женю:

— Тебя, между прочим, тоже касается. Чтобы в девять стояла в коридоре, обутая, одетая, с наштукатуренным лицом, а не наполовину зарытая в вытряхнутом из шкафа многокилограммовом тряпье, все понятно, Женька?

Женя закатила глаза и показала отцу язык. Тот пригрозил пальцем непослушной дочурке, но усмехнулся сквозь усы и вышел, оставив дочерей одних копошиться в своей одежде.

Ровно в девять часов компания, состоящая из папы, Жени и Игоря, загрузилась в не новый, но начищенный до блеска, без единого намека на пыль «Фольксваген Гольф» умиротворяющего серебристого цвета и, не спеша (вообще-то, они спешили, но городские улицы, разжившиеся к этому часу многокилометровыми пробками, явно думали иначе), двинулись на другой конец города, где и располагался Главный авторынок подержанных автомобилей.

Денег на новый у Жени и ее семьи, конечно, не было, но девушка была совсем даже не против обзавестись хоть и стареньким, но верным дружком на колесах, чтобы наконец перестать болтаться в холодных трамваях, мечтая поскорее оказаться в стенах своего пункта назначения, и не заниматься вымалыванием ключей у отца, каждый раз слушая длинную нотацию на тему правильного вождения среди «обнаглевших остолопов» нашего города, которые «таращатся куда угодно, только не на дорогу».

— Ремень, дочь! — приказал отец, сурово глянув на Женю в зеркало заднего вида. Игорь хихикнул, а девушка попыталась безуспешно отстоять свои права:

— Ну, пап! Я же на заднем...

— Женька! Сейчас домой пойдешь! Ремень, кому говорю! — повысил голос Эдуард Петрович, и дочь с недовольным стоном подчинилась, а карие глаза в зеркале переключались с девушки на развеселого Игорька и тут же сообщили:

— А ты, нахлебник, что, дорожной сумкой решил прикинуться? Давай, давай, не ленись, каши-то вон сколько у нас съел, а ручки-то все хиленькие, даже какой-то автомобильный ремень натянуть не могут!

Игорь удрученно вздохнул и тоже щелкнул ремнем, а Женя, достав пудру и зеркало, мстительно проговорила:

— Хе-хе.

— Поехали. — сообщил Эдуард Петрович, процитировав первого человека, вышедшего в открытый космос, и нажал на газ, одновременно добавляя звук на магнитоле до сверхзвуковых частот. Папа Жени считал, что в машине самое важное — это аудиосистема, и ездить без музыки, выталкивающей из ушей барабанные перепонки, категорически не желал.

Вот и сейчас, поплыв на волне местного радио «Тростник», Женька преспокойно завершала свой макияж, стремясь достигнуть совершенства: сегодня ее первый рабочий день, и она должна быть на высоте.

Игорь внимательно оглядел светло-персиковую строгую блузку с элегантной стеклянной пуговицей у горла, черную юбку до колен, облегающую бедра, кожаные модные сапоги с широкой голенью и высоким, толстым каблуком и черное, приталенное пальто, которое сейчас было расстегнуто, давая возможность лицезреть все предметы тщательно выглаженного гардероба подруги. Рыжие волосы пышными кудряшками по-прежнему беспорядочно спадали на ее плечи и лоб, создавая пушистую, объемную шапку вокруг ее нежного, веснушчатого личика, а светло-сиреневые тени и малиновая помада довершали образ деловой Жени, неустанно пытавшейся запрятать веснушки под толстый слой пудры.

Ухмыльнувшись, Игорь наклонился к Жене и сквозь грохот музыкального сопровождения прокричал ей в ухо:

— Оставь жалкие попытки, Зябликова! Все равно каждый на твоей новой работе начнет общение с тобой с уточнения факта реальности твоих фиолетовых глаз, подкрепляя свои предположения идиотскими догадками на тему контактных линз, пластических операций, пересадок роговицы и тому подобного... Кроме богатенького кретина по имени «директор»,

конечно. — добавил он, снова пытаясь заглушить шум популярного скрипичного оркестра. Женя недоуменно посмотрела на него, а Игорь усмехнулся и подмигнул:

— Такие, как известно, выше пятой точки глаз не поднимают, а значит, шанс, что он, хотя бы случайно, поразится до глубины... хм... души необычным цветом твоих глаз, со всей скорости стремится к нулю.

Женька раздраженно пихнула его под локоть и прокричала ему в ухо ответ:

— Успокойся, Сторожев! Не твоя и не моя забота, куда будет пялиться этот директор, главное — я должна выглядеть максимально прилично, это раз, — она загнула один палец, — по-деловому строго, это два, — второй палец, — и просто классно! Это три. — третий палец. Женька ярко улыбнулась. — Вот три кита, на которых держится успех умной женщины! А со всем остальным, включая пару сотен очумелых вопросов на тему моих глаз, я уж как-нибудь справлюсь!

Она подмигнула закатившему глаза любителю добавить ведро дегтя в лужицу меда и замолчала, снова занявшись пудрой.

Какое-то время опустевшие от невозможности производить мысль в таком грохоте головы были наполнены лишь страдальческими, но при этом не забывающими быть блажными, хрипами какого-то шансонье, жалующегося на недостаток любви в воровском притоне, да еще похлопыванием Эдуарда Петровича по кожаной отделке рулевого колеса в такт, поэтому Женя и Игорь просто смотрели в окно, на стоящие в соседних рядах автомобили, где водители находились на разных стадиях кипения от порядком разыгравшейся на их нервах пробки перед шоссе, ведущего в центр города.

В салоне становилось душно, поэтому Женя не стала драть горло в безуспешной попытке докричаться до отца, ушедшего с головой в музицирование, и передать ему просьбу включить кондиционер, а просто открыла окно. До ее уставших от блотняка ушей вдруг долетел голос кавказской принадлежности, раздававшийся из соседнего тонированного «Ауди», от всего сердца вешавший:

— «Лада-седан... Баклажан... Лада-седан... Баклажан...»

Женька прыснула, а Игорь тут же оживился:

— А что? Женька, может, это знак? Тот понторылый из «Ауди», возможно, подсказывает тебе верную дорогу! Купишь себе старую добрую «десятку», милого сиреневого цвета, это твой цвет, кстати! И дело с концом? Сэкономить тысяч двести, на путевку Поле останется всего ничего накопить...

Женя захохотала, насмешливо посмотрев на друга:

— Сам ты «знак», Игорь! Только не судьбы, а «въезд запрещен», в простонародье — кирпич. А бесплатное дополнение в качестве отвертки к этому чудесному представителю отечественного автопрома прилагается? Ну, чтобы я могла ее на каждом светофоре завести?.. Не смей меня, Сторожев, на путевку Поле я и так накоплю, а вот приезжать на работу с двухчасовым опозданием мне как-то не улыбается. Где-то там ждет меня моя «ласточка»... — мечтательно протянула девушка и высунулась в окно, вдыхая холодный утренний воздух.

— Чтоб ты знала, «ласточкой» в свое время как раз и называли «представителя отечественного автопрома». И вообще — кто сказал, что «десятка» не может быть «ласточкой»? — все гнул свою линию Игорь, угрюмо посмотрев на Женю, но дискуссию прервал Эдуард Петрович меткой и весомой фразой:

— Или подпеваем, или молчим в тряпочку, слышите?

И гипоаллергенный «Фольксваген» вновь погрузился в оркестровую яму по самую крышу, уничтожив последние мысли из мозгов пассажиров.

Даже в столь ранний час авторынок уже кишмя кишел как продавцами, то тут, то там перехваливающих процентов на девяносто своих железных коней, и покупателями, ползающими между рядов и вокруг автомобилей кто с растерянными и глубоко задумавшимися лицами, а кто и с самым знающим выражением в глазах, торгующиеся до последней капли бодрости в их сердцах и теле. Доехав без приключений и почти не оглохнув, Эдуард Петрович, Игорь и Женя прогулочным шагом продирались между автомобилями всех возможных марок, цветов и размеров, придирчивым взглядом окидывая как «железных коней», так и их хозяев, с той же железобетонной упертостью не желавших скидывать цену.

— Эй, брат, бери, недорого отдам, почти не битая! Коробка — шик, самый умный в мире «робот»! — вещал с акцентом какой-то тип кавказской национальности, похлопывая рукой по старенькому, притихшему «Пежо»-универсалу, стоявшему с таким печальным видом, что Жене даже показалось, будто от грусти его фары потускнели и поникли.

— Не проходите мимо! «Нексия», почти новая, кузов — в идеале, всего-то семь годков, летает, как зверь! Можно обмен, можно в кредит, любые условия! — кричал с другой стороны толстый, лысый мужчина с румяными щечками и огромным животом, вываливающимся из-под потрепанной кожаной куртки.

— Нет. Нет. Нет. — коротко, но жестко отвечал Эдуард Петрович всем желающим поскорее избавиться от своего автохлама за очень неплохие деньги, ведя за собой Игоря и Женю к той части авторынка, где торговали не новыми, но приличными «иномарками».

— Почти не битая, почти не крашенная, почти не езженная, почти заводится, а с толкача — так все сто раз из ста... — хмыкнула Женька, с любопытством глядя вперед, туда, где пестрели более новые и более дорогие иностранные автомобили. — Какая-то странная политика у этих торгашей — с помощью антирекламы толкнуть свои машины за бешеные деньги...

Игорь ухмыльнулся.

— Ничего странного, Женька. Они-то думают, что делают своим колымагам комплимент.

Ребята расхохотались и продолжили внимательно всматриваться в, так сказать, предложенный ассортимент.

Прошел почти час с тех пор, как они вошли на территорию рынка, но как ни старались Эдуард Петрович на пару с Игорем склонить девушку к более-менее приличным вариантам, она упрямо качала головой и продолжала змейкой бродить вдоль рядов, внимательно приглядываясь к въезжающим в ворота автомобилям.

— Женя, ты вредина. — бурчал папа, уже порядком устав отбиваться от назойливых продавцов и их «привлекательных» цен, шагая теперь уже не впереди, а следом за девушкой и мрачно переглядываясь с таким же недовольным Игорем и его «Дартом Вейдером», тарашившемся на прохожих с темно-красной футболки, выглядывающей из-под серой куртки с высоким воротом. — Если тебе ничего не нравится, тогда поехали домой. Приедем потом еще раз, может что и...

— Нет, нет, папочка, я чувствую, она должна быть где-то здесь! — упрямо отрезала Женя, горящими глазами в десятый раз оглядывая те же, что и пять минут назад,

автомобили.

— Говорю же, давай купим тот «Хендэ», и дело с концом! Не такой уж старый, двигатель 1,8 литра, коробка — автомат! Будешь летать на нем, как птица над городскими крышами! — широким жестом махнув рукой в подтверждение своих слов, с умоляющими нотками в голосе проговорил Игорь.

Женя вздохнула. Ну ничего-то они не понимают! Мужчины...

— Может быть, Игорек, но я его не хочу. Сердце у меня на твой «Хенде» не дрогнуло, понимаешь? — все еще сияющими ожиданием глазами девушка посмотрела на друга, и тот ворчливо усмехнулся:

— Сердце у нее, видите ли, не дрогнуло... А если оно вообще ни на одну машину не дрогнет, тогда что? Ночевать здесь останемся? Палатку разобьем? Чур я сплю в двойном мешке. — поспешно уточнил он, а Женя хохотнула.

— Придурок! Ладно, еще пятнадцать минут походим и, если ничего не найдем, то уе...

Она осеклась и остановилась, замерев и чувствуя, как звонко заколотилось сердце, а в душе что-то приятно и радостно сжалось, посылая всем органам тела мелкую дрожь.

— Чего «уе»? А, Женька? Жень? Эй!!! Ты что?? — окликнул ее Игорь, наткнувшись на ее резко затормозившую спину, но Женя слышала его сквозь пелену помех.

На территорию рынка въехал маленький «Опель» ярко-желтого, канареечного цвета и, моргнув белым, мягким «ксеноновым» светом, как бы призывая девушку к себе, остановился через несколько рядов от нее.

В ушах Женьки зашумело, и она, умирая от радости, рванула, что было сил, туда, к ней, той самой машине, о которой она мечтала в своих снах, той самой «ласточке»...

— Быстрее, быстрее, за мной! — крикнула Женька папе и Игорю, которые недоуменно наблюдали за ней, пытаясь понять, куда она так быстро уносится, успешно лавируя в толпе и не замечая ничего вокруг, а Женя точно знала — вот она, ее машина...

Подлетев к «Опелю», не успевшему даже мотор выключить и остынуть, она восхищенно потрогала капот рукой, расширенными глазами разглядывая обычный, далеко не новый, желтенький автомобильчик, будто он был слит из цельного золотого самородка, а подошедшие Эдуард Петрович и Игорь лишь недоуменно и насмешливо переглянулись:

— Эта блоха? Ты что, Зябликова, сдурела?? — шокировано поинтересовался Игорь, а папа нахмурился:

— Дочь, она какая-то ненадежная... Посмотри, какой тонкий металл! Да еще желтая... Что за идиотский для машины цвет??

— А девочкам нравится. — вдруг заявил из-под опустившегося со стороны водительского сиденья окна голос, принадлежавший маленькой, тоненькой женщине-блондинке с коротко стриженными волосами, красными, как бывший флаг СССР, губами, и живыми голубыми глазами. Она с улыбкой посмотрела на отключившуюся от земного мира Женю, медленно расхаживающую вдоль автомобиля с таким видом, будто у нее с ней разговор по душам, а затем, легко выпорхнув из пока еще своего авто, продемонстрировав тоненькую фигурку в облегающем сером платье и сапоги без каблука до колен, подошла к Эдуарду Петровичу и Игорю.

— Здравствуйте. — мило и спокойно поздоровалась она.

Женя вдруг снова стала различать звуки. Удивительное дело: почувствовав рукой гладкий, лакированный металл этого «Опелька», ей показалось, будто он тоже трепещет от радости встречи с ней, будто она всю жизнь ездила именно на этой машине и только ее

представляла рядом с собой...

— Ласточка. — тихо и ласково шепнула автомобилю Женя и подлетела к хозяйке, округлившимися глазами, полными оживленного огня, посмотрев на нее:

— Сколько? Сколько стоит? Сегодня можем переоформить?? А можно внутри посидеть???

Женщина рассмеялась и кивнула:

— Садитесь, конечно! Вот это да! Никогда не думала, что найду покупателя через секунду после въезда на рынок!

Пока Эдуард Петрович и Игорь расспрашивали все об автомобиле, придирчиво разглядывая его снаружи, засовывая головы под днище, в багажник и капот, Женька уселась на водительское кресло и, вдохнув запах кожи и тонкого, цветочного ароматизатора, взялась за руль.

Внутри нее все пело и танцевало: она с любовью оглядела приятную панель, гладкую, округлую, удобную, такую, что хотелось смотреть и смотреть на нее, потом легонько прошлась пальцами по кнопкам на руле, ощущая дикий трепет в груди, и оглядела тесный, но такой уютный серый салон с обтянутыми велюром и кусочками кожи креслами, не имея сил сдержать улыбки.

Пассажирская дверь отворилась, и рядом с Женей плюхнулся Игорь, с трудом сложив свой длинный организм так, чтобы не тереться макушкой об потолок машины.

— Зябликова, а ты вообще в курсе, что этой «ласточке» скоро стукнет восемь лет? — с надеждой на спасение подруги из желтого плена проговорил Игорь, оглядываясь.

— Ну и что. — беспечно отмахнулась Женя, разглядывая кнопки на панели.

— И тебя не смущает, что заднее крыло начинает гнить?

— Неа. — мечтательный ответ.

— А тот факт, что для того, чтобы залезть в это детище автопрома, нужно отстегивать голову и, по возможности, ноги?

— Ну, твоя черепушка, я смотрю, все еще на твоих плечах, раз продолжает сыпать глупостями. — хмыкнула девушка, пересаживаясь назад и продолжая восхищенно таращиться по сторонам.

Игорь покачал головой.

— У нее двигатель — 1,2 литра! Будешь ползти, как улитка, а вес этой жуколицы ты знаешь? На каждой кочке подлетит так, что тебя из окон верхних этажей многоэтажек ловить смогут!

— Кочки, так уж и быть, объеду, а гонять, как болид «Формулы-1», я и не собиралась. — упорствовала Женька.

— А эта дырка в чехле? — Игорь сунул палец в протертое место на водительском сиденье и злорадно посмотрел на девушку. — Такое чувство, что ее кто-то пропер...

— Ой, только без туалетного юмора! — вскинув руку, остановила его Женя и улыбнулась. — Игорешечка, можешь не стараться, я все равно ее куплю, понимаешь? Она — моя, я ее ждала, ясно тебе? — Женька подмигнула раздосадованному другу и весело проговорила:

— Пойдем, договоримся о купле-продаже.

Через пятнадцать минут, обсудив все самые важные моменты касательно окончательной цены и переоформления договора в собственность на Евгению Эдуардовну Зябликову, а также в очередной раз послушав нытье Игоря по поводу «самой неудачной и

невыгодной сделки века», а также ворчание отца на тему того, какая у него, все-таки, «неумная и беспечная дочь, не заботящаяся ни о своей безопасности, ни о безопасности других, когда эта банка-склянка выползет на дорогу под ее предводительством», Женя и милая блондинка по имени Юлия условились на том, что они прямо сейчас поедут в ГАИ для постановки автомобиля на учет и составления договора купли-продажи, так что Юлия преспокойненько нырнула в свой, правда теперь уже лишь на оставшиеся двадцать минут, автомобиль, а счастливая, как Дед Мороз после окончания новогодних праздников, Женька и мрачные, как будто их заставили поест сушеных тараканов, Игорь и Эдуард Петрович поплелись к «Фольксвагену» на парковку перед рынком.

Однако, еще не успев подойти к автомобилю, Женя почувствовала неладное, когда увидела, что выезд с парковочного места их машине перекрыл мощный зад новенького, гладкого и блестящего, темно-синего, словно ночное небо, «Ниссана Экстрейла».

— Ну и что за безмозглый идиот поставил сюда свою телегу? — недовольно и раздраженно проговорил папа Жени, подходя к «Фольксвагену» и оценивая на глазок возможность выползти в небольшой просвет, оставленный между задним бампером «Экстрейла» и соседствующей рядом машиной. Сообразив, что придется ждать водителя, он еще больше посмурнел и нахмурился.

— Вот черт! — ругнулась Женька, нервно посмотрев на часы. — Скоро лекция начнется, а мы еще даже не в ГАИ... И неизвестно теперь, когда попадем туда. Благодаря этому оборзевшему придурку.

Игорь тоже помрачнел, оглядывая парковку, а Эдуард Петрович «пикнул» сигнализацией и грозно приказал:

— Так. Сидите пока в машине, а я попробую отыскать хозяина этого тарантаса.

И, уверенной походкой, возвышаясь над машинами благодаря своему внушительному росту и выделяясь на фоне грязновато-серой, белой и черной автомобильной массы широкими плечами, он двинулся к будке охранника на въезде.

Игорь и Женя уселись в машину, угрюмо наблюдая через стекло за обстановкой вокруг и одинаково нервно постукивая ногами.

— Мне кажется, если ничего не сделать, то так и будем тут сидеть до скончания веков. — задумчиво проговорил Игорь, глядя на автомобиль, создающий помеху к счастливой жизни.

Женя усмехнулась и облокотилась вперед, положив руки на панель машины.

— И что ты предлагаешь? Выскочить наружу и начать носиться по парковке с криками: «О, Боже, помогите»??

— Зря смеешься. — пригрозил девушке пальцем Игорь. — Носиться не обязательно, а вот попробовать врубить сигналку... Думаю, это нам по силам.

Женька вытаращила глаза и схватила Игоря за рукав в тот момент, когда он уже открыл дверцу авто, собираясь двинуться на «Ниссан» угрожающей, тощей тенью.

— Эй, может, не надо? У него номера какие-то крутые, вон: Е313ЕЕ... Видел?

Но Игорь, воспарив на крыле своей рыцарской идеи спасения Жениного дня, гордо и бесстрашно посмотрел на подругу, покровительственно отцепив ее руку от своего рукава:

— Не дрейфь, Зябликова, я же не бить ее собираюсь, просто постучу, попинаю колеса... Сиди здесь, сейчас все будет!

И, не слушая новые аргументы Жени насчет происхождения хозяина сей весьма недешевой тачки, Игорь вылез из «Фольксвагена» и, уверенно приблизившись к

«Экстрейлу», со всей силы принялся пинать его по колесам, методично «обпинавая» каждое из четырех, шагая вокруг машины.

Сердце Женьки сжалось в дурном предчувствии: в нашей стране еще с детства заботливые мамы внушают своим деткам избегать представителей крутых тачек и «зеркальных» номеров, да кроме того, Женю как-то однажды судьба уже сталкивала с представителями подобной прослойки общества, и она успела понять, что с ними нужно общаться без капли страха, уверенно и также нагло, чтобы вызвать их уважение (а может, и гнев... но в любом случае, страх и учтивость здесь противопоказаны), но вот милый, наивный Игорек... Для оказания достойного отпора таким личностям он был слишком мягок и интеллигентен... Так, стоп, кто это там идет?..

К Игорю вдруг уверенной, быстрой походкой подлетел мужчина и с ходу схватил его за шиворот, как нашкодившего котенка, оттолкнув от своей машины (а то, что это и был сам хозяин, «оборзевший придурок», сомневаться уже не приходилось) и близко заглянув ему в лицо, излучая одновременно и бешеную злость, и самоуверенность, и еще не совсем отключившуюся выдержку, а также ярко выраженное мужское превосходство. Женя сразу ощутила огромную разницу между ними: мужчина был молод, но смотрел на Игоря столь убийственно и презрительно, с такой внутренней уверенностью в своей победе, что Игорь ощущался как будто маленьким (при том, что их рост практически совпадал), слабым ребенком, а в руках этого «крутого» была безграничная воля, сила и неколебимая власть над ситуацией.

За полсекунды девушка успела податься вперед и разглядеть самоуверенного незнакомца: темный костюм, идеально сидевший на его подтянутой, широкоплечей фигуре, дорогой, — это Женька определила, даже особо не приглядываясь, — белая рубашка, темный галстук в полоску, на руке, крепко и с силой сжимающей воротник куртки Игоря (заметно струхнувшего и опешившего от неожиданного нападения), сидели золотые часы, рукава рубашки украшены такими же золотыми запонками, модные, совершенно шикарные, начищенные черные туфли... В общем, незнакомец, по поведению напомнивший Жене представителей местного криминалитета, был одет очень недешево и с ярко-выраженным вкусом.

Лицо мужчины Женя почти не видела: только крепкий затылок, темные или темно-русые, почти черные, волосы, аккуратная модельная, чуть удлинненная стрижка... И все, больше ничего. Быстро опустив стекло водительской дверцы, девушка услышала разгневанный, жесткий, наполненный холодной угрозой и безграничной яростью голос:

— Пнешь еще раз — и я сломаю тебе обе ноги. А теперь — говори, только внятно, я терпеть не могу засранцев, жующих сопли: чего надо от моей тачки? Ну? — он грубовато потрянул Игоря за шиворот, и тот на миг зажмурился, видимо, испугавшись, что в его красивый голубой глазик прилетит мощный кулак, но, быстро сообразив, что этот самодовольный говнюк в дорогом прикиде пока не собирается его бить, набрал в легкие воздух и вежливо, но нервно, взволнованно проговорил:

— Вы перекрыли нам выезд, а мы, между прочим, спешим! Не могли бы вы убрать с дороги свою машину? — и, сделав паузу, Игорь тихо добавил:

— Пожалуйста.

Женя увидела, как незнакомец отпустил Игоря, оттолкнув его от себя, и встал к ней боком, так, что она успела заметить довольно приятное мужское лицо, легкую щетину на щеках и подбородке, темные брови, которые сейчас были насмешливо приподняты кверху,

правильный нос с небольшой горбинкой и длинные ресницы, обрамлявшие холодные и презрительные серые глаза. На вид девушка могла дать ему не больше тридцати пяти — на это указывало и то, как независимо и уверенно он держался и легко, очень даже реалистично, угрожал тому, кто позволил себе случайно перейти ему дорогу. Такие черты, по обыкновению, формируются у уже зрелой, самодостаточной личности, прочно вставшей на ноги на этой земле.

Серые глаза с ухмылкой и презрением оглядели простую, самую обычную, не дешевую, но и не дорогую полуспортивную куртку Игоря, темно-красную футболку с а-ля «Оптимусом Праймом» из «Звездных войн», потертые джинсы и синие, стоптанные кеды, и вдруг снисходительно усмехнулся, всем своим видом демонстрируя то, какое одолжение он сейчас делает этому наивному пареньку, об которого даже «руки марасть не хочется».

Сунув руки в карманы брюк и приняв развязную позу, он вдруг посмотрел куда-то направо, где, к удивлению Женьки, которая не заметила его сразу, поскольку была увлечена разборкой с участием ее друга-супергероя на переднем плане, стояло еще одно действующее лицо: мужчина в дорогой кожаной куртке, накинутой поверх синей рубашки, в черных брюках со стрелками, с толстой золотой цепью на шее, по всем оценкам болтающийся в районе сорока лет. Женя обратила внимание, что его темные волосы на голове уже начали редеть, а ухмылка демонстрировала парочку золотых коронок во рту.

— Мы закончили, Ярик? — спросил его сероглазый наглый тип в костюме, и мужик в кожанке, именованный Яриком, задумчиво прищурился и проговорил с небольшим, но все же заметным акцентом:

— Остались детали, брат.

Сероглазый кивнул и жестко посмотрел на Игоря:

— Три минуты, парень. У меня важный разговор. — и, отвернувшись, он отошел к Ярику, о чем-то серьезно заговорив с ним.

И Женя, и Игорь, откровенно говоря, прифигели от такой наглости, но если наученная горьким опытом и все-таки имеющая толику здравого смысла в голове девушка распекла бы про себя самоуверенного кретина разными красочными словечками, но все-таки подождала бы эти злосчастные три минуты, то Игорь, с уязвленным мужским достоинством через плечо, вдруг нашел в себе силы ввязаться с «понторылым» типом в неравный бой.

Подойдя к нему, он вызывающе проговорил слегка подрагивающим голосом:

— Эй! Послушайте! Я же сказал: мы спешим! Нам некогда ждать, поэтому прошу убрать автомобиль, пока я полицию не вызвал!

Женька досадливо закатила глаза и хлопнула себя по лбу рукой, думая о том, что глупее угрозы для этого богатенького придурка и быть не могло, как ее мысль подтвердил и сам «придурок».

Ей показалось, что она физически почувствовала, как вспыхнул горячий, почти обжигающий гнев в этой правильной, модной фигуре, хоть и стоял он к ней спиной, но когда мужчина медленно повернулся, уставившись на Игоря так, будто собирается убить его одним только вызывающим, ядовитым, сжигающим все живое взглядом ледяных серых глаз, Женька поняла, что была права и что ее милому и такому воспитанному, культурному дурочку Игорю сейчас придет каюк.

— «Пока я полицию не вызвал»... — насмешливо проговорил мужчина, испепеляя горящим, как огонь, злым взглядом как-то даже отступившего на шаг Игорька. — Слушай меня внимательно, дебил: можешь вызвать полицию, ОМОН, СОБР, службу спасения, ду

твоей прапрабабушки и мэра города заодно, мне наплевать, потому что... — он вдруг снова схватил Игоря за шиворот и заглянул в его не на шутку испугавшиеся голубые глаза своими решительными, потихоньку спускающими тормоза и здравый смысл куда-нибудь проветриться, серыми глазами, и уже более тихо и совсем грозно и жестко закончил:

— ...потому что, пока они будут ехать, я успею закончить свой разговор, протереть твоим лицом номерные знаки своего автомобиля и спокойно отправиться по своим делам. А если ты сейчас же не отвянешь, долбодаун, я отложу разговор и сразу займусь твоим лицом, усек, парниша?

Он вдруг легко, но с такой грозной, разрушительной силой и дьявольской ухмылкой потрянул Игоря, что Женька вскрикнула, испугавшись за друга, а сам Игорь еще больше сжался, даже, кажется, ростом ниже стал от таких разговорчиков, но, судя по всему, понимая, что на него смотрит девушка, желая не выглядеть слишком уж жалким в ее глазах, Игорек все же решил еще посопротивляться, тихо проговорив слабым голосом:

— А чего это вы мне «тыкаете»? Мы с вами не знакомы, элементарную вежливость никто не отменял! Отпустите меня, и, в третий раз повторяю, нам нужно ехать, уберите...

— Ну ты попал, приятель! — довольно протянул Ярик, и в эту секунду сероглазый схватил Сторожева за грудки, намереваясь, видимо, перейти от слов к делу, но теперь не выдержала Женька:

— Да что же это, черт побери, такое?!? — воскликнула она и, нисколько не страшась этого кретина в костюме с замашками быдла не первой свежести, выскочила из машины, кипя от гнева.

Подлетев к парочке, девушка резко оттолкнула мужчину от Игоря, сорвав его руки с куртки своего друга и, сияющими гневом фиалковыми глазами вызывающе уставилась в ледяные, горящие бешеным желанием кое-кого убить, серые глаза, задним мозгом все же отразив, что эти глаза имеют какую-то странную, едва уловимую привлекательность, но также отметив, с каким удивлением и насмешкой они уставились на нее:

— А ну ты, поросычья рожа, отвали от моего друга! И пальцем трогать не смей, слышишь? — прошипела она, ощущая, как ее щеки запылали от ярости, приближаясь по цвету к темно-рыжим кудряшкам. — И тачку свою треклятую убери, тебя же нормально попросили, авторитет среди шестерок на побегушках у криминальных боссов! Сейчас же, слышишь, парниша? — передразнила она его же слово, и мужчина вдруг ухмыльнулся, сложив руки на груди и слегка наклонив голову на бок, медленно, внимательно принявшись разглядывать лицо девушки, скользя серыми глазами по ее щекам, губам, спустившись ниже, к шее и блузке, слегка задержавшись в районе груди, но все же двинувшись дальше — к юбке и, пройдясь по длинным ногам, снова вернувшись к глазам.

Женя ждала, ощущая только гнев, гнев и раздражение, что этот нахальный мерзавец еще умудрился так в наглую «заценить» ее внешний вид и фигуру, как будто от этого зависела ее дальнейшая судьба. Но, судя по всему, не найдя ничего для себя интересного в Жениных «прелестях», самоуверенные и насмешливые серые глаза все с тем же непоколебимым мужским превосходством и даже каплей любопытства разглядывали ее фиалковые радужки.

— Угу. Значит, герой обделался и нажал тревожную кнопку, вызвав подмогу в виде подружки слюнявой девчонки? Смешно. Так что ты там визжала, антилопа пятнистая? Кажется, я какую-то угрозу слышал. Может, погромче озвучишь? — ухмыляясь, ядовито, с огромной долей издевки и абсолютным бесстрашием спросил он.

Женька вспыхнула, чувствуя, как обида от его оскорблений полоснула ее сердце, но

постаралась собраться и прищурилась, тоже сложив руки на груди. Не бояться. Не сдаваться. Смотреть в глаза. Тогда он почувствует ее силу. Почувствует, что они на-равных... Похоже на животный мир, но Женя понимала, что с людьми подобного контингента, считающего, что весь мир должен стелиться перед ними лоскутным одеялом, по-другому не выйдет победить.

— Да, угроза была, глухарь. Я сказала, что если ты не уберешь свою колымагу к чертям собачьим, то я сначала раздавлю тебя интеллектом, брутальная мясорубка с лицом, похожим на человеческое, а затем займусь и тачкой твоей, так что весь оставшийся день тебе придется украшать своей деловитой рожой какой-нибудь задрипанный автосервис. Так достаточно громко?

Мужчина еще с ухмылкой попялился на нее, а затем переглянулся со своим знакомым, после чего они хором расхохотались.

— А она мне нравится, Серый. — с хохотом проговорил Ярик и, плотоядно оглядев Женю с ног до головы, омерзительно подмигнул:

— Не оставишь телефончик, кошечка?

— Звони 03, ветеринар, тебе обязательно ответят. — холодно огрызнулась Женя, не сводя глаз с сероглазого подонка.

Тот вдруг шагнул к ней ближе и, с большой долей ярости и откровенной ненависти, болтающей его взрывоопасную психику на границе с безумием, тихо, совершенно серьезно и властно проговорил:

— Твое счастье, коза, что ты и твоя подружка, — он насмешливо взглянул на Игоря, с самым несчастным и беспомощным видом зависшего около Жени, — девочки. А я девочек не бью. Но дам тебе совет, при чем бесплатный: прежде, чем кукарекать свои детские угрозы, сначала подумай, что я могу с тобой сделать, если ты или твой дружок еще раз попадетесь у меня на пути. Так, короче, — раздраженно подытожил он и гневно схватил Женьку за локоть, больно сжав, — увижу вас снова — и тогда уже твоей тачке понадобится искусственное дыхание, понятно? А ты, — он посмотрел на бледного Игорька, которого только чудо удерживало в вертикальном положении, — ты будешь обмотан вокруг ее несчастного авто вместо красного бантика.

Женя попыталась вырвать локоть, но мужчина лишь сильнее сжал его, посмотрев на Женю таким взглядом, будто она сейчас должна секундочку спокойно постоять, чтобы обмозговать его слова, после чего ухмыльнулся и сам (о, ну конечно! Вырваться не было смысла, как же она сразу не догадалась! Этот тип любит, чтобы все было так, как он хочет: еще один повод продемонстрировать свое превосходство) выпустил ее руку. Сердце Жени билось с оглушительной силой: а ну, как он ее потом найдет и отомстит за все грубые слова, сказанные в его адрес? Она действительно его совсем не знает, а он ведет себя так, будто очень влиятелен и опасен... Но ни единый мускул не дрогнул в ее лице, а слух не воспринимал тихие попытки Игоря успокоить ее и увести в машину.

— Очень страшно, урод. — заявила Женя со всем своим презрением и брезгливостью под громкое шиканье Сторожева, но «Серый» проигнорировал (к огромному счастью!) этот выпад, а лишь посмотрел на золотые «Ролексь» на своем запястье и нахмурился:

— Вот черт. Опаздываю. — он обернулся к Ярику и протянул ему руку, проговорив:

— Давай вечером в ресторане закончим? Я должен ехать.

Ярик пожал плечами, не сводя глаз со все еще пылающей Женьки, и улыбнулся:

— Как скажешь, брат. Только ты платишь.

— Идет. — они пожали руки, и мужчина, из опасного представителя бандитского мира вдруг на миг превратившийся в обычного, делового бизнесмена, снова бросил на Женю уничтожающий взгляд, презрительно проговорив:

— И прекращай заступаться за свою подружку, если ты, конечно, хочешь, чтобы она стала тебе другом. Все, Ярик, до созвона. — бросил он мужчине в кожанке и уверенной, развязной походкой стремительно подошел к «Ниссану» и, запрыгнув в него, с визгом в тормозных колодках сорвался с места, разбрызгав осеннюю грязь на окружающие автомобили, в том числе — и на «Фольксваген» Эдуарда Петровича, куда-то, кстати говоря, как сквозь землю провалившегося.

Все еще кипя беспредельной злостью и негодованием, чувствуя, как каждая клеточка ее тела дрожала от напряжения, Женька посмотрела «Ниссану» вслед и злобно процедила сквозь зубы:

— Вот же козел. Пойдем, Игорьь.

— Не стоило тебе вмешиваться, Женька. — покачал головой расстроенный друг, вяло проследовав за девушкой к машине, опустив плечи и даже как-то трагично сгорбившись. — Я бы и сам справился...

— Ну да. Я должна была позволить ему навалить тебе. — хмыкнула Женя, с жалостью посмотрев на Игоря, мысленно собирающего остатки своего растерзанного на клочки достоинства. — Пойми, Игореша, твои «простите-извините» здесь бы не прокатили, этому самодовольному крестину ничего не стоило растереть тебя об асфальт прямо сейчас! Ты слишком добр, а в наше время это, к сожалению, воспринимается как слабость. — пожалала плечами девушка, сочувственно хлопнув Игоря по спине и уже намереваясь сесть в машину, как ее остановил вкрадчивый голос с акцентом и сильная мужская рука, вцепившаяся ей в локоть:

— Эй, кошечка, подожди, мы же еще не познакомились! — и не успела Женька и рта раскрыть, как ее довольно грубо развернули, и она оказалась лицом к лицу с тем самым Яриком, который, видимо, не поспешил удалиться после отъезда своего борзого дружка, а намеревался «продолжить общение» с окончательно разъярившейся девушкой.

Заглянув в его темно-карие глаза, с любопытством и явным мужским интересом скользящие вверх-вниз по ее фигуре, Женька дернула локоть, второй раз уже за сегодня попавший в западню мужских наглых рук, гневно проговорив:

— А ну отпусти, или я подниму громкий и пронзительный крик на всю парковку, привлекая оживленное внимание окружающих и охраны, понял, придурок?!?

Ярик ничуть не смутился, а лишь рассмеялся совершенно спокойным смехом и чуть сильнее сжал ее локоть:

— Кричи, детка. Это тебе не поможет. Видишь ли, парковка и охрана, как и весь остальной авторынок, принадлежат мне. Так что никто, кроме твоего дружка в обкаканых штанишках, не прибежит тебе на помощь. Извини. — с триумфальной улыбкой саркастично взгрустнул он, а Женька бешено зарычала, перебирая в голове самые страшные ругательства, какие только есть в русском языке.

— А ну, оставь ее, ты, говнюк, слышишь? — вступился Игорьь, попытавшись своей рукой вырвать руку Жени из цепких лап владельца авторынка, но тот лишь с силой, легко оттолкнул его свободной рукой и снова пошло уставился на Женю, которая начала отчаянно дергаться в его медвежьей хватке.

— Отпусти, скотина, или я...

— Тихо, тихо, моя киса, зачем же ты так сразу? — вкрадчиво заговорил Ярик, придвигаясь ближе к Женьке и дыша ей в ухо горячим дыханием с противным запахом мужского пота и сигарет. — Я хороший, я буду очень ласковым с тобой, пойдём ко мне в кабинет, рыженькая, а?

— Отстань от нее! — снова заголосил Игорь, и Женька уже жалела, что вообще решила приехать на этот авторынок... Плевать на машину, нервы дороже... Вот же прицепился как клещ, ублюдок мерзопакостный...

Толкотня втроем продолжилась еще несколько секунд, пока, откуда ни возьмись, на кожаное плечо Ярика не легла бейсбольная бита, сопровождаемая гневным басом отца Жени:

— А ну убери руки от моей дочери, дерьмоед, пока я тебе позвонки все не пересчитал и не превратил твою мерзкую башку в бейсбольный мяч! Слышал, ущерб???

Женька, Игорь и Ярик обернулись и увидели громовержца Эдуарда Петровича, возвышавшегося над ними с бешено вращающимися глазами и битой в руке, поигрывающего мускулами другой руки и испепеляющего мужчину страшным, до чертей разъяренным взглядом, при этом, каждый из троих испытал разные эмоции, связанные с появлением Жениного отца: Женька — глубокую радость и облегчение, зная, что ее папочка всегда сможет защитить свою дочурку, Игорь — просто бешеное облегчение от того, что трезво оценивал свои шансы на победу перед этим наглым кретином в минус сто процентов, а вот сам «наглый кретин» ощутил жгучее разочарование и злость на так не вовремя появившееся третье действующее лицо с весомым аргументом в руках.

— Ну?!? Долго ждать?? — рыкнул разъяренный папа, а Ярик тут же разжал клешню и примирительно поднял руки, посмотрев сначала на битку, а затем уж и на самого Эдуарда Петровича.

— Ладно, ладно, остынь, папаша, я не собирался твою дочурку обижать, только пообщаться с ней хотел и все дела... — миролюбивым тоном проговорил Ярик и отступил на несколько шагов назад.

— Чтобы никогда тебя рядом с ней больше не видел, усек, мерзавец?? — громыхнул Женин отец и для наглядности замахнулся битой. Ярик отскочил еще дальше и испуганно затараторил:

— Усек, усек, не горячись ты, папаша, не трону я твою девоч...

— Пошел ВОН отсюда! — напоследок рявкнул Эдуард Петрович и, опустив битку, махнул Женьке и Игорю, с интересом наблюдавшим за развитием событий, в сторону заднего сиденья:

— Садитесь, дети. Мы же торопимся, забыли? Как хорошо, что я эту штуку всегда с собой вожу... — сам себе пробурчал мужчина и, зыркнув в сторону застывшего с гневным и все еще немного испуганным лицом Ярика, сел в «Фольксваген» вслед за дочерью и ее другом и вырлил с парковки.

Глава 2. Продолжение

Дальнейшие события происходили по типу кинофильма, ускоренно прокручивающегося вперед: Женька, во главе угрюмого, перенервничавшего от всех, произошедших ранее, событий сопровождения в лице папы и Игорька, влетела в здание ГАИ, за долю секунды нашла успевшую уже заскучать в одиночестве Юлию, торопливо составила все необходимые документы и заняла длиннющую очередь из таких же, как и она, счастливиц, решивших этим пасмурным, осенним днем приобрести автомобиль.

Все более и более обреченно глядя на часы, Женя с неохотой призналась себе, что на лекцию в институт уже не успевает, поэтому она вытащила свой мобильный и шустро набрала смс своему однокласснику — Диме Сосновскому, который, вместе с другим парнем, Ильей Селезневым, скрашивал ей серые, юридические будни в стенах учебного заведения: **"Димка, на лекцию не успеваю, застряла в ГАИ, прикрой по старой схеме, ладно?:):) С меня — мамино домашнее печенье"**.

Немного расслабившись, Женя позволила себе облокотиться на сидящего рядом Игоря, с сумрачным и совершенно отстраненным видом нахлобучившего свои супер-очки и теперь машущего перед лицом пальцем, с помощью вот такого нехитрого жеста перелистывая страницы на маленьком экранчике.

Телефон в сумке тотчас же завибрировал, и девушка, глянув на экран и увидев номер Димы, тяжело вздохнула, охваченная дурным предчувствием, что на ее рыжую голову сейчас посыплется кучка не очень лицеприятных эпитетов.

— Димка, а ты чего, не на лекции, что ли? Уже половина первого почти. — хмуро, без приветствия начала Женька, а в ответ ей зазвучал возмущенный шепот:

— На лекции, Зябликова, а вот ты почему не здесь?!? Ты хоть понимаешь, что препода скоро раскусят нашу схему и смекнут, что вместо рыжей дурынды во время проверки посещения за нее отвечает дебильным писклявым голосом один черноволосый качок?!? Меня, между прочим, подкаблучником уже считают, и это не только Илья!

Женя прыснула и примирительным тоном запричитала:

— Ну, Димочка, ты же понимаешь, что у меня как-то не клеятся отношения с особями женского пола, поэтому кроме вас двоих мне не на кого больше рассчитывать! И подкаблучник — это разве плохо? Не слушай тех, кто говорит об этом с презрением, потому что сейчас им нужен брутальный, упертый, заикленный на себе и своих интересах единорог, а замуж пойдут они как раз за такого, как ты, который умеет пойти навстречу женщине...

— Женька! — еще больше возмущившись, зашептал яростным темпом Дима. — Я и так сейчас на лекции по гражданскому праву, ты-то хоть мне мозги не засоряй своими философскими, якобы "утешительными" мыслями! Чего там у тебя на этот раз? Новая работа? Семейный форсмажор? Или просто какой-то мажор? — добавил он уже с ехидным любопытством, а девушка рассмеялась:

— Не угадал, Сосновский. Всего лишь машину покупаю. И на новую работу, кстати, тоже устроилась, смена через полтора часа. Ну так ты меня выручишь? Мамино печенье — не забывай! — напомнила она про ответное подношение и с надеждой прижала трубку к уху.

Димка вздохнул и все тем же недовольным шепотом проговорил:

— Ладно, дурында Зябликова, так уж и быть. Я готов, но все мои жертвы только ради печенья, поняла? И за новую точилку ты нам в баре простишься, подруга, и это не обсуждается.

Женька победно вскинула кулак.

— Да не вопрос, Димулечка! Спасибо, спасибо, ты самый лучший!

— Тогда выходи за меня замуж. — последовал незамедлительный наглый шелест.

— Ни за что. — весело отчеканила Женька и хихикнула:

— Пока, милый, вечером позвоню! — и положила трубку.

Игорь в шутку укоризненно поцокал языком, а папа, внимательно слушавший ее разговор, нахмурено спросил:

— Это что, был твой парень, дочь? А почему ты нас с матерью с ним не знакомишь? У него что, рожа на затылке?

Женька захохотала и, перегнувшись через Игоря, похлопала отца по плечу:

— Нет, папуля, он очень даже ничего, но мы просто учимся в одной группе, вот и все.

Отец удрученно покачал головой.

— М-да. Современная молодежь катится к чертям. Если просто однокашники общаются друг с другом на уровне "сюси-пуси", то как разговаривают молодые парочки, ума не приложу?

К счастью для Жени и Игоря, разговор на тему современных нравов был прерван неожиданно подошедшей очередью в кабинет, и ребята, наконец, вздохнув от облегчения, толкнули серую, потрепанную временем и миллионами рук дверь.

*** "Плюс"

Около половины второго жутко довольная, но ужасно взволнованная от предстоящего первого рабочего дня или, уже вернее сказать, вечера, Женья подъехала на парковку около высокого, двенадцатиэтажного здания промышленного завода, за которым и начиналась огороженная забором территория, вмещающая в себя большие и маленькие цеха, производственные и складские помещения, а также столовую для рабочих и другие сооружения, представляющие собой офисы. Промышленная организация "Черный полюс" снимала у этого самого завода, тоже работающего на Министерство обороны, целых два этажа в высотном здании: шестой и седьмой. Евгения уже однажды была там, на собеседовании, поэтому прекрасно знала, куда нужно идти, тем более, что менеджер по персоналу — высокий, статный седой мужчина в очках, с выправкой бывшего военного и подобным же резким и звучным голосом по имени Колпаков Федор Игнатьевич, тщательно и под запись проинструктировал девушку насчет того, какие процедуры ей необходимо будет пройти, чтобы работать в Святая Святых ЗАО "Черном полюсе".

Поколесив туда-сюда по забитой битком парковке, Женька, от нервного возбуждения чувствуя, как немеют ее пальцы, а жар, вперемешку с холодом и дрожью накрывает ее тело, испытывая ее на прочность, уже было отчаялась воткнуть свой маленький, узенький желтый "Опель" хоть куда-нибудь, и что прекрасная, а главное — хорошо оплачиваемая работа в "Черном полюсе" куда-то пролетает мимо, удобно устроившись на той самой фанере, когда-то побывавшей в Париже, но в этот самый момент впереди, машинах в десяти от нее, вдруг

зашевелился какой-то серый, тоже небольшой автомобильчик, аккуратно выезжая задом со своего места и также аккуратно убравшегося прочь.

— Фу, Слава Богу, Господи!! — вздохнула Женька с невероятным облегчением и, глянув на часы и понимая, что она в трех минутах от катастрофы и краха возможной прекрасной карьеры самого лучшего секретаря на этом свете, нажала на газ, рванув туда.

Место было, прям скажем, даже не на целую машину, поскольку счастливая и взволнованная Женя, считавшая, что Бог благословил ее с небес, даровав ей это место и возможность еще успеть на свою новую работу, с огромным трудом втиснулась между двумя автомобилями, особо не разглядывая своих "соседей", а только задним умом отметив, что обе машины гораздо крупнее ее "канарейки", а значит, дороже, после чего тяжело и очень осторожно вылезла в узенькую щель своей двери, обтерев при этом половину не очень чистого кузова своего "Опеля", но, не обращая ни на что внимания, схватила сумку и рванула в здание.

Следуя четким инструкциям товарища генерала Колпакова, Женя дрожащей от волнения и спешки рукой протянула милой женщине, лет так восьмидесяти, с лучезарным лицом человека, улыбавшегося последний раз, наверное, еще в 1992 году, до распада Советского Союза, приказ на выдачу ей магнитного пропуска, после чего послушала добрую историю о том, что "с такими приказами надо бы к восьми утра приходиться, как все нормальные люди, а не тогда, когда у работающих в поте лица людей обед начинается", и, наконец, была направлена в маленькую, темную комнатку со шваброй в углу, без единого намека на окно, но зато с недешевым фотоаппаратом, установленным на треноге напротив старого, скрипучего стула, для фотографии на пропуск.

Через тяжелые, ощущаемые как каждая капля ледяной воды, упавшей из душа на голую кожу спины, пятнадцать минут, Женька, наконец, стала счастливой обладательницей белой магнитной карточки с порядком ошалевшим, как будто ей только что сделали электрофорез, и лохматой, как Лев Бонифаций, ею же самой на фотографии не очень хорошего качества.

Пройдя, наконец, через контрольно-пропускной пункт, Женя бросилась к двум производственным, а потому — огромным лифтам с левой стороны от входа. Втиснувшись в железную, громыхающую кабину вместе с двумя мужчинами в синих рабочих комбинезонах, припертая со всех сторон каким-то огромным железным ящиком на тележке, который они любезно вкатили за собой, Женя еле дотянулась до кнопок и нажала на цифру семь, чувствуя, что еще чуть-чуть — и ее нервы полопаются и будут выглядеть как рваные струны на гитаре после не очень бережного к ней отношения.

На ее счастье, железный контейнер и рабочие держали путь на четвертый этаж, поэтому за пару секунд до выхода в пункте назначения взмыленная девушка успела встряхнуть блузу и одернуть юбку. С распушившимися во все стороны волосами она уже все равно ничего не могла поделать.

Двери открылись, обнажив просторную лестничную клетку с большим окном и широким подоконником, на котором стояли несколько заполненных окурками пепельниц, а также дверь с магнитным механизмом слева: войти в нее мог лишь тот, у кого был доступ на магнитном пропуске с ужасающей фотографией.

Однако, воспользоваться своим новым приобретением Евгения не успела: на лестнице, важно выгнув спину колесом и подняв седую голову к потолку, задрав нос к самой его белой штукатурке, в идеально выглаженном сером костюме и черной рубашке с галстуком в крапинку, четко и гордо чеканя шаг, отдыхая на каждой ступеньке, поднимался сам генерал

Колпаков Федор Игнатьевич, в свои явно не молодые годы не желающий терять форму и демонстрировать современной молодежи, что шестидесятилетний организм бывшего генерала мотострелковых войск может давать сбой.

Увидев Женьку, застывшую у лифта с вытаращенными от адреналина и нервного возбуждения глазами, он на мгновение остановился и посмотрел на наручные часы, причмокнув губами:

— Ага, здравия желаю, Евгения Эдуардовна! Без пяти минут четырнадцать ноль-ноль... Непунктуально, Евгения Эдуардовна, непунктуально... Завод у нас большой, поэтому на перемещения по территории, имейте ввиду, нужно время, значит, отставить опоздания, приходим в следующий раз заранее, понятно, товарищ секретарь генерального директора?

Женька потупилась, скромно сжав руками сумочку. Она и сама терпеть не могла опоздания, но ее сущность была против того, чтобы девушка везде успевала: Женя умудрялась приходить минута в минуту почти всегда, поэтому зачастую ей приходилось бежать следом за отходящим от остановки и гораздо более пунктуальным, чем она, автобусом или трамваем, рассчитывая только на доброе, незлорадное и понимающее сердце водителя, завидевшего в заднее стекло несущуюся рыжеволосую и всклокоченную дылду на каблуках с огромными и отчаянными фиолетовыми глазищами. Она боролась с собой, как могла, пытаясь вставать раньше, собираться быстрее... Но, увы. Почему-то каждый раз происходило одно и то же, иногда по ее воле, иногда — по не зависящим от нее обстоятельствам.

— Извините, Федор Игнатьевич. Такого больше не повторится. — послушно проговорила она, виновато посмотрев в его строгие голубые глаза, внимательно и пронзительно изучающие ее.

Федор Игнатьевич подошел ближе и вдруг, по-доброму, усмехнулся:

— Ну-ну, это мы еще посмотрим. А сейчас вперед, новичок, тебя ждет Светлана.

Женя мило и наивно улыбнулась Федору Игнатьевичу и пошла вперед, к двери, придерживаемая его большой и теплой рукой за плечо.

Открыв дверь с помощью магнитного пропуска, Федор Игнатьевич явил взору Жени длинный коридор, с правой стороны вдоль которого находилось несколько дверей, а где-то там, впереди, слышался цеховой шум и через стеклянные двери виднелись снующие туда-сюда рабочие в белых халатах.

— Я провожу тебя до секретарской, а там Светлана Ивановна уже все расскажет и покажет тебе, что к чему. Все ясно, товарищ Евгения Эдуардовна? — строго, но с легкой улыбкой проговорил Федор Игнатьевич, увлекая Женю вперед, по коридору и все еще придерживая за плечо.

Жене нравился этот мужчина, бывший военный, нравилась его жесткая манера разговаривать, его армейская выправка и правильное, немного чудаковатое для гражданского общества, но вежливое обращение, поэтому она ярко улыбнулась ему и весело ответила, чувствуя, как волнение отступает, а на смену ему приходит бодрость и готовность "идти в бой":

— Так точно, товарищ Федор Игнатьевич!

— Вот и молодец! — довольно улыбнулся мужчина, явно удовлетворенный тем, что они говорят "на одном языке", и даже слегка потряс Женьку за тонкое плечо, как бы подбадривая девушку.

Первые стеклянные двери слева были распахнуты настежь, и Женя испытала двойное

волнение — это была секретарская, место ее работы.

Аккуратно войдя внутрь, ступив на застланный мелковорсовым серым ковролином пол, Женька огляделась: с левой стороны возвышалась стойка секретаря, на стене рядом с ней висело небольшое зеркало и календарь с дурашливыми котятами, а позади стойки простиралось окно во всю стену, заставленное горшками с таким немислимым количеством растений, что Женьке сразу стало дурно: она отвыкла от растений, дома у них проживали только три хилых кактуса, которые, казалось, не зацветут вообще никогда.

Чуть правее стойки была установлена современная кофемашина, около которой сейчас ошивались двое парней в белых халатах, что-то бодро обсуждая и с интересом заглядывая за стойку, где, судя по милому женскому голоску, все же, кто-то был.

За кофемашиной начиналось очередное окно с цветами, которое упиралось в пластиковую, матовую перегородку с дверью, на которой красовалась табличка "Генеральный директор". Из-за двери слышались какие-то приглушенные голоса: по всей видимости, шло совещание. Рядом с кабинетом директора была еще какая-то дверь, но рассмотреть ее Жене уже не удалось: Федор Игнатьевич, повелительно руководя ее движением с помощью своей руки, повел ее прямо к секретарской стойке.

— Светлана Ивановна. — кашлянул он, и Женька, подойдя ближе, увидела молодую девушку, брюнетку с длинными, прямыми волосами, спадающими на ее спину и грудь, в обтягивающем ее довольно складное тело черном строгом платье с самой, что ни на есть, скромной длиной — ниже колена, и не совсем скромным вырезом декольте, демонстрирующим много чего очень даже интересного, особенно с позиции стоящих за стойкой людей. У девушки было круглое, очень улыбчивое лицо с милыми ямочками на щеках, большие глаза темно-болотного цвета, нос с горбинкой и темные, как будто в удивлении приподнятые брови, но Женя, страдавшая от своих жгучих кудряшек, веснушек и бледного лица, посчитала ее просто расчудесной красавицей... Брюнеткой... Нормальной!..

— Да, Федор Игнатьич? Чем-то помочь? — протараторила быстро и оживленно Света, с широченной улыбкой, обнажившей ряд белоснежных, ровных зубов, глядя на мужчину, стоявшего перед ней словно раскидистый древний дуб.

— Я привел нового товарища, нового секретаря, помнишь, мы вчера говорили?..

— А-а-а!!! — радостно воскликнула Светлана, вскочив с места и захлопав в ладони. — Правда, Федор Игнатьич, правда?!? Наконец-то, а то с учебой полный напруг!

Федор Игнатьевич довольно улыбнулся и легонько хлопнул Женю, начинающую уже уставать от его руки, по плечу:

— Вот, познакомьтесь: это Евгения Эдуардовна Зябликова, новый секретарь. — Женя мило и дружелюбно улыбнулась Светлане, во все глаза с искренним любопытством тарачившейся на нее с неизменной счастливой улыбкой на лице, внутри себя тревожно сжавшись: а ну, как ее "антиженская карма" отпугнет такую приятную во всех отношениях девчонку? А может, ей в жизни просто не встречались по-настоящему хорошие девчонки?.. — Евгения Эдуардовна, — продолжил учтливое знакомство товарищ кадровик, — а это наш действующий секретарь, несравненная Светлана Ивановна!

Света весело прыснула, застенчиво махнув рукой:

— Ой, скажете тоже, Федор Игнатьич! Привет! — счастливо поздоровалась Света горящими глазами оглядывая Женю.

— Привет! Рада познакомиться. — вежливо проговорила Женя, сильно смутившись от такого теплого приема.

— Ну, дамы, я вас оставляю. — важно пробухтел генерал Колпаков. — Светлана Ивановна, приказ о приеме оставляю, ознакомьте вашу новую коллегу под роспись и верните, пожалуйста, мне. Удачи, товарищ новый секретарь! — с улыбкой сказал он Жене и медленно и важно удалился.

Женя и Света остались вдвоем, если не считать двух притихших около кофемашины парней в белых халатах, тоже с интересом, хотя и несколько другим, чем у Светы, разглядывавшими Женину фигурку и длинные стройные ноги оживленными глазами.

— Ну, заходи сюда. — радостно выдохнув, Света обошла стойку и протиснулась в узкий проход у окна. У меня как раз еще один стул есть...

Женя протиснулась следом в проход и увидела хороший, современный компьютер, многоканальный телефон, принтер и факс с краю и обширную поверхность рабочего стола, покрытую бумагами и производственными журналами, фантиками от конфет и целым набором разноцветных лотков в углу с правой стороны, тоже битком забитых документами. Женя улыбнулась: творческий беспорядок во время работы был ей знаком, хотя в конце рабочего дня девушка предпочитала тщательно прибирать поверхность стола.

Пока Женька, с любопытством оглядывая свое новое рабочее место, усаживалась на стул и стаскивала с себя грязные сапоги, чтобы поменять их на аккуратные замшевые туфли на высоком каблуке, а Светка суетливо пыталась подгрести бумаги на столе хотя бы в две более-менее приличные кучки, к стойке подошли те самые парнишки в халатах и одинаково с интересом уставились на Женьку. Облокотившись о стойку и стараясь выглядеть необычайно круто, то есть так, будто его тело было нанизано на шарниры и подчинялось бессознательной для самого русоволосого и голубоглазого мальчишки реакции, этот самый парень, не сводя с Жени глаз, залихватски проговорил:

— Эй, Светка, а чего ты нас с новой секретаршей не знакомишь? Мы тоже, между прочим, не последние в этой фирме люди!

— Да, Светик, непорядок! — подхватил второй, тоже развязно бросив верхние конечности на поверхность стойки и с увлечением глядя на то, как Женя обувает туфли.

Света не успела и слова сказать, как Женя, теперь уже чувствуя себя в своей тарелке, игриво посмотрела на светловолосого, почти лысого парнишку и второго, черноволосого и черноглазого, явно несущего в своем развязном теле армянские гены, о чем красноречиво кричал его орлиный нос, и совершенно спокойно и немного весело проговорила:

— А сами что, не можете познакомиться? Зачем посредник? Страшно? — хитро проговорила она, подмигнув обоим и улыбнувшись красивой, тоже, на редкость, белозубой улыбкой.

Света захохотала, а парни удивленно переглянулись и тоже рассмеялись.

— Ничего себе, Севыч, она нас уже на понт берет! — проговорил светловолосый своему другу и с огоньком посмотрел на Женьку, доставшую малиновую помаду и подкрашивающую губы, глядя в маленькое зеркальце в форме цветка. — Так ты — Женя? А я — Олег. А это Севыч. В смысле, Сева. Мы в цеху работаем, сборщики. Участок датчиков давления.

— Очень приятно. — спокойно, снова ничуть не волнуясь, вежливо проговорила Женя и выжидающе посмотрела на Светку, копошашуюся в тумбочке. — Начнем?

— Да, конечно, Жень, только приказ о твоём приеме найду, а то меня Игнатъич тут под стойкой и расстреляет за него... — весело буркнула Светка из-под стола, а мальчишки-датчики не унимались.

— Хочешь, приходи сегодня к нам! Мы тебе экскурсию по цеху устроим, со всеми познакомим. — весело проговорил Севыч, прихлебывая кофе из пластикового стаканчика.

Женька вздохнула. Пора сооружать кирпичную стену: дружить, а тем более, заводить какие-то отношения сейчас, после всех ее неудачных, измучивших сердце, горе-романов она не хотела.

— Спасибо, конечно, но не думаю, что вам за обязанности экскурсовода тут доплачивают. — усмехнулась она, а Светка, раскрасневшись от долгого сидения вниз головой, наконец, вылезла из-под стола с каким-то листком в руке и улыбнулась, проговорив:

— Олег, Сева, а вам не пора на участок, случайно? У Сергея Викторовича скоро закончится совещание, и вы думаете, он обрадуется, когда увидит, что сборщики околачиваются у кофемашины вместо того, чтобы выполнять план по датчикам?

Женя весело помахала им рукой в прощальном жесте, а парни со вздохом переглянулись:

— Эх! Опять она нас гонит! Светка, ну что ты за человек? С красивой девушкой пообщаться не даешь... — удрученно покачал головой Олег, и Сева, выражая солидарность, кивнул:

— Да, Светик, может, ты одному из нас будущее ломаешь, а ты...

— Все, все, парни, идите, у нас дел — вагон! — живо вскочила Светка на ноги и замахала руками, продолжая улыбаться. — Жизнь я им ломаю, понимаешь ли... А о Женьке вы подумали? Я через час убегу на учебу, а она одна останется, и кранты ей, если я все дела не передам!

— Еще увидимся! — мило попрощалась Женя, снова лучезарно улыбнувшись, и угрюмые парни нехотя поплелись вон из секретарской, на ходу бурча:

— Ладно-ладно, Светка, придешь ты еще к нам, когда набойки от туфель поотлетают, фиг мы тебе приделаем!

— Да, все, подруга, благосклонности не жди!

Светка весело фыркнула им вслед:

— Ой, напугали. Давай, Жень, подпиши вот здесь... И начнем.

После того, как Женя подписала свой приказ о приеме на работу, Света пустилась в пространное описание всех ее функций, рассказав о корпоративной электронной почте, на которую приходят письма для директора ("Пересылай сразу, Женька, а то он потом тебя в порошок сотрет!") и для других отделов ("Можешь сначала чай допить, а потом пересылать: не к спеху!"), о многоканальном телефоне, под которым лежала огромная бумаженция со списком добавочных номеров всех сотрудников, которым могут позвонить, о входящей и исходящей документации, об электронном и бумажном журнале для ее регистрации, о том, как пользоваться факсом и принтером, как подготовить необходимые документы на подпись директору и как создать нужные приказы и распоряжения руководства по специальным шаблонам на компьютере.

Женька внимательно слушала и записывала все подробности, имена, важные моменты, нахмурено пытаясь уложить в своей голове ворох информации, так что по прошествии часа они со Светой обе глубоко и облегченно вздохнули, откинувшись на спинки удобных, мягких стульев на колесиках.

— Я так чувствую, — устало начала Женька, — что когда ты уйдешь, мне хана. Полная, безапелляционная, безоговорочная и бесповоротная.

Светка захихикала.

— Нет, тебе кажется. На самом деле ничего сложного, ты же все записала и у тебя есть номер моего мобильного, пиши смс-ки, я очень оперативно постараюсь тебе помочь.

Женька благодарно улыбнулась ей.

— Ты хорошая. И это очень, очень плохо!

Света рассмеялась, удивленная таким странноватым выводом, и проговорила:

— Почему "плохо"? Я всегда думала, что "хорошо" — это означает "хорошо".

Женя пожалала плечами.

— В моей жизни с подругами всегда происходил один и тот же фокус — они бесследно исчезали, при чем навсегда... А ты мне нравишься. Жалко будет, если судьба — мой личный фокусник — выкинет и с тобой такой номер.

Светка рассмеялась, наклонившись к Жене:

— Женя! В любом правиле есть исключение, и поверь, я никуда не денусь, только если ты не собираешься обчистить мой кошелек, пока я буду отвечать на телефонный звонок... В чем я сильно сомневаюсь! Кроме того, ты мне тоже нравишься, и остановимся на этом. Слушай, — она хлопнула в ладони, возвращая их обеих к рабочему состоянию, — нам осталось показать тебе, как работает кофемашина и провести экскурсию по фирме, чтобы ты понимала, кто тут где и чего. Поехали? — она шустро вскочила на ноги, обутые в туфли на невероятно высоких каблуках, на которых Женя побоялась бы и шагнуть, а не то, что резво прыгать, и потянула Женю за руку.

Изучив внимательно все функции и возможности кофемашины, а также записав тщательную инструкцию по приготовлению кофе для самого(!!!) Сергея Викторовича, Женя и Света направились по коридору, попутно заходя во все кабинеты и знакомясь с персоналом, который, вопреки страхам и волнениям девушки, принимал ее очень даже дружелюбно, хотя самых важных лиц, которые и были Жене нужны, а именно: многих руководителей отделов, — не было на местах по причине совещания у генерального директора.

Женя с восторгом оглядывала большие кабинеты, светлые, просторные, где с помощью невысоких, пластиковых перегородок были отделены друг от друга разные отделы. Женя и Света прошли отдел продаж, бухгалтерию, отделы разработок и закупок, побывали на внушительных размеров складе, где хранились все необходимые запчасти для производства продукции, заходили в отдел технического контроля, где пятеро важных женщин в белых халатах, окруженные десятками коробок с готовыми изделиями, проверяли качество готовой продукции, заглянули в отдел технической документации, где так сильно пахло разогретыми от постоянной работы принтера, печатающего документы к изделиям, чернилами, и, наконец, добрались и до самого сердца "Черного полюса" — производственного цеха.

Женя не могла поверить, что она сейчас вот так просто наблюдает за хорошо отлаженным процессом изготовления каких-то там датчиков (она еще не запомнила их названия) и многого чего другого умелыми руками парней и мужчин постарше в белых халатах, шустро суетящихся вокруг каких-то гудящих машин с электронными экранами, она видела несколько различных участков, знаменующих разные этапы производства и разные виды продукции, и у нее перехватывало дух от всего этого методичного технического гула, жужжания, пиканья, разбавленного, однако, звуками переговаривающихся и весело смеющихся голосов, а также громкой музыкой, раздающейся из динамиков музыкального центра в конце зала. Производство казалось ей целой огромной страной, со своими

обычаями, правилами, своей культурой и такой простой, но в то же время сложной, многокомпонентной душой, создающей особую привлекательность, создающей целый мир, без которого не может существовать промышленная организация.

Познакомившись со всеми, но с трудом запомнив лишь несколько имен, Женя с гудящей от информации и впечатляющих эмоций головой, сопровождаемая драгоценным кадром Светой, сияющей, как радуга после дождя, вернулась, наконец-таки, в секретарскую.

Не успели они усесться за стол и, как следует, перевести дух с хорошей кружечкой ароматного кофе за компанию, как дверь в кабинет директора отворилась, и из нее вывалились гудящие, как пчелиный рой, засидевшийся в улье и, наконец-то, вырвавшийся на волю из заточения, начальники отделов и другие работники.

— О, как раз вовремя! — весело воскликнула Светка и игриво подмигнула болотным глазом Жене. — Сейчас я тебя со всеми остальными познакомлю, здесь наиболее важный контингент собрался...

В эту минуту толпа, состоящая из незамолкающих мужчин и женщин разных возрастов, хлынула к секретарской стойке и более привлекательной цели — кофемашине. В гуще болтающих Женька уловила лишь отдельные обрывки фраз:

— ...задержали поставки проводов к датчикам давления, поэтому возникли проблемы с выполнением плана, но Минаеву же результат подавай...

— ...напечатали документацию, а тут бац!.. изменения, что же теперь, все полторы тысячи "тэнзиков" переделывать?..

— ...и продажи падают, Минаев сказал, исходящий обзвон подключить надо...

— ...требуется разработать блок питания для Министерства обороны, армия заказывает, и главное — за три дня! Ну это нормально разве?..

Из гула и отдельно вылетающих фраз Женя поняла только одно: она ничего не смыслит в промышленной электронике, ничего не смыслит в принципах работы фирмы, но зато точно уяснила для себя одну вещь — генеральный директор, судя по жалобам, — очень строг и неоправданно требователен, особенно в условиях наличия тех проблем, о которых говорят все эти люди.

Из раздумья о фирме Женю вывел приятный мужской голос, зазвучавший совсем рядом со стойкой:

— Эй, Светланка, тебе Боря не оставлял для меня чертежи по новым "тензикам"? Это у тебя, кстати, что, новые тени? Классные!

Женька резко подняла голову и увидела молодого парня, одетого и выглядящего, мягко говоря, экстравагантно: у него были темные, волнистые, как и у Жени, волосы, изящными крупными кудряшками обрамлявшие его тонкое, правильное лицо, половина которого была спрятана под модными, в глянцевой, черной оправе, очками, за которыми сияли миндалевидные, синие, сияющие, как огни ночного города, глаза, тонкие губы были растянуты в невероятно искренней, широченной улыбке, а на нижней губе болтался пирсинг в виде кольца, придавая краску развязности и эпатажа его образу (кольцо, кстати, блестело и в его левом ухе, даже очень было похоже на золотое с виду), плечи и руки парня были запряты под малиновый пиджак, под которым виднелась черная рубашка и галстук с разноцветными кругами на белом фоне.

Женька с огромным интересом разглядывала его и ужасно жалела, что пока не может лицезреть этого парнишку в полный рост: очень уж ей было любопытно, что там на нем еще такого необычного было нацеплено... Но, помимо одежды, она чувствовала странную

теплую волну, исходящую от него, будто лучик весеннего солнца, согревающий замерзшую после ледяной зимы душу.

Светка тут же зарылась в своих красивых двух стопочках бумаг, только секунду назад лежавших ровными, деловыми грудями, создавая внешнюю видимость порядка, и весело протрещала:

— Да, Сем, сейчас, подожди минутку, найду... Ты пока познакомься с Женей, это наш новый секретарь, мы с ней по полдня работать будем.

Парень, на которого так беззастенчиво и с таким восторгом пялилась Женька, перевел сияющие глаза на девушку и на секунду замер. Его синие, миндалевидные глаза внимательно и с не меньшим любопытством изучили ее лицо, волосы, волосы и снова лицо, с удивлением и восторгом уставившись ей прямо в глаза.

Зрительный контакт все продолжался, все продолжалось ощущение, что Женя купается в солнечном бассейне, а в ее сердце с невероятной быстротой развивалась бешеная симпатия к этому Семе, которого она видела впервые в жизни и которому смотрела прямо в глаза уже целую минуту, ничего не говоря. Семен подошел ближе и облокотился на стойку прямо напротив Жени, а Света, откопав в стопке лист А-третьего формата, сложенного пополам, развернулась к нему со словами:

— Вот, Сема, держи, Боря, правда, опять не подписал... Эй, вы чего? В прошлой жизни что ли, уже встречались? — захохотала она, удивленно глядя на то, как Женя и Семен беззастенчиво таращились друг на друга со странными улыбками на лицах.

— Ух ты, привет! — наконец-то нарушил молчание Сема. — Ты такая... прикольная! Я — Семен, фамилия — Карташов, разработчик отдела разработок, всякое разрабатываю в свободное от чая с печеньками время...

Все еще глядя в его глаза, Женька искренне и очень красиво улыбнулась, ответив:

— Привет! Ты тоже прикольный... Галстук так вообще!.. А я Женя Зябликова, секретарь в секретарской, занимаюсь всякими секретарскими документами и... еще, черт знает, чем.

Семен весело рассмеялся и наклонился к Женьке близко-близко, внимательно разглядывая ее глаза:

— У тебя глаза... Просто нереальные какие-то! Я таких в жизни никогда не видел! А волосы! Такие... рыжие! А потрогать можно? — вдруг с мольбой в глазах неожиданно спросил он.

Теперь настал очередь Женьки смеяться:

— Можно, только осторожно! Я не проверяла, но вдруг они кусаются?

Семен зачаровано улыбнулся и протянул руку, с восторгом запустив ее в Женины кудряшки, пропуская их между пальцами и с невероятным восторгом рассматривая рассыпающиеся по ее плечам локоны.

— Класс... Такие легкие! И откуда ты взялась такая, Женя Зябликова? Красивая, к тому же...

— Красивая? — весело захохотала Женька, чувствуя, как от теплой энергетики этого самого очкастого Семена Карташова она сейчас либо взлетит, либо лопнет... А главное, как же ей хотелось вот так продолжать находиться рядом с ним, он тянул ее, как странноватый и черезчур открытый магнит!

— Мне нравится. — спокойно кивнул он, продолжая разглядывать Женю, только переместившись взглядом уже на ее блузку, юбку, и частично — на ноги, потому что вторая их часть была надежно спрятана под столом.

— Эй, эй! Вы чего?! — привлекла на себя внимание Светка, махнув между ними чертежом и усмехнувшись. — Если позволить вам продолжить в том же духе, то тут через минуту признания в любви посыпаются! А поспешность в таких делах, знаете ли, до добра... — многозначительно закончила философское измышление Света, размахивая чертежом, как учительской указкой.

— А что? Мне стесняться нечего! — весело улыбнулся оживленный Семен и, на секунду нахмурившись и прикрыв один глаз, словно что-то припоминая, вдруг выдал:

— Застыл в сияньи глаз твоих!

Дышать не смею... наважденье!

Толи я умер, толи жив?

И жалкий сердца стук в забвенье...

Ты появилась, словно дым,

Качаешь листья безымянно,

Ласкаешь мой душевный мир

И в жизнь крадешься неустанно.

О, как бы мне тебя поймать!

Запечатлеть твой лик влекущий?

Хоть тонким шепотом урвать

Один лишь взгляд, тепло несущий!

И смерть сладка, и жизнь строптива,

Но дышит сердце лишь тобой...

Позволь сказать — как ты красива!

Позволь сказать — навек я твой...

Женя с изумлением и восторгом слушала эти стихи, прочитанные вот так просто и спокойно, но с особой, нежной грустью, и покачала головой, чувствуя, что этот Семен прочно занимает определенное место в ее душе. А Сема, тем временем, весело подмигнул и, глядя Жене в глаза, спокойно проговорил:

— Посвящается тебе.

— Вот... это... да... — выдохнула в ошарашенном восхищении Женька, чувствуя, что улыбка разрывает мышцы на ее щеках и скоро высушит все зубы напрочь. — Мне... Спасибо большое... Очень красивые стихи... Сам сочинил?

Светка, которая, закатив глаза, с усмешкой качала головой, мило прощebetала:

— Да, Семочка у нас — известный поэт! Особенно у него удаются стихотворения в жанре любовной лирики... Самые, так сказать, популярные его стихи! — захихикала она, а Семен, без какого-либо смущения, пожал плечами и проговорил, продолжая глядеть на Женю:

— Я читаю стихи только тем, кто меня вдохновляет.

Женя восторженно и взволновано приложила ладони к щекам, а потом игриво подмигнула и ближе наклонилась к нему, ярко улыбнувшись:

— Ну, в таком случае, я могу тоже с уверенностью сказать, что люблю тебя, Сема.

— Дурдом. — хлопнула себя по лбу несчастным, многострадальным чертежом Светка, и все трое рассмеялись. Просмеявшись, Света сунула чертеж в руки Карташову и проговорила:

— Иди уже, Семка, у нас и без тебя дел по горло, а то сейчас Минаев выйдет и полетишь быстрее ветра, любвеобильный ты наш!

Семен весело рассмеялся и бросив последний восторженный взгляд на Женю, быстро

проговорил:

— Еще увидимся, Жека, мне действительно пора, а то заночевать тут придется, если работу в срок не закончу... Пока!

— Пока! — весело помахала ему вслед Женька, ощущая невероятную грусть от того, что он уходит, и встала, чтобы, наконец, увидеть его в полный рост: как она и ожидала, на нем были модные, потертые джинсы темно-синего цвета и кеды всем известной фирмы "Адидас". Она улыбнулась: для нее Семен был реально крут и реально из другой реальности — слишком странной и неожиданной для Жени была ее тяга к незнакомому парню... Раньше с ней такого не случалось.

Светка рядом с ней захихикала, внимательно наблюдая за ее лицом:

— Ты что, Женька, влюбилась?

Женя тряхнула головой, снимая с себя оцепенение и волшебные, обволакивающие ее душу до сих пор, необыкновенные чары тепла от самого обыкновенного, хоть и немного экстравагантного Семена Карташова, и снова села на свой стул, задумчиво посмотрев на Светлану.

— Влюбилась... — зачарованно протянула она, повторив за девушкой, но тут же обратившись в себя, пытаясь разобраться, какое же именно чувство ее так накрыло. — Нет, не влюбилась. Хотя... И влюбилась, и не влюбилась одновременно... Как-то так.

— Это как? — опешив, спросила Светка.

Женька пожала плечами, поморщившись от того, что сама плохо понимала это ощущение, стянувшее ее душу, но все же медленно проговорила:

— Ну... Как будто именно его мне в жизни и не хватало.

Светка рассмеялась и подмигнула:

— Так ты смотри, времени-то зря не теряй, товар не залежалый, Семка у нас — парень холостой, добрый, безотказный, девочкам нравится... Уведут из-под носа — не успеешь и глазом моргнуть!

Женя нахмурилась, ощущая, как в душе резко образовывается серый осадок, оседающий на стенках, словно накипь в чайнике.

— Мне сейчас не нужны отношения. — жестко отрезала она.

Света подняла брови и, развернув конфетку из вазочки для гостей фирмы, глубокомысленно изрекла:

— Отношения нужны всегда, Женька. Женское сердце не может без любви, и не важно, какими плохими были все предыдущие попытки.

Женька удивленно посмотрела на нее, прикидывая в уме, сколько ей лет. Около двадцати, не больше... Предыдущие попытки? Даже спортсмены, сто раз попытавшись побить собственные рекорды, дают себе передышку. Света очень мила и романтична, а в возрасте двадцати лет романтика очень часто переплетается с наивностью... Но убеждать ее в том, что сердце закрылось, что она сама, устав от собственных неудач, решила сделать перерыв и посвятить себя своим близким, работе и учебе, Женя не стала.

— Мое может. — просто сказала она в ответ и вновь посмотрела на шумящую около кофемашины толпу. — Едем дальше?

Света кивнула и, наклонившись к девушке, стала яростно шептать все, что знала о тех людях, которые еще не успели покинуть секретарскую и спасти себя от очередной сплетни.

Так Женя узнала, что, помимо Семена, есть еще и другие разработчики на фирме, один из них — Василий Адамович, ходит только в черном, любит, в силу возраста (без малого,

шестьдесят лет) или иных факторов, поворчать на любого, обратившегося к нему по той или иной причине человека, даже если он просто предлагает помощь или узнает о его самочувствии, а также, ко всему прочему, он страдает хроническим насморком. Борис Щербаков, конструктор, вечно забывает передать в отдел технической документации законченные проекты; заведующая складом — Мария Александровна — коллекционирует кошек (не живых, конечно, а статуэтки, фигурки, брелоки и другие тому подобные очень нужные в хозяйстве вещи), а поэтому за миниатюрную фигурку очередной блохастой колбасопоедательницы может пару-тройку раз выдать лишнюю коробку-другую не самых дешевых и очень "строго учитываемых списком" деталей; Екатерина и Виталий из отдела продаж тайком от всей фирмы встречаются уже полгода, а парни с производства обожают идиотские розыгрыши из серии "ха-ха, напугайся, начальник, мы всем цехом не вышли на работу!", а сами сидят в позах Сократов в собственных шкафчиках для переодеваний...

Женя слушала и слушала, хохоча и просто умирая от радости, что теперь и она стала частью этого интересного, разношерстного коллектива, что теперь в ее жизни появился настоящий мирок под названием "работа", а не просто место, куда положено ходить ради зарабатывания денег и заниматься какой-нибудь, никому не нужной ерундой. У производственного коллектива, в отличие от сферы продаж, есть единство, ни с чем не сравнимая, особая аура, душа... Здесь каждый человек — винтик большого механизма, его неотъемлемая часть, жизненно важный орган общего организма...

Осознав, что ее голова уплыла в бездонный мир рассуждений, Женя очнулась и, наклонившись к Светке, шепотом спросила:

— А что насчет шефа? Какой он? Строгий, как я поняла?

Света быстро оглядела секретарскую и, удостоверившись, что все вокруг поглощены разговорами и не обращают на них никакого внимания, загоревшимися от возбуждения болотными глазами посмотрела на Женю и прошептала:

— О, наш шеф, ну, Сергей Викторович в смысле, очень строгий! И вспыльчивый до жути, если, не дай Бог, кто его разозлит, такой разнос устроит — на первом этаже слышно! — Светка округлила глаза, а Женька пожала плечами.

— Это ерунда. У всех вспыльчивых людей есть специальная кнопка, которая их выключает. Нужно только ее найти... У моего папы, например, это его любимый ЦСКА... — задумчиво протянула Женька, но, снова внимательно посмотрев на Свету, вернулась к теме разговора. — Ладно. Что еще?

— М-м-м... — Светка задумалась, почесав щеку. — Еще он очень властный и влиятельный. Ну, знаешь, может быстро решить любую проблему, у него много связей, и даже в администрации города, говорят, есть! И на фирме тоже, — Света махнула рукой куда-то в сторону производственного цеха, — когда что-то случается или идет не так, он всегда лично берется за дело, и за это его все уважают! Но характер, конечно... — девушка покачала черноволосой головой и закатила глаза. — Он грубый, резкий, очень жесткий, вечно всеми командует, любит, чтобы все было только так, как он хочет...

— Эгоистичный, самовлюбленный подонок? — спокойно шепотом осведомилась Женя, уже чувствуя, как разочарование стучится в ее сердце после услышанной характеристики. Да... С таким боссом она тут по струнке будет ходить и сидеть на mine, которая может рвануть в любой момент... Кажется, о спокойной жизни можно навсегда забыть.

Светлана тихо захихикала.

— Ну да... Только вот есть у него одно достоинство, которое перекрывает все

недостатки.

— Второе "я", которое умеет отключать первое? — ухмыльнулась Женя. Света вдруг таинственно заулыбалась и отрицательно замотала головой:

— Неа, не угадала. Он красавчик.

— Что-о-о??? — захохотала Женя, представив себе пятидесятилетнего аиста с седой шевелюрой, выклевывающего мозг персоналу и в нужный момент вытаскивающего своим острым клювом тонущих в болоте за шиворот.

— А что? — удивилась Светка. — Ему всего тридцать четыре, у него хорошая фигура, девчонки говорят, что он даже в спортзал часто ходит, и да, он красавчик! Да такой, что у нас за ним открытая охота ведется — все хотят заполучить его в свои рученьки!.. Хоть он и груб, и порой жесток, но какое-то обаяние в нем все-таки есть... И мужественность... — Света вздохнула, мечтательно посмотрев в окно. — Но только у него все женщины делятся на тех, кто "на один раз" и тех, кто "ну, пожалуй, на раз десять потянет"... Вот такой он.

Женя поморщилась. Она терпеть не могла таких мужчин. Позеры и наглецы, они думают, что держат этот мир в своих руках, думают, что имея в кармане много денег, можно не уважать никого вокруг, а женщины для них — это просто предмет удовольствия, глупый, бездушный, бесчувственный предмет, который легко можно заменить на другой, если надоел.

— Так он мерзавец. — тихо и жестко сказала Женя, а Света внимательно посмотрела на нее:

— Как бы да... Но проблема в том, что... женщины об этом забывают, стоит ему только улыбнуться. У нас на фирме... — Света снова понизила голос до шепота. — У нас на фирме много кто уже был с ним... Ну, ты понимаешь. — Света расширила глаза, а Женя мрачно кивнула. — Но кое-кто все же стал для него чем-то постоянным. У него тут есть две регулярные любовницы. Это Вика Гордеева, начальник отдела технического контроля, и Лена Старцева, начальник отдела продаж... Вон они, кстати. Только что вышли.

Света указала на двух молодых женщин, с довольными и слегка холодными улыбками выплывших из кабинета, ну точно, как царевны-лебеди из сказки Пушкина, только явно уколотые ядом презрения к людям. Вика Гордеева также, как и Евгения, была высокой, худой, словно модель из дома мод, с вьющимися, но не кудрявыми, темно-каштановыми волосами до середины спины, тонким лицом, немного островатым носом и большими светлыми глазами, усиленными голубыми контактными линзами.

Женя внимательно оглядела ее светло-розовую блузку, расстегнутую на пару верхних пуговиц, и темно-бордовую, облегающую юбку, завершающуюся сантиметров на двадцать выше колен. Туфли тоже были подобраны в тон наряду: темно-бордовые, на высокой шпильке.

Вика наклонилась к Лене и что-то зашептала ей, манерно подкрепляя свои слова плавными жестами руки, на запястье которой болтался элегантный, тонкий золотой браслет.

Женя видела ее взгляд, ее улыбку, и прекрасно понимала, что эта женщина считает себя очень важной персоной, даже, возможно, гораздо выше других, лучше, чем другие, а в собственной красоте и успешности она и вовсе не сомневалась... И в этом, без исключения, сыграл свою роль тот факт, что у нее есть "он".

Лена Старцева по типуажу и поведению чем-то напоминала Викторию. Наверное, потому, что и у нее был "он", а может, потому, что они с Викторией были подругами, как сказала Света, и не знали о том, что обе играют с шефом в одну и ту же интересную игру... Но Женя

в это верилось с трудом. Если хотя бы пара человек на фирме знают, что они обе спят с одним и тем же мужчиной, то неужели слухи так до них и не дошли?.. Или они догадываются, но тщательно обе скрывают свои подозрения за видимостью дружбы, чтобы быть, так сказать, ближе к врагу?.. Или это какая-то изощренная форма мазохизма, или эти женщины наивны и глупы, но по ним такое вряд ли можно было сказать... Дружба!.. Надо же...

Как бы там ни было, Лена, тоже довольно хорошо сложенная, с тонкой талией и широкими бедрами, хоть и не такая худая, как Вика, была тоже весьма недешево и элегантно одета в темно-синее платье, облегающее фигуру, полностью закрытое, но достаточно короткое, чтобы продемонстрировать стройные, красивые ноги. В отличие от Вики, Лена была блондинкой с прямыми, короткими, до плеч, волосами и косой челкой, закрывающей один светло-карий глаз. Миловидная, приятная... Даже не похоже, что она способна на то, чтобы стать любовницей босса... Но... Внешность и характер, зачастую, совсем не подходят друг другу, а разделить нельзя, вот беда.

— Красивые. — сказала Женя, а Света хмыкнула:

— И злые. Своего Сергея ни с кем делить не будут. Решили, что он — их собственность, только вот Минаев вряд ли когда-либо будет кому-то принадлежать... Но она ведут борьбу за него. Ой!.. Увидели тебя, сейчас сюда придут, готовься! — быстро шепотом протараторила Светка и натянула дежурную улыбку, глядя, как Вика с Леной, словно два хищных коршуна, завидевших падаль, медленно пробираются через толпу почему-то не желавших идти на рабочие места сотрудников и начальников.

— К чему? — спокойно и удивленно поинтересовалась Женя, которую пристальные, оценивающие и не очень дружелюбные две пары глаз как-то совсем не напугали, но Светлана не ответила.

— Света, мне звонил кто-нибудь? — строго и высокомерно поинтересовалась Лена, не сводя карих глаз с Жени, и для важности постучала красивыми, ярко-алыми ногтями по стойке.

Света посмотрела в записную книжку и кивнула:

— Да, Лен, звонил какой-то Романов из "Мотозвука", просил перезвонить после совещания, сказал, ты в курсе.

— А, Романов. Да, перезвоню. — лениво проговорила она, как-то уж слишком безразлично махнув рукой, а вот Вика решила действовать без предисловий. Облокотившись на стойку грудью и локтями, она вызывающе посмотрела на Женю и слегка дернула щекой в ехидной ухмылке, неприязненно разглядывая ее волосы, веснушки и глаза. Женя откинулась на спинку стула, тоже вызывающе глядя в ответ и абсолютно не собираясь прогибаться под этот источник разрушительного презрения, а даже давая ей возможность получше разглядеть себя.

— Ты кто такая? — требовательно спросила Вика, вперившись глазами в Женины кудряшки.

— Вика, это Евгения Зябликова, Женя, наш новый секретарь. — торопливо и немного боязливо проговорила Света, явно волнуясь за то, что новый сотрудник попал под такой не очень радушный прием.

— Новый? — ухмыльнулась Вика, картинно подняв брови и переглянувшись с Леной. — А с тобой что? На пенсию уходишь?

Света натужно рассмеялась и снова торопливо прощбетала:

— Нет, мы по полдня будем работать, вместе. Женя, — обратилась она к девушке, тоже с улыбкой глядящей на двух пантер, прилипших с той стороны стойки, и уже мысленно не любившей их за наглое, самодовольное поведение, — это Виктория Гордеева и Елена Старцева, начальник ОТК и начальник отдела продаж.

— Приятно познакомиться. — мило и обезоруживающе улыбнулась Женя, и две пантеры снова ехидно ухмыльнулись.

— Нам тоже. — с каким-то подтекстом проговорила Вика и тут же добавила, чуть прищурившись:

— Новый секретарь, значит?

— Да. — спокойно, продолжая улыбаться, проговорила Женя.

— А Минаев тебя уже видел? — поинтересовалась Лена, как-то странно усмехнувшись.

— Нет. — Женя пожала плечами, а хищницы переглянулись.

— А ты его? — не унималась Лена, а Женя рассмеялась:

— Ты хочешь узнать, не подглядывала ли я за ним в замочную скважину, умирая от любопытства, какой же он, мой новый начальник? Нет, привычки такой не имею, да и даже если он окажется косолапым мишкой с баяном в передних лапах и шапкой-ушанкой на голове, это не имеет никакого значения, потому что мне без разницы, кто отдает поручения, которые я должна выполнять.

Света расширенными глазами посмотрела на продолжавшую мирно улыбаться Женю и на злобно скривившихся в подобия ухмылок лица Вики и Лены, которые явно не ожидали получить отпор.

— Дерзкая, что ли? — гневно проговорила Вика и слегка побарабанила маникюром по столу. — Ну, это ненадолго. И ты сама здесь, судя по всему, ненадолго.

— Почему? — удивленно рассмеялась Женя, прекрасно понимая, какое место эти две дамочки пытаются указать ей.

— Потому что Сережа... Сергей Викторович, — поправилась Лена, тоже наклонившись к стойке, — рыжих не любит.

— НЕ-НА-ВИ-ДИТ. - уточнила по слогам Вика со всем наслаждением этого мира Женька вытаращила глаза, совершенно не ожидая подобного заявления, а Вика ядовито усмехнулась. — Так что, милая, сколько ни старайся, а он тебя все равно вышибет, это только вопрос времени.

— И тебе с ним ничего не светит. — тихо, но вкрадчиво добавила Лена, возможно, больше сделав этот вывод для себя, чем для Жени, а Женя снова рассмеялась:

— Какая жалость! Значит, зря я сегодня юбку одела, нужно было в трениках приходиться, все равно уволят! — ехидно и насмешливо проговорила Женя, а Света толкнула ее в бок, завидев, как раздулись от гнева лица двух великих начальниц "Черного полюса".

— Ты бы за языком последила. — угрожающе сказала Вика, снова сощурившись. — С нами тебе лучше дружить.

— Спасибо за совет, конечно, но я уже в таком возрасте, когда люди в состоянии самостоятельно решить, с кем дружить, а с кем — нет. — вызывающе проговорила Женька, всколыхнув внутри себя волну ядерного гнева. Да кто они такие, черт побери, чтобы с ней так разговаривать?!?

Вика и Лена снова переглянулись, и теперь гнев в их глазах искрил по соседству с возмущением и удивлением, которые на пару секунд лишили их дара речи.

Лена вдруг неожиданно наклонилась к стойке и вперилась в Женю ледяным,

озлобленным взглядом, исказившим ее миловидное лицо в собачью гримасу, прошипев, словно кобра:

— А ты не борзей, рыжая. Одно только наше слово Сергею — и ты побежишь отсюда так быстро, как только сможешь, держа самые чертовски отвратительные рекомендации в своих зубах... А второе наше слово может сделать так, что ты в этом городе ни на одну приличную работу устроиться не сможешь, слышишь, девочка?

Света резко поднялась на ноги, примирительно подняв руки и протараторив испуганным голосом:

— Лен, Вик, да что вы, Женя же... Она же просто ничего еще не знает, она больше не будет так разговаривать, у нее этот... шок от нового места еще не прошел! Девочки, давайте успокоимся...

Женя же, продолжая держать зрительный контакт и улыбаться, спокойно заявила:

— Я уже знаю достаточно, никакого шока у меня нет. А что, я как-то не так разговариваю? По мне, так все в пределах культурных норм русского языка.

— Жень! — предостерегающе воскликнула Света, но ее перебила Вика:

— Послушай, ты, шалашов...

Но прекрасную характеристику о себе Женьке так и не удалось дослушать: из кабинета директора выплыл важный тип в черном костюме, темно-синей рубашке и полосатом галстуке, над узлом которого возвышалась круглая, почти лысая, коротко остриженная, светловолосая голова, румяные, пухлые щеки, небольшие, но какие-то пошловатые голубые глазки, нос "картошкой" и крупные, сочные губы, растянутые в самой счастливой улыбке.

Тип был высоким, гораздо выше Жени, и очень крупным, с внушительных размеров широченными плечами и огромными ручищами; на вид Женя могла дать ему не больше тридцати пяти, а по дорогому костюму сделала вывод, что занимает он в компании далеко не последнюю должность.

— Так-так, девочки, что за шум, а драки нет? С кем вы тут опять ссоритесь? — проговорил он низким, зычным голосом, тем самым прервав гневный монолог Вики.

Женя заметила, как резко притихли Вика и Лена, гневными, пылающими взглядами испепеляя подошедшего мужчину, а тот, тем временем, заметил Женю и уставился на нее самыми оживленными, заинтересованными глазами, откровенно разглядывая ее с ног до головы, точнее, с талии до головы, потому что запрятанных под стойкой ног он никак не мог лицезреть.

— Ни с кем мы не ссоримся, Павел Юрьевич, просто кое-что объясняем. — пробубнила Лена, зыркнув на Женю предупредительным взглядом.

— Надеюсь, без поножовщины? — громыхнул тип и сам же громко расхохотался, не сводя внимательного, оценивающего взгляда с Жени.

Женя бросила уверенный взгляд на Лену и Вику, пышущих не хуже огнедышащих драконов, и мило улыбнулась так называемому Павлу Юрьевичу, спокойно проговорив:

— Нет, милостивый Государь, пока только угрожают.

Вика и Лена вытаращили на нее глаза, а Вика, за спиной у сияющей блондинистой горы, показала Жене кулак.

Павел Юрьевич еще шире улыбнулся, удивленно, но все также пошловато разглядывая Женю, и проговорил:

— Угрожают? Виктория, Леночка, ну как можно?!? Как можно угрожать такой милой и очень даже себе прекрасной девушке! Светочка, ты почему миротворцем в этом конфликте

не выступила? — в шутку или всерьез укоряюще посмотрели на поникшую брюнетку маленькие голубые глазки. — И почему с прелестной дамой не знакомишь? М-м???

Типчик наклонился к Жене, которая продолжала открыто держать на себе его противный взгляд, после которого хочется тщательно вымыться с мылом, и красиво улыбаться, демонстрируя ровные, белоснежные зубки.

Светка густо покраснела и тут же засуетилась:

— Ой, извините, Павел Юрьевич, я задумалась что-то... Это Евгения, Евгения Зябликова, новый секретарь Сергея Викторовича, мы с ней будем вместе работать по полдня. Женя, — выдохнула она, с мольбой в глазах посмотрев на девушку, видимо, опасаясь, что Женька и тут может выкинуть какой-нибудь нехороший фокус, — это Павел Юрьевич Краснохатов, заместитель директора.

Женя уже и сама догадалась, судя по тому, как этот краснощекий и круглоголовый заместитель вел себя в кругу работников, поэтому только вежливо протянула ему руку, пытаясь игнорировать пристальный взгляд на своей груди, и уверенно проговорила:

— Приятно познакомиться, Павел Юрьевич.

Тот, вспомнив, что он все-таки джентльмен, убрал глаза из выреза блузки Жени и, поместив их на ее губы, нежно взял ее руку своей огромной, медвежьей лапищей и поцеловал влажными, лягушачьими губами:

— А мне-то как приятно, Женечка! И почему Сергею всегда так везет на прелестных секретарш? — он со вздохом поднял глаза к потолку. — Ну и что вы тут с Викулечкой и Ленусиком не поделили, а? Или, может, кого?.. — хитро прищурившись, проговорил Павел, а Лена резко ответила:

— Да все в порядке, Павел Юрьевич, пустяки, не заморачивайтесь!

— Тогда расходимся по местам. Ну? Кому сказал? — вдруг жестко и тихо проговорил он, не отрывая глаз от Жени, и Вика с Леной, бросив на нее последние мстительные взгляды, удалились, важно качая бедрами.

— И откуда же вы, Женечка, к нам такая пожаловали? Где до сих пор пряталась такая чудесная девушка? — проворковал Павел, наконец-то, отпустив руку Жени и продолжая откровенно таращиться на нее, вызывая в девушке все больше омерзения.

— Так вы тоже хотите адрес подвала узнать? — заговорщически шепнула Женя, подмигнув. — Там таких еще много осталось...

Павел захохотал на всю секретарскую, привлекая внимание всех, до единого, присутствующих и, пытаясь казаться еще более "обаятельным", чем был до этого, тоже подмигнул ей маленьким глазком и проговорил:

— Чувство юмора? Прекрасно! Люблю таких... А что...

К счастью, очередной дурацкий вопрос, продолжавший дурацкий разговор, так и не был озвучен господином Краснохатовым, поскольку в секретарской громыхнул новый мужской голос:

— Паша! Что ты гремишь на весь завод?!? Я же сказал тебе пойти на производство и лично осмотреть последнюю партию проводов!! И что здесь за собрание? Почему не на местах???

Звук этого голоса, как барабан, ударил Женьку в самое сердце: она покраснела, побледнела, снова покраснела и почувствовала, как мурашки побежали по ее телу... Женька тряхнула головой, не веря своим ушам и мечтая только об одном: чтобы ей показалось, показалось...

Но судьба непредсказуема: совершенно не знаешь, что ожидать за следующей дверью. А вот за дверью директорского кабинета, между прочим, отлетевшей к стене одним сильным, уверенным рывком, показался человек, которого Женя именно сегодня могла бы узнать из тысячи...

Тело онемело, а затем разом обмякло на стуле, а сердце в бешеной, глубоко разочарованной, чуть ли не болезненной панике запрыгало в груди... "Прежде, чем кукарекать свои детские угрозы, сначала подумай, что я могу с тобой сделать, если ты или твой дружок еще раз попадетесь у меня на пути", — так и звучало у нее в голове снова и снова, как будто она снова стоит на той самой парковке и смотрит в холодные и такие безжалостные серые глаза... А потом, в мозг стукнула совершенно другая идиотская мысль, одна из самых идиотских за последнее, прожитое ею, время: "Я пропала. Я пропала. Фирма машет мне ручкой. Черт, фирма машет мне ручкой! Только не это, только не это!!!"

От неожиданности и шока Женя не знала, как ей реагировать, как вести себя, что говорить или делать сейчас, когда трусливое желание немедленно встать и выйти было, наконец-то, замещено здравым смыслом. Да и что она могла сделать, когда ее сердце колотилось, как безумное, потому что не далее, как сегодня утром, именно этот зарвавшийся кретин чуть было не вытряс из ее благородного друга Игорька все хорошее, именно он был удостоен звания "поросычьей рожи", "урода" и многих других веселых прозвищ...

— О, а вот и Сергей Викторович! — весело воскликнула Светка, не замечая, в каком бледном и ошарашенном ступоре сейчас сидит ее новая коллега, и какие планы побега из этого места, где так изрядно решила помучить ее судьба, она продумывала с самым сумрачным видом. Впрочем, Светик уже радостно вскочила на свои высокие каблуки и громко заголосила, перекрывая даже шум от разом налетевших и одновременно защебетавших вокруг Сергея работников, не давая Женьке возможности даже как следует его разглядеть:

— Сергей Викторович, тут новый секретарь подошла, идите, пожалуйста, сюда, знакомиться! Сергей Викторович!!!

Правда, помимо Светки, загалдели и все те, кто оттаптывал последние пять минут ковер около кофемашины, и все еще шокированная и порядком запутавшаяся Женя, совершенно не представляющая, что ей делать дальше, уловила обрывки фраз:

— Сергей Викторович, отдел закупок не закупил новые гайки на тензопреобразователи, и теперь сборка стоит, что делать?!? Что делать?!?

— Сергей Викторович, а можно мне завтра день за свой счет, у сына концерт в школе?..

— Сергей Викторович, фирма "Пластматик" все еще не внесла предоплату за заказ, нам его делать или нет?..

— Сергей Викторович, мы до сих пор не получили от разработчиков чертежи на последнюю партию блоков питания, скоро уже отгружать, а мы еще собирать не начинали...

— Сергей Викторович...

— Сергей Викторович!

— Сергей Викторович?

— Сергей Викторович!..

— Так, тихо всем! — жестко скомандовал Сергей, и все разом замолчали, создав, наконец, такую долгожданную тишину, очищающую мозг от лишнего сора и предоставляющую Жене возможность как следует подумать, что же теперь делать и как себя вести, когда Сергей все-таки заметит и узнает ее.

"А может, он меня не вспомнит?" — пронеслась в рыжей голове наивная мысль, но, учитывая, что этот человек оказался директором отнюдь не самой маленькой производственной фирмы и очень успешно решает все, поставленные перед ним, задачи, судя по словам Светки, — рассчитывать на приступ внезапной амнезии, особенно в отношении рыжей, как ржавчина, и кудрявой, как пружины в матрасе, девушки с сиреневым оттенком глаз все-таки не приходится.

Толпа слегка расступилась, и Женя, наконец, смогла лицезреть его: все в том же дорогом, темном костюме, что и утром, он стоял в дверях своего кабинета в самой уверенной позе, сунув руки в карманы брюк и задумчиво, но от этого не менее пронизательно, глядя на столпившихся вокруг сотрудников. Его серые, будто сияющие изнутри несокрушимой волей, холодным мужеством и самоуверенностью глаза были чуть сощурены, лицо — серьезным, сосредоточенным и абсолютно непроницаемым: Женя не могла даже вообразить себе, о чем он думает, но зато она очень четко понимала одно — у этого мужчины есть все для того, чтобы быть руководителем. Она видела, как его подчиненные выжидающе смотрят на него, и чувствовала, что они доверяют ему, полагаются на него, ощущают душой его лидерство и... действительно уважают, хоть он и вспыльчив, с чем Жене уже приходилось сталкиваться.

Злость и растерянность давили на нее, она совершенно точно терпеть не могла этого засранца, который ведет себя так, будто ему разрешено все, будто он — Господь Бог, прости, Господи, но... Ей так нужна была эта работа! Эти деньги... Для Полины. Женя сжала кулаки и решила: она попробует побороться за это место до конца.

— Итак. Теперь по порядку. — жестко проговорил Сергей, и все его коллеги встрепенулись. — Костя, запиши мне тип, серию и номер гаек, которые тебе нужны, сбрось на почту, через час дам распоряжение Александре Анатольевне, она сделает заказ. Пока занимайтесь другой работой. — мужчина слева, средних лет, в вязанном голубом свитере и серых брюках удовлетворенно кивнул. — Дальше, Катя. Нацарапай заявление на завтра — я подпишу. — строгий, серый взгляд на девушку в желтой блузке, и та радостно захлопала в ладони, весело прощепетав: "Ура, ура! Спасибо, Сергей Викторович!" Сергей же уже перевел глаза на молодого парня в белом халате, скромно потупившегося, но с выпрямленной, словно струнка, спиной ожидающего решения начальника. — Юра, насчет "Пластматика" — пока не делай, дам распоряжение Лене созвониться с ними и все уточнить, а чертежи... Кто задержал?

— Семен. — тихо, но уверенно проговорил парень и отчего-то мельком, всего на долю секунды, бегло посмотрел на Светку, которая нетерпеливо топала ногой, ожидая, когда ее шеф освободится.

— Света, — строго и спокойно проговорил Сергей, посмотрев на своего секретаря, — вызовешь мне Семена часам к четырем.

— Сергей Викторович! — вдруг возмущенно громыхнул Павел Юрьевич, с улыбкой наблюдавший за сценой великого спасения людских душ от главного "решателя" всех проблем этого мира — Сергея. — Как к четырем? Мы же собирались...

— Павел Юрьевич. — чуть гневно, но очень резко и повелительно "заткнул" его Минаев, и тот вздохнул, вернув взгляд на Женю, которая все думала о том, что будет, когда этот кретин ее увидит.

— Ну? Еще вопросы будут? — нетерпеливо спросил Сергей и, наткнувшись на быстро спрятавшиеся глаза коллег, хлопнул и жестом показал, что пора бы очистить помещение. — Тогда вперед, по рабочим местам! Живо, живо, живо!

Ровно через полсекунды в секретарской не осталось никого, кроме Павла, Сергея и Светы с Женей. Сергей подошел к Паше, внимательно глядя на него сияющими сталью серыми глазами:

— Паша, чего ты тут встал? Я тебя, кажется, на производство посылал, лично удостовериться насчет бракованных проводов. На память не жалуюсь.

— Я тоже. — шепотом буркнула Женя, недовольно и немного вызывающе глядя на Сергея, а Света, услышав, удивленно посмотрела на нее, но, к счастью, решила не спрашивать. Павел широко улыбнулся, сделавшись похожим на белобрысого колобка, и махнул в сторону Жени огромной лапищей:

— Так я тут, это, с новым секретарем Женечкой знакомлюсь! А ты сам-то не желаешь, Сережа? Все ж таки твой секретарь! — и он захохотал.

— С новым сек... — начал было Сергей, но в это мгновение его взгляд упал на Женю.

И в этот волшебный, «романтичный» момент, когда их взгляды встретились, он осекся, его глаза удивленно расширились, а губы расплзлись в ухмылке.

— Ты??? Ты что тут делаешь?? С авторынка за мной следила, что ли? Офигеть просто!

Женя закатила глаза, а Светка встала на ноги и быстро протараторила:

— Сергей Викторович, это Евгения, мы с ней по полдня будем работать, ну, помните, я вам говорила, что учиться не успеваю? Ну так вот... А, э-э-э... — она смутилась, увидев, как гневно Сергей и Женя смотрят друг на друга, и как-то виновато добавила:

— А... а вы что, уже знакомы, что ли?.. Я что-то...

— Да, Серега, какой авторынок? — удивленно громыхнул Павел. — Это же Женечка, она сегодня первый день...

— Папа! — начиная злиться, жестко прервал его Сергей. — На производство!!!

— Ладно-ладно... Еще увидимся, Женечка! — подмигнул ей Павел своим маленьким глазиком и развязной походкой удалился в цеха.

— Я за тобой... В смысле, за вами, — поправилась Женя, вспомнив сквозь вспышку гнева, что он теперь ее начальник, — не следила, Сергей Викторович. — с подчеркнутой вежливостью проговорила она его имя. — Это досадное совпадение.

— Досадное. — кивнул с раздраженной ухмылкой Сергей, развязно облокотившись на стойку и пристально глядя на Женю серыми глазами, которые, как и тогда, на парковке, показались ей вдруг притягательными и даже завораживающими. — Значит, я теперь твой начальник, рыжая... Евгения. — тоже поправился он и чуть прищурился. Жене стало немного страшно от того, что она не могла прочесть его мысли и намерения на лице, совершенно не представляя, что он будет говорить или делать дальше, но уверенно держала взгляд, не поддаваясь. — Весело, правда?

— Как-то не очень. — честно ответила Женя, чуть поморщившись и сложив руки на груди.

— И что мы теперь будем делать? — тихо, но явно гневаясь, сдерживаясь из последних сил, проговорил Сергей, а Женя пожала плечами:

— Не знаю. Вы — директор.

— Сергей Викторович, а что такое, почему вы... — затарахтела, как пулемет, Светка, но Сергей не дал ей высказать свое мнение:

— Молчать. — он снова пристально посмотрел на Женю и ухмыльнулся. — Давай так. Уходи сейчас, заполнять никакие бумаги на тебя не будем, трудовую книжку получишь у Федора Игнатьевича и забудешь сюда дорогу. — он выпрямился, но Женя, отчаянно вспомнив о Поле, о своем решении идти до конца, что бы ни было, резко и жестко сказала:

— Нет. — Сергей удивленно уставился на нее, явно распаяясь все больше, Женя чувствовала, как его аура постепенно превращается во взрывоопасный огненный шар, но приказала себе не бояться. — Так не получится. Видите ли, Сергей Викторович, я уже подписала приказ о приеме на работу, а Федор Игнатьевич завел на меня личное дело, а значит, уволить вы меня можете только по собственному желанию, которого я не изъявляла, по соглашению сторон, правда, никаких выгодных для себя условий «соглашения» я не услышала, или за проступки... Но я здесь всего лишь час, ничего еще не успела натворить.

Сергей удивленно поднял брови и расхохотался, недоуменно посмотрев на Женю:

— Так ты все равно хочешь здесь работать??? На меня?? А ты думала о том, — он вдруг снова посерьезнел и наклонился к Жене, испепеляя ее сверкающим злостью взглядом, — что тебя ожидает, если ты останешься, а, секретарша?

Сердце Жени упало, казалось, ниже некуда. Ей вдруг нестерпимо захотелось заплакать... Все мечты о хорошей работе, прекрасном коллективе и карьерном росте рассыпались в прах, остался только этот злой и жестокий козел с замашками гопника в качестве начальника, обещающего устроить ей сладкую жизнь. Она медленно поднялась и оказалась с ним лицом к лицу, несмотря на отвратительное, пилящее чувство внутри, держа его насмешливый и все такой же презрительный взгляд на себе. Вздохнув, она уверенно проговорила:

— Я не боюсь ни вас, ни вашего негативного ко мне отношения, Сергей Викторович. Мне просто нужна работа, а все остальное не имеет значения.

Сергей слегка наклонил голову на бок и, сложив руки на груди, пристально и очень неприязненно оглядел ее с ног до головы, а затем, вздохнув, недовольно проговорил:

— Хорошо. По закону ты имеешь право на испытательный срок. Света, который час?

— Три часа, Сергей Викторович. — поспешно ответила Света и снова попыталась выудить хоть какую-нибудь информацию:

— А что...

— Три... — Сергей на секунду посмотрел в окно, сосредоточенно думая, а затем, на его правильном, приятном лице мелькнула снова совсем даже не приятная, насмешливая, презрительная улыбка. — Значит, слушай свою задачу, Женя. Рабочий день заканчивается в шесть. Сейчас я уйду на обед на полчаса. Через полчаса я вернусь, и на моем столе должна лежать папка с последними срочными документами на подпись и список всех, звонивших и искавших меня, пока я отсутствовал. Это раз. — по его раздраженному, но все же триумфальному выражению лица Женя поняла, что, вероятнее всего, будут пункты «два» и «три», а может, даже «четыре» и «пять», поэтому невозмутимо уселась и, достав свою записную книжку, принялась схематично набрасывать эту самую «задачу». Света расширенными глазами посмотрела сначала на шефа, потом на строчащую красивым почерком сосредоточенную Женю, и вздрогнула, когда Сергей вдруг снова обратился к ней:

— Света, набери мне Колпакова. — приказным тоном, который у него, судя по всему, был впитан еще с молоком матери, сказал Сергей, и девушка схватилась за телефон.

— Алло, Федор Игнатьич! Вас Сергей Викторович спрашивает. — сообщила Света в трубку и передала ее Минаеву. Тот легким, уверенным движением схватил ее и деловито осведомился в телефон, не сводя пылающих злостью и мстительным азартом серых глаз с Жени:

— Федор Игнатьевич, изменения в Уставе готовы? Угу, несите, я подпишу. — он положил трубку, и его взгляд недобро сверкнул. — Так вот, Женя. Нужно ознакомить всех сотрудников фирмы, исключая, конечно, тех, кто сегодня отсутствует, под роспись с изменениями. Это порядка ста сорока человек. Сделать до конца дня, а в шесть предоставить мне списки с подписями. Это два.

Женя старательно писала, уже в голове прорабатывая план действий и чувствуя, как становится ужасно жарко в ее груди: гнев, вперемешку с обидой и злостью как на этого важного фазана, так и на судьбинушку, грозил плеснуть ядовитым кипятком. Света снова неуверенно залепетала:

— Но... Сергей Викторович... Она не успеет... Это же... нереально...

— Тихо. — жестко приказал ей Сергей и чуть ухмыльнулся, переведя холодные, злые глаза на Женю:

— И третье. Мой отец, — он махнул рукой на стену, и только сейчас Женя заметила над кофемашиной портрет солидного, темноволосого, но начинающего седеть, мужчины, волосы которого были зачесаны на пробор с правой стороны, а на крепком теле красовался дорогой серый костюм, белая рубашка и галстук. Женя уловила несколько похожих черт у отца и сына: Сергей обладал похожей формой лица и такими же губами, как отец, а еще он действительно был внешне очень даже недурен собой, но Женьке, злившейся на него, как сто бульдогов, он казался отвратительным, — Виктор Петрович Минаев, главный акционер и один из учредителей данной компании, летит завтра в Турцию для переговоров с очень важными для нас поставщиками комплектующих для блоков питания. Нужно заказать ему билеты на самолет до Стамбула, туда и обратно через день. Вот его паспортные данные. — Сергей вытащил из кармана бумажку и отдал Жене. Надо отдать ему должное, почерк у него тоже был очень даже ровным, как у лучшего ученика класса, что как-то не очень вязалось с его образом и теми хулиганскими повадками, которые проявились утром на парковке.

Женя деловито кивнула и тут же пристегнула бумажку степлером к своей записной книжке, чтобы, не дай Бог, не потерять. Сергей как-то странно на это посмотрел, но промолчал, а потом, наклонившись к Жене, импульсивно проговорил:

— У тебя есть время до конца дня. В шесть часов отчитаешься о проделанной работе и если не выполнишь хоть что-то из перечисленных пунктов — уволю к чертовой матери! — гневно прошипел он, а затем посмотрел на Светку такими же злыми глазами:

— А ты — если узнаю, что помогала ей, уволю обеих! Слышала, Света?

Света резко сникла и испуганно потупилась:

— Да, Сергей Викторович...

— Удачного дня. — холодно проговорил он и уверенной, развязной походкой стремительно вышел из секретарской. Остановившись в коридоре, он посмотрел в сторону производственных помещений и громыхнул командным голосом:

— Паша! За мной. — и его важная фигура, облаченная в дорогой костюм, исчезла в направлении выхода.

Женька угрюмо уставилась на Светку, злясь так, что, наверное, даже ее рыжие волосы светились красным цветом, а Светка испуганно, ошарашено и с большим любопытством вытаращилась на нее в ответ.

— Вот же кретин! — шепотом выругалась Женька, спешно отодвинув второго секретаря от компьютера и быстро усаживаясь напротив, набирая в интернет-поисковике сайт авиакомпаний.

— Эй! Ты хоть расскажи, что это он на тебя так обозлился? На него как-то не похоже, я вообще думала, он будет тебя кадрить, Сергей у нас — знатный бабник... Хотя, Краснохатов хуже... — подумав, добавила Света, обувая сапоги.

Женя, которая уже выжимала из интернета крупинцы информации о том, каким Макаром этому Богу кофемашины Виктору Петровичу Минаеву оказаться завтра в Стамбуле, угрюмо проговорила:

— Столкнулись утром на авторынке. Я назвала его поросычьей рожей, уродом, авторитетом среди шестерок криминального мира, а его тачку — треклятой... или как-то так.

Секунду Светка шокировано пялилась на сгорбленную у монитора Женькину спину, а потом оглушительно захохотала на всю секретарскую, забыв даже застегнуть молнию на сапоге.

Все пять минут, что Светка хохотала, как дурная, Женька пыталась выудить хоть один приличный билетик в Стамбул, но, как на зло, купить билеты на самолет за день до отлета оказалось архисложной задачей.

— Я хочу знать все! — громко заявила ей в ухо Светка, подсев вплотную, и Женья обреченно вздохнула:

— Может, завтра, Светка? У меня тут, как ты заметила, много дел...

— Так, а если ты их не успеешь закончить, Минаев же тебя уволит прямо сегодня, значит, завтра ты не придешь! — без всякого сочувствия к горю своей коллеги заявила Светлана, наливая себе воды и радостно улыбаясь. — Так что давай сейчас, я уже умираю от любопытства! Ну, Женька? Говори, говори, я же спешу, у меня учеба и еще свидание вечером с одним очень даже не бедненьким парнем, так что давай быстрее, Женька, ну, ну??

Женька снова вздохнула и, посмотрев в потолок, язвительно проговорила:

— И сейчас же щетки, щетки затрещали, как трещотки... — процитировала она известную фразу из «Мойдодыра» гениального Корнея Ивановича Чуковского и, переждав новый приступ безудержного хохота Светки, рассказала ей о сегодняшнем происшествии с участием Минаева, ее друга Игорька и ненавистного и приставучего Ярика, который соизволил удалиться только после знакомства с ее папочкой и его битой.

Света менялась в лице все время, пока Женья вещала свою историю, то сдерживаясь от истеричного смеха, то хмурясь от злости, то тараща глаза от удивления и беспокойства, а когда Женька закончила, она выдохнула и, продолжив, теперь уже спешно, обувать сапоги, протараторила с искоркой в голосе:

— Надо же! И как тебя угораздило так влипнуть?? Я имею ввиду, что тот козлина оказался твоим новым шефом... Сколько у нас в городе человек? Миллион? Вероятность — один на миллион! — умно изрекла Светка, накидывая пальто. — Да, Женька... Ты неудачница. — вынесла она веселый вердикт, а Женья рассмеялась:

— Иди уже, доктор Света, со своими диагнозами и анализами, мне тут кое-чего сделать надо, так, пустяки, конечно, но этот кретин вернется с обеда через двадцать минут, а у меня еще конь не валялся... Давай, дуй на свою свиданку к олигарху, завтра, если неудачнице свезет, может и увидимся, тогда расскажешь. Пока!

Светка захихикала и, подхватив сумку, направилась к выходу. Остановившись, она обернулась и мило произнесла:

— Надеюсь, что все-таки увидимся. Ты мне понравилась, только вот сделать все то, о чем он тебя попросил, за три часа... это из области фантастики, при чем той, где останавливать время умеют... Но я за тебя держу кулачки! Пока, Женька! — и брюнетка с болотными глазами усвистела за дверь быстрее, чем ее духи, которые еще немного покружили вокруг Жени сладким маревом перед тем, как окончательно испариться.

Оставшись в тишине, Женька отбросила эмоции, насколько могла, и принялась за работу. Перерыв весь рабочий стол, а именно те аккуратные, но бессмысленные кучки, на которые Света поделила все документы, она выгребла все самое срочное и сложила в строгую черную кожаную папку, в которой, по словам второго секретаря, она носила только важные документы.

Подхватив ее, Женья двинулась в кабинет директора. Толкнув дверь, она на секунду

замерла на пороге: просторный, светлый, прямоугольный кабинет, где ровно посередине стоял длинный стол из хорошего черного дерева для переговоров, окруженный множеством мягких стульев с высокими спинками со всех сторон и одним черным, кожаным креслом во главе этого самого столика, расположенного таким образом, что директор сидел лицом ко входу и, при случае открытой двери, прекрасно мог лицезреть секретарскую стойку да и самого секретаря, если удосужится привстать.

По левой стороне кабинета сначала шли шкафы, затем — окно с абсолютно пустым подоконником, а за спинкой кресла главного босса «Черного полюса» висел большой плазменный телевизор, по бокам от которого были приделаны на стене небольшие колонки. С правой стороны тоже уместились парочка шкафов со стеклянными дверцами, где удобно устроились какие-то разноцветные папки, а дальше сверкала лысиной хорошо покрашенная бежевая стена.

Женя тихонько прошла по мягкому ковролину, заглушающему звук ее шагов, и бросила папку около кресла, прямо рядом с ноутбуком и поверх огромного вороха каких-то бумаг, видимо, оставленных после совещания.

Еще раз оглядев кабинет, который, как и его хозяин, дышал холодом, строгостью и какой-то небрежностью, несмотря на почти полный порядок, Женя двинулась назад, углубившись в мысли о том, как отправить несравненного папочку в срочную командировку и, желательно, не с четырьмя пересадками и перерывами в ожидании следующего рейса, как вдруг, на выходе, она столкнулась с Сергеем, в прямом смысле врезавшись ему в грудь.

Подняв глаза и моментально очнувшись, Женька наткнулась на все тот же насмешливый, наполненный откровенной неприязнью и чувством превосходства над ней взгляд серых глаз и, ощутив, как кипящая волна гнева снова просыпается после получасового сна и грозит выбить ее из разумного, собранного состояния, девушка тут же вспомнила о Полине и тихонько вздохнула, разом придя в себя.

На ее счастье, Сергей ничего не сказал, а только обошел ее справа, оставив за собой тонкий шлейф какого-то приятного, мужского парфюма и, усевшись в кресло, вдруг приказным тоном произнес:

— Женя, кофе принеси.

Женька остановилась, внутренне содрогнувшись от злости и отчаянного сопротивления, но двинулась к кофемашине, чувствуя, как каждый ее шаг дается с ужасным трудом, поскольку все ее нутро упиралось руками и ногами в нежелании подчиняться, а тем более, прислуживать кофеносцем этому самодовольному, зарвавшемуся фазану.

Следуя четким инструкциям Светы, бариста Женя тщательно приготовила кофе и принесла Сергею, который с самым сосредоточенным видом шуршал бумагами и бросал недовольные взгляды в экран ноутбука.

Мельком глянув на него, Женя вдруг с горечью подумала, что если бы не было той сцены на авторынке, они вполне могли бы поладить: Сергей на работе производил впечатление обычного, делового, но со своими тараканами в голове человека... Но прошлое не изменить, а значит, Женьке, знающей о его бандитских наклонностях и нахальной грубости, а также об откровенной неприязни к ней, придется с этим мириться...

Она поставила кофе, на мгновение задержавшись около «кретина» и погрузившись в свои мысли, как он вдруг резко оторвал серые, сияющие будто изнутри мужеством и какой-то внутренней силой, изрядно, впрочем, разбавленной раздражением от ее присутствия глаза и пристально и жестко, но с неизменным презрением, посмотрел на нее:

— Что?

— Ничего. — спокойно ответила Женя, быстро очнувшись от раздумий о возможном прошлом или иллюзорном будущем, а Сергей недовольно и строго проговорил:

— Иди тогда.

Вот тебе и все. Командует каждым шагом, слово «спасибо», наверное, вообще не знает, хам, грубиян, кретин...

Стоп, стоп, выдыхай, Женька, у тебя много дел, не трать энергию на пустую, бессмысленную злость, сама же согласилась поплясать под эту ненавистную дудку, так что терпи, терпи! У тебя нет выхода, только один: показать этому гаду, какая ты отличная секретарша, чтобы у засранца не было ни малейшего шанса к тебе подкопаться!

«Я должна стать идеальной», — сказала сама себе Женька и, перешагнув через негативные, разрушительные эмоции, принялась за работу.

Глава 3. «Минус»

Сергей злился. Очень злился. Да он еле держал себя в руках от бешенства! Ну что за чертовски отвратительный день! Сначала Ярик, который вертелся, как уж на сковородке, и юлил, не желая брать его в совладельцы авторынка на соотношении доходов пятьдесят на пятьдесят, потом эти чокнутые, которым, видите ли, его тачка помешала, а он из-за них, между прочим, так и не закончил с этим чмырем Ярославом, придется вечером в ресторан его вести за свой счет, как бабу какую-то!..

Да еще кто! Парнишка какой-то с кишкой, тоньше зубочистки, позволил себе пнуть, и не один раз, его «Экстрейл»! И если бы не рыжая, посмеявшая накинуться на него, Сергея, в попытке защитить своего сопливого дружка, он бы точно почистил этой бледной, тощей мордой свою выхлопную трубу...

А эта рыжая! Еще и с оскорблениями полезла и смотрела своими дурацкими, какими-то... фиолетовыми глазами (линзы контактные, что ли, носит?..) так, будто она ему вызов бросала, как старшая девочка, защищавшая свою песочницу во дворе и младших братьев от злых мальчишек-хулиганов!

Сергей раздраженно открыл папку с документами на подпись и снова ощутил электрический разряд гнева внутри себя: бумаги в папке лежали ровненькой стопочкой, и более того, были разложены по дате в порядке срочности, от самых горящих к тем, что еще терпят...

Сжав губы и выдохнув, приходя в себя и справляясь с желанием раскидать эти бумаги по кабинету, а затем позвать эту рыжую, чтобы ползала тут на коленях и собирала, Сергей принялся подписывать, задумавшись над тем, как жестоко поиграла с ним судьба: эта Женя (имя идиотское! Так только мужиков называют!) оказалась его новой секретаршей! Ну что за жизнь?!? Он то думал, что Колпаков найдет какую-нибудь молодую, красивую девочку, блондиночку или брюнетку, как Света, этакую милую, но ответственную глупышку, с которой можно было бы неплохо повеселиться пару раз, а потом легко отделаться, подарив дорогую цапку, как в случае с Надей из отдела технической документации, или Дашей из ОТК, или Катей из химического цеха... Конечно, на постоянное пользование, как в случае с Викой или Леной, Сергей брать ее бы не стал, потому что секс, в совокупности с постоянной совместной работой, мог бы привести к появлению у маленькой глупышки привязанности к нему или даже чувств, что ему было совершенно не нужно и неинтересно, но, как новая забава, секретарша бы его привлекла...

А тут эта идиотка с замашками подруги криминального авторитета! Конечно, здесь, в офисе, она вела себя куда более сдержанно и деловито, вон как его задания строчила, да паспортные данные отца прикрепила степлером, чтоб не потерялись, но...

Это была она! Да еще и рыжая, ну почему же рыжая?!?

Сергей перестал ставить свои закорючки на документах и, успокаиваясь, вздохнул.

Он терпеть не мог рыжих и веснушчатых с детства. Во втором классе его посадили за одну парту вот с такой же огненно-рыжей, только чуть более оранжевой, чем темно-красный, медный оттенок волос Жени, но суть от этого не меняется, девочкой, которая постоянно плевала в его тетрадки, крошила мел ему в рюкзак, отчего во время дождя он приобретал большие, белесые пятна и все одноклассники ржали, громко крича, что его учебники описались, и постоянно, как настоящая заноза в заднице, колола его в плечо иголкой на уроках. Вспыльчивый Сережа уже тогда был не самым примерным мальчиком с «неудом» за поведение и большим любителем бить с локтя в глаз первым, поэтому, когда его терпение лопнуло, он хорошенько оттащил за рыжие, кудрявые косы эту отвратительную, веснушчатую, пучеглазую девчонку прямо в школьном дворе.

Через час Сергей, сидя в кабинете директора с самым хмурым видом и глядя на красную, всхлипывающую от обиды и слез рыжую, всклоченную соседку по парте, размазывающую соплю по лицу, чем вызывая в нем еще больше омерзения, узнал от ее мамы, что девочка попросту была влюблена в него и таким образом выражала свою симпатию.

С тех пор Сергей на каком-то генетическом уровне ненавидел и избегал всех рыжих женщин, потому что одним своим видом они вызывали в нем отвращение и ненависть, а тут такое... Наглая, рыжая, да еще и с этими мерзкими, треклятыми веснушками на лице! Ну просто полный букет!

Сергей вскочил на ноги, импульсивно заходя по кабинету и усмиряя свой гнев, но вдруг понял, что от этой дуры легко избавиться: она ни за что в жизни не успеет ознакомить всех сотрудников с изменениями в уставе, а заказать отцу билеты на завтра... Это вообще за гранью возможного.

Но злость продолжала долбить отбойным молотком в его груди, и Сергей решил переключиться: сняв трубку местного телефона, он быстро набрал нужный номер.

— Вика. Зайди ко мне. — скомандовал Сергей и, в ожидании, подошел к окну, глядя на многоэтажные жилые высотки, оживленный перекресток внизу и снующих туда-сюда обыкновенных, совсем даже не рыжих пешеходов.

Сзади тихонько хлопнула дверь.

— Привет, Сережа. — сказал мягкий, нежный голос, и Сергей с ухмылкой обернулся, посмотрев на Вику.

Та призывно улыбнулась и, игриво оглядев его нежным, горячим взглядом, принялась медленно расстегивать блузку. Сергей молча наблюдал за ней, слегка наклонив голову и чувствуя, как на смену разрушительному гневу и раздражению приходит горячая волна желаний. Не мешкая больше ни секунды, он стремительно подошел к ней, грубо схватив ее в охапку и, прижав к стене, огненно поцеловал, чувствуя, как затрепетало ее тело под его нажимом и как она обмякла, позволив ему полностью управлять процессом.

*** «Плюс»

Время близилось к пяти часам. Женька уже не чувствовала ног от усталости, но была довольна собой: весь седьмой этаж, исключая лишь начальницу ОТК Вику Гордееву,

которой нигде не было, подписал лист ознакомления с изменениями в Устав.

Налив себе воды в кружку с оранжевыми медведями на белом фоне, Женька дала себе кратковременную передышку, убравшись на столе и ответив на несколько телефонных звонков.

Два дела из трех были сделаны: билеты для Виктора Петровича Красна Солнышка лежали перед ней, распечатанные на принтере, срочные документы были уже в кабинете у этого кретина, который уже час как не выходил (может, забил себя до смерти черной кожаной папкой с горя?? Эх, зря надеешься, Женька! Это скорее ты сунешь голову в принтер и отсканируешь свой мозг, чем Сергей так легко сдастся в этом бою), а значит, все было не так уж плохо...

Дверь директора отворилась, и из нее важной походкой, качая бедрами, вышла Вика.

Увидев ее, Женьку пронзила дрожь омерзения: не будучи душой, она сразу поняла, что эта, объевшаяся сметаны кошка там делала: волосы всклокочены, верхние пуговицы блузки растегнуты, а ее нижняя часть выбилась из-под пояса юбки, помада на губах отсутствует, зато присутствует влажный и невероятно счастливый блеск в глазах и разругавшиеся щеки...

Женя поморщилась. Вика же, тем временем, надменно и хищно посмотрела на нее и подошла к зеркалу возле стойки, глядя на себя и застегивая пуговицы блузки.

— Что, рыжая? Удивлена информацией о том, что взрослые мужчина и женщина делают в закрытом кабинете? — ухмыльнулась она, поправляя волосы и презрительно глядя на Женю через зеркало. — Надо же как-то бедному Сереженьке стресс после твоего вида снимать... А любовь... — она повернулась и с мстительной, довольной улыбкой подошла к стойке, снова глядя на Женю насмешливыми глазами. — Любовь — лучшее лекарство от всех печалей...

Женя вдруг прыснула, захохотав на всю секретарскую, и, заметив недовольный и непонятливый взгляд Вики, пояснила:

— Любовь? Ты о получасовой интрижке, поражающей своей регулярностью, но дышащей непостоянством?? Вика, — выдохнула Женя, глядя в теперь уже откровенно злые глаза начальника ОТК, — это разве любовь? Да это даже не секс, а тупое, животное... — Женя не стала продолжать, видя, как щеки Виктории заалели — еще ударит, чего доброго, лучше попридержать язык. — Твой босс использует тебя ради собственного удовлетворения в своем кабинете, а ты и радуешься! Неужели ты и правда себя так низко ценишь??

— Заткнись, идиотка!!! — зарычала Вика, вдруг схватив ладонь Жени и впившись в нее ногтями до боли, вонзаясь все сильнее и сильнее, желая увидеть беспомощность и страх на лице Жени, желая услышать крик боли, но Женька держалась изо всех сил, даже руку не вырвала, терпя и желая доказать ей, что она права. — Что ты знаешь обо всем этом?!? Что ты знаешь о наших отношениях?!? Не лезь не в свое дело, слышишь? А не то я тебя уничтожу, понимаешь, рыжая? С лица земли сотру, ясно тебе?? — прорычала, трясясь от злобы, Вика, и Жене вдруг стало ужасно жаль ее... Она так цепляется за эту интрижку с Сергеем только по одной причине: он нравится ей. Грубый, наглый тиран, командующий всем и вся, самодовольный и самоуверенный — он небезразличен ей, иначе почему еще она бы так гордилась кабинетным сексом, который в действительности лишь унижает достоинство женщины?

— Прости, Вика, но ты сама знаешь, что я говорю правду. — тихо проговорила Женя, ощутив, как ноготки Вики постепенно отпускают ее руку. Глаза Вики на секунду

остекленели, задумчиво и с некоторой затаенной болью посмотрев в окно, а затем она вдруг резко собралась и полными гневом глазами посмотрела на Женю, недобро процедив:

— Нет. Ты просто сама запала на него, вот и пытаешься меня отвадить. Черта с два, курица рыжая, он мой, мой и только мой, а ты... — она вдруг прервала бешенную речь с большим намеком на паранойю, случайно увидев длинные пофамильные списки с подписями, лежащие перед Женькой... И по ее изменившемуся, мстительному взгляду и коварной улыбке Женька поняла, что она, кажется, попала. — А это что? — она притянула к себе списки, внимательно их разглядывая. — Лист ознакомления? С чем?

— С изменениями в Уставе. Должны подписать все сотрудники. — Устало проговорила Женька, откинувшись на спинку стула. — Я так вижу, по твоим довольным глазам, что ты не подпишешь?

Вика внимательно посмотрела на нее и прищурилась:

— Это Минаев тебе приказал? Да? И что будет, если не все подпишут?

— Уволит он меня, что же еще? — спокойно заявила Женька, от усталости и обреченности зевнув. Судя по виду Вики, который вдруг стал на порядок счастливее, чем после секса с собственным боссом, она подпишет это только в том случае, когда галапагосский морской лев перестанет быть вымирающим видом и заселит все мерзлые, покрытые вечным льдом участки нашей планеты, а значит, судьба Жени на этой работе обречена... Придется искать новое место работы, чтобы копить деньги Поле и платить за кредит: на «Черном полюсе» оказалось слишком много препятствий... Видимо, не ее это «Полюс». — Значит, не подпишешь?

Вика триумфально посмотрела на нее, победно захохотав:

— Никогда! И Лена тоже не подпишет! Скатертью дорожка, рыжая! Чао!!!

И, хохоча от радости, Вика поплыла на свое рабочее место, прикинувшись счастливым круизным лайнером.

Женька вздохнула. Ну вот и все. Стоптаные ноги, миллионы страниц с сайтами авиакомпаний, милая улыбка, от которой устали щеки, и старательное подавление гнева от всего происходящего — все это было напрасно. Чертов кретин Минаев ее все равно уволит...

Но закончить нужно. Женька никогда не бросала начатых дел на полпути — такой уж у нее характер.

Она схватила еще пустые листы ознакомления и стремительно вылетела из секретарской, в отличие от Вики, прикинувшись злобным орлом, желающим атаковать шестой этаж и его работников за ближайшие полчаса, несясь на крыльях собственного, обжигающего гнева.

Глава 3 (окончание)

*** «Минус»

— Лена, я еще раз повторяю: деньги должны прийти завтра! Надави на «Пластматик», позвони им еще раз, но если они ЗАПЛАТЯТ ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ, ТО И МЫ ОТГРУЗИМ И ДАТЧИКИ НА НЕДЕЛЮ ПОЗЖЕ, ТАК ИМ И ПЕРЕДАЙ!!! — кричал в трубку раздраженный Сергей так, что его грозный, командный голос эхом отдавался по всему кабинету и, просачиваясь под не то, чтобы слишком герметичную, пластиковую дверь, распространялся на всю секретарскую, где в поте лица пыхтела Женя, недовольно морщась и косясь на ту самую дверь кабинета.

— Но, Сергей... Почему на неделю, если они задерживают на два дня всего? — умиротворяющим тоном звучал в трубке голос Лены, явно немного напуганный и недовольный, а Сергей ударил кулаком по столу и снова загромыхал, кипя от гнева:

— Да что ты будешь делать, ЛЕНА!!! Через два дня придут деньги, через три дня отдел закупок закажет комплектующие, через четыре дня они придут, через пять дней поступят чертежи от разработчиков, через шесть — техническая документация, через семь — начнут собирать... ВОТ ТЕБЕ И НЕДЕЛЯ, ЛЕНА!!! — снова закричал он, а Лена тихо пробубнила:

— Ладно, ладно, Сереж, не кипятись, я все передам, не нервничай так, хочешь, я найду, и...

— Если ты все поняла, ТО КЛАДИ ЭТУ ЧЕРТОВУ ТРУБКУ И ИДИ РАБОТАТЬ СТАРЦЕВА!!! — вспыхнул по-новой Сергей и уже более спокойно приказал:

— Завтра утром, в восемь, отчитайся.

И он бросил трубку, злясь на женщин всего мира за их наивность и беспечное отношение к тому, что действительно важно, но, при этом, имеющих потрясающую способность раздуть из мухи слона, когда речь идет о самых идиотских пустяках. Снова уставившись в отчет по бракованной продукции за прошлый месяц, он вдруг мельком взглянул на часы и вспомнил о еще одной неприятной проблеме, сидящей прямо за дверью его кабинета. Вздохнув, Сергей нахмурился, а потом ухмыльнулся, представив лицо этой мерзкой рыжей девчонки, когда он скажет ей, что она уволена... А вот интересно, как она оправдается за то, что не смогла собрать все подписи, или за то, что у нее так и не получилось заказать билеты для отца?

Сергей встал и уверенной, стремительной походкой прошел к двери, распахнув ее. Девчонка сидела на месте и что-то писала: Сережа отчетливо видел ее кудряшки огненного цвета, в беспорядке разбросанные по плечам и, судя по всему, никогда не встречавшие на своем пути такую вещь, как расческа, видел эти дурацкие веснушки на ее лице, розовую блузку (и почему рыжие думают, что им идет любой цвет?) и раздраженно выдохнул.

Насмешливо скривившись, Сергей сказал:

— Время — шесть, Евгения. У тебя ровно пять минут, чтобы отчитаться передо мной о проделанной работе.

Девчонка резко подняла голову, и Сережа мельком заметил сиреневый отблеск ее глаз и ярко выраженную неприязнь на ее лице, после чего, подавив приступ гнева, он вернулся за свой стол, развязно откинувшись в кресле и нетерпеливо ожидая.

Рыжая залетела почти сразу, держа в руках аккуратно (Боже мой, ну что за аккуратистка? Все-то у нее листочек к листочку сложено...) скрепленную пачку бумаг. Подойдя к нему, она деловито уселась на соседний стул, сложив ногу на ногу, и серьезно, строго посмотрела на него. Сергей прищурился: он видел, что она отбросила эмоции, переключившись на рабочий лад, и в ее странных глазах не было ни капли злости или раздражения, хотя Сергей прекрасно понимал, что она его терпеть не может точно так же, как он ее.

— Ну? — нетерпеливо поторопил он, нахмурившись. — Посидеть пришла? Выкладывай.

В глазах Жени мелькнул гнев, но она не позволила своим чувствам вырваться на волю, быстро справившись с собой, и проговорила:

— Пункт номер «один» в вашем перечне задач был выполнен еще днем: срочные документы лежали у вас на столе к вашему возвращению с обеда. Пункт номер «два» — ознакомление с изменениями в Уставе. — Женья положила перед Сергеем стопку листов, и он неприязненно и хмуро посмотрел на нее. — Это пофамильный список всех сотрудников с подписями и датой ознакомления.

Сергей удивленно нахмурился, листая страницу за страницей и разглядывая почти полторы сотни подписей и разных закорючек, не веря своим глазам. Как она могла успеть? Им же нужно прочитать документ, а на это ушло бы порядка нескольких минут, там почти пять страниц печатного текста...

— Как ты это сделала? — строго спросил он, тем самым потребовав объяснений от девчонки, сидевшей с самым важным видом, будто она тут своими руками земной шар с орбиты сдвинула. — Они что, не читали изменения? Тупо расписывались?

— Не читали. — невозмутимо кивнула Женья и слегка улыбнулась, видимо, заметив признаки начинающегося приступа бешенства у Сергея, который чуть не умер от его удушливых объятий. Прищурившись и полыхая огнем, он прошипел:

— То... есть... как?

— То есть я им читала. Вслух. — спокойно заявила Женья и, заметив непонимание на лице Сергея, пояснила:

— Если бы каждый читал прежде, чем поставить свою подпись, я бы ни на что не успела, а так, я предложила им вариант, позволяющий сэкономить мое и их время: я читаю вслух всему кабинету, они слушают и параллельно занимаются своей работой, а затем дружно подписывают... Их устроило мое предложение. — пожала плечами девушка, а Сергей откинулся на спинку стула, ошарашено глядя на нее.

Нет, ну надо же! Как она могла до такого додуматься?!? Уму непостижимо!!! Чувствуя, как в груди вскинулось раздражение, поглощающее здравый смысл, Сергей глубоко вздохнул, не сводя насмешливых, пронизательных глаз с Евгении. Его ужасно бесил тот факт, что она идеально варит кофе, идеально складывает документы, идеально выполнила, казалось бы, невыполнимое задание, и все это в совокупности злило его еще больше, потому что уволить ее за невыполнение задач — это одно, а вот теперь, даже если ему и захочется ее выгнать, то только лишь по личным мотивам... А это мерзко и непрофессионально, как говорил его отец. «Если хочешь стать настоящим начальником, то наказывай людей за провинности, а за хорошую работу — поощряй. Личные мотивы в сторону, сын. Так ты добьешься уважения», — говорил Виктор Петрович.

И Сергей старался делать именно так, не смешивая личное и работу, поэтому никто из

тех женщин, с кем у него были личные связи, не получали повышения или, наоборот, не были уволены с фирмы. Сережа строго за этим следил.

Гнев пылал внутри него: ну как теперь, скажите на милость, ему избавиться от этой рыжей дурынды??? Он поджал губы и, в поисках хоть какого-нибудь прокола, снова, на удачу, открыл списки с подписями.

Одна страница, другая, третья...

Ага, вот оно. Сердце весело и довольно стукнуло в груди. Попалась!

— Так, стоп. А здесь где подпись? — спросил Сергей, указывая на пустую клетку напротив Викиной фамилии. — Почему Гордеева не подписала??

Женя вздохнула и, слегка порозовев, уверенно проговорила:

— Лена Старцева тоже не подписала. Они отказались подписывать.

Сергей нахмурился, кажется, понимая, почему эти две клуши так поступили... Показательное выступление перед новенькой, чтобы не рыпалась и не претендовала на него, Сергея... Раздражительно стукнув кулаком по столу так, что Женька вздрогнула, он рявкнул:

— Что значит — отказались?!?

— Отказались, и все. — сохраняя самообладание, проговорила Женя.

Сергей быстро набрал номер Вики и, услышав ее голос, жестко и повелительно процедил в трубку:

— Вика, бери Лену, и срочно ко мне! Через минуту не явитесь — лишу премии!!!

И он импульсивно бросил трубку, снова уставившись на Женю и думая о том, когда этот идиотский день, наконец, закончится.

Через минуту, а может, и раньше, в дверях показались два милостливо улыбающихся лица, сверкающие густо напозаженными губами и припудренными носами.

Девушки надменно и триумфально посмотрели на Женю, которая даже не повернулась в их сторону, продолжая задумчиво глядеть в окно, а затем, сели по другую сторону стола и с одинаковыми призывными улыбками уставились на Сергея.

— Сергей? Что случилось? — сделав непонимающий вид Барби, спросила Лена которой очень даже шло это глуповатое выражение лица.

— Почему не подписали Лист ознакомления? — раздраженно и требовательно рявкнул Сергей, кинув перед девушками пачку листов.

Как он и ожидал, они мстительно переглянулись, и Вика с холодной улыбкой на ярко-красных губах проговорила:

— И что это за Лист, Сережа? Мы впервые его видим, твоя секретарша к нам не подходила.

Сергей перевел хмурый и требовательный взгляд на Женю, а та лишь вздохнула и, гневно посмотрев на начальниц отделов Обмана и Интриг, спокойно проговорила:

— Неправда.

— Что-о-о??? Ты нас во вранье обвинять будешь?? — возмущенно воскликнула Вика, картинно всплеснув руками. — Еще раз говорю — ты к нам не подходила со своим Листом!! И кто ты такая, секретарша, чтобы нас при Сергее обвинять??? Сергей, мы здесь, между прочим, — Вика ненавистно покосилась на Женю, — много лет работаем, в отличие от нее, так кому ты поверишь? Девочка просто обнаглела, начальникам отделов такое заявлять! С чего бы это нам не подписывать-то?!?

— Это неправда. — уверенно, но тихо проговорила Женя, открыто глядя на Лену и Вику. — То, что я к вам подходила, видела половина сотрудников ваших отделов. Вы

отказались расписаться.

— Да как ты смеешь... — завопила было Лена, но Сергей, у которого уже голова начинала раскалываться от этого балагана, хлопнул кулаком по столу и, едва сдерживаясь, чтобы не разорваться длинной, гневной тирадой, рявкнул:

— Так, все!!! Молчать. Женя. — жестко обратился он к рыжей, вдруг обрадовавшись возможности все-таки ее уволить, и тому, что гнев его девчонок как нельзя кстати пришел ему на помощь в этой ситуации. Рыжая посмотрела на него внимательными, фиолетовыми глазами, и ее нижняя губа чуть дрогнула: она все поняла. Сергей нахмурился, но... Он уже все решил. Эта раздражающая особа не должна целыми днями торчать около него. — Ты не до конца выполнила задачу. Я просил тебя собрать ВСЕ подписи, а здесь, — он махнул рукой на список, — не хватает двух.

Вика и Лена триумфально заулыбались и переглянулись, радостно сияя, разве что по рукам тут не ударили, а Женя, гневно и с большой обидой в глазах посмотрев на Сергея, лишь поджала губы и вздохнула.

— Хорошо. — чуть дрогнувшим, но, все же, уверенным голосом, стараясь держать себя в руках, проговорила она и встала. — Значит, я уволена? — она вдруг посмотрела на свои руки, и Сереже на миг показалось, что рыжая хочет заплакать, но тут увидел в ее руках еще какие-то бумаги. Женя положила их на стол перед недоуменным боссом и произнесла:

— Это билеты для вашего отца, Сергей Викторович. Частный, восьмиместный самолет вылетает из аэропорта Цветово завтра, в четыре часа вечера, прямой рейс до Стамбула. Обрато — на следующий день, из того же аэропорта в Стамбуле, тот же частный рейс, вылет в семь вечера по местному времени.

И она повернулась, чтобы уйти, но обескураженный и вконец удивленный Сергей резко обрел дар речи и жестко скомандовал:

— А ну, стой!

Женя обернулась. Надо сказать, Вика и Лена тоже выглядели удивленными: найти самолет за день до отлета?.. Они недовольно и гневно переглянулись, одновременно угрюмо посмотрев на Сергея.

А Сергей был в откровенном шоке, и его злость жгла его изнутри, как языки пламени, которые кто-то загнал во все его вены, прямо под кожу. Ну что за черт?!?

— Частный самолет?? — удивленно переспросил Сергей, подняв брови.

Женя кивнула, пожав плечами.

— Ну, денежный лимит не был вами озвучен, а обычных билетов, как вы сами могли догадаться, уже не было. Посылать Виктора Петровича с пересадками в нескольких городах, с моей точки зрения, показалось как-то неправильно, поэтому я обзвонила все авиакомпании, которые занимаются частным извозом, и у одной, как оказалось, был свободный самолет. Довольно комфортабельный лайнер, я в интернете картинку видела, доставит прямиком в Турцию, на борту — двухразовое питание и напитки. — Женя вздохнула. — Если что-то не так, я могу позвонить и отказаться. У вас еще остались вопросы, Сергей Викторович? Или я могу пойти вещи собирать?

— Иди, иди, секретарша! — насмешливо проговорила Вика, ухмыльнувшись. — И забудь дорогу в нашу фирму, рыжая!

Женя, чуть прищурившись, посмотрела на нее, а затем бросила последний взгляд на Сергея. Он молчал, хмуро и пристально глядя на нее.

Секунда. В Жениных глазах блеснуло сиреневое пламя, всколыхнув волну гнева, обиды,

разочарования и... Сергей чуть прищурился, пытаясь понять, не ошибся ли он... Что еще в этих глазах, неприязненно смотрящих на него?? Что еще?? Ошибся?.. Нет, это было отчаяние. Отчаяние. Отчаяние.

И он знал об этом. В его груди вдруг разверзлось что-то неприятное, отвратительное, скребущее душу... Что-то, ужасно напоминающее угрызения совести...

Она раздражала его. Ужасно, неопишимо! Он помнил ее сегодня утром на парковке: вызывающий взгляд, наглый, уверенный тон... «Слышишь, парниша?»... Он помнил свое бешенство, вызванное ее идиотской выходкой с благородным намерением защитить своего друга, помнил злость, отвращение и черт побери! Эти ужасные, рыжие волосы! Эти чертовы мерзкие веснушки! Да он терпеть ее не мог, насмеялся над ней, не хотел ее видеть ни секунды в своей жизни!

Но... но... но...

Она все сделала. Выполнила за три часа все чертовски сложные и казавшиеся невыполнимыми задачи! Она собрала все подписи, проявив смекалку и ум, она, черт возьми, выбила его папашке крутые билеты на крутой самолет! Сергей уже представлял, какое гордое и высокомерное лицо будет у его отца, когда он увидит эти, тешащие его самолюбие, шикарные билеты! И она... Сергей видел ее взгляд. Она была в отчаянии. А значит, ей нужна была эта работа. Очень нужна, раз она отбросила эмоции и проявила столько усердия, чтобы сделать все, что он попросил...

Совість скребла все сильнее, и Сергей уже трижды ненавидел себя за то, что эта рыжая поставила его в такую ситуацию, за то, что он чувствовал, что поступает неправильно, увольняя ее, что поступает непрофессионально...

Женя смотрела в его глаза ровно секунду, а затем отвернулась и уверенно вышла из кабинета.

— И Слава Богу. — сказала довольная, как соломенная баба на масленице, Вика. — Зачем она нам тут, тем более, рыжая?.. Правильно сделал, Сережа, что убрал ее. Она будет только мешать.

— Да, борзая девка. — поддакнула Лена, с таким же сияющим лицом глядя на ушедшего в разбор собственных внутренних ощущений Сергея. — Слышал бы ты, как она с нами нагло днем разговаривала! Если бы не Краснохатов, мы бы ее раскатали паровым катком...

Сергей их совсем не слушал. Он злился на себя, на Женьку и еще десять раз на судьбу, чувствуя, как его всего разрывает противоречиями. «Оставь все, как есть, и ты завтра забудешь о ней... Это только одна-единственная дурацкая девчонка, никто даже не узнает, что ты уволил ее из личных мотивов... Оставь все, как есть, и ты завтра о ней забудешь...» — шептал его внутренний голос, но...

— Да черт бы ее побрал!!! — выругался Сергей и, резко вскочив со стула, импульсивно вылетел за дверь.

— Эй, Сереж, ты чего?!? — крикнула Вика, но он ее не слышал.

Женя еще была там, Сергей видел ее расстроенное лицо, когда она натягивала сапоги, видел, как подрагивали ее руки, застегивая молнию на обуви, и, проклиная себя за этот самый идиотский в его жизни, но, возможно, все-таки правильный поступок, стремительно подошел к ней.

*** «Плюс»

Ну вот и все. Придется начинать сначала... И как объяснить родителям, что она была уволена в первый же день с хорошооплачиваемой и удобной для совмещения полуставочной работы? Скажет, что начальник оказался тем самым кретином, который перекрыл им сегодня утром выезд с авторынка и с которым Женя не очень культурно «поговорила», вследствие чего, получилось все это? Да еще эта его дурацкая нелюбовь к рыжим... Ну она-то что ему сделала??? Нет, она не скажет, ничего не скажет, а постарается быстро найти что-нибудь другое, ей так чертовски нужно накопить эти деньги, кто бы знал!!!

Ощущая, как обида и ужасное расстройство тянут ее душу в разные стороны, а ладони дрожат от нестерпимого желания поплакать и покричать, выплеснуть гнев на весь этот досадный день, который просто нужно перешагнуть, стереть и жить дальше, без идиота Минаева, без «Черного полюса», без этих дурачков Лены и Вики, Женька обувала сапоги и не слышала, как к стойке подлетел Сергей.

— Женя. — жестко окликнул он ее, и она вздрогнула, устало посмотрев на него. Серые, ледяные глаза, сияющие жутким недовольством и какой-то тонкой, едва уловимой, но очень мощной мужской силой, влиянием, господством над любой ситуацией, внимательно заглянули в фиалковые глаза девушки и стали их очень конкретно изучать: у Жени даже появилось чувство, что он пытается прочесть ее мысли, и ей стало немного не по себе. — Поскольку в Листе ознакомления отсутствуют лишь две подписи, то я, так и быть, тебя не уволю. Можешь остаться на фирме. — снисходительно разрешил Сергей, слегка ухмыльнувшись Жене, словно добрый хозяин, простивший нашкодившую собачку.

Женька не поверила своим ушам, но бешеный, срывающий крышу, гнев не позволял ей здраво оценивать ситуацию. Вы только поглядите на этого надутого, обьевшего лебеды, монгольского сайгака!!! Он сейчас стоит перед ней с таким видом, будто сделал ей самое великое одолжение в ее жизни, гад такой! Пусть катится к чертям, она с таким зазнавшимся, высокомерным любителем покомандовать, одуревшим от своих денег и влияния ослом навьюченным, работать не будет! Вот еще, станет она унижаться после такого «разрешения», она тут, вообще-то, на части рвалась, чтобы доказать, что она любую задачу решить сможет, а он ей так пренебрежительно: «можешь остаться...» Козел, козел, ненавистный кретин!!!

За окном вдруг что-то гроыхнуло, будто нагруженный разным железным хламом самосвал неудачно перепрыгнул кочку на дороге, и сознание Жени включилось.

Включилось понимание, зачем ей нужна эта работа. Включилось лицо кашляющей и задыхающейся маленькой Поли. Включился здравый смысл.

А уважение к себе она заслужит. Хоть и рыжая.

— Я останусь только потому, что мне действительно нужна эта работа. — серьезно и с нажимом проговорила Женя, как бы пытаясь продемонстрировать, что она вынуждена принять его не слишком уж соблазнительное предложение, и Сергей кивнул:

— У тебя испытательный срок. Три месяца. Будешь хорошо работать — получишь постоянную ставку. Ясно? И никаких проколов. Слажаешь — уволю.

— Договорились. — кивнула Женя, мстительно думая про себя: «Не дожدهшься, кретин!» Сергей еще секунду пристально смотрел ей в глаза, а затем раздраженно вздохнул и вихрем умчался в свой кабинет, хлопнув за собой дверь.

Женя привела рабочий стол в порядок и, накинув пальто, направилась к выходу с фирмы.

На улице было все также серо и пасмурно. Дождь не шел, но холодный, промозглый ветер окончательно стирал из памяти теплые и солнечные летние деньки, оставляя лишь

предупреждение о надвигающейся зиме и высоких снежных сугробах.

Пытаясь переварить все произошедшее, Женя медленно добрела до киоска с мороженым, подрагивая от холода, но зная, что мороженое, охладив ее изнутри, поможет отвлечься от хмурых и безрадостных мыслей о ее новом начальнике и успокоить разбушевавшиеся нервы, переключив организм на защиту от переохлаждения.

Все также медленно Женя доплелась до своей машины и, увидев, что «сосед» слева уже уехал, радостно плюхнулась за руль, распахнув дверь как можно шире и, продолжая с наслаждением уплетать мороженное, стала изучать множество кнопок на приборной панели, чтобы понять их значение и возможную полезность для нее самой.

Вдруг неожиданно снаружи автомобиля раздалось гневное:

— Твою ж мать!!!

Нутро Женьки будто встало вверх тормашками: испытывая тошноту от звуков этого голоса, Женька резко выпрямилась и посмотрела через лобовое стекло: перед ней снова, как будто это был чертов плохой сон, испытывающий ее на прочность и призывавший пройти через семь кругов ада, или родовое проклятие, стоял не кто иной, как Сергей, снова сунув руки в карманы брюк, снова с гневом глядящий на нее, снова, черт побери, рядом с ней, да что же это такое?!? Он что, ее преследует?!?

Она вздохнула и вышла из машины, с удивлением глядя на злого-презлого Сергея и невозмутимо жуя мороженое.

— Что случилось, Сергей Викторович?

Сергей чуть наклонил голову, посмотрев на Женю так, будто он сейчас затолкает ей мороженое глубоко в глотку и еще в парочку мест в неистовом желании выплеснуть ярость.

— Ты что, думаешь, водители могут ужиматься до состояния водопроводной трубы??? — гневно прошипел он и махнул на свой синий «Экстрейл», который, как оказалось, преспокойненько себе стоял с правой стороны от «ласточки» Жени, ни дальше, ни ближе, как ровно в десяти сантиметрах от ее машины. — Или, может, ты в автошколе пропустила пару уроков правильной парковки?? Как я в нее залезу???

Женька не удержалась и тихонько, мстительно хихикнула, желая сообщить своему дражайшему боссу, как именно ему стоит сложиться и в кого из милейших насекомых нашей планеты превратиться, чтобы сесть в свой треклятый тарантас, но сдержалась, вместо этого недоуменно поглядев на пустое место слева от своей машины и пробурчав себе под нос:

— Так здесь вот еще ближе машина стояла, должна же я была как-то вылезти, тем более я торопилась, не хотела опаздывать, вот мне и пришлось...

Сергей раздраженно закатил глаза и, грубо схватив Женю за плечи, резко развернул к себе и уставился на нее сияющими стальным, сокрушительным гневом серыми глазами.

— Да мне по барабану, Женя!! — насмешливо и злобно прошипел он, испепеляя ее взглядом. — Убирай сейчас же свою букашку, да поживее, мне ехать надо, я спешу! Ну, ну???

Он развернул ее и подтолкнул, к счастью, несильно, к водительской дверце «Опеля», правда, и от этого толчка Женя чуть не подавилась мороженым.

Великолепно! Вышел на улицу и опять стал самим собой: командует, хамит, толкается... Злобный монстр ты, Минаев, с фиолетовыми рогами и черной бородой!! Кретин, которому все мало... Ну ничего, Сергей Викторович, и на дерзкого бизнесмена с замашками Северной звезды найдется свой ковш!!!

— Хорошо, Сергей Викторович, только не кричите, я уберу машину. Вы же спешите. — ядовито проговорила Женька и медленно, словно старая-престарая улитка на льду,

двинулась к своей машине, потихоньку, словно в замедленной съемке, села за руль и очень неторопливо завела мотор, мельком глянув на Сергея.

Он наблюдал за ней, нетерпеливо подергивая ногой, а когда понял, что она мстит ему за утреннее происшествие, поднял брови и вспыхнул так, что Женьке, не сдерживающей довольной, коварной улыбки, показалось, что он сейчас превратится в ракету и улетит в Космос с красно-черным пламенем, вырывающимся из задней части. Серые глаза обледенели дальше некуда, излучая такую бешеную ярость, что Женька даже немного испугалась, а затем испугалась «много», когда Минаев стремительно подошел к ней и, с силой схватив ее за локоть и тряхнув, бешено прошипел:

— Не испытывай мое терпение, слышишь?!? Если через минуту ты не отодвинешься от моей тачки на приличное расстояние, я...

— Что? — перебила его Женя, храбро (это свиду, внутри нее, при этом, все как-то неприятно сжималось, только девушка упорно не желала признавать, что это от ужаса) глядя в его глаза. — Вы — что? Уволите меня? Не можете, мы не на рабочем месте.

Сергей ухмыльнулся, насмешливо посмотрев на нее.

— Не смей меня, глупышка. Я что, по-твоему, только вчера на должность заступил, чтобы не понимать таких примитивных вещей? — он наклонился к ней, пристально и жестко глядя в ее фиалковые глаза своими серыми, излучающими раздражение и презрение, собственное превосходство и чувство вседозволенности, но Женя, Женя... в этот миг ощутила странный магнетизм, как будто она не могла оторвать от него взгляда, как будто что-то, включая приятный мужской парфюм, легкую щетину на его щеках, длинные ресницы и темные брови, что-то не давало ей отвернуться, хоть он и злился, хоть она и ненавидела его всей душой, но...

На мгновение этой злости не стало. Лишь притяжение. И именно в этот момент Женя вдруг осознала, что означали слова Светы насчет его обаяния. Это едва уловимое, еле заметное, почти не осязаемое качество, но обладающее мощной, непреодолимой силой, которая оказывает неизгладимое впечатление на слишком чувствительное, слишком впечатлительное женское сердце. Обаяние подкупает, заставляет подчиняться, воздвигает перед глазами женщины Эверест из тех самых крепких черт характера, вроде мужества, самостоятельности, решительности, бесстрашия и целеустремленности, которых по воле природы-матушки так недостает женщине, но в которых она страшно нуждается как слабый, правда, желающий казаться сильным, пол, однако, не желающий себе в этом признаваться (отсюда и женская эмансипация — при недостатке тех самых мужских качеств, женщина вынуждена возвращать их в себе самой, чтобы ощущать себя самостоятельной, целостной, полноценной). А чего стоит только их умение обращаться с тобой так, как ты того желаешь, с целью завоевать, добиться, или даже укротить?..

И к чему сейчас были эти мысли в дурной рыжей головушке, если Сергей был в секунде от того, чтобы завязать ее узелком и сунуть в багажник для прекрасного и длительного отдыха??? Женька очнулась как раз вовремя, чтобы услышать следующую фразу:

— Послушай меня сюда: если ты сейчас же не уберешь машину, я сам ее уберу, в ближайший столб. Как тебе такая перспектива, девочка?

Женька вырвала локоть из его руки и, гневно оттолкнув его, захлопнула дверь, диву даваясь, как в ее дурацкую голову секунду назад могла прилететь мысль о каком-то пресловутом обаянии вообще в отношении этого бешеного и грубого кабана, а вслух злобно и язвительно проговорила:

— Очень заманчивая. А столб можно самой выбрать, или здесь тоже вы будете решать, Сергей Викторович?

Сергей насмешливо поднял брови, но промолчал, по-видимому, решив не напрягать ради ответа своей новой секретарше мышцы лица понапрасну, а Женя же, осознав, что все равно проиграла в этой неравной битве, холодно проговорила, взявшись за руль:

— Мы утром тоже спешили, Сергей Викторович. Я хотела сказать вам лишь то, что не всегда все в этом мире стремится удовлетворять только ваши интересы...

— Ты закончила басни с моралью читать? — гневно осведомился Сергей, с силой хлопнув кулаком по крыше машины. — **МОЖЕТ, ТЕПЕРЬ ТЫ УБЕРЕШЬ СВОЮ ДОЛБАННУЮ ТАЧКУ И ДАШЬ МНЕ ВЫЕХАТЬ, ИЛИ Я ИЗ ТЕБЯ И ТВОЕЙ ЖЕЛЕЗ. КОЛОБОК СКАТАЮ, ИДИОТКА?!?** — прошипел он яростно, еле держась от громкого ора, а Женька, теперь, наконец-то, реально напугавшись за свою судьбинушку и здоровье, поспешно махнула рукой и, быстро и мило прощепетав: «До завтра, Сергей Викторович!», рванула прочь с парковки, кипя в горячей лавине разных, негодующих громкими голосами внутри нее эмоций.

*** «Плюс»

— Кретин, чтоб ему провалиться! — от души ругалась Женька, положив голову на письменный стол в комнате Игоря и глядя на суесящихся в бесцельном, спутанном движении рыжих и черных маленьких рыбок в аквариуме.

Игорь же в это время с самым важным видом восседал рядом, спиной к своей подруге и лицом к своему другу компьютеру, что-то быстро там листая, набирая на клавиатуре какие-то команды и задумчиво выжидая, пока «железный дружок» досчитает до ста процентов и откроет очередное заумное окошко.

Женька покосилась на его спину все в той же темно-красной футболке с надписью на английском: «Come to the Dark Side» («Переходи на темную сторону» — с англ.), и тяжело вздохнула, вконец запутавшись в собственных злых эмоциях.

— Слушай! — встрепенулась она, хлопнув Сторожева по длинной, худой спине. — А может, мне, все-таки, ну... нафиг пойти? Уволиться оттуда, в смысле? Я же его на дух не переношу, а этот поганец, судя по сегодняшним заданиям, устроит мне испытательный срок в аду, да еще эти его команды, «сделай то», «сделай это», без всяких «спасибо» и «пожалуйста»... Он же меня в могилу сведет!

Игорь резко отбросил мышку и повернулся к Женьке, сверкнув голубыми глазами из-под специальных компьютерных очков.

— Зябликова, ну ты дура совсем, что ли??? Никаких «уволиться»!!! Этот борзый кретин сначала должен пожалеть, что так с тобой обращался, что его ненависть к тебе, основанная лишь на нелюбви к рыжему цвету волос и том факте, что ты якобы спасала меня из его лап — это все туфта параноидальная и дерьмо собачье! — Игорь наклонился к растерянной Женьке и настойчиво проговорил:

— Ты должна сделать так, чтобы он почувствовал себя виноватым перед тобой за свое грубое поведение, а для этого, Женька, тебе всего лишь нужно стать самой умной, — принялся с азартом загигать пальцы Игорек, — самой быстрой, самой аккуратной и самой лучшей секретаршей в мире! Ты только представь его рожу, когда ты пошатнешь все его принципы и обратишь его внимание на свое неразумное поведение!! Женька, да когда он

поймет, что ты идеальна, он изменит свое отношение к тебе, вот увидишь! Это психология начальника. — умно изрек Игорек, облокотившись на спинку своего стула. — Самый лучший работник для начальника какой, Женька?

— Который не рыжего цвета, молчит в тряпочку и сидит под столом? — недовольно буркнула Женька, снова уставившись в аквариум.

— Молодец, балда, почти угадала. — усмехнулся Игорь, дав подруге легкий подзатыльник. — Самый лучший для начальника тот, кто НЕ КОСЯЧИТ.

Женя насмешливо фыркнула.

— Да таких не бывает, дурень! Невозможно делать много дел и не упустить что-нибудь из виду. Мы же люди, а не машины.

— Значит, ты будешь первой, Зябликова. Заставь его пожалеть. Стань превосходной. — не унимался Игорь, а Женька с горечью покачала головой:

— Ты же с ним сегодня встречался! Ты считаешь, этот нахальный, властный конь, который сам себя под уздцы водит, может хоть о чем-то в своей жизни жалеть? Да у него и жалости-то нет, мне кажется.

Игорь рассмеялся и покачал головой:

— Жалость есть у всех. Вот увидишь.

Женя не стала возражать и портить Игорьку наивную картину мира в его голове, а лишь устало посмотрела через окно, на темное, почти черное небо, усеянное множеством мерцающих, таинственных и таких далеких точек, тем более, что в дверном проеме вдруг возникла голова Раисы Васильевны с большой, округлой челкой и зачесанными назад ободочком остальными седыми волосами, которая строго зыркнула через толстые стекла очков на Женю, затем — на внука, и скрипучим, но важным голосом проговорила:

— Эй, голубки, а не поздно вы воркуете-то? Время к десяти подходит, Игорек, тебе скоро спать ложиться... Марш домой, Евгения, завтра приходи, давай-давай... — поторопила Женю любезная бабушка Игоря, помахав перед собственным носом рукой, как ветряной мельницей, и та встала, а Игорь недовольно застонал:

— Бабушка! Да какое «спать», время еще детское, что ты Женьку гонишь? Пусть сидит, мы же не шумим... И у нас разговор важный...

— Все разговорчики утром надо говорить, на чистую и свежую голову! — беспрекословно изрекла Раиса Васильевна, а Женя улыбнулась, зевнув и действительно почувствовав себя очень усталой:

— Ладно, Игорек, пойду я действительно... Завтра вставать рано, с утра работаю...

— Помни: стать суперзвездой! — тихо бросил вслед уходящей Женьке свое напутствие Игорь, и девушка мельком подумала, что в этом, наверное, что-то есть... И вышла из комнаты друга, хлопнув дверью.

Глава 4 "Плюс"

Целая неделя прошла для Жени ровненько, словно морская гладь во время штиля в океане: спокойно и без эксцессов. Девушка училась, наконец-то потихоньку подтягивая все свои хвосты, закрывая задолженности и меняя впечатление преподавателей института о себе в лучшую сторону, что несказанно ее радовало при том обстоятельстве, что у Жени была еще и работа.

А вот работа для Зябликовой, как огромный и очень густой, со спутанными, колючими ветками кустарник, в любую секунду могла больно цапнуть, сделай она хоть малейшее неверное движение в сторону.

Чтобы не вызывать гнева со стороны своего начальника Сергея Викторовича Минаева, которого Женька в сердцах и с абсолютно чистым, как Ниагарский водопад, раздражением и глубокой неприязнью, будучи очень даже, на редкость, взаимной, называла «кретином», Женя старалась почти не показываться ему на глаза, сидеть ниже травы и тише воды и работать с особым упорством и тщательностью, чтобы у кретина не было ни малейшего шанса к ней подкопаться.

Целая прекрасная пятидневная рабочая неделя протекла без сучка без задоринки: Женя знакомилась с новым коллективом, который, за исключением Вики Гордеевой, Лены Старцевой и, конечно, сотрудников их отделов, которые, не желая портить отношение с начальницами, поддерживали их стремление развеять прах новой секретарши по ветру на крыше завода, отнесся и принял рыжеволосую девушку очень даже дружелюбно; Женя все больше углублялась в нюансы своей работы и становилась все уверенней с каждым днем, тем более, что ее альтруистические наклонности помогать всем и каждому, кто имел счастье обратиться к ней за помощью, не оставались забытыми милыми работниками «Черного полюса» и все больше прокладывали дорогу к взаимному дружелюбному отношению.

Хотя, если говорить положе руку на сердце, то без маленьких гадостей, которые при любом удобном моменте пытались сделать Женьке все те же Вика с Леной, поражая своим мелким масштабом и изобретательностью, свойственной обычно детям из пионерского лагеря, да и то — лишь с наступлением темноты (то кофемашину из розетки выдернут, то важные сообщения от Минаева якобы «забудут» передать, то документацию специально составят с ошибками и т. д.), и которые заставляли серые, всегда суровые глаза Сергея в очередной раз в раздражении закатиться к потолку, и, судя по его виду и кислой мине, будто он съел целую тонну мха-лишайника, не проходящие без последствий для его отношения к Жене, все же, без этих гадостей работа Жени была бы больше похожа на почти что нормальную.

Но, к счастью, разум в ее голове вовремя включал лампочку, закрывая гнев в дальней комнате ее чувств и выдвигая на передний план полное, безответное безразличие к тому мелкопакоственному идиотизму, что неизменно периодически творился вокруг нее, и в этом ей очень сильно помогали новые друзья: Света, которая была до того удивлена, что Женьку не выбросили за порог еще в первый день, что целых два часа подряд тарасила на нее свои болотные глаза и периодически тыкала ей в плечо пальцем, видимо, проверяя, не развилась ли у нее рыжая и длинноногая галлюцинация на почве усталости от работы, учебы и прочих забот; и Семен, странный, прямой, очень чувствительный и до безобразия внимательный к

предметам гардероба и вообще к своей или чужой внешности, но теплый, как южное солнце, уютный в общении, словно плывешь с ним по реке в одном направлении или сидишь на диване, укрывшись общим пледом, и чертовски интересный, увлекающийся разными видами искусства, начиная с литературы и написания стихотворений прямо «на ходу» и заканчивая рисованием и лепкой из пластилина, что в совокупности бесконечно притягивало Женю к нему, хоть она до сих пор и не определилась, влюблена она в него или ее чувства из другого разряда?

Как бы то ни было, жизнь текла своим ручьем, и Зябликова, пользуясь принципом «опускай голову ниже, когда проходит «кретин»», и «ничего не отвечай, когда у «кретина» есть к тебе претензии и замечания», жила спокойно и наивно полагала, что так оно и будет дальше, раз она так умно все придумала, но судьба всегда держит руку в кармане: никогда не знаешь, что она там прячет — раскрытую ладонь или кулак.

Октябрь-месяц неизменно принес в город настоящий осенний холод, первые заморозки, рисующие узоры на поверхности грязных луж, серость и тоску в душе, пар изо рта и многочасовые очереди в «Шиномонтажи», где в ожидании готовности своей машины можно было успеть прочитать сборник стихов поэтессы «серебряного века» Зинаиды Гиппиус от корки до корки раза эдак на три.

Женя работала с утра и, по своему обыкновению, встав заранее, в шесть часов, но просидев с кружкой кофе за передачей «С добрым утром, город!», где шла ужасно увлекательная рубрика «Самоделкин», в которой сегодня демонстрировали, как из старых, дырявых носков сделать превосходную римскую штору на окно, она припарковалась у входа ровно за три минуты до восьми часов, а провела магнитным пропуском по замку входной двери на фирму ровно за минуту до установленного начала рабочего дня, так что теперь она, с покрасневшими от холода на улице щеками, на ходу расстегивая свою пуховую куртку персикового цвета и громко стуча каблучками сапожек, вихрем влетела в секретарскую и плюхнулась на свой стул, быстро, коленом, ткнув круглую кнопку включения компьютера на процессоре под столом, который кто-то чертовски догадливый закрепил как раз на этом удобном уровне, и даже не сразу заметив огромный букет нежно-розовых хризантем, украшенных белыми бусинками и серебристыми блестящими бабочками на зажимах, возвышавшийся в голубой, толстопузой вазе, заботливо вытащенной кем-то (наверное, тем же, кто и притараканил этот огромный букетище в такую рань) из тумбочки в углу секретарской.

Женька так и замерла, уставившись на цветы огромными, ошеломленными глазами, забыв даже раздеться и обуть туфли, не говоря уже о том, чтобы взять трубку, потому что рабочий телефон по линии «город» уже вовсю тренькал около Жениной правой руки.

Медленно встав и восторженно разглядывая букет сияющими глазами, Женя с удовольствием наклонилась к нему и, вдохнув тонкий, цветочный аромат, очень слабый, но такой свежий, зеленый и нежный, девушка легко коснулась лепестков кончиками пальцев и поймала себя на том, что сейчас стоит и по-дурацки улыбается, совсем как маленькая девочка.

— Ух ты, ух ты, какие цветочки!.. — шепотом восхитилась Женька, разговаривая, как и все обычные, совершенно нормальные люди, сама с собой. — А вот интересно, они вообще кому?.. Светке, наверно?.. А может, мне?.. — наивно, с надеждой шепнула Женька и вдруг заметила небольшую, квадратную открытку, придавленную вазой.

С круглыми от переполнявших ее эмоций глазами, Женя аккуратно достала карточку и с

невероятным удивлением и бешеным стуком в сердце прочитала на лицевой стороне: «Евгении З.»

— «Евгении З.»... Так... это мне!!! — воскликнула она, снова улыбаясь во весь рот, как дурак, и с безграничным счастливым удивлением вновь посмотрела на цветы. — Ничего себе!.. Так, стоп. Что это здесь... — она перевернула открытку и на обратной стороне увидела фразу, написанную почти печатными, но ровными и очень аккуратными буквами:

«Милая Женечка, ты нежна и прекрасна, как эти цветы. Каждый лепесток — тебе, от моего раненного сердца».

— Каждый лепесток... раненного... — вслух шепнула Женька и так и осела на стул, засмеявшись от радости. Никогда в жизни ей еще не писали столь романтических записок, да еще анонимно!! Как же это... круто!!!

Вне себя от радости и гадая, кто бы это мог подарить ей такой чудесный букет и такие чудесные слова, Женя еще на несколько раз перечитала карточку, краснея от девичьего восторга и маленького женского счастья, и с любовью уставилась на цветы, а потому, уплыв в мир романтики, рыцарей и принцесс, не сразу заметила, что в секретарскую почти «лунной» походкой вплыл Семен, сегодня выедающий глаза окружающих светло-зеленой рубашкой, красным, как сигнал светофора, с черными горошинами галстуком, темно-синими джинсами и черными (видимо, в цвет горошин) кедами с психоделической, почти такой же, как и он сам, размалеванной в кричащие оттенки, пустой кружкой в руке.

Красиво и мягко, словно лучик солнца, пробившийся сквозь тюль на окне, улыбнувшись и блеснув на Женю веселыми глазами через модные, квадратно-прямоугольной формы очки, он неожиданно вернул Женю из мира грез следующей фразой:

— Привет тем, кто всегда приходит почти вовремя! Как прошли выходные без любимого «ЧП»??? О, это что, хризантемы? Прелесть... — оживленно мурлыкнул он, подлетев к букету и, как и Женька, с наслаждением его понюхав. Хитро посмотрев на все еще удивленно теребящую в руках открытку девушку, он с любопытством проговорил:

— Ну и кто это нам его подарил, а?? Колись давай, Жека, ты же знаешь, истина, рано или поздно, всегда вскрывается!

Женька резко подняла на него огорченные и разочарованные глаза:

— Так это не твой букет?!? Ну-у-у, Семка, тогда я даже не знаю... — грустно и задумчиво протянула она, положив перед Семеном на стол карточку с романтическими печатными буквами и вздохнув.

Семка поднял брови и тепло заулыбался, ободряюще проговорив:

— У-у, рыжик, ты что, расстроилась?? Не печалься, Жека, я ведь не знал, что ты цветов хочешь, обещаю, подарю тебе самый прекрасный букет, если... — он хитро подмигнул и подошел к кофемашине, сунув туда свою, кем-то нервно расписанную, наверное, человеком, который никак не мог остановиться на каком-то одном цвете, кружку и нажал кнопку двойного «капучино».

— Если?.. — захохотав, переспросила Женька. — Будет еще «если», наглая ты морда?!?

— Конечно! — невозмутимо заявил Сема с той же теплой улыбкой, с которой вошел, нисколько не смущаясь того, что обычно девушкам букеты дарят как бы «просто так». — Если ты пойдешь со мной на фестиваль скульптур из металлолома! — ликуяще заявил он, а Женя прыснула, захохотав еще больше. — С сегодняшнего дня в музее Архитектуры начинается. Приду с букетом. — заговорщически шепнул он, будто это должно было решить все.

Женька с трудом просмеялась и покачала головой:

— И что? Я среди разных кривулк из пустых консервных банок буду выхаживать с цветами, чтобы люди, не дай Бог, подумали, что у нас с тобой там свидание??? О-о-очень романтично: огромный букет, сгибающий меня пополам, ржавый мусор в цвет моих волос, который несколько творческих личностей пожалели выбрасывать, бесплатный вход и ты — весь такой в зелено-красно-желто-синем, таскающий меня за руку от одного экспоната к другому с бешеным взглядом... Да ну тебя нафиг, Семен, сводил бы уж тогда сразу в психушку, там мы бы как раз с толпой слились... Никаких букетов!!! — пригрозила она ему, а Семен расхохотался:

— Ну, если это твое условие, то я согласен! Ничего тебе не приношу, а ты идешь со мной? Сегодня. — важно добавил он тоном, не терпящим возражений.

Женька вздохнула и улыбнулась. Предложения ее нового друга всегда были очень экстравагантными и интригующими, да и, честно говоря, она и сама любила некоторые «странные» виды искусства, поэтому без всякого сомнения согласилась:

— Ладно, Карташов. Услуга за услугу. Глянь, пожалуйста, может, ты узнаешь почерк?

Семен с интересом взял из рук Жени открытку и, прочитав, сделал умильное лицо:

— Сюси-пуси, как мило! Я сейчас растаю, словно шоколадка. Не, это точно не Краснохатов. Он бы до такого не додумался. — философски изрек Семен, положив карточку обратно Жене на стол.

От фамилии заместителя директора, который теперь обивал пороги секретарской с куда большим интересом, чем до появления в ней нашей рыжеволосой особы, девушка сморщила нос: внимание зама ее очень раздражало, даже, можно сказать, он был ей попросту противен со своими маленькими, пошлыми глазками, никогда не поднимающимися выше линии грудной клетки, и огромным, румяным и круглым, словно подушка, лицом.

— А почему это сразу Краснохатов??? — угрюмо и возмущенно буркнула Женя, недовольно поглядев на Семена. — У нас на фирме мужчин больше нет, что ли?

Семен хохотнул и пожал плечами.

— Ну, по крайней мере, из всех остальных больше никто так открыто не выражал свою симпатию к тебе. А для Павла ты — цель номер один сейчас. Видела бы ты, как он душится, прежде чем к Минаеву пойти! Вот смех! Как будто дорогой одеколон может скрыть его не самые лучшие намерения на твой счет. Кстати, — хмыкнул он, хлебнув из кружки кофе и поморщившись, — кофе опять бурда.

Он подошел и похлопал по кофемашине с левой стороны, усмехнувшись:

— Еле теплая. Бьюсь об заклад, ее включили за минуту до твоего прихода.

Женька угрюмо поджала губы: опять проделки этих дурных Гордеевой и Старцевой! Она точно помнила, что оставляла кофемашину включенной в пятницу вечером, когда уходила, потому что сборщики из производственного цеха имеют обыкновение выходить по выходным на работу и девушка благосклонно оставляла им возможность пить кофе — хоть какое-то удовольствие в испорченный работой выходной!

Поскольку кофемашинка была большой, то и воды в бачке было много, а для того, чтобы ее нагреть до необходимой температуры, требовалось, как минимум, пятнадцать, а то и больше, минут. Обреченно вздохнув и нахмурившись, Женя посмотрела на фотографию Виктора Петровича Минаева над кофемашинкой на стене и пробурчала:

— Отлично. Сын бога кофемашинки мне этого точно не простит.

Семен засмеялся, и в этот момент послышались уверенные и стремительные шаги в

коридоре. Женька встрепенулась: эти шаги она уже очень хорошо знала. Быстрее пули девушка скинула куртку с плеч, небрежно уронив ее на пол рядом со своим стулом и за долю секунды расстегнула и скинула сапоги, сунув ноги в туфли и одновременно сгорбившись около монитора с самым кротким и рабочим видом, на который она только была способна, лишь бы у Минаева не возникло нехорошего подозрения, что девушка пришла лишь пять минут назад и ничего важного еще даже и не думала делать, не говоря уже о шести пропущенных звонках на телефоне, раздраженно напоминающих ей о своей обязанности маленькой противной циферкой в углу дисплея аппарата.

Семен успел только фыркнуть, наблюдая за подругой, как в секретарскую вихрем, очень важным и невероятно суровым, как и всегда, влетел Сергей, в прекрасном черном костюме, белой рубашке, там даже на шее галстук какой-то был, но Женька, сосредоточенно пялясь в открытую базу данных сотрудников, а еще — на какую-то темно-красную точку почти в центре экрана, деловито раздумывая, была ли это кровь или все же скорее капелька гранатового сока, поскольку не далее, чем в пятницу, Светка умудрилась устроить за стойкой трудовой день, сопряженный с весьма полезным (гораздо полезнее, чем полтора часовая переписка с другими сотрудниками в чате) поеданием граната, боковым зрением никак не могла его разглядеть, но зато четко узрила черное, строгое мужское пальто от «Армани», небрежно накинутое поверх всего остального, тоже недешевого гардероба.

Серые глаза сурово и с неизменной искоркой раздражения на секунду остановились на Жене, затем, уже более спокойно и совсем даже без желания закинуть его в параллельное измерение — на Семена, после чего Сергей властно произнес:

— Доброе утро, коллеги.

— Доброе утро, Сергей Викторович. — как солдатня на утреннем построении посреди плаца, хором ответили Женька и Семен, а в голове Женька добавила от себя еще парочку обращений через запятую, уже менее приятных, чувствуя, как и внутри нее поднимается нелюбовь к своему начальнику.

Сергей уже было пролетел к своему кабинету, но вдруг заметил рядом с Женей огромный букет хризантем и остановился. Женька замерла, почувствовав его пристальный взгляд на себе и, совсем мобилизовавшись, внутренне собрала себя в пучок, ощутив, как он изменил направление движения и теперь идет к ней.

Сергей подошел к стойке и, расслабленно, по-хозяйски облокотившись об нее прямо напротив Жени, пристально и недовольно посмотрел на нее, чуть наклонив голову и сверкая вопросительным нетерпением в глазах.

Женька подняла на него взгляд и, предчувствуя недоброе, но не желая демонстрировать неуверенность, слабость, какую-то свою вину или страх перед этим высокомерным кретином, который с насмешкой и недоверчивым раздражением смотрел на нее так, будто ни один мужчина в здравом уме никогда в жизни не догадался бы до такой глупости, как подарить ей букет, внимательно и открыто уставилась в его серые глаза.

Сергей посмотрел на Женю, затем — на букет, затем снова — на Женю, и требовательно и холодно спросил:

— Это что?

Женька тоже, повинувшись инстинкту повторения, посмотрела на цветы, затем — на Сергея, и неуверенно, будто сама впервые видела в такой непосредственной близости от себя столь неожиданную штуку, неуверенно предположила:

— Бу-букет?..

Сергей не удержался и, раздраженно закатил глаза, посмотрел снова на цветы, а следом — на Семена. Тот молча, подняв брови, уловил его взгляд и, гордо задрал нос и слегка заговорщически улыбнувшись, вдруг взял Женю за руку в свои ладони, и как бы подтверждающе кивнул.

Сергей тоже в небольшом удивлении поднял брови, недовольно и насмешливо посмотрев на них обоих, а Женька, мгновенно всплыв внутри себя на этого придурка, мысленно послала ему информацию обо всех видах наказания, которыми она его подвергнет за то, что выставил их влюбленной парочкой.

Минаев насмешливо дрогнул уголками губ и, снова наклонившись к Жене и пристально заглянув ей в глаза, проговорил:

— И каким образом букет относится к тем предметам, которые так необходимы секретарю на рабочем столе для выполнения должностных обязанностей?? — язвительно и немного гневно спросил Сергей и, не дожидаясь ответа, жестко распорядился:

— Убрать! И чтобы я его больше не видел.

Женька послушно кивнула, немного обиженно и расстроено посмотрев на него, а мысленно послала его куда-подальше, злясь на его кретинизм и собственное бессилие. Ну как он может так ее ненавидеть, что даже заставляет выбрасывать чей-то подарок??? Чем ему букет-то не угодил, волчаре этакому?!?

Сергей секунду следил за ее лицом, будто пытаясь прочесть, насколько больно по ней ударил этот приказ, но Женя даже почти не моргала, все также ясно и немного с вызовом глядя на своего босса, поэтому он лишь убрал руки со стойки и хотел было уйти, но не успела Женя и вздохнуть от облегчения, как он снова резко обернулся и, перегнувшись через стойку, заглянул за Женин стол, резко нахмурившись:

— А это что такое, Женя?!? Тебя что, мама опрятности не учила??

Женька вздрогнула и ошарашено проследила за его взглядом, с ужасом понимая, что, по всей видимости, недостаточно запихнула куртку и сапоги под стол... Позади нее на полу около стула бесформенной кучей валялась, как попало, куртка, а два, не самых чистых, я вам скажу, после осенней дороги-то, сапога, лежали не где-нибудь, а прямо на ней сверху.

Семен кашлянул, едва сдерживая смех, а вот Жене пришлось больно закусить губу, чтобы не расхохотаться. Слезящимися от смеха глазами, она снова посмотрела на Сергея, недовольно и нетерпеливо глядящего на нее с откровенным недоумением на лице (ну да, конечно, с виду-то Женя — вроде ухоженная, аккуратная девушка, а вот сапоги зачем-то на куртку ставит... Мда...) и раздражавшегося все больше.

— Простите, Сергей Викторович, у нас в землянке, где мы прятались от бомбежек, как-то не было принято вешать куртки на гвоздик у двери. — тяжело, чуть не взрываясь от смеха, но очень серьезно проговорила Женя и быстро добавила:

— Я сейчас все уберу. — и суетливо, чтобы Сергей не видел, как сотрясаются от идиотского хохота ее плечи, она наклонилась и схватила в охапку свою куртку.

Впрочем, Сергей не видел ее смеха, потому что, судя по его прищурившимся глазам, выплывающая из глубин его души ярость затмевала в нем здравый смысл и чувство юмора, равно, как и все остальные, обычные эмоции.

Гневно хлопнув по стойке кулаком, он прошипел:

— Женя!!! Шкаф — вон там, — он указал рукой на гардероб, установленный в углу секретарской, — внутри есть такие железные штучки, называются «плечики», на них вешается куртка, а на дно можно поставить сапоги. Теперь ты в курсе. И больше никакого

балагана, слышишь??? Не забывай, что для наших гостей ты — лицо компании, по тебе судят обо всех остальных сотрудниках фирмы, так что ОНИ, ПО-ТВОЕМУ, О НАС ПОДУМАЮ КОГДА УВИДЯТ ТВОИ ВЕЩИ НА ПОЛУ??? Может, еще фрукты обглоданные по все углам раскидаем, чтобы совсем зоопарку уподобиться??? — громовым голосом, не сдерживая свой «радостный» порыв, прокричал он, а Жене ужасно хотелось ответить, что, в принципе, в идее с зоопарком что-то есть, есть даже один орангутанг, который станет прекрасным экспонатом этого зверинца, но, конечно, удержалась, испугавшись недоброго блеска в глазах «орангутанга» и его разъяренного лица, а потому просто примирительно улыбнулась, лелея в себе желание ударить Минаева чем-нибудь тяжеленьким, совершив тем самым акт мщения.

Сергей выдохнул, пытаясь успокоиться, и двинулся в свой кабинет, на ходу, уже более уравновешенно, бросив через плечо:

— Кофе принеси.

Женька вытаращила глаза за его спиной и, когда он скрылся в своем кабинете, не закрывая за собой дверь, вскинула руки к небу и потрясла ими в воздухе, от злости и отчаяния мысленно вопрошая Господа, закончатся ли на сегодня ее мучения, или к концу дня Сергей все же сунет ее в черный, пластиковый пакет и вывезет на городскую свалку, а Семен, хохоча одними плечами и с жалостью наблюдая, как Женя стукнулась лбом об стол, растворяясь в собственном провале и бессилии, громко проговорил:

— Сергей Викторович, кофемашина пока не работает, там... э-э-э... фильтр почистить надо. Женя уже вызвала специалиста.

Тишина из кабинета, а затем гневный, бешеный крик:

— Да вы издеваетесь?!?

Женька поморщилась и, вспомнив, что у нее с собой был растворимый кофе в мешочке «на всякий случай», отчаянно посмотрела на Семена и громко проговорила, чтобы Минаев мог ее слышать:

— У меня с собой есть растворимый, сделать вам, Сергей Викторович?

Из кабинета раздалось угрюмое и обреченное:

— Валяй. Еще больше испортить мне утро ты уже не сможешь.

Женя скорчила рожу, показав в сторону кабинета язык, передразнив самого веселого и жизнерадостного начальника на всем белом свете и даже немного успев подумать о том, что в тридцать с небольшим так много бурчать все-таки вредно для здоровья, но, со вздохом посмотрев на цветущего Семена, полезла в сумку за кофе.

А из кабинета, тем временем, снова раздалось жизнерадостное:

— Семен, я так вижу, ты новый тензопреобразователь уже разработал? Из «Гидроволны», между прочим, уже звонили, спрашивали, на каком этапе у нас их заказ по датчикам давления. Может, отчитаешься??

Семен искрометно улыбнулся и, двинувшись к выходу, на ходу воскликнул:

— Уже ухожу, Сергей Викторович, уже ухожу! Женька, до вечера! — подмигнул он хмурой девушке и, почти скрывшись за дверями, тихо шепнул:

— А весело ты попыталась предметом мебели в начале прикинуться! Цветы дурацкие все испортили только! — и, послав Женьке воздушный поцелуй, Семен исчез, оставив ее наедине с ее боссом-тираном.

Не успела девушка даже чайник разогреть, а из кабинета поступила новая «наводка»:

— Женя! Зайди срочно!!!

Раздраженно вздохнув и гневно прошептал: «Да как же у тебя звук-то выключается, труба иерихонская?!?», Женя быстро налила кофе и, несколько раз вдохнув и выдохнув, чтобы успокоить нервы и бешеное раздражение, вошла в кабинет Минаева с чашкой в руках.

*** «Минус»

Нет, ну сколько же еще эта рыжая дурында будет его доставать своими фокусами? Все вокруг нее наперекосяк идет: и кофемашина ломается, и вещи на полу разбросаны, и документы она вечно с «косяками» приносит...

Хотя Сергей и догадывался, что частично во всех странностях, которые окружают эту ненормальную девчонку, виноваты Вика с Леной, рьяно взявшиеся доказать, что она здесь — всего лишь случайная, кратковременная ошибка, но Сережа не мог их за это винить. Женя действительно продолжала раздражать его не только своими якобы «очень остроумными» ответами на его вопросы, но и упрямством и рвением, с которым она делала свою работу, так что ни одного подходящего шанса избавиться от нее у него не было.

Проглядывая утреннюю почту и пытаясь успокоиться после утреннего общения со своей секретаршей, Сергей хмуро и безрадостно раздумывал, когда же, в конце концов, его дела наладятся и станет лучше, как вдруг он заметил одно письмо.

Прочитав его, Сергей обрадованно улыбнулся: то, что нужно! Если все случится так, как он думает, то это может решить сразу все его проблемы!

— Женя! Зайди срочно!!! — громко скомандовал он и, развязно откинувшись на спинку стула, стал в нетерпении ждать.

Евгения явилась через полминуты с чашкой кофе в руках. Сережа неприязненно оглядел ее рыжие кудряшки, пружинящие в такт походке, странные фиалковые глаза, противные веснушки, рассыпавшиеся по переносице и щекам, и строгое, темно-синее платье до колен, облегающее фигуру. Все в ней заставляло его ощущать поднимающуюся из глубин грудной клетки ярость, ужасное раздражение от ее ясного, нацеленного на эффективную (!!!) работу взгляда, от того, что она не забыла захватить записную книжку, которую несла под мышкой, от того, что она специально работала так чертовски хорошо, что при других обстоятельствах он бы уже наверняка повысил ей зарплату или задумался бы о ее передвижении на другую должность, но... Его чувства к ней с того самого момента на парковке, когда она грозно наехала на него и оттолкнула от своего дружка-размазни, было уже не изменить...

Зато он мог изменить ситуацию.

— Садись. — строго и покровительственно махнув на соседний стул рукой, проговорил Сергей.

Женя послушно села, поставив перед ним чашку с совершенно отвратным и наверняка дешевым растворимым кофе и, деловито раскрыв блокнот, приготовилась фиксировать информацию, глянув на Сергея с ожиданием и уже знакомым ему отторжением. Сережа снова видел вызов в ее глазах, борьбу, как будто она состязалась с ним за какую-то, одной лишь ей известную правду, и он вдруг испытал досаду и тонкое, едва заметное чувство в груди, похожее на жалость.

— Слушай меня внимательно. — хмуро сказал Сергей, развернув к Жене экран ноутбука. — Через четыре дня на площадке «Колизей» состоится выставка «Технобудущее». Слышала о ней?

Женя внимательно смотрела на письмо, которое было ничем иным, как приглашением на эту самую выставку, а потом перевела взгляд на Сергея, и он заметил, каким оживлением

сверкнули ее глаза.

— Да, конечно! Я два раза была там, в прошлом и позапрошлом году! — радостно и легко проговорила она и, чуть умерив свой пыл, добавила:

— Это выставка современной технической и электронной промышленности, куда съезжаются фирмы со всех соседних регионов и областей, чтобы продемонстрировать свои новейшие разработки: роботов, машины разные, электронику, приборы всякие... В прошлый раз даже мини-андронный коллайдер был! — возбужденно рассказывала увлеченная Женя, но, наткнувшись на строгое лицо Сережи, который, честно говоря, был немного шокирован ее осведомленностью в таких вещах, где, казалось бы, девушкам вообще не свойственно проявлять интерес, резко притихла, чуть покраснев.

— Верно. — кивнул Сергей, немного пережевывая информацию о знаниях и увлечениях своего нелюбимого секретаря, которые, как оказалось, в этом совпадали с его увлечениями, потому что, будучи руководителем производственной организации, Минаев был ярким фанатом инноваций в сфере машиностроения, электроники, техники и технологий и сам, хоть и участвовал каждый год в «Технобудущем», но большую часть времени проводил не у своего стенда, а у стендов других фирм, общаясь с руководителями, разработчиками и конструкторами и разглядывая их презентационные образцы с особым интересом. — Мы, как всегда, принимаем участие в выставке. Твоя задача, Женя — связаться с организаторами и утвердить нам самое удобное место, сделать заказ на телеэкран, где будут демонстрировать нашу презентацию, забрать бейджики на всех участников. От «Черного полюса» на выставке буду я, Павел Юрьевич, ты и Лена Старцева, и еще... м-м-м... — он задумался, раскидывая в голове, кого бы из разработчиков взять с собой — Василия Адамовича или Семена?.. Но, вспомнив, что Василий Адамович слишком любит бурчать долго и не по делу, а Семен своим пирсингом и клоунской одеждой может распугать всех потенциальных клиентов, Сережа подумал-подумал... Да и решил из двух зол выбрать меньшее. — И Семен Карташов.

Женя тщательно записывала, но Сергей увидел, что при звуке имени Семена на ее губах мелькнула слабая улыбка... Он нахмурился: ах, да — это же он ей тот огромный веник подогнал... Наверное, у них любовь или что-то в этом роде... Неожиданно взбесившись на то, что нехотя сделал этой девчонке приятное, выбрав ее ухажера, Сергей резко наклонился к ней и жестко, беспрекословно гаркнул:

— Только без всяких там глупостей, слышишь? Мы едем туда работать, а не в романтику играть, ты все поняла???

Женя подняла на него ошарашенные глаза и медленно и изумленно проговорила:

— В романтику играть??? Мы с **вами**???... Да вы что, Сергей Викторович, упаси Господи... в смысле...

Сергей секунду тоже ошарашено смотрел на нее, а затем откинулся на спинку стула и захохотал:

— Да не мы с тобой, совсем ты, что ли, сдурела?!? А ты и Сема!

— Сема?.. — удивленно снова протянула она, и Сергей хотел было уже разъяриться по поводу ее умственных способностей, как она вдруг улыбнулась и понимающе воскликнула:

— А-а-а!! Нет, ничего не будет. — совершенно бесстрастно и уверенно заявила она. Сергей нахмурился, не понимая такой странной реакции на запрет миловаться с понравившимся парнем, особенно после того, что он сегодня видел в секретарской, впрочем, ему было так глубоко-преглубоко плевать, что он не стал заморачиваться на этот счет.

— Ладно. Дальше. За день до выставки приедешь в «Колизей» и все проконтролируешь: как работает презентация, как подключены опытные образцы, разложишь буклеты для возможных клиентов или спонсоров, узнаешь расписание работы и списки почетных гостей выставки... В общем, нужно будет организовать все по высшему разряду, чтобы мы могли привлечь покупателей и инвесторов.

Женя, снова за секунду переключившись, уже серьезно строчила в своем блокноте, а Сергей, немного подумав, чуть ухмыльнулся:

— В прошлом году всем занималась Света. В этом году ты. Не подведи меня, Женя. — чуть прищурившись, проговорил он, ядовито улыбнувшись. — Если накосячишь...

— Вы меня уволите. Знаю. — холодно и с вызовом закончила Женя и вздохнула, сосредоточенно глядя в глаза Сереже. — Это все? Я могу идти? Там, кажется, телефон звонит...

Сергей раздраженно посмотрел на нее, чувствуя, как ярость снова потихоньку выползает из его сердца в ответ на слишком деловое и бесстрастное поведение, будто она ставит его на место, как какого-то мальчишку, но, тоже нехотя прислушавшись, он действительно услышал тихую трель рабочего телефона из секретарской и кивнул:

— Все. Иди. И кофе забери. Паршивый.

Женя встала, а ее губы дрогнули в ядерном гневе. Сергей удовлетворенно улыбнулся, увидев, что задел ее, что смог поставить на место, чтобы она всегда понимала, кто он и кто она, чтобы осознавала, что он влиятелен и в его руках ее судьба, а ее боевой нрав он усмирит... Хоть для этого ему и придется вести себя, как последняя свинья, а его не так воспитывали в детстве...

Хотя, если подумать, с кем из женщин он когда-либо был благородным и прекрасным, словно средневековый рыцарь??? Вспоминая обо всех женщинах, каким-то образом мелькавших неясными тенями в его жизни, о своих любовницах, которые все равно, как бумеранги, слетаются к нему, даже догадываясь о существовании друг друга, о той непростой ситуации, сложившейся у него дома, Сережа понимал, что эти странные, пустые и глупые, как пробка, дамочки, не имеющие ни капли собственного достоинства, норовящие лишь засунуть свои густо-наманикюрные ноготки в его карман, вызывают лишь в нем пару мгновений кратковременного интереса, а затем одинокое и едкое, тягучее раздражение, которое практически всегда переходит в грубость и властность, желание подчинить своей воле и заставить их быть такими, какими он хочет... А вот дурацкая нежность или стремление быть ласковым с кем-то и, не дай Бог, поддаться на провокации красивого личика и больших, умоляющих глазок и вдруг начать прислушиваться к их желаниям и интересам, — это для Сережи было чем-то нереальным и абсолютно невозможным. Чтобы он стал слабым и мягкотелым ради какой-то юбки?.. Бред, бред, сивой кобылы бред.

Женя на одну секунду задержала на его насмешливых, презрительных глазах свои странные, сиреневые, и Сергей с удовольствием отметил в них чувство оскорбленного достоинства, обиды и жуткой, лютой, просто неудержимой злости, но она лишь тяжело проговорила:

— Хорошо. Как скажете, Сергей Викторович. — и, схватив чашку, стремительно вышла из кабинета, стуча каблучками туфель.

Сергей чуть поморщился: а она хорошо умеет держать себя в руках... Светка бы уже разрыдалась от подобного прессинга... Но теперь это не важно. Важно лишь одно: если Женя не справится, он с огромным наслаждением уволит ее, а вот если фирма хорошо

проявит себя на выставке — у них появятся новые клиенты, новые спонсоры, а может, если приедет сам Губернатор, удастся заручиться поддержкой правительства...

Переключившись на рабочий лад и совершенно забыв о рыжей девчонке за дверями этого кабинета, Сергей с предвкушением тяжелой и кропотливой работы поднял трубку и набрал номер Отдела разработок своей компании.

Глава 5. "Плюс"

Глава 5. «Плюс»

Вторая неделя в «Черном полюсе» все чаще и чаще заставляла Женю Зябликову задуматься, а не закупорился ли у нее в голове какой-нибудь жизненно-важный сосуд, что она до сих пор не послала к чертям весь этот треклятый «ЧП» ее жизни и не умчалась, куда подальше, от этих ядовитых змей Вики Гордеевой и Лены Старцевой, от озабоченного лишь идеей ее порабощения Павла Краснохатова, от тайного поклонника, который с цветов перешел на конфеты и шоколад, всегда сдобренные миленькой открыточкой с самым нежнейшим любовным посланием, и, наконец, от самого отвратительного, грубого, самодовольного кретина Сергея Минаева, из-за которого, собственно, и пляшет до сих пор весь этот балаган вокруг нее.

Все четыре дня до выставки «Технобудущее» Женя трудилась не покладая рук, выезжая на место, договариваясь с организаторами, контролируя подготовку стенда и оборудования, но без палок, с таким упоением вставленных в ее колеса, все же обойтись не удалось.

По совету Светланы, которая была уже величайшим знатоком в деле подготовок фирмы ко всяческим выставкам, Женя выбрала самое стратегически удачное место: не возле входа, но и не у выхода, а примерно посередине зала, чтобы посетителей не обуяла гениальная мысль пройти мимо, не останавливаясь, поскольку впереди, там, впереди, где широкие проходы и множество разноцветных плакатов с названиями организаций так и манят к себе, призывая посмотреть, что еще предлагается, но и с другой стороны, чтобы уставший и значительно оттоптавший ноги народ, который теперь уже «ничем не удивишь», даже не кинул такого жизненно-важного для «ЧП» взгляда на их стенд, поскольку усталость и голод запускают громкое урчание желудка и красно-белую цветомузыку перед глазами. Центральная часть «Колизея» как раз предоставляла уникальную возможность посмотреть кое-что из продукции конкурентов, а значит, по достоинству оценить преимущества работ «Черного полюса»... И возможно, именно это станет дополнительным штрихом к заключению каких-либо контрактов на совместное сотрудничество, о чем так и мечтал в своих снах грозный король Минаев.

Однако, после длинных и невероятно утомительных переговоров с администрацией выставки, где то и дело звучно мелькали цифры откатов, неизмеримо устрашающие своей величиной, которую прагматичная и деловитая Женя все же упорно старалась сделать поменьше, апеллируя к небольшим размерам стенда, к огромной колонне в опасной близости, грозящей прикрыть часть обзора, да, в конечном счете, к масштабам самой организации, доход которой даже страшно было сравнивать с тем же Заводом редкоземельных металлов, соседствующих от них по правую сторону, однако, после всех этих нудных телефонных трещаний Жене, все же удалось одержать маленькую победу: заветное место 21Б было зарезервировано под «ЧП», — но... Буквально в этот же день девушка, в сотый раз набрав номер «Колизея», чтобы обсудить время показа их презентации на большом экране, вдруг узнала шокирующую подробность, что кто-то (а она даже могла догадываться, кто) от лица компании позвонил в выставочный центр и отказался от золотого, любимого и с таким кропотливым трудом выбитого 21Б по причине «недостатка денежных средств компании на аренду столь дорогого места» в пользу, так сказать,

боковушки у туалета — 38Г, что в самом темном углу за одной из колонн и всего в каких-то паре мест от выхода... И это было первым, чертовски неприятным моментом в череде подстав со стороны Лены Старцевой.

А дело было так.

Среда. Половина четвертого вечера. За два дня до выставки.

— Что-о-о??? Как 38Г??? Ты что, Лена, совсем с ума сбрендилла?!? Да ты хоть знаешь, где это место?!? Убью!!! — донесся до сосредоточенно подготавливающей очередное распоряжение директора Женьки крик Сергея из кабинета. К его бешеному ору по поводу и без она уже привыкла, так что, как обычно, даже не обратила на него внимания, пока из-за двери не прозвучало яростное:

— ЖЕНЯ!!! А ну, быстро зашла сюда!!! Женья!!!

Вздрагнув и нутром почуяв недоброе, Женька бросилась к кабинету и влетела туда, но была буквально отброшена назад волной шквалистого гнева Минаева, вышагивающего нервной, стремительной походкой туда-сюда и горящего, как бикфордов шнур, пропитанный селитрой и неизменно имеющий на другом конце бомбу с очень нехилым радиусом поражения. Увидев Женю, он полыхнул еще большей злостью и рявкнул:

— Ты почему забронировала 38Г?!? Да нас там увидят, разве что, с телескопом!!! Я же тебе ясно сказал: выбрать лучшее место!!! Разрулить все с организаторами!!! Бабки любые забашлять, если надо!! А ты какого... — он притормозил и глубоко вздохнул, видимо, чтобы успеть исправить очень нехорошее слово на не очень хорошее, и разъяренно заорал снова:

— А ты какого черта слилась так быстро?!? Сказала бы мне, что не получается договориться, я бы лично с ними связался!!! Почему промолчала, ЖЕНЯ, ОТВЕЧАЙ, мат твою!!!

Женя была в таком глубоком ужасе и шоке, что чуть не расплакалась и даже не сразу заметила, что в кабинете с абсолютно счастливым и умиротворенным видом сидела Лена, победно улыбаясь и с обожанием глядя на Сергея, но Женьке было не до этого, Женя не могла переварить информацию о каком-то 38Г (38Г?? 38Г???), когда она целых сорок минут мусолила по телефону цифры, цифры и цифры в процентном эквиваленте к стоимости места, подкрепленные множеством веских причин, почему им так нужно именно 21Б и почему это золото-бриллиантовое место все-таки тянет лишь на десять карат, а не на двадцать, и она прекрасно помнила, как в конце концов девушка Лида, чей усталый, но упрямый до уподобления серошкурному животному голос чуть ли не отпечатался на ее барабанной перепонке, вздохнула и сказала:

— Ладно, Евгения. Что называется, «уломали». И остановимся на цифре тридцать. Будет вам 21Б. - и Женя еще пять минут после этого танцевала ногами под столом!

А теперь? Теперь Сергей бьется в своей очередной самозабвенной истерике по поводу...

— Да я все разрулила! — отчаянно воскликнула Женя, шокировано и испуганно глядя на Минаева. — Почему 38Г?!? Я не договаривалась на 38Г!!! Я договаривалась на 21Б! Целых сорок одну минуту по телефону, еще вчера!!! Ничего не понимаю... — пробормотала в полнейшей растерянности Женя, заламывая руки.

Сергей бешено ухмыльнулся и снова взорвался вулканом:

— Не понимаешь?? Зябликова, я что, по-твоему, первый день живу??? Хотела по-тихому скрыть от меня, что не удалось стенд удачный зарезервировать, и не говорить, пока день выставки не наступит и я сам не увижу, а увидел бы я только на месте и не стал бы на тебя

при народе орать??? На это рассчитывала, Евгения?!?

Женя в ужасе замотала головой и тоже закричала:

— Да я с Лидой договорилась на 21Б, тридцать процентов от места ей пообещала, ни на что я не рассчитывала! И чего мне вашего ора бояться, Сергей Викторович?? Убьете меня им, что ли?!? Я вам говорю правду! Почему вы мне не верите??

Сергей выдохнул и, подлетев к ноутбуку, развернул его и гневно процедил, ткнув пальцем в экран:

— Если ты обо всем договорилась, то почему мне подтверждение пришло, что за нашей организацией закреплено место 38Г, а, Зябликова? Сообщение от Лидии Кудряшовой.

Женя снова вытаращила глаза, качая головой и чувствуя, что ее сердце сейчас провалится от обиды и негодования.

— От Лиды??? Это... это какая-то... ошибка... — она подняла глаза на начальника, ненавидящего ее в эту минуту, наверное, больше, чем евреи — фашистов в Освенциме, и вдруг взяла себя в руки. — Я сейчас позвоню ей и все решу. — уверенно проговорила она, но в этот момент в игру вступила Лена.

Презрительно махнув рукой и надменно посмотрев на Женю, она покровительственно проговорила:

— Ой, ты уже решила один раз, все, хватит. Не надо куда звонить, девочка. Я уже все уладила. Пятнадцать минут назад я позвонила Лиде и договорилась с ней на место 21Б. Мы давно знакомы, и она оказала мне услугу. Всего за пятнадцать процентов, между прочим.

Сергей мигом остыл, с уважением посмотрев на Лену и спокойно проговорив:

— Это точно, Лена? Ты действительно передоговорилась на 21Б???

Лена триумфально кивнула, а Женя, вдруг обо всем догадавшись и разозлившись до каждой последней клеточки своего организма, сложила руки на груди и с насмешкой проговорила:

— Уже позвонила? А как ты вообще узнала, на какое место я договаривалась? Я же никому не говорила!

Лена мельком глянула на Сергея, но вывести ее из равновесия могла бы, наверное, лишь спутанная, липкая паутина, вдруг внезапно облепившая ее идеальную прическу, да еще и с длинноногим, шерстистым пауком в придачу, а потом с холодной улыбкой пожала плечами:

— Я не знала. Лида мимоходом упомянула в разговоре. Вот я и переубедила ее отдать нам 21Б, я-то, в отличие от тебя, рыжая, осознаю важность этого места для успешного продвижения!

Женя расширенными глазами посмотрела на нее, чувствуя, что от гнева и невероятного, заполняющего каждую клеточку ее тела возмущения, даже не может говорить, а скорее, превратится в круглую, рогатую жабу, но в своем жалком, оправдательном лепете она и не видела особого смысла: Сергей ей все равно не поверит.

— Ну да. Как же иначе? — тихо, но с нажимом проговорила Женя, а Лена победно улыбнулась, с ледяным презрением глядя на нее.

Сергей раздраженно посмотрел на девушку и импульсивно махнул ей:

— Все, иди уже, Женя, и постарайся больше без проколов! Мои сотрудники не обязаны тебя страховать, понятно?

— Понятно. — еле слышно выдохнула Женя и бегом вылетела из кабинета, дрожа от обидной и такой болезненной подставы, но с твердой решимостью все равно довести свое дело до конца, что бы там ни придумала дура Лена со своим неистовым желанием выжить ее

из фирмы.

С трудом подавив в себе естественную защитную реакцию организма брызнуть слезами, сложить свою помаду в сумочку, а туфли — в пакет из круглосуточного супермаркета и бежать, бежать, не оглядываясь, с каждым шагом стирая в себе воспоминания о волчьей стае «Черного полюса» и ее вожаке, Женя продолжила упорно работать, пытаясь не замечать, что Сергей начал преследовать ее на каждом шагу и постоянно проверять, что уже сделано ею, а что — еще нет, недоверчиво и раздраженно дыша в ее сторону и стреляя серым, недобрый взглядом, а еще, как параноик, стала перепроверять за собой каждый свой шаг, каждую договоренность с организаторами, каждую деталь...

И, наконец, к пятнице все было готово.

Женя прибыла на площадку «Колизей» заранее, за полчаса до открытия, и, получив бейджики на всех, кто будет присутствовать от лица «Черного полюса», прошествовала на место 21Б.

Стол посередине, слева — доска для информации, с правой стороны — витрина для образцов — все это еще пустовало. Деловито оглядевшись, Женя принялась за работу, слушая, как вокруг нее постепенно нарастает оживленный шум, как рядом звенят и погромыхивают глухими, с примесью металлических и пластиковых, предметами — будущими экспонатами, как оживает огромный дирижабль с округлой крышей над ней, весь испещренный колоннами и арматурой, а воздух заполняет прохладный и тяжеловатый запах техники... Она занималась стендом, слушая шумы вокруг, а внутри ее головы сидела, словно навязчивая мысль, желающая пробуровать ее мозг огромным сквозным тоннелем, песня, случайно, фоном звучащая по радио, пока Женя рулила по тускло-сине-серому утреннему городу в своей машине, болтаясь внутри салона, как семечка в центре подсолнуха:

«Когда они окружили дом,
И в каждой руке был ствол,
Он вышел в окно с красной розой в руке
И по воздуху плавно пошёл.
И хотя его руки были в крови,
Они светились, как два крыла,
И порох в стволах превратился в песок,
Увидев такие дела.

Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.
Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.

Они стояли и ждали, когда
Он упадет с небес,
Но красная роза в его руке
Была похожа на крест.

И что-то включилось само собой
В кармане полковничьих брюк
И чей-то голос так громко сказал,
Что слышали все вокруг.

Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.
Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.

А полковник думал мысль
И разглядывал пыль на ремне, -
"Если воры ходят по небесам,
Что мы делаем здесь, на земле?
Дети смотрят на нас свысока
И собаки плюют нам вслед.
Но если никто мне не задал вопрос,
Откуда я знаю ответ? что..."

Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя.
Воздух выдержит только тех,
Только тех, кто верит в себя,
Ветер дует туда, куда
Прикажет тот, кто верит в себя».

Женя и сама не очень понимала, почему эта песня, одна из многочисленных, выбранных диджеем для утреннего эфира, почему именно она застряла в ее мозгу, сливаясь с монотонным фоном суеты вокруг, почему именно эти гитарные аккорды, почему сейчас... Возможно, благодаря своему наивному и доверчивому взгляду на мир, у Жени с музыкой всегда были особые отношения: ей казалось, что все песни предназначены для того, чтобы обратиться к человеческой душе, лично к ее душе, но каждая — со своим посылом. Когда сердце хандрит — оно требует обнадеживающей музыки, той, которая поможет увидеть обратную сторону медали, которая разделит тоску и заберет на себя; когда ты на перепутье — для тебя вдруг из ниоткуда, из твоего подсознания, а может, и из окружающего мира, подобно сегодняшней радиоволне, поступит сигнал, подсказка, знак, те самые слова, которые включают свет в конце тоннеля и покажут тебе истину, ту, которая важна именно тебе и именно сейчас... А есть песни — гимны, гимны каждому отдельному человеку, гимны природе, цивилизации, эпохе... Ну и отдельная категория музыки призвана создавать наше настроение, поддерживать его, посылать нам положительные флюиды и заряд

бодрости на целый день... Но из всего многообразия этого красочного мира, Женя даже не могла себе представить, что кого-то может не задевать мелодия за самые тонкие струны души, с чьим-нибудь сердцем не петь в унисон, не служить путеводной звездой к осознанию своей жизни и своих чувств... Возможно, в этом и была ее наивность, ну а пока звук гитары играл в ее ушах, она успевала делать свою работу.

Через полчаса, когда приехали Сергей, Павел, Лена, Семен и еще Борис-конструктор, которого Сергей до последнего не хотел брать, но который так настойчиво просился на выставку, грозя встать на колени и ползать, «пока не сотрутся в дыры его штаны» (цитата), что Сергею все же пришлось уступить, пару раз покрутив в лицо парню у виска, Женя уже гармонично вписывалась в своем темно-сиреневом строгом платье с рукавом в три-четверти в бело-фиолетовые цвета фирмы, которые пестрели с буклетов, ровными веерами разложенных на столе, со стенда, где Женя аккуратно развесила презентационные листы с краткими характеристиками и преимуществами продукции, и даже с экрана телевизора позади нее, где ее старательной рукой уже была подключена флэшка с фильмом о компании, ее истории и деятельности.

— Ну, более-менее. — буркнул в своей излюбленной манере Минаев, сверкая на фоне Жениного платица с распродажи своим темно-серым «Хьюго Боссом», белоснежной рубашкой, расстегнутой на верхние пуговицы, и какими-то именитыми (эх, не знала Женя таких названий!), потрясая модными туфлями, вышагивая между столом и стендом для продукции.

— Образцы принесли? — тут же повернулся он к Семену и Боре, даже не удостоив Женю взглядом, будто здесь все появилось по мановению волшебной палочки и уж точно без какого бы то ни было вмешательства с ее стороны.

Семен кивнул и показал на коробки, стоящие около Бориса, отчалившего, судя по оживленному, блаженному виду, в долгожданный мир созерцания технического и технологического хаоса вокруг, совершенно при этом не оправдывая ожиданий Минаева, чтобы все его сотрудники работали не покладая рук с самой первой секунды появления на этой площадке.

— Ну так не стоим, раскладываем, раскладываем! Борис!!! — раздраженно окликнул Сергей счастливого конструктора, попавшего, судя по всему, в конструкторский рай. Борис опомнился и вместе с Семеном бросился распаковывать коробки, примостив их на стол. Женя вызвалась помочь, завидев, как хищно поглядывает на нее Краснохатов, скользя по ее платью и ногам своими маленькими, пожирающими глазками-крокодилами.

— Все выучила, Жека? — спросил Семен, оказавшись около стола плечом к плечу с Женей и распаковывая из коробки какие-то замысловатые датчики давления, напоминающие своей формой клизму.

Женька улыбнулась, услышав его спокойный, теплый голос и, оглядев взглядом его ярко-синюю рубашку, черный, с красными полосками, галстук, черные джинсы и кеды, в комплект к которым эпатажный вид дополняли модные очки в темно-синей оправе, темно-каштановые кудряшки и пирсинг в нижней губе, и, прижавшись к его родному плечу, тихо ответила:

— Учила всю ночь, наверное, выучила... Я не помню, засыпала над твоим текстом раз двадцать! Ты что, не мог написать характеристики источников питания в стиле «экшен»??

Семен тихо рассмеялся.

— Я бы мог, конечно, но, думаю, машущая катаной над датчиками давления девушка,

скорее, оттолкнет потенциальных заказчиков...

Женя действительно полночи учила печатный текст на целых пять страниц, повествующий об истории и деятельности фирмы, а также об основных преимуществах и особенностях продукции, производимой «Черным полюсом». Поскольку на весь день у стенда предполагалось остаться лишь Жене, Семену и Лене, то основным «застывателем» гостей должна была стать именно Зябликова, а для этого нужно было знать о фирме все. Получив в свое распоряжение такого хорошего друга, как Семен, Женя как-то случайно за обедом обмолвилась с ним об этой проблеме, и он безо всяких раздумий вызвался помочь.

— Или порубит на куски. — хихикнула Женя, но тут услышала с другой стороны от себя:

— А не слишком ли короткое платье ты надела, рыжая? Спутала выставку с показом тощих ног??

Вспыхнув от гнева, Женя повернула голову: справа от нее стояла Лена в белоснежной блузе, оттенявшей ее светлые волосы, строгой юбке с разрезом на бедре и белых, в тон блузе, босоножках, отработанным движением подкрашивая губы ярко алой помадой, глядя в маленькое зеркальце.

Женя, поборов дикое раздражение и почувствовав теплую ладонь Семена, успокаивающе возложенную на ее плечо, сдержанно ответила:

— Тебе-то какая разница? Твои ноги тоже не пакетами для мусора обтянуты.

Лена хлопнула зеркальцем и с гневной улыбкой посмотрела на Женю:

— Не хами, секретарша. А то к концу дня останешься жалкой, безработной, несчастной глупышкой.

И все с той же коварной ухмылкой она легким движением смахнула целый ворох когда-то так красиво разложенных буклетов на пол и, гордо задрав нос, прошла прямо по ним, устремившись к Сергею, который о чем-то говорил с Краснохатовым и одновременно, подняв воротник рубашки, пытался завязать галстук.

— Сережа, давай я тебе завяжу. — услышала Женя ее нежный голосок, когда та подскочила к Минаеву, но смотреть на это не стала. Угрюмо переглянувшись с Семеном и вздохнув, она присела на корточки, собирая буклетики, разлетевшиеся на весь проход и даже уплывшие на волнах сквозняка к другим стендам, где тоже всюду суетились представители разных компаний, готовясь к демонстрации своих новшеств.

— Женечка, милая, позволь тебе помочь! — громыхнул низкий бас Павла Юрьевича прямо над девушкой, и Женя досадливо закатила глаза, однако, успев вернуть их на прежнее место до того момента, когда толстые, массивные колени в дорогих черных брюках согнулись прямо рядом с ней, огромные ручищи стали поспешно собирать буклеты, а круглая, белобрысая голова с широченной улыбкой оказалась прямо напротив лица Жени, оглядывая ее волосы, губы и шею заинтересованным взглядом.

— Да что вы, Павел Юрьевич! Не царское это дело, я сама. — попыталась избавиться от него Женя, но улыбка Павла стала еще шире, чуть не треснув от взметнувшегося самолюбия, а влажные, полные губы проговорили:

— Брось, Женечка, вдвоем мы быстрее справимся. Кстати, тебе уже кто-нибудь говорил, что ты сегодня особенно прекрасно выглядишь?

Женя улыбнулась, внутренне злясь на то, что этот приставучий тип так крепко за нее взялся, но внешне лишь мило проговорила:

— Да... кажется, говорил. Это был мой внутренний голос, правда, он не умеет

озвучивать свои мысли без львиной доли сарказма.

Павел захохотал на все помещение с многокилометровыми площадями, привлекая всеобщее внимание к своей круглой, румяной персоне и уже более пристально и откровенно пройдясь голубыми глазками по Жениным ногам, после чего проговорил, наклонившись к ней:

— Милая, у тебя потрясающее чувство юмора, может быть, мы...

Что «мы», может быть, сделаем, Женя, к счастью, не услышала, поскольку откуда-то со стороны раздался жесткий голос Сергея:

— Паша! Сходи к администраторам, уточни по времени расписание и список почетных гостей... Ты слышишь меня??

Павел с огромным сожалением посмотрел на Женю и встал, протянув ей руку, чтобы помочь подняться, а затем, недовольно бросил через плечо:

— Слышу, конечно, не глухой. Уже иду, Сергей Викторович! — он улыбнулся, но не дал Жене вытащить руку из его большой и цепкой ладони, а наоборот, чуть притянул ее к себе и, с огоньком заглянув в ее глаза, тихо проговорил:

— Может, составишь мне компанию, Женечка? Отказы не принимаю!

Женя раздраженно выдохнула, натянув вымученную улыбку и судорожно соображая, как же ей спастись от этого хищного самца, который явно сам не успокоится, пока не затащит Женю в свою спальню. С надеждой посмотрев на чертового кретина Сергея, который, как на зло, что-то деловито обсуждал с Леной, подкрепляя свои великие указы важными жестами, посмотрев на Семена, быстро проверяющего рабочие образцы и подключая их к каким-то железякам, по виду напоминающим трубы, она поняла, что отвертеться никак не сможет.

— Хорошо, только вернемся к началу выставки. Я должна быть на месте, когда пойдут первые посетители. — немного робко, как бы своим тоном смягчая приказной характер слов, сказанных заместителю директора своей фирмы, проговорила Женя, красиво, но натянуто улыбнувшись.

— Это не проблема. Идем. — довольно, словно голубь, заметивший огромный кусок хлеба, улыбнулся Павел и против воли Жени сунул ее маленькую ручку себе под массивный локоть, потащив ее к стойке администрации и буквально пожирая глазами всю дорогу, будто Женя уже была голая и абсолютно и беспрекословно принадлежала ему.

Стараясь не обращать внимания на назойливый, откровенный взгляд, блуждающий в районе ее груди и иногда с явно выраженной похотью поднимающийся вверх по шее к губам и снова спускающийся к груди, Женя всю таращилась по сторонам, оживленно разглядывая стенды других компаний и уже жалея, что она здесь по делу, а не в качестве обычного зеваки. Роботы, спортивный инвентарь с различной электроникой, современные осветительные приборы, детали крупной техники, кое-какие представители этой самой техники, поражающие своей громадностью, блестящим, лакированным покрытием и многофункциональностью и многое, многое другое заворожили девушку настолько, что она даже забыла, с кем идет под ручку, и радостно и наивно улыбалась, будто очутилась в сказочной стране.

Надо сказать, Павел следил за ней внимательным, цепким взглядом и, в какой-то момент накрыв ее пальцы, вцепившиеся в его пиджак, своей крупной ладонью, тихо промурлыкал:

— Нравится тебе здесь, милая?

— Да, очень! — живо откликнулась Женя, с невероятным любопытством оглядывая

макет одного из современных жилых районов города, который предполагалось построить в ближайшие годы. — Я обожаю выставки! Мне всегда очень радостно за то, что у людей вокруг меня такая богатая и разносторонняя фантазия, раз они могут изобрести все это!.. Это так интересно и... прекрасно!..

Женька вдруг спохватилась, вспомнив, кому она сейчас все это говорит, и затихла, немного боязливо посмотрев на Павла, который внимательно слушал, впиваясь в нее все тем же охотничьим взглядом. Зная о его намерениях, раскрывать личные интересы перед таким человеком было более чем ошибочно, и Павел это тут же подтвердил следующей фразой:

— Я с удовольствием свожу тебя, куда угодно, красавица, но, все-таки, может быть, ты для начала согласишься сходить со мной в ресторан?

Женька выдохнула, закусив губу. Попала. В очередной раз попала. Если согласиться, то после ресторана будет какой-нибудь театр, прогулка под луной и... В конце концов, ему нужно достичь одной-единственной цели, о которой Жене даже думать было противно. Если отказать? Если отказать, то Павел автоматически перейдет в разряд врагов, коих на этой фирме у Жени и так не мало, включая директора и непосредственного начальника, а она очень хотела бы со всеми дружить и стать частью этого коллектива, и, честно говоря, ей ужасно нравилась ее работа, исключая кофейные подношения великому центру солнечной системы, ярчайшей звезде по имени Солнце Сергею Минаеву. Так что же делать? Пойти против своей воли и завести интрижку на работе с самым омерзительным и озабоченным замдиром, или рискнуть??

А Павел ждал. Его глаза пронизательно изучали Женю, он даже чуть прищурился, сделав свои «зеркала души» еще меньше, насколько это вообще возможно. Женя вздохнула и решилась.

— Простите, Павел Юрьевич, но вам не кажется, что это как-то... неправильно? — осторожно, но строго и уверенно, тихо начала она. — Я — секретарь вашего начальника, и... работаю всего две недели... Понимаете, служебный роман... — «или чертова интрижка на одну ночь, как ты мечтаешь», — мысленно добавила Женя, а вслух продолжила аккуратно рассуждать:

— ...служебный роман может помешать мне... закрепиться на новом месте. Вы и сами видите: у нас с Сергеем Викторовичем взаимоотношения не очень... идеальные... — «дерьмовые, проще говоря», — снова подумалось ей, но Женя остановилась и ясным, слегка виноватым, слегка сожалеющим взглядом посмотрела на Павла, который слушал ее с непонятной, хитрой улыбочкой. — Поэтому, как мне кажется, сейчас не очень подходящее время...

— Да, я слышал эту историю... — усмехнувшись, проговорил Краснохатов, с еще большим интересом посмотрев на немного нахмурившуюся девушку, и, видя, что она не совсем понимает, о чем идет речь, он пояснил:

— Ну, о парковке на авторынке, где ты бросилась защищать своего... друга? Кстати, кто это?? — тут же как-то сурово спросил он, но снова переключился. — Так вот, где ты дала Сереге отпор... Он таких не любит, это верно... А еще ему не нравится то, что ты... ну... — он посмотрел на ее волосы, а Женя догадливо закончила за него:

— Рыжая? Да, я в курсе. Просто полный набор. — грустно усмехнулась она и вздохнула. — Вот об этом я и говорю, Павел Юрьевич. У меня сейчас слишком много проблем, чтобы...

Павел вдруг рассмеялся и неожиданно, жадно посмотрев на ее губы вожаделенными

глазами, провел широкой ладонью по ее мягким кудряшкам и тихо, но весомо проговорил:

— Не переживай, Женечка, я все понимаю. Ты сейчас не готова, тебе нужно время... Хорошо. — он повелительно кивнул. — Будет тебе время. Но... — он приблизил свое круглое лицо к Жениному лицу и выдохнул, окончательно встревожив и даже немного напугав ее последней фразой:

— Но я не отступлюсь. Идем. — он снова добродушно улыбнулся и вновь, против воли Жени, схватил ее руку, сунув себе под локоть, и поволок дальше, где в десяти метрах маячила стойка администрации.

Когда они вернулись к стенду своей фирмы, первые посетители уже ошивались около образцов продукции, а Сергей встретил ее своим обыкновенным, «развеселым» видом и с бешеным раздражением тихо проговорил, опалив девушку ненавистным взглядом:

— Посетители уже идут, где, черт возьми, ты шляешься?!?

Женя подавила в себе вспышку гнева, обиды и агрессии и тоже тихо, но с вызовом ответила:

— Павел Юрьевич велел мне сходить с ним к администраторам! Если я не должна выполнять указания заместителя директора компании, то пожалуйста, Сергей Викторович, включите этот пункт в мою должностную инструкцию, чтобы я в следующий раз знала, как реагировать на фразу «отказы не принимаю».

Сергей вспльхиво посмотрел на плавающего вдоль и поперек толпы Павла, с самым заинтересованным видом разглядывающего фигуры женского пола, и, окликнув его, показал своему заму грозный и весомый кулак. Павел лишь хитро развел руками и пожал плечами, а Сергей вновь грозно посмотрел на покрасневшую от злости Женю и прошипел:

— Иди на свое место! Женя, не нервируй меня!!!

И он стремительно куда-то умчался, исчезнув в толпе, а Женя яростно шепнула, посмотрев ему вслед:

— Как будто это возможно! — и действительно заняла специально приготовленный для себя стул рядом с Семеном, который в этот момент с самым воодушевленным и счастливым видом глядывался в стенды соседей по арендованным местам.

— А вон там целый вагон метро представлен, можно даже внутрь зайти, посмотреть! — с хитрой улыбкой подначила его Женька, и Семен обреченно застонал.

День прошел почти спокойно: Женя сорвала себе голос, в тысяча сто первый раз рассказывая историю «ЧП» и красочно расписывая направления его жизнедеятельности, но прогресс для фирмы и явная польза от этого, все же, были: во-первых, Лене удалось заключить не менее семи контрактов на выполнение работ, а это обеспечило фирму заказами на пару месяцев вперед, а во-вторых, губернатору, которому Женя с особой выразительностью, бойкостью и самой блестящей улыбкой рассказывала о последних разработках компании, пришлось по душе новые идеи, которые очень помог развить Семен, потому что, главным образом, это были его идеи, и он согласился выделить субсидию на их продвижение, что несказанно обрадовало и Сергея, и Павла, которые целый день тоже зря время не теряли, приобретая новые полезные связи с главами других фирм и кое с кем даже заключили контракты на закупки деталей для своей продукции.

В общем, все шло прекрасно, день клонился к вечеру и через два часа выставка должна была закончиться кратким выступлением всех приехавших руководителей с небольшими обзорами о своих компаниях, а также с благодарностью всем, кто принимал участие в

организации этого мероприятия.

Сергей был спокоен внешне. Женя даже удивлялась, как такой человек, который взрывается по пустякам и очень любит понервничать по поводу и без, улыбается, совершенно невозмутимо о чем-то общается с другими руководителями и, что было еще более удивительным, ведет себя абсолютно галантно по отношению ко всем девушкам вокруг, сияя невесть откуда вылезавшим из него обаянием, мужской уверенностью и ярко выраженной, слегка нагловатой и слегка развязной брутальностью.

Ей, конечно, было обидно, что ситуация сложилась так, как есть. Увидев, как он внимательно заглядывает женщинам в глаза, как красиво улыбается и что-то говорит им в ответ, Женя испытывала глубокую досаду от того, что по отношению к ней, ничего особенно серьезного или плохого ему не сделавшей, не считая дурацкого инцидента на рынке, в его глазах и словах читалась только злость, только раздражение, только превосходство. Что бы она ни делала.

Задумавшись, Женя не заметила, как к ней подошел сияющий лучом свободы и тепла Сема и весело проговорил:

— Не спи, Жека! Минаев разрешил нам полчаса погулять по залу! Идешь?

Женька тут же встрепенулась и со счастливой улыбкой схватила Семена за протянутую руку.

Полчаса пролетели волшебным и незаметно, как, в общем-то, и всегда в обществе Карташова и какой-нибудь выставки. Держась за руки и радостно улыбаясь, они с оживлением разглядывали последние разработки в разных областях промышленной электроники и с необыкновенным интересом беседовали с разработчиками и сотрудниками этих фирм.

Изучая очередное произведение технологического искусства, которое выглядело, как светящийся шар, при раскручивании меняющий цвет и силу сияния, но который Женя с Семеном так и не нашли, куда можно было бы применить с пользой, к Жене подошла Лена.

Ткнув ее в бок и удостоверившись, что Женя ее слушает, Лена с презрительной, ледяной ухмылочкой проговорила:

— Сережа... Сергей Викторович просил тебя найти и передать, чтобы ты принесла ему кофе. Давай, рыжая, метнись по-быстрому! Или мне ему сказать, что ты послала его ко всем чертям??

Женя раздраженно и угрюмо посмотрела на Семена, а затем, с легким недоумением — на Лену:

— А ты бегаешь, его послания передаешь? Ну что ж, тоже достойное занятие. Ему, видимо, показалось, что ты заскучала.

Лена прищурилась и гневно прошипела:

— Не зарывайся, рыжая! Он хорошо попросил, а я позволила себе согласиться... Это только тебе он приказывает, как шавке!

Женя открыла было рот, но Семен снова, как и утром, взял ее за плечо и вышел вперед, холодно и с укором посмотрев на Лену:

— Женя, не надо. Лена. Спасибо, что передала, Женя сейчас сделает Сергею кофе. Не будь такой злой, Лена. Тебе не идет. — спокойно проговорил он, а Лена вдруг отвела глаза и Жене даже показалось, что в них мелькнули слабые огоньки угрызений совести, но она тут же снова натянула надменную улыбку и, закатив глаза, бросила:

— Отвянь, Карташов. Рыжая, босс ждет! — с ухмылкой сказала она и удалилась, качая

бедрами и явно выражая чувство исполненного долга.

Женя вздохнула, печально посмотрев на Семена. Тот взял ее за плечи и, заглянув ей в глаза через свои модные очки, умиротворяюще произнес:

— Не волнуйся, рыжик! Кофейный автомат вон там, сейчас отнесем ему кофе и пойдем дальше смотреть, не вешай свой милый носик, ладно?

Женька усмехнулась, ощутив, как его тепло и уравновешенность передаются и ей словно каким-то энергетическим потоком, и она кивнула.

Бодрым шагом они дошли до автомата и все таким же бодрым шагом, получив свежую порцию ароматного, горячего эспрессо, двинулись в сторону своего стенда, не подозревая о том, что Лена, улыбаясь коварной улыбкой, уже ждала их возвращения.

*** «Минус»

Сергей был в прекрасном расположении духа. Выставка протекала очень успешно: семь заказов! Да еще и не самых маленьких! Пора было закупать новое оборудование: у похожих производственных фирм Минаев видел на фотографиях цехов более современные и многофункциональные, импортные станки, и этот вопрос он собирался решать в ближайшее время, подключив свои кое-какие, не очень добропорядочные связи.

А субсидия от губернатора! Это же просто полный улет! Удача, так удача! Даже рыжая дурында не сплеховала — выдала ему нагора море полезной и важной информации и улыбалась, словно карту сокровищ разгадала... И откуда она вообще столько знает? Всего-то две недели работает, да еще и не ахти как гладко...

Но Сергею сейчас меньше всего хотелось думать о раздражающей особе по имени Евгения Зябликова, потому что у него было слишком хорошее настроение, чтобы портить его мыслями о ней, а еще потому, что впереди его ждало публичное выступление, к которому он даже не готовился, поскольку никаких трудностей импровизация перед толпой народа у него не вызывала еще со школьных времен, а вот четкость мысли и хладнокровие ему в этом деле точно не повредят...

Глядя на Пашу, который с довольным видом таращился по сторонам и кому-то подмигивал с недвусмысленной улыбкой, Сергей давал очередные распоряжения:

— ...с понедельника нужно пересмотреть отчеты по количеству бракованной продукции и плотно этим заняться, Паша, надо понять причины растущего процента. Для этого созовем совещание, переговорим с ОТК и бригадирами цехов, нужно решить вопрос раз и навсегда... Еще нужно переговорить с «Интерэлектром» на предмет их заказа по тензопреобразователям... Они хотят изменить толщину мембраны и форму, у них какой-то новый корпус датчиков появится... Дай соответствующее распоряжение продавцам и конструкторам... Закупить новую партию проводов... Провести ревизию документов... Паша, ты слушаешь, или как?!? — одернул его Сергей, заметив, с каким вниманием, которое явно отодвигало вышеперечисленные команды на второй план, его заместитель уставился на что-то, или вернее, на кого-то, и недовольно пихнул его под локоть.

— Паша!!

— Прости, Серега, засмотрелся... — с улыбкой, говорящей только о его не очень приличных мыслях, проговорил Павел и, весело подняв брови, примирительно посмотрел на босса. — Да все я понял, чего-то надо с «Интеринтеллектом» порешать...

— «Интерэлект». - гневно поправил его Сергей. — Я тебе второй раз свои указания повторять не буду, не сделаешь на следующей неделе — урежу зарплату на столько нолей,

сколько пунктов ты сейчас прохлопал ушами к чертям собачьим!!! Усек, Павел Юрьевич???

Павел удрученно вздохнул, снова уставившись куда-то в толпу с самым хищным видом, и проговорил:

— Да ладно тебе, Серега, все сделаю, не ори только... А, черт, какая же она горяченькая... Жаль, что отказала... Но это пока... Я ее все равно заполучу, сладкую такую девочку... И чего она с этим треклятым Семеном таскается?!?

Сергей ухмыльнулся, подняв брови и проследив за взглядом Павла, попытавшись угадать, кто на этот раз так сильно его впечатлил. По направлению взора двух мужчин находились пожилая супружеская пара, медленно ползущая в сторону выхода, какой-то важный и до страсти усатый господин, разглядывающий стеклянную витрину компании по производству солнечных батарей, и Женя с Семеном и с невесть откуда уже взявшимся в руках девчонки кофе, весело и рьяно что-то обсуждавших. Нахмурившись, Сергей снова посмотрел на Пашу, склонив голову на бок и думая, что он, наверное, чего-то не так увидел, а затем снова перевел глаза в направлении взгляда своего заместителя.

— Павел, да ты о ком говоришь-то на этот раз?? Они у тебя все сладкие и все горяченькие, только что-то отказывают тебе больно часто. — ухмыльнулся Сережа, сунув руки в карманы.

Паша недовольно посмотрел на него и воскликнул:

— Да как о ком, как о ком, Серега?!? У тебя что, со зрением плохо? А то, что отказала... — Павел беспечно пожал плечами. — Поломается, поломается и сдастся, подумаешь! Они же все одинаковые: рестораны, театры, подарки недешевые — и бац! Она уже твоя! А на следующий день «чао, бамбино, сеньорита!» Схема беспроигрышная, тебе ли не знать. — он снова вздохнул. — Черт, а она мне в мозги конкретно засела, рыженькая малышка...

Сергей вытаращил глаза и с невероятным удивлением посмотрел на приближающуюся к ним Женю, захохотав:

— Так ты что, про Зябликову, что ли?? Ну и ну, Паша, со вкусом у тебя совсем бардак! — он насмешливо посмотрел на круглое, розовощекое лицо, вперившееся в его секретаря, будто она была голливудской актрисой. — Что ты в ней нашел?? Дурында, глупая, маленькая, наивная и сверхблагородная, чтоб ей ее благородство хвостом из поясицы выросло, а эти ее попытки свой борзомер зашкалить? Да еще и рыжая... Мда, Павел, тебе провериться не мешало бы...

Теперь пришла очередь Павла насмешливо таращить на Сергея маленькие глазки.

— Это ты — дурында, Серый, и тебе провериться не мешало бы, раз у тебя фобия рыжих волос... А девчонка эта — просто колорит! Необычная, веселая, а фигурка-то! Просто блеск! Не, Серый, она — лакомый кусочек! Ты просто ей «поросычью рожу» простить не можешь! — и Паша громогласно захохотал, а Сергей, вспомнив тот случай, разозлился.

Сложив руки на груди и угрюмо уставившись на Женю, которая, почему-то, шла прямо к нему, хотя он ее совершенно не звал, а даже наоборот, отправил проветриться, чтобы она не маячила перед ним раздражающим красно-фиолетовым пятном, Сережа внимательно оглядел ее, пытаясь найти те признаки «горячности», «сладкости» и «блеска», о которых тут пел ему Краснохатов.

Ничего особенного... Бледная кожа, тонкие руки, эти кошмарные кудри во все стороны цвета пожара на ферме, глазищи жуткого, отталкивающего оттенка, грудь то ли есть, то ли нет, не поймешь, омерзительные веснушки на лице, да и наверняка на теле имеются — у

рыжих почти всегда так, ну и длинные ноги, довольно сносные — единственное достоинство всей ее фигуры. Подумав, Сергей добавил в список недостатков еще и характер: лезет не в свое дело, ответственные моменты портачит, все время с каким-то вызовом смотрит, будто она — Маугли, дитя волков, да и вообще непонятная: то ли умная, то ли глупая, то ли храбрая, то ли скромная... Бред какой-то...

Сергей снова разозлился, теперь уже на то, что целых две минуты работы его мозга были потрачены на раздумья об этой девке, и он махнул рукой, нахмурившись и раздраженно проговорив:

— Да и черт с тобой и с ней, только не думай крутить свои интрижки на работе! Мне, вообще-то, секретарша еще нужна. Все шуры-муры после окончания рабочего дня. — жестко распорядился он, а Павел беспрекословно кивнул:

— Как скажете, Сергей Викторович.

В этот момент Женя, предмет страстного вожделения одного и безграничного раздражения другого, подошла к ним и встала около Минаева, как-то выжидательно взглянув в его глаза. Сергей недоуменно нахмурился, посмотрев на нее в ответ:

— Тебе чего, Женя? — холодно спросил он.

Ее глаза чуть расширились, а брови дрогнули от растерянности и непонимания.

— Кофе... — неуверенно проговорила она, посмотрев на чашку в своих руках, а Сергей, продолжая насмешливо и удивленно смотреть на нее, ухмыльнулся:

— Что, тебе на кофе денег не хватило? Взаймы дать? — язвительно спросил Сергей, игнорируя то, что она почему-то протягивала чашку ему.

Евгения изумленно вытаращила на него свои странные, фиалковые глаза и все с тем же непониманием и удивлением проговорила:

— Зачем, если он уже у меня в руках? Держите...

В этот момент произошло сразу несколько событий: откуда-то слева вдруг подлетела Лена и что-то начала говорить Сергею насчет еще одного заказа, а Женя вдруг дрогнула всем телом и кофе, выскользнув из ее рук и описав черную, пенистую дугу, с ароматным «бульк!» переместился из ее стакана прямо на грудь Сереже, обжигая огнем и пропитывая белоснежную рубашку коричневым цветом, стекая по пиджаку вниз, на брюки.

Сергей не успел, как следует, отскочить или сообразить, что происходит, как будто за одну секунду сначала кофе был на положенном ему месте — в пластиковом стаканчике, разрисованном рекламой кофейного автомата, а в следующее мгновение — уже на нем, зато его мозг, умеющий, по-видимому, подзаряжаться злобой и работать автономно от хозяина, моментально выдал через рот гневное восклицание:

— Твою мать, Женя!!!

Однако, в поднявшемся хохоте Краснохатова, его уже никто не услышал, кроме самой Жени, с ужасом глядящей на его испорченную рубашку, пиджак и брюки, Лены, злорадно глядевшей на рыжую девчонку, и самого Паши, превратившегося в хохочущий редис.

Женька с огромным ужасом смотрела, как Сергей, поднявшись на самую верхнюю точку своего гнева, стремительно скидывает пиджак и, с силой и, наверное, больно хватая ее за локоть и громко орет ей в лицо:

— Убью, дура!!! Ты зачем это сделала??? Ты зачем этот чертов кофе мне притащила??? У ТЕБЯ ЧТО, СОВСЕМ МОЗГОВ...

— Сережа, Сережа, успокойся! — воскликнул Павел, трянув Сергея за плечо своей огромной ручищей. — Она же не специально, не кричи...

— А ты не лезь!! — сбросив его руку, рывкнул Сергей, мимоходом взглянув на Павла яростным взглядом, и, чувствуя, что его сердце сейчас разлетится ко всем чертям от ядерного гнева, кипящего в каждой его клеточке и срывающего ему крышу не хуже торнадо, он снова посмотрел на растерянную и испуганную Женьку, которая вдруг опомнилась и в невероятном ужасе затараторила, слегка коснувшись пальцами пятна на его рубашке:

— Простите, Сергей Викторович, простите!!! Я не хотела, честное слово, но вы же сами кофе просили, а я...

Сергей на секунду вынырнул из моря бешенства и импульсивно воскликнул:

— Что ты несешь, Зябликова??? Когда это я просил тебя принести мне кофе?!? Мы же, черт возьми, не в офисе, у тебя что, крыша поехала?!? Черт... — он хмуро посмотрел на свою рубашку и пятно на брюках, лихорадочно соображая, что теперь делать: через сорок минут ему выступать, не пойдет же он на сцену в таком виде!..

Женя вдруг схватила его за локоть, и Сергей с омерзением поморщился: как же он ненавидел ее в этот момент! Даже стоять рядом с ней, видеть это растерянное и испуганное веснушчатое лицо было выше его сил!! Уволить, уволить, гнать ее к шутам с фирмы как можно скорее, она ему одни только проблемы приносит, и зачем он вообще ее взял, идиотку такую?!? Дура, дура, как же он ее ненавидит, кто бы знал!!!

— Сергей Викторович, я все исправлю, давайте, я сбегая и куплю вам рубашку? — неожиданно заявила Женя, и Сергей даже на минуту перестал злиться, изумленно уставившись на нее. — Ну же, давайте, а? Скажите размер, я куплю не хуже, пожалуйста! — чуть ли не с мольбой тараторила раскрасневшаяся Женя, а ее глаза были на мокром месте, но она держалась, не плакала.

Находясь на апогее своего отвращения к ней, Сергей даже помыслить не мог, чтобы эти бледные руки притронулись к его одежде, а уж тем более, что она сможет выбрать ему рубашку «не хуже»... Да у нее зарплаты даже на половину этой рубашки не хватит, о чем она вообще??? Он гневно выдохнул, сделав от Жени шаг назад и уже представляя, с каким наслаждением он проорет ей в лицо, что она уволена, Сергей вдруг ощутил нежную, теплую руку на своем плече и услышал спасительный ласковый голос Лены:

— Сережа, Сережа, успокойся, слышишь? Здесь неподалеку есть «Вондермен», я на машине, сейчас съезжу и привезу тебе рубашку. А брюки...

— А брюки, если спросят, скажем, что забыл подгузник одеть. С кем не бывает. — гневно съязвил Сергей, закатив глаза, и Лена хихикнула, нежно сжав ладонью его плечо:

— А брюки можно почистить пока в туалете, никто ничего не заметит на черном, будь уверен. Что ж сделать, если твоя секретарша такая криворукая... — вздохнула она, мстительно посмотрев на Женю, а та, вся красная, как помидор, выдала странную фразу:

— Ты правда думаешь, что от твоего тычка в мою спину у меня руки кривыми сделались? Не льсти себе!

Но, впрочем, Сергею некогда было разбираться. Он достал кошелек и, открыв, вытащил оттуда несколько пятитысячных купюр, протянув Лене:

— Давай, Лен, съезди.

— Но... — начала было Женя, но Сергей, не в состоянии остановить новый приступ яростной истерии, с огромным удовольствием мстительно процедил:

— Уж лучше ты, чем она мне привезет тряпье из секунд-хенда.

Лена лучезарно улыбнулась и ушла, качая бедрами, а Женя вздрогнула, не сводя глаз с Сергея.

Сереза посмотрел на нее: вся красная, глаза расширены, ей страшно, ей стыдно, но при этом ее злость на него все равно сияла огромным знаменем, несмотря ни на что, и это окончательно утвердило его в своем решении.

Снова бешено схватив ее под локоть, он с силой дернул ее к себе и, наклонившись к рыжим, дурацким, ненавистным кудрям, с огромным удовлетворением зашептал:

— Ну все, девочка, хватит, ты...

— Сергей! — вдруг окликнул его строгий голос Павла, и он от неожиданности даже обернулся. Павел был зол. Он редко бывает зол, но сейчас уголки его толстых губ опустились, а красное лицо выражало холод и неодобрение. Он отрицательно покачал головой:

— Не делай глупостей. Слышишь? Не делай глупостей!

Сергей как-то разом остыл. Странно, но слова Павла, отчего-то, повлияли на него, и теперь он даже мог контролировать злость... Уволить ее за то, что она случайно пролила на него кофе?? Действительно абсурд, непрофессионально и... нечестно. Он дал ей шанс. Дал ей испытательный срок. Со своей работой она справлялась, так по какой статье он вышибет ее???

Зарывав от бессилия, Сергей со злостью дернул подрагивающую и не глядящую на него Женю, лицо которой было опущено и закрыто волосами, и, снова наклонившись к ее уху и почувствовав тонкий аромат цветов, он речитативом злобно процедил:

— Выговор с занесением в личное дело и полгода без премии, все ясно, Зябликова??? А теперь пошла прочь отсюда! Твой рабочий день на сегодня окончен!!! — почти прокричал он ей в ухо и грубо оттолкнул от себя.

Женя на миг подняла на него лицо: сияющие обидой и болью глаза, вперемишку с гневом и ненавистью, злобной, открытой, безграничной, а затем она отвернулась и побежала к стенду. Схватив куртку и сумку, столкнувшись с Семеном, который тревожно посмотрел на нее, обхватив ее лицо ладонями, и что-то ей сказал, она кивнула и бегом убежала прочь. Через минуту ее в помещении уже не было.

— Ты очень грубо с ней поступил. — жестко сказал Павел, сурово глядя на Сергея, хмуро пялящегося туда, где только что скрылась из виду Женя, и разрываемого на части от сложных и противоречивых эмоций. — Неужели она настолько бесит тебя?? Удивительно. — он подошел к Серезе и, хлопнув его по плечу, хмыкнул:

— И кстати, по-моему, это Ленка ее толкнула.

И Павел развязной походкой двинулся к стендам, оставив Сергея в бешенстве на себя переваривать эту информацию. Сереза неистово топнул ногой, злясь на ту идиотскую ситуацию, в которую его опять поставила эта Женя... И почему внутри него опять пульсирует это сдавливающее чувство в груди?? Он же терпеть ее не может, так при чем здесь жалость?? Чертовщина какая-то... Нетерпеливо выдохнув, Сергей закинул пиджак за плечо и уверенно и стремительно зашагал в туалет, приводить себя в порядок и успокаивать разыгравшиеся нервы.

*** «Плюс»

«Очень хотела прыгнуть с моста.
Секунды тик-так. Отчаяние в такт. Стала ненужной.
Прости, красота, стала вчерашней,
Простой и не важной; Не стоит считать до ста!

Без тебя нет ее, без тебя ее нет!
Море — закат, суша — рассвет!
Могла только так она, и верно — была права:
Он говорил, он говорил — ей говорил слова.

Камешек в воду, от тела круги;
Спины изумительно нежный прогиб,
Вчера целовались, сегодня — погиб.
И все при своих, и я рада за них;
И все при своих, когда топят других!
Без тебя нет ее, без тебя ее нет!
Море — закат, суша — рассвет!
Могла только так она, и верно — была права:
Он говорил, он говорил — ей говорил слова.

Очень хотела — и мост проводил;
И он по мостам никогда не ходил,
Но знает, узнает, что ждет впереди,
Но выживут только влюбленные,
Только влюбленные, только влюбленные,
Только влюбленные, только!

Без тебя нет ее, без тебя ее нет!
Море — закат, суша — рассвет!
Могла только так она, и верно — была права:
Он говорил, он говорил...

Без тебя нет ее, без тебя ее нет!
Море — закат, суша — рассвет!
Могла только так она, и верно — была права:
Он говорил, он говорил — ей говорил слова!
Он говорил, он говорил — ей говорил слова...

Женя заливалась слезами, обессиленно облокотившись на руль своей «ласточки» и слушая радио, заглушающее ее мысли гитарными рифмами и пронзительным голосом,

заполнившим каждую клеточку ее обиженного, ее расстроенного и вконец запутавшегося сердца, заражая ее все новым и новым отчаянием и запуская очередные дорожки слез по ее щекам.

«Секунды тик-так. Отчаянье в такт. Стала не нужной...»

Она стучится в закрытую дверь. Женя определенно ощущала это, она громко стучит, в надежде, что приоткроется хотя бы щелочка и девушка сможет туда пробраться, найти свое место, стать частью этого маленького мирка под названием «Черный полюс»...

Но все бесполезно. У нее нет шансов. Слишком много отрицательных факторов, слишком много препятствий... Возможно, когда какое-то место так сильно сопротивляется, не желая принимать нас, это просто означает, что оно не наше? Не для нас, а для кого-то другого?.. Ей, наверное, стоит уволиться. Отступить, не мучиться и найти другую работу, тем более Минаев лишил ее премии...

«Камешек в воду, от тела круги... Спины изумительно нежный прогиб... Вчера целовались...»

Мда. Погибла ее последняя надежда накопить Поле на путевку к следующему сентябрю... Полгода без премии! Да это конец! Конец всем ее планам, конец бессмысленному и жесткому упорству, с каким она работала... Зачем теперь ей стараться, после всего? Минаев ее никогда не уважает, никогда не станет относиться к ней по-человечески, пока Вика и Лена с чертовым остервенением подставляют ее на каждом шагу!

«Кто знает — узнает, что ждет впереди? Но выживут только влюбленные, только влюбленные, только влюбленные...»

Женька вздохнула. Да что за песня-то такая? Он погиб, она?.. Тоже, потому что... любила его?.. А вот у нее нет любви. Интересно, было бы проще, если бы она была влюблена?

Женя улыбнулась сквозь слезы. Нет. Разве любовь — это просто? Или?.. Да. Было бы проще. Она была бы не одна. У нее был бы кто-то, кто поддержал бы ее в этой мерзкой ситуации, кто-то, кто заступился бы за нее, кто-то очень близкий и такой нужный, что...

«Без тебя нет ее, без тебя ее нет. Море — закат, суша — рассвет. Могла только так она, и, верно, была права, он говорил...»

А что она может в данной ситуации? Какой выбор сделает Женя Зябликова на этом перекрестке? Девушка из песни была проникнута суицидальным настроением, поскольку не видела смысла продолжать жизнь дальше, без него... Женя находила это противоестественным, ей казалось, что если Бог забирает у нас кого-то очень близкого и дорогого, то вряд ли для того, чтобы посмотреть, каким способом мы решим последовать за ним... Да, смысл жизни утрачен, но... Есть и другие дороги, нужно лишь шагнуть, сделать над собой невероятное усилие и продолжать двигаться, потому что мы еще живы, наши сердца бьются, бьются не для того, чтобы прозябать в страдании, а для того, чтобы научиться принимать потери и, не забывая никогда о тех, кто ушел, иметь в себе силы найти новый смысл, свой новый путь и жить для тех, кому мы действительно нужны...

Женя всхлипнула, вдруг осознав, что она переключилась со своей проблемы на какой-то внутренний диалог и, направив свою душу на соединение с песней, снова вслушалась в аккорды... И из глаз хлынули новые слезы жалости к себе, которые плавно перетекли в слезы, оплакивающие горе бедной, страдающей девушки, сидящей, как представлялось Жене, на каком-то мосту и с болью глядящей на расплывчатую, серую линию морского горизонта.

Дверь машины резко отворилась, впуская в салон холодный осенний воздух, капли начинающегося дождя и озабоченное лицо Семена, который, благодаря своей изумительной проницательности, видимо, предугадал, что Женя после всего случившегося скорее всего поступит как все нормальные девчонки, которых обидел злой дядя, и пустит соленое море, поэтому попросил посидеть в машине и дожидаться его, что Женька послушно исполнила, с огромной самоотдачей разревевшись на руле своего желтого и, не в пример хозяйке, жизнерадостного «Опелька».

Увидев Сему, Женька зарыдала пуще прежнего, всхлипнув и с трудом прошелестев через прилепившиеся на мокрые щеки и помаду кудри:

— Он у-у-умер...

— Кто?? — недоуменно спросил Семен, резко оглянувшись, по всей видимости, в поисках тела, но Женька резко схватила его за руку и ткнула его пальцем в свою магнитолу, продолжая всхлипывать:

— Он... из... из песни... А она с собой покончила... Мне их жалко!!!

Семен захохотал и разгреб мокрое от слез лицо Жени, заставив ее посмотреть на себя:

— А я-то думал, ты тут страдаешь от того, что испортила нашему милейшему начальнику рубашку за пять тысяч баксов... А ты, значит, песенки слушаешь, дурында?!?

Женька, услышав дикую цифру, которая как-то относилась к простой белой рубашке Минаева, на которую она, по несчастливой неслучайности или даже по мановению хорошего толчка в спину со стороны Лены Старцевой вылила кофе, аж плакать перестала:

— Ты шутишь??? Долларов? Пять тысяч долларов?? А не рублей??

Семен снова рассмеялся, покачав головой:

— Ну ты смешная, Жека! Костюм у него, значит, за десятку штук баксов, а рубашки он в магазине «Все по 100», по-твоему, покупает?? Ладно, давай, пересаживайся вон туда, я отвезу тебя домой. — легко подтолкнул он снова скулсившуюся Женьку на пассажирское сиденье, которая, осознав смысл сказанных им слов, снова начала всхлипывать. — И не плачь! У тебя тушь растеклась. — весело добавил он, усаживаясь за руль и отодвигая сиденье подальше от педалей, чтобы в процессе «верчения баранки» все-таки не иметь возможности стукнуться головой об собственные коленки.

— Слушай, Семка... Может, это был знак? — грустно, вытирая лицо руками, спросила Женя, глядя на то, как они пристраиваются за каким-то зеленым джипом в сторону выезда с автостоянки перед выставочным центром «Колизей», попав в бесконечную пробку, неизменно возникающую тогда, когда заканчивается какое-либо массовое мероприятие.

— В смысле, еще один? — усмехнулся Сема, с теплом посмотрев на Женю. — Насколько я заметил, таких знаков у тебя каждый день не по одному бывает, так почему именно сейчас ты решила сдаться?

— Да потому что все бессмысленно! — вздохнула Женя и отчаянно ударила кулаком по панели несчастного, попавшего под горячую руку авто. — Я пытаюсь доказать ему, что не заслуживаю такого к себе отношения, что он — кретин, который чуть не вытряс мозги из моего друга Игорька и который ненавидит меня, потому что я рыжая! Это же абсурд! Я надеялась переломить это, Сема, я знаю, что отношение людей изменить можно, что можно заслужить признание и уважение, а в результате... Я всего лишь мечу бисер перед свиньей! Да еще эти Вика и Лена... Им-то чего от меня надо??? Что они пристали, как банные листы со своими кровожадными планами по моему моральному уничтожению, если их ненаглядный Сергей и так меня на дух не переносит?!? А Краснохатов??? Тоже мне,

мужчина мечты! Думает, сказал пару комплиментов, и я уже такая разделась и легла перед ним в порыве страстной благодарности??? — понесло Женьку в далекое гневное плавание, а Семен, с совершенно невозмутимым видом слушал, даже радио потише сделал, спокойно давя на педали и медленно, но верно, метр за метром продвигаясь к маячившему где-то впереди заветному выезду с парковки и к полной скоростной свободе... до первого светофора. — В ресторан меня позвал, черт озабоченный, — раздраженно махала руками Женька, — пришлось отказать, думала — все, кранты, еще один начальник в списке «обожающих» меня людей, так этот гад заявил: «Я не отступлюсь»!!! Ну что за проклятье??? Теперь мне объявили выговор, выговор! Первый в моей жизни, представляешь?? А еще лишили премии! Да это почти ползарплаты, Семка! Теперь мне никогда не накопить на лечение Поле, разве что лет через пять, но я так хотела, чтобы она поскорее выздоровела и перестала мучиться...

Пробка закончилась, «Опель» тихонечко ехал по запруженным в час-пик после окончания рабочего дня улицам, смахивая с лобового стекла редкие капли дождя в унисон с тем, как Женя, говорившая всю дорогу до дома и то начинающая кричать, то истерично хохотать, то плакать, смахивала со своих щек слезы, а слушатель сего эмоционального концерта Семен молча рулил, излучая по-прежнему спокойствие, тепло и открытость. Увидев, что они уже заруливают во двор ее дома, Женя вдруг опомнилась и, вялои безнадежно поникнув, посмотрела на свои руки:

— Прости, что тебе пришлось выслушивать меня так долго... Я истеричка, да? — печально улыбнулась она Семену, который припарковался на единственное свободное место — разрытый колесами машин газон прямо у подъезда, и с улыбкой посмотрел на нее.

— Может быть, но это не делает тебя плохой. Минаев вот тоже истеричка, но он, ко всему прочему, злой, как собака... Людям иногда нужно выговориться. Ты ведь знаешь, те, кто держит все в себе, гораздо больше склонны к инфарктам, а мне вовсе не хочется, чтобы ты умерла. — жизнерадостно закончил Семен, подмигнув Жене, и та рассмеялась.

— Это очень мило, Сема, я сейчас расплачусь!

— О Боже, ну зачем?? Только ведь тушь вытерла...

— Да ну тебя! — отмахнулась от него с улыбкой Женя и вздохнула, уже серьезно проговорив:

— Мне нужно уволиться, Сема. Зачем я мучаюсь сама и мучаю его? Зачем создаю себе и другим столько проблем??? Знаешь, иногда говорят, что когда вступаешь на какую-то дорогу и на пути одни препятствия, значит, это не твой путь... Наверное, «Черный полюс» был ошибкой для меня... Все ведь указывало на это, с самого того первого злополучного дня! Я честно пыталась, но...

Семен вдруг развернулся к ней и, обхватив ее голову обеими руками, аккуратно повернул ее лицо к себе, внимательно и нежно заглянув ей в глаза. Женя затаила дыхание: их лица были всего в паре сантиметров друг от друга, и Семен сказал:

— Послушай, Женя. Ты неверно рассуждаешь. Это не ты — их проблема, а они — твоя. Ты же прекрасно понимаешь, что все, что происходит вокруг тебя, все твои беды — это не более, чем дурацкое стечение обстоятельств, людей и их характеров. Почему ты создаешь им столько проблем? Да их проблема только в их собственных головах и заморочках! — Семен вздохнул и усмехнулся, все еще пристально глядя на замершую Женю. — Одному не нравится твой цвет волос, другим то, что ты дала им отпор, третьим не понравится еще что-то... Да этот процесс может быть бесконечным, Женя, но лично ты сама создала им какое-

то существенное неудобство, кроме того, что сверкаешь необычной внешностью и умеешь отлично работать и держать удар?? Так почему именно ты сдаешься и уползаешь в кусты? Лично я думаю... — он вдруг вздохнул, а его синие глаза переместились на ее губы, с каким-то особым интересом глядя на них. Внутри Женки что-то дрогнуло, и она неожиданно поняла, что ей так невероятно комфортно и тепло сейчас, здесь, рядом с ним, так спокойно и хорошо от его слов, от его рук на ее щеках, что она была бы и сама не прочь поцеловать его... Женя тоже медленно оглядела его приятное, тонкое лицо, темно-каштановые волнистые волосы и, как и он, зачарованно посмотрела на его губы, на колечко в его нижней губе, которое ей тут же отчего-то захотелось попробовать языком на вкус, поиграть с ним... Что за дурные мысли?..

— Лично я думаю, — снова повторил Семен изменившимся голосом, очевидно, заметив Женин взгляд, потому что выражение его глаз тут же стало другим, не столь невинным, как раньше, — что ты попала на эту фирму не для того, чтобы пройти свое какое-то испытание, как тебе кажется, а для того, чтобы указать им, как же они ошибаются в своем грубом и жестоком поведении по отношению к тебе. Ты... просто... не уверена в себе. — вздохнул он, а Женя, ощущая невероятную тягу к нему, придвинулась ближе, все также желанно глядя на его губы и поскорее желая целовать его, целовать... ну почему она этого так хотела? Она не знала, не могла объяснить, а просто купалась в его тепле, которое стало почти обжигающим... Взгляд Семы скользнул от ее губ к глазам, и Женя увидела, как потемнели его синие, став в миг почти черными... Внутри все сжалось, и она судорожно вздохнула.

— Ты закончил? — почти шепотом спросила она, вцепившись руками в его куртку и, поддаваясь неконтролируемому притяжению внутри себя, принявшись настойчиво и нежно гладить его грудь по рубашке, переходя к шее и волосам, а в ответ ощутила, как он любовно и очень чувственно провел пальцами по ее щеке к шее и зарылся рукой в ее волосы, продолжая безостановочно ласкать их, а его дыхание стало замедляться.

— Почти. — тоже тихо проговорил он. — Ты не должна расстраиваться, Женя. Ты добрая... — его рука чуть потянула ее за волосы, и Женя закрыла глаза, ощутив всплеск жара внутри себя, и лишь концентрируясь на его дыхании в одном мгновении от ее губ. — Ты умная... и работаешь с такой самоотдачей, что тебе позавидовали бы многие на нашей фирме... И ты... — его взгляд нежно, но так горячо прошел по ее лицу и остановился на губах, с огромным интересом наблюдая за ними... Женя вздохнула и закусилла нижнюю губу, поддаваясь внутреннему порыву привлечь его к себе, заставить его желать этого поцелуя не меньше, чем она, наблюдая за его реакцией и продолжая играть с его волосами на затылке, думая о том, что ей бесконечно прекрасно сейчас, что ей настолько спокойно и комфортно, что она, не задумываясь, сидела бы вот так рядом с Семой хоть до завтрашнего вечера... Ну, может быть, лишь только с каким-нибудь приятным дополнением, в виде поцелуев, например... А его дыхание все горячее на ее губах, все темнее и темнее его синие глаза, зачарованно наблюдающие за Женей, за ее встречными ласками, лаская взглядом ее нежные черты лица... Женя снова вздохнула, потянувшись к нему и чувствуя, что больше не хочет ждать, не хочет ничего слышать, а ей лишь нужен он, Сема, его тепло, физический контакт с ним... — И ты очень... очень красивая. Невероятно просто... — шепнул он ей в губы и...

Все. Это все. Женя вздохнула, но Семен, действительно закончивший свою речь, уже целовал ее, нежно, невероятно сладко и с каким-то особым трепетом.

Тепло, тепло, очень тепло и так восхитительно спокойно, Женя забыла, что была зла, забыла, что собиралась бежать с треклятой фирмы куда подальше, забыла свои обиды и гнев

на всех, кто причинял ей боль: он забрал все это себе, в своем поцелуе, в своих губах, так деликатно, так чувственно и с упоением целующих ее, как будто она действительно была прекрасной, как он говорил, как будто она была одна такая... А кто она? Обычная, неприметная девчонка Женька Зябликова, которая сейчас умирала от удовольствия, тоже с огромной нежностью и трепетом обнимая Семена за шею и зарываясь руками в его густые волосы, и которая с готовностью подставлялась под его ласковые руки, поглаживающие ее лицо и шею, не менее ласковые, мягкие губы, поигрывая с его колечком в губе в ответ... Тепло, очень тепло, как же ей нравилось находиться так близко к нему, прикасаться к нему, ощущать его энергию... Ей так не хватало в жизни именно такого тепла: светлого, искреннего, настоящего и безмятежного, не обжигающего, не выворачивающего ее душу наизнанку...

Сейчас, в этот самый момент, в его руках, самозабвенно отвечая на его поцелуй, лаская его губы и прижимаясь все ближе к нему, Женька не чувствовала больше колючего и зябкого одиночества, от которого даже свет казался тусклее, чем был...

Но насчет одиночества она, наверное, все-таки немного заблуждалась, потому что внешний мир, который продолжал жить своей жизнью вокруг нее, несмотря ни на какие поцелуи, тут же поспешил доказать ей, как же она, в действительности, не одинока.

В окне со стороны водительской двери вдруг раздался настойчивый, громкий стук, и Женя с Семой огорченно оторвались друг от друга, мельком переглянувшись разочарованными взглядами, а стук, тем временем, сопровождался возмущенным криком:

— Евгения! Евгения! Это ты там, что ли?? Да как же тебе не стыдно-то... Ой-ей-ей.. Позор-то какой!.. За моим внуком ходишь, а сама с другим в романтику ударилась??? Ай-яй-яй, да что же это такое-то, а??

Женька недоуменно перегнулась через Семена, который весело и с интересом улыбался, глядя на виновницу их прервавшегося поцелуя, и увидела Раису Васильевну, которая, уперев руки в бока и приняв вид бульдозера, с неодобрением и искренней нелюбовью разглядывала Семена, чуть сморщив нос, будто ей на базаре подсунули тухлые помидоры в один мешок со свежими, а ее седая, закрученная челочка крупно-цилиндрической формы качалась в такт укоряющим покачиваниям ее головы, которые и должны были завершить картину «уличения в предательстве бедного Игорька»...

Сам же бедный Игорек стоял поодаль, как печальный мул, нагруженный сумками с продуктами чуть ли не до ушей и глядящий на Женьку угрюмым, недовольным взглядом сквозь свои модные очки с маленьким дружком «Гуглом» на правой линзе.

Сема опустил стекло и, улыбнувшись самой вежливой улыбкой, спокойно проговорил:

— Здравствуйте! Извините, что побеспокоили, нам очень не хотелось волновать своей романтикой такую хорошую женщину, как вы! Женя больше не будет, честное слово! — просто и с легкой сатирой проговорил Семен, продолжая искренне улыбаться, разве что шляпой Раисе Васильевне не отсалютовал и в ноженьки не поклонился, а Женька фыркнула, насмешливо глянув на него:

— Еще чего! — она перевела недовольный взгляд на Раису Васильевну, которая уже собиралась, как следует, ответить галантному, но все же до безобразия наглому молодому парнишке, но не успела. — Раиса Васильевна! Я, между прочим, в своей машине! Что хочу, то и делаю, а насчет вашего внука... — Женька гневно прищурилась, глядя на хмурого, чернее тучи, Игорька, поглядывающего исподлобья то на бабушку, то на подругу. — Я за ним не бегаю, сколько раз вам говорить! Мы с ним друзья, поэтому...

— Ой, дорогая, не пудри мне мозги! — фыркнула Раиса Васильевна, поправив седые волосы, собранные в тугий пучок на затылке, и снова тряхнув челкой. — Как вы можете быть друзьями, если ты закрываешься с ним в отдельной комнате, и вас несколько часов не слышно?? Что ты думаешь, я не догадываюсь, чем вы там занимаетесь?? Тем более с таким видным мальчиком, как наш Игореша, умным, красивым, высоким, не то, что твой... кавалер. — подобрала более-менее культурное слово для описания Семена женщина и, снова сморщив нос, оглядела его темно-синюю, яркую рубашку и странный галстук в черно-красную полоску, завершив неодобрительную оценку мимолетным брезгливым взглядом на его кольцо в губе. — Ты мне зубы-то не заговаривай, Евгения! Совсем ты от рук отбилась, приличия все забыла!

— Бабушка, да перестань ты, я же тебе сто раз говорил насчет нас с Женькой, не лезь ты к ним! — простонал Игорь умоляющим тоном, под аккомпанемент которого Женька и Семен дружно хихикнули, а бабушка Игоря лишь отмахнулась:

— Ой, внучек, да ты всегда ее защищал, хоть она и не заслужила! Ишь, коза-дереза, какого... гламурного себе отыскала! На ширпотреб сменила Игорешу нашего, ведет себя непристойно на людях... Надо сказать Даше и Эдуарду, а то, глядишь, дочь-то совсем потеряют...

— Бабушка!

— Раиса Васильевна!

— Какая милая женщина. — тепло улыбнулся Семен Женьке и незаметно ей подмигнул. — Так беспокоится о тебе! — Женька вздохнула, обреченно надув щеки, а Сема мимолетно поцеловал ее совсем рядом с губами и легко проговорил:

— Ладно, Жека, мне пора, завтра позвоню. Не хандри! Нервные клетки не восстанавливаются. Всего хорошего, приятно было познакомиться! — улыбнулся Раисе Васильевне «ширпотреб» и быстро вышел из машины, двинувшись по направлению к остановке, что была за углом соседнего дома. Его-то машина так и осталась у выставочного комплекса.

Женя расстроено вздохнула, посмотрев ему вслед. Жаль, а ведь они даже не успели обсудить случившееся... И, быть может, если бы не бдительная соседская бабуля, между ними могла возникнуть еще парочка подобных чудесных поцелуев... Ладно. Позвонит ему завтра и обо всем поговорит...

Девушка безрадостно вышла из машины и, пикнув сигнализацией, сопровождаемая глухим ворчанием пожилой женщины и чувством глубокого разочарования и тоски, двинулась в подъезд, подхватив по дороге виновника сего диалога Игорька, согнувшегося чуть ли не пополам под тяжестью продуктов.

— Ну ты, Зябликова, даешь! Я-то думал, право первого поцелуя ты все-таки оставишь за мной, раз мы с детства друзья, как-никак! — хмыкнул он тихо, чтобы входящая вслед за ними строгая Раиса Васильевна его не услышала.

Женька хихикнула и шутливо сделала круглые глаза:

— Так ты все еще на это надеешься?? Ми-и-илый, намекнул бы мне на это лет десять тому назад, мог бы еще успеть! Я бы с удовольствием уступила тебе этот почетный шаг в мир взрослых дяденек и тетенок, а то, как мне кажется, Борька Семечкин все же был не самым лучшим кандидатом на роль целовальщика в те далекие годы... Зато, — бодро продолжила свои рассуждения Женька, ткнув пальцем в кнопку вызова лифта, — могу предложить тебе право... м-м-м... первым выбрать мне вставную челюсть, когда мы станем настолько

старыми, что своих зубов уже не останется! Как тебе? Гордость еще не распирает??

Игорь усмехнулся и покачал головой:

— Чего-то ты черезчур веселая для человека, у которого все щеки измазаны растекшейся, явно не от дождя, тушью... Ладно, вечером зайду — обсудим...

— Игорек! — встряла бабушка, которая недовольно посапывала за спиной внука, практически прижатая к грязной стенке тесной кабины лифта и конечно, могла слышать каждое слово из последних, сказанных ребятами, фраз. — У тебя что, вообще гордости нет??? И после всего, что произошло, ты еще к ней пойдешь?!?

— Бабушка!

— Раиса Васильевна! — одновременно вскричали «беспринципный» внучок и «непристойная» подруга «беспринципного» и, тут же отвернувшись от недовольной старушки, беззвучно захихикали, а от дальнейших рассуждений на тему «распущенности некоторых девушек, внешне кажущихся такими воспитанными!» их спасла раскрывшаяся на нужном этаже дверь лифта.

Глава 6. «Плюс»

— Женька, ну чего ты упираешься? Пойдем, растрясешь свою хандру, сколько уже можно?? Твоим кислым лицом можно текилу закусывать! — шепотом зудел над ухом Женьки Дима Сосновский, возвышаясь над партой и растекшейся по ней (подобно кривым надписям, выполненным с большим азартом черным маркером прямо на когда-то хорошо отполированной поверхности учебного стола и кричащим о способах уничтожения одной самой прекрасной девушки на земле каким-то, видимо, по уши втюрившимся в нее, очень адекватным парнем, если она вдруг вздумает ему изменить) хмурой и неразговорчивой, вопреки всем законам ее организма, Женькой огромной и мускулистой черноволосой горой, успевая при этом игриво переглядываться с Наташкой Солодовой из параллельной группы и что-то еще записывать в тетради, обрывочно ведя за преподавателем конспект по истории Конституции нашей страны.

— Отстань, Димка, какой еще клуб?? — неохотно отмахнулась от него Женька, с тоской посмотрев в окно, где уже вовсю валил большими хлопьями снег, несмотря на середину октября... Зима всегда приходит внезапно, принося с собой неожиданный холод в квартиры, грязь и слякоть от то и дело тающего снега, которая легко и быстро, всего за одну ночь, как по волшебству превращалась в гололед, огромные пробки на дорогах из-за медленно ползущих автомобилей, чьи хозяева, прекрасно зная особенности региона своего проживания, равно, как и коммунальщики, и дорожные службы, и глупые, забывшие о том, что юг в этом городе закончился еще пару месяцев назад и что нужно улепетывать, пока крылья к спине не примерзли, утки на пруду, так вот, все они оказались совершенно не готовы к первому снегу и заморозкам. — Там музыка дурацкая, выпивка разбавленная, публика приставучая...

— Да брось нудить, Зябликова, я тебя не узнаю! — шепотом возмутился Илья Селезнев с другой стороны, легонько толкнув девушку в плечо своим плечом. — Когда это ты домоседом таким стала? Что-то я не припомню, чтобы ты раньше была такой...

— Я никогда не любила клубы. — все также мрачно глядя на снег и мечтая, чтобы он поменял направление движения и пошел обратно к себе на небо, изрекла Женья.

— Это элитный клуб, называется «Источник». Только не говори, что не слышала о

нем! — шепотом с гордостью заявил Димка, а Женя удивленно уставилась на него:

— «Источник»??? Слышала, конечно, а еще я слышала, что туда представителей средней прослойки общества не пускают даже на крыльцо, а золотого кошелька у меня нет, так как ты предлагаешь пройти туда?? Спуститься по дымоходу, как Санта Клаусы??

Илья с Димкой фыркнули и переглянулись:

— Зачем же одежду пачкать? У Димаса там друг охранником на входе работает, он нас проведет. — довольно пролил свет на тайну Мадридского двора Илья, а Димка с гордостью кивнул, снова послав заинтересованный взгляд Наташке Солодовой, которая слегка порозовела от смущения и улыбнулась в ответ.

Женька секунду удивленно поизучала сначала одного, затем другого, и хмыкнула:

— Ну вы даете, конечно... Я бы сходила, но у меня сейчас проблем и без пьяной ночки с утренними последствиями хватает... На работе — завал, не сделаю — того и гляди, Минаев мне зарплату до прожиточного минимума урежет, а на следующей неделе еще две курсовые сдавать, забыли?? Не, други, я — пас.

— Вот скажи мне, Женька, — деловым тоном начал Илья, и Женя сразу догадалась, что дальше последуют какие-то рациональные вопросы и выводы, которыми он умудрялся повернуть все так, что девушка чувствовала себя еще более несчастной, а свою жизнь начинала считать идиотской и бессмысленной, — зачем вообще ты туда устроилась, а? Чтобы было время на учебу... Так оно у тебя есть? Нет. Довод номер один. — он деловито загнул палец на руке и для надежности еще поставил на полях своей тетради вертикальную черточку шариковой ручкой. — Довод номер два. Тебя ненавидит начальник и специально заваливает работой, чтобы ты взвыла и убежала, поджав хвост. Он лишает тебя половины зарплаты, ради которой ты, собственно, туда и шла. Так за каким кляпом тебе, спрашивается, вообще нужна эта работа??? Ни морального удовлетворения... это, кстати, должно было стать доводом номер три, но я поспешил раскрыть карты, — сокрушенно добавил Илья, загнув еще один палец и пририсовав на полях дополнительные две вертикальные «палки», — ни денег, ни времени, а только отвратительное настроение и «чувак-депресняк». Возникает вопрос: какого черта ты еще не уволилась??? Неужто так нравится над собой издеваться??

Женька вздохнула. Каждое утро она вставала, задавая себе тот же вопрос, но каждый раз, зачем-то, заставляла себя идти туда, держаться, не сдаваться...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

А ведь после того, как она вылила на Сергея кофе на той выставке, он, кажется, стал ненавидеть ее настолько, что даже смотреть на нее не мог, и давал ей разные поручения больше по телефону, чем в глаза, причем все его задания уводили Женю подальше от секретарской, куда-нибудь в цех, помогать ребятам-сборщикам заполнять технические паспорта на готовую продукцию красивым почерком, или в архив личных дел, заниматься подшивкой и систематизацией кадровых документов.

Короче говоря, его негатив к ней Женька чувствовала даже через дверь кабинета, который также подкреплялся искренней ненавистью и желанием все-таки устранить ее с фирмы со стороны Вики и Лены, для которых это занятие стало не то развлечением во время серых будней, не то хобби, что довольно сильно усугубляло, в совокупности, ее положение, а вдобавок ко всем «радостям «Черного полюса»», в секретарской бесконечно расцветал цветок по имени Павел Юрьевич, который не мытьем, так катаньем пытался вытащить ее на свидание и с лицом благородного, немного растолстевшего, возможно, даже съевшего своего коня рыцаря защищал ее от бесконечных нападков со стороны Сергея.

Так что, по всем доводам, да и по миллиону других причин, которые просто не были озвучены вслух, Илья действительно был прав, ведь на фирме, кроме Семы и Светы, да еще нескольких приятных личностей, ничего хорошего Женю не ждало, хотя в целом, коллектив относился к ней благодушно, а, как известно, «благодушие» коллектива можно легко приравнять к слову «безразличие». Ах да, чуть не забыли про тайного поклонника, который неделю за неделей удивлял ее нежными словами в записках, райскими птицами или цветами из бумаги, в простонародье называемые «оригами», очередной симпатичной, а главное — вкусной коробочкой конфет или еще чем-нибудь таким, тихонько ожидавшим Женю на столе еще задолго до ее прихода на работу.

Женя так и не догадалась, кто бы это мог быть, хоть и присматривалась к коллегам с особой тщательностью, но, в конце концов осознав, что это гиблое дело, она решила оставить все, как есть: рано или поздно этому романтичному типчику надоест раскармливать Женю до размеров крупного рогатого скота и он все равно себя раскроет.

Оставлять «все, как есть», правда, не пожелал Краснохатов, который вдруг случайно увидел подарки на Женином столе и прознал, что на фирме у него имеется серьезный конкурент, что только подогрело в нем охотничий азарт и интерес к девушке. Павел попытался выяснить по своим связям, кто этот приставучий теневой игрок, но, не добившись успехов в своих поисках, предпринял попытку переплюнуть автора записок: в одно прекрасное утро Женю ожидал огромный, словно айсберг, букет белых роз и записка с романтическим стихотворением на две страницы, списанным явно с какой-то поздравительной открытки. В тот день Сергей, увидев подобный «ответный удар» и галантный выпад одновременно, чуть не переселил Женю на шестой этаж, в комнату для хранения швабр и моющих средств по уборке помещений, посчитав, что она будет отлично там смотреться со своим «веником», а довольному, сияющему ослепительной победной улыбкой Павлу Юрьевичу устроил полнейший разнос, который и в цехе наверняка было слышно, несмотря на шум станков и громкую музыку.

В общем, весь этот сыр-бор, возникший всего лишь с появлением на фирме нового секретаря, работающего всего по полдня, кружил вокруг Жени чертовой каруселью, и каждый черт так и норовил пырнуть ее своими вилами побольней... И какой бы изворотливой она ни была, все равно то и дело с какой-нибудь стороны ей прилетал новый, страшно болезненный тычок.

— Знаешь, что. — задумчиво проговорила Женя, понизив голос, потому что преподаватель истории Конституции Александр Иванович очень уж строго посмотрел в их сторону. — Я много раз думала на эту тему... Возможно, у меня просто слишком мало силы воли. Я — слабачка, вот и не могу послать Минаева с его «Полюсом» к чертовой бабушке. Но с другой стороны... Я просто не хочу бросать то, что уже начала, не хочу подводить Свету, которая говорила, что очень давно уже ищет подходящего кандидата на должность второго секретаря, сами понимаете, на полставки работать мало желающих... Ко всему прочему, — уже более озлобленно зашептала Женя, — если я сейчас уйду, то это значит, что я сдалась! Что мои принципы не стоят и ломанного гроша, если я испугалась какого-то кретина с наглой мордой и детских подстав его девочек на побегушках! Если я уйду, то докажу Сергею Викторовичу лишь то, что он был прав во всех своих брезгливых проявлениях по отношению ко мне... А он должен понять, что люди, женщины, это не пластилин, из которого можно слепить все, что только ему заблагорассудится! Что та линия поведения, которой он придерживается, — дикая и грубая, не достойная настоящего мужчины! —

воскликнула Женька, гневно хлопнув ладонью по коленке под партой в порыве праведной злости. — Никто не имеет права портить человеку жизнь только из-за одной-единственной неприятной стычки или только из-за цвета волос, свои фобии надо оставлять при себе, не в джунглях живем! Он должен уяснить, что нельзя пользоваться положением и давить того, кто слабее, того, кто зависит от тебя! И я это ему докажу. Черта с два он меня с этого места сковырнет. — бойко закончила Женька, покрасневшись от возбуждения.

Илья и Дима внимательно слушали ее, скептически переглядываясь, а потом Илья вздохнул и успокаивающе погладил Женю по головке, как доктор — душевнобольного пациента.

— Мда, Женька, все-то у тебя не по-человечески в твоей головушке! И чего ты придумала себе эту благородную затею вывода обыкновенного, зарвавшегося на почве денег и собственного статуса кретина на чистую воду?? Прости, но это как-то... идиотизмом пахнет. На работе надо работать, работать для себя, для зарплатки, а не для того, чтобы указывать Павшим на их пороки. И если ты не знаешь, работа должна приносить если не удовольствие, то хотя бы обыкновенное удовлетворение и спокойствие, а ты работаешь там уже больше месяца — и что? Вместо веселой и милой девчухи-радуги сидит потасканный шарпей. — он улыбнулся, а Женька в шутку пульнула в него обиженным взглядом.

— Так Илюха к чему ведет: Зябликова, погнали с нами в клубешник! Выпьем, потанцуем, повеселимся! Ты, может быть, если вспомнишь, как улыбаться и заигрывать с парнями, даже подцепишь кого-нибудь... А? Давай, развеешься! Зябликова! — потыкал он ее в плечо пальцем, а Женька весело фыркнула:

— Подцеплю? Это с твоей-то мускулистой фигурой, маячащей на заднем фоне??? Да ко мне, наверное, даже пыль местная не пристанет! Если я что и подцеплю там, то, вероятнее всего, это будет грипп... Ладно. — вдруг внезапно согласилась она, почему-то действительно обрадовавшись. — Черт с вами, идем! Когда?

— Правда?? — удивленно и оживленно спросил Илья, округлившимися глазами переглянувшись с Димой. — Ты серьезно?? Вот это класс! Идем в четверг.

— В четверг?!? А в пятницу мне что, на работу в противогазе приходиться, дабы спасти несчастных коллег от фирменного запаха бурной ночи?!? В четверг, так в четверг. — неожиданно успокоившись и перейдя из состояния шторма в штиль, вдруг согласилась Женя, пожав плечами. — Попрошу Свету целый день отработать. Минаев будет только рад.

— У меня четыре проходки. — сказал Дика и хитро подмигнул девушке. — Если хочешь, можешь того парня, ну, с которым вы там на работе играете в очень свободные отношения, взять с собой. Разрешаю. — благородно и снисходительно прошептал он, гордо задрав нос, а Женька прыснула.

«Очень свободные отношения» — термин, как нельзя кстати подходящий для описания их с Семеном странный союз.

После того поцелуя Женька ужасно переживала весь вечер, думая о том, что теперь их ждет: отношения? «Романтика», как выразилась бабушка Игорька? Или полный разрыв, поскольку оставаться друзьями после этой эмоциональной и довольно приятной глупости они уже не смогут?

В итоге, Женька, которая своим нервным видом весь вечер маячила в комнате Игорька, как ржавая настольная лампа, то и дело подмигивающая и раздражающая своим бесконечно прерывающимся светом, получила от него нетерпеливый, но дельный совет просто позвонить Семену и обо всем переговорить. Естественно, озаренная клюнувшим в темя

петухом по имени Игорь, девушка через минуту уже слушала гудки на том конце провода, набрав номер Семена со скоростью горения метеорита в атмосфере.

— Женька! — весело ответил он после третьего гудка, плохо перекрывая своим голосом какой-то шум и гул на заднем фоне. — Я так и знал, что ты позвонишь! У тебя очередное падение в горестную яму или ты хочешь обсудить поцелуй?

Женька хмыкнула:

— Поцелуй, конечно! Что я в очередной горестной яме не видела? А ты где? Мешаю? — вдруг вспомнив о приличиях и слыша какие-то странные завывания, похожие на хор привидений, в трубке, поспешила уточнить Женя.

— Я на картинге. Сейчас, подожди. — через несколько секунд в трубке что-то хлопнуло, и вой сразу прекратился, уступив место тишине. — Ну, давай поговорим. — совершенно спокойно, без какого-либо волнения, весело проговорил голос Семы.

— И что теперь? — резко выдала мучающий ее весь вечер вопрос Женя. — Мы... должны встречаться?..

Семен рассмеялся и проговорил:

— Мы ничего никому не должны, Женя. А ты хочешь?

Женя задумалась, прислушавшись к себе: да, ей было ужасно комфортно рядом с ним и легко, будто паришь в небе, и этот поцелуй — такой нежный, чувственный, такой внимательный по отношению к ней, но... Хотела ли она встречаться с ним? Ее сердце слегка трепыхнулось в груди, а потом резко сжалось... Нет, какое-то неправильное чувство... Если бы она хотела быть с ним, она бы не задавалась такими вопросами, ведь да?..

— Не знаю. — честно призналась Женька. — Мне нравилось то, что было между нами... И ты мне нравишься... И поцелуй классный...

— Жека, ну так чего ты заморачиваешься, я никак не пойму? Расслабься, успокойся, не создавай проблем на ровном месте, позволь ситуации плыть по течению! А там мы все равно к чему-нибудь да и придем. — последовал совершенно спокойный комментарий.

Женька удивленно подняла брови и посмотрела на телефонную трубку в своей руке, пытаясь осмыслить то, что ей, вроде как, предложили поиграть в отношения по требованию.

— Ну ты смешной, Семка! — усмехнулась она. — Это же как-то... не знаю... совсем не по-взрослому! Как в старших классах школы: «Поцелуй? Да ладно, он ничего не значит, у тебя таких еще миллион будет и не только со мной...» Разве так можно?

Семен вздохнул.

— Ты, милая, загнана в какие-то рамки. Перестань приводить ситуации к каким-то клише! Я не говорил, что этот поцелуй ничего не значит. Я имел в виду, что раз мы оба не понимаем, что между нами произошло, то нужно просто оставить свободно-дружеско-романтические отношения как есть, чтобы посмотреть, что из этого выйдет! Зябликова, еще раз говорю, расслабься! Если боишься выглядеть маленькой и наивной, то не волнуйся — рано или поздно, ты все равно постареешь, а в старости романтики, по естественным причинам, куда меньше!

Женька нахмурилась, обдумывая его слова. В ее жизни никогда не возникало подобных спорных ситуаций, она никогда не сомневалась в себе, своих чувствах, эмоциях и действительно всегда знала, когда нужно поступить правильно... Тяга к верным, тщательно проанализированным и «заанализированным» вдоль и поперек, обдуманым решениям, которые Сема мило обозвал словом «клише», у нее была всегда, заложена, так сказать, еще в детстве, впитана с молоком матери... А тут — плыви, как кашка в проруби! Потонешь —

хорошо, тоже выход из положения, не потонешь — великолепно! Тебя ждет потрясающее романтическое будущее и много-много подобных чувственных поцелуев...

— Ладно. — вдруг неожиданно для себя самой согласилась Женя, пожав плечами. — Тогда поплыли, хоть это и как-то по-идиотски. Раз мы все решили, тогда я — спать, в понедельник увидимся! — и зевнув от усталости и бесконечного облегчения, заполнившего ее душу, Женя положила трубку, не дав Семену даже попрощаться, хоть он и хотел, судя по каким-то бормотаниям, вырвавшимся из динамика, когда девушка нажимала «отбой», и действительно пошла спать, никогда не ощущая себя более спокойно, чем в эту минуту.

В последующие дни их «вольное плавание» на двухместной шлюпке действительно привело к самой обыкновенной дружбе, поскольку, несмотря на то, что Жене хотелось проводить с Семеном много времени, нравилось его тепло, его мягкая, спокойная энергетика, его откровенные, непосредственные фразы и даже поцелуи (коих было еще два), но девушка вдруг отчетливо осознала, что не могла бы встречаться с ним, потому что... Потому что она его не любила. Не любила, как мужчину, не была влюблена, как положено: со всей страстью и самоотдачей, желая весь день находиться лишь в его объятиях и сгорая от жара, когда он нежно проводит рукой по ее лицу или оглядывает желанным взглядом... Вместо этого — лишь простая, обыкновенная симпатия, словно к близкому другу, не выходящая за рамки обычной радости при встрече...

Поэтому они, естественным путем, вернулись в разряд обычных друзей, и даже те три нежных поцелуя не смогли изменить суть их взаимоотношений, коими Женька, несмотря ни на что, очень дорожила.

Подумав обо всем этом не более тридцати секунд, Женька уверенно покачала головой из стороны в сторону и твердо прошептала:

— Нет. Мы с ним теперь друзья «обыкновенные», как с тобой и с Илюхой. Так что идем втроем. Или вон, Солодову возьми, а то у тебя скоро на глазу мозоль вырастет — вон как рьяно подмигиваешь! — хихикнула Женька, а Дима, снова невозмутимо подмигнув Наташке, которая опять «косила лиловым глазом» в его сторону, улыбнулся:

— Не варик. Она тебя не переносит. Думает, что ты из себя крутую корчишь, раз вместо девочек с мальчиками таскаешься. Иными словами, что ты шала...

— Но-но! Полегче! — пригрозила ему Женя, не дав закончить не совсем пристойное высказывание. — Она не переносит меня, потому что я таскаюсь с тобой, вот и вся загадка. Так мне в четверг и прическу придется делать?

*** «Плюс»

Четверг.

— Женя, я их не знаю! Ты уверена, что с ними ты будешь в безопасности?? — взволнованно суетилась мама Жени, то и дело выглядывая в окно, где, облокотившись на крышу собственной «Тойоты» стоял с самым тоскующим видом Дмитрий, скрыв свою мощную, мускулистую фигуру под самой модной из своего гардероба темно-коричневой курткой со стоячим воротником, тщательно выстиранных и выглаженных джинсах и черной рубашке, и где вокруг Димы и его машины размеренным шагом терпеливо выхаживал Илья, тоже в рубашке, только светло-бежевой, подчеркивающей его суховатую, вытянутую фигуру, джинсах и черной куртке, задумчиво и даже почти философски глядя куда-то вперед и рассудительно размахивая руками, видимо, в очередной раз объясняя причины, следствия и

связи методами дедукции и индукции. — Вон тот, черненький, доверия не внушает!..

— Мама, да все будет отлично! Я же говорила тебе о них сто раз! — Женька, сидевшая на стуле перед зеркалом и завершавшая яркий, но аккуратный вечерний макияж, подчеркивающий ее фиалковые глаза и малиновые губы, подскочила на ноги и подлетела к окну, открыв одну створку и впустив морозное дыхание в теплую комнату, посмотрела вниз.

— Это мои одноклассники: вон тот черненький, что доверия не внушает, это Димка, он боксер, поэтому не очень красивый, но зато очень добрый и уж с ним-то я точно буду в безопасности... Если выйду через три минуты. — виновато добавила Женька, взглянув на часы и вспомнив, что бедные парни дожидаются ее уже двадцать холодных и утомительно долгих минут, угрюмо поглядывая на светлые, незашторенные квадраты Жениных окон и наверняка придумывая различные способы мщения своей рыжеволосой подружке-капуше. — А второй — это Илья, прирожденный математик и любитель порассуждать на отвлеченные темы и припудрить лишним сором твои мозги. Отличный парень!

— Фи, Женя, какие-то они неинтересные... — сморщила нос Полина, тоже с любопытством уставившись в окно. — Ига гораздо лучше! Почему ты с Игой не идешь в клуб, а идешь с этими дядями?? Ничего не понимаю! — сокрушенно развела тоненькими ручками маленькая девочка, а Женька прыснула, надевая золотую цепочку с маленьким, белым камушком в красивой, витиеватой оправе — подарок одного из ее бывших парней, который Женя надевала только по особым случаям, и не потому, что она ужасно его любила или, наоборот, дико злилась на него, а просто исходя из мер собственной безопасности: парень этот когда-то жил поблизости от ее дома и обладал очень странным, на редкость упертым и замкнутым лишь на одном себе любимом характером, а следовательно, завидев блеск этой подвески на Жениной шее, он мог тут же решить, что все еще ей небезразличен, и пожелать вернуться... А Жене это было категорически не нужно.

— Да потому что твой Ига никогда бы не достал проходки в «Источник»! Это клуб только для избранных...

— Богатых и нахальных разгильдяев и наркоманов. — строго добавила Дарья Федоровна, неодобрительно покачав головой. — Женя, пообещай мне, что ни с кем не будешь разговаривать! Эта «золотая» молодежь может быть неадекватной и агрессивно настроенной... И кстати, оставь-ка мне номера телефонов этих твоих «отличных и добрых» парней, ответственность за твою безопасность я возлагаю на них...

— Женька! — слышался снизу, из окна громкий голос Димки. — Еще минута — и я завожу мотор!

— Обещаю, все, пока, мамуля, буду поздно! Полечка, пока!! — поцеловав обеих в щеки и наскоро и криво нацарапав телефонные номера Димы и Ильи под пристальным, контролирующим каждую циферку взглядом Дарьи Федоровны, Женька умчалась в коридор и, натянув обтягивающие кожаные сапожки на шпильке и схватив свою персиковую куртку, Женька мгновенно умчалась из дома в стремительно остывающий осенний вечер.

Когда девушка, запыхавшись и раздурившись от великолепной, бодрящей гимнастики на каблуках, включившей в себя скоростной спуск по ступенькам с восьмого этажа на первый, по причине того, что кто-то добрый опять сломал лифт самым нехитроумным способом — застряв внутри и бурча проклятия на весь подъезд, так вот, когда она появилась перед парнями, одергивая подол платья и пытаясь застегнуть молнию на куртке, Димка и Илья мрачно уставились сначала ей в лицо, но потом, как по заказу, с интересом оглядели коктейльное черное платье на широких лямках с квадратным, довольно глубоким вырезом на

грудь, который смущал Женю даже больше, чем длина черного клочка ткани, плотно обтянувшего ее фигуру и завершающегося гораздо выше колен, и из-за которого ей даже пришлось надеть специальный, собирающий в кучу и поднимающий все, что есть, бюстгальтер, который справился со своей прямой функцией и выставил на показ все, что можно, но не избавлял при этом от дурацкого комплекса по поводу незначительных размеров груди.

Внимательно изучив Женю придирчивыми взглядами, парни даже, кажется, забыли, что сердились из-за ее опоздания и расплылись в одинаковых, довольных ухмылках.

— Выглядишь классно! Только где обещанная прическа?? — возмущенно проговорил Димка, сунув руку в Женюны рыжие кудряшки и взлохматив их до состояния свиного дупла. — Мы тебя тут два часа ждали, думали, ты там всю расческой орудуешь, а ты...

— А я пыталась всунуть себя в это платье и, при этом, не сломать себе лопатки наружу спины. — хмыкнула Женюка, обходя парней и открывая заднюю дверь «Тойоты». — И кстати, голову я помыла — это вам что, не прическа? Поехали уже! Илюха, а ты чего молчишь??

— Я пытался проанализировать тот факт, что...

— Ой, ладно, Илюха, потом проанализируешь, погнали скорей! Витек только до десяти у входа! — перебил друга Димка, прыгая за руль и спешно махнув рукой любителю проводить различного рода анализы Илье, чтобы он тоже погрузил свое тело в автомобиль.

— Вот вы никогда сказать не дадите! Ну что за люди?!? — возмущенно проговорил Илья, но в машину все же сел.

Ночной клуб «Источник» горел переливающейся бело-голубой вывеской и выделялся широким главным входом с колоннами, выполненными в виде морских волн, подпирающими треугольную, тоже резную, фигурную каменную крышу, сразу же издали создавая претензию на звание самого элитного и дорогого заведения.

Примечательным в этом месте было и то, что клуб занимал собственное, специально для этих целей, построенное двухэтажное здание, в котором на первом этаже располагался большой зал и танцплощадка, как основное место отдыха гостей, а на втором — вип-комнаты и два зала поменьше: один более темный, с тихой музыкой, чтобы пришедшие могли вести переговоры, а другой — винтажный, с музыкальным сопровождением и оформлением в духе последних десятилетий двадцатого века, судя по всему, рассчитанный на привлечение публики постарше или тех, кто увлекается дискотеккой 90-х, среди которых довольно много и молодежи.

Как и обещал Димка (но Женю до последнего не очень верила, что его проходки и мутная связь с охранником Витьком у входа сработает), троица отстояла гигантскую очередь на улице, равно, как и все остальные, выряженные в дорогие платья, рубашки и брюки, важные персоны, дрожащие от холода, и, посмотрев выразительными, выпученными от волнения и нервного напряжения глазами на высокого, светловолосого и коренастого Виктора, знакомого Димы по спортзалу, а в качестве дополнения махнув ему тремя красивыми пластиковыми карточками голубого цвета, называемые «проходками», все трое белых от холода, трясущихся представителей класса «ниже Источниковского» все-таки были удостоены величайшей чести оказаться среди тех, кому достался короткий кивок в знак разрешения попасть на запретную для всякой челяди (то есть для не «олигархичных» и не «боссовитых» людей и даже не их отпрысков) территорию самого шикарного клуба во всех галактиках нашей вселенной.

Оставив куртку в гардеробе, тоже украшенном узорами из белого камня, и получив каменные и, черт знает, какие тяжелые булжники-бирки от странного вида парня в шелковой, серебристой рубашке и голубых брюках, подмигнувшего черным, обведенным темной подводкой глазом Илье, любовно оглядев его с ног до головы, отчего Женин друг вздрогнул и поспешил пройти в зал, не оглядываясь, Женья и Дима тоже двинулись туда, откуда раздавалась громкая музыка и брезжил мерцающий красный свет.

Основной зал был выполнен в черно-красных тонах: красноватое освещение, из сверкающих звезд переходящее в алые полосы света, позволяющие разглядеть по правую и по левую стороны от огромного, словно круглый котел, танцпола, наполненного кипящими, дымящимися и угорающими в своих танцах людьми, вырисовывавшихся на фоне диджейского пульта в разных, иногда довольно забавных позах. Со всех сторон по бокам толпу танцующих поджимали диванчики и столики, занятые шумными компаниями и целыми колоннами бутылок элитного алкоголя, сопровождающими любое веселье, равно, как и девушки-танцовщицы в откровенных нарядах тигриц, трущиеся на маленьких помостах в действительно звериных клетках, где не хватало только ободранных перьев на железных перекладинах и следов от птичьих испражнений, а также характерного пренеприятного запаха и тарелок с водой и разбросанными семенами на блестящем, но не от чистоты, полу, впрочем, это лишь ассоциативный ряд, мелькнувший в Жениной голове при одном взгляде на эти завораживающие представителей мужского пола на выворачивание карманов и крокодиловых портмоне не хуже уличных цыганок женские тела.

Женька услышала грохот клубной музыки еще за воротами этого пятизвездочного клуба, но в самом зале этот шум, казалось, поигрывал внутренностями в районе брюшной полости, жонглируя ими в хаотичном порядке и заставляя Женьку морщиться: ей больше по душе была музыка иного рода.

Пробираясь через толпу, уже изрядно пьяную и подвспотевшую, а потому весело орущую за ди-джем какие-то будоражащие на более конвульсивные содрогания кричалки, Женька, наконец, увидела то, что искала: весь покрытый золотом, абсолютно весь (как в той песне, только немного видоизмененной под обстоятельства...) с правой стороны от танцпола приютился блестящий, поражающий длиной барной стойки и количеством прилипших к высоким стульям одиноких и не совсем одиноких девушек, бар, где суетился молодой, симпатичный парнишка в красном, как и все в этом зале, костюме и черной рубашке, шустро подсакивая то к одной даме, то к другой, стараясь успеть угодить всем.

Искренне обрадовавшись бару с напитками как самому старому и закадычному другу, Женька подхватила Димку и Илью под локти и, еле перекрыв музыкальный бадабум, крикнула:

— Нам туда! Не тормозим, ребятки!

Через несколько секунд тройца уже с ухмылкой изучала алкогольную карту, при чем особое внимание уделялось графе «цена», чем перечню предлагаемых напитков.

— Да-а-а... — протянула Женька. — Димка, ты бы хоть предупредил, что одной зарплатой тут не отделаешься, я бы свинью-копилку разбила бы! Пять бутылок вот этого элитного коньяка равно целый семестр на платной основе в нашем универе!

Она оглянулась, посмотрев на веселые и даже счастливые лица парней и девушек, мужчин и женщин вокруг: дорогие наряды, прически из салона красоты, умелый макияж и ни капли озабоченности, напряжения или тревоги: только расслабленное состояние не очень понятной Женьке эйфории и пустоты...

— Расслабься, Женька! — махнул рукой Дима, подзывая бармена. — Надо же хоть раз в жизни гульнуть на полную катушку! Потом на работе неудачникам будешь рассказывать, что тусовалась в «Источнике»! Клубе для избранных судьбой! Друг, нам текилу, две бутылки, лайм и соль. Начнем без всяких медленных взлетов, а сразу вкусно, быстро и сногсшибательно! — тут же сообщил он Илье и Женьке, сделав заказ дежурно улыбающемуся самой услужливой улыбочкой бармену, тут же суетливо схватившему зеленый лайм и умелой рукой кинувшегося нарезать его на ровные, аккуратные колесики.

— С теоретической точки зрения Димас прав: живем один раз, так почему не воспользоваться возможностью? — спокойно и громко рассудил Илья, подхватив в каждую руку по бутылке и сунув бармену нехилую сумму за них. Женька улыбнулась, схватив стопки, и, продолжая слушать друга, оглянулась в поисках свободного столика.

— А с практической? — спросила она, буравя через толпу взглядом компанию, которая явно собиралась уходить, освобождая полутемный столик в углу.

— А с практической, конечно, ты права, Зябликова! Ну это какие мозги отшибленные надо иметь, чтобы заплатить за огненное пойло столько, сколько я сейчас достал из кошелька??? Димас, прости, но мы с тобой больше сюда не пойдём. — хлопнул он ладонью парня по спине и ухмыльнулся. — Только если в лотерею выиграем или богатое наследство от Австралийского дядюшки получим, других вариантов нет.

Зато Димка явно не разделял скептицизма своих друзей. С широкой улыбкой он развернулся, держа в одной руке вазочку с лаймом, а в другой — бокал с солью, ну прямо аки скипетр и державу, и проговорил:

— Хватит гундеть, пора отрываться! Через полчаса, Илюха, ты забудешь обо всех своих теориях, гарантирую! Вон столик освободился: вперед!!!

Дальнейшие события кардинально изменят будущее Жени, но она, пока еще, даже не догадывалась об этом.

Первая стопка — музыка перестала резать барабанные перепонки тупыми ножницами, а глаз привык к мерцающему свету...

Вторая и третья стопки — телу стало тепло, легко и приятно: исчезли сладковатые запахи кальяна и обычных сигарет, вопящая толпа, дым и шум стали частью ее сознания и теперь легче воспринимались мозгом...

Четвертая, пятая... Женька хохотала, Димка шутил, Илья пытался бубнить, но путал значения слов: девушка привыкла понимать речь в страшном грохоте вокруг...

Шестая, седьмая... В центре танцпола грациозно качалась в такт музыке стройная девушка с блестящими и красными, словно медная проволока, упругими и легкими кудряшками, пышно спадающими ей на плечи и спину мелкими колечками, в облегающем черном платье и с длинными, стройными ногами «от ушей», а рядом с ней наблюдался огромный, черноволосый парень-качок, смешно дрыгающийся и дергающий локтями, будто разминая конечности перед боксерским поединком, и третий, высокий и худоватый парнишка с овальной головой и светло-русыми волосами, движения которого походили больше на трепещущую под водой на волне морскую капусту.

Заботы, тревоги, волнение — все растворилось в бешеном ритме, взмысленных темных фигурах, мерцающих жутковатым, красным отливом благодаря оригинальной подсветке, а сознание гоняло по кругу одно-единственное желание: пить и танцевать, пока ноги еще держат...

Отправив ребят за столик, Женька, раскрасневшись от духоты в помещении, алкоголя и

танцев, двинулась к барной стойке за «чем-нибудь еще вкусненьким», легко лавируя между танцующими и чувствуя легкое головокружение и жажду.

Проигнорировав жажду, Женька по диагонали изучила алкогольную карту и, мило улыбнувшись бармену и сунув ему очередную кругленькую сумму, совершенно не ощущая больше скрипящего чувства, что она каждый рублик будто с кровью от сердца отрывает, заказала самбуку.

Развернувшись спиной к барной стойке, Женька попыталась найти глазами Диму с Илей, чтобы жестами выпросить у них, что им взять, но около их столика было слишком много народу. Тогда девушка медленно, с интересом принялась изучать зал, сделав глоток из стопки и постаравшись не подавиться тремя кофейными зернышками, которые зачем-то плавали в стакане и которыми она закусывать как-то не очень горела желанием, и вдруг замерла, ощутив, как сильно напряглось все ее тело от удивления и неприятного ощущения где-то в области сердца: с левой стороны от бара, на одном из округлых, красно-черных диванчиков, отделенных от остальных столиков стеклянными высокими перегородками, в самом дальнем углу сидела какая-то важная компания, Женька не могла разглядеть лиц в мерцающем красном свете, но по фигурам и выбритым налысо головам некоторых из их «тусовки» понимала, что это мужчины средних лет и довольно «крутые», судя по охране в красных одинаковых пиджаках позади столика...

Но не лысые, «понторылые» мужики так сильно взволновали и разозлили Женьку, а чертов ее «самый милый босс на свете» Сергей Минаев, который, в дорогой белой рубашке с закатанными до локтей рукавами, черных брюках и туфлях жестким, уверенным движением руки, на которой блестел золотой «Ролекс», что-то с нажимом и сосредоточением объяснял сидящим за столом, как всегда излучая непостижимую самоуверенность и особое, холодное, но яростное и очень импульсивное, а потому и абсолютно горячее с другой стороны мужское сияние, заставляющее некоторых девушек и женщин в зале оборачиваться на него.

Женька обиженно надула губы: ну что же это такое?!? Житья ей от него никакого нет! Даже вечером в клубе и то ее преследует его проклятье, как будто они связаны какой-то досадной черной нитью, которая вынуждает их находиться в одном и том же месте одновременно.

Сергей выпрямился в полный рост и, ухмыльнувшись и закатив сверкающие гневом серые глаза, сунул руки в карманы, нетерпеливо притоптывая ногой в такт музыке.

Женька видела, как со столика ему что-то яростно объясняют, а он лишь улыбнулся, невозмутимо покачав головой... Но девушка всем своим нутром ощутила, что у этого зарвавшегося и не желающего признавать свою слабость или свое поражение кретина, кажется, начинаются большие проблемы... Он провел рукой по чуть удлиненным темным волосам на затылке и вдруг оглянулся.

Женька резко отвернулась к стойке: не хватало еще встретиться с ним взглядом, она и на фирме-то избегает его, ощущая исходящее от него жгучее желание если не придушить ее, то уж точно запихнуть куда-нибудь подальше, чтобы не маячила и не раздражала своими рыжими кудряшками, а уж в общественном месте, да еще и в таком дорогом клубе! Лишнюю кадушку гнева на свою бедную голову Женька опрокидывать как-то не хотела.

Заказав бутылку «Бакарди» для ребят, Женька поспешила вернуться за их столик, где подмышкой у Димки обнаружила какую-то миниатюрную, кажущуюся слишком уж малюсенькой на фоне его развитой мускулатуры, крепко обволакивающей ее плечики, блондинку с длинными, до пояса, прямыми волосами, в коротком, расшитом блестками,

зеленом платье, а также самого Димку, с довольной улыбкой поглядывающего на свою новую подружку, но уже больше пьяными, чем игривыми глазами, и Илью, сосредоточенно и монотонно что-то им объяснявшего, перегнувшись через столик.

Женька легким движением сдвинула Илью вглубь дивана и плюхнулась рядом, поставив бутылку на стол.

— О, «Бакарди»! — обрадовался Димка, удостоив Женьку лишь короткого, безынтесного и расфокусированного взгляда, но зато с огромным удовольствием закрепив зрачки на принесенной ею бутылке.

Женька усмехнулась и громко проговорила, перекрывая музыку:

— Всегда пожалуйста!

Димка, услышав ее звонкий голос, наконец, заметил подругу и, продолжая глупо улыбаться по пьяной лавочке, весело громыхнул:

— О, Женька! Ты... ты где была? А это Даша! — кивнул он на блондинку, которая смерила Женю коротким, незаинтересованным взглядом и снова уставилась на своего мускулистого друга, искрометно улыбнувшись.

— Мою маму тоже зовут Даша. — зачем-то сказала Женя и, наклонившись к Илье, который открывал бутылку и выглядел более-менее не слишком пьяным, тихо и с досадой проговорила ему на ухо:

— Прикинь, Илюха, тут, кажется, мой начальник...

Илья оживленно посмотрел на девушку и улыбнулся:

— Тот самый кретин??? Который?

Женька указала другу на спину Сергея, который снова по-деловому, но с напором и явным раздражением что-то объяснял «браткам» за столиком, в то время, как те откровенно насмехались, слушая его.

— Вон тот.

— Хм. — задумчиво поразглядывал его Илья. — А он ничего так, модный чувак! И молодой такой, для начальника-то!.. В вашем случае снова прослеживается теория вероятности и совпадений. Какова вероятность того, что ты бы встретила его здесь именно сегодня и именно сейчас?? Задумайся, Женька, если судьба столкнула вас в такой атмосфере, может, это что-нибудь да значит?

Женька угрюмо ухмыльнулась, сложив руки на груди.

— Да, значит. Это значит, что у него немерено денег, а у меня — халявная проходка в буржуйский клуб. Вот и вся тебе теория. Ладно, к черту его! — махнула рукой Женька и постаралась расслабленно улыбнуться, но, почему-то ее тяжелый взгляд снова и снова возвращался к широкой, расправленной спине Минаева, будто на ней показывали занимательный диафильм.

Она старалась вернуть себя к тому самому первоначальному состоянию беззаботного отрыва, который еще существовал не более, чем несколько минут назад, но Женька ничего не могла с собой поделать: от напряжения и вновь накотившей депрессии у нее аж задымились ладони. Ну почему этот тип так влиял на нее?? Потому что ей очень хотелось работать на этой фирме, а он был самым важным и существенным препятствием к этому? Потому что он обращался со всеми женщинами одинаково по-мужски: жестковато, но по-своему обаятельно и покровительственно, как и подобает настоящему мужчине, а Женьку на дух не переносил? Потому что он насмехается над ее упорством и принципами, презирает ее, а ей ужасно страшно опозориться в который уже раз на его глазах именно в тот момент,

когда она изо всех сил пыталась доказать, что чего-то стоит?

Замороженная рыжая головка копошилась в мусорной свалке, созданной ее же мозгом, пытаясь отыскать ответы на все, прозвучавшие выше вопросы, и к ней снова постучалось нерадостное расположение духа, которое будто следовало за ней по пятам, держа при себе покрывало тревоги: стоит Сергею Викторовичу появиться в поле зрения — и покрывало тут же набрасывалось ей на голову, закрывая душе дорогу к яркому свету...

Снаружи же девушка выглядела вполне себе спокойно, участвовала в живом, хоть и горячительном, пьяном общении (будучи и самой не очень трезвой), смеялась и снова танцевала, правда, стараясь все же держаться подальше от той части зала, где видела своего босса... Алкоголь, в сочетании с красноватой дымкой и атмосферой абсолютного, легкого и сиюминутного счастья, вскоре наполнил голову девушки тем же алым туманом, и она почувствовала себя гораздо лучше...

Пока не увидела то, что увидела.

Сидя за столиком и слушая почти бессвязные бредни своих друзей, Женька потягивала какой-то коктейльчик, отдававший по вкусу еловыми шишками, и растекалась по дивану, вытянув гудящие от танцев ноги под столом. Дрыганья вокруг не утихали, музыка долбила отбойным молотком в пьяные, разгоряченные мозги, а Женька просто лениво таращилась на богатеньких сынков и дочек богатеньких родителей, на их разномастые дергания на танцполе и на бар, сверкающий страшно ослепительным золотом и батареей сверхдорогих бутылок с иностранными этикетками, около которого...

Женя ощутила внутренний толчок, как будто интуитивно почувствовав что-то неладное...

Около бара пробирался через качающиеся, словно на волнах, толпы людей Сергей, не очень-то вежливо и довольно бесцеремонно распахивая лица обоих полов, попадающиеся ему на пути. Женя смотрела за ним, отчего-то испытывая бешеную тревогу, тревогу, в животе будто кто-то узлом связал все кишки, даже алкоголь обратно к горлу поспешил, вызвав приступ тошноты... Да что же это?.. Чего ей за него бояться-то? Этот самодовольный фазан и сам вполне сможет за себя постоять в любой ситуации...

Или не в любой?

Девушка резко села, выпрямившись струной, подавшись вперед, и внимательно взгляделась в толпу. Сергей остановился у бара, требовательным движением подозвав к себе официанта и что-то ему прокричав на ухо. Тот понимающе кивнул и исчез, но Женя уже не смотрела в его сторону: в толпе, подсвеченные красными лучами и оттого похожие на марсиан, продирались два здоровенных, напоминавших Жене по комплекции Димку, лысых мужика, каждый из которых был одет в кожанку (почему-то лысые приспешники бандитов обязательно всегда носили кожаные куртки... Чем бы это объяснялось?) поверх обычных черных маек, демонстрировавших пару наколок на тюремную тему и не очень лицеприятные курчавые волосы на грудных клетках, кроме того, ноги их были втиснуты в кожаные (опять!), одинакового коричневого цвета штаны, и завершалась вся эта блатная, полукриминальная картина черными туфлями с острыми носами.

Женя видела, как пристально они смотрели на Сергея, двигаясь прямо на него и довольно улыбаясь, демонстрируя кто желтый ряд покосившихся и потемневших от бесконечного жевания сигаретных фильтров зубы, кто — пару дырок без привычных для этих мест тех же желтых зубов, и оба явно предвкушали скорую встречу с ним. Один из лысых, у которого на подбородке уже чернел довольно крупный синяк, вдруг отстегнул

толстую золотую цепь с запястья и сунул ее в карман...

Ой-ей. Нехороший знак. Девушка не заметила, как в напряжении и страхе сжались ее кулаки, а ногти до боли впились в ладони...

Сергей стоял спиной к ним, нисколько не ощущая надвигающихся на него грозных флюидов «счастливых моментов его жизни», а потому пялился обыкновенным мужским взглядом на какую-то девчонку, наклонившуюся в довольно тривиальную, но так и притягивающую глаза к своему мягкому месту позу, чтобы застегнуть застёжку на туфле, а лысые, тем временем, летели к нему на крыльях сокрушения, поигрывая очень даже бугристыми и наверняка сильными мускулами...

Секунда — и они налетели на него, как два коршуна, принявшись сразу за печень... Один ударил Сергея в живот: тот не ожидал нападения и, как следствие, не был готов и согнулся пополам от боли, а второй схватил его за шиворот и, отбросив к барной стойке так, словно Минаев, совсем даже не маленький и не хиленький, отлетел как газетка, сдутая с места порывом ветра, нанес другой удар ему в челюсть, да так, что Женьке даже почудилось, что она услышала, как скрипнули кости в его черепе...

Не понимая, что делает и зачем делает, охваченная лишь диким, неконтролируемым благодаря самбуке, а может, текиле, а может, «бакарди» с яблочным соком гневом, возмущением и, отчего-то, бешеным страхом за то, что ее начальника, самого доброго и душевного человека на свете, сейчас убьют и всем ее мучениям на фирме, наконец, придет конец (фи, тавтология пошла, исписалась, авторишка!), девушка быстро наклонилась к бубнящему уже больше самому себе, чем кому бы то ни было из окружения Илюхе и резко крикнула ему в ухо:

— Я сейчас! — а потом ее ноги сами понесли Женьку к тому месту, вокруг которого уже расчистился кружок в качестве импровизированного боксерского ринга, а окружающие с упоением снимали драку на мобильные телефоны, даже и не думая разнять эту кучу-малу.

Сергей же, тем временем, восстал на крыльях собственного бешенства, которое у него никогда не было контролируемым, поскольку даже на фирме он любил «пожурить» подчиненных так, что стекла в окнах секретарской тряслись, и, схватив ближайший к нему стул, размахнулся и с сокрушительной мощью, никак не вязавшейся с его, в общем-то, конечно, подтянутой, спортивной, но все же не такой гигантской, как у противников, фигурой, обрушил его на голову того здоровяка, что прятал браслет в карман... Но, увы, у этого лысого явно уже выработался иммунитет к подобного рода встречам с мебелью, поэтому он лишь качнулся, зато второй, улыбнувшись дыркой в два передних зуба, снова врезал Сергею в живот и схватил его в охапку, намереваясь швырнуть за стойку...

Сергей вырвался, снова удар — его лицо исказила злая, болезненная гримаса, он хотел было рефлекторно согнуться пополам, но второй нападающий не дал ему опомниться, пнув по коленке, а первый с силой поднял его, обхватив за грудь, и, прогнув спину дугой, но...

Запустить Минаева за барную стойку, как военный снаряд в тыл противника, он не успел.

— А ну, ты, отстань от него!!! — закричала воинствующе и очень, даже слишком, бесстрашно Женя, подлетев сначала к тому, что избивал Сергея, резко толкнув его со всей силы, добившись его «почти» падения на пол: от неожиданности беззубый потерял равновесие и завалился назад, но его поймала толпа, — а затем схватив второго за руку, мертвой хваткой вцепившуюся в Сергея, со всей злости укусила ее, вызвав у него, все-таки, эффект разжатия пальцев и визгливый ор из круглого, кожаного черепа с отверстием,

называемым ртом.

То, что двое «кожаных», волосатых до уровня подбородка бандюганов и уже помятый, но еще не собиравшийся ложиться и умирать, вымаливая у зрителей лейкопластырь на опухшую губу, Сергей были удивлены вмешательством высокой, но довольно хрупкой, по сравнению с ними троими, девушки — это еще было слабо сказано.

У Сергея глаза вылезли так, что он, похоже, на пару секунд потерял связь с реальностью, совсем ну никак не ожидая встретить свою самую нелюбимую секретаршу ночью, в таком месте, да еще и получить помощь с ее стороны в такой непростой для него ситуации, но первым опомнился тот беззубый, которого она толкнула.

Схватив Женьку за волосы и больно дернув вниз, так, что она вскрикнула, он прошипел ей в лицо, брызгая слюной, которая, по всей видимости, не найдя преграды в виде двух косточек, называемых у нормальных людей зубами, летела во все стороны:

— А тебе чего надо, швабра рыжая??? Дружок он твой, что ли, что ты такая смелая, а?!? Погоди, курва, сначала с твоим красивой разберемся, а потом и до тебя дойдем... — и он мерзко захохотал, а Женька, ощущая невероятное гудение адреналина и злости во всем теле, резко дернулась в его руках и, изловчившись, пнула его туда, куда пинать мужчину ох как не следовало, гневно прокричав:

— Я сказала, отстань от него и от меня, тупица лысая!!! Ты что, плохо речь человеческую разбираешь??? Переводчик нужен??

— Ах ты...

Мат, мат, отборный мат с проклятиями и перечислением всех членов Жениной семьи полился из согнутой пополам фигуры со сморщенным от боли, и так-то не очень красивым, а теперь еще и совсем похожим на наклеенную под партой жвачку лицом, но противник на пару секунд, все же, был нейтрализован.

— Женька?!? — закричал ошеломленно Минаев, увернувшись от удара и врезав второму громиле в живот, на секунду посмотрев бешеным взглядом на девушку. — Не лезь, дура, ты что, совсем?!? Уходи!!! Слы...

Опомнился второй и, толкнув Женю со всей силы в толпу так, что она упала, больно ударившись коленкой и, Бог знает, чем еще, подоспел на помощь первому, схватив Сергея в охапку и позволив другу выместить на нем злость, как на боксерской груше.

Женька закричала, пытаясь скорее подняться, но какие-то руки из толпы держали ее, не давая броситься на помощь уже изрядно помятому, повисшему от боли и слабости, но все еще воинственному и никогда не сдающемуся начальнику, а откуда-то сзади даже пролетело несколько фраз:

— Эй, девушка, не лезьте, вы что?? Сами разберутся...

— ...это же люди Берса, не вмешивайся, идиотка...

— ...стой, куда пошла?..

Но все негодующие и пугливые предостережения потонули в грохоте диджейского голоса, рванувшего из всех динамиков зала:

— Знатная заварушка у бара!!! Давайте-ка поддадим им жару!!! Кто любит ро-о-ок???

— МЫ!!! — заорала на всю Ивановскую пьяная, подогретая боями без правил толпа, готовая согласиться, в своем теперешнем состоянии, с чем угодно.

— Кто любит ро-о-ок???

— МЫ!!!

— Тогда... рас-ко-о-ол-бас!!!...

И грянул ритм барабанов хорошо знакомой Жене по тому факту, что солист, первый и последний на ее памяти, переметнулся из исполнения рок-музыки на стезю попсы, песни, сопроводившей весь этот цирк с летящими во все стороны кулаками и ботинками:

I never thought I'd change my opinion again
But you moved me in a way that I've never known
You moved me in a way that I've never known

But straight away you just moved into position again
You abused me in a way that I've never known
You abused me in a way that I've never known...

(«Я никогда не думал, что смогу вновь поменять свое мнение,
Но ты вынудила меня встать на неизведанный путь,
Ты вынудила меня встать на неизведанный путь.

Но ты тотчас же поменяла свою позицию снова,
Ты оскорбила меня так, как никто другой,
Ты оскорбила меня так, как никто другой...» — перевод с англ.)

Нет, она должна помешать, Сергею не вырваться, ему не вырваться без ее помощи, она должна что-то сделать...

Кинувшись на спину того, кто избивал Сергея, как храбрая тигрица (во всяком случае, это Женя думала, что со стороны она напоминает именно тигрицу), а на деле — как истеричная и злющая драная кошка, она вцепилась в него, попытавшись оттолкнуть эту массивную гору с криком: «Хватит, хватит!!! Прекрати, оставь его!!!», но получив очередной резкий и очень болезненный толчок в ребра и снова отлетев, Женя уже думала, что все, это конец: Минаева сейчас убьют, а ни один представитель сильного пола, снимавший драку на свой телефон, не спешил разнять их и предотвратить нежелательное умерщвление, даже бармен и тот превратился в одни испуганные, круглые глаза, торчавшие из-под барной стойки, а значит, нет никакого шанса...

«So break me shake me hate me take me over
When the madness stops, then you will be alone
Just break me shake me hate me take me over...»

(«Так разбей меня, встряхни меня, возненавидь меня, прими в свое владение,
Когда это безумие остановится, ты будешь одинока.

Просто разбей меня, встряхни меня, возненавидь меня, прими в свое владение...» — с англ.)

— А ну, урод, не смей мою Женьку обижать, говно ты жирное!!!... - заорал знакомый пьяный голос, и Женька изумленно увидела огромный и до боли знакомый кулак, с невероятной силой прилетевший точно в ухо тому, который бил Минаева и толкнул ее саму, после встречи с коим беззубый упал на пол, грузно застонав и бормоча грязные ругательства, и даже как-то покатываясь, предпринял попытку подняться, а Димка (ибо это, конечно, был он) с пьяной, счастливой улыбкой до ушей, шатнулся на заплетающихся мускулистых ногах

ко второму лысому, который, выпустив Сергея, попытался первым врезать ему, но даже доза алкоголя солидных размеров не смогла усыпить хорошую боксерскую реакцию Димы — он увернулся, и...

«So break me shake me hate me take me over
When the madness stops, then you will be alone
Just break me...»

Крепкий лоб Дмитрия с огромным, глухим, не перекрываемым даже звуком музыкального сопровождения стуком врезался в лысый, широкий, покрытый парочкой красноватых шрамов лоб, и Женька увидела, как зашатало второго беднягу, из которого как-то тревожно вырвалось простое:

— Уй!..

А Димка, весело захохотав и продолжая счастливо улыбаться, как будто выигрывал поединок в кубке мира по боксу в супертяжелом весе, переключился вдруг на Сергея, и Женя с огромным ужасом, не успев даже опомниться, увидела, как его здоровенный кулак летит прямо в Сережин бедный, многострадальный живот...

«Oh-no oh-no

She says, «I can help you, but what do you say
Because it's not free baby, you'll have to pay.»
You just keep me contemplatin',
That your soul is slowly fadin'...»

(«Ох, нет, ох, нет...»

Она говорит: «Я могу помочь тебе, но захочешь ли ты моей помощи, Потому что она не бесплатная, детка, ты должен будешь заплатить».

Ты просто вынуждаешь меня ничего не делать,

Когда я вижу, что твоя душа медленно угасает...» — с англ.)

...Надрывался под руку солист группы «Savage Garden», а Женька, на крыльях своего очередного кошмара увидела, как Сергей бьет пьяного Димку в ответ неплохим ударом в челюсть, после чего глаза ее друга остекленели, он зарычал, правда, забыв убрать дебилскую улыбочку с лица, и с ревом бросился на него:

— Никто не смеет ее обижать... падла... ясно тебе... кретин???...

Кретин, кретин, что же, Димка в голове Жени читать умеет? Откуда он узнал, что этот тип в когда-то белой и неслыханно дорогой рубашке и есть тот самый ее начальник, кретин, о котором она столько раз ворчливо высказывалась?.. Ай, дура, да ты о чем вообще думаешь?? Димон сейчас твоего кретина в порошок для зубов тому лысому, у которого кто-то уже дырку в заборе проковырял, сделает!!!

— Дима, нет!!! — закричала она, схватив друга за массивное предплечье, которое снова точным выбросом послало в короткий полет кулак, метивший конкретно в Сергея. — Этого не надо!!! Это же мой... Это же мой...

«So break me shake me hate me take me over
When the madness stops, then you will be alone...»

Да что ты будешь делать-то, а?..

Помощь подоспела опять с неожиданной стороны:

— Димас, Димас, все, хватит, Димас!!! — закричал голос Ильи и его сухие руки с неожиданной силой обхватили размахавшегося не в меру конечностями Димку поперек

туловища и оттащили его от Минаева, который с трудом выдохнул, упёршись ладонями в колени.

Женя посмотрела на Илью с Димкой, которые сейчас представляли собой странный, дергающийся во всех направлениях шар и хотела было узнать у Минаева, в порядке ли он, но ее снова больно схватили за волосы и теперь она почувствовала еще и какой-то жесткий, металлический предмет, больно ткнувший ей в спину.

Мурашки побежали по коже, внутренности провалились в дыру, и она затихла, пытаясь перебороть слабость в коленках и взять себя в руки, а тем временем, дуло все сильнее вдавливалось ей в позвоночник и тот самый лысый, из уха которого бежала кровь, напоминая о благородном вмешательстве ее друга-боксера, бешено и гневно прошепелявил ей в затылок:

— Ну и кто ты такая, шлюха подзаборная, а??? Очередная подстилка этого ублюдка?.. Чего влезла, козьявка ржавая, жить надоело? Так мы это быстренько исправим! У меня и глушитель накручен, а ты как думала?.. Твое тощее тело еще долго на той свалке за городом никто не найдет...

Женька вдруг резко развернулась, с диким ужасом, отключающим все нормальные, отвечающие принципам самосохранения, чувства, и увидела, как пистолет уставился ей в живот и как толпа вокруг рассосалась с высочайшей скоростью, вновь создав видимость увлеченного веселья... Мда, благодаря таким свидетелям полиция ее убийство годами раскрывать будет, а потом на уголовном деле быстренько появится обнадеживающая надпись «глухарь». И во что же ты вляпался, Сергей Викторович?!?

Собрав волю в кулак и приказав себе не дрожать, Женя смело и с вызовом посмотрела в маленькие, налитые кровью глазки злого-презлого лысого цепного пса и проговорила:

— Так стреляй. Чего же ты ждешь?? Или только угрожать умеешь, скотина грязная?? Я тебе ничья не подстилка, а заступилась только потому, что вы оба, как трусы, сзади нападаете! Сразу понятно, что очко выиграло.

— Ты!!! — разъярился лысый, попытавшись схватить Женьку за шею, но в эту секунду сильная мужская рука перехватила его руку и оттолкнула ее от девушки, после чего Женя оказалась за широкой спиной Сергея.

— Пушку-то убери, ослина. Все равно пользоваться не умеешь. А ее не тронь. Иначе ударю так, что ни одного зуба вообще не останется. — жестко и грозно проговорил Сергей, излучая бесстрашие и странную внутреннюю силу.

Лысый попытался отпихнуть его, чтобы снова пробраться к Жене, но тот стоял, как столб, не двинувшись с места. Зато второй бандит, оправдывая слова девушки о трусливом нападении сзади, резко схватил ее и, зажав своей ручищей ее шею так, что ей стало трудно дышать, прорычал ей в лицо:

— Отвечай, коза дебильная: ты кто такая и кто вон те двое??? Говори, иначе задуш, тварь, помолиться не успеешь...

— Эй! — Сергей попытался вырвать Женю, но его перехватил беззубый, а лысый со шрамами на лбу резко отпустил шею девушки, отчего она закашлялась, судорожно вдохнув кислород:

— Я — девочка, если ты не заметил. — гневно проговорила она ему в лицо. — А те двое, — Женя, прищурившись, посмотрела на Илью, который, успокоив Диму, блаженно присевшего за чей-то столик и глядящего в пустоту усталым взглядом, тревожно таращился на нее, сжимая руки в кулаки, — это мои братья. Теперь ты мне отвечай, лысина, —

требовательно тряхнула она лысого за кожанку, — в чем суть конфликта? Какого черта наваливаете на него вдвоем на глазах у всего бара???

— Суть конфликта... — передразнил ее лысый со шрамами. — Ты оборзела совсем, девка, тебя проучить хорошенько надо! Видал, Панцирь? — обратился он к другану с легкой ухмылкой. — Бабы какие наглые пошли! Стрелять таких надо, чтобы лишнего не балакали... Чего с нею делать-то будем, а?

— Чего-чего... — проворчал беззубый. — Надо ее к Берсу вести. Он с ней потрындит и нам потом скажет, как ее разделать и куда сунуть...

— Разделявают рыбу, чмо. — огрызнулась Женя, презрительно глянув на Панциря. — Ведите к вашему Берсу. Может, хоть он в курсе, что за проблема такая, которую словами нельзя решить.

— Женя! — жестко прикрикнул на нее Сергей, предостерегающе глядя сияющими тревогой и раздражением серыми глазами. Наклонившись к девушке, он гневно процедил:

— Не лезь в это!!! Ты что, еще не поняла??? Берс...

— Идем, давайте, шевелите ходулями! — ткнул Сергея и Женю беззубый в плечи, и те двинулись к тому самому столику, около которого девушка и заметила Сергея в первый раз.

— Зябликова, ты совсем ненормальная?? Ты за каким хреном сунулась, тебя вообще кто просил??? — гневно шипел ей на ухо Сергей. — Да ты хоть знаешь, кто такой Берс?!? Дура, только не вздумай хамить ему, он же тебя на нож посадит в темном переулке!! У тебя вообще мозги где были??? Еще эти твои... братья...

А Женька сосредоточенно думала, пробираясь через толпу. Да... кто такой Берс, она знала. Миша Берснев, криминальный авторитет этого города. Промышляет всем помаленьку, в основном, занимается наркотиками, воровством и азартными играми, отмывает денежки на оффшорных счетах за границей и прессингует тех, кто случайно или специально перешел ему дорогу... За Берсом ходила по городу дурная слава: поговаривали, что те, кому он улыбнется, исчезнут в самое ближайшее время, а их тела найдут позднее, без улик, без документов и обязательно с порезанными до локтей руками. Вот такой злой и страшный серый волк водился в их краях, им даже малых деток перед сном пугали, мол, дядя Берс заберет к себе и налысо побреет, заставит кожаные штаны носить, пистолетом размахивать и матом ругаться, что для будущего заключенного местной тюрьмы очень даже неплохое качество.

Так вот, этот любитель резать бедным, и так уже мертвым, несчастным людям руки считался, помимо всего прочего, очень успешным дельцом: к нему за помощью и покровительством, выплачивая, конечно, определенных размеров процентик, стекались все крупные бизнесмены и политики города, а в руках Берса была заключена настоящая удача — он мог повернуть любое дельце чисто, быстро и без единой зацепки... Как он это делал? Никто не знал, но ходили слухи, что у него были большие связи в политике, полиции и даже за границей, что, собственно, и позволяло ему выходить сухим из воды.

— Женя! Ты меня вообще слышишь? — тряхнул ее за локоть Минаев, откровенно пылая яростью и поражаясь глупости своей секретарши, которую можно было прочитать в его нахмуренных бровях и плотно сжатых губах.

Женька очнулась и сосредоточенно посмотрела на него:

— Да, конечно, Сергей Викторович. Не волнуйтесь, если он будет вести себя нормально, то и я хамить не буду.

Сергей вытаращил глаза, ошарашенно посмотрев на нее, но треснуть от очередного,

рвущего его изнутри, крика не успел: беззубый подтолкнул их к столику, за которым, ровно посередине, закинув локти за спинку, в странноватом полосатом смокинге, черном, в тонкую, красную полосу, сидящем на суховатом, но с довольно явственно прослеживающимся пузиком, выглядывающем из-под пары расстегнутых пуговиц, в черной рубашке без галстука восседал с самым важным видом (гораздо важнее и самоувереннее, чем даже вид ее «любимого» начальника) мужчина лет сорока пяти.

Женька удивленно уставилась на него, совершенно откровенно разглядывая его и абсолютно не веря своим глазам: она ожидала, что Берсенев сам, как и все его люди, окажется лысым, нататуированным по самые уши, обвешанным золотыми цепями и затянутым в кожанку и какие-нибудь недешевые штанишки мужиком... А перед ней восседал солидного, делового вида мужчина, с огромной, курчавой русой бородой до середины груди (Женька, однако, заметила, что бородка-то была гладко причесана и даже без намека на застрявшую в ней яичницу или затерянный в джунглях бутерброд), кривым, возможно, даже не один раз сломанным, крупным носом и внимательными, холодными, но отнюдь не пустыми глазками светло-коричневого цвета, тоже с особой, пристальной насмешкой разглядывающие Женю медленно, но тщательно, не упуская ни одной детали из ее внешности. Помимо бороды и глазок Женя углядела дрябловато впалые щеки, на одной из которых красовался старый, но противный, явно в свое время плохо зашитый шрам, а на голове его была обыкновенная, чем-то напоминающая ковбойскую, шляпа, скрывающая длинные, зачесанные назад и собранные в хвост на затылке, волнистые волосы.

Короче, Миша Берсенев напоминал Женьке вовсе не криминального авторитета, запугавшего весь город своей неоправданной жестокостью, а обыкновенного неформала на пенсии.

Около Берса с одной стороны сидела какая-то темноволосая женщина с крупными плечами, необъятной грудью, втиснутой в синее, расшитое стразами платье, у которой в руке дымилась тонкая сигарета, и женщина, не очень по-доброму глядя на Женю, курила ее огромными, возможно, искусственно увеличенными губами. С другой его стороны примостился низенький, широкоплечий и коренастый парнишка лет двадцати пяти на вид, с коротко стриженными светлыми волосами, узкими глазками, спрятанными под модные, круглые очки, квадратной, особенно на фоне очков, челюстью и носом-картошкой, который с хитровой ухмылкой тоже смотрел на Женю.

И позади всей этой странной, но, по-видимому, влиятельной компашки стояла охрана, сливаясь своим цветом с обоями: в ярких красных костюмах и совершенно ужасающих красных, лакированных туфлях, но Женя не успела их поконкретнее разглядеть, поскольку Берс вдруг тихо и весомо заговорил:

— Сережа, Сережа... Мать честная, да за тебя уже бабы впрягаться начали! Совсем ты опустился, дружок, ниже плинтуса... Да и мои ребята хороши! Вдвоем одному навалить, как следует, не смогли... Ну с этими-то я в два счета порешаю... — сделал сразу несколько неприятных выводов Берс, пронзительно и немного насмешливо глядя то на Сергея, который стрелял в Женю бешеными вспышками, она даже спиной их чувствовала, то на своих «лысых» пешек, стоявших по бокам от нее и Сергея, понуриив головы, как голодные кобылы и не смевших и рта раскрыть, пока «хозяин» не закончит свой весомый монолог, а между прочим, говорил Берс очень тяжело, будто отдыхая после каждого слова, низко, скрипуче, возможно, даже для какого-то особого, устрашающего эффекта, но Женя ощущала сейчас, стоя перед ним, не столько страх, сколько раздражение, усталость и начинающуюся

головную боль, сменившие внутри нее ярость и волнение.

— Берс, да мы почти уделали его, я тебе слово даю, еще немного — и мы бы его под барную стойку закатали, отвечаю, Берс! — не удержался беззубый, как-то испуганно и взволнованно забормотав оправдания и подавшись вперед.

— Да, Берс, эта девка его, не знаю, откуда она взялась, мы же за ним следили от самой его тачки, никого с ним не было, а она из какой-то задницы вылезла... Накинулась на нас, как шавка какая-то... Еще эти братки ее подогнали... Короче, врасплох застала, понимаешь, брат?? — подхватило второе такое же напуганное лицо со шрамами на лбу, а Берс вдруг спокойно и повелительно поднял руку:

— Хватит. Панцирь, Бука: ключи от тачки — на стол! — жестко и скрипуче проговорил Берсенов таким голосом, будто если они ему эти ключи сейчас не отдадут, он их съест и даже на масле не обжарит.

Панцирь и Бука, двое лысых, которых Женя про себя окрестила немного иначе, а именно как «беззубый» и «страшный», потерянно переглянулись и даже как-то сжались под пристальным взглядом своего босса, после чего Бука залепетал:

— Н-н-но, Берс... Мы же... Мы же, это... ну, почти все, как надо, сделали... Отдубасили его... Вон, еле стоит... Может, не надо тачку?.. — умоляюще сложил руки он, а Берс совершенно безэмоционально и даже как-то раздраженно посмотрел на него, а затем — на абсолютно ровно стоящего рядом с Женей Сергея, у которого кровоточила губа и разливался лиловый синяк на скуле, а в целом, надо отдать ему должное, он ни капельки не производил впечатления «ушатанного до смертельного состояния» человека, и проговорил все тем же строгим, беспрекословным тоном, с нотками раздражения, словно ему приходилось в десятый раз втолковывать маленьким детям, что чипсы вредны для желудка и много их есть нельзя:

— Хорошо, хорошо, ребятки... Оставьте тачку, может быть, я действительно погорячился... Такой прокол требует куда менее тяжелого наказания... Бука, ты ведь живешь с сестрой, да? И ты, наверное, не сильно расстроишься, если бедная, милая Таня Азбукина сгорит в своей квартире из-за какого-то банального, но такого чудовищно несправедливого короткого замыкания в проводке? А у тебя, Панцирь, кажется, на шоссе Стрелочников работает подружка в парикмахерской? Кстати, это она тебя так классно подстригает? Надо бы к ней сходить... Да, точно, непременно сходить... Ее Лилей зовут, кажется? Ай-яй, как жалко будет бедную Лилечку, когда ее найдут с ножницами в горле, или не жалко? Хм... Надо думать, это наказание вам больше подойдет, а тачку, так уж и быть, оставьте у себя... До очередного косяка.

Женька в ужасе посмотрела на Сергея, не веря в то, что сейчас перед ней человек с такой легкостью рассуждал об убийстве... убийстве!!!... ни в чем не повинных людей, и даже с каким-то мрачным удовольствием сыпал своими угрозами и наблюдал, как бледнеют и кривятся от страха и так не очень симпатичные лица его приспешников, и при этом он даже не морщится, не испытывает никакого омерзения от собственной жестокости... Ножницы в горле!! Пожар!! Женька нервно выдохнула, чувствуя, как сердце сжалось в маленький комочек в груди, а мозг посылает телу сигналы успокоиться, успокоиться и продолжать дышать... Сергей в ответ послал ей серьезный, даже суровый, предупредительный взгляд и очень выразительное движение бровями, будто пытаясь сказать непутевой девушке, что это все не цирковое представление с медведями на велосипедах, а очень даже реальная и опасная жизненная ситуация... Но Женя, к своему ужасу, и так это

понимала, стоило ей только посмотреть на несчастных Панциря и Буку, которые стали бледнее первого снега за окном, а после секундной заминки Панцирь спешно вытащил из кармана ключи и бросил их перед Берсом на стол, не глядя на него, а изучая, почему-то, свои ботинки.

— Так-то лучше, мальчики. И в следующий раз пожалейте мой слух и даже не начинайте лепетать всякую ерунду, а то выбора я могу вам ведь и не предоставить. — улыбнулся через бороду Берс, и оба лысых с неподдельным ужасом вздрогнули, а Женька тут же вспомнила ту легенду о нем, насчет его улыбки, и ее резко затошнило. — А теперь идите. Ну? Пошли вон! — приказал он, и оба громилы, боязливо сторбившись, суетливо исчезли в толпе.

Берс перевел внимательный, заинтересованный взгляд на Женю и тихо, с нажимом проскрежетал:

— Теперь ты, рыжуля... — мерзко протянул он с каким-то нехорошим огоньком в глазах, просто пригвождая девушку к месту своими карими глазами-буравчиками и скривившись в полуулыбку. — Ну и повеселила ты меня! Там у бара... С мозгами у тебя, что ли, не все в порядке?.. Хм... Это мы сейчас выясним. Задам тебе несколько простых вопросов, и ты мне на них ответишь. — с тяжелым нажимом, абсолютно серьезно, властно и безапелляционно заявил он. — От твоих ответов будет зависеть то, убью я тебя или оставлю жить, но... — он вдруг с ухмылкой посмотрел на Сергея. Не улыбкой. Пока только ухмылкой. По телу Жени побежали мурашки, а на лбу выступил пот. — ...с некоторым грузом на сердце.

Соберись, Женька, соберись! Забудь о колоколе, раззвонившемся до боли в твоей голове, забудь о страхе — ты сама сунула нос, куда не следовало, зачем-то спасая того, с кем связана сильной взаимной неприязнью, так что теперь отступить поздно. Нужно забыть обо всем: о смерти, о боли, о страхе — они не помогут ей решить ее проблему, а только запрут в ящик, из которого выбраться ой, как трудно... Она должна быть выше саморазрушительной жалости к себе, а думать лишь о тех, кто ждет ее сегодня дома, а значит, быть такой же, как этот Берсенов — уверенной, сильной, смелой. И говорить с ним точно так же.

— Отвечу. — кивнула Женя и продолжила твердым голосом:

— Если ты ответишь на мой вопрос. В вашем бизнесе ведь так дела делаются? По принципу «ты — мне, я — тебе», если не ошибаюсь.

Берс дернул кустистыми бровями и заулыбался (сердце Женьки екнуло, когда она вдруг отчетливо осознала, в какую опасную игру играет, но теперь уже паровоз не остановишь, придется играть дальше), а его глаза как-то странно засветились, и он, посмотрев на Сергея, испепеляющего Женьку пристальным, тревожным взглядом, проскрипел:

— Серега, так она не только смелая, но и мозговитая! А я-то думал, все в точности до наоборот... Как же тебе повезло, просто фантастика! — он засмеялся и подался вперед, медленно и с каким-то особым наслаждением пройдясь по длинным, стройным ногам девушки, по ее фигуре, подчеркнутой обтягивающим платьем, и наконец скользнул по ее лицу к глазам, медленно проговорив:

— Как тебя зовут, рыжуля?

— Женя.

— Евгения... — протянул он, изучая ее волосы и плечи с каким-то маниакально жадным выражением в глазах. — Ты хочешь, чтобы я уважал тебя, хочешь бороться до конца... Я вижу. Гм. Только вот... за что?? Неужели за... — он брезгливо посмотрел на

Сергея, будто тот был жуком-скарабеем. — ... неужели за него? А может, это я тебе понравился, девочка?? Так мы легко можем организовать более близкое знакомство. — он плотоядно улыбнулся, а Женьку пробила мелкая дрожь, впрочем, Берс, к счастью, не заметил ее реакции, откинувшись на спинку дивана и вальяжно закуривая. — Я тоже отвечу на твой вопрос... Но спрашивать буду первым. Итак. — он выдохнул дым, чуть прищурившись и как-то холодно, сверкнув жестким, безжалостным блеском, посмотрел на Женьку, которая заставляла себя дышать, потому что от страха все ее мышцы напряглись до такой степени, что не давали легким вздыматься в груди. — Итак. Ты и Сергей. Какие у вас отношения? Ты его любовница? Возлюбленная? Подруга? Сестра? Почему ты бросилась защищать его, рискуя своим здоровьем и даже жизнью? Это мой первый вопрос.

Женя шокировано подняла глаза на Сергея, совершенно не представляя, что ответить, а он с хмурым волнением на лице вглядывался в ее глаза, пытаясь будто прочесть через них ее мысли и помочь ей найти правильный ответ на поставленный вопрос.

А Миша Берсенев ждал. Женя вздохнула и, чувствуя, как пот теперь не только у нее на лбу, но еще и струится по спине, решила рискнуть:

— Он мне никто. Дело совсем не в этом. — она гневно прищурилась. — Я заступилась, потому что это несправедливо — двое против одного. А я ненавижу нечестную борьбу. — жестко процедила она. — Нужно было уравнивать шансы.

Берс удивленно посмотрел на хмурого Сергея, затем на женщину и парня, сидящих с ним за столом, и расхохотался громким, каркающим смехом:

— Вы это слышали?!? Уравнивать шансы!!! Да какие шансы у тебя, рыжая, могут быть против Берса и его людей?!? Ха-ха-ха... Она ему никто!!! — он еще какое-то время громко и эмоционально смеялся, постукивая ладонью по столу, но вдруг резко посуровел и, снова резко подавшись вперед, уставился на Минаева пристальным, пронизательным взглядом:

— Так это правда, Серега?? Она тебе никто??? Отвечай, Минаев, ох, только не ври мне... — гневно пригрозил он, как-то мгновенно вспыхив.

Сережа сунул руки в карманы и, легко и надменно глядя на Берса, будто сейчас не решалась судьба его или его секретарши, а просто обсуждался какой-то маловажный производственный вопрос, бесстрашно и абсолютно невозмутимо держа взгляд и снова излучая какую-то внутреннюю уверенность и превосходство, проговорил:

— Это правда. Девчонка мне никто. Мы знакомы, но не близко. Наверное, она заступилась, потому что узнала меня.

— Да-а-а?.. — недоверчиво переспросил Миша, жадно впериваясь агрессивным взглядом ему в лицо. — Сережа, Сережа... — поцокал он языком и покачал головой, как мамочка, желающая пожурить сына за то, что он влез в лужу и извозил в ней всю одежду. — Ну тогда, раз она тебе совсем-совсем никто, я просто обязан наказать ее очень нелицеприятным образом за то, что она так некстати порушила мои планы... За каким хреном нам тратить на нее свое время? — он тут же обернулся и, к нескончаемому ужасу Жени, спокойно проговорил, обращаясь к охране за спинкой дивана:

— Позовите Болта и Зиру, пусть забирают девчонку и делают с ней все, что хотят, только напомните им не использовать больше ту свалку за городом... Тело ведь можно и в лесу закопать. Ну?? Чего стоим?!? Живей, живей!!!

Охранники в красном угодливо кивнули, а Женька замерла, перестав слышать стук собственного сердца... Тело провалилось в какую-то вакуумную яму, в которой вся ее душа металась в нескончаемом, безысходном ужасе... Она обречена?? Ее изнасилуют и убьют??

Что же будет с родителями и Полей! О, Боже мой, Боже мой, что же с ними будет??? Как они переживут это?? И как ей самой понять, осмыслить то, что скоро ее сердце перестанет биться навсегда, она никогда больше не вдохнет свежего, чистого воздуха, наполненного озоном после дождя, никогда не увидит своих родных, не услышит их голоса, не обнимет их, не скажет им, как сильно любит...

Женя попыталась вдохнуть, но не могла, попыталась облизать пересохшие губы, но ни одна мышца не слушалась ее, а мозг стучал и стучал, рыча ей в уши страшным голосом о том, что она скоро умрет, умрет, умрет...

Движение справа — и Сергей резко вышел вперед, схватив Женькину потную и холодную ладонь своей горячей, сильной рукой.

— Перестань, Миша. Не трогай ее. Она ни при чем. Хотел разобраться со мной, так разбирайся, вот я, здесь, никуда не делся, легкодоступная мишень! — раздраженно процедил он, сжимая руку Жени и, кажется, возвращая ей способность мыслить, чувствовать и двигаться, как бы вдыхая в нее надежду и силы на то, чтобы продолжать дышать здесь и сейчас. — Отпусти ее, Миша, слышишь? Это наше с тобой дело.

Берс с ухмылкой посмотрел на Сергея, махнув охранникам рукой, чтобы те оставались на местах, а сам покачал головой:

— Не-е-ет, Серега. Я задал ей простой вопрос: твоя ли она баба или просто моя случайная жертва, — и ты, и она подтвердили, что между вами ничего нет, а значит, я с легкостью избавлю нас всех от лишнего балласта... Прости, милая, ничего личного. — тут же подмигнул он Жене, которая гневно воззрилась на него, а Сергей, вдруг обернувшись, посмотрел ей прямо в глаза...

Пристально, внимательно, будто что-то пытаюсь сообщить или как будто предупредить о чем-то... Но Женька не была готова воспринимать какие-то там выразительные предупреждения: она заворожено уставилась в эти яркие, сияющие мужским превосходством и жесткостью глаза, не имея ни капельки сил, чтобы отвести взгляд, перестать так тарашиться на него...

— Не трогай ее, Берс. — снова повторил Сергей, раздраженно выдохнув, и Женька вдруг резко вспомнила, что терпеть не может этого важного придурка, который ей житься нормального своими презрениями и насмешками всякими не дает... — Она моя. — тихо проговорил он, с трудом произнося эти ложные, и очень неприятные для себя слова, и Женя жутко разозлилась, просто до безумной, сокрушительной ярости, чувствуя, что сейчас может уничтожить и этого проклятого Минаева с его «великой жертвой» во имя спасения ее отвратной для него шкуры, и этого козла Берса, который оказался настолько непредсказуемым, что простые законы волчьего мира в его стае не работали, и вообще весь этот дьявольский клуб, куда ее затащил Димка, будь он неладен, и который стал причиной того, что она лишний раз оказалась под этим пренебрежительным и брезгливым взглядом серых глаз, всем своим видом выражавших неподдельное отвращение.

— Твоя? — тихо, но с нажимом и какой-то затаенной угрозой переспросил Берсенов.

— Моя. — жестко ответил Сергей, чуть сильнее сжав руку Жени, видимо, таким образом желая заставить ее подыграть ему.

— Ну тогда целуй ее. — вдруг заявил Миша и расслабленно откинулся назад, видимо, устраиваясь поудобнее, чтобы наблюдать за сиим действием.

Женька и Сергей одновременно резко уставились на него, изумленно вытаращив глаза.

— Целуй, целуй. — подбодрил Сережу Берс, безмятежно улыбнувшись. — Она же твоя.

Давай. Я жду.

Женька выдохнула, злясь еще больше. Целоваться с ним??? Да что за чертово издевательство?? Она не хотела даже рядом с ним находиться, она ненавидела его сейчас всем сердцем и готова была убить голыми руками на этом самом месте, а он...

Сергей обреченно и вызывающе посмотрел на нее... Затем, медленно — на ее губы... Брезгливость снова отразилась в ее лице, он слегка поморщился... Выдохнул, будто собираясь поцеловать жабу или паука...

Губы Жени дрожали от гнева и обиды, обиды, все ее нутро сопротивлялось и сгорало в сумасшедшем огненном танце злости и ненависти, она отвела глаза в пол, не желая смотреть на него и мечтая улететь куда-нибудь на Сатурн и умереть на одном из его колец, дыша часто-часто и пылая, пылая, как огненный факел, злая, усталая, удрученная...

И в это мгновение он поцеловал ее.

Женя замерла, сначала даже не отвечая ему, но... потом как-то само вышло, что она тоже в ответ поцеловала его.

Станным во всем этом было даже не то, что она целовалась с человеком, с которым имела самые отвратительные, взаимно-негативные, воинственные отношения из всех, с кем ее когда-либо сталкивала судьба, и даже не то, что они делали это на глазах у скептически вззирающего на них главаря крупной преступной группировки, странной, но не перестающей курить, полноватой женщины и улыбчивого, словно змеиная шкура, которую недавно сбросили, паренька...

А то, что поцелуй не был противным, как она ожидала, а вполне себе обычным, просто из тех, которые не вызывают в сердце взрыва эмоций, огненной лавины в желудке, желания прижаться к этому человеку и никогда, никогда не покидать его объятий, не выходить за пределы его энергетики, ауры...

Сергей целовал ее очень умело: Женя, как могла, до последнего пыталась найти недостатки в этом поцелуе, но... не могла. Его губы осторожно, словно исследуя что-то неизведанное для себя, касались ее губ, но были немного чуть более настойчивыми, чем привыкла Женя, потому что даже в том, как он погладил ее рукой по щеке, и в том, как целовал, прослеживалось его главенство, как будто он вел Женю в кромешной темноте по узкому переулку и единственное, что ей оставалось, — это довериться ему, поскольку уступать пальму первенства или позволить себе быть на-равных с ней он ну никак не мог...

Впрочем, подумать о том, что и целуя ее, Сергей вел себя как эгоистичный король этого мира, позволяя ей лишь подчиняться его воле и следовать за ним, Женя особо не успела: он перестал целовать ее и, даже не взглянув в ее глаза, хмуро повернулся к Берсу, ухмыляющемуся так, что даже борода раздвинулась вширь и сделалась короче.

— Ну? Тебе достаточно, или попросишь еще исполнить белый танец? Может, теперь перейдем к нормальному разговору? — недовольно, жестко и с сарказмом спросил он, а Женька, ощутив невероятный взрыв обиды и боли от всего происходящего, от его отношения к ней, от того, что он даже не удостоил ее взглядом, чтобы узнать, в порядке ли она, а лишь отвернулся, как от дешевой шляхи, вырвала руку из его ладони и, злясь так, что ее щеки отчаянно пылали, а на глаза, того и гляди, навернутся слезы, вышла вперед и пристально и смело посмотрела на Берса, бросив Сергею через плечо:

— Вообще-то, разговаривали я и он, Сергей Ви... Сергей. — быстро поправились она буквально физически ощутив на себе его злой, пылающий взгляд, опаливший ее спину, но даже не обернулась, глядя на Берса, который продолжал широко улыбаться, глядя на Женю с

каким-то странным блеском. — Еще вопросы? Или теперь моя очередь?

Берс покачал головой и вздохнул:

— Не торопись, милая... Вопрос номер два: те двое, что были с тобой. Кто они?

— Мои братья. — холодно заявила Женья. — Двоюродный и троюродный. Оставим их в покое.

Берс внимательно взгляделся в весело танцующую, орущую пьяную толпу, увидев две встревоженные фигуры, которым Женья жестом показала, что все в порядке, и ухмыльнулся:

— Может, оставим, а может, и нет. Это не тебе решать, рыжуля. И последний вопрос, о, я обожаю вопросы из философских категорий! Человек сразу предстает перед тобой, как на ладони, и начинаешь понимать, какого редкого кадра лишится мир только потому, что у него не хватило ума сидеть спокойно и не лезть не в свое дело... — порассуждал Берс с каким-то маниакальным, как будто «упивающимся» этой ситуацией выражением в глазах, и Женья нахмурилась: не хватало ей еще тут на философские темы рассуждать... Ее голова просто раскалывалась, тело болело от напряжения, а развязка все была по-прежнему далека, и что с ней будет — неизвестно... — Так ответь мне, Евгения, что для тебя значит твоя жизнь? Ты боишься смерти?

Он подался вперед, жадно заглядывая Жене в глаза, а та вдруг серьезно задумалась, и, понимая, что из этого болота ее вытащит только честная телега, вздохнула, медленно проговорив:

— Да, боюсь, конечно... Я же не знаю, что это — смерть... Но я не думаю об этом. — она снова собралась и тихо, но уверенно проговорила:

— Я живу, потому что нужна своей семье. Живу ради них. И не задаю себе вопросов насчет того, какая моя жизнь. Ценная? Бесценная? Бессмысленная? Если я нужна своим близким, если в моих силах сделать ради их счастья все, что я могу, значит я буду жить во что бы то ни стало, вот и все.

Берс захохотал, откинувшись назад и посмотрев в потолок:

— О-о-о, милая! Ты так наивна, просто кошмар! Не думать о смерти! Нельзя. — он вдруг посуровел и даже, как показалось Жене, рассердился. — Нельзя не думать о смерти! А что, если сегодня? Сегодня ты умрешь из-за своего дурацкого, душещипательного благородного чувства, что ты так нужна всем вокруг со своей неоценимой помощью??? Как же это глупо, рыжуля, подставлять голову под удар ради того, кто тебя об этом не просто не просил, а даже никогда не оценит твоей жертвы??? Тебе стоит переосмыслить систему своих ценностей, Евгения, тогда, возможно, ты бы поняла, почему совсем-совсем не живешь нормальной жизнью... Ну ладно. Я обещал тебе ответ. Задавай вопрос. — махнул рукой с самым снисходительным видом Миша, переглянувшись зачем-то со своей охраной.

Жене было не по себе. Настолько не по себе, что зубы стучали, а сердце отбивало в груди барабанную дробь... Миша насмеяется над ней, она ощущала это всей душой, точно также, как была уверена в отвращении Минаева по отношению к себе... Возможно, Берс действительно был прав, и она наивно пытается искать смысл своего существования в других людях, не думая о себе, выделяя своему организму такое малюсенькое пространство на этом земном шаре, что ей самой ужасно тесно на нем... Надо же, в благородство играет, посмотрите на нее! И что из всего этого вышло? Двадцать пять. Одна. Нет любви. Нет карьеры. Нет детей. Нет даже своего жилья! Она лишь маленькая, практически незаметная, несостоявшаяся девочка, которая идет по какой-то дороге, где впереди, из-за тумана, не видно никаких горизонтов или значимых целей кроме тех, где она вечно лезет помогать

другим... А главное, хоть однажды это принесло кому-нибудь пользу? Помогла Игорю — получила ненависть Сергея, помогла Сергею — стоит сейчас перед чокнутым на всю голову маньяком-мыслителем, не зная, уйдет она из этого клуба живой или ее вынесут ногами вперед... Глупо? Безрассудно? Бездарно?

Она вздохнула, отчаянно желая разрыдаться, но крепясь изо всех сил, и твердым голосом проговорила:

— Вопрос простой: что за проблема возникла между тобой и... Сергеем, и почему ты посылаешь две трусливые особи полумужского пола задать ему хорошую трепку вместо нормального, взрослого решения конфликта лицом к лицу?

Берс прыснул, снова громко шлепнув рукой по столу и захохотав на весь бар, заставляя людей оглядываться на их столик.

— Какая ты деловая, моя маленькая, наивная кроха! Ну, слушай. — он просмеялся и посуровел. — Твой любимый Сергей, за которого ты переживаешь всей душой, попросил меня заказать ему импортные станки для его шарашки из Германии. По своим связям я быстренько пошукал с нужными людьми, и его ненаглядные станочки уже прошли таможенную совсем почти без пошлины, ай, как хорошо! Да я еще расстарался ради старого друга, выбил ему машины по себестоимости, целых пять станков, пять, Женечка!! — растопырил он пальцы, вытаращив глаза. — Каждый стоимостью в шестнадцать тысяч долларов, это без учета моей прекрасной персоны и умения договориться, с кем нужно... Так вот, милашка, мы с твоим дружком сошлись на сумме в пятьдесят семь штук баксов за все станки и плюс сюда мне тридцать процентов за усилия, так сказать... А вот Минаев... — Берс вдруг рассвирепел, бросившись на стол и ударив по нему кулаками, испепеляя бешеным, яростным взглядом по-прежнему невозмутимо стоящего с самым спокойным, но довольно раздраженным от всего происходящего, видом, не реагируя на пылкие выпады в свой адрес. — Минаев, с-с-с... собака подлая... решил меня кинуть.

Женька вытаращила глаза, непонимающе уставившись на Сергея, который, сложив руки на груди, возвел уставший взгляд к потолку.

— Я не кидал тебя, Миша! — жестко и повелительно громынул он. — Я же сказал, заплачу я тебе твои бабки, только позднее, фирма на мели, нужен заказ!

— Так где??? — взревел Берс, окончательно выйдя из себя. — Где твой заказ??? Ты говорил, что тебе пришел хороший заказ, Сережа!

— Его забрали!! Ты что, меня не слушал?? — вспылит Сергей, тоже повысив голос и вызывающе глядя на Мишу. — Я договаривался с тобой под гарантию этого заказа, но клиент отказался от наших услуг, поэтому я попросил тебя дать мне неделю!!! За это время придет новый заказ, мы его выполним, и в течение месяца я тебе все твои деньги выплачу, как договаривались!

— Мы не так договаривались, Минаев... — прошипел с ядовитой улыбкой Миша. — Станки твои уже у меня, и завтра, либо ты платишь мне бабло, либо я продаю их фирменному конкуренту, а тебя, за то, что кинул Мишу Берсенева, насадят на перышко в темном переулке!! Ты думаешь, это все игра, Сережа? Взял и переиграл договор по-своему?? Не-е-ет, со мной так не прокатит, мальчик, за все нужно платить... Ищи деньги, Минаев. Пятьдесят семь штук, плюс неустойка. Время тебе — до завтра, до девяти вечера. Возьми там кредитик в банке, ну, не знаю, займи у папочки, он же у тебя местный магнат... — захохотал Берс, сверкнув хищными, безжалостными глазами, и в этот момент его взгляд упал на задумчивую Женю, хмуро глядящую на Сергея и пытающуюся придумать, как быть в этой ситуации... И

совершенно не заметившую, что Миша вдруг встал и вышел из-за стола, подойдя вплотную к ней.

— Или... — шепнул он почти на ухо Жене, которая вздрогнула и очнулась, увидев поломанный нос, кустистую бороду в нескольких сантиметрах от ее шеи и два пристальных, коричневых глаза, с каким-то странным, жадным интересом разглядывающие ее кожу, скулы, подбородок, губы, скользнув к кудрявым волосам и снова вернувшись к шее, обдавая ее плечо горячим дыханием.

— Эй! Не дыши на меня! — пригрозила Женя Берсу пальцем, шагнув от него назад чувствуя, как ее тело задрожало от отвращения, неприязни и даже от какого-то животного страха, но Берс с гниловатой улыбочкой вернул ее за локоть на место, продолжая разглядывать ее тело, будто она — товар на рынке, пощупав ее волосы, повернув к себе ее лицо и заглянув в глаза, а затем уделив внимание открытой (как на зло!!!) зоне декольте и ножкам, плотоядно усмехнувшись.

— Что «или»? — напряженно прозвучал голос Сергея из-за Жениной спины, и она увидела, как он пытается отодвинуть от нее Берса, но охрана, мгновенно оказавшись рядом, схватила его под руки и оттащила, крепко держа барахтающегося Сережу. — Что ты делаешь, Миша??

— Или... — снова выдохнул в волосы Жени Берс, наклонившись и понюхав ее плечо, которым Женька тут же вызывающе дернула, попытавшись вырвать локоть из его руки, но он только крепче схватил ее, улыбнувшись. — Или ты можешь отдать мне эту девочку... Все равно ты к ней ничего не испытываешь, так что тебе терять? Да, Евгения? А ты мне нравишься, воинственная леди! — проговорил он, зайдя со спины и наклонившись к уху Жени, которая в ужасе сглотнула, пытаясь унять нервную дрожь и не упасть в обморок от страха. — Мы с тобой будем очень тесно дружить... Отдашь ее — и я прощу тебе половину долга. А двадцаточку-то ты легко найдешь, Сережка, и жить останешься... Ну так что? — он подошел к Сергею, который пытался вырваться из крепкой хватки мужчин в красных костюмах и сверкал на Берса безумным, невероятно злым и одновременно ошарашенным взглядом, стиснув зубы и рыча от бессилия. — По рукам?

— Да ты совсем, что ли, Берс?!? — возмущенно прорычал Сергей. — Отдать девочку??? Она тебе что, крупный рогатый скот, чтобы бартерную сделку проводить?!? Нет, нет, нет, и еще раз... — мощный кулак одного из «красных» охранников влетел ему в лицо, и он повис, прекратив свой импульсивный монолог и сплюнув кровь на кафельный пол.

— Ни за что. — упрямо проговорил Сергей, а Берс рассмеялся.

— Ну... как знаешь, Сережа, как знаешь. Тогда завтра — кошелек или жизнь. Все, можешь идти.

Охрана отпустила Сергея, и тот, с ненавистью посмотрев на Берса глазами, желающими прибить его на этом самом месте, вытер рукой кровь с губы.

А Женька лихорадочно соображала, оглядывая глазами зал, заполненный богатенькой молодежью, Берса, усевшегося на свое место с видом главного божества России, стол перед ним, заставленный бокалами, бутылками, тарелками с начатыми в употребление закусками, а еще заваленный картами...

Так, стоп. Картами???

Щелк, щелк, щелк — Женьке почудилось, будто все ее тело разом загудело от внезапной догадки, и она, ощутив прилив дикого адреналина, триумфа и победного торжества,

поддавшись на внезапно восставшее из пепла чувство собственного достоинства и всемогущества, и нисколько не притормозив, чтобы обдумать свою идею, оценить, насколько она глупа или безрассудна, девушка просто жестко и оживленно проговорила:

— Подожди, Миша. У меня есть к тебе предложение.

Берс взял в руки стопку и, налив себе что-то из бутылки, с веселой ухмылкой посмотрел на Женю:

— Я вижу, тебе все нейдет, рыженькая. Я же ясно выразился — кондыбайте отсюда, пока я добрый! Ты можешь жить спокойно своей убогой жизнью, мне до тебя нет никакого дела, а Сережка мне завтра денежки в зубах притащит... или не притащит. Ты к этому уже не имеешь отношения... Так чего ты лезешь опять? Предложение!!! Ха! Что ты можешь предложить мне такого интересного, что я прямо возьму и соглашусь?? Можно подумать, ты сейчас, из своего благородства, вытащишь из-под своего пикантного платишка все свои сбережения на черный день и отдашь их мне в уплату долга за эту падаль, которая тебя использует?.. — он захохотал, а Женя, подавив дикое желание перевернуть на него этот стол, да и вообще — разгромить все вокруг от величайшей, несправедливой обиды и злости на всех, ненавистных ей мужчин, оперлась руками о поверхность стола и гневно, сияя фиалковыми глазами, проговорила:

— Может, сыграем в покер? Или тебе слабо поставить на кон пятьдесят семь штук?? — заявила с насмешкой Женя и выпрямилась, сложив руки на груди. — Играем ты и я. Если побеждаешь ты — Сергей заплатит тебе завтра вечером. Если я — то ты получаешь деньги частями в течение месяца. Ну??

Берс и Сергей одновременно с изумлением уставились на нее, а затем Сергей схватил ее за плечи и развернул к себе, уставившись гневными, до ужаса раздраженными серыми глазами:

— Ты с ума сошла, Женька?!? Покер?!? Да тебе его никогда не выиграть, ты понимаешь??? Перестань уже лезть...

Женя сняла его руки со своих плеч и снова развернулась к Берсу, выжидательно подняв брови и нетерпеливо наклонив голову на бок:

— Ну так что? Будешь играть??

Берс снова закурил, покачав головой, и, сверкнув на Женю холодными карими глазами, усмехнулся:

— Покер... Ну что ж. Раз ты так сильно веришь, что можешь выиграть у меня, то я с тобой сыграю, милашка, только потом не обессуди — я предлагал тебе уйти по-хорошему... Но условия нашей игры будут такими: если побеждаю я — мне достаешься ты, целиком и полностью, окончательно и бесповоротно, рыжуля... И Сергей по-прежнему должен будет насобирать для меня гору бабла за сутки. А если ты... — он недоверчиво и насмешливо скривился, выдохнув дым. — Если вдруг ты выиграешь, то так уж и быть, подожду месяц. Уговорила. Как тебе мои условия?

Женя испуганно вздрогнула, но в этот момент, когда Сергей что-то недовольно кричал Берсу, когда Берс с самой жадной улыбочкой пристально смотрел на нее, когда Димка и Илья, сидящие неподалеку, вскочили, нервно переминаясь с ноги на ногу, она вдруг поняла, что хотя бы один раз в жизни должна поверить в себя, в свои силы, свои знания и умения, как учил ее Игорь. Она должна раздвинуть границы того маленького клочка земли, который сама себе определила в качестве своего скромного места под солнцем, почувствовать, что тоже что-то может, что в ее руках есть своеобразная мощь, и она не сдастся перед

неожиданной преградой...

Звук включился, и Женя, с вызовом посмотрев на Мишу, ухмыльнулась, пожав плечами: — Хорошо. Идет.

Берс захохотал, захлопав в ладоши, как маленький мальчик в костюме пирата на новогоднем утреннике в детском саду, а Сергей схватил ее под локоть и прошипел на ухо:

— Прекрати, дура!!! Откажись, откажись немедленно, или я...

Но Женя только отмахнулась от него, не сводя глаз с Берсенева. Миша с улыбкой подался вперед и проговорил:

— Завтра. В шесть. Приходи сюда, в мой клуб. Велю охране пропустить тебя. Веселая будет игра... — ядовито заулыбался он и снова оглядел Женю пошловатым взглядом.

— Ну так мы пойдем? — устало проговорила Женька, неожиданно зевнув. — Или еще о чем-нибудь базарить будем??

Берс ухмыльнулся и великодушно махнул:

— Проваливайте. Но запомни, милая: он тебя не любит! — сказал Берс, указав на хмурого Сергея, и, откинувшись назад, повернулся к молодому парнишке со змеиным лицом, сидящему справа от него, показывая тем самым, что разговор окончен.

*** «Минус»

Сергей вел Женю под локоть к выходу, кипятясь так, что наверное, если бы он мог, то пускал бы пар из ушей и ноздрей, сжимая ее тонкую руку и ощущая только пульсацию дикого, сумасшедшего гнева на нее, дурочку, за то, что влезла, где ее не просили, за то, что борзо разговаривала с Берсом, который наверняка пошлет своих людей проследить за ней до дома, чтобы, в случае чего, пригрозить ей расправой над родственниками, за то, что ему пришлось целовать ее, но его мучения оказались напрасными, потому что Миша все равно не поверил в этот миф про их связь, и, наконец, за этот глупый и наивный план по его спасению, который, конечно же, закончится полным провалом для них для всех и ему все равно придется разбиться в лепешку, но насобирать эту чертову кучу денег, а она...

Глупая!!! Безмозглая!!! Дура!!! Идиотка!!!

Ну как, как ей в голову-то такое пришло?!? Он же сделает из нее прикроватную тумбочку!

Сережа мельком посмотрел на ее лицо: бледное, сосредоточенное, губы сжаты, но глаза!.. Глаза сияли победным огнем, будто она и впрямь надеялась выиграть у него завтра... Дура, ох, дура!!! Выиграть в карты у того, кто на этом деле не одного азартного богача на бабосы опрокинул??? Как же можно быть такой наивной?!? Черт бы ее побрал!!!

Но больше всего его злило совсем не это. Сережа, конечно, подозревал, что после того, как он сообщит Мише радостную новость об отсутствии возможности вернуть ему деньжата, ему, возможно, посчастливится увидеть и розового крокодила, и гигантский белый шар, и кролика-людоеда... Когда его люди пересчитают ему ребра и попытаются поменять местами некоторые внутренние органы, но чтобы встретить ее, Женю, как раз в такой момент... Сережа недовольно нахмурился, чувствуя, как в нем с огромной силой растет желание что-нибудь расколошматить... Больше всего его злило то, что эта рыжая секретарша, снова всплыв тогда, когда он ее совсем не ждал и даже не мечтал увидеть в своих кошмарах, попыталась спасти его шкуру, хотя терпеть его не могла и знала о его к ней отношении, но хуже всего будет то, что если она завтра каким-то чудом победит Берса, Сергей будет ей обязан... Да, черт возьми, он будет должником той, на которую ему и смотреть то было

противно, а все внутри брезгливо переворачивалось, когда ему приходилось говорить с ней! Он, Сергей, никогда не кому не был должен! Тем более, женщине... А теперь он был невольно связан с этой наглой дурищей, и его, можно сказать, дальнейшая жизнь зависела от нее...

Опять чертова насмешка судьбы!

Хотя, надо признаться, держалась она невероятно стойко, особенно после угроз насчет ее смерти и возможности попадания в сексуальное рабство к криминальному авторитету... Выдержки ей не занимать, некоторым мужикам бы такую! И то, как она бросилась в драку, защищая его...

Сергей вдруг по-новому посмотрел на нее: внимательно, задумчиво, пристально разглядывая ее спину, пройдясь взглядом по ее ногам, действительно не дурным, обратив внимание на походку — стремительную, уверенную, звонко цокая каблуками и качая бедрами... Но, вспомнив о том, как же она его достала за последний месяц и особенно за сегодня, он опомнился и, чуть обогнав ее, первым толкнул дверь на улицу: им нужно было поговорить.

Шел четвертый час утра: темнота на улице рассеивалась лишь благодаря мягкому, редкому свету из окон окружавших парковку перед клубом пятиэтажек, да и из окон самого клуба, занавешенных жалюзи. На парковке не было тихо, но и особого оживления тоже не наблюдалось: кое-кто садился в машину, кого-то грузили мертвым грузом на заднее сиденье, неподалеку от них девушка с парнем целовались у колонны, а из клуба раздавалось дребезжание басов. Ко всему вышперечисленному в компанию добавлялся промозглый холод середины октября и, судя по пару изо рта, любой термометр укажет не выше пяти градусов со знаком плюс.

Женя обхватила себя руками и поежилась, с каким-то странным и немного печальным интересом уставившись на целующихся парня и девушку, а Сергей, вздохнув и пытаясь успокоить бешеный ритм сердца, горящего в озлобленном огне дикого раздражения, жестко воскликнул:

— Ты хоть понимаешь, во что ты ввязалась, Зябликова?!? За каким хреном ты вообще полезла в эту драку??? Что за чушь про покер??? Да ты хоть знаешь вообще, что это за игра такая?!? Тебе не победить Берсенева, его еще никто из ныне живущих не победил, понимаешь, о чем я?? Женя!!! — грубо тряхнул он ее за локоть, а та вдруг взяла себя за щеки и, погладив их руками, отчего-то засмеялась, все еще глядя на парочку.

— Да, самбука оказалась лишней... — тихо, но как-то весело проговорила Женя, а Сергей, на секунду замерев и не понимая, о чем это она, вдруг снова расствирепел на ее беспечность:

— Женя, ты что, совсем дура?!? Ты меня слышишь?? — резко дернул он ее, развернув лицом к себе, и девушка, наконец, подняла на него свои странные, фиалковые глаза и очень спокойно, даже как-то безэмоционально посмотрела на него.

— Слышу, конечно. Успокойтесь, Сергей Викторович, все будет нормально, я выиграю. Вот увидите. Он вас не убьет. И меня, наверно, тоже. — она улыбнулась, а Сергей нахмурился и раздраженно зарычал, поражаясь ее глупости и этому, бесившему его, спокойствию, насмешливо воскликнув:

— Ты разве не понимаешь, что будешь играть на его территории? Он подставит тебя, он умеет отлично мухлевать, ты проиграешь и станешь его... личным тренером по фитнесу, а мне придется все равно платить бабки, которых у меня, пока что, нет!!!

Женя выдохнула и опять как-то чертовски ровно посмотрела на него, а затем вдруг прыснула, захохотав:

— Тренером по фитнесу?? О-очень... культурно! — хохотала она, а Сергей раздраженно ждал, сложив руки на груди. Просмеявшись, Женя проговорила абсолютно безразличным голосом:

— Да не нервничайте вы так, я с собой свидетелей позову, не обманет он меня, говорю же, все нормально бу...

— Каких еще свидетелей? — презрительно усмехнулся Сережа. — Братьев своих, что ли?

Женя пожала плечами и слабо улыbnулась:

— Они мне не братья. Друзья просто. Может, и их. — она вздохнула и снова поежилась. — Доверьтесь мне, Сергей Викторович. Я бы никогда не предложила сыграть в игру, о которой имею лишь смутные представления. На завтра я со Светой подменилась, на работу не приду, к вашему счастью, если хотите, когда сыграем, я вам сразу позвоню, скажу, как все прошло...

Сергей насмешливо поднял брови, все-таки поражаясь глупости и чокнутости этой девчонки, которые как-то вместе сочетались с идиотской храбростью и даже иногда проблесками ума...

— Не болтай ерунды. Я с тобой поеду. Это не обсуждается.

Женя снова безразлично пожала плечами, уставившись вновь на целующихся и уже не совсем прилично обнимающихся парня и девчонку стеклянным взглядом, а Сергей вдруг кое-что понял. Он понял, что она пила полночи. Понял, что она испытала срывающий крышу адреналин, когда в одиночку напала на тех лысых, что перемяли ему кости, нывшие от боли, и подарили синяк на скулу и разбитую губу. Понял, что она пережила нечто колоссальное, когда ее жизни вдруг начала грозить опасность. И наконец понял, что сейчас она просто в состоянии аффекта, когда стресс заблокировал эмоции, чтобы побереечь порядком расстроенные нервы.

Внутри него вдруг что-то сжалось, а раздражение куда-то ушло. Он внимательно посмотрел на ее кудряшки, дурацкие, рыжие, посмотрел на веснушки у нее на лице, которые он терпеть не мог, на ее руки, обхватившие грудную клетку, покрытые гусиной кожей, даже на грудь, которая, вопреки его логике, не была усеяна этими омерзительными рыжими точками, как он думал, а выглядела вполне себе нормально, как у всех, и...

— Женя. — спокойно позвал он ее, дивясь тому, что бушующий в нем ураган сильных, агрессивных эмоций стих за долю секунды. — Ты испугалась?

Женя вздрогнула и как-то странно посмотрела на него, но затем едва заметно улыbnулась:

— Ну... да, конечно. Очень. Но это не важно. Я пойду, Сергей Викторович? Холодно, а я в одном платье... Да и Дима с Ильей потеряли, наверное.

Сергей поднял бровь, ухмыльнувшись.

— Дима — это тот, который...

— Заехал вам в живот, да, совершенно верно. — подтвердила Женя, виновато поморщившись. — Только пожалуйста, Сергей Викторович, не ищите его и не убивайте, он же не знал, Дима, на самом деле, очень хороший, просто он боксер. — не сдержав улыбки, проговорила она и, неловко показав пальцем на живот Сергею, спросила:

— Больно, да? Извините его, он... по пьяни...

Сергей ухмыльнулся, понимая, что завтра наверняка все его внутренности будут гореть огнем после сегодняшних встреч с разными, недобрыми кулаками, но показывать слабость ни в коем случае не желал, поэтому просто проговорил:

— Да, ладно, пусть живет, этот твой Дима. Неплохой у него удар, кстати. — он посмотрел на часы и вытащил из кармана телефон, беспрекословным и абсолютно привычным для себя строгим тоном проговорив:

— Иди за курткой, я вызову вам такси. Номер машины скину тебе смс-кой.

Он кивнул на входную дверь, и Женька, на секунду став самой собой, упрямо зыркнула на него, будто хотела сказать, чтобы Минаев шел со своими указаниями куда подальше, но лишь зевнула от усталости и вяло кивнула, а глаза ее потускнели.

Повернувшись, Женя побрела к двери, но Сергей, чувствуя разрывающее противоречие внутри себя, острую борьбу с собой, своим эго, своим желанием самому решать все проблемы, а не надеяться на какую-то, умеющую взбесить его за полсекунды, девчонку, все-таки решился, вздохнув:

— Женя!

Она обернулась, вопросительно поглядев на него, а он лишь буркнул, поморщившись, словно целую ложку рыбьего жира проглотил:

— Спасибо.

Женя пожала плечами и, отвернувшись, снова поползла внутрь.

В последний момент Сережа обратил внимание на то, что на ее локте кровоточила довольно большая, ободранная рана, а девушка ни тогда, ни сейчас совершенно не обратила на нее внимания... И вообще, до Сергея только сейчас дошло, что во время потасовки ее могли больно ударить... Сердце чуть-чуть приостановилось, но... через мгновение снова пошло вперед. Он вспомнил, что ему как-то без разницы это все, и, плюнув на ее раны и вообще — решив выбросить несносную, приставучую девчонку из своей головы, Сергей набрал номер такси и абсолютно невозмутимо и совершенно безразлично, как и раньше, принялся слушать милое предложение автоответчика оставаться на линии, пока рак на горе не свистнет.

Глава 7. «Плюс»

Под громкие причитания бедного, запертого в подвальном помещении, безобидного паренька, которого так несправедливо обвинили в краже чьих-то денег, Женька подскочила в половину двенадцатого утра.

На ее счастье, ни Полины, которая уже наверняка умирала со скуки в каком-нибудь из учебных классов своей школы, ни мамы, творящей шедевры французской кухни в «Бонапарте», ни отца, вышагивающего с грозным видом по кромке футбольного поля местного стадиона и крепко придерживающего свой судейский свисток в руках, дома уже не было, а это означало, что Женя, увидев свой опухший, сизый вид с размазанным по лицу вчерашним макияжем, который она от усталости решила не снимать, да еще с бешеным павлином в голове, громко кричавшим своим страшным голосом прямо ей в уши, вызывая болезненный звон головного мозга, могла спокойно принять душ и подготовиться к вечернему событию, угрюмо маячившему на горизонте.

Проклиная себя, свое «идиотское благородство» и «чертову дебильную инициативность», которая, конечно, всегда бывает наказуема, а также присоседив в эту кучу дурацкий алкоголь, недосып и треклятого Димку со своими проходками в клуб, где она опять встретила своего надоедливового босса, Женька, вслух бурча ругательства, привела себя в порядок, выпила три чашки зеленого чаю и, почувствовав себя немного лучше, натянула первую попавшуюся футболку из шкафа и синие спортивные штаны с розовыми полосками, двинулась самой обычной для себя дорогой — в квартиру номер 77 к единственному человеку, который мог ей сейчас помочь.

Дверь открыла бабушка Игоря, Раиса Васильевна, в ярко-малиновом халате, с неизменным для себя тугим пучком на затылке и челочкой, накрученной на толстые, желтые бигуди.

Увидев Женю, Раиса Васильевна чуть прищурилась, смерив девушку пристальным, пытливым взглядом, затем выдавила скромную, даже скорее чопорную улыбку и процедила:

— Евгения! Так рано — и уже к Игорьку бежишь?

Женя мило улыбнулась и, не спросив приглашения войти, прочапала своими розовыми тапками мимо пожилой женщины прямо в квартиру, на ходу весело бросив через плечо:

— Ну вы же знаете, Раиса Васильевна, я жить не могу без вашего внука!

— Знаем-знаем... — вздохнула бабушка Игоря и, закрыв дверь, покачала головой, тихо пробурчав:

— Вот молодежь, вот нравы!.. Одного бросила — к другому метнулась, другого бросила — опять к первому бежит... Мало вас в детстве ремешком драли, ой, мало... — и, продолжая какой-то философский диалог с собой, Раиса Васильевна прошла на кухню, громко шлепая по новому ламинату резиновыми сланцами, натянутыми на пестрые, шерстяные носки.

В комнате Игоря все было на своих местах: кровать у стенки, наспех заправленная кое-как, шкаф-купе с зеркалом рядом, между дверями которого торчал клочок бежевой рубашки, компьютерный стол, на верхней полке над монитором коллекция кактусов, плакат с Куртом Кобэйном на стене, а за компьютером в своем неизменном кресле — Игорь, спиной ко

входу, важно рассеявшийся в своем кожаном кресле и шлепающий по клавиатуре с быстротой молнии, окруженный с одной стороны стулом, на котором в огромной, спутанной куче валялись его вещи, а с другой — аквариумом с красными и черными рыбками, как всегда суетящимися не по делу.

Не успела Женя войти, как ее сначала встретил громкий гитарный риф с невероятно высоким и умопомрачительно сильным голосом, подвывающим в ноты, а затем страшное чучело на стуле прямо у входа, напоминающее наволочку с прорезями для глаз, но зачем-то пришитым спереди черным, дырявым и, судя по всему, не стираным носком и какими-то, криво приделанными пуговицами сверху, не имеющими особой смысловой или функциональной нагрузки.

«You were my oppressor
And I, I have been programmed to obey
Now, you are my handler
And I, I will execute your demands

Leave me alone
I must disassociate from ууууо-о-о-о-оу...»
(«Ты была моим преследователем,
И я, я был запрограммирован на подчинение,
Но сейчас ты — мой укротитель,
И я, я буду исполнять все твои требования.

Оставь меня в покое,
Я должен отделиться от тебя...» — с англ.)

Перекрыв последнюю, невероятно высокую для мужчины ноту и взяв в руки мешок с носком, Женька громко спросила:

— Это что?

— «The Muse». - не оборачиваясь, ответил Игорь, продолжая стучать по клавиатуре с самым сосредоточенно изогнутым позвоночником.

Женька захохотала.

— Да я не о музыке, Сторожев! ЭТО что за ужас??

Она подошла к нему сзади и сунула под нос наволочку, продолжая хохотать.

— Костюм для Хэллоуина. Положи на место, Зябликова, а то порвешь, не дай Бог. — отмахнулся от ее руки Игорь, хмуро уставившись своими сосредоточенными голубыми глазами на экран, где под его предводительством выстроились в ряд странные белые символы на черном фоне.

Женя удивленно посмотрела на него и, плюхнувшись на его кровать и устроившись в позу лотоса с «костюмом» в руках, снова захохотала:

— Тебе что, пять лет, Игорек?? Хэллоуин!

Игорь хмуро посмотрел на нее через специальные компьютерные очки и хмыкнул:

— Мне — нет, а вот твоей сестре всего десять, это правда, так вот этот костюм я шью для нее, потому что тридцатого у них в школе будет... не знаю... дискотека, вечеринка или... утренник? Что там, в четвертом классе, обычно проводят? И всем сказали прийти страшными, как моя жизнь, или... — он снова посмотрел на Женьку и усмехнулся. — ...как твое лицо после бурной ночи... Зябликова, сохрани этот вид до праздника, пойдешь с

сестрой в школу без грима! Вот увидишь, конкурс костюмов твой!

И он захохотал. Женька тоже прыснула и удивленно махнула «костюмом»:

— Чтобы еще неделю так выглядеть, мне придется взять у тебя займы тысяч десять — ровно столько я пропила вчера в этом чертовом ночном клубе «Источник»... А почему это она тебя попросила сшить ей костюм, а не меня??? — вдруг возмущенно заголосила Женька, а Игорь усмехнулся и пожал плечами:

— Поля сказала, что ты так много работаешь и учишься, что тебе некогда будет, так что она решила предоставить эту восхитительную возможность мне... Ты — наглая морда, Женька. — добавил он, поучительно ткнув в нее пальцем. Женя пожала плечами и хихикнула:

— Ну я же не виновата, что ты не смог ей отказать... И кстати, не забудь постирать этот «костюм» раза на три, а то твой вонючий носок будет болтаться около Полиного носа, а у нее, вообще-то, астма, если ты забыл.

— Ты чего приперлась, Женька? На мою наволочку гнать?? — возмутился Игорь и снова уставился в экран. — Иди давай к себе, не мешай людям, у которых, вообще-то рабочий день в самом разгаре, трудиться.

— Ты мне помочь должен. — заявила Женька. — Я без тебя никак, Игорек! Только прикинь, что со мной вчера было!

И она захлеб принялась рассказывать события прошлой ночи, кое-где даже показывая, как говорить, на себе, прыгая по комнате и размахивая руками, а Игорек, по ходу ее рассказа, становился все более и более изумленным, сначала откинувшись на спинку стула, потом даже сняв очки, чего он, будучи в своей комнате, никогда не делал, предпочитая слушать щебетания соседки спиной и не отрываться от производства, а затем он даже встал и нервно зашагал по комнате, почесывая покрывшийся щетиной подбородок и хмурясь все больше и больше.

Выдав всю информацию, Женька завалилась на кровать друга и, сунув руки под голову, весело закончила:

— ...так что сейчас ты и я снова вспомним молодость и порежемся три-четыре часика в покер по сетке, а то я многие комбинации подзабыла уже... Мне же победить его надо, Игорь, понимаешь?!?

— Берс?!? Тот самый, о котором ходят слухи, что после его лыбы твой гниющий труп с изрисованными ножиком руками найдут на какой-нибудь вонючей помойке?!? Ты сейчас про того Берса?? — ошарашено воскликнул он, посмотрев на безмятежно качающую ногой в воздухе подругу и всплеснув руками.

— Ну да, вроде. Слушай, у меня не было выбора! Он угрожал убить Минаева и еще подослал к нему двоих своих лысых вышибателей дерьма, которые на виду у всего зала пытались превратить его в своего партнера по спаррингу! Мне что, надо было дать измочалить его до больничной койки и спокойно допить «бакарди», зная, что через день моя проблема «злбный босс» сама собой исчезнет? Нет, Игорь, так нельзя. — выдала огненную тираду Женя, усевшись и сложив руки на груди с самым угрюмым видом.

— Женька! — воскликнул Игорь, вцепившись в волосы. — Он наверняка будет мухлевать! Тебе его не победить, и твоему Минаеву все равно придется искать эти деньги! Берснев не позволит никому оставить себя в дураках, как ты не понимаешь!!!

Женя встала, пристально и устало посмотрев ему в глаза.

— Тогда возникнет еще одна проблемка. Помимо горы бабок от Сергея он получит еще

и меня в придачу. Это было его условием на игру. Так что либо ты мне поможешь, либо... — Женя вдруг тяжело вздохнула, ощутив, как отозвалось отчаянием и страхом ее сердце. — ... мне конец.

Игорь в ужасе уставился на нее, попялившись бешеным, ошеломленным взглядом несколько секунд, а затем ударил кулаком по столу и нервно и яростно выругался.

— Иди, включай компьютер. — ворчливо вздохнул он, и Женька, поцеловав его в щеку, на тонких, почти невесомых и прозрачных крыльях надежды полетела в свою комнату.

*** «Минус»

Сергей сидел в полутемной комнате на стуле у голой, покрытой серой краской стены, сложив руки на груди и оставаясь внешне невозмутимым, но ощущая, как от нервного напряжения задеревенели все мышцы его тела: попроси его подняться сейчас — и он не смог бы даже шевельнуться.

Его жизнь, его деньги, его фирма — все сейчас было поставлено на кон в этой затянувшейся игре за столом, все зависело только от того, сможет ли его секретарша, та самая, что так сильно докучала ему на работе и даже в жизни, заставить Берса сдаться и раскрыть карты...

Он видел эти ненавистные кудрявые волосы ржавого отлива, видел самую простую, просторную тунику в сине-белую полоску на ней, длинные ноги под столом, обтянутые джинсовой тканью, и белые кроссовки с высокой голенью, раздражаясь на глупость и безнадежность ситуации, в которой Женя с абсолютно прямой спиной и невозмутимым видом повышала ставку на его деньги с появлением очередной открытой карты на столе, раздражаясь на то, что он оказался связан именно с ней, а не с кем-то другим, к кому Сергей испытывал больше симпатии (а это, судя по всему, весь остальной мир) и, наконец, раздражаясь даже на то, что Зябликова умудрилась одеться на встречу с самым влиятельным бандитом города как колхозница, никогда не бывавшая в торговом центре...

Все это, приплюсовав его беспомощность и невозможность хоть как-то повлиять на исход ситуации, приводили Сергея в самое обычное для него состояние разъяренного колотуна, когда желание сокрушить все вокруг чесалось в его кулаках с непреодолимой силой... А он лишь сидел и смотрел на то, как шесть человек за столом, включая диллера, сидели с самыми постными, непроницаемыми «покер-фейсами» и пялились друг на друга, пытаясь угадать мысли соперника.

Минута шла за минутой, обстановка становилась все тяжелее, все более напряженно сгущался воздух над столом, укрытым деньгами и картами, подсвеченный лишь тусклой лампочкой без абажура под потолком, и вот, наконец, наступил момент истины: трое игроков из людей Миши пасанули, не пожелав даже открыть карты, и перед последней выкладкой диллера — той, самой важной картой — в игре остались лишь Женя и Берс, который сегодня восседал со своим любимым, победным видом в темно-коричневом костюме, бежевой рубашке, но без шляпы, блистая зачесанными в тугий пучок, наполовину седыми, наполовину русыми волосами и неизменной кустистой бородой, тщательно вымытой и расчесанной.

— Сдавайся, Евгения. — тихо, но с коварной, насмешливой искоркой в глазах сказал Берс, поглядывая на нее самым внимательным, изучающим взглядом. — Тебе не победить... Ты разве еще не поняла? Давай так: если сдашься сейчас, — он наклонился к ней, и его взгляд скользнул по плечам и груди девушки, медленно вернувшись к лицу, — отдашь лишь

себя и... так и быть, прощу Минаеву половину долга.

Сергей поморщился, язвительно проговорив:

— Какое заманчивое предложение.

Ни один мускул не дрогнул в теле Жени: Сережа видел, как она спокойно наклонила голову на бок (жаль, что он не мог с этого ракурса видеть ее выражение лица для полной картины) и немного насмешливо проговорила:

— Раз ты предлагаешь мне сдаться, значит, в твоих картах все не слишком-то и хорошо, Миша... Нет, — она невозмутимо положила ногу на ногу, — мы не так договаривались. Играем до конца.

Берс чуть прищурился, явно сдерживая вспышку злости, но ухмыльнулся, не подавая виду, что ее слова его как-то задели, а Сергей с досадой и новым раздражением посмотрел на Женину спину: ну почему ей так охота класть голову в пасть не до конца одрессированного льва?? Можно же обойтись без дразнилок в адрес опасного бандюгана! Ну что за девчонка-то такая!

— Я всего лишь хотел пожалеть твои нервы и предотвратить лишние тревоги перед последним, бессмысленным, на мой взгляд, этапом... — начал разглагольствовать Берс, а Женька махнула рукой:

— Может, хватит рассуждать на посторонние темы? Продолжим, или тебе нужна музыкальная пауза, как в «Что? Где? Когда?»? Диллер, давай последнюю. — скомандовала Женька деловым тоном, и Сергей, заметив в глазах Миши бесконтрольную, бешеную ярость, нахмурился, возжелав прибить свою секретаршу на этом самом месте за то, что она, пользуясь спокойствием (видимость, ой, видимость!) совершенно непредсказуемого Миши Берсенева, решила рискнуть его деньгами и своей свободой, пройдясь ножовкой по его натянутым нервам.

— Милая девочка... — с дьявольской, не предвещавшей ничего хорошего, улыбкой медленно и трескуче проговорил Берсенов, испепеляя Женьку ледяным и острым, как кинжал, взглядом. — Не зарывайся, ты не можешь здесь командовать. — он наклонился к ней и тихо, но угрожающе зашептал:

— Я могу сделать так, что даже если ты выиграешь, это ничего не будет значить ни для тебя, потерявшей своих родных и близких, ни для Сергея, который будет гнить с ними в одной канаве... Так что прощу пока по-хорошему: будь со мной милой, ласковой киской! И я, глядишь, расщедрюсь на что-нибудь стоящее...

Сергей ощутил, как еще больше напряглись все его внутренности, а сердце бешено забилося в груди... Да... Эта рыжая дура допрыгается, что в результате эта игра и эта ставка станут бесполезными, потому что если Миша зол — Миша уничтожает все вокруг, если Миша зол — он убивает, не разбираясь, кто прав, а кто виноват, если Миша зол — он все равно получит то, что хочет, любыми способами...

Женя тоже наклонилась к нему и вызывающе, видимо, все-таки мечтая нарваться на какую-нибудь неприятность, процедила:

— Так к чему тогда весь этот цирк?!? Не нужно было тратить время, если ты все равно не держишь слово! Может быть, раз игра все равно не имеет значения, прекратим весь этот балаган?

— Я всегда держу свое слово!!! — прошипел в неопишуемой ярости Миша, брызгая слюной, и заорал на всю комнату:

— Диллер!!! Сдавай последнюю!!!

Карта легла на стол.

Живот Сергея скрутило от волнения, он нервно подался вперед, а за столом все замерло, будто застыло в глубоком, вязком тумане. Воздух казался густым, не пропускающим звуки, и только из красного зала, который находился как раз за дверью этой комнаты, раздавалось вполне себе жизнерадостное:

— А-алмаз... этих бесценных глаз...

Как музыка в стиле джаз...

В них столько страсти и огня...

А-алмаз...

Твоих драгоценных глаз...

И грани его сейчас

Играют соло для меня...

Миша смотрел на Женю. Пристально, внимательно, тяжело... Сергей видел, что он буквально считывает каждое ее движение, каждый вдох, каждый наклон головы... Он смотрел ей на шею, туда, где бьется в пульсации жилка, чтобы понять, насколько она встревожена... Есть ли страх? Есть ли обреченность? Есть ли паника?

Или же?.. Или же триумф?..

Тишина в комнате снова разбавилась шумом снаружи, разговорами и веселым смехом персонала, готовящегося к очередной ночной смене. Сергей смотрел на Женю, не мигая... Она не шевелилась... Она не шевелилась... Черт, да что там у нее за карты?!?

Резкий, трескучий голос Берса взорвал мозг Минаева, хотя говорил он по-прежнему тихо и весомо, тяжело выговаривая слова и блистая пристальными карими глазами:

— Вскрывайся, рыжуля. Нет времени и смысла сидеть над картами. Давай. — хмыкнул он с омерзительным, победным триумфом, от которого Сергею сразу стало как-то плоховато. — Я не буду смеяться.

Женя помолчала, потом вздохнула и спокойно проговорила:

— Нет, ты первый. Если я обречена, то дай хотя бы насладиться свободой на несколько секунд подольше. Показывай карты, Миша.

Сергей встал, не имея сил сидеть на месте. Берс посмотрел на него кровожадным взглядом и ухмыльнулся:

— Что, Минаев, дрейфишь? Папочка тебе этого никогда не простит, правда ведь?? Связался с уголовником, задолжал ему крупную сумму, еще и девчонку, ни в чем не повинную, во все это втянул... Ай-яй-яй... Нехороший ты человек, Сережа... Нехороший... Недаром женщины около тебя сходят с ума и теряют голову... — он посмотрел на Женю и мерзко улыбнулся. — Уж и не знаю, почему вы, бабы, так тиранов любите?.. Нравится, когда вами кто-то сильный командует? Да ты не переживай, Женечка, я тоже покомандовать люблю, тебе со мной скучно точно не будет...

Женя разозленно выдохнула и хлопнула по столу:

— Ну сколько можно?!? Открывай карты, Берс, или, может, тебе слабо??

Испуганный гул за столом, и Сергей заметил, как глаза Берсенева налились кровью.

— Попридержи язычок для постельной болтовни, стерва... — он со всего размаху треснул свои карты на стол, «лицом» вверх, и процедил:

— У меня «флеш».

Сердце Сережи дрогнуло... Он знал, что «флеш» — довольно крутая комбинация, хоть и не самая высокая, а что у Зябликовой? Что у нее?

Женя тихо и спокойно положила свои карты на стол и срывающимся от радости голосом проговорила:

— Вот теперь посмотрим, как ты держишь слово. У меня «фул хаус».

Сергей уставился на нее, не веря своим ушам... Выиграла?!? Выиграла?!? Да разве... да разве это вообще возможно? Облегчение накатило на него с такой силой, что все его мышцы задрожали и он чуть не рухнул обратно на стул. Не может быть!!! Все-таки этой несносной девице удалось вытащить его и спасти их обоих от целого вороха проблем!!! Он заулыбался, стремительно подойдя к столу, а Миша вскочил на ноги и, рыча от злости, затопал по полу своими начищенными штиблетами, не в силах остановить прущий из него фонтан гнева и досады:

— Что-о-о??? Не может быть!!! Не может быть!!! Ты не могла... Ты смухлевала, подлая тварь!!! Ты смухлевала...

Он вдруг выхватил пистолет и, трясаясь всем телом от припадочной ярости, тут же нацелил его в голову Жене, которая быстро вскочила на ноги и забежала за спинку собственного стула, будто надеясь, что он спасет ее от пули. Сережа увидел, как ее лицо побледнело, а фиалковые глаза расширились в неподдельном ужасе... Дрожащим голосом, сжимая спинку стула до побеления костяшек пальцев, она выкрикнула:

— Ты сам видел, что я играла честно!!! У меня три туза и две девятки, и это называется «фул хаус»!!! У нас был уговор, Миша!! Ты на него согласился, вообще-то!!!

Сергей вдруг, повинувшись какому-то странному, похожему на порыв благородства и благодарности одновременно, чувству резко вышел вперед и, схватив испуганную девушку за руку, стремительно завел ее себе за спину, уставившись на Берса и его ствол, направленный теперь ему в грудь, холодным, бесстрашным и вызывающим взглядом, несколько не смущаясь огнестрельного оружия или толпы людей Миши вокруг.

— БЕРСЕНЕВ!!! — своим неизменным, приказным и влиятельным тоном громыхнул он. — Она права, у вас был уговор!!! Сделка была заключена при свидетелях! Ты согласился играть, Женя выиграла, а значит, ты получишь свои бабки в течение месяца, как и договаривались, и будь уверен — я все верну!!! А теперь перестань тыкать в нас своей пушкой и ОТВАЛИ, потому что ВОПРОС ЗАКРЫТ!!! Слышишь?!? — повышенным голосом почти крича на Берса, как на какого-то своего подчиненного с «Черного полюса», проговорил Сергей, плаваясь от бешеной ярости. Берс подлетел к нему, уставившись в его глаза своими карими и тяжело и злобно дыша, крепко сжимая зубы и скалясь, как псина, которой только что сделали укол адреналина.

Сергей бесстрашно и невозмутимо держал взгляд, ни разу не моргнув, ни разу не посмотрев в сторону, гневно сжимая руку Жени, возможно, даже причиняя ей боль, но... Миша не должен был чувствовать себя сильнее, не должен был заметить ни единого изъяна или слабого места, не должен был почувствовать его замешательство или страх...

Потому что их не было. С детства отец учил Сергея бить первым, ничего не бояться и в любой ситуации, даже когда он один против целой армии, ощущать себя сильнее, выше, быстрее и умнее.

Сережа был пугливым мальчишкой, которого вечно задирали во дворе, и вот однажды, когда он в очередной раз пришел домой с синяками на лице и порванным портфелем, отец схватил его за шиворот и, отведя в угол, наклонился к нему и очень сильно потрянул, гневно проговорив:

— Ты что, Сергей, всю жизнь хочешь быть чьим-нибудь ковриком для ног или грушей

для отработки ударов?!? Ты — мой сын! Ты унаследуешь мои дела, мои предприятия, фирму и что? Разбазаришь все, что я с таким трудом поднимал всю свою жизнь по крупицам вот этими руками??? — он сунул ладони под нос трясущегося, вытирающего предательские слезы с лица, Сергея и гневно продолжил:

— Если ты будешь позволять всякой швали бить тебя, сынок, ты никогда никем не станешь. Если ты прогнешься под тех, кто имеет больше власти, то не добьешься ничего! Ты должен научиться смотреть **им в глаза**, понимаешь? — лицо отца, пышущее возмущением и гневом, приблизилось к сопливному носу Сережи, который тут же, как по заказу, отвел глаза в сторону. Заметив это, папа схватил его за челюсть и заставил посмотреть на себя, гневно крикнув:

— Нет!!! Ты что, меня не слушаешь?? Я же сказал: смотри прямо в глаза опасности!!! Не смей отворачиваться, Сергей! Не важно, сколько человек выступает против тебя, не важно, окружили они тебя, заперли ли в ловушку или загнали в угол, прижав к стене! Ты должен смотреть в глаза! И ничего не бояться. Стыдно бояться, сын. Ты же мужчина!

— Но, папа! Они же старше и сильнее меня! — с ревом крикнул маленький Сережа, размазывая слезы по лицу. — Какая разница, куда я смотрю, если мне их все равно не победить!

— Победить! — рявкнул отец, снова тряхнув Сережу за тонкие плечи. — Победить! Если ты будешь смотреть в глаза, бить первым и вести себя так, будто ты сильнее их, будто ты сейчас сам раскидаешь их, как мешки с картошкой, то ты сможешь победить! Сын, запомни это раз и навсегда. Верь, что ты сильный. Верь, что ты можешь. И никогда ничего не бойся. Тебя больше не будут заирать.

С того момента в сердце мальчика произошел перелом. Он, конечно, продолжал бояться... но каждый раз слова отца маячили перед ним, словно высеченные огненным лучом среди облаков, он не мог себе позволить снова прийти домой побитым... Ему стало стыдно за свою трусость, и он... Он переламявал себя, свою неуверенность, свою слабость, он вызывающе смотрел на мальчишек-обидчиков и научился брать ситуацию в свои руки: нападать первым, драться изо всех сил и... в конечном итоге, он победил. Сначала соседских дураков, а затем и себя, и стал тем, кем стал: жестким, холодным, решительным и грубоватым любителем держать все под своим контролем, а главное — всех... И странное дело, но отчего-то именно эта его грубость и неизменная непокорность привлекали к нему женщин со страшной силой... Ну а сам Сергей, вследствие сего самовоспитания, так и не научившись уважать и понимать людей вокруг вместо того, чтобы подчинять их своей воле, не научился уважать и женщин, считая их глупыми куклами, предназначенными лишь для удовлетворения его потребностей.

Возвращаясь к нашей ситуации, Сергей и Миша гневно таращились друг на друга пылающими глазами, пытаясь перетянуть канат «я круче всех на свете» на свою сторону и выбрасывая тестостерон на многие метры вокруг, сохраняя порядком надоевшее уже и Жене, и всем присутствующим, и самому Сергею напряжение.

— Миша! Дай нам уйти. — прорычал Сергей, и Берс медленно, с обозленной, гнилой улыбкой убрал пистолет обратно под пиджак.

— Ладно. Я свое слово держу. Вернешь деньги в течение месяца и ни днем позже, Сергей! Слышишь?? Иначе вас обоих — на нож... — тяжело проскрипел он, шумно втягивая носом воздух, а затем рявкнул на всю комнату:

— Убирайтесь!!!

Сергей еще секунду смотрел ему в глаза, не желая бежать, как трусливая собака, по одному только снисходительному указанию этого ублюдка, но, чувствуя, как тянет его за рукав Женя, схватил ее за локоть и, бросив последний испепеляющий и победный (ну как без этого-то?) взгляд на Берса, стремительно и уверенно вышел из комнаты, утащив девчонку за собой.

Они вышли на улицу, где сегодня, против обыкновения, пробившись сквозь зимний циклон, высунулось из-за туч солнце, хоть и не прогревая промозглый осенний воздух, но хотя бы снимая удрученное, почти депрессивное состояние надвигающихся холодов и заставляя прохожих с улыбкой шуриться и верить в лучшее... Да, люди — очень метеозависимые существа, и это проявляется не только в головной боли или стенании когда-то поломанных костей при смене атмосферного давления...

Сергей вдохнул холодный воздух полной грудью, ощущая невероятное облегчение и победное торжество. Надо же! Если бы не эта рыжая глупышка, которая портила ему жизнь последний месяц на фирме (и даже вне фирмы как-то умудрялась), если бы она не влезла вчера всей своей кудрявой головой в их с Берсом конфликт, сегодня он бы носился по городу, словно осенний лист на ветру, падая то в одну лужу, то в другую, унижаясь и выискивая охрнительную сумму денег, и его бы ждала полная и беспросветная задница... Особенно узнай отец о том, как он серьезно облажался, в очередной раз в тайне от него связавшись с Берсом и его преступной бандой... Он внимательно посмотрел на Женю, которая застегивала молнию на курточке какого-то светло-оранжевого или кораллового оттенка (он особо не разбирался в цветах) и улыбалась, довольная собой, конечно, своей победой...

Вспомнив о том, как она выводила Мишу из себя своими острыми репликами, Сергей вновь испытал раздражение и досаду на нее, но...

То ли благодаря тому, что эта надоедливая девчонка вступилась за него перед бандитами (порядком его унизив, конечно, но не в этом суть), не испугавшись бросить вызов самому Берсу, то ли благодаря ее безумной, но оказавшейся удачной затее сыграть с ним в покер, поставив на кон не только деньги, но и себя в придачу, рискуя всем ради него — человека, который никогда ее не уважал и не воспринимал всерьез, а может, благодаря тому, что на улице ни с того, ни с сего стало солнечно и свежо, он вдруг понял, что его раздражение к ней стало каким-то... поверхностным, что ли... Будто он злился на нее скорее по привычке, чем потому что реально ощущал раздражение и презрение к ней, к ее поведению, внешности, дурацким принципам... Это показалось ему странным, и он, ухмыльнувшись, пристально оглядел ее кудряшки темно-рыжего, медного оттенка и веснушки, желая убедиться, что он по-прежнему терпеть ее не может... Но... он понял, что в нем что-то изменилось по отношению к ней. Изменилось окончательно и бесповоротно.

А Женя в это мгновение неожиданно подняла на него сияющие невероятной, легкой радостью и счастьем глаза, вдруг весело и звонко захохотала.

*** «Плюс»

Женька хохотала, как безумная, кружась вокруг себя и хлопая в ладоши, не веря в то, что впервые в жизни у нее что-то получилось! Получилось реально, а не на словах, оказать настоящую помощь, да еще кому! Своему начальнику, человеку, который ненавидел ее с самого первого дня и своим презрительным отношением топтал ее и так невысокую самооценку и превращал ее жизнь в тягостное испытание на прочность!! Как еще, если не

подобным поступком, она могла показать ему, что люди вокруг, и она в том числе — это не просто пешки на его шахматной доске и не просто посредственные, бездушные тела, которые не заслуживают ни капли его уважения к себе? А вот интересно, научит ли его чему-нибудь эта история???

Женя глубоко вздохнула, просмеявшись, и вспомнила, что Сергей все еще стоит рядом с ней и, скорее всего, наблюдает, а потому, сконфузившись, она перестала прыгать и подняла на него глаза, встретившись с его поднятыми в приступе скептицизма бровями и насмешливой улыбкой, которая явно была адресована ей.

— Ты зачем его дразнила, дурочка? — недовольно, но, в общем-то, с большей долей любопытства, чем раздражения спросил Сергей. — Не знаешь, что ли, что он может и убить без разговоров?!? Ты о нем вообще до этого случая раньше когда-нибудь слышала?!?

Женя пожала плечами, ощутив, как мгновенно ее состояние счастливой эйфории перерастает в угрюмое расстройство и нервное опустошение.

— Не знаю. Я не думала о том, что он может мне сделать... Тем более, раз он собирался получить меня в качестве бесплатного приложения к вашим деньгам, когда выиграет, так какой ему смысл был убивать?!? Это нелогично.

Сергей скептически и язвительно усмехнулся.

— Ты наивна, как пятилетний ребенок. Запомни: людям, у которых есть пистолет, совсем не нужна логика. Он мог пристрелить тебя в любую секунду, и ему не было бы жаль, что он так и не успел с тобой... Ну, короче, будь осторожней в следующий раз, когда твоя совесть не позволит тебе остаться в стороне в момент издевательств над очередной особью мужского пола на твоих глазах. — раздраженно выдохнул Минаев, а Женя угрюмо потупилась, сжав зубы. И все равно этот пренебрежительный тон, будто она по-прежнему маленькая, глупая девчонка, стоящая не больше, чем засушенная вошь, и по-прежнему не достойна ни капли его золотого внимания...

Сергей внимательно посмотрел на нее и проговорил более мягким голосом:

— Где ты научилась так играть?

Женя улыбнулась против воли, все еще чувствуя обиду на Сергея за его отношение к ней, но бодро, с чувством хоть и осторожно выглянувшего, но все-таки проснувшегося достоинства проговорила:

— Мы все детство с другом... ну, с тем, которого вы тогда... — она не стала договаривать, прочитав по глазам Сергея, что он догадался, о каком таком «друге» шла сейчас речь. — Так вот, мы с ним пару лет по сетке резались в электронный покер на компьютере, даже ставки делали! Маленькие, конечно, но все ж таки нам тогда по тринадцать лет было... — скромно усмехнулась она, а Сергей вытаращил глаза, ошеломленно проговорив:

— Что-о-о??? И ты решила предложить сыграть в покер человеку, который несколько лет на зоне только и оттачивал мастерство в этом деле, имея за плечами опыт детской компьютерной игры?!?

Женька вдруг фыркнула, недовольно воскликнув:

— Да какая разница?!? Комбинации-то одни и те же. А исполнить лицо булыжником и огрызнуться пару раз какому-то там криминальному авторитету — дело наживное! Очень легко сидеть с видом поломанного телевизора, если во время сдачи карт прокручивать в голове картинку из детства — поляна в деревне у моей прабабушки, вокруг миллионы разных полевых цветов, и ты считаешь один, другой, третий, названия их вспоминаешь и так

далее... — мечтательно проговорила Женя, снова вспомнив тот яркий образ из своих давних воспоминаний, который она проворачивала в мозгу всякий раз, замечая на себе изучающий, пристальный взгляд Берса, но, подумав о бешеном, диком страхе, который не покидал ее с того момента, когда ее нога ступила в ту комнату, и до последних мгновений, когда Сергей закрыл ее своей спиной от пистолета, что было неожиданно храбро и благородно с его стороны, она вдруг опустила глаза и, борясь с собой, своей обидой на Минаева, даже сейчас внимательно выпиливающего очередной зигзаг на ее лице очень болезненным и хорошо заточенным лобзиком насмешки в серых глазах, и тихо, с трудом проговорила:

— Кстати, спасибо, что заступились за меня, Сергей Викторович, ну, когда он в меня пистолет нацелил... я... я...

— Испугалась? — ухмыльнулся Сергей. — Вот об этом я и говорил: никогда не зли того, у кого есть пушка. Ладно. Тебе тоже спасибо. — нахмурившись, выдал он, опустив глаза и снова злясь, как поняла Женя, на себя за то, что он посмел себе попасть в такую щекотливую ситуацию именно с ней, а значит, угрюмо завершила цепочку выводов Женя, она все еще его неимоверно бесит... Нет, ну какой же сволочью бесчувственной надо быть, чтобы продолжать презирать того, кто спас твою шкуру... Так, тихо, мысли, тихо! Он там еще что-то бурчит... — Без твоей помощи у меня сейчас были бы чертовски большие проблемы с бизнесом и семьей... — он вдруг заколебался и ужасно неохотно, окончательно укрепившись в звании «сволочи поганой», выдавил из себя:

— Тебя подвезти может?

Чувствуя, как все внутри нее разрывается от ужасно колючей и острой обиды и злости, соединяясь в одну красную линию с тем, что она пережила пять минут назад, побывав и в неопишемом страхе, от которого жутко мерзли ноги, и в глубоком шоке, а также длительном нервном напряжении и впрыске в жилы адреналина с одной стороны, а с другой — в бешеном приливе радости, эйфории, гордости и триумфа, она стиснула зубы, замотав головой, и дрожащим голосом проговорила, едва сдерживая разочарование:

— Нет, сама доберусь. Погода хорошая. До завтра, Сергей Викторович. — махнула она рукой, быстро взглянув в эти пуленепробиваемые презрительные, насмешливые глаза последний раз, и стремительно зашагала прочь, чувствуя, как внутри нее пружинят, подпрыгивая до горла, все внутренности, перемазанные какой-то черной, липкой обреченностью, мечтая поскорее укрыться за углом от его взгляда и в собственном, бессильном опустошении и злости на этого непрошибаемого кретина сесть в ближайший трамвай до дома... А ведь она даже и не думала о том, что может ошибаться на его счет...

Глава 8. «Плюс»

Женя ошибалась. Несмотря на то, что она не верила в возможность изменения ее отношений с Сергеем в лучшую сторону, после того случая с деньгами, бандитами и покером перелом все же наступил.

Первое, что произошло с ней хорошего и было связано именно с Минаевской персоной, это то, что он вернул ей премию. Она не поверила собственным глазам, когда увидела смс от банка с суммой зачисленной на ее счет заработной платы, но... Это было не единственным изменением.

В последующие недели Сергей стал меньше цепляться к ней по работе и искать возможность уволить ее при первом же проколе. У Жени было ощущение, что с нее сняли огромный, тяжелючий воз, который предназначался вовсе не ей, но по ошибке или какой-то нелепой случайности, шутке судьбы, был сложен на ее плечи. Она вдруг осознала, что он ее не уволит, поняла, что может работать спокойно, не разрываясь в попытках прыгнуть выше головы или сделать тройное сальто через себя... Просто работать, также, как все, за небольшим исключением того, что Сергея она, все-таки, продолжала раздражать, хоть и не до состояния прибитого молнией фриказоида, как это было раньше.

Что же касается ее чувств, то и она, в свою очередь, стала спокойнее относиться к его выпадам, перестав принимать его ворчание близко к сердцу, особенно если хорошенько оглянуться по сторонам и обратить внимание, что людей, которых он уважает по-настоящему, можно пересчитать по пальцам, и женщин среди них точно не было.

Программа взаимного уничтожения или уничижения, что тоже верно, окончательно дала сбой в самый великий для любой производственной фирмы с аббревиатурой ЗАО в названии день — день собрания акционеров.

Перед этим волшебным, срывающим все мыслимые и немыслимые показатели ответственности, серьезности и сложности по подготовке, невероятно важным днем вся фирма обычно «стоит на ушах» в течение недели, а то и двух, по той простой причине, что на этих самых «ушах» стоит директор, подгоняющий работников в бешеном темпе готовить отчеты, статистику, образцы новой продукции, сравнительные таблицы, чертежи и многое-многое другое. Вся эта информация огромной кучей и очень тщательно сливается в какую-нибудь красочную, перенасыщенную эффектами, презентацию, которую и будут обсуждать по традиции, сложившейся на «Черном полюсе», в первый день зимы. Первого декабря одиннадцать человек в дорогих костюмах и туфлях с важными лицами оккупируют кабинет директора с самого утра и до вечера, пока не обсудят (за десятой чашечкой кофе, принесенной Женей) все главные моменты, начиная от показателей прибыли компании и заканчивая новыми стратегиями, важными кадровыми перестановками, последними разработками и тому подобными вещами.

От бешеного крика взвинченного Минаева вяли растения на подоконнике и тряслись стекла в оконных рамах, а бедные сотрудники «ЧП» выходили из его кабинета с такими лицами, будто на них остался отпечаток подошвы кое-чьего ботинка, подаренный как можно незаметнее и с помощью оглушительного ора и превосходной игры на нервах.

Накануне вечером Женя, которая за целый день успела присесть за свой стол только ради того, чтобы по ненавязчивой просьбе обзвонить всех «важных гостей в костюмах и туфлях» и напомнить им про завтрашнее знаменательное событие, ради которого можно было бы и салют над городской рекой запустить, и концерт с участием звезд эстрады устроить, носилась не меньше остальных, приводя в порядок секретарскую, кабинет директора (в котором постоянно заседал сам директор, устраивая очередную порку очередному начальнику отдела) и бегая, не чувствуя ног от усталости, по его добрым и вежливым «просьбам» то к разработчикам за уточнением деталей по новой продукции, то к конструкторам для коррекции какой-нибудь супер-важной загогулины на чертеже, то в бухгалтерию с вопросами от господина Минаева по финансовым отчетам, то в ОТК, то к закупщикам, то на производство...

В общем, когда время, наконец, сжалилось и соизволило подползти к шести часам вечера, девушка, скинув под столом туфли и разговаривая по телефону с одним из заказчиков фирмы, изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал бодро и дружелюбно, а не так, словно в секретарской производственной компании поселилась стая ворон, загнездившись где-нибудь около кофемашины, в цветочных зарослях на подоконнике, а язык, лежавший на плече, не сильно нарушал дикцию, в изнеможении раскинулась на своем стуле в окружении тщательно прибранного стола, блестящих, без единого намека на пыль, листьев хорошо политых растений, заправленной до отказа свежими зернами кофемашины и разложенных в форме красивого веера визиток фирмы на стойке, успокаивая себя, что через несколько минут можно будет уйти из этого дурдома и упасть лицом в подушку в их с Полей маленькой, но уютной комнатке.

Дверь директорского кабинета по обыкновению стремительно отлетела, и вышел Сергей, быстро и уверенно подлетев к секретарской стойке с развевающимися от его скоростной походки, словно плащ бэтмена, полами пиджака. Его серые глаза внимательно и требовательно уставились на Женю, и он, развязно облокотившись о стойку, жестко и нетерпеливо окликнул девушку, хоть и прекрасно видел, что она что-то писала, зажимая трубку телефона плечом:

— Женя!

Женя устало вздохнула и подняла на него глаза, продолжая терпеливо отвечать какому-то зануде, который никак не хотел или не мог сообразить, куда ему нужно «пойти» со своими вопросами в прямом смысле этого слова. Увидев в глазах босса раздраженное нетерпение, Женя, чувствуя, что он сейчас загорится прямо здесь и полетит, как ракета, по секретарской, громя все на своем пути собственной импульсивной, не в меру вспыльчивой и бесконтрольной энергетикой, постучала пальцем по трубке, показывая, что она

разговаривает, и продолжила усталым голосом:

— Да... Да... Я понимаю, вы хотели бы внести изменения в разработки... Послушайте. Алексей Валерьевич, я же вам продиктовала номер телефона отдела разработок, могу соединить, но рабочий день подходит к концу, вы их можете не застать... Да, Алексей Валерьевич, да... Семен Карташов и Василий Адамович Одинцов... да... да... да...

Человек-порох закатил глаза и громко треснул рукой по стойке, отчего Женька вздрогнула и поморщилась, за пару месяцев успев привыкнуть к выкрутасам Минаева и даже смириться с его невыносимым характером.

— Закругляй его, Женя!!! — прошипел он, нетерпеливо постукивая своей дорогой туфлей итальянской фирмы по лысоватому ковролину, едва сдерживаясь, судя по лицу, от того, чтобы не выдернуть телефон из розетки. Женя кивнула, думая о том, что этот кретин все-таки настолько привык всегда получать все, что захочет, что даже секунды спокойно, без ядерной атаки постоять не может.

— Алексей Валерьевич! Поймите же, я всего лишь секретарь, и не могу подробно вас проконсультировать по вопросам вашего заказа! Позвоните в отдел разработок или в конструкторский отдел, переговорите лично... Да! — уже раздражаясь на настырность дедка, который подробно объяснял ей, простой секретарше, какую втулку на какую заменить, какую длину кабеля использовать, каким гайками закручивать то, что он хотел получить на выходе, абсолютно игнорируя ее восклицания насчет своей некомпетентности в данном вопросе. Но, наконец, когда Женя, под тяжким взглядом Сергея в сто тысяч пятьсот пятьдесят первый раз перенаправила Алексея Валерьевича, менеджера по продажам из фирмы «Синтекс», для которой «ЧП» готовил очень крупный заказ, в отдел к Семену, он неожиданно услышал ее и потребовал переключить на разработчиков.

— Ну, конечно, Алексей Валерьевич, я об этом и... Ладно, переключаю на Василия Адамовича, до свидания! — с облегчением выдохнула в трубку Женя и, переключив несколько кнопок, не удержавшись, тихо воскликнула:

— Старый дебил!

Сообразив, однако, что ее слышал Сергей, который все еще черной тучей нависал над ее размякшими от усталости косточками, она резко подняла глаза и наткнулась на его приподнятые брови и усмешку на губах... Сердце опустилось, но Женя вдруг поняла, что он смеется не над ней, а над ее словами, и ей даже как-то полегчало.

— Очень красиво. — проговорил он с ухмылкой и, достав из кармана маленькую, оранжевую флэшку, протянул ее Жене, тут же переключившись на любимый приказной, устрашающий тон:

— Женя, на этой флэшке презентация для завтрашнего собрания. Завтра придешь пораньше и включишь ее в моем кабинете, выведешь с ноутбука на плазму за моим креслом.

Поняла?? — строго проговорил он, бросив флэшку на стол перед Женей.

Женя кивнула, тут же положив ее под монитор компьютера на самое видное место, чтобы никуда не затерялась, а Сергей внимательно проследил за ее действием холодным взглядом.

— Хорошо, конечно. — уверенно ответила Женя, а Сергей, наклонившись к ней и грозно глядя в ее усталые, фиалковые глаза, проговорил:

— Если потеряешь — я тебя уволю. В этот же день. Без разговоров. Так что отвечаешь за нее головой, Евгения. Если завтрашнее собрание сорвется, — он еще ниже наклонился к ней, чуть прищурившись, а его глаза недобро сверкнули, и Женя даже ощутила некоторый испуг, чувствуя волнообразный, обжигающий, срывающий петли гнев, исходящий от него, словно из открытого и раскаленного до двухсот пятидесяти градусов духового шкафа, — я тебя в порошок сотру.

— Интересно, а какой из меня получится порошок? — вдруг неожиданно сорвалось с языка Женьки, обиженно глядящей на Сергея, поднявшего брови в ответ на ее вопрос. — Зубной? Или, может, стиральный??

— Вот завтра, если что, и проверим. — раздраженно и язвительно проговорил Минаев и унесся к себе в кабинет, снова прикинувшись белкой-летягой.

*** «Плюс»

На следующее утро, порядком взвинченная и толком не выспавшаяся Женя, одетая тщательнее, чем обычно, в темно-красное, по оттенку напоминающее цвет волос, трикотажное платье с длинным рукавом, V-образным вырезом на груди, демонстрирующим небольшую, но приятной формы зону декольте, и облегающее по фигуре, завершаясь сантиметров за пять до колен, а также накрашившись как можно более скромно, но выгодно для себя, сделав упор на темно-малиновые губы и яркие, сиреневого оттенка глаза, усиленно запудрив веснушки, примчалась к заводу ни свет ни заря, а точнее — без пятнадцати минут восемь, успев даже сунуть свою желтую «пташку» на еще свободное в это время место около входа, и бегом бросилась на свой этаж, взволнованно сжимая кулаки.

На фирме в это время уже много кто из работников присутствовал, потому что для обычного человека приходить за пятнадцать минут до начала рабочего дня — это не подвиг, граничащий с волшебными манипуляциями и с участием личного вертолета и самолета, а самые обыкновенные серые будни.

По пути в секретарскую Женька успела встретить двух, весело хохочущих монтажниц из производственного цеха с бигуди в волосах и кружками кофе в руках, генерала Федора Игнатьевича, отдавшего ей честь с прямой спиной, Семку, на ходу чмокнувшего ее в щеку, одетого, по своему экстравагантному обыкновению, в темно-зеленую, как пивная бутылка, рубашку, оранжевый галстук и синие брюки с заниженным «задом», как их называла

Женька, оглядевшего ее синими, веселыми глазами через модные очки и показавшего большой палец, одобряя таким образом ее выбор одежды, а также многих других «жаворонков», и удивилась, как же много людей приходят на работу не за минуту до начала рабочего дня, но от этой мысли внимание ее быстро переключилось на кое-что другое.

Залетев в секретарскую и на ходу стаскивая с себя свой черный пуховик и темно-красную шапку с шарфом крупной вязи, первое, что увидела Женька, это был большой букет лилий в темно-синей обертке, снова заботливо поставленный в вазу прямо на ее столе. Запах лилий разливался повсюду, и Женька, шокировано, но с огромной долей восхищения и страха за то, что скажет ей Минаев, когда увидит это безобразие именно сегодня, медленно подошла к нему, с любовью глядя на цветы и чувствуя, как останавливается ее сердце.

Уже два месяца прошло, а тайный поклонник все не давал о себе забыть, оставляя девушке то приятные стихи в открытке, то сладости, которые она очень любила, то маленькие подарочки в виде оригами, а вот цветы появлялись редко, но, что говорится, метко, «на радость» Сергею Викторовичу и его секретарю.

Наклонившись и вдохнув аромат свежих, бледно-розовых лилий, Женя тут же с любопытством оглядела стол и, конечно, как она и ожидала, открытка была здесь: подложена прямо под доньшко вазы.

С улыбкой наивного, девичьего восторга Женя открыла ее и прочитала: «Без твоей улыбки ни один день в моей жизни не был праздником. Когда появилась ты, я понял: счастье стучится в мои двери. Цветы тебе, Евгения, как всегда. Ты заслуживаешь большего».

Женя вздохнула, в уме гадая, кто же это, все-таки, мог быть, и с блаженствующим лицом приложила открытку с теплыми, романтичными словами к груди, будто надеясь, что она еще больше согреет ее сердце...

Но млеть и витать в белых, игривых облаках на голубом небосводе ей оставалось ровно полторы секунды. В конце коридора гулко хлопнула входная дверь, и послышались самые знакомые, внушающие одновременно и раздражение, и напряжение, и шепотку страха, стремительные и уверенные шаги, и в секретарскую, словно птица-феникс, которая вот-вот загорится диким, пылающим, необузданным костром, влетел Минаев, в классически для него дорогом черном костюме, белой рубашке и галстук в какую-то там, серую с чем-то полоску, Женька от волнения не рассмотрела, с нахмуренным, задумчивым лицом и решительно готовым к бою взглядом серых глаз.

Увидев Женю, судорожно сунувшую открытку под клавиатуру на столе и бросившуюся убирать пуховик в шкаф, он тут же сменил направление движения и, стуча каблуками своих изящных, мужских туфель, подошел к ней, нетерпеливо и вопросительно глядя на нее:

— Женя. Все готово?? — Женька открыла было рот, чтобы в спешке объяснить ему, что все «будет готово ровно через минуту», но не успела, потому что его взгляд упал на букет, и девушка, буквально через метр стоя от него, ощутила взрыв бесконтрольных эмоций вроде

незапланированного извержения вулкана, который затянул его в водоворот очень негативных мыслей в отношении рыжеволосой секретарши. — Твою ж мать, Женя!!! — процедил он, едва сдерживаясь, чтобы не запрыгнуть на лошадь и не начать махать саблей собственного мощного ора. — Я же тебе русским языком говорил: чтобы никаких чертовых ароматических веников на рабочем столе! Скажи тому, кто тебе их приносит...

— Да в том то и дело, Сергей Викторович! — воскликнула Женя, перебив его и сплеснув руками. — Я не знаю, кто это! Если бы я знала, я бы...

— Ладно, проехали. — жестко отрезал Сергей, поморщившись. Видимо, его изрядно раздражали подробности личной жизни Жени, которые ему приходилось наблюдать воочию. — Ты подготовила кабинет, как я говорил?

Женька суетливо забежала за стойку и успокаивающе затараторила:

— Не волнуйтесь, Сергей Викторович, через минуту все будет готово, вот только флэшку возь... — она осеклась, вздрогнув и остановившись на месте, ощущая, как ее тело разом онемело, а к ногам будто кто-то привалил по парочке мешков с цементом. Сердце стукнуло — больно, громко, панически задрожав; голова закружилась, а руки обледенели до состояния замороженного йогурта в морозильной камере...

Флэшка.

Ее не было.

Сергей нахмурился, заметив, как резко побледнело лицо Жени и как расширились ее глаза и, махнув ей, он недоуменно спросил:

— Женя? С тобой что??

Женя медленно, словно плохо понимая, о чем идет речь, подняла на него большие, испуганные глаза и, задыхаясь и чувствуя, как начинают дрожать ее губы от обиды и растерянности, сбивчиво прошептала:

— Ее кто-то взял...

Сергей скептически поднял брови и ухмыльнулся:

— Кого?

— Флэшку. Ее нет. — тяжело проговорила она и, не имея сил больше оставаться на ногах, рухнула на стул, пытаясь успокоиться, пытаясь сосредоточиться, придумать, что делать дальше...

— ЧТО?!? — заорал Минаев своим фирменным голосом, гроыхнув не хуже раската во

время грозы, и, подлетев к стойке, заглянул за нее и посмотрел на то же самое место, куда Женя еще при нем складывала ее вчера. Убедившись, что вместо такой жизненно необходимой ему флэшки около монитора осталось лишь пустое пятно, он вспылил так, что Жене показалось, будто ей кто-то руками вырывает из ушей барабанные перепонки:

— ГДЕ ФЛЭШКА, ЖЕНЯ??? — заорал он, схватив обмякшую от растерянности и непонимания девушку за локоть и хорошенько трянув. Женя, готовая к смерти, лишь с бешеной досадой посмотрела на него, думая о том, как бы она растерзала того подонка, который решил сыграть с ней столь злую шутку, а может, решил просто поиздеваться, но мозг еще плыл на волне ужаса, не давая девушке здраво мыслить, зато прекрасно поглощая и адаптируя под свою звуковую частоту ор Сергея, стоявшего напротив нее вне себя от мысли, что его презентацию все-таки как-то умудрились сорвать.

— Я не знаю, Сергей Викторович. — тихо проговорила она заплетающимся языком. — Вчера, когда я уходила, она лежала здесь...

— ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ, ЖЕНЯ!!! Тебе ничего доверять нельзя!!! И кто, по-твоему ее взял?!? Кто-то шарился по твоему столу, что ли?? Нет, Зябликова, ты сама ее потеряла, слышишь??? — гневно кричал Сергей, растрясывая девушку, словно погремушку, во все стороны за локоть, пока она пребывала в царстве апатии и королевстве протрации одновременно. — Так, слушай меня внимательно. — выдохнул он, пылая яростью и диким раздражением, но всеми силами постаравшись умирить свой гнев, чтобы быть в порядке перед собранием. — Через десять минут придут акционеры. К их появлению в этом кабинете презентация должна быть выведена на экран телека на стене позади моего рабочего места, поняла?!? — он наклонился к ней, яростно оглядывая ее ледяными, как первые узоры на осенней лужице, но все теми же, светящимися силой, влиянием и превосходством серыми глазами. — Делай, что хочешь, Зябликова, хоть колдовать научись, хоть поисковую группу нанимай, мне плевать, главное, чтобы презентация была у меня в кабинете, ты слышишь??? И не имеет значения, взял ее кто-то у тебя, чтобы поприкалываться, или ты сама ее куда-то сунула, потому что если через девять с половиной минут ее не будет, уволю тебя к чертовой бабушке, Женя, сегодняшним числом!! Ты ВСЕ ПОНЯЛА??? — громыхнул он, бешено сверкнув глазами, после чего стремительно улетел в свой кабинет, громко хлопнув дверью и оставив за собой горящий, тяжелый шлейф ярости и аромата мужских духов.

Женька выдохнула, пытаясь унять дрожь в пальцах и бешеное сердцебиение, судорожно собирая мозги в кучку. Что делать? Что делать?!? Что делать?!? словно всемирно известный автор одноименного опуса господин Чернышевский Николай Гаврилович, Женя разрывалась в поисках ответа на этот вопрос...

Девять минут!

Черт, как же ей не хотелось подставлять Сергея перед акционерами, несмотря на то, что он все еще был самодовольным кретином, но все-таки учитывая их маленькие, но весомые для самой Жени шажки на пути налаживания отношений...

Кипя от гнева, негодования и ощущая быстро приближающуюся безрассудную панику, Женя скинула сапоги и огляделась в поисках туфель... Куда же она их подевала? Вчера, после проведения генеральной уборки, Женя определила им иное место жительства, чем маленький закуток около урны для бумаг под столом, но сейчас... Сейчас ее мозг вообще не мог думать ни в каком направлении, кроме поисково-спасательной операции маленького, оранжевого устройства для хранения электронных файлов, так что плюнув на то, что она босиком, в колготках, Женя бегом бросилась бежать на шестой этаж.

Черт бы побрал того, кто взял флэшку!!! Гад, подонок, свинья... Или?.. Женька стиснула зубы, сбегая по ступенькам, и на большой скорости влетая в коридор их фирмы этажом ниже. Или это... женщина?!?

Ну, конечно!!! Наверняка Вика или Лена. Других вариантов нет... Проклятье, что же они так к ней прицепились-то крепко, не оторвешь?? Вот пиявки ненасытные, не успокоятся, пока Минаев ее не поперет...

Ярость и обида клокотали в душе Жени, пока она неслась со всех ног к рабочему месту Семена Карташова, провожаемая удивленными взглядами менеджеров по продажам, закупщиков и конструкторов, через чьи отделы лежал ее путь.

Семен, к огромному Жениному счастью, был на месте: сидел, окруженный какими-то странными мотками проводов, которые парни-сборщики из цеха почему-то называли «бородой» и которые, по мнению Жени, больше походили на спутанные клубки кошачьей шерсти, запчастями от металлических корпусов, болтами, гайками и тому подобными вещами, внимательно что-то припаивая странного вида паяльником и притоптывая в такт ногой, слыша музыку из небольшого радиоприемника, установленного у входа в «оупен-спейс» их большого, вытянутого кабинета.

Плюхнувшись рядом с ним на свободный стул, Женька с трудом отдышалась и затараторила, схватив его за локоть:

— Сема, Сема, беда, мне срочно нужна твоя помощь!!!

Семен внимательно и удивленно посмотрел на Женьку с головы до ног и усмехнулся, весело проговорив:

— Эй, рыжик, ты чего? Что стряслось?? А туфли где потеряла?? — захохотал он, увидев, что Женька сидит босиком, но она лишь отмахнулась:

— Наверху они где-то, искать надо, а мне не до этого сейчас. Семка! Флэшка с презентацией для инвесторов пропала!!! Мне каюк!!! — пролепетала она шепотом, испуганно вытаращив глаза.

Семен ошарашено вскинул брови.

— То есть как... пропала?!?

— Ну, не знаю, вчера вечером я ее оставила за монитором на столе, а сегодня ее уже не было!!! Ее кто-то взял, понимаешь??? Но это сейчас не важно, важно только то, что я должна сделать, чтобы надыбать презентацию за... — Женька судорожно вздохнула и глянула на часы. — ...за восемь минут!!! Сема, Сема, помоги, ты же участвовал в ее подготовке, у кого она может быть, а?

Семен задумчиво нахмурился, быстро соображая:

— Так... я сделал свою часть и передал начальнику отдела Малютину... Малютин, скорее всего, отдал Краснохатову... Я слышал, что за слив материалов отвечал он... Слушай, у Павла наверняка есть последний вариант презентации! Сходи к нему, Женька! — подтолкнул ее Сема, а Женя удрученно нахмурилась.

— Мда. Так он мне и поможет, после того, как я его раз семь отфутболила... Это гиблое дело, Сема. Павел мне никогда ее просто так не отдаст.

Семен нетерпеливо выдохнул и, открыв ящик, достал оттуда ярко-фиолетовую флэшку и, сунув в руку Жене, спокойно, но с нажимом заявил:

— Значит тебе, милая, придется найти с ним компромиссное решение. Или ты терпишь ресторан и общество Краснохатова, или прощаешься с работой, зарплатой и мечтой отправить Полину на лечение. Давай, думай, Жека. У тебя семь минут.

Женька схватила флэшку и, гневно сообщив Семену: «Жизнь — дерьмо!», вскочила с места и понеслась в конец коридора, где размещался просторный и светлый (конечно, еще бы! Целых два окна на восемнадцать квадратов!) кабинет заместителя директора.

Павел, к счастью или сожалению Жени, был на месте: восседал за широким письменным столом в белоснежном, слепящем глаза, особенно зимой, когда за окном мела настоящая пурга, костюме, персиковой рубашке и галстуке, уставившись маленькими голубыми глазками на широченном, круглом лице в монитор компьютера и что-то с важным видом быстро печатая.

— Можно, Павел Юрьевич? — осторожно спросила Женя, заглянув в кабинет и готовясь к самому худшему.

Павел поднял глаза и, увидев Женю, расцвел, как подснежник, вылезший из серо-белых, грязноватых сугробов, чтобы встретить весеннее солнышко, раздумялся и радостно заулыбался.

— Женечка! Конечно, можно, конечно! Ты могла бы и не спрашивать! Входи, садись. — махнул он в приглашающем жесте и, откинувшись на стуле, внимательно пронаблюдал за тем, как Женя неслышно входит в кабинет и аккуратно присаживается на стул, уделив

особое внимание ее фигурке в темно-бардовом платье, ножкам, на которых, к его удивлению, читавшемуся в исказившихся в форму радуги мохнатых бровях, не было туфель, и с огромным удовольствием пройдясь глазами по ее губам, подбородку и шее, застрял в открытой зоне декольте, счастливо промурлыкав:

— И что такой прекрасной босоногой пташке нужно от скромного заместителя директора промышленного предприятия? Кстати, великолепно выглядишь, Женечка, даже без туфель. — проговорил он, переведя жадный, наполненный мужским интересом взгляд на ее губы и облизав свои.

Жене очень хотелось поморщиться, но она, оттолкнув накотившее на нее отторжение, вздохнула и проговорила:

— У меня возникла небольшая... м-м-м... проблемка, Павел Юрьевич. Кто-то взял флэшку с презентацией с моего стола, а через пять минут начнут собираться акционеры, и...

— И Сергей Викторович в своей самой вежливой манере дал тебе распоряжение провести необходимый комплекс сыскных мероприятий, дабы устранить сие непригодное для сегодняшнего великого дня обстоятельство? — со смехом проговорил Павел, наконец-то соизволив посмотреть Жене в глаза. Женя робко улыбнулась и, вздохнув, кивнула:

— Да, как-то так. Вы можете мне помочь? — спросила она, собрав волю в кулак и с некоторой надеждой взглянув на его сияющее в невероятном победном исступлении лицо и довольную, плотоядную улыбку.

— Конечно, милая, я все могу. — гордо заявил он, пожав плечами. — У меня есть презентация. Флэшка с собой?

Он протянул руку, а Женя, не веря своим ушам и глазам, вложила в его гигантскую ладонь сиреневую флэшку Семы, изумленная невероятной щедростью Краснохатова, который на полном серьезе вставил ее в свой процессор и, что-то пощелкав мышью, невозмутимо скопировал готовую заветную презентацию на нее.

— Ну вот! — д-вольно проговорил он и, выдернув флэшку из компьютера, протянул ее Жене, пребывающей в легком шоке и невероятной, счастливой эйфории того, что ее мучения через пару минут закончатся.

— Спасибо, Павел Юрьевич, вы спасли мне жизнь! — весело выдохнула она, хватая флэшку с его ладони, но он вдруг крепко обхватил ее кулачок пальцами и довольно сильно сжал, чуть притянув Женю к себе и желанно заглядываясь на ее шею.

— Ну, я надеялся, что милая Женечка отблагодарит меня за чудесное спасение и согласится хотя бы на ресторан... Как ты на это смотришь? — тихо проговорил он чуть подрагивающим голосом, а его глазки вожделенно прошли по линии ее лица к нежным, рыжим кудряшкам и, слегка потемнев, переметнулись на ее расширенные в тревоге глаза,

жадно и нетерпеливо заглянув в них.

Женя выдохнула, отчаянно воскликнув:

— Павел Юрьевич!!! Как же вы так можете... Помогли и заставляете расплачиваться подобным образом! Это... это...

— Согласен! Согласен. — кивнул Павел, отпустив Женю и подняв руки в примирительном жесте. — Но пойми и ты меня — я уже давно добиваюсь свидания с тобой и постоянно натываюсь на твой категорический отказ... Меня это... м-м-м... скажем, уязвляет, как мужчину, и я вынужден идти на крайние меры...

— Это шантаж. — тихо вздохнула Женя, а в голове ее пронеслось: «Это сексуальное домогательство, уязвленный ты наш заместитель кретина».

Павел чуть наклонил голову на бок и серьезно и строго проговорил:

— Это всего лишь ресторан, Евгения. — он вдруг снова наклонился к ней и с горящими в невероятном азарте глазами добавил:

— Согласись, Женя. Я не сделаю ничего, что могло бы прийтись тебе не по нраву. Если мое общество разочарует тебя... — он вздохнул, но как-то коварно при этом улыбнулся. — Что ж. Тогда я отступлюсь. Но надеюсь, что этого не случится. Ответь мне, прошу: да или нет.

Женя вздохнула. Как же ей досаждало его внимание! Да, он был достаточно находчив и не глуп для того, чтобы завуалировать свое скрытое желание похоти в красивые и благородные слова и действия, но... Она не могла не чувствовать того, что ему действительно от нее было нужно! Да как можно этого не понимать, когда само вождение читается в его глазах, как открытая книга??

И она решила, по совету Семена, все же пойти на некоторый компромисс:

— Павел Юрьевич. Хорошо. Я пойду с вами в ресторан. Но. — увидев его вспыхнувший взгляд и даже десна во рту от бешеной улыбки, она строго проговорила:

— Но! Это случится только после Нового года.

— Странное условие. — нахмурился Павел, сложив руки на груди и иронически добавив:

— Уж не знаю, доживу ли. Целый месяц, все ж таки, Женечка. Почему?

Женя закатила глаза и терпеливо проговорила:

— Декабрь — сложный месяц, у меня есть кое-какие семейные заботы, сессия, корпоратив наконец, который, судя по всему, организовывать тоже мне, да и сам Новый год... Много всего. Обещайте подождать и... — она с трудом вздохнула, не веря в то, что соглашается на явно недвусмысленное предложение. — ...и тогда получите ресторан.

Павел нахмурился еще больше, но потом, все же расцвел в победной улыбке и игриво, как он сам наверняка себя представлял со стороны, подмигнул Жене:

— Хорошо, милая. Я, конечно, подожду. Главное, это не отказ. Но после Нового года... — он снова прошелся по ее телу откровенно пошлым взглядом и тихо, триумфально закончил:

— После Нового года тебе не отвертеться, Женечка. А теперь иди. Уже почти восемь.

Женя обреченно посмотрела на него и, кивнув, вылетела из кабинета, ощущая отвратительный, неприятный осадок на душе.

В кабинете директора никого не было: видимо, Сергей ушел встречать акционеров, матеря в голове Женьку на чем свет стоит. Однако, рискуя встретить его растрепанной и босиком, нарвавшись на дополнительную порцию тепла и ласки в свой адрес, Женя не хотела, а потому первым делом бросилась искать свои туфли на высоком каблуке, которые она вчера, как оказалось, тщательно сложила в коробку и убрала на верхнюю полку шкафа для одежды, а затем, стоя перед зеркалом, растрясла свои кудряшки так, чтобы они торчали более-менее прилично и не так распушено, словно львиная грива, окружившая лохматым ореолом ее бледное лицо.

Наскоро накрасив губы, девушка ринулась в директорский кабинет включать компьютер и огромный телевизор на стене.

Когда в коридоре послышались шаги нескольких пар ног, запоздавших ровно на пять минут, Женя уже преспокойненько расставляла бутылки с водой и стаканы на длинном столе переговоров, воздавая дань Богу за то, что она так легко отделалась в сложившейся ситуации.

— ...нужно проверить входную дверь — магнитный замок сработал не с первого раза, когда я провел карточкой... — говорил громкий, очень строгий и такой же, как у Сергея, командный голос, только явно принадлежавший человеку старшего, чем Минаев, поколения.

— Отец, все с дверью в порядке, просто у тебя карточка размагнитилась. — тоже жестко, пытаясь держать удар, ответил голос Сергея, и Женя вышла в секретарскую, с любопытством уставившись на медленно и важно входившего высокого мужчину, точь-в-точь похожего на фотографию над кофемашиной и напомнившего ей самого Сергея. Виктор Петрович, а это, конечно, был именно он, рослый и крепкий, но немного старше, чем на той самой фотографии, однако, безошибочно узнаваемый по горделивой осанке, дорогому, темно-синему костюму, белой рубашке и галстук в мелкую, белую крапинку на черном

фоне, и седым, зачесанным на пробор, волосам, внимательно и придирчиво оглядывал помещение строгими и холодными карими глазами, излучавшими стальную уверенность в себе и превосходство над всеми, а главное — несокрушимую силу и строгость... Неудивительно, что Сергей такой непрошибаемый: яблочко от яблони и так далее... Однако, несмотря на то, что этот мужчина, лет так шестидесяти на вид, явно никогда в своей жизни не слышал собственного смеха, все же, Женя успела отметить, что у него очень приятные, волнующие черты лица, покрытого морщинами, но бывшего когда-то очень даже привлекательным со своим правильным носом, темными, густыми бровями и пронзительными, крупными глазами, что частично передалось его сыну-кретину.

Кретин, кстати говоря, шел следом, с тем же невероятно пафосным и самоуверенным видом, развязно сунув руки в карманы и насмешливо хмурясь, явно держа в крепком кулаке свои нервы, которые у него очень любят ходить гулять далеко и надолго, с определенной долей вызова глядя на отца серыми глазами, а вот уже за этими двумя расхлябанно вышагивал «снеговик» Краснохатов, не преминувший послать Жене огненное подмигивание, а за ними всеми виднелись и еще несколько человек, одетых по-деловому, со вкусом и дорого, что-то тихо обсуждавшие между собой и с интересом глазевшие по сторонам.

— Ты что, Сергей, еще спорить со мной будешь? — недовольно громыхнул Виктор Петрович, смерив сына стальным взглядом. — Лишь бы с больной головы на здоровую переложить... — покачал он «здоровой» головой, далеко разнеся свой глубокий баритон по секретарской.

Женя вышла к нему и вежливо улыбнулась, проговорив:

— Доброе утро... Виктор Петрович, если не ошибаюсь? Меня зовут Евгения, очень приятно с вами познакомиться. — и она бесстрашно подошла к нему, протянув ему руку и ярко улыбаясь, но стараясь не переборщить, чтобы Минаев-старший не принял ее вежливость за подхалимство.

Карие глаза Виктора Петровича пытливо и внимательно уставились в фиалковые Женины, будто изучая мысли в ее голове и проверяя на искренность своим жестким, сканирующим и довольно тяжелым взглядом, а затем он медленно пожал ей руку крепкой ладонью и проговорил:

— Евгения, значит? Это о ней ты так нелестно отзывался, Сергей? — строго и неожиданно выдал секрет Виктор Петрович, не сводя с Жени пронизательных глаз.

Женя шокировано уставилась на него, а затем, с огромной долей обиды — на Сергея, который поджал губы и закатил глаза, раздражаясь на прямую открытость папочки, и шепотом, неожиданно для себя, проговорила:

— Он еще и ябеда, к тому же... Ой. — смутилась вдруг она, сообразив, что болтнула вслух, и прикрыла рот рукой, испуганно посмотрев на Виктора Петровича, который вдруг ухмыльнулся и, повернувшись к испепелявшему Женю гневным взглядом Сергею,

насмешливо проговорил:

— У вас, похоже, это взаимно, сын. Поздравляю. — он снова посмотрел на Женю и, чуть прищурившись, произнес:

— Кстати говоря, это ты меня в прошлый раз отправила в Турцию на частном самолете? Похвально, похвально. Находчивость, даже для секретаря, очень дорогое качество в нашей жизни. Это было очень кстати, не люблю перелеты с пересадками. — он чуть склонил голову, таким образом выражая благодарность, а затем снова огляделся. — И почему в секретарской так темно? Сергей! Посмотри: лампы тусклые, окно — наполовину закрыто растениями... — махнул он недовольно в сторону потолка и окна, закончив разнос очередным упреком:

— Ты — директор, и создаешь такие отвратительные условия для своих главных помощников — секретарей! Нужно немедленно все исправить! Слышишь?? Сергей!!

— Да, папа, сейчас, стремянку принесу и вкручу еще пару лишних лампочек. — съязвил нахмуренный Сергей, которому, видимо, тяжело было руководить фирмой, а может, даже и жить под руководством такого тиранозавра-отца, а Минаев-старший, возмущено и гневно посмотрев на сына, хотел было разразиться новой бурей, но Женя решила вмешаться и смягчить, так сказать, погодные условия:

— Да все в порядке, Виктор Петрович, вы не волнуйтесь, освещение — то, что надо! Телефон видно и кнопку включения компьютера найти не сложно, а что еще для эффективной работы нужно? А насчет растений... Ну, они здесь тоже трудятся во благо: углекислый газ поглощают, кислород выделяют! — весело улыбнулась она и добавила:

— В кабинете все готово к заседанию, проходите, садитесь поудобнее, а я вам кофейку принесу, как вы на это смотрите, Виктор Петрович?

Отец Сергея еще пару секунд потарачился на сына пристыжающим, как, наверное, ему самому казалось, взглядом и перевел глаза на Женю, снова пристально уставившись на нее и как бы проверяя, пытается ли она понравиться ему или просто делает свою работу?

Придя к каким-то, все же утешительным выводам, Минаев, тот, что Виктор, медленно кивнул и жестко провозгласил:

— Да, не откажусь, Евгения. — он обернулся к другим мужчинам, которые, сбившись в кружок, тоже что-то обсуждали, не обращая внимания на разборки отца с сыном, к которым они уже, судя по всему, привыкли за многие годы, и громко провозгласил:

— Господа акционеры! Идемте, начнем собрание. Послушаем, что еще за этот год мой сын успел профукать и красиво расписать в очередной эффектной презентации! Прошу вас. — как у себя дома, распорядился Виктор Петрович, широким жестом пригласив всех в кабинет, и вошел первым.

Сергей пошел за ним, пристально и раздраженно посмотрев на Женю внимательным взглядом:

— Презентация? — требовательно шепнул он.

— На месте. — успокоила его Женя, отчего-то пожалев Сергея, которому явно приходится нелегко, выбиваясь из тени собственного влиятельного отца, который нет-нет, да и опустит его ниже плинтуса... Нужно иметь несокрушимую волю, чтобы держаться стойко и не сломаться под таким мощным напором... Сергей, тем временем, не замечая искренней жалости в глазах своего секретаря, сурово кивнул и тоже стремительно вошел в кабинет, а за ним последовал довольный жизнью Краснохатов, глянув напоследок на вытянувшиеся еще больше благодаря черным шпилькам ноги девушки, а уж вереницу замкнули остальные акционеры, сверкая, кто — лысиной, кто — очками, кто — пышными усами, кто — могучим животом, кто — седой, кустистой шевелюрой, но все, как один, в хороших, выглаженных рубашках, костюмах и туфлях.

Облегченно выдохнув, Женя, наконец, приступила к своим основным обязанностям, периодически совершая кофейные дефиле в кабинет и один раз предложив великим господам, громко и шумно обсуждавшим волнообразные графики на плазменном экране, в основном, поддерживая критические высказывания со стороны патриарха Всея «Черного полюса» Виктора Петровича, от которого с трудом, но все же держа достоинство и сохраняя уверенность в себе и своих словах, отбивался Сергей, заказать обед прямо сюда, на фирму, воспользовавшись, так сказать, своими «связями» с лучшим рестораном города под названием «Бонапарт», что акционеры, во главе с Минаевым-старшим, одобрительно склонившим голову, восприняли очень даже положительно.

В то время, как пчелка Женя Зябликова трудилась на своем рабочем месте, во всю отвечая на звонки и разбирая горы входящих писем, а важные мужчины передислоцировались в чайную комнату, продолжая громко критиковать итоги работы Сергея за прошедший год и за милую душу уплетать восхитительные, ароматные блюда французской кухни, заботливо заказанные и красиво накрытые Женей пятнадцатью минутами ранее, вдруг неожиданно объявился и ответ на самый главный сегодняшний вопрос сегодняшнего утра о том, куда же именно запропастилась флэшка с Жениного стола. Ответ этот представлял собой эротично качающую бедрами, обтянутыми, как и остальная часть туловища, темно-зеленым, неизменно коротким платьем с довольно глубоким вырезом декольте на груди и рукавом в три-четверти, и откидывающую с плеч длинные и густые, восхитительные темно-каштановые волосы, волнами обрамлявшие нежное лицо с надменной и холодной ухмылкой и яркими голубыми, благодаря контактными линзами, глазами Вику Гордееву, с самым довольным и даже хозяйским видом вплывшую в секретарскую.

Глянув на дверь чайной, из-за которой раздавались зычные мужские голоса, она подошла к Жене и с триумфальной, но не скрывающей своего презрительного отношения улыбкой облокотилась на стойку и ухмыльнулась:

— О, рыжая! Ты что, еще здесь? Или Сережа снисходительно разрешил тебе не торопиться и собрать вещи до конца дня? Ты ведь посеяла такую архиважную флэшку с презентацией, ай-яй-яй...

Женя положила трубку и гневно уставилась на нее, чувствуя, как злость и негодование заполняют каждую клеточку ее тела, потихоньку начиная запускать в бешеную лезгинку ее мозг.

— Так это ты ее взяла! — процедила она и усмехнулась. — Хорошая попытка... Жалко только, что у Краснохатова на компьютере была точно такая же презентация, которой он без каких-либо проблем со мной поделился.

— Хм. — ухмыльнулась Вика, брезгливо поморщившись. — Без проблем, говоришь? Значит, ты решила перестать строить из себя недотрогу и пообещала ему то, чего он от тебя два месяца уже добивается? Что, ради бесценной работы обслуживающего персонала даже гордость свою куда подальше засунула? Ну ты не волнуйся, Паша хорошо с такими крошками обращается: может быть, даже не одну, а несколько ночей тобой попользуется, если расстараяешься...

Вика язвительно захихикала, напомнив Жене ведьму на метле из какого-то популярного диснеевского мультфильма, но она лишь покачала головой, слушая ее отвратительные, очень обидные для любой нормальной девушки слова, и абсолютно спокойно заявила:

— Я бы, конечно, еще послушала очень интересную, а главное — личную информацию о Павле Юрьевиче, но извини, у меня, обычной обслуги, сегодня еще море дел и поэтому, если тебе больше нечего мне сказать, то пожалуйста, не мешай, и говори тише: здесь переговоры идут. — она кивнула на дверь, за которой без умолку гудел рой акционерных пчел, и демонстративно уставилась в экран монитора, с огромной долей мстительного удовлетворения чувствуя, как с каждой секундой становится горячее яростная, обозленная аура вокруг Вики.

— Поговори, поговори мне еще... — прошипела она, грозно нависнув над ней. — Сергей тебе все равно не простит утерю драгоценной флэшки, и ты вылетишь отсюда, поверь мне, рыжая, недолго осталось... А мы все вместе отметим твой уход шикарным праздником, не сомневайся! Думаешь, ты такая умная и гордая?? Не-е-ет, девочка... Готовь мешок для сменной обуви, Зябликова, скоро вместе с ним поплывешь на алых парусах!

И она гневно выскочила из секретарской, оставив позади себя сильный и довольно терпкий аромат дорогих духов.

Женя злобно швырнула ручку в угол и, злясь на всех вокруг, откинулась на спинку стула, пытаясь прийти в себя. Как же ей надоела эта глупая, никчемная вражда! И чего эти две дурочки так впились в нее своими наманикюренными ноготками, словно бешеные лисицы? Зачем превратили свою работу в бесконечные попытки выставить ее, Женю, в неприглядном свете? Чем она их так раздражает? И так с Минаевым отношения ни к черту: того и гляди, он

сам ее выбросит на улицу и даже вслед не посмотрит, а уж с их-то помощью...

Периодически размышляя на эту тему, Женя, все же, вернулась в рабочую колею и продолжила разгребать свои дела, потихоньку возвращая своего льва в клетку и приходя в порядок, постепенно успокаиваясь.

*** «Минус»

Собрание подошло к концу, и усталый, измученный бесконечными бросками на амбразуру своим собственным отцом, тысячу раз с огромным удовольствием макнутый им же в грязь и с высоко поднятой головой, на карачках выползавший из нее, потрепанный, нервный, сердитый, но довольный исходом доклада и переговоров Сергей деловито прощался рукопожатием с акционерами, толпящимися в секретарской и натягивающими свои меховые кепки, обтянутые натуральной кожей, зимние, подбитые все тем же песцом или норкой, или выдрой, или чем-нибудь еще пальто и пуховики, и задающие последние, уже ни к чему не обязывающие вопросы, а Виктор Петрович, тем временем, что-то вещал его секретарше, с удовольствием помогающей акционерам одеться и поскорее свалить из этого здания, вернув тишину и спокойствие этому помещению и фирме в частности.

— ...спасибо за гостеприимство и теплоту, Евгения. Очень приятно, что у моего сына такой секретарь. — важно пробухтел отец Сергея, одевая свое пальто около шкафчика для верхней одежды и с довольной ухмылкой поглядывая на суетящуюся около одного из мужчин Женю, придерживающую его меховую ушанку, пока тот справлялся с пуговицами на толстой куртке. — Судя по сегодняшнему дню, ты очень хорошо умеешь делать свою работу, а это немаловажно для успешного функционирования фирмы.

— Спасибо большое, Виктор Петрович, мне очень приятно! — протараторила радостно Зябликова, счастливо порозовев от комплиментов Минаева-старшего. — Степан Владимирович, держите шапку, ничего не забыли? Ах да, я же обещала телефончик «Бонапарта» дать, сейчас запишу...

Сергей с некоторым недоверием и искренним изумлением смотрел, как довольно улыбаются Женьке акционеры, как Паша всю тарашится, не сводя с нее глаз и даже не моргая, особое внимание уделяя тем частям тела, что ниже поясицы, как с довольной ухмылкой, редкой для этого лица, поглядывает на нее отец, и сам вдруг неожиданно поразился: надо же! Его папашке, домашнему и производственному тирану, кажется, понравилась Зябликова! Вот так дела... Комплименты отвечает... И как это у нее получилось? Светланку, например, он терпеть не мог... А, ну да, у Виктора Петровича же нет фобии рыжих волос, так чего ему не любить Зябликову? А вот интересно, если бы он знал, как она спасла ему шкуру, сыграв в чертов покер не на жизнь, а на смерть с самим Берсом, он бы еще сильнее ее заужал? Да, наверное, он бесстрашных и решительных любит...

Неожиданно поймав себя на том, что тоже отчего-то тарашится на Евгению, Сергей нахмурился и отвернулся. Странное что-то... С утра он готов был убить ее за то, что флэшку

посеяла, но ведь выкрутилась опять (интересно, как?), да еще и обслуживание им такое устроила — высший класс! Улыбка, походка, платье... Ни капли лести или фальши, искренне, тепло, заботливо... почти как нормальная девчонка... Черт, да чего он вообще о ней думает? Кто она такая, чтобы он забивал ею свою голову и тратил время впустую, размышляя о ее достоинствах и недостатках?? Все равно она остается несносной рыжей девчонкой, которая его ужасно раздражает...

Раздражает?

Раздражает?..

Раздражает?..

Нахмурившись и разозлившись, понимая, что эта мысль отчего-то больше не находит отклика в его сердце, Сергей с вежливым кивком головы выпроводил, наконец, всех акционеров, и остались в секретарской только его отец и Паша, которые каким-то незримым магнитом прилепились к секретарской стойке, за которой восседала звезда рыжих небосклонов Зябликова, будь она неладна.

— Евгения, я распоряжусь, вам здесь освещение получше сделают. Сергей совсем о своих подчиненных не печется... Если что необходимо будет, вот мой телефон, звоните пожалуйста. И насчет моих командировок — договорились: вы будете отвечать за бронь билетов и гостиницы. — бубнил папа, пихая свою визитку Жене, которая расширенными, но ясными, довольными глазами смотрела на Виктора Петровича как на личного ангела-хранителя.

— Спасибо, Виктор Петрович, я оправдаю ваше доверие. — уверенно проговорила она и Сергей, возведя глаза к потолку от всей этой милой, как пушистый кролик, картины, подошел к отцу и хлопнул его по плечу:

— Тебе пора домой, отец. Передавай привет маме.

Виктор Петрович строго посмотрел на сына, но Сергей привык держать его стальной взгляд, поэтому внимательно и жестко глядел на него, не отводя глаз, и, наконец, отец недовольно поджал губы:

— Ты очень тактичен, Сергей. Ладно. В принципе, я доволен твоей работой. Фирма получает прибыль, сотрудники удовлетворены — а это главное. В воскресенье ждем на обед, надеюсь, ты не забыл. — сказал Минаев-старший, и Сережа нехотя кивнул. Виктор Петрович надел на голову кожаную кепку с мехом и тоже кивнул:

— Все. Мне пора. До свидания, Евгения. Павел, сын. — пожал он им по очереди руки и ушел, важно ступая по коридору дорогими ботинками и как всегда держа голову высоко поднятой над всеми, кто его окружал.

Когда он скрылся за дверью, Павел довольно улыбнулся и хлопнул Сергея, хмуро и задумчиво глядящего в окно, по плечу:

— Ну вот и все, Серега! А ты боялась: только юбочка помялась! — громыхнул он, захохотав над собственной, как ему показалось, очень удачной шуткой, и Сергей насмешливо посмотрел на него:

— Хо-хо, Паша. В тебе умер юморист для людей, обожающих постельные шуточки, когда болтовня заменяет кое-какие неумения... — он вовремя остановился, вспомнив, что помимо Паши, улыбающегося ровно от уха до уха, его слушает еще и Женя, удивленно и с ухмылкой таращившая на него свои дурацкие сиреневые глазки, но, почему-то, ему оказалось это не все равно, так что он просто снова уставился в окно, опять задумавшись над прошедшей встречей.

— Ой, Серега, ты просто улыбаться не умеешь, вот в чем твоя проблема. А вот у Женечки такой проблемы нет, правда, солнышко? — проворковал он, посмотрев на девушку, и Сережа, из любопытства, как же она отреагирует на подобные слова, тоже скептически и насмешливо уставился на нее, а Женя, как-то не очень радостно улыбнувшись, с трудом проговорила:

— Нет, но зато есть масса других, которые я бы с удовольствием променяла на единственное неумение улыбаться. — с грустинкой в голосе заявила она, и Сергей нахмурился, отчего-то испытав странный скрип в груди, ужасно смахивающий на сочувствие ей.

— Ну, у кого ж их нет, проблем, то есть, правильно? — наклонился к стойке Павел, заглядывая рыжеволосой девице прямо в вырез платья. — Тебя спасет красота, Женечка, ты не волнуйся! Устала сегодня, милая? А это что за цветы?? — тут же ревниво переключился он, вспыхнув гневом и глядя на букет лилий, спущенный Женей со стола на пол, чтобы в глаза не бросались. Сергей насмешливо ухмыльнулся, мысленно поспорив с Краснохатовым насчет Жениной красоты и понимая, что сам он, особенно сейчас, на крыльях ревности, отсюда не уйдет, и в приказном порядке проговорил:

— А не пора ли тебе, Павел Юрьевич, рабочее место навестить? Там за день проблем, наверное, накопилась куча целая... Давай, давай, двигай, Паша. — строго и повелительно сказал Сергей и для пушшего эффекта кивнул на выход.

Павел надул губы и обиженно, как ребенок, посмотрел на Сергея:

— Сейчас, Сергей Викторович, я только узнаю, какой прохин... кто тут Женечке букетики таскает, и пойду...

Женя устало вздохнула, и Сергей еще жестче, повышая тон, проговорил:

— Это не твое дело, Паша. А твое дело знаешь, где? На шестом этаже, за белой

табличкой «заместитель директора». Или ты желаешь заместителем начальника клининговой службы переqualificироваться? На. Свое. Место. Быстро!!! — рывкнул он, теряя терпение, и Павел, бурча ругательства под нос, все же выплыл из секретарской кучевым облаком, развязно переставляя нижние массивные конечности.

Сергей и Женя остались одни. Сергей пристально посмотрел на нее, изучив взглядом ее кудряшки, ее веснушки на лице и пытаясь найти в себе остатки раздражения, гнева и разочарования — неизменные его спутники при виде своей второй секретарши, но безуспешно, к его странному, непонятному облегчению, после чего он высказал тот вопрос, который вертелся в его голове последние несколько минут:

— Ну так что там за история утром произошла с участием моей флэшки, а, Женя? Она нашлась??

Женя подняла на него свои странные, сиреневые глаза и как-то напряженно поджала губы. Сергей ждал, что она ответит, но в какой-то миг вдруг с недовольством осознал, что она сейчас опасается того, что он, не разбираясь, просто уволит ее к чертям собачьим, обвинив во всех смертных грехах... Эта мысль ему не понравилась, он, отчего-то, не хотел теперь выступать своевольным, бескомпромиссным и несправедливым тираном перед ней...

Да что с тобой, Сережа? Совсем головку от радости напекло удачным завершением тяжелого дня?? Чего ты вообще разбираешься с ней? Она чуть не сорвала тебе собрание, в который раз подвесив тебя за шиворот на крючок около входной двери и поставив в напряженное, неловкое положение, а ты еще будешь тратить свое время на ненужный сбор информации, она или не она в этом виновата?!? Ты же мечтал избавиться от нее, она же тебе всю плешь проела, так вот он — отличный шанс! Уволь ее, к чертям, и заживешь тихо и спокойно, как и было до ее дурацкого появления... Да если бы она так лажанулась в первые дни, ты бы выпнул ее, как дворнягу, и не стал бы даже думать о своей справедливости/несправедливости ни секунды! А сейчас-то что?? Сейчас-то?? Сейчас...

Сейчас он силился собрать в себе весь свой негатив, который у него был в отношении ее, но не мог... Почему?? Что же, черт возьми, с ним происходит???

Женя слегка закусила покрашенную темно-красной помадой малиновую губку и вздохнула, а Сергей начал злиться. Кажется, он догадывался, что она сейчас скажет.

— Нет, Сергей Викторович. Ее кое-кто... в смысле, кто-то, — поправилась она, — взял. Вчера вечером, когда я уходила, она была здесь, а сегодня утром уже... нет.

Бешеный скачок гнева внутри него, и Сергей почувствовал, как запылали его внутренности от неконтролируемой ярости. Дело было еще в том, что вчера он ушел с работы гораздо позже своей секретарши, а когда уходил, решил лично удостовериться, что она никуда не задевала такую чертовски важную для него флэшку. По дороге он заглянул за стойку — флэшка была на месте.

А сегодня, зная о том, что Зябликова имеет обыкновение приходить ровно за минуту до начала рабочего дня, он застал ее еще в пуховике, и на то, чтобы «потерять» его флэшку, у нее просто не было времени...

И что все это значит? Сергей нахмурился, едва сдерживая злость и сжав кулаки. Он знал, что. Он знал, что Женю на фирме терпеть не могут два человека: Вика Гордеева и Лена Старцева. Знал, что они пойдут на все, лишь бы помочь Сергею осуществить мечту и уволить эту дурынду Зябликову как можно скорее... Но рискнуть его собранием ради этого?!?

— Так. А ну, пошли. — резко приказал все еще тарашившейся на него в ожидании приговора Жене Сергей и махнул ей рукой, нетерпеливо показывая, чтобы она вышла из-за стойки.

Женя растерянно и удивленно встала, послушно подойдя к нему, а Сергей грубо схватил ее за запястье и, все еще сгорая в огромной, бешеной волне безумной ярости, с силой поволок ее за собой на шестой этаж.

Едва поспевающая за ним Женька, бегущая следом за его стремительными шагами на своих высоких каблуках, недоуменно проговорила ему в затылок:

— Куда мы, Сергей Викторович? Или у вас на шестом камера пыток для нерадивых сотрудников заготовлена??

Сергей ухмыльнулся, по-прежнему отчего-то не чувствуя раздражения по поводу ее идиотских высказываний, но скорее по привычке, чем по истинным ощущениям, раздраженно проговорил:

— Зябликова, вот только избавь меня от своих глупостей. Молчи. — строго приказал он, продолжая тащить Женьку в отделы, не увидев, как она за его спиной закатила глаза.

Заведя ее в «оупен-спейс», Сергей остановился с ней посреди помещения и, гневно оглядев уже собиравшихся домой сотрудников, громогласно и повелительно заявил:

— Так! Все слушаем сюда! Кто сегодня утром взял флэшку с презентацией с Жениного стола?! Ну??

Вокруг воцарилась тишина. Сотрудники нескольких отделов удивленно вытаращились на него, явно не совсем понимая, о чем идет речь. Сергей холодно и пристально вглядывался в пялящиеся со всех сторон на него и Женю глаза, переводя взгляд с одного на другого, пытаясь понять, кто из них имеет хоть какое-то отношение к пропаже, но все, за исключением Семена, который триумфально улыбался и подмигивал Жене, и Лены Старцевой, с довольной ухмылкой откинувшейся на спинку стула, сложившей руки на груди и испепеляющей Зябликову мстительным взглядом, выглядели явно неосведомленными.

Рассвирепев, Сергей подтащил Женю к столу Лены и, наклонившись к ней,

облокотившись руками на ее стол, гневно заглянул в ее хитрые, ухмыляющиеся глаза:

— Лена!!! Это ты?? Ты взяла флэшку?!? Отвечай быстро!!! Я жду!!!

Лена сделала искусственно удивленный взгляд, вытаращив свои красивые, светло-карие, с золотым оттенком глаза, и возмущенно заявила:

— Ты чего, Сережа?!? Почему это сразу я взяла? Совсем ты, что ли? Да твоя рыжая идиотка-секретарша сама ее куда-то сунула, чтобы снова тебе насолить, а ты...

— Лена!!! — громыхнул Сергей, уже не сдерживая ярости и привлекая все больше и больше любопытных глаз к этой сцене, и, треснув кулаком по столу, схватил слегка испугавшуюся Ленку под локоть и грубо, не церемонясь, выволок ее из-за стола, поставив на ноги около себя.

— Сережа, Сережа, прекрати, успокойся! — возмущенно воскликнула Лена, расширенными глазами глядя то на взбесившегося директора, то на растерянную и ничего не понимающую Женю позади, пытаясь выдернуть руку из его мертвой хватки, но это было бесполезным усилием.

Сергей пристально уставился в ее глаза и процедил, больно сжимая ей локоть:

— Лена! Спрашиваю последний раз: ты взяла флэшку?? Отвечай мне, или завтра пойдешь работать в цех, монтажницей, у нас как раз вакансия уже неделю висит незакрытая! Ну?? На «слабо» мои слова проверить хочешь???

Лена озлобленно посмотрела на Женю, а потом как-то отчаянно и испуганно — на Сергея. Опустив глаза, она холодно и ядовито проговорила:

— Это не я взяла. Это Вика.

Услышав такое, Сергей чуть вулканом не извергнулся, ощущая максимальную точку кипения своей крови... Вот же дуры, бабы, ну что ты будешь делать, а??? Совсем мозгов нет, одни эмоции... Идиотки!!!

— Твою мать... — выругался он и, схватив с Лениного стола трубку телефона, грубо сунул ее ошеломленной Лене в руку. — Звони ей. Зови сюда. Немедленно!!!

Лена вздрогнула от нового крика своего возлюбленного и босса одновременно и начала набирать номер, параллельно робко проговорив:

— Ладно, ладно, Сереж, не понимаю, чего ты так кипятишься, ты же знаешь, почему она это сделала...

Сергей ее не слушал, пребывая в собственном огненном капкане ярости. Сложив руки

на груди, он нетерпеливо ждал, когда придет Вика, едва сдерживаясь от бешеной, импульсивной злости на этих двух дур, которые ему чуть было карьеру не сломали, сводя счеты с Зябликовой, по сути, ничего им плохого не сделавшей... Он вдруг посмотрел на Женю: она стояла, обхватив себя руками, и расширенными глазами с невероятным удивлением смотрела на него, правда, ощущая неловкость от всей этой ситуации и как-то не веря, что он действительно сейчас защищает ее... Да и Сергей сам с трудом в это верил, не до конца понимая, почему он это делает... Возможно, потому что он ощущал себя ее должником после той истории с Берсом, покером и его долгом, который Сергей фактически уже ликвидировал?? Да, наверняка все дело в этом. Точно. Он таким образом отплачивает ей за ее помощь. В груди Сережи что-то слегка приотпустило, но не до конца, а лишь привнеся в его состояние временное облегчение.

Вика пришла с самым уверенным лицом, раскачивая бедрами и надменно и холодно поглядывая по сторонам, как бы говоря всем, кто сейчас сидел в наполовину застегнутых ботинках и куртках, так и зависнув в шоке и удивлении от развернувшейся картины, что она плевать хотела на их мнение.

Насмешливо глянув на Женю, она подошла к Сергею, сделав самый невозмутимый и спокойный вид, и заглянула в его глаза:

— Что за пожар, Сережа? Рабочий день закончился... Что-то случилось?

— Вика. — прорычал Сергей, гневно глядя на нее. — Какого черта ты взяла у Жени флэшку со стола??? У тебя что, с головой совсем плохо??? Вика!!! — он оглянулся и, увидев замерших сотрудников вокруг, жадно ловящих каждое его слово, громко скомандовал:

— А вы что, во времени потерялись?? В ночную смену остаться желаете?!? По домам все, по домам!!! — он хлопнул, и коллеги, как по заказу, засуетились и принялись с шумом расходиться, все равно краем глаза поглядывая на директора, Женю, Вика и Лену, стоявших в огнеопасном кружочке с самыми хмурыми лицами.

Вика закатила глаза и насмешливо проговорила:

— Это она тебе сказала, Сережа? И ты что, ей поверил??? — она ухмыльнулась. — Я ничего не брала.

— Не ври мне, Вика!! — прорычал Сергей, тряхнув ее за локоть так, что она вздрогнула, слегка испугавшись. — Это не она мне сказала, а ты мне сейчас скажешь, зачем решила ее подставить!!! Я сосчитаю до трех, и если ты не расскажешь все, как есть, я упраздню твою ставку и введу еще одну ставку монтажницы — с Леной вдвоем пойдете, ясно тебе???

Вика вытаращила глаза и натужно засмеялась:

— Да ты чего, Сереж?? У своей секретутки и спрашивай, где флэшка, а мы здесь...

— Раз. — грозно начал Сергей, не сводя с нее глаз. Вика растерялась, даже слегка побледнев, но все равно решила попытаться довести борьбу до конца:

— Сереж, да перестань! Женя твоя сама ее потеряла, а ты на нас...

— Два.

— Ладно, ладно! — вскричала Вика, не на шутку перепугавшись, и, злобно посмотрев на Женю, продолжила:

— Это я ее взяла. Но это для твоего же блага, Сергей! Ты же сам хотел ее уволить, вот тебе и предлог! Она же бесит тебя, ты говорил тогда, она — тупая клуша! — отчаянно затараторила Вика, а Сергей, ощущая бешеную пульсацию в груди, ледяными серыми глазами посмотрел сначала на Вику, а затем — на Лену, и прошипел угрожающим тоном:

— Значит, так, две «очень умные» клуши. Запоминайте, говорю один раз: если еще раз вы позволите себе нарушить функционирование фирмы, подставив моего секретаря, я вас обеих выброшу отсюда через секунду после этого, все ясно??? Отвалите от Жени!!! Усекли, умные??? Вы вообще хоть понимаете, что было бы, если бы собрание прошло без презентации?? Вы понимаете, что было бы со мной и с фирмой, реши акционеры, что я не справляюсь со своими обязанностями??? Короче, — закончил свою гневную речь Сергей, облегченно выдохнув, — я вас предупредил. Не прекратите вредить мне и ей — полетите к чертовой матери отсюда! — он хотел было пойти обратно к кабинету, но вдруг остановился и, оглянувшись на Вику, добавил:

— Три месяца без премии.

После чего он зашагал вперед, а за ним — все еще ошарашенная и, видимо, лишившаяся дара речи Женька, за которой рванула и Вика, крича:

— Что??? Сережа, Сережа, Сергей Викторович, стой! Ну давай поговорим, Сереж остановись хоть на минутку! Сереж!!

Сергей раздраженно выдохнул, преодолев за полминуты ступеньки и коридор седьмого этажа, и, залетев в секретарскую и обернувшись к Жене, спокойно проговорил все еще не верящей в свое счастье девушке:

— Иди домой, Женя. До завтра.

— До... завтра... — тихо ответила она не своим голосом и поспешила к шкафчику с одеждой.

— Дрянь болтливая! — прошипела на нее Вика, забега следом за Сергеем в его кабинет и на ходу подлетая к нему и хватая его за плечо. — Сереж! Сережа, ну ты чего? Ты же сам хотел ее уволить!!

— Хотел. — кивнул Сергей, яростно отвернувшись к окну и сложив руки на груди, злясь на Вику, как тысяча бронтозавров. — Больше не хочу. И ЭТО НЕ ТВОЕ ДЕЛО, ВИКА!!! – прокричал он ей в лицо, а она вдруг сменила тактику и, нежно улыбнувшись, прижалась к нему, словно кошечка, проведя рукой по его груди и ласково проговорив:

— Сере-е-е-ежечка... Ну не злись... Прости меня, слышишь? Я так больше не буду... Давай помиримся, а? — и она потянулась к нему, коснувшись губами его щеки, но Сергей отчего-то не мог успокоиться, не мог простить ей этот проступок, и именно сейчас Вика, такая красивая и такая волевая, характерная дамочка, как он любил, вызывала у него лишь отвращение. Если бы она только догадывалась, что из-за ее шалости его судьба висела на волоске! Если бы только знала, что не сообрази Женя, где искать презентацию, и не подготовь им самую уютную, но от этого не менее рабочую атмосферу заседания, все могло сложиться совсем по-другому для него сейчас?? Дура Вика, какая же дура!!!

Он оттолкнул ее от себя, легонько, но весомо, и посмотрел в заигравшие обидой и болью голубые глаза, жестко проговорив:

— Пошла вон.

Губы ее затряслись, а в глазах вдруг появились слезы. Вика надула щеки и робко снова сделала к нему шаг, тихо проговорив:

— Ну зачем ты так, Сереж? Я же хочу прощения попросить... Тебе это понравится, милый...

Сергей не выдержал и, схватив ее за запястья, грубо вытолкнул из кабинета, прошипев:

— Если я сказал «пошла вон», это означает, что ты должна спуститься на свое рабочее место, натянуть шубку из какого-нибудь зверя и усвистать отсюда КО ВСЕМ ЧЕРТЯМ!!! Так ПОНЯТНЕЕ??? Разговор окончен. — и он захлопнул дверь прямо перед ее побелевшим от гнева лицом.

— Ты еще пожалеешь, Минаев! — прошипела Вика из-за двери, а затем раздался стук каблучков и все, наконец-то, стихло.

Пытаясь успокоиться и переварить все, что произошло, Сергей подошел к окну, глядя на белые хлопья снега, летящие и летящие с практически черного небосклона, на дорогу, освещенную сотнями фар двигавшихся в плотном потоке из-за снегопада машин, на фонари на парковке, где большим, белым сугробом, как и все остальные, еще не разъехавшиеся машины, выделялся его «Экстрейл», и как люди в больших и маленьких шапках, замотанные по глаза шарфами от мороза, снуют в пухлых куртках и шубах по неровному от снега тротуару, продираясь сквозь вьюгу и дым от работающих, но застрявших в дорожном заторе автомобилей, и думая, думая... Он сам сейчас, словно продирался сквозь буран собственных, спутанных эмоций, ощущая, что идет против заданного курса и сопротивление «душевного

снега» столь велико, что это заставляло его сейчас стоять и хмуро рассуждать про себя, пытаясь найти причины своему странному, неожиданному поведению.

Что же это сейчас было?.. Он рассорился с Викой, с которой ему было очень удобно, а главное — периодически полезно поддерживать мир, которая, конечно испытывала к нему определенные чувства, хоть и пыталась их не показывать, но он мог точно определить это по ее пылкой реакции на его прикосновения, взгляды, действия... Глупая женщина, разве такое можно скрыть? Тем более, и она, и Лена ревновали его, как две бешеные пантеры, что, в случае с Зябликовой, было более, чем смешно...

Ага. Ну да. А сегодня он впервые защитил ее и признался вслух, что больше не хочет ее увольнять... После всех этих событий, связавших их, и после двух с лихвой месяцев ее работы здесь, на «Черном полюсе», он понял, что она умеет выполнять возложенные на нее функции и решать задачи быстро, качественно, с удачным сочетанием находчивости и высокого уровня производительности труда... Чего нельзя сказать о Светке, которая вечно зависает в телефоне и ест конфетки...

Вздыхнув и как-то не радуясь собственным мыслям, Сергей надел свой кожаный пуховик и, погасив свет, вышел из кабинета.

В секретарской горела лишь одна последняя, тусклая лампочка над входом, стояла тишина и уже привычный порядок, который перед уходом всегда наводила Женя и никогда — Света. Сергей хотел пройти мимо, но... Зачем-то ноги понесли его к стойке.

Рабочий стол. Чистый. Опрятный. Все бумаги лежали в своих ячейках, разложенные по срочности и значению. На погасшем мониторе — записочки, написанные красивым почерком на разноцветных стикерах: Сергей пригляделся — его указания на завтрашний день... Ничего не упустила, написала для Светки — она придет в первую половину дня... Те самые лилии в вазе на полу, которые в очередной раз взбесили Сергея тем, что его отвратительной и страшенькой глупышке-секретарше с рыжими кудряшками кто-то на фирме оказывает знаки внимания... Снова стол: сбоку — открытки, видимо, записки от тайного поклонника... Сергей насмешливо ухмыльнулся. Черная кожаная папка на клавиатуре со срочными документами на подпись... И все вокруг словно дышало ее присутствием, в каждой мелочи и детали Сережа видел ее руку, каждый предмет словно отражал от себя ее исполнительность, организованность и усердие... Даже запах какой-то остался, будто она была еще здесь... Цветочный аромат. Сережа не смог определить, какой именно, но явно не резкий и не отталкивающий, как бы ему хотелось думать...

Папка на клавиатуре... Так, стоп, стоп... А под ней что?

Сергей перегнулся через стойку и, поддавшись любопытству, потянул за странный клочок розовой бумажки, выдернутой из женской записной книжки. Посмотрев на него, Сергей сначала, грубо говоря, ошалел, а затем громко и весело расхохотался, что он делал очень и очень редко...

На клочке бумаги был нарисован лающий пес с кривыми зубами, оборванными ушами, козлиными или бараными, Сережа не очень разбирался в нюансах строения тел представителей мелкого рогатого скота, рогами и разъехавшимися в разные стороны глазами... Ах да, и на шее у облезлого пса с дебильной мордой был дорисован толстенный ошейник с шипами, на котором милым, каллиграфическим почерком значилось: «Сергей Викторович».

Сергей хохотал, облокотившись на стойку, чувствуя, что ему давно не было так по-детски весело, и он давно не был таким расслабленным. Ну, чертова Женька! Вот, значит, каким она видит его! Прав был папаша — нелюбовь у них взаимная и очень даже ответная, что, может быть, даже хуже, чем безответная любовь...

Вытащив ручку, Сергей размашисто расписался под рисунком и, все еще улыбаясь, пребывая в отличном настроении, зачем-то сунул этот клочок бумажки себе в карман, после чего погасил свет и стремительной походкой зашагал на улицу.

Мороз под вечер, как это логично происходит, только покрепчал, и Сергей, накинув капюшон, отделанный мехом, на голову и вдыхая ледяной, бодрящий и дух, и тело (особенно тело!) воздух, двинулся между рядами из высоченных, бывших когда-то автомобилями, снежных вершин к своему «Ниссану», уже предвкушая неприятную процедуру откапывания.

Вдруг, как-то неожиданно до его ушей донесся раздраженный женский голос, восклицающий:

— А-а, да чтоб тебя в ледяное королевство унесло, пузотер ты желтый!!! Дурацкий снег!!!

Усмехнувшись, Сергей оглянулся и в нескольких машинах от себя заметил развеселую картину с участием наполовину откопанного маленького, желтого «Опелька», вышагивающей туда-сюда в черном пуховике и красной шапке, из-под которой выбивались все те же кудри, и порядком уже замерзшей Жени Зябликовой и огромной, во весь ее немаленький рост, лопаты, которой девушка на каблуках с трудом орудовала, оскальзываясь на снежных барханах вокруг ее машины.

Сергей устало и раздраженно выдохнул: ну когда, когда, когда эта девчонка перестанет маячить у него на горизонте ярким, огненным знаменем близящихся неприятностей?? Она словно преследует его, куда бы он ни пошел, даже вон, в элитном клубе его достала, черт бы ее побрал!!

Но, как ни крути, после сегодняшнего дня, удачно проведенного собрания акционеров и рисунка, подарившего ему с полминуты безудержного веселья, он все по-прежнему не испытывал к ней раздражения, даже вглядываясь в ее кудряшки и красный от мороза веснушчатый нос, а потому, повинувшись какому-то странному, то ли благородному, то ли садомазохистскому инстинкту, Сергей, тоже оскальзываясь на свежем, только выпавшем снегу, зачем-то двинулся к ней.

*** «Плюс»

Все еще пребывая в невероятной эйфории от всего случившегося сегодня, Женя, которая до сих пор не могла понять, что случилось с ее шефом, который вдруг с таким зверством расправился со своими любовницами, разругавшись с ними из-за нее, той самой Жени Зябликовой, которая ему поперек горла была уже пару с лишним месяцев, и, ощущая какой-то невероятный подъем в душе, переворот, изменение ее жизни к лучшему, а главное — улучшение отношений со своим начальником Сергеем Викторовичем, который, оказалось, совсем не такой уж и законченный кретин, как она думала, а может даже быть справедливым и благородным, Женя выходила из здания завода на улицу, а на лице ее сияла довольная улыбка...

Сергей. Сергей. Он защитил ее... Он, тот самый, отвратительный и грубый, наглый и презрительный по отношению к ней, он кажется больше не презирает ее! Он запретил Вике с Леной мучать ее... Он не собирается ее увольнять! И... Женя боялась так думать, но все же... И он больше не демонстрировал бешеное раздражение и чувство брезгливости, когда смотрел на нее... Да, мой Бог, это так! Он просто смотрел и все, как на всех остальных своих коллег...

Неужели, неужели у нее получилось? Получилось доказать ему, что не цвет волос и не какое-то досадное недоразумение определяет человека, а его душа, его принципы, его отношение к окружающим и к делу, которое приходится выполнять...

Так, что это с ней?? Уже целых пять минут думает о Минаеве, когда он остается, между прочим, все таким же самодовольным, наглым, эгоистичным кретином, который привык делать только то, что нравится ему! Женька усмехнулась. Вот ведь странные существа мы, женщины! Один раз нам кто-то тростинку в болото протянет, снисходительно позволяя выбраться, так мы уже готовы из любого придурка рыцаря на белом коне раздуть, как будто это что-то меняет!

Благодушное и веселое расположение духа у Жени, однако, несмотря на свой собственный запрет перестать думать о Сергее, никуда не девалось, вплоть до того момента, когда девушка добрела до своей машины, закинутой снегом по самую макушку.

И вот, уже пятнадцать мучительных минут кружась с лопатой (которую, кстати, заботливо сунул ей в багажник папа на всякий случай, а она еще и сопротивлялась, хихикая!) вокруг своей «пташки», Женька пыталась выскоблить ее из снежного плена и, наконец, попасть в теплый плен ее салона, а также в медленный и ужасно взвинчивающий нервы плен автомобильного затора на дороге, чтобы двигаться в сторону уютного и такого желанного плена родного дома, при этом при всем оскальзываясь на высоченных каблуках и ругаясь, на чем свет стоит, уже не стесняясь выражать свои мысли вслух.

А дальше, не ведая о том, что судьба вдруг тюкнула Сергея топориком по голове, направив на помощь уже уставшей бороться с высоченной кучей снега и тяжелой,

заставляющей трещать ее кости, лопатой, девушка в очередной раз оправдала почетное звание «Мисс Катастрофа — 2016», и именно в тот великий момент высшего и невиданного доселе благородства, снизошедшего на Сергея, шмыгающего красным, уже замерзшим носом и с трудом продирающегося к ней через сугробы, в этот самый удивительный момент, когда Женька вдруг услышала позади себя:

— Зябликова, тебе, может, помо...

В этот самый чудесный миг Женька-то и размахнулась, изо всех сил направляя лезвие лопаты в особо злостный сугроб, а дальше, с огромным ужасом она почувствовала, что черенок с другой стороны, позади нее, глухо и резко во что-то врезался, подтвердив факт точного попадания болезненным:

— Уй!! Твою ж!..

Расширив глаза от внезапной чарующей мысли о том, что она, кажется, только что кого-то убила, Женька суетливо развернулась, зачем-то одновременно подняв лезвие лопаты вверх, и, в последний момент перед тем, как услышать отборные ругательства, она увидела согнувшегося пополам Минаева, а уж потом, ровно через секунду, за которую ее мозг отобразил и узнал в неожиданно подкравшемся сзади человеке ее обожаемого шефа, заснеженный и широкий металлический ковш «поцеловался» с его капюшоном, а значит — и черепушечкой соответственно, что повлекло за собой грузное падение всей кожаной куртки и ее содержимого в ближайший сугроб.

— Твою мать, Зябликова, ты чего?!? Ф-ф-ф... — схватился за голову лежащий на снегу, повергнутый, так сказать, ниц Сергей, фыркая, пытаясь подняться и с каждой секундой становясь все более остервенелым, а от его бывшего благодушия не осталось и следа. — Ты всех, что ли, лопатой лупишь, кто к тебе помочь подходит? Ду-у-ура... — прошипел он, а Женька, замершая в ужасе, наконец, сообразила, что только что врезала своему начальнику, с которым пятнадцать минут назад почти вошла в нейтральную зону отношений, **ЛОПАТОЙ В ЖИВОТ И ПО ГОЛОВЕ!!!** Ну что за жизнь-то такая?!? Ладно бы один раз, так еще контрольным его в сугроб отправила...

Чувствуя, что сейчас захохочет, как маленькая лошадка, Женька поспешила вытаращить глаза и в невероятной панике заверещать:

— О...о, Сергей Викторович!!! Вы... вы в порядке??? О, Боже мой, о, Боже мой, это вас... лопатой... Простите, простите пожалуйста, больно??? Где болит??? Давайте помогу!!!

Женька налетела на Сергея сверху, воркуя, как курочка-наседка над злым цепным псом, и, схватив его за рукава куртки, попыталась помочь ему подняться, уперевшись ногами в сугроб и со всей силы потянув на себя, на что Сергей, будучи чертовски гордым и чертовски обозленным на свою идиотку секретаршу, очень предсказуемо запротестовал, морщась от боли:

— Да отстань ты, дурочка, сам встану! Идиотка, лопатой-то зачем машешь?? Так же и убить можно!!! Не лезь, глупая!! — и он попытался снять руки Женьки со своего пуховика, вполне даже резво поднимаясь самостоятельно, но, кажется, он не учел того, что Женя, предполагая, что будет поднимать восьмидесятикилограммового мужчину своими силами, использовала каблуки своих сапожек как рычаг, повиснув всем телом совершенно в другую сторону...

И когда Сергей гневно сорвал ее руки с себя, Женька вдруг услышала и даже немножко почувствовала какой-то треск в правом сапоге и, смешно махнув руками, словно птичка, забывшая, как летать, с криком «Ай!» шлепнулась на пятую точку, мягко приземлившись черным, с рыжим отблеском, грузом ровно под свою машину, вызвав вокруг себя снежный мини-буран.

Секунда ушла на то, чтобы сообразить, что она сейчас сидит на холодном снегу в задравшемся пуховике, тонком трикотажном платье и капроновых колготках, а от ее воздушного приземления снежный вихрь с земли поднялся в воздух и залетел, конечно, не куда-нибудь, а ровно ей за шиворот, после чего Женька, подняв глаза на Минаева, увидела вдруг, как в них мелькнула тревога, тут же сменившаяся раздражением (которого девушка мечтала больше не замечать в его взгляде на себе) и усталым вздохом:

— Женя!! Ну ты чего на ногах-то не держишься?!? Давай руку, дурища... — он протянул ей руку, хмуро глядя на нее сверху вниз, а Женя вдруг громко захохотала, не имея сил больше сдерживаться.

— Да... я... каблук... сломала!.. — хохоча, с трудом выговорила Женька, схватившись за крепкую ладонь Сергея и неуклюже пытаясь подняться.

— Как сломала? — недоуменно спросил Сергей, глядя на ее сапоги, когда смеющаяся Женя, наконец, более-менее обрела равновесие, но заметив, что девчонка продолжает хохотать, как ребенок, он махнул на нее рукой, нахмурившись. — Да прекрати ты уже и скажи внятно! Женя!! — требовательно тряхнул он ее, и Женька поспешила успокоиться.

Глубоко вдохнув и выдохнув, она подняла ногу, согнув ее в колене, и посмотрела на болтавшийся еще непонятно на чем бедненький каблук ее любимых сапожек, сокрушенно вздохнув:

— Обыкновенно, Сергей Викторович, взяла и сломала... Эх, почти новые сапоженьки были...

Она вдруг заметила, как серьезно Сергей посмотрел на нее с тем самым своим видом, который обычно говорил: «Базара — ноль, сейчас решим», и не ошиблась, услышав совершенно твердое и категоричное:

— Я куплю тебе такие же. Скажи, в каком магазине покупала, и размер.

Женька вытаращила на него глаза, так, что даже глазницы заболели, чуть совсем не потеряв дар речи от изумления: сам великий Сергей, господин Насмешливый взгляд и мистер «ты меня достала, как зеленый мигающий сигнал светофора», уже второй раз за день выступает в роли рыцаря и сейчас стоит, нетерпеливо хмурясь и недовольно, как всегда, глядя на нее, со своим заявлением, что купит ей сапоги! Сапоги!!! Батюшки святы, да что же это такое делается-то, а?? А если завтра начнется аномально резкое потепление нашей климатической зоны из-за его неожиданных решений?!? Боже-ш ты мой, Пресвятая Богородица... Женька тупо глянула на Минаева, в тайне ожидая, что он сейчас фыркнет и скажет, что это была шутка, затем, так же тупо — наверх, на звезды, предполагая, что сейчас над ней расцветет бриллиантовая, саркастичная улыбка, но ничего, конечно не увидев на черном, затянутом тучами небе, однако получив порцию ледяных снежинок на лицо, а после вернула глаза на своего шефа, внимательным, пытливым взглядом разглядывающего ее.

Изумление и шок достигли своего предела, и Женька снова захохотала, чувствуя, что таким вот образом ее нервное напряжение ищет пути выхода из тупиковой зоны.

— Смешная шутка, Сергей Викторович! Мне кажется, вы скорее меня уволите или даже сунете снова в этот сугроб вниз головой, чем купите мне даже ручку шариковую в киоске «Роспечати» за десять рублей, а уж сапоги!! — хохотала она, а Сергей, мгновенно разозлившись, грубо тряхнул ее за плечи, приводя в трезвое состояние, и яростно процедил:

— Да прекрати ты уже, Зябликова! За кого ты меня принимаешь вообще?!? За разбойника с большой дороги?!? Успокойся!!! — повелительно приказал он ей, и Женька пристыженно замолчала, однако, все же хихикая в кулак, но уже глядя на его гневное лицо более ясными глазами:

— Там романтики были. — тихо шепнула она, снова хихикнув, а Сергей опешил, удивленно подняв брови:

— Ты о чем, Женя? Снежный бред у тебя, что ли?? — буркнул он, а Женя, выдохнув и окончательно успокоившись, проговорила:

— Не разбойники, а романтики с большой дороги. В той песне. Сергей Викторович. — тут же обратилась она, предотвратив очередной крик. — Не нужно мне ничего покупать, я сама виновата, что полезла к вам, просто испугалась, что сильно вам лопатой саданула... — она стыдливо опустила глаза и вздохнула. — Вот и запаниковала. Ничего страшного, получу зарплату и куплю новые. — улыбнулась вдруг она, посмотрев пристально в серые глаза Сергея, изучающие ее лицо с какой-то странной, особой внимательностью, будто он пытался что-то найти, что-то, потерянное совсем недавно, в ее лице, в ее глазах... но не мог.

Женя тоже замерла, пытаясь угадать, насколько сильно он злится на нее и что еще чувствует, почему-то очень переживая, что он снова станет ненавидеть ее или насмехаться над ней...

Но странное дело: раздражение в его взгляде было, но... Женя чувствовала, что оно

относится не к ней, а к ситуации, в которой они оказались... А злость... Она тряхнула головой, приказав себе не надеяться лишнего, но вдруг сообразила, что опять видит в нем скорее героя, чем злодея: этакое жестокого, сильного и вполне самодостаточного мужчину... И сама она, обратившись к себе и прислушавшись к своим эмоциям, тоже не ощущала никакого, ставшего уже привычным, негатива по отношению к нему...

— Нет. Вообще-то, это я был виноват. Ладно. С этим разберемся. — нахмурился он и оглядел машину, засыпанную плотненьким белым слоем, из которого Женька своими усилиями смогла отковырять только бампер. — И кто так машину откапывает? До завтрашнего утра собиралась рыть?? Давай лопату, дурында. — со вздохом, требовательно приказал он, и Женька, привыкнув за два месяца к этому командному тону, послушно сунула ему в руку черенок и отошла подальше, наблюдая, как ловко и быстро он стал убирать снег перед автомобилем, расчищая девушке путь к спасению из снежного плена.

Женя внимательно смотрела на него, не желая отводить взгляда, а ее мозг как будто запечатлевал каждое его движение, каждое изменение его недурного, в общем-то, лица... Она вдруг заметила его физическую силу, его уверенность в каждом своем шаге, будто он сто тысяч раз проделывал процедуру расчистки чьей-нибудь бедненькой, маленькой машинки от толстого снежного покрывала, будто он всегда орудовал именно этой лопатой и знал, как именно и куда нужно направлять ее лезвие для пущего эффекта... Она следила за ним, понимая, что это все тот же Сергей, но... как будто другой... Узнав сегодня эту хорошую его сторону, она очень сильно возжелала познакомиться с ней получше, а также сделала для себя неожиданное открытие, что ее что-то невыносимо тянет к нему, хоть он и злой, хоть он и холоден, и вспыльчив, хоть он и не переносит ее, ненавидит ее кудряшки и веснушки, но все же...

— А вы... мне помочь подошли? — с любопытством, а может, просто желая что-то сказать ему, спросила Женя, переминаясь с ноги на ногу и держа руки в карманах, пытаясь отогреть замерзшие пальцы.

Сергей мельком глянул на нее и насмешливо ухмыльнулся:

— Нет, каблук тебе сломать. Да твои крики о помощи по всей парковке раздавались, что мне оставалось делать?

Через пару минут все было готово: перед машиной больше не лежал огромный снежный барс, закрывающий своей рыхлой спиной бампер, да и сам автомобильчик сверкал своей желтизной, потому что Минаев легко смахнул с нее наросты снега щеткой. Закинув лопату к ней в багажник, он подошел к Жене и проговорил, хмурясь:

— Все. Езжай домой. Вести машину сможешь? — он посмотрел на ее многострадальный сапог, а Женя, пребывая во власти странных, путающих ее разум и сердце, эмоций, легко улыбнулась:

— Да, у меня кеды где-то в машине валялись... Вожу с собой на всякий пожарный. Вот

и пригодились. — она пожалала плечами и снова внимательно заглянула в его суровые серые глаза. Она какое-то время постояла молча, сохраняя довольно длительный и очень неловкий, заставляющий Женю смущаться, непонятный зрительный контакт... Когда Сергей, чуть прищурившись, вдруг с ухмылкой проговорил:

— Что ты так смотришь? Боишься, что я сейчас возьму и закопаю твою машину обратно в сугроб, чтобы тебя помучить? Не волнуйся, мне это совсем неинтересно. — он как-то насмешливо приподнял брови, а Женя, ощутив, словно ей в грудь кто-то набросал тяжелую, железную арматуру, снова улыбнулась и очень осторожно проговорила, выдохнув:

— Я хотела сказать вам спасибо... За то, что очистили мою «пташку»... И за то, что сегодня вступились за меня там, в офисе... И извините за удары лопатой... Я не специально.

Сергей пожал плечами.

— Я вступился не за тебя, а за то, чтобы Лена с Викторией перестали заниматься ерундой, которая вредит не только тебе, а мне, в первую очередь, и производственному процессу. А насчет машины — пожалуйста. Ты бы тут полночи одна ковырялась. Но это — первый и последний раз, Зябликова. Ты мне одни неприятности приносишь.

Женька обиженно опустила глаза, вдруг с неописуемым разочарованием осознав, что приняла все Сергеевы эгоистичные порывы обезопасить себя и не забыть при этом подчеркнуть, что ему до нее и дела нет, за приступы благородства и ужасно рассердилась, сначала на себя за свою наивность и мечты о том, что он изменит к ней отношение, а после уж и на него, за то, что все испортил, снова поведя себя, как тупой индюк, которому кроме собственной персоны ничего не интересно и который так вовремя напомнил ей, разомлевшей от пары доброжелательных выпадов в свой адрес, как он на самом деле к ней относится: по-прежнему презрительно, насмешливо, брезгливо...

— Можно подумать, вы мне прогулки по Беловежской пуце устраиваете. — тихо буркнула Женька, от злости чаще дыша, а Сергей вдруг ухмыльнулся и, сунув руку в карман, достал оттуда какой-то розовый листок.

— Ты сама согласилась на меня работать. Я тебя предупреждал. — с безразличной ухмылкой проговорил он и, подняв ладонь Жени, к ее огромному удивлению вложил ей розовый листок и, внимательно посмотрев на нее пристальным, насмешливым взглядом сказал:

— Кстати, на, держи. Выпало из папки «Срочное», но я все равно подписал.

Женя недоуменно развернула лист и к своему ужасу и невероятному стыду увидела свою, нарисованную ее рукой, карикатуру на Сергея, которую она как-то накалякала в порыве очередной обиды и злости на него за шумный, уничижительный разнос, который он ей устроил, и жутко покраснела, увидев под косоглазым и рогатым псом размашистую, уже хорошо знакомую подпись с закорючками, напоминавшими буквы С, М, И, Н.

Сергей вдруг улыбнулся, следя за ее реакцией, а Женька, прикрыв рот рукой и растеряв все подходящие слова, чтобы как-то объяснить свое художество, лишь виновато посмотрела на него расширенными фиалковыми глазами и тихо выдавила из себя:

— Не стоило, Сергей Викторович, портрет не очень удачный...

Сергей ухмыльнулся:

— Ну да. Козлиной бороды не хватает. Ну ничего, в следующий раз дорисуешь, да, Евгения? Тогда уже в рамочке над кофемашиной вешать будем. Рядом с папочкиным фото. — он снова улыбнулся, увидев сумасшедшее замешательство в лице Жени, которая сейчас не могла понять, сердится он за этот рисунок на нее или просто так шутит, а ее начальник, тем временем, не стал ждать, когда она наговорится в уме с собственными мыслями, и, развернувшись, уверенной и развязной походкой двинулся прочь, пренебрежительно бросив через плечо:

— До завтра, Женя. — и его спина затерялась в горах сугробов, бывших ранее чьими-то средствами передвижения.

Глава 9. «Плюс»

Декабрь, декабрь... Морозный, иногда солнечный, иногда угрюмый, воющий непроглядной метелью за окном, но такой радостный, такой сказочный для всех детишек и даже для взрослых, которые, в предвкушении Нового года, сразу после работы садятся в свои автомобили или в холодный, с тусклым, электрическим освещением, узорами на окнах и следами от чьих-то сонных лбов общественный транспорт, спешат не по ячейкам общества, а в шумный, освещенный множеством новогодних гирлянд и неизменной трехэтажной елкой до потолка около какого-нибудь каскадного фонтана торговый центр, чтобы устало сновать по магазинам и со вздохом покупать друзьям, родным и близким какую-нибудь ненужную ерунду за большие деньги.

В отличие от Полины, которая, как и все ее друзья и подружки со школы, находилась в эйфории от предстоящих праздников и каникул, развесив бумажную мишуру по всей их с Женей спальне и наклеив на окно аккуратно вырезанные снежинки из цветной фольги, закрывающие обзор почти в половину того, что было раньше, Женя совершенно не думала о Новом годе, потому что бегодня по магазинам с бешено вытаращенными глазами и жгучим желанием купить какую-нибудь дребедень и поскорее свалить из этого гудящего муравейника, слепящего разноцветными фонарями, изображениями елки и Деда Мороза с каждой витрины и понатыканных во всех щелях елочных игрушек, вызывала у нее легкую панику, если не сказать самый страшный кошмар.

Просто-напросто у Жени, помимо Нового года, существовала еще сессия, которая выворачивала ей все мозги наизнанку и отбирала из положенных семи часов сна, как минимум, пять, поэтому она практически до двадцатых чисел декабря находилась в крепком захвате своих предметов по юриспруденции, не замечая никого и ничего вокруг, а на работе непрестанно просила Светку подменить ее, потому как у той, в отличие от бедной Женьки, сессия была в январе, и она, довольная и счастливая, плывущая в мареве Новогодомании, развесившая на кофемашину синюю, пушистую мишуру и украсившая рабочий стол на их общем компьютере вечно мигающей елочкой, тоже находилась в бодром и очень даже сказочно-наивном расположении духа, все время улыбаясь и заигрывая со всеми подряд, даже с самим «мистером улыбкой» Минаевым, который хоть и подраслабился после собрания акционеров, но тише орать от этого не научился.

Почти забыв о том, что такое работа, упорно сдавая отчет за отчетом, Жене совсем некогда было следить за развитием их с Сергеем взаимоотношений, потому что, во-первых, виделась она с ним крайне редко, практически раз в неделю, а во-вторых, мысли о нем совершенно сбивали ее с рабочего лада, когда она пыталась проанализировать оттепель между ними...

Которая определенно была.

Женя чувствовала это, чувствовала, когда приходила на работу и замечала его совершенно нормальный, не раздраженный, не насмешливый, не презрительный взгляд на себе, а также, она не могла не подчеркнуть тот факт, что их зрительные контакты стали дольше и более... комфортными, что ли? Она не могла это объяснить, но знала одно: ей

теперь ужасно нравилось ходить на работу, ей ужасно любопытно было узнать, что же он теперь, после всего, о ней думает, ужасно хотелось снова поймать на себе этот сильный, холодный и своенравный взгляд серых глаз... Только она пока не могла понять, зачем. И кое-что в ней изменилось... К своему ужасу, она совсем перестала раздражаться на его резкие замечания или импульсивную брань в свой адрес, а все больше и больше видела в нем героя, чем злодея... И это сбивало ее с толку, смущало и немного пугало.

Но, к большой ее радости, почти весь декабрь она не виделась с Сергеем, а значит, и не думать о нем ей удавалось с большей легкостью.

После успешного завершения зачетной недели и сдачи четырех экзаменов, Женя успела лишь выдохнуть, поскольку впереди ее ждали еще несколько знаменательных событий, требующих ее всецелого погружения, а именно: день рождения Полины, который выпадал на 24 декабря, и корпоратив на работе, который, по веселому и беспечному заявлению Светки, организуют всегда секретари («И это на каждой фирме так!»), и который должен был случиться 29 декабря, из чего следует вывод, что на покупку подарков к Новому году у Жени оставался один-единственный длинный и тяжелый день.

Ко дню рождения Поли каждый год готовились всей семьей, включая почти члена семьи Игорька, без которого девочка не представляла себе праздника, и с особой тщательностью: Женя всегда стремилась создать для Поли самый идеальный, самый незабываемый день рождения, ибо у девчушки, запертой в тюрьму постоянно рецидивирующей болезни, радостные дни в каждом, прожитом ею с боем году, можно было по пальцам пересчитать.

В этот раз, на свое одиннадцатилетие, Поля, которой Женька щедро разрешила заказывать все, что пожелает, попросила велосипед. Зимой, конечно, он ей был нужен, как слону — качели, но подобные вещи дети непременно хотят получить именно в день рождения, поэтому декабрьская Полина Зябликова не стала исключением.

Ей нужен был не обычный велик, на которых гоняют мальчишки во дворе, а тот, что она видела в рекламе своего любимого мультика про лошадку Джулию, у которой была прелестная, густая, темно-зеленая грива, меняющая цвет подобно хамелеону на любой другой, золотые копыта и темно-серое, «в яблоках» тельце.

Поля и ее подружки обожали этот мультик, активно обсуждали приключения этой самой Джулии, покупали тетрадки, закладки и наклейки с ее изображением и обменивались ими друг с другом, чтобы ни у кого, не дай Бог, не попало ни одной пары одинаковых наклеек.

Так вот, велосипед этот имел гордое изображение Джулии, улыбающейся во весь лошадиный рот и тридцать шесть зубов на руле, а главное — цвет-хамелеон, переливающийся на свету от темно-бирюзового до светло-розового, поэтому в обычном магазине такого было не сыскать...

Зато в рекламе, где говорилось, что это распрекрасное транспортное средство достанется тому, кто вышлет все, заполненные наклейками, альбомы из серии «Лошадка Джулия и ее друзья» по указанному адресу и примет участие в розыгрыше этого фантастического велосипеда, был еще мелким шрифтом указан и номер телефона, по которому обращаться за подробной информацией.

Полина мечтала об этом велике день и ночь, собирала наклейки, терроризировала родителей и Женьку все новыми и новыми просьбами купить ей очередной журнал, но Женя прекрасно понимала, что заполнить за время акции, которая заканчивалась сразу с

окончанием новогодних каникул, десять альбомов, на сто пятьдесят наклеек каждый, и успеть выслать их по почте на указанный адрес до окончания акции абсолютно нереально...

Поэтому они с Игорем и родителями объединились в коалицию и, позвонив по тому самому номеру для информации, принялись методично подбивать клинья к кому-нибудь, кто сможет им этот самый велосипед продать.

Долгие переговоры, уговоры, приговоры, заговоры, наговоры, отговоры и умоляющие крики все же привели Женю к тому человеку, который согласился продать им этот велосипед за пятнадцать тысяч рублей, но забирать велик он лениво предложил прямо со склада, где подобный трофей был в единственном экземпляре.

От радости, что все так хорошо сложилось, Женя была согласна на что угодно, даже на разобранный по гаечкам хлам, из которого, путем долгой и кропотливой работы можно было сваять тот самый, единственный и неповторимый велосипед — детскую мечту одиннадцатилетней девочки, поэтому она без колебаний согласилась на самовывоз, предупредив угрюмого Игорька, что на другой конец города за великом поедет именно он.

Двадцать четвертое число очень удачно совпало с субботой, что тоже было весьма на руку и Жене, и Игорю, и, в первую очередь, родителям девочек, у которых как-то по велению судьбы в плавающих графиках тоже образовались выходные именно в этот великий для семьи Зябликовых день. Погодка выдалась пасмурной, но достаточно теплой для зимы и конца декабря — всего минус три градуса, по вине чего на дорогах образовался гололед, что неизменно превратилось в многочисленные пробки по всему городу.

Родители Жени и Поли сняли очень популярное в их городке кафе-мороженое под названием «Крем-брюле», где и проходило празднество с участием почти всего класса Полины, специально приглашенного клоуна с музыкальным сопровождением и целого огромного стола с разными вкусностями, слава Богу, имеющими в своем ассортименте множество салатов и несколько видов горячего, а не только мороженое.

День рождения Поли был в самом разгаре: именинница носилась по залу в пышном, золотистом платье с невероятной, накрученной накануне вечером на мелкие бигуди, а сегодня волшебной кудрявой прической, сделавшей ее похожей на свою рыжеволосую сестру (что Поле очень даже импонировало, поэтому она не дала даже аккуратно заколоть часть волос на затылке), а за ней по залу носился какой-то мужик в костюме клоуна с микрофоном, определяя цель движения детей по залу с помощью своих задач и веселых игр, а уж за этими двумя скакали мальчишки и девчонки, тоже нарядные, тоже при прическах и туфельках, либо при костюмах и галстуках.

В зале царил полнейший разгром: крики и смех детей перекрывали даже усиленный микрофоном голос клоуна и уж тем более — раздающуюся из динамиков музыку, а Женька, вместе с мамой и папой, сидела за столом, заставленным тарелками детей с остатками еды, начатыми блюдами и бесконечными графинами с компотом.

Дарья Федоровна с улыбкой, но и тревогой прижимая к себе с левой стороны пакет с таблетками и ингалятором — неизменными спутниками любых походов Поли за пределы квартиры, наблюдала за дочерью, параллельно жуя куриный шашлычок и периодически вздыхая. По случаю торжества, она тоже была нарядно одета в черное, закрытое платье, расшитое красивыми камнями в зоне декольте и сидящее на ней с особой аккуратностью и изяществом, скрывая недостатки полноватой фигуры и хорошо сочетаясь с короткой, курчавой стрижкой огненно-рыжих волос.

— Что-то мне неспокойно, Женя. — выдохнула нервно мама, взволнованно посмотрев

на дочь. — Пойди, скажи Поле, чтобы так сильно не бегала.

— Она не инвалид, Даша. — раздалось со стороны мешка с таблетками громогласное и строгое высказывание, и Женя со вздохом посмотрела на отца, который тоже, в честь дня рождения младшей дочери натянул на свою широкоплечую и грозную фигуру бежевую клетчатую рубашку, черные брюки и хоть и не новые, но тщательно начищенные ботинки, а сейчас сидел с самым своим любимым угрюмым видом, налив себе стопку невесть откуда взявшейся на детском празднике водки и закусывая ее бутербродами со стола.

Девушка знала об этом их вечном споре, который горел и горел с самого детства Поли, с того момента, когда у нее обнаружилась тяжелая форма бронхиальной астмы. Мама, узнав о болезни дочери, взялась полностью и категорично защищать ее от всех потенциальных возможностей спровоцировать приступы: это она убрала с окон все шторы, раздарила детские мягкие игрушки Жени знакомым, заменила мебель и одеяла на те, что были выполнены из гипоаллергенного волокна и не подпускала близко к их квартире цветы или домашних животных, каждый день стараясь выполнять влажную уборку. Именно мама приносила в школу Полины справки о ее состоянии здоровья и получала дочери освобождение от физкультуры, она запрещала ей много бегать и долго гулять на улице...

А у папы была иная точка зрения. Он считал, что легкие Полины нужно укрепить и развить, тогда и болезнь сама уйдет. А как развить легкие без беготни с друзьями и физкультуры?? Эдуард Петрович рьяно отстаивал права дочери на активную жизнь и всеми силами заставлял посещать нелюбимую физкультуру, хоть как-то сдавать нормативы и вообще — стараться жить жизнью обычного ребенка... Глядишь, и болезнь отступит.

— У нее может случиться приступ, Эдик. — сердито заявила мама, хмуро посмотрев на мужа, но тот, как обычно, уступать не собирался:

— Так если случится — ты тут как тут со своим чемоданом лекарств! Нет, пусть лучше Поля сидит одна за столом и смотрит, как развлекаются ее друзья, так, что ли?

— Эдик... — начала было мама, но Женя успокаивающе положила ладонь ей на плечо:

— Мам, не беспокойся. Я сейчас пойду к ней и попрошу беречь себя, все будет хорошо! Не ссорьтесь, ладно?

Дарья Федоровна снова тревожно вздохнула, но улыбнулась:

— Молодец, Женя, сходи. Скажи ей, чтоб поспокойней там прыгала.

— Или возвращалась в свою теплицу. — ворчливо буркнул отец, опрокинув очередную стопку и быстро сунув в рот канапе, но Женя только успокаивающе сжала мамину руку и встала из-за стола.

На ней сегодня тоже было платье, темно-фиолетовое, в тон глазам, с овальным вырезом от плеча до плеча, но закрытой зоной груди и спины, зато изящно и легко облегающее ее фигуру и заканчивающееся чуть ниже колена, черные замшевые туфли на высоком каблуке и аккуратный макияж, подчеркнувший пушистые ресницы, необычные глаза и блестящие, темно-малиновые губы, что все вместе с лихвой компенсировало полное отсутствие прически — темно-красный ореол вокруг головы Женьке был по-прежнему неподвластен.

Когда клоун с одышкой принялся объяснять детям очередное задание, Женя тихонько, за руку вывела счастливую и раскрасневшуюся Полину из круга, сомкнувшегося вокруг тщательно загримированного мужика, и, посмотрев в ее сияющие искренним, детским восторгом карие глаза, тихонько спросила:

— Поля, как ты себя чувствуешь? Дышать не трудно?

Полина заулыбалась и помотала головой, нетерпеливо оглядываясь на клоуна:

— Нет, все нормально, Женька! Так весело!!! — засмеялась она, и Женя тоже радостно улыbnулась:

— Ну вот и хорошо, Полечка, только бегай потише, если почувствуешь себя неважно — сразу к нам, поняла?

Поля согласно закивала, а потом дернула Женю за ладонь и заговорщически спросила:

— Жень, а, Жень! А когда подарок будет?

Женя усмехнулась: Полина дожидаться не могла своего велосипеда, чтобы похвалиться перед друзьями, аж вся горела от нетерпения. Мельком глянув на часы, Женя подмигнула девочке и подтолкнула ее обратно в круг:

— Вечером. В шесть часов, как обычно, Поль. Ты же знаешь традицию! Все, беги.

И Женя вернулась обратно к родителям, которые, кажется, уже помирились, потому что что-то обсуждали и смеялись.

Время подходило к двум часам дня, поэтому Женя немного взволнованно поглядывала в окно: Игорь с подарком должен был вот-вот вернуться...

На противоположной стороне дороги от кафе, в котором проходило празднество, располагался автосалон, около которого была организована довольно обширная парковка.

Бросив очередной напряженный взгляд в окно, Женя с облегчением улыbnулась, увидев подъезжающую на одно из немногих свободных на той стороне мест машину Сторожева.

Вскочив на ноги, Женька радостно воскликнула родителям:

— Мам, пап, я сейчас! — и быстрым шагом вышла из зала, направившись к выходу из кафе, чтобы встретить Игорька с велосипедом.

Задержавшись в фойе с биркой в руках, ожидая, когда вернется отошедшая куда-то (лишь бы не в мир иной) старушонка-гардеробщица, Женя обернулась и посмотрела через стеклянные входные двери на улицу, на дорогу, которую, в темно-синем пуховике с капюшоном-аляской, накинутым на темноволосую голову, черных брюках и зимних ботинках переходил Игорек собственной персоной, неся в руках тот самый, великолепный, новенький, переливающийся всеми оттенками цветов, потрясающий велосипед, подвязанный спереди большим розовым бантом.

Женя радостно улыbnулась, предвкушая лицо Полины, когда она его увидит, глядя на неспешно шагающего через проезжую часть друга... как вдруг произошло ЭТО,

Кое-что страшное.

Со стороны автосалона, левее Игоря, находился выезд. Пока Сторожев тащился через дорогу, как черепашка, с очень нелегким и очень ценным грузом, проезжая часть и выезд были пусты...

Но ровно в тот момент, когда Игорек оказался на самой середине дороги, на выезде из автосалона показался автомобиль.

Женя даже представить себе этого не могла... Она просто улыбалась, сжимая в руках бирку и мечтая скорее встретиться с другом...

Как в одно мгновение темно-синий внедорожник, на не очень большой, но все-таки существенной для нежных, человеческих косточек скорости налетел прямо на бедного, ничего не подозревавшего Игоря, отбросив его на проезжую часть, как тряпичную куклу, и с визгом затормозив около его беспомощного тела...

Секунда. Шок. Ужас. Женька закрыла рот руками, чувствуя, что крик застрял где-то в горле, а легкие, как и все остальное тело, словно задеревенели... Воздух будто загустел, а секундная стрелка остановилась... Щелчок... Удар сердечной мышцы... Стенки желудка

что-то простонали с болью... И все включилось: Женя громко закричала, а затем, чувствуя, как тошнота подкатывает к горлу и как руки и ноги стали ледяными и непослушными, словно чужими, ринулась в гардероб и, схватив первую попавшуюся куртку, оказавшуюся курткой ее папы, но Женя и внимания не обратила, она стрелой вылетела на морозную для туфель и капроновых колготок улицу, на ходу накидывая куртку на плечи и не замечая ничего вокруг, гонимая лишь бешеным страхом за друга и медленными и вязкими ударами собственного, раздувшегося в груди сердца.

*** «Минус»

Выходные Сергея обещали быть более тривиальными, чем Женины. Он только что вышел из сервисного центра своего автосалона, где ему, точнее — его «Экстрейлу», проводили плановую замену масла и тормозных колодок.

Усевшись в свой обновленный «Ниссан», Сережа достал из кармана телефон, поскольку тот надрывно трещал уже более получаса, добиваясь все-таки того, чтобы хозяин, наконец, соизволил взять трубку. Посмотрев на экран, Сергей нахмурился и, обреченно вздохнув, ответил на звонок:

— Да, пап.

— Наконец-то! — громыхнуло раздраженное в трубке, и Сергей моментально представил себе своего хмурого, седовласого отца, почесывающего гладко выбритый подбородок и глядящего темно-кариими глазами в монитор своего ноутбука, на котором он работал и дома, и в офисе, и в машине, и в субботу, и в воскресенье, и в праздники, и в отпуске... ну и так далее. — Сергей, я полчаса тебе дозваниваюсь, что за наглость, сын!! Что с тобой?! Судебные приставы опечатали твой кабинет, а тебя выгнать забыли, и ты остался один-одинешенек, без единого доступного средства связи с внешним миром???

Хо-хо. Папочка шутит, потому что он, как всегда, чертовски зол на то, что Сергей заставил Его величество подождать, да как же он посмел-то, ирод неблагодарный?!?

— Отец, я был занят. — жестко отрезал Сергей, заводя мотор. — Что ты хотел мне сказать?

— «Занят»... — передразнил его гневным тоном Виктор Петрович и тут же принялся чеканить:

— Ты уже проверил отчеты по производственным мощностям за этот месяц? Там все должно быть в порядке. Новые станки уже опробовали? Что говорят рабочие? Есть экономия времени? Сергей, станки должны окупиться, иначе выставим их на продажу к чертовой матери, зачем они нам, если эффективность производства сохранится на прежнем уровне?? А что там с новыми тензопреобразователями? Разработчики уже отчитались о результатах?? Нужно как можно скорее запускать их в продажу: у «Пластматика» продукция куда совершеннее нашей, хоть и дороже! Мы должны обойти их, сын, мы не можем...

Зажав телефон плечом, Сергей вполуха слушал автоматную очередь отцовских вопросов, требований и ответов, пропуская большую часть из всего, им сказанного, мимо своего сознания и хмуро вырulingивая на выезд с площадки перед автосалоном.

— Отец, отец, давай так — я сейчас приеду на работу, и мы по пунктам все обговорим, зачем ты сейчас-то мне это все на голову сыплешь? — недовольно, но строго выдал Сергей, прервав отца в самой середине его бурлящей, как отходы по широкой, водосточной трубе, речи, и услышал в ответ ожидаемое:

— Не смей мне указывать, Сергей, когда и где мне говорить тебе, что делать! Ты мой

сын, и я доверил тебе в руки свое детище, свою компанию, которую с нуля, из грязи поднимал вот этими самыми...

Дальше Сережа не слышал, к счастью, чем там орудовал его нежный папочка, вытаскивая из нечистот бедный «Черный полюс», потому что в тот момент, когда он выехал на главную улицу, телефон благополучно выскользнул из захвата плечом и нырнул куда-то Сереже под ноги, продолжая снизу вещать механическим, но безошибочно узнаваемым гневным голосом Виктора Петровича.

— Твою мать. — выругался Сергей и, быстро посмотрев на дорогу, поленившись притормозить у обочины как все добропорядочные автолюбители, и не увидев в ближайшем окружении ни одного человека или машины, а потому не останавливаясь, на ходу нырнул под панель своего авто в поисках верещавшего противным тоном мобильника.

Ну конечно, Сергей никак не мог предположить, что именно здесь, на этом самом месте, в кафе-мороженом «Крем-брюле» шел детский праздник, посвященный маленькой сестренке Жени Зябликовой Полине, и звезды на небосклоне сойдутся таким образом, что именно в тот миг, когда Сергей наклонится под руль в поисках телефона, на дорогу, откуда ни возьмись, выскочит беспечный Игорек с довольно большим, но таким единственным и уникальным в своем роде велосипедом подмышкой, украшенным довольно лошадиной мордой Джулии на руле...

В этот самый момент, в этот момент Сергей почувствовал резкий удар, будто его машина врезалась во что-то, и, больно ударившись затылком об руль, он быстро и встревоженно выпрямился, изо всех сил, не мешкая, даванув на тормоз.

«Ниссан» с визгом остановился, а Сергей, не веря своим глазам и чувствуя, как ужас быстро заполняет каждую клеточку его тела, увидел распростертого на грязной, подтаявшей дороге парня, лежащего в позе морской звезды, на которую случайно уселся кит, раскинувшего руки и не двигавшегося.

Охваченный паникой и страхом, Сережа выскочил из машины и подбежал к лежащему парню, которого он, судя по всему, только что сбил.

Парень лежал с открытым ртом и таращился выпученными, немигающими глазами в серое декабрьское небо, продолжая делать вид, будто он, кажется, умер.

Сергей присел около него на корточки и, схватив его за шиворот, легонько потрянул, заглядывая ему в лицо:

— Парень, эй, парень! — тревожно позвал он его, молясь, чтобы тот оказался, все-таки, цел. — Ты... ты живой? Эй! Ты меня слышишь?? Парень!

Сергей еще раз, более нетерпеливо, потрянул его, и наш бедный Игорек (а это, конечно, был именно он), вдруг моргнул и закрыл рот, тут же закашлявшись и попытавшись подняться, но резко застонав.

Сергей растревожился еще больше, помогая парню сесть и придерживая его руками за плечи на тот случай, если он вдруг опять упадет.

— Ты цел?? Эй, прости, я тебя не видел, откуда ты вообще на дороге взялся??? Чего по сторонам не смотришь?!? — возмутился тут же Минаев, начиная злиться на беспечного пешехода, а парень скинул капюшон с головы, обнажив темно-русую, длинноватую для представителя мужского пола, шевелюру, и, потирая ушибленную ногу и руку, гневно посмотрел на него через очки своими яркими, голубыми глазами, и тоже нервно закричал:

— А вы-то куда смотрели?!? Вы же чуть насмерть меня не задавили, кретин вы этакий!! Права-то купили, что ли?? Да пустите, я сам встану... — смахнул он руки Сергея с плеч, а

Минаев вдруг нахмурился и внимательно уставился на него, глядя в его лицо и, кажется, что-то припоминая... Этот возмущенный тон... Очки... Мешковатая, недорогая одежда...

— Пстой-ка. — грозно приказал он Игорю, и тот, вдруг снова обиженно и обозленно посмотрев на него, резко притих, тоже всмотревшись в его лицо. — Кажется, я тебя уже где-то...

— Вы!!! — воскликнул он, резко побледнев и как-то заозиравшись, но недоумению Сергея ровно через полсекунды пришел конец, когда на них налетело встревоженное, рыжеволосое создание в огромной, мужской куртке и летних (ну, может, не летних, но точно не зимних) замшевых туфлях на высоченной шпильке и, рухнув около Игоря на колени, Женя (кто же еще?) громко и испуганно затрещала:

— Игорь, Игорь, Игореша, Господи, ты жив??? Ты цел?? Где болит? Ничего не сломано?!? Идти сможешь, Игоречек?!? Игорь, говори же, ну!!! — вцепилась она в плечи Игоря и, то обнимая его, все еще в каком-то то ли гнеше, то ли испуге глядящего на Сергея, то отстраняя и разглядывая в приступе неконтролируемого ужаса, продолжая верещать обращения и к Богу, и к дьяволу в одних и тех же предложениях, после чего Женя вдруг гневно развернулась и, собираясь обрушиться ледяным дождем, на одном дыхании начала:

— У вас что, глаза на затылке?!? Вы куда...

Она осеклась. Узнала. Ее рот широко открылся, а глаза расширились, скользнув сначала по модным, дорогим черным кроссовкам, затем джинсам, затем черной футболке и, наконец, расстегнутой тонкой, синтепоновой куртке темно-синего цвета, которую Сергей предпочитал надевать для поездок в машине, и в завершении процесса сопоставления его сегодняшнего образа с образом того Сергея, которого она привыкла видеть на работе, ее странные, фиолетового оттенка глаза остановились на его серых, так и замерев в невероятном удивлении:

— Сергей... Викторович?!?... — с трудом, тихо выдохнула она, отчего-то взволновавшись...

А Сергей ее сразу узнал. Еще до того, как она со всей тревогой этого мира подлетела к своему другу, упав на колени, обтянутые лишь тонкими колготками, прямо в холодную, снежную грязь... Отчего-то он не мог отвести от нее взгляда, внимательно всматриваясь в ее рыжие кудряшки, тщательно запудренные веснушки, аккуратный носик и длинные, пушистые ресницы — это случилось с ним уже не в первый раз... Последние три недели Женя приходила на работу всего от силы раза четыре, но каждый раз, с тех самых пор, как она ударила его лопатой на парковке и фактически спасла собрание акционеров, которое чуть было не сорвалось по вине идиотки Вики и ее дурацкого плана выдворения его секретарши за пределы завода, каждый раз он вдруг стал ощущать что-то непонятное внутри себя, что его очень и очень злило.

И сейчас это чувство захватило его, когда Сережа внимательно смотрел в расширенные и точно, определенно взволнованные глаза Жени Зябликовой, той самой, которую он ненавидел за то, что пыталась унижить его, за то, что была рыжей, как старый медный таз, за то, что вечно возникала у него на пути, как сейчас, принося ему ворох проблем со своей ненавистной внешностью и настырным характером... И сейчас он вдруг понял, что означает его ощущение. Как будто какая-то пустота в сердце вдруг заполнилась ее появлением, как будто ему не хватало этой странной девчонки, ведущей себя то как деловая женщина, то как маленькая девочка, как будто без нее ему чего-то недоставало все эти дни...

Сергей нахмурился и резко вышел из себя, разозлившись на собственную глупость. Что это с ним? Рехнулся? Заболел? Сошел с ума??? Это же Женя Зябликова, забыл?? Женя Зябликова. Женя... Зябликова... Женя...

— Женя?!? — раздраженно воскликнул он, проклиная себя за свои непонятные, приводящие его в замешательство эмоции.

Женя первой вышла из ступора, созданного их зрительным контактом, и, судя по всему, заметив раздражение Сергея, но приняв его в свой адрес, резко нахмурилась и перешла в наступление, бросая ему очередной вызов:

— Сергей Викторович!!! Вы откуда здесь?!? Вы зачем на Игоря моего наехали?? Так ведь и убить можно! Куда смотрели-то??? Игорь, Игорь, скажи мне что-нибудь, а? — тут же с невероятной заботой и мольбой в голосе проговорила она, переключившись с гневных выпадов на заботливое воркование, а Сергей, отчего-то еще больше взвинтившись, воскликнул:

— Я что, по-твоему, специально? Зябликова, ты сама-то что здесь делаешь со «своим» Игорем???

— Да мы день рождения моей сестренки Поли справляем вон, в кафе! — сердито махнула рукой Женя в сторону кафе-мороженого и потянула Игоря за руку, помогая встать. — Игорь, Игорь...

— Не части, Зябликова, не части! — успокоил ее Игорек, медленно, со стоном и вздохом поднимаясь на ноги и хмуро уставившись на Сергея. — Твой босс, видимо, не успокоится, пока не увидит мои внутренности. — буркнул он, а затем посмотрел на Женю, взяв ее за плечи:

— Нормально все, Женька, не волнуйся, слышишь? Не волнуйся! Жить буду, ничего не сломано, вроде... — он пощупал ушибленную руку и поморщился. — Ай! До свадьбы заживет...

— Садись в машину. Поедем в больницу. — скомандовал строго Сергей, а Игорь фыркнул, боязливо покосившись на него:

— Раскомандовался. Я вам не ваш подчиненный, чтобы вы мне приказы отдавали! Вот еще! Поеду я с вами, как же! Делать мне больше нечего... Ф-ф-ф... ай! — поморщился он, нащупав болезненную точку на ноге, а Сергей нахмурился, насмешливо проговорив:

— Поговорю я с тобой через пару лет, когда ты, одорукий и одноногий, будешь грустить у своего подъезда на лавочке, жалея, что не поехал тогда со мной в больницу. — язвительно напроорочил ему Сергей, ухмыльнувшись, и снова зачем-то уставился на Женю, не в силах оторвать от нее глаз, разглядывая ее тревожное лицо, нервно закушенную губку и то, как она крутится вокруг своего друга, внимательно разглядывая его после ДТП. — Садись, еще раз повторяю! Я тебя отвезу в лучшую клинику, проведем все необходимые обследования, УЗИ там, рентген всякий, ну и так далее... Давай, давай, парень, не бойся, ничего я тебе не сделаю. — хмуро закончил он, а Игорь возмущенно посмотрел на него, взлетев на крыльях восставшего из пепла мужского достоинства:

— Да не боюсь я вас, мне просто на день рождения спешить надо, подарок пода...

Он осекся, только сейчас вспомнив о велосипеде, который, послужив в роли спасительного щита, вставшего между Игорем и бампером «Ниссана», к великому ужасу и Игоря, и Жени, валялся метрах в трех впереди них прямо на проезжей части, печально вырисовываясь на грязном, снежном месиве изогнутой под неправильным углом рамой, помятым колесом и скрученным в обратную сторону рулем, однако, весело при этом отливая

розовым оттенком.

Сергей хмуро констатировал про себя невероятный ужас в лице Жени, когда она увидела то, что стало с ее подарком, а через секунду около него гулял только морозный ветерок, потому что и Игорь, и Женя уже сидели на корточках около пострадавшего велосипеда, с безграничным отчаянием разглядывая повреждения.

Настроение Сережи упало ниже самого низкого плинтуса, когда он заметил панику и глубокую печаль во взгляде Жени, и, ощущая какое-то мерзкое, противное, ноющее внутри него чувство, очень похожее на угрызения совести от того, что именно его беспечность стала причиной всего, что произошло и того, что девочка, судя по всему, маленькая, не получит свой подарок на день рождения...

А хуже всего было то, что это его вредительство отнеслось именно к ней, к Жене Зябликовой... Почему-то он так не хотел снова выглядеть мерзавцем в ее глазах!.. Черт, приехали, теперь ему важно, что она о нем думает...

Снова разозлившись на себя, Сергей хмуро подошел к ним и тоже принялся разглядывать велосипед, как вдруг он услышал фразу Игоря, заставившую его замереть и почувствовать укол в самое сердце:

— Жень... Эй, Женька... Ну не надо, не плачь! Мы что-нибудь придумаем, слышишь?? Жень, не плачь пожалуйста! — тихо и успокаивающе проговорил Сторожев, осторожно взяв подругу за руку, и Сергей, услышав эти слова, резко посмотрел на Женю расширенными глазами.

Проклятье. И правда плачет! Неужели этот детский велик настолько был важен для нее??? Он нахмурился, а Женя, по щеке которой скатилось несколько слезинок, даже не смотрела на Сергея, отчаянно глядя на Игоря и вцепившись ему в руку, испуганными и растерянными глазами впиваясь в его лицо.

— Игорь! Ну что мы придумаем??? Он же был один такой! Что мы теперь Полюшке подарим?!? Она его так ждала... Я так хотела, чтобы она почувствовала себя самой счастливой, так хотела, чтобы она улыбалась! — Женя шмыгнула носом и опустила глаза в землю, смахивая слезы, бегущие тонкими, блестящими дорожками по ее щекам, приводящие Сергея в какое-то чертово неистовство от злости на себя, от отвратительного чувства на душе, которое описывают хорошим фразеологизмом «кошки скребут», а Игорь тихо проговорил:

— Я знаю, Жень, я знаю! Давай... Ну давай, я быстренько съезжу и куплю Поле тот кукольный дом, который она тоже очень хотела? Давай? А велосипед... Постараемся достать к Новому году, ладно?

— Но... но ведь она... — всхлипнула Женя, как в этот момент Сергей взял себя в руки и, вернув себе обычное, собранное состояние уверенности и решительности, он стремительно наклонился и, схватив Женю за плечи, в считанные секунды поставил на ноги, заставив посмотреть на себя.

Женя замерла, уставившись в его серые глаза с чувством глубокой потери, растерянности, подавленности, и снова всхлипнув. Сергей внимательно смотрел на нее, поражаясь тому, куда подевалось его раздражение по поводу ее веснушек или кудряшек рыжего цвета и по поводу ее самой, вопросительно уставившейся на него удивительными сиреневыми глазами, под которыми уже начала растекаться тушь, и жестким, беспрекословным тоном проговорил:

— Не реви! Женя! — приказал он ей, слегка ее встряхнув, и Женя действительно

успокоилась, недоверчиво и растерянно глядя на него, а он... он не хотел больше быть злодеем. Он хотел быть спасителем. — Где ты купила этот велосипед? Я привезу тебе такой же.

Игорь скептически хмыкнул, а Женя печально покачала головой, и по ее щеке скатилась новая слеза.

— Не привезете. Он на том складе был единственный! Поля очень хотела его... Увидела в розыгрыше... Мы договорились со складом... Пообещали хорошую сумму... И нам уступили... Но он был один такой, Сергей Викторович! Так что все бесполезно теперь...

Женя опустила голову и поникла, а Сергей рассердился. Он считал, что неразрешимых проблем или ситуаций нет, и никогда не позволял себе сдаваться, всегда используя все возможные варианты. Если сдаешься при первом же препятствии, зачем тогда вообще жить?

Он наклонился к ней, заглянув в ее глаза своими сияющими, решительными и очень нетерпеливыми глазами и сурово снова проговорил командным голосом:

— Название велосипеда, марка, адрес склада. Ну, Женя?!? Я жду!

Игорь фыркнул и влез вперед Женьки, недовольно проговорив:

— Вы разве не слышали, что она вам сказала? Мы купили единственный экземпляр, а другого Полине не надо! Теперь, благодаря вам, мы и этот потеряли, так что спускайтесь с небес на землю, вы не Господь Бог! Лучше не мешайте нам, у нас совсем мало времени, а подарка нет!..

Сергей раздраженно закатил глаза и насмешливо, и с превосходством посмотрел на Игоря, жестко проговорив:

— Помолчи. Я не с тобой разговариваю. Женя?

Женя вопросительно посмотрела на Игоря, потом, как-то растерянно — на Сергея, внимательно вглядываясь в его сверкающие нетерпением серые глаза, и, не найдя в них подвоха, она вдруг с надеждой очень слабо улыбнулась и недоверчиво и тихо спросила:

— Вы... найдете нам такой велосипед?.. Точно такой же?..

Сергей кивнул.

— Я же сказал: привезу тебе такой же. Подарок испорчен по моей вине — я все исправлю. Название велосипеда. Марка. Адрес склада. Быстро, Женя, быстро! — поторопил он ее, вытащив мобильник и приготовившись записывать.

Глаза Жени засияли, словно в них зажглись два теплых лучика, и она продиктовала всю необходимую Сереже информацию. Тот сосредоточенно кивал, все записывая, а затем, сунув телефон обратно в карман и внимательно глядя в сверкающие надеждой и доверием глаза Жени, хмуро спросил:

— К которому часу нужен велик?

— К шести. Я сказала Поле, что в шесть будет подарок... — ответила Женя, грустно взглянув на часы и потупившись: время подходило к трем.

Сергей тоже глянул на часы и кивнул.

— До шести привезу.

И, не прощаясь, он стремительно и уверенно зашагал к своему «Ниссану», который тоже немного «пострадал» после встречи с велосипедом и Игорьком, а Женя стояла и смотрела ему вслед, закутавшись в объемную мужскую куртку и подрагивая от холода и нервного напряжения. Сергей сел в машину, тоже жадно уставившись на Женю.

Как же приятно было выступить героем-рыцарем в глазах этой девчонки! Надо найти этот чертов велосипед во что бы то ни стало, чтобы она снова улыбнулась, чтобы она

восхищалась им, чтобы...

Сергей тряхнул головой, злясь на себя и свои мысли, но он не мог отвести глаз, ощущая, как сжимается сердце в его груди, и глядя, глядя на Женю, переминающуюся с ноги на ногу и тоже со странным выражением в лице глядящую на него, ожидая, когда же он отъедет, ну а он хотел, чтобы она сначала ушла следом за своим дружком, который уже, прихрамывая, скрылся в дверях кафе, но она стояла...

Сергей собрал всю свою волю и нажал на газ, приложив немало усилий, чтобы смотреть не на нее, а на дорогу, и последняя мысль о ней, мелькнувшая в его запутавшейся, больной голове была такой: интересно, а что за платье на ней надето? Глянуть бы хоть одним глазком, а она ни разу даже полы куртки не распахнула... Какое оно?..

Отвязавшись от странной идеи, Сергей увеличил скорость, направляясь на выезд из города, в сторону того самого склада, ощущая странный тугой ком в груди.

*** «Плюс»

Женя ужасно нервничала. Время приближалось к шести, а точнее, часы показывали половину шестого... Она взволнованно ерзала на стуле, сидя около мамы и Игорька, который угрюмо поглядывал на нее и до сих пор не понимал, зачем она доверилась тому, кто два месяца изводил ее своим отвратительным к ней отношением, кто хотел уволить ее, кто постоянно становился причиной разных сложных и чертовски нехороших, а кое-где — даже опасных, ситуаций...

А Женя поверила.

Поверила, хоть ей и было очень страшно. Поверила, хоть и сомневалась в добрых чувствах Сергея по отношению к ней, считая это абсолютно невозможным... Поверила, потому что знала, что если Сергей сказал, что сделает, значит, сделает. За три месяца работы с ним Женя многое узнала о своем шефе, помимо того, что он обладал вспыльчивым, крутым нравом, был большим любителем покомандовать и умело превращался из деловитого профессионала в уличного хулигана. Она узнала, что он умен. Что он справедлив. Что он может за одну секунду взвинтиться, долго орать, а потом, снова за мгновение, остыть. Что он жесткий и грубый, благодаря своей подвижной психике и стремительной энергетике. И что он — человек слова, что вызывало неисчерпаемый запас уважения к нему со стороны его подчиненных. А также еще и то, что он может защитить и взять вину на себя... И это все помимо тех отрицательных черт его упрямого, своенравного, несгибаемого и самоуверенного характера, которые сливались для Жени в одно-единственное слово «кретин».

Женя не могла есть, не могла улыбаться. Она лишь теребила край скатерти на столе и каждую минуту выжидательно поглядывала в окно, надеясь увидеть темно-синий «Экстрейл».

Неожиданная встреча с Сергеем почему-то привела ее в неопишимо волнительное состояние, когда стук сердца по своей силе так громко звучал в ушах, что заглушал собой даже собственные мысли. Увидев его, она ощутила такую бешеную пульсацию внутри себя, что ей даже стало одновременно и страшно, и смешно, потому что она не могла понять, как человек, которого она совсем недавно терпеть не могла, вдруг вызвал в ней столько непостижимых эмоций.

Но больше всего ее душа с неопишемым волнением и трепетом реагировала на то неожиданное открытие, что реакция Сергея на нее кардинально изменилась: раздражение

исчезло, исчез гнев и желание «куда-нибудь ее деть», исчезла брезгливость и презрение, а вместо этого, в его глазах читалось какое-то любопытство, интерес и что-то еще, чего пока понять Женьке не удавалось, но зато тянуло ее к нему со сверхмощной силой, приводя к тому, что она отчаянно желала заметить на себе абсолютно любой, даже злой и раздраженный, недовольный, насмешливый взгляд, чтобы понять, понять и разобраться до конца, в каком же статусе их отношения на данный момент.

— Женька, ты дура. — тихо, чтобы не услышали Дарья Федоровна и Эдуард Петрович, проговорил угрюмо Игорь. — Надо было позволить мне купить кукольный дом — у нас был бы хоть запасной вариант наготове... А вместо этого ты доверила судьбу счастливого исхода сегодняшнего дня для Полины в руки этого кретина, который тебя ненавидит и может подставить в любой момент! Как сейчас, например.

Женя нахмурилась, пожав плечами.

— Он меня не ненавидит, я чувствую. А насчет запасного варианта... Я почему-то верю, что он успеет приехать, Игореша. Почему-то верю... — она замолчала, уставившись в зал, на свою маленькую сестренку, которая сейчас стояла, закрыв глаза, и громко отсчитывала с десяти до одного, пока остальные дети рассыпались по залу в хаотичном метании, пытаясь найти место, где спрятаться получше. Женя чувствовала ужасную тревогу, просто бешеный страх, что испортит Полине праздник, но отчего-то она искренне надеялась на то, что Минаев приедет, успеет, привезет ей этот велосипед... Для нее было очень важно именно это, именно это... Зачем ей это нужно было — она не знала. Знала только то, что ее сердце чуть не выпало из груди, когда он смотрел на нее... И ей это не очень нравилось, даже слегка пугало.

Игорь нахмурился и покачал головой:

— Или ты очень хочешь в это верить. Уж не знаю, что там творится в твоей головушке, Зябликова, только ты сама прекрасно осведомлена, что этот велик был один в нашем городе, и другого такого не было, нет и не будет. Так что твой Сергей Викторович может суперменом прикинуться, но велосипед ему не достать. Уж извини, если огорчаю и разрушаю твои волшебные мечты.

Женя с трудом вздохнула и облизала пересохшие от волнения губы, отчаянно сжав руки в кулаки. Игорь прав. Прав. Сергей не приедет.

Но он же обещал!

Нет. Не строй наивных иллюзий. Время подходит к шести, а его нет.

Но...

Нет!

Так спорил голос сам с собой внутри ее головы, напуская на все остальные чувства сизый туман, поэтому Женя не сразу увидела, выплывая из собственной ваты, что мамино встревоженное лицо совсем близко от ее лица, а ее тихий-тихий голос, хоть она и почти кричала, чтобы дочь могла слышать ее из-за грохочущей музыки, взволнованно проговорил:

— Женя, ты хорошо себя чувствуешь? Бледная какая-то... Все в порядке? Полин подарок готов?

Женя резко вздрогнула, судорожно вздохнув и с мольбой посмотрев на Игоря, а затем натянула улыбку и как можно беспечнее проговорила, глядя в мамины беспокойные глаза:

— Ну, конечно, все в порядке, мамуля, не волнуйся! И с подарком, и со мной. Просто устала. Не обращай внимания. — после чего Женя наклонилась к Игорю и судорожно

прошептала ему на ухо:

— Ладно, ждем еще пять минут — если не приедет, полетишь за кукольным домом, хорошо, Игоречек?

Игорь поднял брови, желая, видимо, высказать назидательное: «Я же тебе говорил!», но в эту минуту Женя отчетливо услышала скрип тормозов на улице и в невероятном волнении повернула голову так резко, что даже шея заболела.

Да! Да! Да! На парковке напротив остановился темно-синий «Ниссан» с таким знакомым ей «блатным» номером Е313ЕЕ, что она бешено вскочила на ноги, улыбаясь так, будто ее выбрали в качестве первого космонавта, который произведет высадку на Плутоне, и, не чувствуя рук и ног, махнула Игорю и удивленным родителям, мол, не беспокойтесь — я сейчас, и рванула в фойе за курткой.

Схватив свой, на этот раз, пуховик и закутавшись в него, Женя, внутри которой будто сваи забивали в самое сердце, да с такой силой, что она даже чувствовала физическую боль в груди, три раза глубоко вдохнув и выдохнув, вышла на улицу, сходя с ума от бешеного стука сердца и сумасшедшей дрожи, охватившей ее всю, с ног до головы.

Сергей ждал ее, развязно облокотившись на крыло собственного автомобиля и сунув руки в карманы джинсов, пристально разглядывая ее и как всегда сохраняя на лице суровую серьезность.

От внимательных серых глаз, светившихся любопытством, превосходством и мужской силой, Женю затрясло еще больше. Ее словно ударило током. Она не могла даже дышать, стараясь всеми силами уверенно ступать по зимней, больше похожей на осеннюю, грязи, вцепившись в собственную куртку и умоляя все силы природы, человеческие, Божественные, чтобы он не заметил ее волнения, чтобы не обратил внимания на то, как порозовели ее щеки, и не прочитал в ее глазах невероятную, перехватывающую горло надежду на то, что он все-таки привезет ей велосипед...

Она подошла к нему, не зная, что сказать, только отчаянно кусая губы и заглядывая в его глаза, пытаясь прочитать хоть пару слов из того, о чем он думает, но Сергей не давал ей такой возможности. Изучив ее лицо, он вдруг усмехнулся, а Женя резко, как по щелчку, вздрогнула: она неожиданно заметила, как он привлекателен. Красив. Чертовски просто. Может, не для всех, для нее одной, но...

Темные волосы, модная стрижка, длинные ресницы, серые глаза... Правильный нос, скулы, на которых виднелась щетина, тонкие губы... Темные брови... Подбородок с небольшой ямочкой... Фигура, фигура... Хорошая, подтянутая, спортивная... Широкие плечи... Высокий рост... Плюс невообразимая, раздражающая самоуверенность, понимание собственных достоинств, решительность, мужество...

Чувствуя, что внутри нее происходит какой-то катастрофический переворот, очень страшный, очень опасный, очень трагичный, Женя, вспомнив, что только что жадно и беззастенчиво разглядывала Сергея с ног до головы, смутилась и покраснела еще больше, вернув взгляд в глаза Сергея, который, как оказалось, все то время, что она таращилась на него, стораая от мелких искорок в своей груди, тоже в свою очередь откровенно и не стесняясь рассматривал ее, и поспешила переключить свой мозг в более важное для нее сейчас русло. Ничего не говоря, Женя лишь с мольбой подняла брови...

Он секунду изучал ее взгляд, а затем молча пошел, открыл багажник и...

Вытащил оттуда велосипед.

Тот самый. Переливающийся, словно хамелеон. С картинкой лошадки Джулии на

руле...

Взрыв, взрыв, Женька не верила в это чудо-чудесное! Она бросилась к велосипеду, присев на корточки и разглядывая его шокированным, восторженным взглядом, словно это была самая важная вещь в ее жизни, словно его появление добавило какой-то очень важный штрих к ее жизненной картине, без которого она была невнятной и серой... и Боже мой! Как же она была счастлива сейчас, просто несказанно!!! Женька живо представила глаза Поли, когда она увидит его, и, чувствуя, как кружится ее голова, дыхание стало сбивчивым и тяжелым, и как сердце дрожит в груди, переживая страшную бурю эмоций, подняла восхищенные глаза на Минаева, который смотрел на нее сверху вниз и триумфально улыбался.

*** «Минус»

Да, черт возьми. Он улыбался. Он представлял себе все это именно так. Сергей ожидал именно такого ее взгляда: восторженного, изумленного, счастливого... Но он даже не предполагал себе, насколько для него будет важна ее реакция.

— Сергей Викторович... — выдохнула она, взволнованно покраснев. — Как... как вам удалось?? Где вы его достали??? Он же был один в городе... Ну, тот, который вы... чуть не закатали в блин вон там, на дороге, вместе с Игорьком заодно...

Женя поднялась, счастливо улыбаясь красивой, белоснежной улыбкой, только... губы были искусаны от волнения. Сергей нахмурился, почувствовав, как внутри него что-то больно сдавило сердце: она не верила, что он приедет. Не верила, что найдет этот дурацкий велик... Черт подери, неужели он и вправду так чертовски плох в ее глазах?!?

Разозлившись, он хмуро пожал плечами и жестко ответил:

— Какая разница, где достал? Велик тот?

— Тот.

— Ну вот и бери. — буркнул он, вдруг увидев, как потухли ее глаза... Его сердце дернулось: ей не понравился его тон!

Голова, голова гудела, в груди все невыносимо пульсировало, да что же это такое, а? Что с ним случилось? Что сделала с его организмом эта невыносимая рыжая девчонка, отчего Сергей носился, как проклятый, в стремлении доказать ей, каким он может быть классным???

А история поиска велосипеда была очень простой.

Сергей поехал на склад, откуда час тому назад Сторожев забрал тот самый, «единственный в своем роде» велосипед. После продолжительного, раздраженного стука в железную дверь, ее, наконец, открыл тощий мужичок с грязными, седыми волосешками, торчащими редкими пучками из-под «стоящей» на голове шапки, сером тулупчике, испачканном еще хуже, чем волосы, но все же не настолько, как старые спортивные штаны на его тощих ногах, и потрепанные кожаные ботинки, но отвратительнее всего Сергею показалось его опухшее, как после десятилетия бурной пьянки, морщинистое, коричневое лицо с толстой, обожженной на солнце кожей и черный от грязи палец, ковырявшийся в распушем, горбатом носу.

— Чего надо? — грубо проскрежетал мужик, не удосужившись даже палец из носа вытащить.

Сергей поморщился, но тоже грубо и серьезно ответил:

— Сопли твои купить хочу. Только из второй ноздри. В этой уже, по ходу, ничего не

осталось.

Мужик расширил маленькие, красные глазки и (надо отдать ему должное) гордо вынул палец, выпятив нижнюю губу и борзо, вызывающе заголосив:

— Че-е-е?!? Да ты че такое трындишь, мужик, а?.. Да я...

Сергей закатил глаза и нетерпеливо затряс коленом, повысив голос и перебив взвившегося на дыбы грязнулю:

— Да утихни ты, пошутил я. Мне велик нужен. Переливающийся, с мордой лошади спереди. Для ребенка.

Тощий скрутил губу обратно и хитро посмотрел на Сережу, задумчиво теребя подбородок. Сергей начал злиться: времени в обрез, а этот тормоз еще и прикидывает, как бы так разговор повести, чтобы баблом разжиться.

— Нет у меня его. Тока вот парниша пригонял, велик этот я ему и продал. Он в розыгрыше участвовал, их партиями не шлепают, всего шесть штук в нашей области таких! — проговорил он, внимательно изучая прикид Сергея, а Минаев шагнул к нему, властно нависнув над ним и желая прибить на этом месте, угрожая проговорил:

— Говори, где остальные пять.

Мужик противно осклабился, хитро прищурившись, и быстро протараторил:

— Не зна-а-аю даже... Чегой-то плоховато помню...

Гнев волной поднялся в Сереже, он так и хотел одним хорошеньким ударом впечатать этого соплежуху в стену, но чувствовал, что это, наверное, будет не совсем стратегически верно, поэтому вытащил из куртки кошелек и, вынув оттуда пятитысячную купюру, грубо ткнул ею в грязный тулуп мужика, глаза которого тут же загорелись нешуточной алчностью.

— Где остальные? — тихо, но с нажимом спросил Сергей, а мужик с готовностью ответил:

— Нету их тут. Они в соседнем городе, на складе детских игрушек. Сорок километров отсюда будет. Эти велики, они же розыгрышные, просто так не продаются... А тут мне девчонка какая-то звонила, велик этот искала, говорит, переливчатый обязательно надо, и с кобылой Жи... Джо... тьфу, не помню я имени ее... Пятнадцать тысконок предлагала! Ну кто тут устоит? Мой друган на том складе пашет... Я с ним договорился, за пять штук тот велик и купил, а парнише в очках за пятнарик толкнул. Хорош навар, а? — довольно улыбнулся он гнилыми зубами, а Сергей разозлился. Знала бы наивная Женя, что ее обманули на десять тысяч! Ладно, с этим потом разберемся.

Сергей хмуро кивнул и вытащил мобильник, строго проговорив:

— Адрес склада диктуй.

— Че, к нему поедешь? А у меня есть парочка великов из предыдущего розыгрыша, синие тока, возьмешь, может? — с надеждой спросил сопливый, горящими глазами поглядев туда, куда Сергей убрал кошелек. — За десятку отдам. Бери! Они почти такие же! Чего попусту бензин тратить? Нет? А! — и он продиктовал ему адрес склада.

Сергей нахмурился и глянул на часы. Почти четыре. За два часа нужно успеть доехать туда и обратно... Он развернулся и, ничего не говоря, стремительно двинулся к своему «Экстрейлу», оставив мужика грустно смотреть ему вслед и очень весело — на новенькую, хрустящую красную купюру в своих руках.

Второй склад Сергей посетил ровно через час. Он практически ничем не отличался от первого склада: то же одноэтажное, кирпичное строение на несколько квадратных километров площади, те же железные ворота, поднимающиеся снизу-вверх, только не серые,

а белые.

Открыл ему на этот раз не такой грязный, но отнюдь не более высокоинтеллектуальный мужчина лет сорока, с обширной лысиной на голове, гигантским пузом, на котором в натяг болтался кривовато прошитый китайский пуховик, круглым, бородатым лицом, чернильными, бегающими глазками и толстенным, преотвратно воняющим бутербродом в руке, который, собственно, он и жевал, медленно и внимательно разглядывая Сергея, его машину, и снова Сергея, очевидно, имея в голове те же мысли, что и у сопливого сторожа первого склада.

— Тебе чего, мужик? — тоже «приветливо», как и сопливый алкаш, осведомился толстяк, и Сергей, пытаясь успокоить новую волну нетерпения и раздражения в себе, тяжело вздохнул.

— Велик нужен. Переливающийся. Из розыгрыша о лошади Джулии. У тебя есть, я знаю. — уверенно и холодно проговорил Сергей, с нажимом глядя на лысого, а тот, снова оглядев взглядом ювелира-оценщика его самого и его тачку, ухмыльнулся и, набив рот новым куском вонючего бутерброда, пробухтел через него:

— Тридцать штук.

Сергей вытаращил глаза, мгновенно вспыхив:

— Сколько?!? А ты от жадности не лопнешь? Или только от обжорства? Короче так: плачу десять и не сообщаю организаторам розыгрыша, что ты тут их товаром приторговываешь с хорошеньким откатом для себя. Идет?

Лысый нахмурился, явно соображая, потом с трудом проглотил кусок и угрюмо, но все же дерзко посмотрел на Сергея, самоуверенно стоявшего перед ним в развязной позе. Подумав секунд десять, он снова пробухтел:

— Ты че, типа, крутой какой-то, что ли? Прошаренный по этой мутке, да? Ладно, давай пятнашку — и велик твой.

— Двенадцать. — жестко и беспрекословно заявил Сергей, снова вытащив кошелек и поражаясь себе, на что же ему приходится тратить деньги.

Глаза толстяка жадно засветились, когда он запеленговал банкноты в руках Сережи, а жирный рот расплылся в улыбке:

— Ну с этого и надо было начинать! Я ща, велик принесу.

Через десять минут Сергей уже гнал по трассе обратно, а в багажнике у него лежал тот самый велосипед.

Все оказалось проще простого... Но подъезжая к кафе, Сергей вдруг осознал, что всю дорогу думал о том, как обрадуется Женя, увидев велосипед, что она будет думать о нем... Он поймал себя на мысли, что ужасно хочет, чтобы она восхищалась им, хочет, чтобы она смотрела на него точно также, как другие женщины: с восторгом, влюбленностью, желанием... Но в то же время он знал, что она отличается от них.

Их связывала взаимная неприязнь друг к другу... Сергей знал, что оставшись на фирме, Женя из последних сил пыталась доказать ему, что она намного лучше того, что он о ней думает, но из-за различных обстоятельств ей удавалось лишь вызвать в нем новые приступы злости на нее...

Все изменилось, черт возьми. Изменилось в тот день, когда она ринулась защищать его от здоровенных вышибал Берса, хотя могла стоять и злорадно, мстительно смотреть, как из него выбивают пыль мясистыми кулаками... Как думалось Сереже, это было бы логичнее, учитывая о том, что она прекрасно знала, до какой степени раздражает его. Тот момент

оказался переломным. Сережа отчетливо помнил, как исчезло куда-то его презрение и насмешка, когда он узнал ее для себя именно с этой стороны... И потом. Собрание акционеров... Сергей вздохнул, чувствуя, как снова и снова что-то пульсирует в его груди и он не может изменить это, не может успокоиться, не может унять волнение перед встречей с ней...

Когда она вышла из кафе — его сердце пропустило удар. Она сияла счастьем, Женя ждала его, ее странного цвета глаза жадно всматривались в его лицо в попытке понять, привез ли он тот самый велосипед, или нет...

Она вдруг принялась его разглядывать — и в душе Сергея что-то дрогнуло, что-то, что было очень нежелательной эмоцией для него, что-то, чего он совсем не должен был чувствовать... И черт, почему он сам пялится на нее, как идиот, ожидая, когда распахнутся полы ее куртки, и он увидит, что на ней надето... Как было бы проще, если бы на ней оказалось какое-нибудь старое, мешковатое бабушкино платье, как было бы проще ему отвязаться, почувствовать настоящее облегчение, он бы стал самим собой, он бы... он бы... он бы...

Женя выпрямилась, пристально глядя на него и счастливо улыбаясь. Ее глаза горели странным светом и безумной благодарностью, словно он спас ей жизнь.

— Спасибо. — тихо, почти шепотом проговорила она, закусив губу. Ее щеки снова заалели, она стеснительно замаялась, но глаз не отвела. Сергей, как замороженный, смотрел на нее, упиваясь этим моментом, желая стоять вот так, с ней, хоть до завтрашнего утра, слушать ее шепот, несказанно волнующий его, и... Стой, стой, тормози, дрянная голова, ты о чем вообще??? — Этот велосипед очень много значит для меня и Полины... Ей... с детства приходится нелегко... И этот подарок заставит ее улыбнуться... А может, и не один раз. Спасибо.

— За что? — нахмурился Сергей. — Я чуть не задавил твоего друга и испортил первый велик. Должен же я был хоть что-то исправить.

Женя снова улыбнулась и хотела что-то сказать, но в этот невероятный миг их зрительный контакт к глубокому разочарованию Сергея, прервался внезапно нарисовавшимся Игорем, подхромавшим к ним в одной рубашке и ежащимся на холоде.

— Жень? Ну что? Все в порядке? — он вдруг заметил велосипед, и его глаза изумленно вытаращились, а Сергей, глядя на него в эту минуту, неожиданно понял, что не прочь еще разок проехаться по нему на своем авто... Так этот тип не вовремя влез... — Это что, он???

— Нет, это хорошо замаскированный под него самокат. — съязвил с раздражением Сергей, вызываяюще и уничижительно посмотрев на Игорька, и тот как-то снова сжался под его взглядом, переключившись на Женю:

— Ты идешь, Жень? Полька ждет не дождется суперсюрприз... Замерзла? — внимательно и заботливо спросил он, посмотрев на подругу, а Женя, с радостью, ласково и благодарно глянула на него, нежно проговорив:

— Нет, иди, Игорек, иди. Я сейчас подойду.

Игорь хотел было взять велосипед, но Женя отчего-то остановила его, со странной жадностью посмотрев на сестрин подарок:

— Я сама. Иди.

Игорь пожал плечами и, к невероятному удовольствию Сергея, побрел, хромая, обратно в кафе, пару раз оглянувшись и как-то тревожно посмотрев на Минаева, но Сереже было

плевать на все на свете, потому что она, Женя, снова стояла здесь, рядом с ним, молча глядя на него странным, сверкающим взглядом и ужасно волнуясь.

Он сам волновался, его сердце долбило в груди, как после длительной пробежки, он не знал, что сказать, а лишь чувствовал что-то невообразимое, что-то, что раздражало его, злило, делало уязвимым, слабым, бессильным к сопротивлению и... несчастным. Да. Несчастливым.

Она вдруг снова улыбнулась, легко так, светло... Щелчок внутри, громкий, сильный... Сергей терял контроль, что-то ужасное разворачивалось в нем, устраиваясь в его сердце на продолжительный пикник, и он чуть не зарычал от отчаяния...

Сжав кулаки, Сергей с огромным трудом, ощущая, как гудит его голова, даже почти умоляюще, проговорил:

— Иди, Женя. Тебе пора.

Женя вздрогнула и, поспешно убрав глаза, мельком улыбнулась:

— Да, точно. До понедельника, Сергей Викторович.

Секунда — и она легко подхватила довольно тяжелый для такой тонкой девушки велосипед, и... и... пуховик распахнулся. Сергей, как по заказу, тут же опустил глаза на ее платье... Толчок. Темно-сиреневое... Под цвет глаз... Облегающее... Красивое, черт возьми!.. Толчок, толчок... Вот проклятье!

Он разозлился на то, как реагировало его сердце, разозлился на свои странные ощущения, на себя, и, не прощаясь с ней, быстро сел в машину, но... Руки не заводили мотор.

Сережа ждал. Женя несла велосипед, аккуратно шагая на высоких каблуках по рыхлому снегу в сторону кафе, и Сергей видел, как ее кудряшки пружинят в такт походке... Он ждал, когда она войдет внутрь.

Нет. Он обманывал себя. Он ждал, что она обернется. Он до боли стиснул руль, ожидая, что она обернется! Если нет, значит, все в порядке, значит, он будет в порядке, он сможет жить, как раньше, и выкинуть ее из головы, как маленькую, рыжую глупышку... Его сердце вернет нормальный ритм, он освободится от ужасного, сдавливающего грудь чувства, медленно затягивающего его в смертельный шторм...

Секунда, секунда, шаг... Женя почти вошла внутрь... Но вдруг она остановилась... и обернулась. Сергей нахмурился и ощутил страх. Он пропал. Сколько ни злись на себя или на нее. Он. Пропал.

А Женя внимательно и без улыбки посмотрела на него, нахмурившись... И через мгновение вошла внутрь.

Не помня себя от гнева, Сергей с визгом рванул «Экстрейл» с места.

Часть 2. Взаимное притяжение

Глава 10. «Плюс»

«We've got the fire, who's got the matches?

Take a look around at the sea of masks

And come one, come all

Welcome to the grand ball

Where the strong run for cover

And the weak stand tall

I'm not one to scatter ashes

But there's some things that'll melt the plastic

Try and dig down deeper if you can.

I'm not afraid, I'm not ashamed, I'm not to blame

Welcome to the masquerade

I'm not ashamed, I'm not afraid, I'm not o.k,

Welcome to the masquerade

We've got the power

Who's got the action?

Break it down, 'till there's nothin'

But a mere fraction

Out of the fire, rise from the ashes

Reject your doubt, and release the passion

Let's get on it

Believe, if you want it

step into the realm

where the real one's flaunt it

Come, back, rewind

Another time on it

Reach out, take that

One off, step on it

I'm not one to scatter ashes

But there's some things that'll melt the plastic

Try and dig down deeper if you can.

I'm not afraid, I'm not ashamed, I'm not to blame

Welcome to the masquerade

I'm not ashamed, I'm not afraid, I'm not o.k,
Welcome to the masquerade...»

(«У нас есть огонь,
А у кого есть спички?
Посмотри вокруг,
На море масок, и
Иди сюда, все идите!
Добро пожаловать на грандиозный бал,
Куда сильный бежит, чтобы спрятаться
И где слабый остается величественным.

Я не посыпаю пеплом вокруг,
Но есть вещи,
Которые плавят пластик.
Попробуй и поищи глубже, если можешь.

Мне не стыдно, я не боюсь, меня не в чем упрекнуть -
Добро пожаловать на маскарад.
Я не боюсь, мне не стыдно, со мной не все в порядке -
Добро пожаловать на маскарад,
Добро пожаловать на маскарад.

У нас есть сила,
А кто будет действовать?
Ломай, пока не останется ничего,
Кроме крохотной частицы.
Поднимись из огня,
Восстань из пепла,
Отвергни сомнения,
Высвободи страсть!

Давай возьмёмся за это всерьёз.
Поверь, если ты хочешь,
Сделай шаг в мир,
Где этим хвастаются.
Вернись, перемотай пленку назад.
В другой раз
Добейся, возьми это,
Сделай шаг вперед.
Я не посыпаю пеплом вокруг,
Но есть вещи,
Которые плавят пластик.
Попробуй и поищи глубже, если можешь.

Мне не стыдно, я не боюсь, меня не в чем упрекнуть -
Добро пожаловать на маскарад.
Я не боюсь, мне не стыдно, со мной не все в порядке -
Добро пожаловать на маскарад,
Добро пожаловать на маскарад!» — с англ.)

— Фу! — Женька в изнеможении плюхнулась на темно-коричневый диванчик, вытянув усталые ноги под длинный, рассчитанный на десять персон, стол, и, не стесняясь, налила себе в бокал апельсинового сока, нарушив только что самой собой созданную идиллию и порядок на превосходно накрытой различными яствами и напитками поверхности, обтянутой светло-бежевой скатертью. — Корпоратив еще даже не начинался, а я уже ног не чувствую! — пожаловалась она затормозившей около нее Светке с дополнительной стопкой тарелок в руках.

Света весело улыбнулась и подмигнула ей, «по-доброму» посоветовав:

— Ты поплачь, поплачь, все равно макияж уже весь размазала, терять-то нечего!

Женька прыснула и огляделась вокруг. Практически все было готово к началу: огромный зал с трехметровой, сверкающей огнями елкой в углу и зашторенными обширными окнами был украшен гирляндами, шарами, еловыми ветками и мешурой; ди-джей настраивал свою систему, включая то одну музыку, то другую и слушая в огромные наушники, надетые только на одно ухо; одиннадцать столов со стульями или диванчиками были расставлены как корабли на поле для игры в «Морской бой», а между ними, около того самого ди-джея, обустроилось округлое танцевальное пространство.

По случаю корпоратива Жене и Свете было велено приехать в этот ресторан на полтора часа раньше остальных, чтобы проконтролировать процесс сервировки столов, договориться обо всем с организаторами и встретить ди-джея, которого Женя два дня назад с таким трудом выскоблила для их фирмы, пообещав ему в два раза больше денег, чем на том, другом корпоративе, на котором он собирался сегодня играть.

Вообще все три дня перед этой новогодней вечеринкой выдались очень сложными, и это не считая того, что Сергей вдруг неожиданно улетел в командировку в Германию, чтобы договориться там с кем-то о передаче в пользование «Черному полюсу» новейшей западной технологии по изготовлению всяких источников питания, датчиков давления и прочей, не совсем понятной для Жени продукции, так что хотя бы волнение от ее внезапно нахлынувших странных и непонятных чувств по отношению к нему немного улеглось и мирно спало вплоть до сегодняшнего вечера, когда он и обещал, что называется, вернуться. Помимо дел сердечных, Жене нужно было подбить все бумаги, ответить на все письма, подписать у Павла Юрьевича, который, к ее ужасному недовольству, остался за главного и не упускал случая омерзительно помурлыкать над ней, медленно но верно пытаясь приблизиться к моменту ее полной капитуляции (которой, конечно, никогда не будет) все необходимые срочные документы и да, да, — организовать этот дурацкий корпоратив, собрать деньги со всех желающих пойти, коих насчиталось, ни много, ни мало, а сто двенадцать человек, договориться с этим залом в ресторане «Нойзи Хаус», который, почему-то, оказался свободен перед самым Новым годом, хоть был достаточно цивильным и не заоблачно дорогим, обговорить меню, найти ди-джея...

В общем, ни секунды покоя.

Женя устало обводила глазами все пребывавших и пребывавших порциями коллег,

шумно хохочущих и разбивающихся на дружественные группки по типу «кто с кем будет пить за одним столом», женщин и мужчин, наряженных в красивые вечерние платья и отлично выглаженные костюмы с неизменными атрибутами наступающего Нового года, а именно: мишурой на шее, поблескивающей в полутемном освещении зала, шапками деда Мороза на головах или париками из разноцветного дождика либо заячьими ушами или другими ободками на новогоднюю тематику.

Женя, в свою очередь, тоже не захотела ударить в грязь лицом и убила целых два часа из сегодняшнего насыщенного дня в парикмахерской, где первый час мастер, тяжело пыхтя и вздыхая, плела из ее кудрявых, непослушных рыжих волос аккуратную и очень милую и женственную косу вокруг головы, закрепляя ее заколками и булавками с мерцающими в темном свете стеклянными, ярко голубыми камушками, а второй час уже с большим удовольствием наносила ей вечерний макияж, диву даваясь на ее невероятные радужные оболочки, которые Женя за двадцать пять лет уже миллионы раз мечтала поменять на какие-нибудь обычные, как у других людей.

И вот теперь, с прекрасной и очень элегантной, архисложной косой вокруг головы, одной тонкой, волнистой прядкой, нежно свисавшей Женьке прямо на правый глаз, эффектно и утонченно закрывая ему видимость, при великолепном макияже с участием темно-красной помады, пушистых черных ресниц, подкрашенных тушью, и голубых и синих мерцающих теней Женька очень даже не женственно и не изящно развалилась на диванчике в темно-синем, облегающем и невероятно коротком гипюровом платье с шелковым подкладом, открывающим спину и закрывающим, как любила Женя, зону декольте и грудь, с длинным рукавом и нежной, маленькой подвеской из золота с изумрудами в виде стрекозы на тонкой цепочке, скинув бархатные, темно-синие, в цвет платья, туфли на высоченной, тонюсенькой шпильке, и жадно хлестала сок из стакана, угрюмо таращась на веселую, предвкушающую прекрасный вечер Светку в ярко-алом, тоже облегающем платье с глубоким вырезом до начала бедра и глубоким декольте, скачущую на своих неизменных ходулях вокруг стола и считающую количество закусок и посуды.

— Все-таки мне интересно, как это мы смогли достать перед самым Новым годом пустой банкетный зал на сто человек, когда все рестораны города были забронированы еще два месяца назад?? — спросила Женька, недоуменно глядя на Свету, а та лишь беспечно пожалала плечами:

— Нам каждый год достается этот зал и всегда — 29 декабря. Вроде как, этот ресторан держит кто-то из родственников Минаева... Не знаю, кто, он о своей семье особо не распространяется... — Светка вдруг улыбнулась. — Я знаю лично только Виктора Петровича, и он меня терпеть не может! — гордо заявила она, а Женя, при упоминании о Сергее, вдруг ощутила, как резко заледенели ее руки и ноги, а сердце запрыгало от волнения.

Она нервно посмотрела на часы и обвела глазами зал.

— Все подъехали? Скоро начинаем?

Светка внимательно огляделась и кивнула, достав из маленькой сумочки, лежащей на диванчике около Жени, телефон, набрав номер.

— Алло, Сергей Викторович? — проговорила она, стоя позади Жени, и та аж вздрогнула, ощущая бешеную дрожь... Его голос... Совсем близко, там, в Светином мобильнике... Будто он уже здесь... Женя распрямила ставшую дубовой спину и с трудом, трясущимися ногами одела туфли, проклиная себя и свое тело за эту реакцию. Что же с ней стало? Отчего она так ждала его одного? Отчего все три дня плохо спала, мучаясь

сомнениями и представляя его реакцию на свой вечерний наряд??? Почему от воспоминаний о нем ей перехватывало дыхание??

Как она дошла до этого, испытывая к нему откровенную неприязнь, злость и обиду???

— Уже подъезжаете? Супер! Да, Краснохатов здесь... Все готовы... Хорошо! — счастливая Света, не подозревавшая о сильнейших чувствах, парализовавших ее рыжеволосую подругу, бросила мобильник на диван и весело проговорила:

— Он скоро будет! Через пять минут начинаем! Эй, Эй!!! Народ!! — заголосила она на весь зал, привлекая внимание оживленно болтающих и хохочущих людей, чтобы призвать всех рассестись по местам и ждать «приезда шефа».

Женя оказалась за одним столом с ребятами из цеха, их начальником и несколькими девушками с участка химии. Света, конечно, была рядом с ней и весело, жизнерадостно хохотала над рассказами самых активных, подливающих себе шампанское в дозоправочных целях, парней — Олега и Севы, с которыми Женька имела честь познакомиться в самый свой первый день на «Черном полюсе», а сама Женя, хоть и смеялась, и участвовала в разговоре, весело подшучивая над ребятами, чувствовала себя так, будто все ее тело пронзили болезненные иголки, мешающие ей дышать, нормально говорить, есть и пить, как все... Она не волновалась так ни одного дня в своей жизни. Никогда.

За другими столами тоже было весело: Женя видела Семена, красиво улыбающегося и что-то активно рассказывающего своим коллегам, разработчикам и конструкторам, восседая в темно-сиреневой рубашке, ярком, салатовом галстуке на шее, черных брюках и туфлях, видела галдящих монтажниц, уже вовсю распивающих спиртные напитки, целующихся и чокающихся громче всех, видела Лену Старцеву в идеальном, облегающем платье бутылочного цвета, с красивой завивкой на светлой голове и ярко красными губами, болтающую с девчонками из отдела продаж, но каждую секунду, как и Женя, взволнованно поглядывающую на дверь, видела Вику Гордееву в миниатюрном черном платье, важно постукивающую малиновыми ногтями по бежевой скатерти и надменно улыбающуюся в разговоре с Павлом Краснохатовым, который, усевшись в своем дорогом сером костюме и белой рубашке, уже цедил из бокала шампанское и, не отрываясь, смотрел на Женю, как-то триумфально улыбаясь, что Жене совсем-совсем не нравилось, поэтому она поскорее отвернулась.

Все шумело вокруг, галдело, играла музыка в честь близящихся перемен, в честь наших мечтаний о том, что проснувшись первого января, мы попадем в новую жизнь, сказочную, легкую, счастливую, что все карты лягут именно так, как нужно, вся удача сконцентрируется в наших ладонях огромной световой мощью, все звезды на небосклоне укажут нам млечный путь, по которому двигаться... Правда, Женя не думала, что сейчас хоть один человек в зале задумывается об этом, потому что на праздниках в честь Нового года принято не думать, а отрываться с бокальчиком и мандаринами, но это было не важно... Он приближался, Новый год, он создавал безудержное веселье... И все это веселье плыло мимо Жени шумной каруселью, не касаясь ее нервного, напряженного пузыря внутри груди и болезненных сокращений сердца...

Сергей стремительно влетел в зал, и Женя испытала сильный шок, чувствуя, как ее душа, слабая, безвольная, куда-то проваливается от дичайшего страха и волнения. Она сжала свой бокал, не чувствуя, что заболели ее пальцы, и не замечая, что смотрит на Минаева так, будто ей вернули зрение после операции и она вдруг заметила то, ради чего живет на свете...

Он показался ей ужасно красивым: черный костюм, модный, дорогой, как и всегда, белая рубашка, расстегнутая на верхние пуговицы, темные волосы, серые глаза, дорогие туфли... Все вокруг загалдели, приветствуя его и крича какие-то слова, на что он слегка ухмыльнулся в своей покровительственной манере и, махнув всем рукой, чтобы продолжали веселье, не замечая Жени и ее сияющего, жадного взгляда, прошел к Павлу и развязно уселся между ним и Викой, которая тут же по-хозяйски сложила руку ему на плечо и с призывной, откровенной улыбкой что-то прошептала ему на ухо.

Женя ужасно вздрогнула, вспыхнув, как факел, не переставая гореть... Она желала прекратить это, но не могла... Не могла... Она его ревновала.

Сергей посмотрел на Вику оценивающим мужским взглядом, обратив особое внимание на ее грудь и ножки, и, ухмыльнувшись, что-то проговорил ей в ответ на ушко, отчего Вика довольно и победно заулыбалась.

Женя задрожала, будто ощутив, что он шепчет это ей, так сильно и отчаянно желая услышать его голос и встретить его взгляд, что это причиняло ей физическую боль. Или то, что он желанно посмотрел на Вику. Или то, что он что-то сказал ей, явно хорошее... Или то, что он даже не искал ее, Женю, глазами после всего, что было четыре дня назад... А что было четыре дня назад?.. И было ли что-то, или глупая и наивная Женина голова, охваченная поглощающими ее заживо новыми эмоциями, просто дофантазировала то, что, как ей показалось, она видела в его взгляде?..

Женя желала бы отвернуться, но все равно, как замороженная, смотрела, как он наклонился к Павлу и серьезно начал что-то ему говорить, подкрепляя свои слова уверенными движениями рук и стальным, жестким взглядом серых глаз, а Вика нежно облокотилась на его сильное плечо, как кошечка, и счастливо улыбнулась.

Сердце Жени ударило два раза, чуть не разорвав ее грудную клетку, и она отвернулась, попытавшись включиться в разговор за столом и чувствуя, что ее катастрофа нависла над ней огромной и черной грозовой тучей, предвещающая близящиеся несчастья.

Какое-то время ей удавалось не смотреть в сторону Сергея, даже удавалось слышать и понимать то, о чем так увлеченно рассказывал Сева, размахивая руками, но способность чувствовать себя, свои конечности, свое сердце все-таки еще не умерла в ней, а лишь находилась в бессознательном состоянии, но, хоть и с большим трудом, а сумела проснуться в тот момент, когда она услышала от Светки хитрое:

— Краснохатов с тебя глаз не сводит, Женька! Может, пригласим его за наш столик?

Женька тотчас встрепенулась, вернувшись в реальный мир и раздраженно и осторожно бросив взгляд так, чтобы случайно не посмотреть на Минаева, заметила уже облегченную несколькими бокалами шампанского, предвкушающую улыбку на толстых, влажных губах, зоркие глазки, так и ездившие по ее телу с ног до головы в ярко-выраженном мужском желании и расстегнутый пиджак на крупном, массивном теле, говоривший только о том, что его обладателю стало жарко... Женя надеялась, что только из-за алкоголя.

Она недовольно посмотрела на Светку, шутливо улыбающуюся во весь рот, и язвительно буркнула:

— Ага, а еще патологоанатомов позовем, чтобы они быстренько сделали вскрытие и сообщили причину моей смерти: был ли это сердечный приступ или все же поспешное самоубийство.

Столик Женьки взорвался хохотом, а Олег, игриво подмигнув девушке, весело проговорил:

— Да ты, я смотрю, тоже состоишь в клубе жертв сексуальных предпочтений Павла Юрьевича? Сочувствую, Женька, от него нелегко избавиться...

Женька фыркнула, про себя думая, что с удовольствием избавилась бы еще от кое-кого, засевавшего в ее сердце и мозгу, словно заноза, но промолчала, а Светка снова хихикнула и, тоже находясь во власти горячительного шампанского, весело протянула:

— О-о, сейчас танцы начнутся, Евгения, медляки, и если ты сама не решишься приглашать на них кого-то из наших мужчин, то от Краснохатова тебя ничто не спасет, Олег прав!

— Спасибо, вы очень добры. — с улыбкой, устало съязвила Женя, зачем-то с надеждой посмотрев на Семена, который бросал странные сердитые взгляды на столик отдела продаж... Женя недоуменно нахмурилась: поссорился он там с кем-то, что ли?

Но грянула музыка, и подвыпивший народ ринулся на танцпол.

Женя не любила танцевать, но не потому, что у нее не получалось, после похода в «Источник» она убедила себя в обратном, а просто оттого, что не было абсолютно никакого должного настроения и музыка эта не задевала ее ну совсем никак... Поэтому вскоре она осталась почти одна за столиком, сходя с ума в собственном непонятном волнении и каком-то диком отчаянии, просто глядя на танцующих и веселящихся в пьяном экстазе коллег, с удовольствием подпевающих на разные, нескладные голоса «Но-о-овы-ы-ый год к нам мчится...» и радостно дрыгающих ногами и руками.

Ей ужасно хотелось уйти, поехать домой, лечь в свою постель и расслабиться, отпустить себя и свою душу из этой железной хватки, зажить старой, обычной жизнью, тихонько раздражаясь на своего шефа, обучаясь в институте и работая простой, никому не нужной, никому не портящей жизнь секретаршей...

Но подсознательно она понимала, что от этого недуга ее не вылечит ни дом, ни кровать...

— Женечка, милая, а ты чего не танцуешь? — чуть заплетающимся языком проворковал голос Павла ей прямо в шею, отчего Женька вздрогнула и резко обернулась, чувствуя, как внутри нее в геометрической прогрессии растет омерзение.

Нетрезвое лицо Павла, дышащее на нее отвратительным алкогольным зловонием в сочетании с закуской, находилось в ужасно опасной близости от нее: он облокотился на спинку дивана за ней и сейчас его мелкие глазки поселились на ножках Жени, которые ему с этого ракурса были прекрасно видны.

— Ноги устали еще до начала корпоратива, Павел Юрьевич. — проговорила она, потихоньку пытаясь отодвинуться от него, но вдруг ощутив, к своему жгучему недовольству, что его ладонь обхватила ее плечо, не давая сдвинуться с места.

Павел мерзко улыбнулся и, медленно пройдясь по телу Жени, поднял глаза на ее лицо, снова сбивчиво проговорив:

— Правильно, милая, такие ножки нужно беречь... Ну вот, я чего подошел-то? Пойдем к нам, за наш столик, а, Женечка? Что тебе одной-то тут сидеть? Пойдем, милая... — он обернулся и срыгнул, а Женя с отвращением поморщилась. — Я за тобой поухаживаю...

Женя судорожно закусил губу, пытаясь придумать, как отвертеться, и случайно ее взгляд упал именно туда, туда, где сидел Сергей... Она замерла, чувствуя, как внутри нее медленно распускается огненный цветок: Сергей смотрел на нее. Прямо на нее.

Он изучал ее лицо внимательным, задумчивым взглядом строгих серых глаз, откинувшись на спинку стула в развязной позе и сложив руки на груди, он смотрел на нее...

смотрел на нее...

Шок, шок, Женя не могла даже шевельнуться, сходя с ума от пылающего факела внутри себя, от бешеного стука сердца, от которого даже изображение перед глазами прыгало, как полоумное, от сдавившего до глубокой боли чувства в груди... Вдыхай, Женя, вдыхай, ты же умрешь! Но ей казалось невозможным сделать вдох или выдох — тело парализовано, она убита, убита, мертва...

А Сергей все смотрел и смотрел, не отрываясь, напряженно хмурясь и отчего-то злясь — Женя подумала, что это она опять что-то не так сделала или делает... Ну конечно, он злится на нее! На что еще-то? Он не отвел глаз, даже когда Вика, проследившая за тем, куда он смотрит, наклонилась к нему и, нежно улыбнувшись, что-то зашептала ему на ушко, а ее руки, руки... Женя, дыши, дыши, слушай свой внутренний голос! Да не страдай ты так, дурочка, ты не знала, что ли, что Сергей и Вика миллион раз спали друг с другом у него в кабинете, а может, и дома?

Она не могла смотреть, что делали под столом руки Вики, поэтому с болью отвела взгляд, чувствуя, что ей нужна срочная реанимация, перезарядка или она разорвется на мелкие-мелкие острые осколки...

Гневно взглянув на Краснохатова, ощущая его вонючее дыхание и пошлый взгляд на своих губах, Женя вскочила на негнущиеся ноги и торопливо вышла из-за стола, быстро проговорив Павлу:

— Нет, спасибо, Павел Юрьевич, у меня еще масса дел. Мне нужна кухня, уточните по количеству оставшихся закусок и насчет горячего...

— Стой, Женечек, ну ты куда?.. — запинаясь, проговорил Павел, а Женька уже летела в сторону кухни, мечтая убежать из этого места как можно дальше, бежать и бежать, не останавливаясь.

*** «Минус»

Сергей долго искал ее глазами по залу. Черт возьми, он летел на этот корпоратив, гонимый лишь одной мыслью — увидеть рыжую Женю Зябликову, спросить о дне рождения ее сестренки, о том, понравился ли ей подарок, о работе... Да не важно, о чем, главное — говорить с ней, слышать ее голос, видеть улыбку...

Он ненавидел себя за то, что все три дня в командировке не думал ни о ком, кроме нее, вспоминая ее странные глаза, ее веснушки, ее кудряшки и длинные, стройные ножки... А еще вспоминая этого самого Игоря, которого Женя ласково называла «своим», что приводило Сергея в зверское бешенство... Он бы убил его собственными руками, не задумываясь, быстро, легко!..

Ему нельзя. Нельзя было позволять себе увлечься Женей. У него были особые обстоятельства, и такое увлечение, а не просто игра, могло сломать ему жизнь... Он никогда не думал, что можно так зависеть от кого-то... Что целыми днями живешь только мыслью об этом человеке, вспоминаешь, представляешь, волнуешься... Злишься, злишься, злишься... Сергей всегда воспринимал всех женщин на земле как объекты для реализации собственных желаний. Ему и дела не было до их чувств и эмоций. Он считал их глупыми куклами, фальшивками, которым нужен богатенький, самодостаточный и очень влиятельный «папик», ради которого они на все готовы...

Как в случае с Викой, Леной и другими девушками, игравшими по его правилам, но при этом отчаянно пытающиеся скрыть то, что они привязались к нему, что они влюблены в

него...

И даже сейчас, когда он пришел, Вика не упускала шанса подразнить его тело и показать всем, какое место она занимает в его жизни... Только бедняга не знала, что Сергей в любую секунду легко и бескомпромиссно, безжалостно закроет для нее дверь, оборвав всяческие контакты...

Он ужасно нервничал, сердился на себя за это, пытался отвлечься, но ничего не мог с собой поделать... Он искал взглядом только Женю.

И он нашел ее. Сергей с трудом сглотнул, чувствуя, как проклятый жар разливается по его напряженному телу. Он ничего не слышал — что там ему говорили Вика и Павел — он только смотрел на нее...

И считал самой красивой на свете.

Странно... Как он раньше мог раздражаться на нее и думать, что она уродлива, глупа, нахальна и бесцеремонна? Он терпеть не мог рыжих... Но сейчас смотрел на ее аккуратную прическу, какое-то изящное, замысловатое плетение, украшенное чем-то блестящим, смотрел на рыжую кудряшку, падающую ей на лицо, и понимал, что в жизни не видел ничего прекраснее этих волос, отчаянно желая зарыться в них руками, потянуть за них, пропустить через пальцы... Он видел ее нежный профиль лица, яркую, белозубую улыбку, странные сиреневые глаза, сияющие чем-то невероятным, каким-то ясным светом, немного детским, наивным, но... Ему ужасно нравилась ее наивность.

Сергей медленно скользнул жадным взглядом по ее изящной шее, к платью... Гипюровое, синее, короткое, черт подери, зачем такое короткое?!? Все же смотрят на ее ножки, ножки, ножки, на ее коленочки, округлые бедра...

Разум Сергея отказывался подчиняться, он с трудом держал себя в руках, не имея сил оторвать глаза от Жени, да, той самой, да, рыжей, да, раздражающей... Но сейчас такой притягательной для него, что он был растерян, напуган и подавлен, совершенно не зная, как быть.

Сережа выругался про себя, стиснув кулаки и чувствуя взрыв ярости: он впервые был не уверен! Он впервые в жизни не знал, что ему делать с женщиной, как заговорить, как скрыть то, что он сейчас, как осел, таращился на ее тонкую талию и кое-что пониже, представив, как это «что-то» сидит у него на коленях, и повиснув на волоске от огненного взрыва.

И вот поэтому он просто сидел и изучал ее, мечтая, чтобы она посмотрела в его сторону, но... К его невероятной злости, она не смотрела. Специально? Случайно? Сергей не знал, но он видел, что Женя ужасно нервничает, вроде как и улыбается, и смеется, но будто ее вынуждают к этому... Ее глаза не горели той искрой, что несколько дней назад, а выглядели усталыми и потухшими... И ему это не нравилось.

— Ладно, Сережа, я пошел... Надо воспользоваться моментом и снова попытаться приручить эту сладкую кису... — услышал он сбивчивый, разгоряченный алкоголем и собственными мыслями голос Краснохатова слева от себя. — Ты только глянь на эти ножки! Если бы она только согласилась уединиться со мной вон в той комнатке... Моя девочка... — промурлыкал Павел и, встав, нетрезвой, чуть шатающейся походкой направился...

Сергей замер, ощутив бешеный щелчок внутри себя и просто мгновенно разъярившись, едва сдерживая свое бешенство. Краснохатов, черт бы тебя побрал, куда же ты идешь, мерзавец???

К Жене... к Жене... к Жене...

Сережа напрягся до высочайшей степени, даже почувствовав боль в мышцах, но он

ничего не замечал, а лишь пристально и внимательно глядел на то, как Паша наклоняется к Жене, чертовски близко, да как он смеет, ублюдок?.. Как она с отвращением смотрит на него... Сергей победно ухмыльнулся, чувствуя, как его сердце готово сорваться в пропасть... Как Павел еще придвинулся к ней, схватив ее за плечо, и как Женя вдруг посмотрела... на... него.

Сергей замер, заставляя себя дышать и волнуясь, как мальчишка, чувствуя радостный прыжок сердца в груди. Он так ждал ее взгляда, так хотел подойти к ней, так хотел услышать ее голос, так хотел...

— Сереженька, ты чего такой напряженный? — вдруг прошептал ему на ухо игривый голос, и Сергей, нехотя, вынырнул в реальность. — Я могу за пять минут расслабить тебя, милый, только попроси... — шепнула нежно Вика, и ее тонкая ручка вдруг прошлась по его колену, вызвав у Сергея впервые в жизни обратную, отрезвляющую реакцию, будто ему только что плеснули в лицо ледяной водой.

Дивясь на себя, он ухмыльнулся и посмотрел в призывно потемневшие глаза Вики, которая прижималась к нему под столом все сильнее, чем вдруг ужасно его развеселила, поэтому Сережа улыбнулся и проговорил беспрекословным и жестким тоном:

— Нет. Сегодня мы расслабляться не будем, Вика.

Вика вздрогнула, обиженно надув губы.

— Почему? Я как-то не так выгляжу? Сереж, ты какой-то странный.

Сергей пожал плечами, желая сказать ей, что она действительно теперь выглядит «не так» для него, но он лишь ухмыльнулся и безжалостно заявил:

— Что странного в том, что я не хочу тебя? Найди другого, Вика. А ко мне не лезь. — отрезал он беспрекословным тоном и, услышав в ответ истеричное: «Ну ты и козел, Минаев, только попробуй, подойди ко мне еще!», — сразу отвернулся, успев увидеть, как Женя куда-то стремительно уходит, а Павел хмуро глядит ей вслед.

*** «Плюс»

Чувствуя себя повиснувшей на краю чертовски глубокой пропасти, едва держась за тонкую, почти незримую нить здравого смысла и принятия действительности, Женя какое-то время побыла на кухне, приходя в себя и старательно пытаясь заглушить в себе бесконечное, тупое отчаяние, которое пилило и пилило ее сердце до крови. Она действительно узнала насчет закусок и горячего, поговорила с администраторами и, не имея предлога больше здесь оставаться, вернулась в зал, судорожно выискивая глазами одного-единственного человека, который мог ей сейчас помочь.

Семен сидел за своим столом, крутя в руке бокал шампанского и о чем-то болтая с Борисом, конструктором, уплетавшим канапе с гигантской позолоченной тарелки.

Женя почти бегом бросилась к нему, не переставая дрожать от переполнявших ее сверх меры сильных, разнообразных чувств. Плюхнувшись на диванчик рядом с ним, она с огромным облегчением схватила его под локоть и положила подбородок ему на плечо, расширенными от отчаяния глазами глядя на его лицо.

Семен тут же обернулся и ярко заулыбался, внимательно и очень тепло оглядев Женю с ног до головы, а затем развернулся к ней и, обхватив ее лицо теплыми ладонями, радостно проговорил:

— Женька! Ну где же ты так долго была?? Я думал, ты сразу со мной сядешь, а ты, оказывается, новую лучшую подружку нашла? Ай-яй-яй, как нехорошо... Отлично

выглядишь, кстати. Ну? Рассказывай. Что случилось. — утвердительно заявил он, внимательно заглядывая Жене в глаза, и та вдруг, оказавшись внутри его теплой, доброй и невероятно уютной ауры, ощутила, как отпускают тормоза ее нервы и как ей ужасно захотелось плакать.

Обняв его за руку и устроив голову на его плече, Женя в панике, отчаянно выдохнула:
— Сема! Спаси меня от него!!

Семен весело поднял брови и, отправив Бориса куда-нибудь потанцевать, потому что как раз начался медленный танец, взял ее за руку, легко проговорив:

— От кого? От Минаева?

Женька вздрогнула, нахмурившись.

— От Минаева?.. При чем здесь Минаев? От Краснохатова! Он не успокоится, пока меня живьем не проглотит, как серый волк — Красную шапочку! Семка, ты же мой друг! — она хмуро посмотрела на столик Павла и Сергея, где оба, о чем-то серьезно говоря, тарачились прямо на нее, при этом, Павел смотрел так, словно увидел вкусный десерт, с которым обнимался сейчас Семен, бросая на него яростные, ревнивые взгляды, а Сергей разглядывал ее лицо, будто сканируя ее эмоции, изучая ее пристально, жестко, строго и тоже откровенно злясь... Женя вздохнула, ощутив, как загорелись ее щеки, а сердце сжалось в тугой комок.

Семен рассмеялся, правда, не очень весело, но проговорил, снова глядя на столик отдела продаж, за которым сейчас разговаривали Лена и подсевший к ней, развеселый и счастливый Борис, ранее изгнанный лично Семеном с этого диванчика:

— Прости, подруга, но с Павлом ты должна развязаться сама. Видишь ли, он не отступит, даже если целый мужской полк или батальон будет стоять на твоей обороне... Он упертый, как дятел. Ты вполне в состоянии спокойно поговорить с ним и поставить категоричную точку в этих притязаниях... А, черт... Что же он возле нее забыл?.. — вдруг тихо, как бы сам с собой, проворчал Семен, а Женя удивленно воззрилась на него, не совсем понимая, о ком он говорит.

Но Карташов продолжал хмуро тарачиться на столик Лены Старцевой или... Женя вдруг с изумлением поняла, что он смотрит именно на нее, и шокировано прошептала:

— Лена?!? Семка! Она что... тебе нравится???

Семен нахмурился и промолчал, сложив руки на груди, а Женя неожиданно осознала, что, погрузившись в собственные проблемы и запуганные, сложные эмоции, совсем не замечала, что люди вокруг нее, те, кто ей небезразличен, могут быть тоже несчастны...

— Сема!!! — оживленно затрясла она его, подняв голову с его плеча и расширенными, возбужденными глазами глядя на своего друга, с болью наблюдающего за тем, как Лена игриво улыбалась Борису, поглядывая, при этом, совсем на другого человека, видимо, желая его зацепить. — Сема!!! Пригласи ее! Пригласи, слышишь? Потанцуй с ней! Давай же! Если ты будешь сидеть здесь, то она никогда не узнает, насколько ты хорош! Ну? Ну? Ну? — запрыгала она на диване, забыв даже обо всем, что тревожило ее еще секунду назад, а Семен недоверчиво и грустно усмехнулся:

— Жека, да ты что, не в курсе, что ли? Она в Сергея влюблена по уши! Она тут уже час с него глаз не сводит и заигрывает со всеми подряд, пытаясь заставить его ревновать! И тем более, все на фирме знают, что она с ним спит. Скажешь, что не знала, секретарша? — Семен печально покачал головой и потухшими синими глазами посмотрел на Женю, сердце которой сдавила новая удавка, к которой сверху еще добавилась петля жалости к Семену. —

У меня нет ни единого шанса. — он снова нахмурился. — И почему вы, женщины, всегда выбираете того, кому не нужны?..

Женя вздохнула и вдруг снова решительно тряхнула Сему за руку.

— Не всегда. Семен, не глупи. Сергей ее просто использует, как и всех остальных, он никогда не будет ни к кому настолько привязан, чтобы завести серьезные отношения. — сказала Женя злобно, больше себе, чем Семе, а затем, внезапно успокоившись, продолжила уверенным тоном:

— Она просто не знает тебя, даже не знает настолько, насколько я. Если ты проявишь настойчивость, уважение и интерес лично к ней, к тому, что у нее в душе, к тому, чем она дышит, то у тебя все получится! Но для этого, Карташов, тебе нужно задницу от этого дивана оторвать и не паять, как филин, оставаясь наедине со своими чувствами, а подойти к ней, заговорить и просто постепенно двигаться к своей цели...

— Да? — вдруг резко спросил Семен, захохотав и нежно погладив Женю по плечу. — А ты сама? Ты сама живешь также, как говоришь? Ты реализуешь все это в своей жизни, Зябликова?!?

Женя растерянно и смущенно потупилась, затеребив руками подол платья и пробурчав:

— О чем ты? Я... я...

— Ты? Ты? — снова тепло рассмеялся Семен и поцеловал Женю в лоб. — Милое мое рыжее солнышко! Ты сама-то почему не поговоришь с ним, а?

— С кем??? — опешила Женька, вытаращив глаза.

— С Сергеем, конечно. — уверенно заявил Семен, незаметно стрельнув на тот стол глазами, а Женя вздрогнула, ужасно покраснев. — Я следил за ним весь вечер и знаю, почему так сильно была недовольна Лена. Потому что он уже час или полтора смотрит только на тебя.

Женька не поверила своим ушам, ощутив, как гитара ее души снова расчехлилась, настроенная на мелодичное исполнение какой-нибудь романтической партии, как встрепенулось под ярким лучом надежды ее сердце, восстав из руин, как снова в необыкновенном волнении сжались ее руки и задрожали пальцы, а легкие захотели больше и больше кислорода, заставив свою хозяйку учащенно задыхаться... Неужели это правда?.. Правда?.. Смотрит на нее?.. Не имея сил сдержать улыбки, Женя подняла на весело ухмыляющегося Семена глаза и с трудом, неуверенно проговорила:

— Да нет, Семка, ты... Ты путаешь что-то. Он бы не стал на меня смотреть, он же меня терпеть не может!

Семен поднял брови и расхохотался:

— Прости, милая, но, к сожалению, это не так. И ты сама прекрасно понимаешь, что вы уже давно не ненавидите друг друга. Я и за тобой наблюдал. Если ты скажешь мне, что не умирала от волнения, когда он пришел, то ты маленькая, красивая врушка. — нежно проговорил он, а Женя вздохнула, понимая, что сопротивление бесполезно — Семен слишком хорошо умел читать по ее лицу.

— Поговори с Леной. — устало улыбнулась она. — Ты ей понравишься.

— Я и тебе нравлюсь, но у нас ничего не вышло. — пожал плечами Сема, и Женя улыбнулась:

— Это потому что нам суждено быть друзьями. Вот... — закончить мысль ей не дал снова нависнувший над ее макушкой и мурлыкающий голос пьяного Павла, покрасневшего и шумно втягивающего воздух через нос:

— Семен, могу я, с твоего позволения, забрать Женечку на танец? — он вожделенно посмотрел на Женю, и та рассерженно вздохнула, услышав, как заиграла ее любимая медленная песня.

— Я не люблю танцы, Павел Юрьевич... — строго начала она, вжавшись в Семена, но тот, к ее большому удивлению и недовольству, вдруг протянул ее руку Краснохатову и вложил ее маленькую ладошку в его большую лапу:

— Да, конечно, Павел Юрьевич! Женя как раз говорила, что ей надоело сидеть сложа руки. — Женька гневно уставилась на своего друга, но тот только подмигнул ей и тихо шепнул:

— Разберись с ним, Женя!

После этого девушка, непонятно, как и совершенно незаметно для себя, оказалась посреди танцпола, зажатая в объятьях потных, очень мощных рук и совершенно, абсолютно близко к огромному, круглому лицу и страждущим глазкам, жадно глядящим на ее губы, глаза, подбородок, шею, снова губы и так далее, чуть пошатываясь и дыша на Женьку все так же зловонно, как и час назад.

— Женечка... — с придыханием, нежно проговорил он, сжав руками ее талию и вызвав в ней первую волну отвращения и гнева. — Милая, прекрасная, невероятная... Почему ты меня отвергаешь, а? Чем я тебе не нравлюсь? — он внимательно и строго, даже почти трезво посмотрел ей в глаза, и Женя напряглась, предчувствуя что-то не очень хорошее. — Может, я что-то делаю не так? Говорю что-то не то? Может... — он чуть прищурился. — Может, ты скажешь мне, чего хочет твоя душенька? Театры? Музеи? Свожу во все! Рестораны? Без проблем! Дорогие подарки? Любой куплю, только попроси! Драгоценности, бриллианты?.. А может быть, ты шубу хочешь, а, Жень? — вдруг оживленно и с откровенной, серьезной надеждой купить Женино тело какой-то меховой накидкой проговорил Павел, заглядывая в ее глаза. — Хочешь шубу?

— Хочу. — на полном серьезе заявила Женя и, увидев, как глаза Павла зажглись каким-то безумным, азартным огнем удовольствия, тут же выдохнула и, положив руки ему на грудь, язвительно проговорила:

— Я пошутила. Павел Юрьевич! Да дело вообще не в подарках или в вас конкретно! Просто... — она сглотнула, судорожно пытаясь придумать, как дать такой отворот поворот, чтобы больше он к ней не сунулся, и, не придумав ничего лучше, со вздохом сказала:

— Просто мне нравится кое-кто другой.

Павел мгновенно почернел, хуже самого черного произведения искусства русского авангардизма двадцатых годов двадцатого века, обведя разъяренным взглядом зал и сильнее, не соизмеряя свою мощь с хрупкими косточками Женьки, прижал ее к себе с самым собственническим видом, прорывав:

— Как другой??? Кто?!? Это... это Семен??? Женя, это Семен?? — требовательно рыкнул он, а Женя, попытавшись отодвинуть его от себя, гневно прошипела:

— Это не важно, Павел Юрьевич! Важно то, что...

Павел вдруг резко ослабил хватку и совсем по-другому посмотрел на Женю, тихо, но с нажимом и какой-то странной улыбкой на лице проговорив:

— Важно то, Женечка, что меня, как бы это сказать... Не пугают конкуренты. — его рука вдруг провела по Жениной спине, опустившись к пояснице и снова скользнув на спину — кончиками пальцев по вырезу и к шее, от чего Женя резко напряглась, ощущая бешеное отторжение и самый обычный для любой женщины страх за свою безопасность и, как

говорится, зону личного пространства.

— Павел Юрьевич! — нервно воскликнула она, увидев, как потемнели его глаза, скользя по ее лицу к губам и шее, и как он наклонился к ней, дыша на ее щеку, и все также тихо, но с долей какого-то безумного азарта, продолжил:

— И если я вдруг чего-то захотел... То имею обыкновение это получать... Понимаешь меня, Женечка?

Женя с трудом выдохнула, снова почувствовав, как его огромная лапа нежно ласкает ее поясницу, двигаясь все ниже, чем еще больше пугая ее и заставляя адреналин в ее крови подскочить до состояния борьбы с возможным агрессивным поведением.

— Павел Юрьевич! Прекратите! — прошипела она, чувствуя, что сейчас взорвется, и пытаясь оттолкнуться от него, но он вдруг крепко прижал ее к своему большому, горячему, как кипящая кастрюля, и кое-где даже вспотевшему от нахлынувшей на него страстной волны, телу, и, вожделенно глядя в ее глаза, прошептал:

— Ты меня с ума сводишь, Женя... Я только о тебе думаю...

К ее окончательному, паническому ужасу, он неожиданно дотронулся кончиками пальцев до ее золотой цепочки и прошелся по ней к стрекозе с теперь уже, казалось, выпученными изумрудными глазами, повторяя выражение лица хозяйки, вот таким очень интимным жестом прикоснувшись к ее груди, и Женя вздрогнула, окончательно рассердившись и толкнув его от себя:

— Павел Юрьевич, если вы сейчас же не прекратите — я вас ударю!

Павел рассмеялся, снова придвинувшись к ней:

— Милая! Ну не надо, не надо пустых угроз! Ты же не знаешь меня...

— Паша!!! — вдруг громыхнул рядом с ними рассерженный до предела голос Сергея, и Женя в невероятном трепете дернулась, повернув голову. Он стоял около них, грозно сложив руки на груди и не отрывая жесткого, уничтожающего взгляда от Павла, излучая бешеный гнев. — Или ты прекращаешь, или тебя ударю я.

Павел повернулся к Сергею, пьяно ухмыльнувшись и махнув рукой:

— Ты чего, Серега? Мы с Женечкой просто общаемся... Иди куда-нибудь, не мешай нам...

Взгляд Сергея полыхнул бесконтрольной яростью, и он, резко, с силой схватив Пашу за шиворот, наклонился к нему и пристально, с угрозой глядя в его маленькие глазки, злобно процедил:

— Еще раз, Паша: веди себя прилично!!! ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ???

Женя не смела дышать, не смела шевелиться, не смела оторвать от него глаз, но Сергей не смотрел на нее, нет, нет, он смотрел лишь на Павла, желая его убить на этом самом месте, раздраженный, возмущенный, властный, но...

Женя тяжело, словно в условиях дефицита кислорода, выдохнула. Он не смотрел на нее.

В этот момент к ним приблизилась танцующая пара: Женя увидела, что это Лена и Борис, при чем Лена смотрела только на Сергея, сияя яростным недовольством и ядовитой улыбкой на нежном, почти кукольном лице, а Борис, как бы это было ни смешно, — только на Лену, не отрывая от ее милovidного, но злобного лица влюбленных глаз, не смеявших поверить в свое счастье так приблизиться к ней — местной звезде «Черного полюса».

— Сережа! Ты чего паре танцевать мешаешь? — с нежной, как у ядовитого плюща, улыбочкой проговорила Лена, заглядывая в Сережины глаза. — Они так мило ворковали!

— Я к тебе за помощью не обращался, Лена. — грубо отрезал Сергей, недовольно

посмотрев на нее.

Лена пожала плечами и призывно, но как-то рассерженно, закусила губу, нежно прижавшись к Борису и горячо проведя руками по его шее, внимательно наблюдая за реакцией Минаева, а после вдруг выдала неожиданную фразу:

— Ну тогда ты просто должен знать, что Женя сама вчера в секретарской говорила, что ей нравятся прикосновения Паши, только она любит недотрогу из себя строить... Ну ладно, не будем мешать.

И, повиснув на Боре, Лена уплыла в другой конец танцпола с чувством исполненного долга.

Женя так и остановилась, разрываемая чудовищной яростью, злостью, возмущением и... усталостью от всего, что она успела пережить за последние два часа, а Сергей раздраженно и хмуро посмотрел на нее, молча изучая ее ледяным взглядом, искрящимся недовольством.

Паша расплылся в улыбке, попытавшись снова обнять Женю, с придыханием проворковав:

— Это правда, милая??? Так чего же ты сразу не...

— Да черт бы вас всех побрал!! — взорвалась Женя, оттолкнувшись от него и чувствуя, как покраснело ее лицо от гнева и желания плакать. — Павел Юрьевич! Оставьте меня в покое раз и навсегда!!! И вообще, меня этот идиотизм так достал, что я готова на Луну улететь и в кратере поселиться, лишь бы никого из вас в жизни больше не видеть!!!

И она резко развернулась и, чувствуя, как слезы накапывают, стремительно убежала в женскую уборную, чтобы хоть на несколько минут действительно представить, что она на Луне.

— Жень, Жень! погоди! куда ты? — с запинками пробормотал Павел, двинувшись было за ней, но на его плечо тяжело легла рука Сергея, и, с силой сжав ладонь, он гневно проговорил:

— Идем со мной. Поговорить надо.

*** «Минус»

Сергей вышел в фойе, где было абсолютно пустынно и безлюдно, не считая гардероб, полный шуб, пуховиков и курток, и спящего молодого парнишку, прислонившегося к стене около этих самых шуб с самым блаженным видом, даже рот открыв от счастья.

Павел хмуро пыхтел, пошатываясь, бредя следом за Сергеем и явно злясь на него, но его раздражение ни в какое сравнение не шло с тем бешеным цунами, которое испытывал Сережа в эту минуту. Он мечтал размазать своего настырного дружка по стенке, а потом разгромить весь зал к чертям собачьим, разбив каждую тарелочку, сломав каждый стул, а может, и пару носов, сунувшихся не в свое дело и попавших под горячую руку, чтобы хоть как-то выпустить пар.

Развернувшись к Паше, он гневно уставился на него, а тот, смерив его недовольным, пьяным взглядом красных глазок, буркнул:

— Ну и чего это было, Серега? Ты зачем влез? Я уже почти ее уговорил...

Сергей подошел ближе, пристально и угрожающе глядя на Павла и испытывая невероятную злость.

— Отстань от нее, Паша. Я тебе серьезно говорю и пока — по-хорошему. Оставь ее в покое.

Павел достал сигареты и, дунув одной из них в фильтр, сунул ее в свой жирный,

мясистый рот, щелкнув зажигалкой:

— А тебе то что, Сереж? Ты же ее не перевариваешь... Страшная, рыжая, ух! Твой ночной кошмар. Чего вступился-то тогда, а?

Он ухмыльнулся, а Сергей сжал кулаки, едва сдерживаясь от хорошей взбучки, которую Павел явно заслужил.

— Паша, ты меня слышал? — угрожающе жестко прорычал он приказным голосом. — Не трогай Женю!!! Какое из этих слов тебе не понятно?!? Увижу еще раз, как ты к ней пристаешь, и...

— И что?? — усмехнулся Паша, выдохнув дым и пьяно качнувшись. — Врежешь мне? Дружище, ты переоцениваешь себя...

— Это ты недооцениваешь меня. — процедил злобно Сергей, а Павел препоганенько улыбнулся:

— Да ла-а-адно, признайся, она тебе понравилась! Я же вижу... Мы же, это, други... друзья! Только ты уж извини, — тоже грозно и насмешливо проговорил Павел, пожав плечами, — эта кошечка будет моей. Я первый к ней подкатил. Согласен, знаю, ты не привык, что в этом мире не все достается тебе... — он хлопнул пылающего яростью, словно танк, подбитый фашистами из гранатомета, Сергея по плечу. — Но ты не переживай, у тебя же Вика и Ленка есть, вот и развлекайся с ними, а Женечка... — он вдруг посерьезнел и его глаза сощурились, вызываясь посмотреть на Сережу. — ...моей будет. Слышишь? И ты меня не остановишь.

Сергей насмешливо поднял брови, ухмыльнувшись:

— В самом деле? Так, Паша, слушай внимательно, — не помня себя от гнева прорычал Сергей, ткнув в него пальцем и дернув за пиджак, — потому что больше предупреждений не будет!!! Или ты оставляешь Женю в покое...

— Или? — насмешливо хрюкнул Паша.

— Или я тебя уволю. — жестко и беспрекословно закончил Сережа и двинулся к двери, ведущей в зал, но Павел, опомнившись от удивления, вызванного его словами, захохотал, крикнув ему в спину:

— Уволишь?!? Ты действительно это сделаешь, Минаев?? Даже если твой папочка будет очень против такого решения? Ты знаешь, я с ним отлично лажу... Гораздо лучше, чем ты.

Сергей обернулся и совершенно невозмутимо кивнул, ухмыльнувшись:

— Да. На «Черном полюсе» я — директор.

Павел нахмурился и вдруг хитро улыбнулся, вкрадчиво проговорив:

— А что, если я скажу, что Женя и твоей никогда не будет? Видишь ли... она сказала, что ей уже кто-то нравится. А значит, она занята, братишка! И для тебя, и для меня! — и он мстительно захохотал, а Сергея прошиб холодный пот.

Ему показалось, что кто-то очень сильный схватил в это мгновение его сердце и до мучительной боли впился в него зубами, вгрызаясь, вгрызаясь все глубже... Злость, бешенство, недоумение, ревность, ревность, ревность... Он сжал кулаки, сохраняя невозмутимость на лице и, глянув на Павла, усмехнулся:

— Хочешь испытать мои слова на «слабо»? Вперед, Паша. Но я тебя предупредил.

И он вылетел из фойе быстрее, чем Павел успел что-то еще сказать.

Полный зал. Все танцуют, смеются, веселятся, пьют шампанское... Кто-то зовет его по имени, приглашает присоединиться...

Но вряд ли сейчас хоть один человек в мире догадывался о том, какие мысли бродят в голове у Сергея, злого, как сто чертей, внимательно оглядывающего все танцующие и снующие туда-сюда мерцающие в свете гирлянд тени, вряд ли хоть кто-то понимал, что в этот самый момент он чувствовал, как рассыпается в прах его будущее, как огромное, черное болото затягивает его в себя со страшной скоростью, и он сходил с ума, импульсивно вдыхая воздух.

Кто??? Кто??? Кто этот чертов... Кто ей нравится??? Этот дебильный слизняк Игорь!!! Сравнить его с землей, размазать по сугробам, порвать на клочки...

Или... Семен!!! Сергей снова прошел свирепым взглядом по залу, прикидывая уже, как отыграется на мальчишке после новогодних каникул и как заставит ночевать на работе, чтобы у него не оставалось времени на эту лабуду... Да, Семен вполне мог ей нравиться... Сергей нашел его за одним из столиков, сидящим рядом с Леной и кое-кем из конструкторов, не самых лучших, между прочим, и сверкнул глазами в его сторону. Он прекрасно помнил, как Женя нежно прижималась к нему, как смотрела на него с оживлением и радостью, как он гладил ее, целовал в лоб...

Убить, убить всех, всех!.. Фу ты, черт! Совсем свихнулся! Что за кровожадность в тебе проснулась, Сергей? Тебе точно головку у психиатра проверить не помешало бы...

Он слегка вздрогнул, немного успокоившись, и, наконец, увидел ее.

Женя сидела одна за дальним столиком, опустив голову и немного хмурясь. Сергей ухмыльнулся, снова завороченно уставившись на нее. Устроившись в уголке, она скинула туфли и, закинув одну ногу на диван, потирала ее своими ручками, видимо, испытывая боль от долгой ходьбы на каблуках...

Сережа так и уставился на ее стройную ножку, слегка согнутую в колене, снова ощутив прилив огня, и глубоко вздохнул, приводя себя в обычное состояние... Продолжая смотреть на нее, на ее ноги, на подол чуть задравшегося платья и выше, выше, на печальный профиль лица, Сережа стремительно зашагал к ней, с каждым шагом волнуясь все больше и совершенно не зная, как заговорить с ней, как задать вопрос, как себя вести... Все, что ему сейчас хотелось услышать — это чертово проклятое имя того, кто ей небезразличен. Кто? Кто? Кто?

Кто?

Сердце куда-то провалилось, напряжение все возрастало, и вот он уже подошел к ней, видит ее ровную спинку через вырез платья... Сергей нахмурился, разозлившись на свою глупость и внезапную нерешительность, а потому, мгновенно собрав себя заново, он отбросил все, что его тревожило и, ощущая лишь повышенное сердцебиение, позвал ее:

— Женя.

Она вздрогнула и обернулась, поспешно убрав ножку с дивана и одернув подол платья, вслепую нашаривая ногами туфли под столом, а затем торопливо подняла на него свои удивительные глаза, быстро вздохнув:

— Да, Сергей Викторович?

Сергей нахмурился. Спросила, будто ожидала, что он ей задание очередное по работе навесит... Он внимательно прищурился, жадно наблюдая за ней. Дышит. Неглубоко, быстро... Волнуется, волнуется...

Сердце подпрыгнуло в очередном пируэте надежды... Было ли это волнение из-за его присутствия или просто опасение, что ей придется куда-то в очередной раз метнуться по его приказанию?..

«Скажи, кто тебе нравится, говори, говори, говори или я тут все разнесу к чертям, по кирпичику разберу...» — стучало сердце Сережи, стучало отбойником в его голове, стучало во всем, пульсирующем теле, даже в кончиках пальцев, но он лишь строго проговорил:

— Павел досаждаешь тебе?

Она слегка улыбнулась и мягко пожала плечами... Ее пальчики на скатерти едва заметно подрагивали... Сережа уловил, что ему стало тяжелее дышать.

— Не так сильно. Я разберусь с ним, Сергей Викторович, ничего особенного... На рабочем процессе это не отразится. — зачем-то хмуро добавила она немного странным тоном, заглянув под стол и посмотрев, куда там запропастилась еще одна туфля.

Сережа раздраженно закатил глаза. При чем здесь вообще работа?!? Почему она хмурится? Что он не так делает, чем раздражает ее???

— Он больше не будет приставать к тебе. — сурово отрезал Сергей, сложив руки на груди. — Можешь не волноваться.

Женя удивленно посмотрела на него, будто не ожидала такого благородного вмешательства с его стороны и, наконец, обув вторую туфлю, вдруг как-то смущенно посмотрела на подол своего платья и проговорила:

— Спасибо, что заступились... Это было очень вовремя. А то мне показалось, что еще чуть-чуть — и Павел закинет меня на плечо, словно Кинг-Конг, и утащит в какие-нибудь темные джунгли. — она вдруг слегка порозовела и хихикнула, как маленькая девочка, озорно посмотрев на него, и Минаев снова вздрогнув, в который раз пожалев, что он не этот диван, на котором она сидит, и что он не Кинг-Конг, потому что идея с джунглями и из его головы тоже не выходила весь вечер...

Он ухмыльнулся, стараясь удержать взгляд на ее глазах, отчаянно желая посмотреть на ее губы... Он вдруг неожиданно вспомнил ее поцелуй. Там, в «Источнике». Вынужденный, неприятный для него, такой оскорбительный и обидный для нее... Она прекрасно понимала тогда, что он к ней испытывает глубокое отвращение и неприязнь...

Но все равно заступалась за него, ценой своей свободы, своей нормальной жизни...

Каким же идиотом он был тогда!

Сережа не удержался и скользнул взглядом к ее губам, мгновенно вспыхнув, как фитиль... Только этого еще не хватало! Успокойся, успокойся, она может заметить...

— Ерунда. Как прошел праздник твоей сестренки? Велосипед понравился? — быстро перевел он тему в безопасное русло, без джунглей и озабоченных обезьян, с трудом удержавшись и не посмотрев на ее шею и плечи, а вернувшись к сиреневым глазам.

Женя радостно улыбнулась, просяя, и мило прощепетала:

— Да, конечно, понравился! Еще бы! Она мечтала о таком несколько недель! Ждет-не дождетя лета, когда можно будет кататься, а то, говорит, в квартире нашей совсем места мало — особо не порулишь! — рассмеялась она и, повинувшись какому-то своему внутреннему инстинкту, встала и сделала шаг к Сергею, оказавшись буквально на расстоянии вдоха от него.

Взрыв. Щелчок. Все нутро Сережи вспыхнуло в бешеном, страстном вихре, отключая все мысли, кроме одной-единственной, заставляя его почти потерять контроль в неопишемом, страшном желании... Его дыхание сбилось, а пульс подскочил, он кашлянул и неожиданно вдруг сделал шаг назад от нее, молясь, чтобы она не заметила его реакцию на ее близость...

Черт подери, взволновался, как мальчишка-десятиклассник, впервые почувствовавший

влечение к своей соседке по парте... Он глубоко вздохнул и нахмурился, ругая себя за очередной дебильный заскок в его голове и сердце...

А сердце, сердце стучало, как бешеное, гоняя разгоряченную кровь по телу, не давая ему ни единого шанса на спасение, кроме...

Женя вдруг отчаянно посмотрела на него, а в ее глазах мелькнула страшная боль. Она суетливо обернулась и сделала поспешный шаг назад, отвернувшись от него и опустив голову в невероятной печали.

— Извините. — тихо сказала она, и до Сергея, наконец, дошло, как она восприняла то, что он отступил от нее... Проклиная себя, он шагнул к ней, резко схватив ее за локоть и в своей обычной манере развернув к себе, жадно и требовательно заглядывая ей в глаза...

Женя вдруг с глубокой обидой и невероятным, но каким-то трагичным сиянием четко и уверенно проговорила:

— Это из-за волос? Из-за того, что я рыжая? — она заметила, как вздернулись вверх в удивлении брови Сергея и ухмыльнулась. — Я знаю, что вы рыжих не переносите. Я надеялась доказать вам, что мы не все так плохи, что мы — обычные люди, не лучше и не хуже других... А может, что-то еще? Что во мне не так? Глупа? Наивна? Лезу вечно не в свое дело?

Сергей в изумлении таращился на нее, совсем не ожидая услышать такой прямолинейный вопрос и совершенно не зная, как отвечать. Женя внимательно смотрела на него, закусив губу от отчаяния, он дико ощущал ее волнение, чувствовал, что ей невероятно важно знать ответ...

Веснушки запудрила... Зачем? Сережа нахмурился, снова начиная слетать с катушек. Ни одна веснушка больше не раздражала его, он хотел смотреть и смотреть на них вечно, пока на земле не наступит новый ледниковый период. Ее лицо... Такое нежное, аккуратное, ресницы — длинные, как в детских книжках рисуют, губы, губы, эти губы...

«Да все с тобой так, Женя, даже слишком так, настолько, что я готов встать на колени, лишь бы ты позволила поцеловать себя, лишь бы твоя нежная рука коснулась моей щеки, черт, я все ради этого сделаю, разве ты еще не поняла???» — прокричал его внутренний голос, но он сумел лишь хрипло произнести:

— Не задавай глупых вопросов, Женя. Твой цвет волос не имеет значения... Больше не имеет значения. — поправился он и выдохнул, восстанавливая равновесие, а губы Жени дрогнули.

Она опустила глаза и, достав из своей сумочки телефон, устало проговорила:

— До свидания, Сергей Викторович. Я домой поеду.

Сергей чуть не умер на этом самом месте, отчаянно желая постоять с ней еще немного, а его мозг тут же выдал поспешное:

— Давай подвезу. Иди, одевайся. — тут же не преминул добавить командирским тоном он, отметив про себя, что желание поуправлять всем и вся из него никакими химикатами не вытравишь, а Женя, как-то странно посмотрев на него, отрицательно покачала головой:

— Спасибо, Сергей Викторович, но нет. За мной Игорь приехать обещал.

И она быстро пошла в фойе, помахав всем на прощание и послав воздушный поцелуй Семену, оставив Сергея гореть в адских, сжирающих его заживо, чувствах, ломающих все, что есть, что могло бы у него быть, но не будет, благодаря этой рыжей девице, так уверенно шагающей прочь на высоких каблуках.

*** «Плюс»

Женя вышла из ресторана и схватилась за горящие щеки, умирая от растерянности и волнения, от напряжения и тонкого, но мощного отчаяния...

Игорек прислонился спиной к «Судзуки» своего отца, сунув руки в карманы пуховика и втянув голову, спрятав подбородок за воротник. Увидев Женю, зависшую у входа в странной позе, он громко позвал ее:

— Зябликова! Ты сама дойдешь, или требуется автоматическая транспортировка тебя до машины?

Женя, тяжело дыша и облизывая пересохшие губы, дикими, воспаленными глазами посмотрела на него и как-то неуверенно подошла, молча и потерянно усевшись на переднее сиденье.

Игорек прыгнул за руль, недоуменно глядя на подругу, внутри которой все рвалось и задыхалось, трепетало и стеноло, сжималось и толкалось, а она, в бессилии откинувшись на спинку сиденья, смотрела в окно не видящими глазами, почти не шевелясь.

Игорь завел мотор и выехал с парковки, встревоженно спросив:

— Женя? Женя, ты чего? Что с тобой? Обидел кто? Женя!

Женя с трудом повернула к нему голову и, вдохнув столько воздуха, сколько могла, снова облизала губы и тихо, еле слышно выдавила:

— Кажется, я...

Игорь расширил глаза, напряженно и взволнованно уставившись на подругу.

— Что «ты»? Зябликова, не пугай меня, говори скорей, что стряслось???

Женя выдохнула, прошептав в великом ужасе:

— Кажется, я влюбилась.

Глава 11. «Плюс»

Если не можешь справиться с тем, что по уши, безответно в кого-то влюблена — научись жить с этим.

Под таким лозунгом прошли все новогодние праздники Женьки, которые она, ее семья и семья Сторожевых (вместе с Раисой Васильевной во главе, которая ни за что не позволила бы своим «непутевым» родственничкам уехать от нее так далеко и ускользнуть, тем самым, от ее неусыпного контроля) по обыкновению проводили на одной из горнолыжных трасс, весело катаясь на лыжах, сноубордах, бубликах и пользуясь всеми развлечениями подобного вида отдыха по полной программе.

Сначала Женя, утонув в своих переживаниях и совершенно бессмысленных метаниях от одной идеи, как же ей все-таки быть со своими чувствами, к другой, даже почти отрешилась от окружающего мира, не принимая в себя ни капельки веселья и полностью погрузившись в свое новое, не приносящее ей, однако, ничего, кроме боли, состояние, но благодаря верному Игорю, который помог ей включить здравый смысл и перестать так сильно убиваться по поводу того, чего еще даже не произошло, она, в конечном итоге, сумела немного расслабиться и даже подавить в себе приступы волнения, оставив Сергея в покое и стараясь не думать о нем, что, в общем и целом, у нее получалось, не считая моментов, когда пора было ложиться спать и оставаться наедине со своими эмоциями.

Одиннадцать дней пролетели легко, радостно, весело и ужасающе быстро, подобно тонкому дуновению свежего, отрезвляющего морозного ветерка, наполняющего сердце энергией и стремлением жить дальше...

Правда, волнение вернулось в полном составе, когда Женя почти бегом ворвалась в секретарскую за одну минуту до начала рабочего дня, испуганно, но с особым, долгожданным трепетом поглядев сначала на дверь директорского кабинета, а затем — на свое рабочее место, где вдруг откуда ни возьмись нарисовалась черноволосая головка, что-то с энтузиазмом жующая, разглядывающая потрясающий букет темно-красных роз, величественно выросший из вазы на столе и источавший восхитительный аромат, и плюс ко всему вышперечисленному это «явление Христа народу» параллельно еще и снимало пуховик, делая сразу несколько важных дел одновременно.

— Светка?

— Женька? — недоуменно хором спросили они и рассмеялись, а Света, удивленно глядя на свою рыжую напарницу, с укором проговорила:

— Ты чего пришла? Я же сказала тебе, у меня два семинара в четыре часа, так что я работаю утром! Голова садовая, где такую важную инфу посеяла, а? — всплеснула возмущенно руками Света, а Женя лишь вытаращила глаза:

— Когда это ты мне говорила?? Что-то я не припомню...

— «Когда-когда»... — передразнила ее Светка, хихикнув. — На корпоративе, конечно! Где же еще? Что же это теперь нам вдвоем тут толкаться и драки за телефонный звонок устраивать?

Женя рассмеялась и, скинув свой пуховик, сунула его в шкаф, немного нервно и очень

придирчиво оглядев в зеркале свой макияж, темно-синюю строгую рубашку, расстегнутую на пару верхних пуговиц, и черную юбку-карандаш, облегающую бедра.

— Можешь домой пойти, Светик, я останусь, за меня потом отработаешь. — чуть взволнованно от того, что нарисовалась перспектива провести с Сергеем целый день, проговорила Женя.

— Ладно! — с удовольствием улыбнулась Света, но тут же спохватившись, быстро прощбетала:

— Ой, Женька, тебе тут опять букетик от тайного поклонника приплыл! Краси-ивый! — Светка наклонилась к розам и шумно понюхала их, вздохнув. — Эх, везучая ты, Женька! Вон у тебя поклонники какие! Один букеты дарит, записки пишет романтические... Мне бы такого! Другой — богатый, влиятельный... — Женя вздрогнула, вытаращив на Свету глаза, но та тут же успокоила ее, рассевшись на стуле и уверенно сообщив:

— Ну, Краснохатов, в смысле! А еще Семочка Карташов, милашка! М-м-м! — она вдруг заговорщически прищурилась и наклонилась к усевшейся рядом Женьке, скидывающей сапоги и слушающей ее с самым скептическим видом. — Кстати, что у тебя с Семеном? Я вас видела на корпоративе: вы так нежно обнимались!

Женя прыснула, насмешливо посмотрев на Светку, выжидающе глядящую на нее оживленными, горящими глазами.

— Ну ты скажешь тоже! Нежно обнимались... Дружим мы с ним, просто дружим. можешь спать спокойно, Светик. Здесь даже говорить не о чем.

Светка надула губы и, снова мечтательно посмотрев на цветы, вдруг захихикала и проговорила:

— А. совсем забыла: Минаев сказал, что если в его секретарской продолжат появляться эти веники, он собственноручно найдет этого «треклятого романтика» и отстегает его ими, а потом закроет секретарскую от всех проходимцев, кроме тех, кого он сам будет вызывать к себе! Хи-хи!

Женька расширила глаза, ощутив, как забилося ее сердце при упоминании о Сергее, но, вспомнив, что обещала себе научиться с этим справляться, глубоко вздохнула, приходя в себя.

— А он что, уже здесь?!? — как-то неуверенно, задрбезжавшим, словно бусины в стакане, голосом проговорила Женя, а Светка беспечно махнула на дверь:

— Конечно! Уже полчаса как! Слышишь? Оперативку проводит.

И только в это мгновение Женя услышала его жесткий, властный голос, с утра пораньше устраивающий разнос, правда, еще не взбешенный до последней стадии, поэтому из-за двери раздавались лишь обрывки фраз и какой-то суетливый лепет тех, кто пытался любой ценой спасти себя от словесного града начальника.

— ...так почему в отчете по продажам и по сбыту готовой продукции цифры так сильно ОТЛИЧАЮТСЯ???. Мы что, продаем на десять... мать твою за ногу... процентов больше чем СБЫВАЕМ???. Вы ВО СНЕ, ЧТО ЛИ, ОТЧЕТЫ ДЕЛАЕТЕ???. ЛЕНА!!! Е! ВЛАДИМИРОВИЧ!!! Чтобы к концу дня все поправили и отчитались мне лично... — дальше его тон немного утих, и слов стало не разобрать, но Жене хватило и одной секунды, чтобы при звуке этого голоса ее душа судорожно заметалась, а пальцы охватила мелкая дрожь...

Света спокойно пожала плечами, сунув в рот очередную конфетку:

— Каждый год одно и то же. Навалиют годовые отчеты с мыслями о корпоративе и праздниках, а Сергей им потом устраивает веселый январь...

В этот момент дверь директорского кабинета распахнулась, и из нее высыпались недовольные начальники отделов, хмуро бурчавшие тихими голосами и раздраженно поглядывавшие друг на друга и на сам кабинет, словно затаив обиду не только на его хозяина, но и на всю среду его обитания.

— Света!! — раздался громкий приказной тон, и Светка обреченно вздохнула, а Женя судорожно зачем-то принялась разглядывать свои кудряшки, слегка порозовев и неуверенно поглядывая на дверь.

— Да, Сергей Викторович?

— Вызови ко мне Колпакова! Срочно, Света, срочно!

— Хорошо, Сергей Викторович! — отозвалась звонким голосом Светка и выразительно посмотрела на Женю, которая судорожно зарылась в собственную сумочку чуть ли не с головой в поисках помады, решив, что ее губы недостаточно хорошо выглядят, да и она сама как-то не очень оделась — Сергей даже не глянет в ее сторону, а «звонкоголосая», тем временем, набирала номер кадровика.

Через минуту в кабинет Минаева прошагал с гордо поднятой головой Федор Игнатьевич, и Светка, не торопясь и что-то непринужденно щебеча забывшей от волнения, как работать. Женьке, потихоньку стала собираться домой, а еще через пять минут...

— Света! Зайди ко мне немедленно! И кофе захвати. — снова беспрекословно скомандовал громкий голос из-за двери, и Светка обреченно простонала:

— Иду, иду, Сергей Викторович!.. — скинув пуховик и сварив кофе, она угрюмо поплелась в кабинет Сергея, и Женя, наконец, осталась одна, наедине со своими дрожащими коленками и съезжившимся в тугой ком желудком.

Но пожалеть себя и свою нервную систему она не успела, поскольку из директорского кабинета (проходной двор с утра пораньше!) вывалилась спиной вперед снова Света, на ходу возбужденно тараторя:

— ...поэтому я никак не могу, Сергей Викторович, ну никак, сессия же начинается! А вы попросите Женю, она здесь, вы же знаете, как она быстро все делает...

Женька с укоризной уставилась на Светку, покачав головой и прошептав:

— Что ты там опять на меня спираешь? — но Света лишь подмигнула и виновато улыбнулась, а из кабинета снова послышался голос Сергея, и Женя с замиранием сердца уловила, как почти незаметно изменилась его интонация:

— Женя здесь? Ты же должна была с утра работать? Ладно, не важно. — тут же завершил он отвлеченные раздумья и снова проговорил в приказном порядке:

— Женя! Зайди.

Женя вздрогнула всем телом и, судорожно выдохнув и приказывая себе не краснеть и не трястись, с тяжелым, бухающим сердцем стремительно ринулась в кабинет, захватив записную книжку и где-то обронив по дороге мужество.

Сергей сидел за столом, хмурясь (но это его самое популярное и излюбленное выражение лица) и что-то рассматривая в ноутбуке, развязно откинувшись на спинку своего кожаного кресла и слегка наклонив голову. Его серые глаза были сосредоточены и задумчивы, и Женя, войдя в кабинет, резко замерла около стола, не имея сил оторвать от него глаз и совершенно забыв, что нужно делать.

Около Сергея с правой стороны сидел Федор Игнатьевич, закинув ногу на ногу и все также гордо выпячивая грудь, а также отбивая пальцами правой руки по столу какой-то марш, тоже нерадостно причмокивая губами.

Сергей поднял на Женю глаза, и та в мгновение покраснела, как помидор, чувствуя, как жар пробежал по всей ее коже, по рукам и ногам, по шее и груди, заставляя ее нещадно пылать и задыхаться, душно, душно... Как же в кабинете душно, черт возьми! Дышать совсем нечем, она горела, ощущая огонь по всей своей поверхности, а ее руки, сжимающие записную книжку, мгновенно вспотели и снова затряслись.

Сергей перестал хмуриться, секунду внимательно вглядываясь в ее лицо, изучая ее эмоции, ее глаза, он проследил взглядом по ее волосам, рассыпавшимся по плечам кудряшками, скользнул по ее вырезу блузки к рукам, сжимавшим записную книжку. О чем-то немного как будто подумав или все-таки заметив ее волнение и то, что щеки Жени стали ярко-пунцовыми, он ухмыльнулся, излучая победное торжество и свое неизменное превосходство и внутреннюю, несокрушимую власть над всем, а потом спокойно проговорил:

— Там будешь стоять? Садись. Дело есть.

Женя очнулась, моментально почувствовав себя полной дурой и какой-то маленькой, незрелой девочкой, застыдившись своего поведения еще больше, чем Сергея, и стремительно подхватила растекшееся по лысоватому ковролину собственное «я» в крепкие, сильные руки, после чего уже более уверенно и спокойно прошла и села с левой стороны от своего босса, с внутренним вызовом посмотрев на него и деловито открыв блокнот.

Сергей смерил ее еще одним изучающим взглядом и проговорил:

— Итак. Ситуация следующая: через неделю будет кадровая ревизия. Она затронет полностью весь документооборот, начиная с личных дел работающих и уволенных сотрудников, и заканчивая подшивкой приказов внутреннего трудового распорядка и проверкой трудовых книжек. Ревизоры из Министерства обороны, так что у нас нет права на ошибку. А у Федора Игнатьевича, — Минаев раздраженно и недовольно посмотрел на бывшего военного, сидевшего с самым гордым видом, будто не о нем сейчас шла речь, — конь только слегка повалялся.

— Ну, Сергей Викторович, товарищ директор, я же один, а их, — он обвел широким жестом весь кабинет Минаева и его самого впридачу, — целых сто сорок человек наберется! Где же мне успеть их всех ознакомить с вашими приказами, да еще и дельца-то подшить? А трудовые? Это ж сесть надо, спокойно, обстоятельно, без спешки, и...

— Так, все ясно. — прервал его раздраженно Сергей и посмотрел на Женю, которая угрюмо таращилась в свою записную книжку, вырисовывая на полях какие-то цветочки.

— Женя. Нам понадобится твоя помощь. За неделю нужно подготовить все кадровые документы к ревизии: подшить копии приказов в личные дела, заполнить трудовые книжки, проверить, все ли сотрудники ознакомлены и сделать недостающие документы, я заново подпишу. Ты слушаешь? — недовольно проговорил он, явно намекая на ее художественное занятие в данный момент, и Женя, окончательно успокоившись и настроившись на деловой лад, спокойно кивнула:

— Конечно. Хорошо, я помогу Федору Игнатьевичу. Постараемся уложиться за неделю.

Сергей кивнул, внимательно вглядываясь в ее глаза, а Женя стойко держала оборону, всеми силами пытаясь представить, что это тот самый грубый кретин Минаев, который так раздражал ее вначале, лишь бы только не покрыться предательской краской и не выдать тяжелых, болезненных ударов сердца в груди.

Сергей чуть наклонил голову и проговорил:

— Женя, тебе, скорее всего, придется задерживаться сверх рабочего времени. Я все

оплачу, как положено. Скажи, ты сможешь?

Задерживаться?.. А интересно, он сам собирается задерживаться?.. Женино сердце возликовало внезапной перспективе побыть с ним подольше, ей так ужасно хотелось просто находиться рядом, хотя бы даже в одном помещении с Сергеем, что она согласилась бы на что угодно и совершенно бесплатно...

— Да. — спокойно кивнула она, едва сдерживая свою радость и дурацкую улыбку, изо всех сил пытающуюся раздвинуть ей губы так, что даже щеки заболели. — Хорошо.

— Вот так молодец, гражданка Зябликова, вот это я понимаю — боец! — с улыбкой прогромыхал Колпаков, ударив ладонью по столу, а Сергей кивнул:

— Тогда приступаем к работе.

*** «Минус»

Неделька выдалась напряженной. Помимо основной работы и сыплющихся со всех сторон, как гигантские шишки со старых елей, обязательно больно бьющие именно по голове, проблем, Сергею приходилось постоянно контролировать процесс подготовки к ревизии, подписывать горы запропастившихся в какую-то черную дыру документов задним числом и неизменно справляться о том, чего еще не хватает для «полного счастья ревизоров», чтобы все прошло как по маслу.

Спасала очень сильно Женя.

Сергей видел, как она целыми днями, до позднего вечера рылась в огромных стопках бумаг, пропадала в архиве, бегала по фирме с целью собрать необходимые подписи и писала, писала целые горы трудовых книжек, укрывшись с головой за их высоченными башнями.

Он заметил, что чаще, чем когда-либо, стал оставлять дверь в свой кабинет открытой, чтобы иметь возможность видеть ее, смотреть, как она улыбается, весело болтая с зашедшими за кружечкой кофе сотрудниками, как помогает всем нуждающимся, особенно тем, кто любил полениться, и обращался к ней с просьбами пару часиков не соединять с ними звонки под предлогом интенсивной работы, он внимательно и жадно наблюдал, как она иногда подходила к зеркалу и красила губы помадой, придирчиво оглядывая свой внешний вид, недовольно хмурясь и вертясь перед собственным отражением, но Сережа был с ней не согласен — она казалась ему безупречной...

В общем, Сергей ничего не успевал решить на работе за целый день, поскольку полдня замороженно, как последний придурок, пялился на свою секретаршу, сгорая от желания схватить ее в охапку и грубо так прижать к себе, зацеловывая до смерти, а еще сгорая от сумасшедшей ревности, когда она улыбалась другим, сгорая от тревожных мыслей о том, как же она сама к нему относится и, наконец, сгорая от волнения и нервного переживания, когда она случайно оказывалась слишком близко, заставляя его сердце биться сильнее, кровь — кипеть, а мозг — безнадежно пустеть, не успевая ухватить ни единой толковой мысли, чтобы озвучить ее...

В результате он места себе не находил, а все его сильные, только увеличивающиеся с каждым чертовым днем эмоции плавно перетекали в мощную, безумную ярость на себя и раздражение, что из-за этой рыжей девчонки он стал совсем как мягкотелый идиот. Ярость эта, однако, находила способы выходить наружу, и Сережа с упоением орал на всех своих коллег, ощущая хоть незначительное, но облегчение.

Стоял вторник. Последний вечер перед ревизией. За окнами уже было по-зимнему

темно, хотя время еще только близилось к шести часам. Сергей сидел в своем кабинете, проверяя очередные выгрузки бухгалтерской отчетности и то и дело бросая взгляды в секретарскую, туда, где шумно работал принтер и виднелась рыжеволосая макушка Жени из-за секретарской стойки.

Странно, но Сергей испытывал новое, невиданное ему доселе чувство, которое раздирало его грудную клетку изнутри и было очень сильным... Это была какая-то... настроенность, что ли? Он не знал, как можно описать тот дурдом, что выкручивал его наизнанку. Настроенность... настроенность... Да, черт бы побрал все эти дурацкие, бабские эмоции!! Он был настроен на Женю каждой клеточкой своего организма... Его уши слышали лишь ее шаги, ее движения, ее голос... Его глаза перескакивали на нее всякий раз, когда она оказывалась в поле зрения. Его нос ощущал тонкий аромат ее духов... В секретарской он был настолько легким, что практически незаметен, но Сергей до боли пытался ощутить этот запах полной грудью... Его руки... Так, все, стоп, стоп, прекратить безумный разгул фантазии! Сергей, ты чокнулся совсем, что ли? Работай давай, а не духами дыши, идиот...

Но ему так ужасно хотелось подойти к ней, понаблюдать за тем, как она сосредоточенно набирает что-то на клавиатуре, как мило зажимает плечом телефонную трубку, успевая еще отвечать на звонки, как ее лицо подсвечивается бело-голубым светом монитора, а глаза сияют в полутемной секретарской...

Черт, да что же это за дьявольщина?!? Опять отвлекается, совсем ничего так и не проверил за последние полчаса! Сергей гневно швырнул ручку на стол и сложил руки на груди, пытаясь успокоиться. Закрывать входную дверь. Нужно закрыть дверь... Прервать эту дурацкую связь, настроенность, да как угодно... Тогда он не будет таращиться на нее, словно баран — на новые ворота...

Сергей почти встал, но... Нет. Он сел обратно, чувствуя, что не может сделать это... Как же ему отвлечься от этой девчонки? Как переключиться? Он не должен был столько думать о ней, не должен был так жадно следить за ее действиями, словами, глазами, улыбкой...

Как он раньше жил без этого? Он будто зависим от нее, как от затянутого остросюжетного сериала или как от никотина... Нет. Нельзя! Нельзя!

Сергей уверенно встал и, преодолевая жесткое сопротивление своего нутра, стремительно зашагал к двери, но закрыть не успел: в кабинет, нежно качая бедрами, вошла Лена Старцева и с победной улыбкой помогла Сереже решить дилемму с дверью, захлопнув ее за собой.

Сергей недовольно нахмурился: он не хотел видеть Лену. Он вообще никого не хотел видеть...

— Лена? Что случилось? Ты по работе? — хмуро спросил он, а Лена мягко, словно пантера, подошла к нему близко-близко, и ее руки ласково провели по его пиджаку, скользнув к рубашке, и, горячо погладив Сергея по груди, поднялись к его шее, страстно потянув его за волосы на затылке.

— Да, Сереженька, по работе... Мне очень... — она потянулась и нежно, волнующе поцеловала его в шею, едва коснувшись губами кожи. Сергей хотел оттолкнуть ее, потому что теперь ему казалось глупым и неуместным иметь любовниц, ощущая особенное отторжение к ним и притяжение совсем к другой, но... — очень... очень... — снова прошептала Лена ему на ушко, продолжая целовать его дразнящими поцелуями, а ее руки, горячо сжав его шею, снова скользнули по груди и ниже, туда, где находилась пряжка ремня,

заставляя сверх меры напряженное от раздумий о Жене тело Сергея отчаянно среагировать на ее тепло и прикосновения, предательски вспыхнув горячим, неудержимым огнем желания. — ...очень нужна твоя помощь... кое с чем.

Снова поцелуй — мягкий, нежный, но очень требовательный, прямо в губы...

Сергей зарычал, невообразимо желая оттолкнуть ее и унять разбушевавшуюся в нем стихию, но... Он был так чертовски напряжен и, помимо прочего, вдруг вспомнил, что собирался найти способ избавиться от Жени Зябликовой в своей голове раз и навсегда... А как лучше это сделать?.. Правильно, развлечься с другой. Возможно, чувство к Жене — не более, чем влечение, и оно пройдет после того, как он успокоит взбесившиеся гормоны...

В страшном сомнении посмотрев на Лену стальным, хозяйским взглядом и пытаясь не думать о Жене, он вдруг решил: а!.. Была не была!

И, сжав челюсти и нахмурившись, он прошел рукой по Лениной спине к волосам, грубо схватившись за них и потянув назад, открывая ее шею, после чего набросился на Лену с жадным, огненным и очень жестким поцелуем, злясь на все на свете, просто кипя, кипя удушающим жаром... Ее взволнованный вздох — и Сережа ощутил, как с новой силой безумства вспыхнуло его тела, позволяя разуму и чувству контроля уйти, помахать ему ручкой, ножкой, да чем угодно...

Лена вздохнула еще раз, потянув его на себя, и Сергей с силой схватил ее в охапку и посадил на стол, пребывая в бешеной агонии, срывая с нее одежду и не слыша ничего, кроме пульсации крови в висках и ее судорожных вздохов и тихих стонов от его обжигающих прикосновений.

*** «Плюс»

Женя находилась на белых и пушистых крыльях эйфории.

Он смотрит на нее! Смотрит, смотрит! Она чувствовала его взгляд на себе, она умирала от волнения, стараясь ничем не выдать своего трепета и пытаясь вести себя, как обычно... Когда она красила губы — он смотрел на них с ярко выраженным мужским интересом, пристально, зачарованно... Она не могла дышать, да и не хотела, боясь разрушить волшебную магию...

Сергей смотрел за тем, как она общается с другими, наблюдал за ее движениями, действиями, руками и... О, да, Женя ликовала... и он смотрел на ее ножки, медленно, ласково изучая их, заставляя ее гореть удушающим пламенем и желать хоть на секунду ощутить его прикосновение к себе...

Женя летала на облаке счастья, мечтая, когда все, наконец, уйдут с фирмы домой и они останутся одни... Может быть, что-то прояснится, что-то сдвинется с мертвой точки, станет понятнее и... может, между ними... произойдет... поцелуй?..

О, об этом она даже думать не смела, умирая от волнения и чувствуя себя маленькой, глупой девчонкой, влюбившуюся во взрослого мужчину и на что-то наивно рассчитывающую с его стороны...

Но все ее мечты больно рухнули об острые камни реальности, упав с огромной, головокружительной высоты.

Лена. Она вплыла в секретарскую с самым довольным, предвкушающим кое-что интересное и очень приятное, видом акулы и, победно и мстительно улыбнувшись Жене, внутри которой что-то оборвалось, проговорила ядовитым шепотом:

— Смотри и учись, рыжая глупышка.

После этого, Старцева влетела в открытую дверь кабинета Минаева и громко захлопнула ее за собой.

Женя пусто уставилась в монитор. Ей показалось, что кто-то с мясом выдернул из нее душу. Нет, нет, нет, он не будет там с ней... Не будет! Он же... он же...

Выронив телефонную трубку дрожащей рукой и мечтая вцепиться себе в волосы и разрыдаться, забыв обо всем на свете, Женя закрыла лицо горячими, дрожащими ладонями, чувствуя невыносимую боль...

Ну как можно быть такой наивной дурындой?!? Сергей ничего не обещал ей, да он вообще ее всегда терпеть не мог, не важно, что он пару раз заступился за нее, не важно, что смотрел — мало ли, какие там шальные мысли в его голове, возможно, он просто пялился от нечего делать... Зачем ему отказываться от столь щедрого предложения? Тем более, Лена действительно была очень красивой, блондинкой, стройняшкой... А главное — самодостаточной и уверенной в себе, чего нельзя было сказать о Жене...

Пять минут... Десять... Пятнадцать...

Жене показалось, что она услышала женский стон, и больно сжалась в своем кресле, чтобы не слышать, не знать, не думать о том, что там происходит, мечтая умереть прямо сейчас, провалиться глубоко-глубоко под землю, смыть с себя это дурацкое чувство, влюбленность, как какую-нибудь грязь, да, да, грязь... Потому что в ней не было абсолютно ничего хорошего, и, судя по всему, она закончится лишь тяжелым, болезненным и несомненно несчастливым финалом! Эта пресловутая влюбленность, так легко окрылившая ее пару недель тому назад, эта же влюбленность теперь уничтожала ее заживо, прогрызала ее сердце, словно яд, болью растекаясь по ее венам...

Двадцать минут. Она больше не сомневалась в том, что Сергей и Лена делали в кабинете. Стиснув зубы и попытавшись забыться, она погрузилась в работу, но почти не видела то, что происходит под ее руководством на мониторе...

Она страдала от обиды. От своей глупости, от своего чертового глупого сердца. От этого кретина Сергея, который так некстати засел в ее голове и сердце, словно заноза... Но она должна справиться с этим. Она не зачахнет из-за какого-то очередного представителя мужского пола. Она сделает все, чтобы жить дальше самой обычной, самой нормальной жизнью одинокой, но все же, надеющейся однажды встретить своего мужчину, девушки...

Женя вдруг успокоилась и принялась с новой силой ожесточенно печатать приказы, переключившись на рабочий настрой.

*** «Минус»

Черт побери, какой же идиот!

Сергей застегивал рубашку, ненавидя и презирая себя за глупую идею отвлечься от Жени, переспав с другой... Ему было до того невероятно мерзко и отвратительно за то, что он сделал, что Сережа мгновенно разъярился.

Он бросил хмурый, недовольный взгляд на светящуюся радостным оживлением Лену, заправляющую рубашку в юбку и обувающую туфли, с улыбкой и какой-то долей преданности глядящую на него.

Сергей вдруг поразился: как он вообще мог иметь какие-то отношения с этой жестокой и надменной куклой? Для нее же вся жизнь — это игра, в которой она движется вперед, становясь успешнее только за счет того, что не гнушалась никакими средствами достижения своих целей... Улыбается... Эта, ничего не значащая, интрижка заставляла ее чувствовать

себя будто на каком-то особом месте, будто придавала ей некий статус, который делал ее выше остальных женщин на «Черном полюсе», но... На деле эти отношения лишь унижали ее... Она догадывалась, что он спит не только с ней одной, с ее подругой Викторией в том числе, но все равно ходила к нему, как привязанная... А она и имела такую неосторожность — привязаться... Только и всего. Дешевая девица...

Сергей поморщился, злясь все больше. Вот и сейчас — искусственная улыбка, фальшивая страсть, безэмоциональные прикосновения, ненастоящие чувства... Все в ней, включая кукольную, почти безупречную внешность, раздражало его. А главное — он, черт возьми, так и не смог отвязаться от Жени! Он был на грани сумасшествия, ему казалось, что он касается руками рыжих кудряшек, а не прямых и светлых, шелковистых волос, он представлял, что целует ее губы, Женины, те самые, с темно-малиновой помадой — и в его груди разворачивалось новое пламя, он терял контроль, вживаясь в свои фантазии и горячась все больше и больше, наращивая обороты и неистово и жадно целуя, лаская, сжимая бедра Лены... нет, Жени... Жени... Воображение отключало реальность, Сергей умирал, сходил с ума, становясь все нежнее, а потом... Вздохи. Лены. Лицо. Лены. Тело. Лены... Он остывал также быстро, немедленно начиная злиться на свои проклятые мозги...

Черт побери, святое проклятье, Женя!!!

Сергей вздрогнул, резко похолодев до такой степени, что его даже почти парализовало...

Женя, Женя, она же там, снаружи! Она же все понимает... А может, даже и слышала чего...

— Сережа, ты сегодня какой-то не такой. — рассуждала с довольной улыбкой Лена, пока Сергей справлялся с бешеной волной безумной паники и ярости на себя. — Даже, я бы сказала, нежный... С чего это, интересно? Сереж...

Он резко подлетел к ней, бешено посмотрев на нее наполненными горячей яростью глазами и, грубо схватив за локоть, прошипел:

— Больше никогда, никогда не приходи ко мне, Лена!!! Ты поняла??? Никогда!!! Только по работе! Это был последний раз, ясно?!?

Лена вытаращила на него испуганные глаза, и Сергей заметил, как ее нижняя губа задрожала от обиды и непонимания.

— С-сереж?? Н-но... почему? Что тебе не понравилось? — она вцепилась в его рубашку, с мольбой заглядывая в его глаза, но Минаев чувствовал лишь раздражение и отвращение и к ней, и к себе. — Давай поговорим, Сережа!

Он нетерпеливо выдохнул, думая только о том, как там Женя, что она думает, или, может быть, чувствует?.. Резко сорвав Ленины руки с себя, Сергей грубо развернул ее спиной к себе и, подталкивая к двери, гневно почти прокричал:

— Лена, ты меня что, не поняла??? Я сказал: все!!! И не собираюсь предоставлять тебе письменный отчет о своих действиях, ты мне не жена!!!

— Но... Сереж! — закричала в гнев Лена, уже у двери развернувшись к нему. — Так нельзя! Я тебе не жена, но и не проститутка какая-нибудь, чтобы ты меня использовал, а потом гнал в шею, как паршивую собаку! Ты не поступишь так со мной!!! — в ее глазах мелькнули слезы.

Сергей разъярился, грубо схватив ее за плечи, и прошипел ей в лицо:

— Лена, не устраивай сцен! Я тебе ничего не обещал! И не испытывай мое терпение, иди домой, я все сказал, а если что-то не нравится — увольняйся К ЧЕРТОВОЙ

БАБУШКЕ!!! — проорал он ей в лицо и, открыв дверь, вытолкнул ее из кабинета.

Пару минут посидев на стуле около того самого стола, где все и случилось уже в который раз, Сергей попытался успокоиться и подавить в себе дрожь омерзения от того, что он сделал...

Сделал с Леной.

Какой бы она ни была, она, наверное, не заслуживала такого к себе отношения... В ее привязанности к нему виноват лишь он, это он открыл для нее эту дверцу, в которую она с удовольствием вошла... А теперь он же и прогнал, когда она стала не нужной... Отвратительно. Но Сергей как-то не умел обращаться с женщинами по-другому, тем более, раньше у него не возникало необходимости анализировать их эмоции и переживания... И теперь ему это совсем не нравилось...

Сделал с Женей.

Что там сейчас с ней происходит? Она злится на него? Ненавидит его? Презирает, как и он сам себя? После того, как он явственно дал понять, что заинтересован ею... Получается, как будто предал... Но должен ли он оправдываться перед ней? Может, это и к лучшему, пока между ними не завязалось что-то более серьезное и не разрушило его жизнь окончательно?

Сергей встал и стремительно полетел в секретарскую, понимая, что никакими самоубийствами не сможет забыть Женю Зябликову и что ему так отчаянно хочется узнать, как она отреагировала на все это, что он бы умер за эту информацию и за маленькую, крохотную надежду на то, что она, все-таки, ни о чем не догадалась...

Он рывком распахнул дверь, подлетев к стойке и нависнув над ней, жадно глядя на Женю, которая с абсолютно непроницаемым, каменным лицом печатала что-то на мониторе, даже не посмотрев на него, даже не подняв головы...

Его сердце рухнуло куда-то в желудок. Обижается. Конечно, все поняла... Какой же идиот!!! Сергей зверски злился, не зная, что сказать... Что тут скажешь? Как объяснить ей, этой серьезной девочке, внимательно уставившейся на монитор экрана, что он совершил ошибку, что он не знает, что ему делать дальше в своем дурацком влечении к ней?

А она сидит, глаз не поднимает, черт бы побрал все на свете!

— Женя! — строго позвал он ее, вдруг сообразив, что вечно приказывает ей, командует, даже не попытавшись общаться нормально. — Женя. — чуть более спокойно позвал он ее снова, и она, наконец, подняла на него свои странные, фиолетовые глаза.

Сережа так и застыл, глядя в них и пытаясь считать каждую эмоцию, каждое чувство... Обида... боль, кажется... Вот проклятье! Он ей... безразличен.

Книги на сайте — Книголюб. нет

Сердце сделало сальто в груди, на минуту выпрыгнув из той пропасти, в которую угодило, а Женя тихо и серьезно сказала:

— Да, Сергей Викторович? У вас какое-то дело ко мне?

Сергей нахмурился, подавшись вперед и мечтая вернуть время назад, всего на каких-то двадцать минут, чтобы не было этих отстраненных, холодных глаз, не было этого сурового лица, а лишь мягкая улыбка... Она ему так нравилась.

— Женя, ты... ты... — «ты в порядке?» — что за идиотский вопрос?!? Минаев, у тебя явно с головкой что-то не то последние пару недель, а может, и месяц, вот ты чушь всякую и несешь...

А Женя внимательно поизучала его своими ясными, но такими отчужденными глазами,

а потом вдруг тихо, но с большой долей печали и насмешки, проговорила:

— Сергей Викторович, вы галстук потеряли где-то. Помочь вам отыскать?

Сергей в невероятном шоке и недовольстве глянул на себя, и действительно, черт бы его побрал, черт бы побрал эту Лену, галстука на нем не наблюдалось... Он мгновенно вспыхнул в новом приступе жгучего отвращения к себе и безумной ярости на то, что стал причиной столь нелепой ситуации, а Женя даже и понятия не имеет, что творится у него внутри при одной только лишь мысли, что она где-то рядом, в нескольких метрах от него, так что он импульсивно ударил ладонью по стойке, не сдерживая ярости, и гневно и отчаянно воскликнул:

— Твою мать, Женя!!! — после чего, он стремительно унесся обратно в свой кабинет, громко треснув за собой дверь.

*** «Плюс»

Ой-ей. Женька, по-моему, ты переборщила. Он — свободный мужчина, он — твой начальник, а ты — всего лишь девчонка, которой, пока что, никто в любви не признавался...

Женя обмякла на стуле, чувствуя стыд и вину. Она не имела права так с ним разговаривать! Он ничего не знал о том, что она безнадежно влюблена в него, и даже сама эта мысль о его связи с другой женщиной, здесь, всего в каких-то нескольких метрах от нее была невыносимой, невыносимой...

Этот галстук... как доказательство... резанул по ее страдающему сердцу острым лезвием, поэтому она не удержалась. И разозлила его конечно, как обычно, тем, что опять влезла в его жизнь, не в свое дело...

Мгновенно остыв, Женя вскочила на ноги и бросилась к двери директорского кабинета, тихонько постучав:

— Сергей Викторович!.. Можно я войду? Пожалуйста.

— Входи. — раздалось жесткое изнутри, и Женя открыла дверь.

Сергей сидел за ноутбуком, хмуро уставившись в него и что-то щелкая там мышкой. Когда вошла Женя, он поднял на нее все еще горящие от гнева глаза, и девушка спокойно и немного робко проговорила:

— Извините меня. Мне не следовало так... Это было нетактично.

Сергей поднял брови и ухмыльнулся, откинувшись на спинку стула:

— Почему же? По-моему, как раз тактичней не бывает. — он тут же нахмурился. — Ты меня тоже извини. Я не должен был... — он замолчал и с каким-то странным блеском в глазах спросил:

— Проехали?

Женя усмехнулась. Поразительно! Она всегда скептически и немного насмешливо относилась к тем женам, которым изменяют мужья, но они все равно продолжают отчего-то прощать им измены и жить с ними. Ей сложно было представить, что можно продолжать любить мужчину после того, как он был близок с другой, после того, как другая женщина оставила на нем запах своих духов, след своих прикосновений и поцелуев... И все это за спиной, словно нож между лопаток... А ты сидишь и ждешь его, считая, что те слова, которые когда-то были сказаны лишь тебе, он никому больше никогда не повторит... Но и после такого ты продолжаешь оставаться рядом с ним, униженная, опущенная, брошенная им на самое дно, словно использованная в течение какого-то периода времени, а теперь ненужная, с истекшим сроком годности... Женя уверенно считала, что это не любовь, а

какая-то болезненная привязанность или страх одиночества, иначе что еще вынуждает их терпеть подобное отношение?.. А теперь она вдруг поняла. Осознала одну странную вещь для себя. Всего несколько минут назад мужчина, который ей небезразличен, показал, насколько несерьезно его отношение к ней, а теперь он говорит: «проехали?..» и Женя готова «проехать» все, что угодно. Все, что угодно! Лишь бы наладить с ним опять тот невероятный контакт, лишь бы он позволил находиться рядом с ним, лишь бы снова удостоил ее своим заинтересованным взглядом... За эту надежду она смогла даже выдавить из себя едва заметную улыбку!.. О, Боже, неужели у нее настолько нет гордости, неужели она настолько глупа и беспринципна, настолько отчаялась и устала от одиночества?? Да она просто слабая и никчемная, раз готова на любой шаг, лишь бы просто находиться рядом... И почему ее снова так тянет к нему?? Почему?? Дура, дура, он с другой тут развлекался, а ты?.. А ты?..

— Проехали. — сказала она, чувствуя, как ее внутреннее «я» звонко бьет ее в грудь и обзывает нехорошими словами, напоминая ей о ее душевной боли и недавних страданиях.

Сергей секунду хмуро вглядывался в ее лицо, а затем решил перевести разговор в менее опасное русло:

— Много тебе там еще?

Женя посмотрела на круглые настенные часы в секретарской и вздохнула:

— Часа три-четыре, наверное. Не меньше. Сейчас приказы доделаю, вы подпишете и буду подшивать.

Сергей кивнул и недовольно проговорил:

— Понятно. Иди. У меня тоже много работы.

Женя кивнула и скорее вышла, прикрыв за собой дверь и отметив, что с закрытой дверью в его «чистилище» ей гораздо легче не думать о нем, как будто она помогает создавать невидимый, защитный барьер между ними, вытаскивая ее из той пропасти, куда она так стремительно падала.

*** «Минус»

Сергей старался, как мог. На часах время подбиралось к восьми вечера, а он продвинулся лишь на пару мелких шажков, бесконечно, по какому-то адскому, мучительному кругу возвращаясь мыслями туда, где работала не покладая рук Женя, сидя за своим рабочим местом и сосредоточенно глядя в монитор...

Интересно, как она там? Сергей понимал, что она не простила его, что ей было сложно пойти на мировую, и от этого его сердце и радостно бухало и разрывалось болью одновременно в груди...

Она, наверное, устала... Может, хочет есть? Да, наверняка! Ну, дурак, только сейчас догадался!

Сергея быстро подошел к двери и, радуясь хоть малюсенькому, но предлогу поговорить с ней, рывком распахнул ее. Женя сортировала какие-то стопки: видимо, напечатала приказы и теперь занимается регистрацией. Она резко и удивленно подняла на него глаза — усталые, потухшие, все такие же обиженные, — но Сергей намеревался во что бы то ни стало изменить ее отношение.

— Женя? Ты есть хочешь?

Она вдруг подняла брови и так мило улыбнулась, что внутри Сергея тотчас же все взорвалось от нежности к ней.

— Есть?!? А вы знаете, Сергей Викторович, сколько дней человек может обходиться без еды?? Я читала: целых пять! — затараторила Женя шутливым голосом, будто снова став самой собой, а Сережа, тоже улыбнувшись над ее немного детскими высказываниями, серьезно проговорил:

— То есть, это значит «да»?

Женя улыбнулась и кивнула.

— Да.

Сергей, не мешкая, сунул руку в карман и, вытащив телефон, все еще проклиная себя за то, что не спросил ее раньше, беспрекословно заявил:

— Я закажу ужин. Есть особые пожелания?

Женя закатила глаза, а Сергей любовался ее повеселевшим лицом, считая невероятно милой и восхитительно привлекательной в эту минуту, что невозможно глаз оторвать... Милашка... Вспышка! Сергей ощутил, как загорается, поэтому легонько тряхнул головой, приводя мысли в порядок, а Женя, тем временем, весело заявила:

— Ага: свежий хлебушек и ореховая паста. Шикарный ужин!

Минаев, снова поборов прилив нежности и огня, ухмыльнулся, насмешливо подняв брови, и категорично заявил:

— Нет.

Женя надула губки, а Сережа поспешно закрыл дверь и глубоко вздохнул. Нет, эта девчонка его с ума точно сведет! Он нахмурился и набрал номер «Бонапарта».

*** «Плюс»

Кажется, у нее неплохо получается быть самой собой! По крайней мере, говорит глупости и делает все такой же наивный, веселый голос, что и раньше, до того, когда началась канитель со всей этой влюбленностью.

Женя сортировала приказы по номерам, чтобы проще было подшивать, а сама думала об этой странной, невероятной привязанности к нему... Ведь сегодня он повел себя мерзко, отвратительно, причинил ей боль, он все такой же грубый и самодовольный, считающий весь мир ниже собственного достоинства, и, уж конечно, он не испытывал к ней и половины того, что она чувствовала к нему... Она злилась на него, обижалась, но... Не могла, все равно не могла вырвать его из своего сердца.

Это казалось ей диким, казалось проявлением слабости и отсутствием какой бы то ни было женской гордости, но Женьке, несмотря ни на что, невероятно хотелось быть рядом с ним, здесь, сейчас, чувствовать его присутствие там, за закрытой дверью, украдкой наблюдать за ним и ждать, ждать ответного взгляда хоть всю оставшуюся жизнь... Никакая боль, причиненная им ей, не могла отвести ее от этого...

Какая-то ненормальная любовь...

Входная дверь хлопнула, и в коридоре послышались знакомые уверенные шаги: Женя взволнованно встрепенулась и одернула блузку, выпрямив спину и закину ногу на ногу, стараясь не таращиться жадными, внимательными, ожидающими его скорейшего возвращения глазами в коридор.

Сергей влетел в секретарскую с пакетами и, увидев Женю, тут же скомандовал:

— Ко мне в кабинет.

Женя не удержалась и улыбнулась: да... с его любовью управлять людьми, наверное, ничто не сравнится.

Уняв жуткое волнение от того, что она сейчас будет ужинать с ним за одним столом, хоть и рабочим, но все же, Женя, заставив себя поверить, что это не свидание (о, мечты, мечты!), а деловой ужин, подскочила и суетливо начала вытаскивать коробки с едой, которая пахла изумительно, тут же притащив тарелки и ложки из чайной комнаты.

— Ух ты! Это же «Бонапарт»! — обрадовалась Женя, увидев надпись на одной из коробок, и восторженно посмотрела на Сергея, который, тоже распаковывая коробки, не забывал внимательно следить за ней каким-то странным, сияющим взглядом.

— Ну и что. — безразлично пожал он плечами, а Женя вдруг заметила отблеск улыбки на серьезном, почти всегда хмуром лице.

— Как «что»? Там моя мама поваром работает! — радостно воскликнула Женя, отметив про себя, что рядом с Сергеем превращается в дуру. Он удивленно поднял брови и ухмыльнулся:

— Seriously?

— Ага... О, вот это ее рук дело! — Женя с огромным восторгом показала на что-то мясное в соусе с овощами, похожее на наше старое доброе жаркое, и тут же добавила:

— Называется «бланкетт из телятины». С грибочками. Мама туда фенхель добавляет, говорит, во Франции так едят.

Сергей вдруг улыбнулся и ткнул пальцем в, казалось бы, обыкновенный картофель под соусом, с интересом спросив:

— А это что?

Женя, которая с невообразимым счастьем на лице распаковывала клубничный десерт, даже почти не посмотрела в сторону того блюда, но зато уверенно заявила:

— А это «гратен дофинуа». Картошка, сыр специальный, мускатный орех, сливки... Вкуснятинка! Это Валерий Сергеевич готовил, он по ним спец. — улыбнулась Женя, вспомнив тучного коллегу мамы с работы, выделяющегося круглым, румяным лицом, густыми бровями и конским хвостом, вечно торчащим из-под поварского колпака.

Сергей недоуменно проговорил:

— Ты и поваров всех оттуда знаешь?

Женя кивнула.

— Да, конечно. Они иногда к нам в гости на праздники приходят... Мы потом неделю все это доесть не можем. — весело пожаловалась она и вдруг тоже с удивлением посмотрела на Сергея:

— А вы почему у меня названия спрашиваете? Вы разве не знаете, что заказали?

Сергей ухмыльнулся и пожал плечами.

— Зачем мне эти названия? Просто сказал завернуть все самое вкусное, я им доверяю.

— И самое дорогое. — вдруг угрюмо заметила Женя, как-то сконфузившись. Она уселась за стол и посмотрела на Сергея, который уже спокойно уплетал еду, выложенную Женей для него на тарелку, и снова щелкал мышкой в ноутбуке. Оглядев все эти невероятные, восхитительные блюда, она серьезно проговорила:

— Это же все кучу денег стоит, Сергей Викторович. Давайте я хотя бы половину верну. а то это как-то неправильно...

Сергей поднял на нее насмешливый взгляд и весело ухмыльнулся, язвительно проговорив:

— Да, конечно, Женя, сейчас, только подожди, калькулятор достану, посчитать ведь нужно, сколько из твоей зарплаты вычитать в следующем месяце придется... — Женя с

довольным видом закивала головой, а Сергей, сообразив, что она не почувствовала сарказма в его голосе, закатил глаза и жестко проговорил:

— Женя, ты что, совсем? Выброси всякий идиотизм из своей головы и ешь! Ты серьезно думаешь, что я бы позволил тебе вернуть мне деньги???

Женя вспыхнула, залившись краской, и уткнула глаза в свою тарелку, ругая себя на чем свет стоит за очередную, ляпнутую ею в его присутствии глупость.

*** «Минус»

Сергей пытался сосредоточиться на работе, но ему ужасно хотелось еще слушать ее рассказы о себе, своей семье, да и просто смотреть на нее, на то, как она мило выковыривает кукурузу из салата, как она поправляет кудряшку, которая без конца падала ей на лицо, как она болтала ножкой под столом и как чертовски чудесно улыбалась, отвечая на его вопросы, а ее глаза загорались оживлением и удовольствием.

Ему было невыносимо приятно сидеть вот так рядом с ней, разглядывать ее тайком, пока она не видит, любоваться ее милым личиком, и Сергей ощущал себя так, словно он грелся под теплыми лучами солнца, умирая от одного лишь ее взгляда, волнуясь при виде ее улыбки и чувствуя невероятное огненное напряжение от ее присутствия.

У Жени была самая обычная, нормальная семья среднего достатка, со своими проблемами и трудностями, но Сергей вдруг заметил про себя, что несмотря на то, что и у него были мать и отец, в их семье на первом плане всегда были деньги, власть, влияние и бизнес. Он не знал, что такое семейный уют, когда тебя вот так, как Женю, ждут дома, встречают, радуются твоему приходу и спрашивают, как прошел день... С детства он знал лишь одно — нужно рыть землю и выползать из грязи, чтобы стать кем-то, чтобы чего-то добиться. Тебя роняют, а ты выживаешь, ты используешь любые шансы, ты становишься непрогибаемым, хитроумным, решительным и очень ловким... И очень жестоким. Холодным. Не связанным никем и ничем...

Кроме нее.

Да, черт бы его побрал, Сергей был напуган этой связью с ней, этим маниакальным притяжением, этим желанием получить ее, обладать ею, привязать к себе... Но с небольшим уточнением: он чувствовал, что не сможет отпустить ее. Никогда. Она не может быть с кем-то другим, сама мысль была для Сергея невыносима и разрывала его изнутри...

А еще она как-то сказала Павлу, что ей нравится кто-то... Сережа нахмурился, тут же рассердившись. Черт, как же узнать, кто этот гад? Чем он лучше его, Сергея???

А Женя, тем временем, спокойно убралась на столе и, как-то неожиданно для Сергея, вернулась к себе за стойку, снова зашуршав приказами и что-то мелодично подпевая тихо играющему в секретарской радио.

Сергей нахмурился, расстроившись, что она ушла, но в сто тысячный раз вновь принялся за работу.

В половину десятого вечера он услышал тихое треньканье Жениного телефона и ее, насколько это вообще возможно после четырнадцатичасового рабочего дня, бодрящийся голос:

— Приветик, пап! Как дела? — первой спросила она, и Сергей нахмурился: наверное, дома потеряли... Он чуть наклонился влево и увидел, что она стоит около стойки, подготавливая пачки приказов на подпись и зажимая телефон плечом. — Я?.. Я... м-м-м... на свидании. — она рассмеялась, а Сергей нахмурился, зачем-то внимательно подслушивая

разговор. — Нет, конечно не на работе, ты чего? Что мне тут так долго делать?? — пауза, Женя с улыбкой вздохнула. — Нет, пап... Да, пап... Нет, он хороший... Нет, пап, не как тот предыдущий... Папулечка, не нужно за мной приезжать, я сама доберусь... Меня... м-м-м... подвезет... он. Ладно, папуля, мне пора, сейчас наш сеанс в кино начнется, пока-пока! — и она положила трубку, облегченно вздохнув.

Сергей хмурился, чувствуя себя прескверно... Она наверняка хотела бы пойти с кем-нибудь на настоящее свидание, а не торчать здесь, с ним и его дурацкой ревизией... Ей, конечно, мечталось о романтическом ужине... Кино... Поцелуе в темном зале...

Сергей почувствовал, как снова огонек пробежал по всему его телу, а в голове засела лишь одна картина: он... он целует ее. Никто другой... Только он.

Женя, тем временем, оживленно влетела с целой стопкой бумаг в руках и поднеслась к Сергею, весело проговорив:

— Ну вот, Сергей Викторович, это последняя часть, вы подпишете, а завтра, с утра, я раскидаю приказы по папкам!

Она протянула стопку Сергею, и тот попытался взять ее, как вдруг...

Его рука случайно коснулась ее руки... Он замер, ощутив, как электрический разряд поразил все его тело, как вспыхнул мимолетный огонь страсти, как желание захватило его настолько, что он сбился с дыхания...

Ее руки... Нежные, мягкие... Тонкие пальчики... Сергей, как зачарованный, слыша только бешенные удары сердца в ушах и ощущая лишь желание схватить ее и крепче прижать к какой-нибудь холодной стене, поднял на нее глаза...

Она взволнованно смотрела на него, а ее дыхание вдруг участилось... Пальчики дрогнули под его рукой, он увидел в ее глазах... Увидел огонь... А ее щеки мило порозовели...

Новая вспышка, Сергей начал терять контроль, не удержавшись и проведя своей широкой, мужской ладонью по ее бархатистой коже, заметив, как бешено запульсировала жилка на ее шее, как она вздохнула и подняла глаза к потолку, тут же суетливо бросив пачку бумаг перед ним на стол и сев через два стула от него, обхватив щеки ладонями и облокотившись локтями на стол.

Сергей жадно смотрел на нее, а внутри него все ликовало и кружилось в сумасшедшей свистопляске... Она волнуется! Она нервничает! Она стесняется...

Проклятье, это невыносимо! Он едва сумел вернуться к нормальному состоянию, ставя свою размашистую закорючку на каждом приказе и чувствуя лишь ожог ладони в том месте, где была ее рука... Женя украдкой смотрела на него... Он ощущал ее взгляд и думал лишь о том, что если она не прекратит это, то он сделает с ней кое-что прямо здесь...

Ему ужасно, до потемнения в глазах хотелось снова дотронуться до нее, но... Он не хотел делать это здесь. Не хотел превращать ее в очередную свою любовницу... Он не мог так поступить с ней... А она смотрит и смотрит, с ума его, наверное, свети хочет, черт!!!

— Почему ты сказала отцу, что на свидании? — скорее нарушил тишину Сергей, лишь бы переключиться со своей не очень приличной навязчивой идеи.

Женя улыбнулась, посмотрев в окно.

— Если бы я сказала, что на работе, то он бы уже через пятнадцать минут ворвался бы в эти двери, размахивая битой, в яростном стремлении сокрушить всех, кто издевается надо мной до столь позднего часа.

— То есть меня? — ухмыльнулся Сергей, и Женя с улыбкой кивнула.

— Получается, да. А потом он бы накинул на меня пуховик и выволок за руку из этого ада, усадив в машину и доставив домой, чтобы его милая дочурка отдыхала вместо того, чтобы заниматься глупостями... Думаю, ни вам, ни мне такое веселье здесь не нужно. А на свидание он не примчится. — уверенно заявила Женя, с интересом глядя, как Сережа расписывается на бумагах.

Сергей нахмурился.

— Ты, наверное, сейчас бы не отказалась от свидания? Всяко веселее, чем на работе сидеть.

Женя как-то странно посмотрела на него, обдумывая его провокационный вопрос, а затем просто ответила:

— Да, нет. Мне теперь и здесь хорошо. Кому нужны эти киношки и рестораны? От них никакого толка. Смысл свидания — просто быть с тем, кто тебе нравится, а место и время не имеет значения.

Сергей внимательно посмотрел на нее, снова, как идиот, умирая от счастья. «Мне теперь и здесь хорошо»... «Хорошо»... С ним? Или просто... здесь? Черт возьми, да что с ним творится такое? За каждое слово цепляется, как мальчишка... Забыл, что значит быть настоящим мужчиной?

Он дописал последний приказ и строго проговорил:

— Собирайся. Я отвезу тебя домой.

Женя забрала стопку и как-то удивленно проговорила:

— Но ведь я на машине, Сергей Викторович.

Сергей нахмурился, раздражаясь на то, что возникло какое-то дурацкое препятствие, мешающее ему еще хотя бы полчаса побыть с ней.

— Ты на часы смотрела, Женя? Уже половина одиннадцатого. Только не говори мне, что вечером у тебя внимание и концентрация на том же уровне, что и утром. Собирайся. Завтра за тебя отработает Света, а в четверг утром я заеду за тобой.

— Мне как-то... неудобно... — скромно проговорила Женя, а Сергей строго и беспрекословно прошел в секретарскую, открыл шкаф с ее пуховиком и нетерпеливо махнул на него рукой:

— Ну? Я долго буду ждать??? Женя, бегом!

Она снова странно улыбнулась и принялась собираться.

*** «Плюс»

В машине Сергея было очень уютно, чисто и по-мужски строго: кожаный салон черного цвета, потрясающая многофункциональная панель, подсвеченная разноцветными лампочками, мультируль и запах... Женя с удовольствием вдохнула его. Пахло автомобилем и еще чем-то, тонким, свежим, чуть сладковатым, напоминающим корицу или что-то вроде этого... Женя догадалась, что это его одеколон.

Они ехали по ночному, еще не совсем пустому, но уже засыпающему городу, в лобовое стекло летели хлопья снега, подсвеченные редкими фарами встречных автомобилей и ярко желтыми, как пережаренная яичница, фонарями, а Женя, Женя ужасно нервничала, впервые в жизни находясь так близко от него...

Нет, не впервые, конечно. Она прекрасно помнила его любимую привычку импульсивно и грубо хватать за локоть, помнила тот поцелуй в клубе, не вызвавший у нее отторжения к нему первый раз за все время их знакомства, помнила сегодняшнее его прикосновение,

приведшее в иступление ее сердце и заставившее вспыхнуть невероятной страстью, только лишь на мгновение ощутив тепло его сильной ладони... Как давно она уже не испытывала чего-то подобного, словно Сергей поднес спичку к давно не зажигавшейся свече, мирно дремавшей в ней уже несколько лет и никому до этого времени по-настоящему не нужной...

О, да сейчас она бы повторила каждое его прикосновение, подозревая, что умрет от счастья и навеки привяжется к нему, соединив свой стук сердца с его стуком...

Она тихонько вздохнула и, думая, что он не замечает, украдкой посмотрела на него, слегка повернув голову. Сергей внимательно и сосредоточенно следил за дорогой, уверенно и легко проворачивая руль одной рукой. Женя с невероятным трепетом посмотрела на его руку — крепкую, сильную, с довольно подтянутыми мышцами, и ей снова ужасно захотелось почувствовать ее на своей ладони... Она перевела взгляд на его ноги, длинные, крепкие, скрытые брючной тканью, и, испугавшись того, что внутри ее живота что-то сладко затрепыхалось, она закусил губу и быстро подняла глаза выше, с необъятным, нежным трепетом разглядывая его плечи, шею, внимательно и ласково пройдя по подбородку, чуть задержавшись на ямочке, которую ей так хотелось поцеловать, снова скользнув по скуле, отметив про себя едва заметную щетину и восторженно посмотрев на его густые, темные волосы, в который раз отметив, что ему так идет эта стрижка...

Темные брови хмурились, она смотрела на его уверенные и жесткие серые глаза, удивляясь тому, как она раньше не замечала его привлекательности? Его мужественности? Его обаяния?

— Женя. — вдруг тихо, но строго проговорил Сергей, вырубивая на проспект, ведущий к ее дому. — Прекрати на меня смотреть. Пожалуйста. — строго проговорил он, и Женя вздрогнула, вспыхнув от невероятного стыда и желая уже начать бешеные извинения и оправдания, как Сережа вдруг, резко остановившись на светофоре, посмотрел на нее.

Женя опять вздрогнула, только теперь ощутив, как взорвалось в сумасшедшем, огненном вихре ее нутро, как застыли легкие, не давая сделать и вдох, как сердце побежало вперед, ускоряясь все сильнее с каждой секундой, приводя ее тело к невероятной дрожи...

Его глаза пылали огнем, Женя видела это, она знала, знала такое выражение мужских лиц, и она вдруг заметила это в нем по отношению к ней?!?

Не может быть... Его глаза, не серые, а почти черные, секунду смотрели в ее глаза, а затем, в мучительном нетерпении и безумном, жадном желании опустились на ее губы, оставшись на них, казалось, навечно... Женя сходила с ума, чувствуя, что сейчас взорвется вместе с автомобильным сиденьем, не зная, что ей делать, как быть, как вести себя, когда она, она...

А он все смотрел и смотрел на нее, Женя заметила, как тяжело он дышит, в ее глазах потемнело, а Сергей, не щадя ее чувств, скользнул обжигающим черным взглядом по ее подбородку к шее, медленно, нежно, но неистово и очень желанно пройдясь по ней сверху вниз...

Да что же это такое, так же нельзя, нельзя издеваться над бедной, влюбленной Женей! Она мгновенно отвернулась от него, глубоко вдыхая и выдыхая, дрожащими пальцами дотронувшись до своих тоже подрагивающих, горящих губ и слыша только трепет своей души, затмеваемый лишь одним единственным желанием: броситься к нему в руки и почувствовать на себе то, что он сейчас... Будем говорить культурно, думает о ней.

— Извините... Просто... — она вдруг набралась храбрости и снова повернулась к нему, увидев, что теперь он вождеденно таращится на ее ножки, впрочем, Сергей, не торопясь, все

же убрал глаза повыше, достигнув-таки ее лица. — Все это очень неожиданно... Как я могу ехать в этой машине, когда именно вы не могли меня выносить несколько месяцев? Да я и сама считала вас... — Женя притормозила, ощутив неловкость и не желая обзывать, а потому просто проехала дальше. — Я имею ввиду, как все могло так резко измениться?

Сереза ухмыльнулся, с трудом оторвавшись от Жени и, посмотрев на дорогу, вновь нажал на газ.

— Не знаю. Но разве имеют значение «как?» перемены, которые происходят к лучшему?

Он внимательно огляделся и, увидев номер Жениного дома, свернул к нему, заехав в темный, заставленный мрачными, укрытыми тонкими снежными скатертями машинами двор, где в это время суток можно было встретить лишь соседа с третьего этажа дядю Гришу, возвращающегося домой с вечерней смены на складе, да еще пару замерзших голубей, нахохлившихся около крышки люка на газоне, откуда веяло теплом дымчатое марево подземной теплотрассы.

Фонари не светили, Сергей потушил фары, чтобы не слепить тех, кто вдруг изъявит желание выглянуть в окошко или выплыть во двор, подъехав к подъезду Жени и остановив машину.

Женя с трудом сохраняла самообладание, сжав руками свою сумочку, и, заставляя себя дышать, смотрела на Сергея. Он облокотился на руль и какое-то время глядел на пустынный, заснеженный двор, хмурясь и как будто злясь.

Женя отчаянно выдохнула, вдруг сообразив, что волшебного мига не будет, что он не собирается ее целовать, что она не ощутит его руки на своих горящих щеках...

Сердце ударило, как в рваный барабан, а глаза чуть не наводнились слезами... Женя задрожала от безнадежности, от тяжести своих эмоций, от глубины переживаний и тихо, дрожащим от подступивших слез голосом, проговорила:

— Спасибо, что подвезли, Сергей Викторович. Я пойду.

Он резко повернул к ней голову, явно злясь, только Женя не смогла понять, на что именно. Его серые глаза отчего-то блеснули каким-то болезненным, мучительным отчаянием, будто он боролся с собой, будто хотел сделать что-то неправильное, но в последний момент здравый смысл его остановил. Он поспешно проговорил:

— Женя, прости меня за сегодня... — он раздраженно откинулся на спинку сиденья и, под ошарашенным Жениным взглядом, сложил руки на груди, раздраженно проговорив:

— Никогда ни перед кем не извинялся... По-идиотски получается... Ну, короче, ты поняла? — великолепно завершил он свое извинение командным, даже каким-то повелительным тоном, и Женя вдруг рассмеялась, ощутив небольшое облегчение.

— Да, поняла, Сергей Викторович. — со смехом ответила она и шутливо протянула:

— Даже не знаю... Может быть, когда-нибудь я и смогу вас простить...

Сергей как-то вдруг снова жадно уставился на нее, нежно пройдя глазами по ее кудряшкам, носику и к губам, и, чуть прищурившись, с трудом проговорил, тяжело вздохнув:

— Иди, Женя. Иди, уходи! — вдруг строго и даже почти отчаянно прогремел он и, отвернувшись, тихо добавил:

— Пожалуйста.

Женя удивленно посмотрела на него, снова ощутив обиду и боль. Гонит ее... Не желает видеть рядом с собой... Стыдно заводить роман с собственной секретаршей... Она сжала зубы, чувствуя в груди тугой, болезненный узел, и, едва пересилив свою боль и обиду,

выдохнула:

— Спокойной ночи, Сергей Викторович. — и, стремительно вылетев из машины, Женя умчалась почти бегом в свой подъезд, не зная, что он провожал ее отчаянным, разгневанным взглядом.

*** «Минус»

Она ждала поцелуя... Он видел это в ее глазах и, черт возьми! Как же он сам чудовищно хотел поцеловать ее, будто от этого зависела его судьба, его жизнь, его дыхание... Но Женя ничего о нем не знала. Она не знала, как ему было чертовски страшно целовать ее, страшно почувствовать то, чего он никогда ни к кому не испытывал, страшно подарить ей надежду на то...

Чего никогда не будет.

Он не имел права влюбляться. Он не имел права быть любимым. Обстоятельства заперли его в жестокую, холодную тюрьму, из которой ему не вырваться, по крайней мере, ближайший год.

А Женя... Женя не заслуживала такого, как он...

Сергей гнал на огромной скорости по ночному городу, собирая на себе вспышки фотокамер местного ГИБДД, фиксирующих превышение скорости, и испытывая огромное, раздирающее душу на части, безумное отчаяние...

Он не может быть с Женей. Он никогда не даст ей того, чего она хочет: свидания, романтика, настоящие, серьезные отношения... Единственное, что могло бы быть, — это лишь ни к чему не обязывающая интрижка, как в случае с Викой или Леной, но... Сергей даже подумать не мог о таком. Сделать Женю своей любовницей?? Никогда. Никогда. Он не сможет с ней так поступить, он отчаянно желал, чтобы она была счастлива, чтобы она жила полноценной, нормальной жизнью, а унижить ее до того, чтобы заниматься с ней любовью, а потом спокойно уходить домой как ни в чем не бывало... Сама мысль убивала его и заставляла презирать себя...

Огни постепенно гасли, Сергей хмурился, кусая нижнюю губу и думая о ней, о Жене, о ее взгляде, который буквально пятнадцать минут назад чуть не спалил его заживо, заставляя считать столбы на дороге, чтобы не затормозить где-нибудь и не сойти с ума, целуя ее всю оставшуюся ночь...

Он не знал, что ему делать. Ему никогда не приходилось заботиться о женщине, переживать за нее, а не только за самого себя, и он ужасно не хотел причинить ей боль, но...

Он сходил с ума из-за нее. Он не мог даже просто находиться рядом, чтобы не становиться глупым, беспринципным идиотом, который даже работать не может, погрузившись в маниакальное желание коснуться ее...

Но она не знала о его чертовой ситуации.

Радио играло, Сергей заехал во двор одной из самых элитных многоэтажек в городе, выстроенной недалеко от центра.

Он встал на свое парковочное место и заглушил мотор, безвольно облокотившись на руль и пусто глядя на медленный, холодный снег, пролетающий в причудливом танце и падающий на его лобовое стекло, глядя на подсвеченную рыжими фонарями пустую детскую площадку, которая, разномастными буграми высываясь из-под снега, казалось, умерла до весны...

Это будет ужасный, несчастливый конец. Он никогда не будет с ней. Никогда.

— «Коронована луной,
Как начало — высока,
Как победа — не со мной,
Как надежда — нелегка.
За окном стеной метель,
Жизнь по горло занесло.
Сорвало финал с петель,
Да поела всё тепло.

Играй, как можешь, сыграй.
Закрой глаза и вернись.
Не пропади, но растай,
Да колее поклонись.
Мое окно отогрей,
Пусти по полю весной.
Не доживи, но созрей,
Ты будешь вечно со мной.
Ты будешь вечно со мной.
Ты будешь вечно со мной.
Со мной...

Ищут землю фонари,
К небу тянется свеча,
На снегу следы зари -
Крылья павшего луча.
Что же, вьюга, наливай,
Выпьём время натошак.
Я спою, ты в такт пролай
О затерянных вещах.

Осторожно, не спеша,
С белым ветром на груди,
Где у вмерзшей в лёд ладьи
Ждет озябшая душа...

Играй, как можешь сыграй.
Закрой глаза и вернись.
Не пропади, но растай,
Да колее поклонись.
Моё окно отогрей,
Пусти по полю весной.
Не доживи, но созрей,
Ты будешь вечно со мной.
Ты будешь вечно со мной.
Ты будешь вечно со мной.

Со мной...»

Сергей хмуро дослушал песню, которая каждым словом больно была в огромную душевную рану, причиняя ему нестерпимую муку и заставляя злиться и ненавидеть себя... Ничего в этой жизни он не ненавидел так, как себя сейчас, сокрушив собственную, заоблачную самооценку...

Он глубоко вздохнул и, по-прежнему хмурясь, вышел из машины, направившись к своему подъезду.

Быстрый, абсолютно чистый и светлый лифт бесшумно привез его на десятый этаж, и Сергей, почти не видя, куда идет, прошел по обустроенному, ухоженному подъезду, где с потолка свисали длинные, позолоченные лампы, на подоконниках зеленели разные растения, а пол был устлан темно-синим ковролином.

Открыв дверь в свою квартиру, Сережа был ослеплен резко включенным ярким светом и еще с порога услышал гневное и требовательное «приветствие», сказанное ворчливым голосом:

— Ну и где ты опять шляешься, Сережа? Позвонить-то не дано было??? Тебя, между прочим, Настя до последнего ждала — хотела рассказать, как день прошел! Ты хоть в курсе, что у нее сегодня был утренник в садике???

Сергей нахмурился еще больше, чувствуя, как кипящая злость и сильнейшее отвращение вспыхнули в нем гигантским фейерверком...

Да...

На пороге квартиры Сергея встретила стройная брюнетка с длинными, прямыми волосами, гневно хлопающая искусственными, пушистыми ресницами, поджавшая свои, Бог знает, чем накачаные губки, а ее холодные, дерзкие голубые глаза подозрительно и ревниво вперились в Сережу, привычным движением выискивая на его куртке или костюме следы измены.

Брюнетка, на теле которой, казалось, не осталось места, которое было бы не в курсе того, что означают страшные два слова «пластическая операция», была одета в ярко-синий, короткий шелковый халатик и домашние туфли на каблуке, а ее руки гневно подпирали уменьшенные с помощью липосакции бока... И что самое печальное, она имела полное право стоять сейчас перед ним с самым подозрительным и негодующим видом.

Потому что это была Ксюша. Его жена.

А Настей, упомянутой в ее гневной речи, была его шестилетняя дочь.

Глава 12. «Минус»

История с Серезиным браком была довольно сложной и запутанной.

Когда-то давно, когда самому Сергею едва исполнилось восемнадцать лет, и он вдруг неожиданно осознал, что неотвратимо привлекает всех девчонок вокруг него и что может пользоваться «их дарами» неограниченно, а главное — без последствий для себя и каких-либо обязательств, отец Серези — Виктор Петрович, только-только вставал на ноги, сколачивая собственную «империю» в этом городе.

Он уже основал «Черный полюс», а помимо производственной фирмы (которая была его самым любимым творением), у него еще водилось множество мелких, легальных начинаний: парочка кафе, сеть автомоек, только недавно приобретенная бильярдная и очень популярное агентство недвижимости, которое он открыл вместе со своим хорошим другом — Альбертом Ивановичем Кроповницким.

Кроповницкий и его семья — жена Алена и дочь Ксения — были хорошими друзьями семьи Минаевых, но, как говорится, дружба может продолжаться до тех пор, пока она не перерастает в статус рабочих взаимодействий...

Если Минаев только набирал обороты в своем стремлении «сделать» себе имя в этом городе, скупая все более-менее приличные предприятия и раскручивая их своими силами, то Кроповницкий был владельцем практически всего: строительные фирмы, рестораны, магазины одежды известных брендов, авторынок и многое, многое другое... Он был гораздо влиятельнее, жестче и богаче Минаева, и тот долгое время считал его своим кумиром и ровнялся на него в части ведения бизнеса...

Пока однажды его сын Сереза, перенявший от папочки все самое «лучшее», а именно: убийственное самодовольство, возмутительную самоуверенность и сногсшибательную надменность в отношении ко всем, окружавшим его людям, — случайно не сделал глупость и не переспал с единственной и горячо любимой Альбертом Ивановичем дочкой Ксюшей, после чего повел себя с ней ровно также, как и со всеми другими до нее: ушел на следующее утро и небрежно забыл о ней, как о мимолетном и не таком уж важном моменте своей жизни.

А вот Ксения его не забыла. Еще со старших классов школы она была упрямо, болезненно, до одурения влюблена в хулигана-красавца Серезу, который, однажды переборов в себе трусость и неуверенность, вечно лез на рожон, с каким-то особым удовольствием выбирая себе в противники ребят постарше и посильнее.

Сергей знал ее уже несколько лет как дочку друга семьи, но его не остановило ни то, что ее отец невероятно влиятелен и гораздо более могущественен, чем Виктор Петрович, ни то, что он знал о ее чувствах к нему, ни то, что за очередной азартной игрой под названием «получу, кого захочу» может последовать такая грустная и трагичная расплата.

Ксюша, как единственная, избалованная до мозга костей дочка богатеньких родителей, тоже не привыкла к отказам, а потому поставила перед собой цель получить Сергея во что бы то ни стало. Беготня за ним, звонки, предложения об очередной чудесной ночи ничего не дали: Ксюша лишь укреплялась в своем сумасшедшем желании быть с Сергеем, а он лишь

насмехался над ней и все равно не перезванивал на следующий день.

Перепробовав все варианты, Ксюша чуть не свихнулась от злобного отчаяния и решила прибегнуть к последнему, но самому верному средству: она рассказала свою печальную историю любви папочке.

Невозможно описать словами, как разгневался Кроповницкий! Еще бы! Его милая, прелестная дочка страдает от неразделенной любви к этому паршивому мальчишке-ловеласу, возомнившему себя королем!!!

Именно в этот момент жизнь Сергея окончательно определилась: когда Альберт Иванович, раздувая от гнева свои пышные усы и яростно начесывая курчавые бакенбарды, ворвался в квартиру Минаевых, из его рта вырвалась только одна гневная и очень сильно пахнущая шантажом фраза: Сергей женится на Ксюше сразу после того, как получит в свои руки право управления «Черным полюсом» — главным и самым любимым предприятием Виктора Петровича, а если он этого не сделает, тогда... Все очень просто: Кроповницкий скупит все, что принадлежит Минаеву-старшему, и полностью переделает, либо... сравнивает с землей, а если Виктор не согласится продавать свои дела, то Альберт Иванович развернет настоящую войну, в которой бизнес Минаевых просто сам загнется от невыносимо жесткой конкуренции и отсутствия спонсоров и партнеров... Но в любом случае, он не успокоится, пока не пустит семью Сергея по миру.

Испуганный, шокированный Виктор Петрович больше двух часов орал на своего непутевого сына, который мрачно ухмылялся, развалившись в кресле и вальяжно разбросав конечности в позе властителя вселенной, после чего немного успокоился и, вернувшись к Альберту Ивановичу, предложил компромисс: поскольку его сын не любит Ксюшу и вступает с ней в брак под давлением, то на свадьбе будет заключен брачный договор, по которому Сережа обязуется прожить с Ксюшей десять лет. Если же он попытается развестись раньше срока, то по контракту его фирма «Черный полюс», а также любой, начатый им во время совместной жизни бизнес отойдет Ксении.

Альберт долго думал, но затем согласился. Десять лет — достаточный срок для того, чтобы притереться друг к другу, привыкнуть и... родить внуков. А дальше... Кроповницкий так поглаголил в своей голове по старинке, что если появится ребенок, Сергей так и так уже не отвертится... А потому обязательный пункт зачатия хотя бы одного чада был тоже немедленно вписан в договор.

Вот к чему привело Сережу неуважительное, небрежное отношение к женщинам. Фиктивный брак, связавший его по рукам и ногам.

Ему было двадцать пять лет, когда он стал полноправным хозяином «ЧП» и когда случилась эта свадьба... Сергей действительно привык к Ксюше, к ее бешеной страсти совершенствовать свое тело путем пластических операций, силикона, ботекса, липосакции, накладных ногтей и наращенных ресниц, хоть он и частенько спрашивал себя, осталось ли у его жены хоть что-нибудь настоящее, кроме железобетонного, непробиваемого характера первоклассной стервы и огромной любви пощекотать и, изрядно так, повыворачивать Сережины не очень уж крепкие нервы.

Но она, хоть и по-своему, хоть и грубо, и даже иногда злобно и мстительно, продолжала любить его и мучительно ревновать, прознав, что он ей изменяет. Однако, странная мания Ксении повернула в ее голове все так, что она мирилась с его бесконечными любовницами лишь из-за того, что понимала: они ничего для него не значат и он все равно каждый раз возвращался домой, к ней, а после того, как она родила Настю, его дочку, Ксюша

окончательно расслабилась, рассудив, что дочку-то он не сможет оставить, даже когда брачный контракт подойдет к концу.

И Сережа правда невероятно сильно любил Настю: баловал ее, играл с ней, когда не был на работе, всячески участвовал в ее жизни и воспитывал доброй и сильной... В отличие от мамы, да и его самого тоже.

Его уже даже все устраивало... И Ксюша, надоедливая, вредная, но всегда под рукой, и Настенька, милая крошка с чудесными серыми, как у него, большими глазами, и вся ситуация с невозможностью развода под страхом потерять все... Сергею стукнуло тридцать четыре, а значит, еще год — и он может быть свободен...

Свободен? Как?.. Теперь у него есть Настя... Он не бросит ее.

Он думал, что оставит все, как было, ради нее, ради дочки, но...

Сережа встретил Женю Зябликову. Рыжеволосую. Наивную. Милую. Сильную. Бесстрашную... Но волнующуюся из-за всяких пустяков... Из-за него... Да, она тоже определенно имела к нему чувства...

И этот факт больше всего рвал Сергею душу. При других обстоятельствах они могли бы быть вместе, и это было бы волшебным...

Но сейчас... Мог ли он перешагнуть через это, оттолкнуть ее и жить дальше, как будто ничего и не было? Мог ли избавиться от безумного стука сердца, от ее образа в своей голове ради нее же самой, ради того, чтобы она нашла истинное счастье с кем-то другим?

Потому что если он переступит черту... А он был на грани, он был переполнен, он висел на краю, еле сдерживая себя от этого шага, неверного, страшного, такого, который разрушит ее и его жизни... Если он коснется ее, то... Он не знал, что будет с ним, он никогда не испытывал ничего подобного, но понимал отчетливо одну вещь: он не сможет после этого сказать ей о Ксюше и Насте.

Это разобьет ее сердце.

Это будет болезненный, грубый, мучительный конец.

Сережа проводил совещания, разговаривал по телефону, решал срочные проблемы и разруливал спорные ситуации целый день, но за весь этот длинный и тягучий, как расплавившийся каучук, день он будто разделился на внешнее, плывущее снаружи «Я», которое как-то подсознательно, без участия глубокой работы головного мозга занималось рабочим процессом, и внутреннее, уставшее, терзающее его тоской и разрывающее противоречиями «Я»-второе, которое лишь без конца напоминало ему о Жене, о ее улыбке, ее взгляде, ее милом голоске и детских, веселых шуточках, о том, как она может становиться отчаянной и смелой, дерзкой и вызывающей, деловой и сосредоточенной на работе... А потом снова милой и невероятно женственной...

Сергей ловил себя на том, что он постоянно смотрит в секретарскую, где щебечет Светка, хотя он прекрасно знал, что Женя не придет. Он разрывался от тоски по ней, от желания увидеть ее рыжие кудряшки, ее милые, едва заметные веснушки, ее необычные глаза, которые с огромным трепетом, волнением и тихой, затаенной внутри нее страстью смотрели на него, изучая каждое его действие, каждое изменение в лице, слушая каждое слово...

Он хмурился, злился, ненавидел себя и всех вокруг, орал на подчиненных, зависал в задумчивости и диком сомнении, снова раздражался и орал, снова мучился от тоски, от страсти, от импульсивных упражнений сердца, снова злился, и...

Как только стрелка на часах проскочила порог в восемнадцать ноль-ноль, он сорвался с места и, подсмотрев в личном деле ее номер квартиры, на всех парусах, полюсах, крыльях, галерах, облаках, коврах-самолетах полетел к ней, послав к черту все свои сомнения и страстно желая совершить самую главную ошибку своей жизни.

*** «Минус»

Полчаса в цветочном магазине заставили понервничать не только Сергея, но и продавщицу, тщательно собиравшую самый нежный букет для Жени из роз, лилий, каких-то папоротниковых листьев, белых странных точек, зеленых шариков и, Бог знает, чего еще, поскольку бедную женщину то и дело настигал недовольный и явно нетерпеливый вопрос от нашего покорного слуги: «Ну вы там скоро? Или катафалк пора вызывать?» или что-то вроде «За что я вам такие бабки плачу? Ногами собрать этот чертов букет и то быстрее получится!»

В конце концов, несчастная продавщица не выдержала и на очередное ехидное замечание бурно и разозленно воскликнула:

— Молодой человек! Вам надо быстро или красиво, я что-то не пойму???

После чего Сергей притих и больше не выступал, лишь стремительно и нетерпеливо шагая туда-сюда среди разноцветных ведер, из которых торчал «ассортимент» этого магазинчика.

Получив, наконец, аккуратно сложенный и завернутый в красивую, подарочную бумагу великолепный, ароматный букет, Сергей хмуро, но удовлетворенно кивнул и скорее поспешил к дому Жени.

Вписавшись в маленький просвет между двумя автомобилями и заехав чуть ли не на детскую площадку, которая почти сравнялась с землей благодаря большой массе выпавшего снега и угадывалась только темным, торчащим из-под ближайшего снежного завала облезлым «грибком», ловящим на себе блики единственного, тусклого фонаря на весь двор, Сергей секунду помешкал, глядя на ее подъезд и совершенно не представляя себе, что он скажет...

А если она не дома?

А вдруг там лишь ее семья?..

Сергей пожал плечами, решив, что как-нибудь выкрутится в очередной раз, понимая, что сейчас не остановится ни перед чем, чтобы увидеть ее, поэтому он схватил цветы и уверенно зашагал к подъезду, чувствуя, как с каждым метром все больше волнуется его сердце.

На его счастье, домофонная дверь была открыта и скрипуче покачивалась на морозном ветру, что Сережа искренне воспринял как знак — звезды благосклонны к нему и все такое...

Однако, через несколько ступеней он резко изменил свое мнение, угрюмо отдавливая пальцем кнопку лифта и вслушиваясь в тишину пустого, девятиэтажного подъезда, как-то не наблюдая никакого тихого погромыхания, лязга и скрежета, характерного для лифтов восьмидесятых годов.

Обреченно посмотрев вверх между лестничными пролетами и обнаружив, что на многих этажах свет подмигивает угрожающим, тусклым огоньком или вообще отсутствует, Сережа пошел пешком, внимательно глядя на номера квартир и разыскивая...

Шестьдесят восьмую квартиру.

Да, да, в личном деле каллиграфическим почерком и твердой генеральской рукой Федора Игнатьевича значилась именно эта цифра. К сожалению, бедный Сережа, уверенно пересекавший пролет за пролетом, даже не догадывался, что в шестьдесят восьмой квартире его ждет вовсе не милая, рыжеволосая секретарша, а кое-что отнюдь не рыжеволосое и совсем даже не милое.

А вот и шестьдесят восьмая. Пятый этаж. В нетерпении увидеть Женю и предвосхищая ее реакцию восторженного изумления, Сергей уверенно и напористо позвонил в звонок, услышав за дверью звук, похожий на то, будто громко и протяжно протрубил простывший слон, и, дергая коленом, стал ждать.

Секунда, другая... Сергей «протрубил» снова, раздраженно желая еще и постучать, но дверь вдруг рывком отлетела, и на пороге...

Возник здоровенный и лысый, неплохо накачанный мужик лет эдак под сорок. Мужик этот был счастливым обладателем толстой шеи, кривого, переломанного в двух или трех местах носа, курчавых черных бровей и парочки шрамов на лбу и щеке, а его массивное, грузное тело прикрывала растянутая и кое-где покрытая пятнами от еды майка, серые спортивные штаны с дыркой на коленке и черные резиновые шлепанцы, нахлобученные на босу ногу. Недовольно и борзо уставившись на Сергея и уже заранее поигрывая перед незнакомцем разрисованными голубыми татуировками мускулами, он угрожающе сжал кулаки и, оглядев незваного гостя хмурым, стреляющим из-под бровей, тяжелым взглядом, лысый, не церемонясь, проговорил:

— Ты че здесь забыл, клоун костюмированный?!? Че надо, я спрашиваю?

Сергей тоже несколько секунд шокировано таращился на лысого, пытаясь прикинуть, кем это он может приходиться его Жене, но затем выскользнул из удивленного ступора и не менее грозно и вызывающе проговорил:

— А ты че, лысая морда, тут охранником под дверью подрабатываешь? Ты вообще кто? Я к Жене пришел, может, метнешься, позовешь? — грубо и бесстрашно ответил Сергей, сверкая высокомерным, воинствующим блеском серых глаз, чувствуя себя сейчас абсолютно в своей стихии и все гадая, что же это за борзый тип-то такой нарисовался.

Лысый вытаращил глаза на Сережу и, нахмурившись, по-видимому, принялся туго, скрипя шарнирами, соображать, что вообще происходит и кто этот разодетый в недешевые шмотки мужик с цветами, а потом Сергей, который собирался подождать еще пару секунд до того, как отшвырнет этого тормоза к стене и войдет в квартиру в поисках Жени, его Жени, нежной, милой Жени, получил все же кое-какую реакцию — лысый вдруг осветился каким-то звериным оскалом и, нахохлившись и выгнув плечи вперед, как облезлый попугай, низко прорычал:

— Че-то я не врубаюсь, чмо болотное... Ты че... Ты че... — плечи подросли еще, скрыв своими буграми даже шею, и Сергей, понимая, что с ним, кажется, хотят драться, вдруг насмешливо ухмыльнулся и устало вздохнул, предчувствуя, что какие бы у этого обезьяныша ни были мускулы, он его в песок разотрет и в детское ведерко утрамбует. — Ты к... Жене пришел???

Сергей раздраженно закатил глаза:

— Нет, я тебе цветы принес, преклоняюсь перед твоей красотой, дебил лысый. К Жене, к Жене, давай, давай, иди, позови ее, я ждать долго не люблю, ну?!? Ты тут приклеился к полу в своих шлепанцах, что ли???

Лысый вдруг резко разъярился, двинувшись на Сергея какими-то маленькими,

приставными шажочками, да как заорет, брызгая слюной во все стороны:

— Да ты че, совсем охренел, долбчагабана сраный?!? Ты как посмел ко мне в дом прийти со своим хвостом, понимаешь, и к моей бабе подкатить?!? Ты че, совсем страх потерял, говноед безмозглый?!?

Сергей не отступил, но букетик аккуратно положил позади себя на ступеньки, удивляясь все больше и больше тому, что происходит: неужели Женя с кем-то встречалась? Встречается, точнее... С этим, что ли, австралопитеком, выходцем из не очень жаркой, а больше каменной и холодной клетчатой страны?? Что-то на нее не похоже... Но наличие конкурента Сережу, также, как и его любимого заместителя Павла Краснохатова, не только не пугало, а вызывало в нем охотничий азарт и неистовую ревность.

— Что значит — к твоей бабе? — строго и жестко проговорил Сергей, впиваясь взглядом в лысого, который медленно, но верно, как петух бойцовской породы, наступал на него.

— Так, к моей, обыкновенно, че, дебилоид, не догоняешь?! Женька — моя бабенка, так что я тебе сейчас на наглядном примере покажу, че, мать-перемать, мы делаем с теми, кто к нашим телам подкатывает!

Сергей насмешливо и хмуро улыбнулся, совсем запутавшись и пытаясь осмыслить эту информацию в голове, а его рот, тем временем, жестко и угрожающе проговорил:

— Ты бы зашел обратно в свой свинарник, кабан тупорылый, или я сам тебе сейчас наглядно покажу, как один человек разбирает другого по запчастям. А Женя не твоя. Она ничья, ясно тебе?!? А раз ничья, значит, будет моей. Усек, гамадрил?!?

Эта провокационная фраза заставила лысого разъяренно зарычать и сжать кулаки, а затем он обернулся в глубь квартиры и громко и гневно заорал:

— Как ничья??? Как, мать твою, ничья?!? Женя!!! — громко рявкнул он. — А ну, поди сюда!!! К тебе тут хахаль пожаловал!! Иди, пока он живой, хоть посмотришь напоследок...

Лысый развернулся к Сергею с явным намерением схватить его и швырнуть к противоположной стене, но Сережа ждал, пока его побьют, как всегда, не стал. Раздраженно вздохнув, он резко шагнул к лысому и мощным, сильным ударом врезал тому локтем прямо в челюсть. Мужик шатнулся, не ожидая такого точного попадания и, тряхнув головой и окончательно спустив тормоза, прошелестел:

— Ах ты!.. — мат, отборный, изошренный, грязный — а затем лысый кинулся на Сергея, но тот размахнулся и зарядил ему кулаком в нос, после чего Сережа повалил его прямо на потрепанный коврик в прихожей и снова занес кулак, намереваясь нарисовать этому быдловатому рылу еще и по фингальчику под каждый глаз... Как в этот момент послышался голос нового действующего лица, а точнее, даже не голос, а женский вскрик, раздавшийся из глубины квартиры и быстро перешедший в громкое и испуганное:

— Вася! Васечка! Вы что делаете??? Вы кто такой??? Вася!!!

Сергей недоуменно поднял голову, как раз чтобы заметить женщину лет тридцати пяти, довольно округлых форм, в грязноватом белом халатике, едва прикрывающим пятую точку, но зато демонстрирующим желеобразные бедра и икры, с короткой стрижкой довольно густых, крашенных в темно-каштановый цвет курчавых волос и большими, просто огромными голубыми глазами, в ужасе взирающими на распростертое на полу тело Василия.

Сергей недоуменно нахмурился, глядя на то, как женщина пыталась поднять лысого за плечи, и удивленно спросил:

— А вы кто такая?

— Че, барабаном решил прикинуться, чтобы я тебя не убил, да, козлиная??? — прорычал Василий, неуклюже поднимаясь и гневно глядя на свою подругу, которая, открыв рот, тарасилась то на него, то на Сергея. — Сам же к ней с цветами приперся!!! А теперь на попятную??? Зассал, да? Да я тебя сейчас... — и Василий с огромным удовольствием и даже упоением снова бросился на Сергея, который, хоть и вконец запутался, но реакции не утратил, а потому встретил размахивающие вокруг него кулаки блокирующей позицией и снова врезал неугомонному Василию, у которого и так хлестала из носа кровь, только теперь уже в глаз, раздраженно воскликнув:

— Ты че, лысый, совсем мозги вместе с волосами растерял?!? Я же тебе русским языком сказал: я пришел к Жене, а не к этой!.. — он махнул рукой на ошарашенную толстушку, а мужик, пошатываясь от нового удара, заорал:

— А это, по-твоему, кто??? Кобыла сивая?? Это Женя, Женя, моя Женя, гнида ты сраная, моя баба! А ты ей цветы приволок, дрянь вонючая, убью!!!

— Вася!!! — завизжала толстушка. — Ты чего??? Успокойся!!! Вася, я его не знаю, Васечка!!! Я его не знаю!!!

Но Василий снова ринулся на Сергея, однако дойти до него он не успел: перед ним вырос тощий и худой, высокий паренек в модных очках, на одной линзе которой мигал маленький экранчик, в массивном пуховике, потертых джинсах и ботинках, перехватив брыкающегося и извергающего проклятья Васю и крикнув:

— Вася, Вася, все, все!!! Тихо, тихо, успокойся, сейчас разберемся, Вася! — Василий замер, хрипло рыча, а парень развернулся к Сергею и посмотрел на него, в огромном изумлении расширив яркие голубые глаза, недовольно и ошарашенно воскликнув:

— Вы?!? Вы что тут делаете?!? Зачем на Ваську напали???

Сергей тоже узнал парня. Еще бы! Он вызывал в нем противоречивые чувства — от жалости до прожигающего желания убить, потому что помнил, с какой заботой и нежностью Женя смотрела на него... И он все еще не знал, какие между ними отношения, что вызывало в нем безумную ревность...

Это был Женин друг Игорь Сторожев.

— Я пришел к Жене, а этот тип не дает мне с ней поговорить. — недовольно сказал Сергей, хмурясь и разглядывая Игоря презрительным взглядом. — А ты что здесь делаешь?

Игорь поднял брови и посмотрел на Васю, затем — на толстушку, которая тоже держала его за плечи, а после вернул все еще удивленный и возмущенный взгляд на Сергея:

— К Жене?!? А Вася-то здесь при чем??? Женя живет не в этой квартире, а на восьмом, в семьдесят восьмой, за каким чертом вы к Васе полезли, да еще и нос ему разбили??? Вы сумасшедший???

Сергей ошарашено уставился на него, а затем, тоже возмущенно заголосив, посмотрел на Васю:

— Так почему мне тогда этот дегенерат утверждал, что Женя здесь живет, да еще и с ним встречается?!? Раз она в семьдесят восьмой?!?

— Я его не знаю, Васечка, впервые вижу, говорю тебе!!! — умоляюще причитала толстушка, а Василий все рычал:

— Убью, быдло тупое!!! К моей Женьке подкатывать вздумал!!!

— Да подождите вы все! — крикнул возмущенно Игорь, вскинув руки. Гневно дыша, он посмотрел на Сергея:

— Вы к какой Жене пришли? Зябликовой?

— Ну конечно! — недовольно воскликнул Сергей, сложив руки на груди. — Кто еще на моей фирме секретаршей работает, как ты думаешь, соплежуй... в смысле, Игорь?!?

На соплежуху Игорь, конечно, обиженно зыркнул в сторону Сергея, но, поборов себя, развернулся к висящему на его ладони и упирающемуся в нее со всей своей силы волосатой грудью Васю и громко проговорил:

— Вася, успокойся! Он не к твоей Жене пришел, а к Зябликовой, из семьдесят восьмой! Просто квартирой ошибся. Ты слышишь??

Вася нахмурился, как-то сразу обмякнув, потому что, по всей видимости, одновременно думать и заниматься каким-то физическим действием он был не в состоянии, а потом, подтерев кровь под носом, лысый грязно выругался, отчего Игорек с отвращением поморщился, и выдал, наконец, гениальную фразу:

— А-а... Так он к твоей Женьке притопал, а не к моей! Че, серьезно?? Хе-хе... — он вдруг хохотнул и хлопнул угрюмого Игорька по плечу. — А я-то думал рыжая — твоя тележка... У вас, вроде, свадьба там, че-кого... Ну так, эта, тебе, значит, с ним разбираться...

— Ой, Василий, ты то хоть не начинай, а? — устало и раздраженно протянул Игорь, а Сергей, после всего, что произошло, после выброса адреналина в кровь, очень сильно вдруг захотел спустить чертового Игоря с лестницы, тоже мне, помеха нарисовалась...

И что за чертова свадьба, о которой толкует этот чудила? Надо бы как-нибудь вызнать у Жени об этом... Сергей яростно сжал кулаки, ощущая подпиравшую здоровый смысл со всех сторон ревность, испепеляюще глядя на Игоря, а тот, хмуро проследив за тем, как Вася уже более спокойно достает сигареты и хлопает бедную, испереживавшуюся Женю «номер два» по плечу, повернулся к нему и кивнул на лестницу:

— Пойдемте. Провожу. А то вы, того и гляди, всех жильцов тут побьете.

Сергей поднял слегка потрепавшийся букет и пошел следом за Игорем, недовольно и требовательно проговорив:

— А ты что, тоже к ней идешь? И кстати, этот лысый первый начал. Я ему только сказал, чтобы он Женю позвал.

Игорь хмыкнул, не оборачиваясь, и на ходу проговорил:

— Представляю, в какой форме звучали ваши слова. Я иду не к Жене, а к себе домой, в семьдесят седьмую квартиру. Мы соседи. Нет, это ж надо! Сразу с кулаками, хоть знали, что вы неправы! Что у вас за привычка такая — брать силой то, чего вы хотите? А если бы Женя правда с Васькой встречалась, что тогда???

Сергей ухмыльнулся и, догнав Игоря, с нажимом и немного грозно проговорил, посмотрев на него холодным, серым взглядом:

— А ты что, проанализировать мою натуру вздумал, сопляк? Методичку по мне написать хочешь? — он грозно положил руку Игорю на плечо и, искрящимся от гнева взглядом посмотрел на него, ощутив, как парень вздрогнул под его рукой:

— Слушай меня внимательно и запоминай, советую пока по-хорошему: не лезь ко мне, парниша, или я могу стать очень плохим для тебя и как-нибудь однажды раскатать тебя под асфальт. А мои отношения с Женей тебя вообще не касаются никаким боком. Ты меня услышал, блюстител чистоты нравов и справедливости?

Игорь секунду пытался смотреть ему в глаза, но не выдержал и отвернулся, почувствовав, что Сергей во много раз превосходит его по своей уверенности и мужской энергии, а после тихо буркнул:

— Услышал, можно было бы и без угроз обойтись. Все, почти пришли.

Они поднялись на восьмой, и Игорь уверенно позвонил в квартиру под номером семьдесят восемь, подперев плечом стену и хмуро ожидая, когда ему откроют.

Сергей ощутил невероятный сердечный толчок и новый приступ неуверенности в себе: а ну, как она прогонит его? Что, если он неправильно истолковал ее взгляды, ее волнение, чувства, а она действительно встречается с этим молокососом Игорем?? Что, если ей не понравятся цветы???

Правда, через пару секунд, когда входная дверь приотворилась, он забыл обо всех своих вопросах, так и уставившись на милую, рыжую головку, высунувшуюся в дверной проем и с легким и веселым удивлением спросившую:

— Игорь? Ты чего такой хмурый? Тебя что, по дороге с работы укусила большая и злобная бяка???

Сергей почти не слышал слов: в его груди мучительно сжалось сердце, обливаясь кровью от тоски по ней, и желание схватить ее в охапку, прижать к себе и не отпускать, его глаза следили за ее лицом, ее эмоциями, ее нежными и такими особенными чертами, жадно разглядывали кудряшки, брови, пушистые ресницы, носик с веснушками, губы, губы и глаза — удивительные, искренние, сияющие...

Пока она смотрела на Игоря. Сергей чуть не взорвался от ревности, не слушая их разговор, а она вдруг посмотрела на него.

*** «Плюс»

— Игорь? Ты чего такой хмурый? Тебя что, по дороге с работы укусила большая и злобная бяка???

— весело проговорила ничего не подозревавшая Женька, увидев своего друга с самой траурной миной на своем пороге, а потому, как обычно, распахнула перед ним входную дверь настежь, не постеснявшись ни того, что она была не покрашена, не причесана, ни того, что на ней красовался лишь белый махровый халат, завязанный кривым узлом вокруг короткой, хлопчатобумажной, с кружевами, ночной сорочки, в которой она беспечно разгуливала весь день по дому, отдыхая от трудов праведных и с замиранием сердца и противоречивыми душевными терзаниями вспоминала своего «кретина-начальника», пытаясь понять, есть ли у него что-то по отношению к ней, или же ей просто показалось на фоне улучшившихся взаимоотношений?..

Но, вопреки обыкновению, Игорь продолжал стоять на пороге и недовольно хмуриться, а потом он возмущенно высказался:

— Вот ты, Зябликова, беспечная стрекоза, хоть понимаешь, что, сообщив своему... директору заведомо неверный номер квартиры, ты спровоцировала драку между ним и бедным, ничего не подозревавшим ВДВ-шником Василием из шестьдесят восьмой???

Ты чего хотела этим добиться? Чтобы он тебя не нашел, или чтобы Вася стал меньше курить на лестничной клетке???

Женька ошарашено и непонимающе уставилась на Игоря, пытаясь переварить его слова и с ужасом понимая, что из-за нее случилось что-то не очень хорошее, в который раз уже, удивленно пробормотала:

— Ты о чем, Игорек? Директор?.. При чем здесь директор?.. Драка? Вася? Фу, блин Сторожев, скажи нормально, я не...

— Добрый вечер, Женя. — вышел вдруг из тени Минаев, и Женька ахнула, внезапно

ощутив, как подкашиваются ее колени, а сердце подскочило чуть ли не в самое горло, громко и болезненно долбя что есть силы...

Она покраснела, побледнела, резко расширив глаза и прижав ладони к полыхнувшим алым цветом щекам, не веря своим глазам и думая, что она спит... спит... спит...

Букет, его внимательный, пристальный взгляд, он сам — предмет ее непрерывных раздумий и мечтательных фантазий, такой высокий, красивый, широкоплечий... Это что, волшебный сон?!? Или он правда пришел к ней?!? Так, стоп, стоп, дурында! Посмотри на себя, кошка драная! Он же сейчас рассмеется и сто раз пожалеет, что приехал к тебе!!!

В панике, Женька глянула на свои длинные, босые ноги, на короткий, далеко не первой свежести, кое-как запахнутый и перевязанный кривым узлом халат, а о лице вообще вспомнить страшно! Ни капли защитного грима, будь он неладен...

Женя поспешно запахнулась в халат еще больше, видя, как дрожат от волнения ее руки и желая окунуться в волшебный бочонок и вылезти оттуда опрятной, накрашенной и разодетой в пух и прах, но...

Увы, реальность жестока. А он так откровенно и пристально изучает ее! Умереть можно...

Женя засуетилась, сделав неуверенный, взволнованный шаг вперед, и дрожащим голосом с трудом проговорила, облизав пересохшие губы:

— Сергей Викторович??? Вы... вы... как вы здесь?.. Игорь... — с мольбой посмотрела она на друга, мысленно требуя объяснений, а тот закатил глаза:

— Вот ты вечно так, Женька! После тебя — хоть потоп, а ты ни сном, ни духом! Твой начальник как раз собирался втереть в коврик для ног бедного Ваську, когда я подошел, а выяснилось, что он таким вот мягким и культурным образом требовал от него Женю, то бишь, тебя! — ткнул Игорь пальцем в Женин халат, а та ошарашено таращилась на Сергея, от трепета и изумления не смея проронить и слова. Игорь же пожал плечами и продолжил:

— Благодаря моему оперативному вмешательству удалось установить, что Вася вступил с твоим шефом в конфликт, поскольку думал, что ему нужна ЕГО Женя, и хотел, так сказать, отстоять свою даму сердца. В результате он получил в нос, в глаз, и... — Игорь вопросительно поднял брови, глянув на Сергея, а тот, испепеляя его злым взглядом, процедил:

— И в челюсть. Если ты закончил, сопляк, может, тогда пойдешь в свою квартиру? Время позднее, а тебе пора баиньки. Или... — он вдруг подтянул Игоря за локоть и крепко и очень сильно обнял его за шею и, усилив захват, прошипел ему на ухо:

— Или я твоим носом все ступеньки пересчитаю, сверху вниз и снизу вверх, от первого до последнего этажа. Не волнуйся, слюнтяй, Женя ничего не увидит, я же теперь легко могу найти тебя в любое время, особенно после того, как ты сам назвал мне номер своей квартиры... Так что не зли меня, парень, и выбирай выражения.

Женя, услышав столь мощную угрозу, подкрепленную гневным, вызывающим взглядом и огромной волной ледяной, разрушительной энергии и превосходства, а потому, все еще растерянная и даже не понимающая, как ей на все это реагировать, только выбежала в подъезд, возмущенно потянув явно сдавшего позиции и как-то сжавшегося Игорька на себя:

— Сергей Викторович! Не угрожайте ему!! И так он от вас уже сильно пострадал, что вы его как половик вытряхиваете??? И зачем Ваську побили? Он же мой сосед! При чем здесь шестьдесят восьмая квартира, откуда вы вообще это взяли...

— В твоём личном деле. — гневно проговорил Сергей, оттолкнув от себя облегченно

выдохнувшего Игоря, а Женя, удивленно нахмурившись, прошла к лестничному пролету и, перегнувшись, посмотрела вниз, одновременно соображая и бормоча:

— Наверное, Федор Игнатьевич перепутал... Надо будет ему сказать... — она взволнованно всмотрелась в темноту лестницы внизу и тут же, прислушавшись, уловила гневный, непрекращающийся мат, какой-то лебезящий женский голос и запах недорогих сигарет.

— Вась! Эй, Вась! — крикнула она вниз, тревожно нахмури брови. — Ты как??

Тишина, потом Женя различила внизу едва заметные очертания лысой, круглой головы, шеи и мускулистых плеч, и Василий громко крикнул:

— Женька!!! Это ты?

— Я, я. — крикнула Женя.

— Ты! — обрадованно подтвердил Василий и уже гораздо более грозно продолжил:

— Так это твой хахаль в костюме за охреть какие бабки??? Ты ему передай, что если он еще раз наедет на меня или хотя бы остановится на моем этаже, я его говном накормлю и в окошко выкину, дерьмотряса вонючего! Поняла???

Женя угрюмо поджала губы и повернулась к Сергею, который, как оказалось, внимательно и с любопытством разглядывал ее со спины. Вспыхнув, но вовремя переключившись, Женька укоряюще посмотрела на него и проговорила, махнув рукой вниз, на лестницу:

— Ну вот! Обиделся. Сергей Викторович, разве нельзя было как-то покультурнее с ним?? Зачем сразу бить, не разобравшись, да еще и три раза!!! Я поверить не могу!!! Почему вы просто не спросили, живет ли в его квартире Женя Зябликова??? Я в шоке просто! — она вздохнула, а Сергей насмешливо сложил руки на груди и проговорил:

— Ладно, Женя, в следующий раз со всеми индюками сначала попробую поклокотать на их языке, а уж потом гребешки им обрывать. Уговорила. Только если это не спасет тебя в темном переулке, то ты сама будешь виновата.

— Угу. Очень по-джентльменски. — проговорила Женя, скорчив кислую мину и, перегнувшись через перила, снова крикнула туда, где тлел сигаретный огонек.

— Вась? Ну ты как? Сильно болит???

— Да я твоего папика вверх ногами завяжу в узелок!!! Пусть только в моем дворе появится!! — рычал бешено Вася, а Женя хитро улыбнулась:

— А если я тебе коньяку хорошего куплю??? Забудем?? — в надежде крикнула она, снова глянув на воинствующую тень внизу. — Коньяк хочешь??

Вася на секунду задумался, а затем снизу раздался уже больше не гневный и не обозленный, а вполне себе дружелюбный и заинтересованный голос:

— «Арманьяк»??

Женя нахмурилась, обреченно вздохнув и подсчитывая, сколько ей придется отложить на повседневные расходы после оплаты кредита, суммы, выделенной на путевку Поле, а теперь еще и покупки дорогущего коньяка.

— Эй ты! — вдруг раздался грозный голос совсем рядом с ней, и Женя вздрогнула, неожиданно заметив, что Сергей уже стоит рядом и тоже смотрит вниз, на Васю. — У тебя ничего там не треснет? А если я спущусь и сделаю так, что тебе закусывать коньяк любой марки станет нечем??

— Сергей Викторович!!! — возмущенно прошипела Женька, а снизу раздалось:

— А ты не лезь, ублюдское рыло, не с тобой тряндят, понятно??

— Вась, Вась, два «Арманьяка» куплю, замнем? — недовольно воскликнула Женя, а снизу послышалось:

— Вот это деловой разговор, это я понимаю — побалакали! Ладно, Женька, считай — забыли, тока ты это, хахаля своего кидай, борзый он чересчур, ты лучше вон, за Игоря своего выходи, он то зачетный чел! Ну ладно, пошел я. — и внизу хлопнула квартирная дверь.

Женя облегченно вздохнула и повернулась к Сергею, гневно и недовольно все еще глядящему вниз и о чем-то задумавшемся.

— Так вы зачем пришли, Сергей Викторович? У меня от вас тоже одни неприятности. — тихо проговорила она, невольно вздохнув и глядя на его красивый, серьезный профиль лица.

Он резко посмотрел на нее и, подняв букет, бережно лежавший на ступеньках, протянул его Жене и, внимательно глядя в ее глаза и хмурясь, проговорил:

— Цветы тебе принес. Вот, держи. Это за то, что помогла с ревизией.

Женя так и уставилась на восхитительные, ароматные лилии, розы, аккуратно и нежно дотронувшись пальцами до их лепестков, ощущая просто сильнейший трепет и бурное сердцебиение... Ей?? Он принес цветы ей?? Прямо домой??? Невероятно...

Она вдруг с сожалением вспомнила, что даже аромату этого букета, а не то, что самому букету, вход строго запрещен в их стерильную, пропахнувшую чистящими средствами и хлоркой квартиру, и с огромным разочарованием подняла глаза на Сергея, который, заметив ее волнение и печаль, резко нахмурился и требовательно спросил:

— Что такое? Не нравятся?

Женька замотала головой, прижав цветы, его, его цветы!.. к себе и тихо проговорила:

— Нет, нравятся, очень-очень... Просто... — она замялась — о болезни Полины ей распространяться на хотелось, потому что она терпеть не могла жаловаться о своих семейных проблемах и сыпать их на головы других людей, которым, обычно, совершенно нет до этого дела, а ненужная жалость и ободряющие слова сильно утомляли саму Женю.

— Просто Жене в квартиру нельзя цветы. — угрюмо и звонко ответил Игорь, который молча слушал их разговор, сложив руки на груди и недоверчиво глядя на Сергея. — Женька, давай, я их себе в комнату заберу, так будет...

В этот момент дверь семьдесят седьмой квартиры распахнулась, и из нее высунулась маленькая, седая головка с желтым валиком бигуди, накрученным на челку, зализанным назад тугим хвостиком и строгими глазками, которыми Раиса Васильевна зорко впиалась, как бледно-розовыми крабьими клешнями, сначала в Женю, затем — в ее букет, а уж потом тут же переметнулась на своего ненаглядного внука и Сергея, задержавшись на нем дольше, чем на всех остальных.

— Ну и чего вы тут расшумелись?? Орете на весь подъезд, а если у соседей дети спят???

Игореша, чего домой-то не заходишь?

— Сейчас приду, ба. Иди. — буркнул Игорь, а Раиса Васильевна нахмурилась и недовольно покачала головой.

— А ты меня не гони, внучек, сначала разобраться надо... А вы кто такой? Это вы Евгении цветы подарили? — требовательно проговорила она, недовольно бросив на Женю раздраженный взгляд, а Сергей только ухмыльнулся и поднял брови:

— Ну да, я подарил. У вас протокол уже составлен? Давайте, подпишу. — строго проговорил он, и Раиса Васильевна, услышав столь дерзкий ответ, резко распахнула дверь, явив свету красный свитер и черную, удлиненную юбку, и, сложив руки на груди, вскинула

брови, снова посмотрев на закусившую губу Женьку, которая понимала, что Сергей ровно за секунду может превратить всех ее союзников во врагов.

— Ай ты какой умный, вы поглядите на него! — язвительно покачала головой бабушка Игоря. — Ишь, Женька, опять нашла, на кого моего Игорешу променять! Игорь, а ты чего стоишь? Ну чего ты стоишь?? На твоих глазах у тебя же из-под носа невесту уводят, а ты и в ус не дуешь???

Игорь вскинул руки и гневно воскликнул:

— Ба, да перестань ты! Женька мне не невеста, сколько раз тебе...

— Цыц! — пригрозила ему Раиса Васильевна и, воззрившись укоряющим взглядом на порядком уставшую от всех этих событий Женьку, крепко сжимающую букет, снова принялась отчитывать:

— Эх, Евгения, ну как же тебе не стыдно-то??? То с одним, то с другим... То снова к Игорьку нашему бежишь... Знаешь, такое поведение порочит настоящую девушку, гордость нужно иметь, Женя, гордость! Сначала с одним по машинам целуешься, да еще каким! Волосатый, этот... как его... пирсинг из всех мест торчит, одевается, как клоун! Теперь вот этот, богатенький явно, цветы таскает... Хорошо пристроилась, а? А Игорек мой что, опять в роли запасного аэродрома???

— Бабушка!!

— Раиса Васильевна!!

— Пирсинг из всех мест?.. — задумчиво и тихо повторил за Раисой Васильевной Сергей, и Женя, мельком посмотрев на него, заметила воинствующий блеск в его глазах и с ужасом подумала, что он, кажется, догадывается, о ком тут шла речь...

— Неприлично, Женя, стыд, позор...

— Так, что тут происходит? Раиса Васильевна, чего опять Женька моя натворила? — раздался спасительный голос из Жениной квартиры, и все разом обернулись, увидев Дарью Федоровну в синем халате и ярко красных тапочках, с немного удивленной, но все той же теплой и доброй улыбкой разглядывающую всю подъездную компанию и уделяя особое внимание Сергею.

— Вот, Даша, полюбуйся! У Жени твоей опять новый кавалер! Ну где это видано, чтобы каждый месяц нового парня себе заводить?? Ты поговори с ней, Даша, а то в подоле тебе принесет...

Женька не выдержала и расхохоталась, решив не обращать внимание очень обеспокоенной ее моральным обликом старушки на то, что ей уже давно не пятнадцать лет, а мама Жени, тоже рассмеявшись, воскликнула:

— Ой, Раиса Васильевна, ваши бы слова, да Богу в уши! А я все жду и жду, когда же она нам с Эдиком внуков-то родит, а Женя все никак не соберется... Так вы — новый Женин кавалер? — с огромной надеждой, объясняющейся, видимо, тем, что прежде не видела у Жени столь шикарно разодетых кавалеров, спросила Дарья Федоровна, а Женя, совсем смутившись, отчаянно замахала руками и воскликнула, с испугом расширив глаза:

— Мам, мам! Он не мой кавалер, он мой начальник! Здесь все, кажется, с ума посходили, дурдом какой-то!! — рассерженно проговорила она, а мама в удивлении и несказанном восторге расширила глаза на Сергея. Тот спокойно улыбнулся ей красивой и очень обаятельной улыбкой, будто не он полчаса назад бил мускулистого ВДВ-шника Ваську в лицевые кости, и вежливо проговорил:

— Добрый вечер. Извините за беспокойство, я действительно начальник Жени,

генеральный директор фирмы, на которой она работает, и только занес ей цветы в знак благодарности за неоценимую помощь в подготовке к ревизии. Женя проделала огромную работу. Еще раз прошу меня извинить, я пойду. — он чуть склонил голову в знак уважения, а Дарья Федоровна прижала руки к груди, восхищенно глядя на Сергея, и тут же засуетилась:

— Пойдите, пойдите! Я даже не знаю, как вас...

— Сергей Викторович. — с плохим предчувствием проговорила Женя, всячески подмигивая маме, чтобы она отпустила Минаева, который перевернул ее душу вверх тормашками и своим «эффектным» появлением выбил из колеи, заставляя гореть от смущения, подобру-поздорову, но мама лишь махнула на нее рукой и торопливо затрещала:

— Сергей Викторович, Сергей Викторович, пойдите, не уходите, у меня как раз ужин готов, я домашних пельменей наделала, сметанку приготовила, пойдете с нами, покушаем! Или вы спешите куда-то?? Пойдете, я по пельменям — мастер от Бога, вот увидите! Вся семья их трескает, за уши не оттащишь!

Женя умоляющими глазами посмотрела на мать, представив, что с ней будет, когда она сядет с Сергеем за один стол да под яркое освещение, которое не преминет продемонстрировать ему все изъяны ее лица и не очень свежий домашний халатик, и шепотом проговорила:

— Мам, ну что ты? Зачем у Сергея Викторовича время отнимать? Он и так столько сюда ехал по всем пробкам... Ему, наверное, еще по делам надо...

Однако Сергей, как-то весело глянув на умирающую со стыда Женю, вдруг спокойно заявил:

— Спасибо за приглашение, если это не слишком обременит вас, то я могу остаться.

Женина мама всплеснула руками от радости и бурно закудаhtала, завертевшись:

— Ой, как здорово, вот и хорошо, меня, кстати, Дарьей Федоровной зовут, я мама Жени и Полины, замечательно так, что вы зашли, Женечка, давай букетик, я его в нашей с отцом комнате поставлю, будешь приходить, любоваться... Да вы проходите, проходите, Сергей Викторович, разувайтесь, расскажете нам про то, как там Женя работает... Эдик!! — крикнула мама Жени вглубь квартиры. — Эдик! У нас гости, выключай свой футбол! Женин начальник пришел! Проходите, проходите...

Женя обреченно вздохнула и вошла в квартиру первой, пытаясь унять бешеную дрожь в руках и ужасное волнение, Сергей зашел следом, а за ним в квартиру уверенным шагом забурился Игорек, которого бабушка недовольно окликнула:

— Ты то куда, внук, намылился? Домой давай, поужинаешь и поможешь мне на антресолях старую обувь разобрать!

— Ба!!! — недовольно выдохнул Игорь, потягивая носом «пельменные» ароматы из Жениной квартиры. — Мне еще... м-м-м... Жене помочь тут надо... По компьютеру... Она просила... Я позже приду!

Женька нервно и весело хихикнула, а Дарья Федоровна, выглянув с кухни, щедро воскликнула:

— Раиса Васильевна, да будет вам, пусть Игорешка тоже с нами посидит! Игорек, заходи давай, руки мой и за стол!

— Ой, нахлебник, ой, нахлебник! — недовольно пожурила внука бабушка и скрылась в своей квартире, а Игорь с довольной улыбкой принялся расшнуровывать зимние кроссовки, пока его с корточек не подняла сильная рука Сергея и Женька снова не услышала, как он гневно, с угрозой, но тихо проговорил ему:

— А ты куда без приглашения, слизняк? Давай домой топай, или дорогу забыл?

Игорь снова нахохлился и испуганно, не глядя Сергею в глаза, огрызнулся:

— Я здесь всегда приглашен, так что отстаньте. Кроме того, за Женей надо приглядеть, вдруг вы ее обидите! А перед тетей Дашей таким галантным прикинулся, ну просто идеал для женщины...

— Игорь! Сергей Викторович! Хватит! — прикрикнула на них Женька и махнула рукой в сторону кухни, тяжело вздохнув под пристальным взглядом Сергея. — Идем ужинать.

Когда они вошли, на резном дубовом обеденном столе уже всюю расставлялись тарелки и кружки, а аромат от пельменей заставлял желудок болезненно причитать.

Дарья Федоровна ослепительно улыбнулась и махнула рукой:

— Игореша, садись вон туда, в угол. Сергей Викторович, вы — здесь, скраю, тут удобнее, а Женя напротив вас сядет, вот сюда... Давайте, давайте! — поторопила она троицу, колдуя около плиты, а Женя в невероятном ужасе посмотрела на ее спину: вот же мама! Ну не могла она ее куда-нибудь в угол запихнуть, нет же, теперь прямо напротив Сергея сидеть, она же умрет, умрет!

Вспыхнув, Женя аккуратно села на стул, нервно поправляя халатик, а Сергей совершенно спокойно уселся напротив с самым своим любимым самоуверенным видом, вновь принявшись разглядывать Женино лицо своими внимательными и какими-то сияющими серыми глазами, замечая каждый ее жест, каждое движение, каждое слово... Женя мгновенно залилась краской и отвела взгляд в окно, краем глаза заметив, как ухмыляется проклятый обжора Сторожев.

В этот момент внимание Сергея переключили на себя, одно за другим, два обстоятельства. Первое из них — это шумно залетевшая на кухню с трансформером в руке Полина, облаченная в белую домашнюю пижаму с медведями и розовые, полосатые штанишки до колен. Волосы девчушки были заплетены в кривую, торчащую во все стороны косичку, а карие глаза весело и возбужденно горели:

— Мама-мама-мама, гляди, как меня папа прикольно причесал! — воскликнула она тоненьким голоском, но, увидев Сергея, слегка улыбающегося ей, она замерла и покраснела, стеснительно разглядывая его:

— Ой, дядя... Здравствуйте. — вежливо выдохнула она, а мама улыбнулась и сказала:

— Вот, Сергей Викторович, познакомьтесь, это — Поля, моя младшая дочка... Поля — это Сергей Викторович, Женин начальник с работы.

Поля стеснительно улыбнулась и подошла к Жене, прижавшись к ней и громким, свистящим шепотом проговорила:

— Женя, это тот самый дядя, да? Которого ты кретином называла?

Женька бешено вспыхнула, в ужасе посмотрев на Сергея и сгорая со стыда, а тот только пожал плечами и ухмыльнулся, глядя на маленькую девочку:

— Ну, это иногда бывает не так плохо, Поля.

Игорь хохотал, Полина покраснела еще гуще, хуже своей рыжеволосой сестры, а Дарья Федоровна строго проговорила:

— Полина! Думай, что ты говоришь! Женя бы не стала так отзываться о таком воспитанном и порядочном человеке. Садись вон туда, к окну, и рот — на замок!

Поля послушно поплелась в угол, к Игорю, виновато поглядывая на Сергея, а Женя угрюмо вздохнула, чувствуя, что еще не все сюрпризы на сегодня закончены.

Второе обстоятельство, которое отвлекло Сергея от пристального созерцания Жени,

предстало в виде высокого, широкоплечего и усатого Эдуарда Петровича, важно заплывшего на кухню в спортивной футболке и шортах и усевшегося, не дожидаясь особых распоряжений жены, во главе стола, рядом с Женей и Сергеем.

— Так-так... Даша, там у тебя все готово? — грозно уточнил он и перевел внимательный, с прищуром, взгляд на Минаева, оценивая его с ног до головы и хмурясь. — А вы, стало быть, Женин руководитель? Она — ваша секретарша? — требовательно спросил он Сергея, и Женя заметила, что взгляд ее начальника загорелся силой и вызовом, уверенностью и превосходством. Он оценил своего собеседника и, по всей видимости, не желая уступать ему ни в чем.

— Да, все верно, моя. — спокойно, но строго проговорил он папе Жени, протянув ему руку. — Сергей.

— Эдуард Петрович. — громыхнул отец и крепко пожал его ладонь, а затем недовольно проговорил:

— Так я что-то не понял, с каких это пор директора своим секретаршам цветы таскают? Это как-то попахивает посягательством...

— Папа!

— Эдик! — одернули его и мама, и Женя, а Сергей лишь поднял брови и спокойно ответил:

— Женя всю прошлую неделю выполняла не только свои должностные обязанности, но и помогла подготовить все кадровые документы к глобальной проверке. Букет — никакое не посягательство, а лишь знак благодарности.

Отец нахмурился и недоверчиво зыркнул на Сергея:

— Так если она настолько много сделала, что аж фантастика, может, вы ей просто сверхурочные заплатите? Она же, я так понял, у вас там до ночи сидела?.. — он грозно и пристально посмотрел на Женю, которая жевала пельмени без единого намека на аппетит и сползала все ниже под стол, желая улететь на Луну с этой кухни и не видеть насмешки Игоря, сердитого взгляда отца и такого чарующего и пристального взгляда Сергея, прожигающего ее сердце горячим лучом. — Или зарплату поднимите?

— Сверхурочные, безусловно, будут в соответствии с трудовым законодательством, а насчет зарплаты — можно будет рассмотреть этот вопрос. — невозмутимо и бесстрашно заявил Сергей, нисколько не смущаясь недоверчивого и грубого отношения Эдуарда Петровича к себе.

— Эдик! Прекрати пожалуйста, это неприлично — такие вопросы задавать! — строго проговорила мама и, усевшись рядом с Женькой, наконец закончив расставлять перед всеми еду, опять с каким-то восторгом вздохнула, посмотрев на Сергея:

— Вы лучше скажите, Сергей Викторович, хорошо ли там наша Женя работает? Нам очень интересно.

Женя под столом незаметно щипнула маму за ногу, а та легонько шлепнула ее по руке, взирая на Сергея трепетным, выжидательным взглядом.

Сергей как-то странно, по-особенному посмотрел Жене в глаза, заставив ее руки затрястись мелкой дрожью, и с легкой улыбкой произнес:

— Ваша дочь работает очень качественно, быстро. Эффективно решает поставленные перед ней задачи. Легко находит выход из сложных ситуаций... Она очень ценный работник.

— Ох... — с умилением выдохнула Дарья Федоровна, погладив Женю по рыжим кудряшкам, которая изумленно таранилась на того, который пару месяцев напролет хотел ее

уволить и ненавидел всей душой, а отец, набив пельменей за щеки, прошамкал:

— Тогда тем более пора зарплату поднимать, чего тут думать-то? У нас Женька — мозговитая, ответственная, никогда за нее не краснели, всегда давала поводы гордиться ею... А вы, кстати, футболом увлекаетесь?..

И пошло-поехало. Оказалось, что Сергей неплохо разбирается в футболе, уважает клуб ЦСКА, бывал на нескольких их матчах в Москве, чем заставил Эдуарда Петровича расслабиться, заулыбаться и потащить его на экскурсию в гостиную, чтобы продемонстрировать свои футбольные трофеи. Мама тоже не могла нарадоваться на такого «вежливого и обходительного молодого человека», который помог ей убрать тарелки, разлить по кружкам чай и всячески подчеркивал ее высочайшее кулинарное мастерство, отчего сделался в ее глазах практически идеальным.

Игорь хрюкал, наблюдая за Женькой, Полина пела, допивая чай и возясь со своим трансформером, а Женя елозила на стуле, не переставая волноваться и даже почувствовав, как в результате у нее заболела голова, а к горлу подступила тошнота.

Ужин подходил к концу, Эдуард Петрович что-то самозабвенно рассказывал, посмеиваясь и размахивая руками, а Женя, украдкой глядящая на Сергея, слушающего ее папу с вежливым интересом на лице, вдруг немного расслабилась, и ее нога неожиданно скользнула глубже под стол...

А колено задело... его колено.

Женя вспыхнула так, что даже кожу рук и лица начало бешено жечь, а в животе разразилась адская буря... Она расширила глаза и увидела, как он спокойно повернулся к ней... И посмотрел на нее, внимательно так, нежно... с легкой улыбкой... Не ухмылкой, не насмешкой, а улыбкой...

Женя тяжело вздохнула и резко отдернула ногу, не зная, что делать и куда бежать от этого взгляда. Ее щеки пылали, низ живота отчаянно и сладко пульсировал, руки подрагивали в такт сердцебиению... Она судорожно обхватила себя руками, уводя глаза в потолок и отчаянно стараясь прийти в норму, но это прикосновение, это прикосновение... Оно лишь одно, случайное, обычное, ничего под собой не несущее... Оно сорвало ей крышу, и Женя безнадежно пыталась остановить свою страсть, успокоиться, во что бы то ни стало, успокоиться...

Но нет, не получалось... Вот и руки даже покраснели, ладони такие горячие, а на лице, наверное, вообще можно стейк поджарить... Глупая, глупая Женя!

— Жень? — из тумана ее страстного, пожирающего изнутри, желания выплыл голос мамы, обеспокоенно глядящей на нее. — Ты в порядке? Чего такая красная? Температуры нет?

О, нет, мамочка, тут Жене уже никакие таблетки не помогут кроме взаимной и страстной любви.

*** «Минус»

— Нет, нет, мам, все в порядке, жарко просто, может, форточку приоткроем? — с трудом проговорила Женя, а Сергей лишь впивался в нее взглядом, умирая от счастья. Ни одна другая мысль, ни одна чертова мысль не могла вытеснить из головы то, что он увидел в ее глазах... Ее реакция на случайное касание...

Черт. Ее колено... Сергей едва дышал, пытаясь сохранить самообладание, пытаясь сделать так, чтобы никто не заметил, как чертовски его взволновало ее прикосновение.

Он не мог двигаться. Парализован. Огонь, огонь, неистовая, пульсирующая страсть, жар, желание...

Она покраснела... Как же ему хотелось целовать ее лицо, шею, эти руки... Они дрожали, они сводили его с ума... Контроль, контроль, мозг расплывался в огненной похоти, выйти бы из-за стола... да он пошевелиться не мог! Вот что сделало ее мимолетное касание...

Сергей жадно смотрел на нее, видел, как она дышала, как ее щечки полыхали алым цветом, и чувствовал себя больным... Женя... Женя... Что же ты с ним сделала?..

Эдуард Петрович что-то говорил, Сергей силился слушать, но его гораздо больше волновало собственное состояние, которое варило его на медленном огне мучительной смерти, и пока Женя, трепетно и взволнованно ерзающая напротив, не денется куда-нибудь хоть на пять минут, он не мог успокоиться...

Но, к огромному счастью для них обоих, ситуацию разрешила Дарья Федоровна, строго посмотревшая сначала на часы, а затем — на Полину, и проговорившая:

— Полечка, время — почти восемь. Пора принимать лекарства.

Поля сморщила носик и вздохнула, простонав:

— Ну, мамочка... Я же и вчера и позавчера хорошо спала... Может, давай я не буду их сегодня пить? Они такие горькие и в горле вечно застревают...

— Поля! — строго проговорила снова Дарья Федоровна и покачала головой, а Сергей мгновенно остыл, хмуро глядя на маленькую девчушку и понимая, что она, по всей видимости, не совсем здорова. — А давай лучше ты не будешь спорить с мамой, потому что это бесполезно, дорогая... Давай, давай, бегом.

— Пошли, Пулька, — махнул рукой Игорь, — я с тобой посижу, пока ты свои лекарства пить будешь. Спасибо, тетя Даш, у вас как всегда все было вкусно!

— Еще бы не вкусно! Ни один прием пищи у нас не пропустишь! — грозно проговорил Эдуард Петрович. — Учти, шалопай, я с тебя скоро деньги, как в столовой, брать начну! Тот наша семья разбогатеет на тебе! — он захохотал, довольный своей шуткой, а Игорь скорчил постную мину и протянул:

— Дядя Эдик! Ну хватит уже, что вам, жалко, что ли?.. — причитал он, а Поля уже вовсю скакала за папиной спиной, вереща:

— Пошли, Ига, пошли! Ну чего ты там копаешься? Жень, Жень, пойдем тоже, ты мне мультик мой включишь на компьютере, пойдем?

Женя выдохнула и подскочила из-за стола, обрадовавшись возможности ускользнуть из кухни, а Сергей, находясь под пристальным надзором зорких глаз ее отца, с трудом удержался от того, чтобы не посмотреть на ее ножки, ножки, те самые, что полминуты назад сввергли его в состояние человека, которого шандарахнуло самой сильной молнией, поэтому он лишь посмотрел им троим вслед и, переведя глаза на Дарью Федоровну, устало и задумчиво глядящую в пол, встревоженно проговорил:

— Что такое с Полиной? Болеет чем-то?

Мать и отец девочек хмуро переглянулись, а затем Дарья Федоровна села на Женин стул и печально проговорила:

— Да, Сергей Викторович, к несчастью, болеет... У нее бронхиальная астма очень тяжелой формы... Почти каждую ночь приступы... Периодически пропиваем курс лекарств... Неизменный ингалятор... Девочка страдает, не может в полную силу играть с друзьями, не знает, что такое цветы, мягкие игрушки... Мы делаем все возможное, но... Вот,

говорят, санаторий в Алтайском крае может облегчить ее состояние. — сказала Дарья Федоровна, а Сергей хмурился все больше, ощущая, как сдавливает сердце от жалости. Он понимал, как тяжело, когда ребенок болеет... Настя иногда подхватывала простуду, один раз даже с бронхитом воевали — и это всегда самые трудные и болезненные дни в жизни родителей, которым нельзя отчаиваться, нельзя впадать в горестное бессилие, нельзя опускать руки... А тут такое... — Но туда очень сложно пробиться. Путевки будут на сентябрь-месяц, но... — она понизила голос и тихо прошептала, поскосясь на выход из кухни:

— Нам они не по карману. Ехать туда надо не на пять дней, а на все двадцать, вместе со взрослым, а это — больше трехсот тысяч! Женя старается, копит, всю зарплату откладывает, себе ничего не покупает, говорит, она накопит на путевку... Ну и мы копим с Эдиком, конечно... У нее еще на машину кредит, еще учеба эта, а по ночам она со мной вместе с Полей сидит, когда у нее приступы... Ой, не знаю, она так себя загоняет! Обрадовалась, что у вас на фирме хорошо платят... — Дарья Федоровна вздохнула и с мольбой посмотрела на Сергея, который в этот момент с ужасом переживал то, что она сказала... Женя... Она так держалась за эту работу! До последнего, изо всех сил, а он!.. Он ее выгнать хотел... Премии лишал... Черт возьми, да еще за что?.. За то, что она рубашку ему облила, потому что Лена ее толкнула??? Вот же чертов идиот!!! Давно пора было понять, что она не просто так терпела его скверное отношение к себе...

— Вы уж там, Сергей Викторович, сильно не наказывайте ее, если что... Она устает просто... А деньги ей ой как нужны, упертая она... Сказала — накопит, значит, накопит.

Сергей хмуро посмотрел на Дарью Федоровну и кивнул:

— Не о чем говорить, конечно. А других вариантов нет? Дорогостоящие лекарства? Специальные процедуры? Хоть что-нибудь...

— Ничего нет. — тяжело громыхнул Эдуард Петрович. — Врачи говорят, эта болезнь израстается... Возможно, к старшим классам... А возможно, никогда. Будет всю жизнь во всем себе отказывать и с ингалятором под подушкой ночевать.

Сергей тяжело вздохнул и с сочувствием произнес:

— Мне очень жаль. Понимаю, как это тяжело и тревожно.

Дарья Федоровна нежно улыбнулась.

— Спасибо! Вы очень хороший человек, Жене невероятно повезло с руководителем.

Сергей ощутил противные, тянущие угрызения совести и спешно посмотрел на часы:

— Спасибо огромное за ужин, Дарья Федоровна. Все было изумительно вкусно. Время позднее, не могу больше злоупотреблять вашим гостеприимством, пойду. Было очень приятно с вами познакомиться.

Отец и мать тут же вскочили, собираясь проводить гостя. Дарья Федоровна суетливо прощбетала:

— Нам было тоже очень-очень приятно, спасибо за теплые слова в адрес Жени, за цветы... Я сейчас Женю позову, она проводит вас... — и Дарья Федоровна исчезла в коридоре, а Эдуард Петрович пожал Сергею руку и благосклонно проговорил:

— Ну, заходи в любое время, Сергей! И билеты на следующий матч достану отменные, все поле видно! Не хвораи! — и он тоже ушел грузной походкой, а Сергей вышел в коридор и столкнулся у двери с Игорем, сующим свои длинные ноги в зимние кроссовки и натягивающий куртку, и с Женей, обувающей желтые мягкие тапочки и с невероятным волнением посмотревшую на него.

*** «Плюс»

Женя тихонько вышла в подъезд вслед за Игорем и Сергеем, снова услышав, как предательское сердце застучало как с цепи сорвавшись. Прикрыв за собой дверь квартиры и оказавшись в прохладе и подъездной полутьме, она прислонилась к ледяной, темно-зеленой стене и с трудом вздохнула, посмотрев на Сергея.

Тот встал напротив, хмуро глядя на Игоря гневным и нетерпеливым взглядом, а тот невозмутимо стоял, сунув руки в карманы и переводя взгляд с одного на другого.

— Иди. — жестко проговорил ему Сергей с нотками угрозы в голосе, а тот хмыкнул и уперто сложил руки на груди, сделав свое самое «ослиное» выражение:

— Я никуда не пойду, пока не буду уверен, что Женя в безопасности. Я вам не доверяю. — заявил он, а Женя, у которой в голове стучала лишь одна мысль — снова прикоснуться к Сергею и опять ощутить мощнейший переворот внутри себя, лишь нервно усмехнулась: Игорек не понимал, что между ними происходит. Он знал, что Женя влюблена в Сергея, но... Женя лишь жила надеждой, что все, что сегодня произошло, и до этого тоже, доказывает существование каких-то его чувств к ней... Она так желала их увидеть в его глазах, что сейчас готова была сама вытолкать взащей своего друга с площадки, лишь бы остаться с ним наедине... наедине...

— Сторожев, не глупи. Что со мной случится на моей же лестничной клетке? Иди давай домой. Тебя бабушка ждет.

Игорь пристально посмотрел на нее, но, видимо, прочитав ее раздраженное и нетерпеливое состояние на лице, холодно и неуверенно проговорил:

— Ну... ну ладно. Женя, но если что — я рядом. Кричи. — серьезно наказал он ей и медленно ушел в свою квартиру.

Женя вздохнула, чувствуя, что начинает краснеть, и все больше прижимаясь воспаленной спиной к холодной, грязной стене, радуясь тому, что в полутьме подъезда не видно ее волнения.

Сергей шагнул к ней ближе, просто глядя на нее, и Женя, наконец, уловила в его глазах то, чего не было на кухне: жадную горячую нежность, ласку, неистовство...

Она загорелась, чувствуя его взгляд на своих губах, на шее, на груди, снова на шее, снова на губах — и ее пробила мелкая дрожь, а в животе запорхали бабочки или, по ощущениям девушки, целые птеродактили, медленно, но верно поджигая ее кожу и все внутренности полыхающим огнем.

— Почему ты не сказала мне о Полине? О том, что деньги копишь на ее путевку? — недовольно и строго проговорил Сергей, требовательно посмотрев ей в глаза.

Она лишь пожала плечами, не имея сил пошевелиться от его близости, и проговорила:

— Не знаю. Вам это было неинтересно. Никому не интересны проблемы других.

— Я подниму тебе зарплату. — безапелляционно заявил он, и Женя вздрогнула, шокировано вытаращив глаза:

— Спасибо, конечно, Сергей Викторович, но это неправильно. Я не сделала ничего такого, за что следует повышать мне заработок... И это будет нечестно по отношению к другим сотрудникам. Давайте оставим все, как есть. Меня вполне устраивает.

Сергей насмешливо поднял брови и сказал:

— Ты думаешь, это я сейчас у тебя разрешения что ли спросил, повысить или не повысить? — он покачал головой и жестко заявил командным тоном:

— Говорю еще раз: вопрос закрыт раз и навсегда и не нуждается в дальнейшей

дискуссии. Ты меня... поняла? — вдруг запнулся он, а его голос дрогнул, когда Женя, все больше умирая от его присутствия, нервно провела руками по шее... Услышав перемену в его интонации, она резко подняла на него глаза и заметила, как зачарованно и жадно он смотрит на ее руки, наблюдая за их движением по шее, а его глаза, глаза...

Женя вздохнула, слишком громко, слишком тяжело, но она не замечала этого... Только потемневший, горящий притяжением, огнем, дикой, едва сдерживаемой страстью взгляд, а серые глаза стремительно превращались в черные...

Как в горящем, плывущем куда-то, корабле, Женя заметила, что Сергей еще ближе подошел к ней, она ощущала лишь его силу, его стремительную, импульсивную энергетику, а желудок скручивался огненной спиралью, посылая искры в ее мозг...

Она едва дышала, замерев и ожидая, что он будет делать, ожидая только поцелуя, только поцелуя... Она посмотрела на его губы, она помнила их, она страстно желала их и ничего больше... Сергей слегка наклонил голову, внимательно следя за ней, за ее реакцией, и она услышала, как он порывисто вздохнул.

Секунда... Такая короткая, незначительная... А он вдруг взял ее за руку.

Сердце Жени остановилось, а тело ударило мощнейшим электрическим током. Она не могла смотреть, дышать, не могла чувствовать ничего, кроме его пальцев, которые нежно и легко прошли по ее ладони, пульсирующей от жара, пылающего костром в каждой ее клетке...

Она откинула голову на стену и глубоко вздохнула, а ее пальцы ласково ответили на его касание и едва заметно проскользили по его ладони...

Вдох... Выдох... Голова отказывает, он совсем близко, жадно, нетерпеливо, пожирающе смотрит на ее губы, а его рука все сильнее и сильнее ласкает ее ладонь, все нежнее и настойчивее сжимает ее пальцы...

Снова удар током — и он тяжело выдохнул, резко схватив ее руку и с грубой, но страстной силой прислонил к холодной стене тыльной стороной... Их пальцы переплелись... Пульсация крови, Женя закрыла глаза, дрожа и сжимая в ответ его руку, вся обратившись в чувство, свое чувство, которое выворачивало ее сердце наизнанку, которое заставляло глазами умолять его поцеловать себя...

Ее губы дрожали, голова кружилась, в груди все болезненно и сладко сжималось, она резко вновь посмотрела на него и вдруг подалась к нему, не имея сил терпеть это чертово жжение, а он... Он жестче прижал ее руку к стене, не позволяя приблизиться к нему, и Женя закусила губу, чувствуя, что вот-вот закричит от разочарования и обиды... Он смотрел на нее, тяжело дыша. Его серые глаза горели яростным вожделением, он впивался взглядом в ее губы, но...

— Я заеду завтра утром, как обещал. — тихим, хриплым голосом сказал он.

Женя тяжело выдохнула, едва сдерживая слезы и не понимая совершенно ничего... Он издевается над ней? Дразнит ее? Проверяет ее чувства? Что он с ней делает???

Жгучая, разрывающая боль в груди, и Женя легко вытянула руку из его ладони и резко, дрожащим от обиды голосом проговорила:

— Не надо. Меня папа отвезет на работу. До свидания, Сергей Викторович, и спасибо за цветы.

И она ускользнула в квартиру, не чувствуя ни рук, ни ног, только боль и бешеное биение разбитого сердца.

Глава 13. «Плюс»

Усталая, разбитая, измученная Женя рассеянно собралась на работу, кое-как натянув на себя какое-то темно-синее пятно из шкафа и что-то накрасив себе на лицо из косметички, чтобы замазать черные круги под красными глазами, совершенно не думая, подходит ли макияж к платью, ровно ли намазана помада, не торчат ли во все стороны ее идиотские кудряшки...

Идиотские... хорошее слово. Она и сама идиотка. Сергей мучает ее, а она... Женя не могла вспоминать вчерашний день, она давно не испытывала такого разочарования, такой душевной боли...

Ничего не соображая, она вышла из отцовской машины и поплелась на работу, запинаясь за каждый снежный бугор на дороге, врезаясь в людей, чуть не убившись летящей на нее дверью завода...

А вот и секретарская. Вяло, как будто ей тяжелы собственные ноги, звучали тонкие каблучки ее сапог по ковролину, Женя почти не поднимала головы, погрузившись в собственную пустоту, как вдруг...

— Доброе утро, Женечка. — громыхнул знакомый бас, и Женя вздрогнула от неожиданности, резко вскинув голову и увидев Павла Краснохатова собственной персоной, возвышавшегося над кофемашиной огромным валуном, наряженным в черный костюм, и виновато улыбавшегося, а в одной из его здоровенных лап торчала корзинка с цветами.

Женя напряженно замерла на месте, агрессивно глядя на него и памятуя о его жестком притязании к ней на корпоративе. Вышел из отпуска, значит. Из легкого щебетания Светки Женя знала, что Павел берет отпуск обычно сразу после зимних каникул, чтобы отдохнуть по-полной, съездить куда-нибудь и припереться с черным, африканским или турецким загаром посреди зимы.

— Доброе утро, Павел Юрьевич. — холодно и напряженно проговорила Женя, обойдя его по широкой дуге и завернув за стойку, скидывая пуховик и включая компьютер как ни в чем не бывало, будто его здесь и не стояло вовсе. Ей так хватило вчерашних переживаний, что разбираться с этим извращенцем-коллекционером женских тел у нее не было ни малейшего желания.

— Женечка, милая, я бы хотел извиниться. — виновато прогрохотал он, внимательно, однако, пройдясь по изгибам тела Жени под платьем. — Я вел себя на празднике совсем неподобающим образом... Выпил лишнего... Ну и... В общем, искренне прошу твоих извинений, — он поставил корзинку с цветами ей на стол и облокотился на стойку, вглядываясь в ее бледное, безразличное лицо, — и больше такого не повториться.

— Павел Юрьевич, — вздохнула Женя, тяжело сев на стул, — я понимаю, что вы были пьяны и все такое... Но пообещайте мне в будущем сохранять дистанцию. Я не готова сейчас ни к серьезным отношениям, ни к интрижкам, простите.

Павел хмуро поджал губы, а затем вздохнул:

— Да, конечно, Жень... Я обещаю. Но мы ведь можем сходить куда-нибудь вместе без... так сказать... такого тесного сближения?

Не мытьем, так катаньем. А ребята ее предупреждали, что эти зубки не разожмешь

просто так... Мертвая хватка... Женя вздохнула, намереваясь в очередной раз объяснить Паше, что она с ним не хочет даже в одну столовую ходить, не то, что на свиданки, как в этот момент...

В секретарскую влетел Сергей. Женя тут же ощутила новую, скрипучую волну боли, сжавшей все ее внутренности в болезненный комок, поэтому резко отвернулась, не желая смотреть на него, не желая замечать его чертовой привлекательности, не желая искать его взгляда, вылавливая в нем, как в илистом пруду, какие-то признаки влюбленности по отношению к ней, не желая ощущать его решительной и жесткой мужской энергетики, которая заставляла ее трепетать перед ним еще больше...

Сергей недовольно уставился сначала на Пашу, потом — на цветы, и его глаза осветились безумной яростью:

— Ты что здесь делаешь, Паша?!? Я же тебе запретил к ней...

— И я скучал по тебе, дружище! — с натянутой, но тоже вызывающей улыбкой проговорил Павел, шагнув к нему. — Ты не волнуйся, мы с Женечкой только разговариваем...

Сергей гневно подлетел к нему и, пылая от злости, заглянул в его маленькие глазки своими красивыми серыми, но источавшими такую влиятельность и какое-то даже безмозглое бесстрашие, глазами, процедив:

— Мне на это плевать. Я ясно выразился в прошлый раз. Не подходи к ней, понял?

Павел тоже разозлился и ехидно ухмыльнулся, вызывающе проговорив:

— Я уйду, только если она сама меня прогонит, Серега. Так что расслабься, иди к себе...

Сергей не дал ему мечтательно дорассуждать, а импульсивно и грубо схватил его за манжеты пиджака, но Женя, испуганно охнув и резко рассердившись, выскочила к ним и, встав между ними, оторвав руки Сергея от пиджака Павла, гневно крикнула:

— Сергей Викторович!!! Павел Юрьевич!!! Прекратите, прекратите сейчас же!!! Что вы делаете, Сергей Викторович?? — Женя всплеснула руками, укоряюще посмотрев на Сережу, и прокричала им в лица:

— Успокойтесь! Павел Юрьевич, я принимаю ваши извинения, Сергей Викторович, мы с Павлом только разговариваем, ничего больше!!! Слышите? — крикнула она, а двое сцепившихся бывших друзей расплосовывали друг друга взглядами, пытаясь доказать, кто из них сильнее, круче и влиятельнее.

— Что, Сережа, в права собственности вступил? — ядовито поинтересовался Павел, холодно усмехнувшись. — А Женя то хоть в курсе?? Ну, насчет Лены, Вики... И кстати, как поживает Ксюша? Передавай ей привет от меня. — с победной и злостной улыбкой ухмыльнулся Паша, а Женя так и замерла, ощутив, как глубоко-глубоко летит к чертям ее измученное сердце. Ксюша... Еще и Ксюша какая-то... Эх, Женя, Женя, дура ты наивная, вот и весь разговор!

Женька расширенными глазами смотрела на Сергея, не замечая даже, как поникли ее плечи, как отчаянно сошлись брови, как потух свет внутри нее... Ну почему? Почему все сложилось именно так?? Зачем вообще он ей нужен???

Сергей секунду наблюдал за ней, а затем его глаза сверкнули новым сумасшедшим фейерверком ярости, и он, снова схватив Павла, возвышающегося над ним на полголовы и нависающего улыбчивой скалой, за пиджак, и с такой силой потрянул, что у Паши даже челюсть звякнула, а улыбочка быстро испарилась, оставив своему хозяину лишь гневно

вытаращенные глаза.

— Не лезь в мои дела, Паша, иначе сильно пожалеешь! — прошипел Сергей, излучая просто лавину разрушительного гнева. — И Женю оставь в покое, ты понял??? Найди себе другую игрушку!!! А ее не трогай!!

— О-о-о, Сереженька, как все запущено... — издевательски протянул Павел, ухмыльнувшись. — Другую игрушку? Я с ней не играю, в отличие от тебя, так что...

— Паша? Сережа? Вы что делаете?? — вдруг раздал голос, который бедная Женя, сходящая с ума от всего происходящего и едва сдерживающая слезы обиды, хотела услышать меньше всего.

В секретарскую, в великолепном персиковом платье, с идеальным макияжем и на высоких каблуках вошла Лена, на ходу расправляя складки на юбке и готовясь, по всей видимости, к встрече с кем-то очень для себя важным.

Она удивленно уставилась на двух сцепившихся руководителей фирмы, недоуменно переводя глаза с одного на другого и на Женю, которая с каким-то грустным, потерянном видом вцепилась в рукав и тому, и другому.

Секунду оценивая обстановку, Лена вдруг насмешливо сморщилась и презрительно и возмущенно воскликнула:

— Вы что делаете?? Деретесь?? Из-за... из-за нее??? — она ткнула в Женю пальцем и расхохоталась. — И где же это вас так переклинило, мальчики? Красивые женщины что, нынче перевелись, теперь за каждую... рыжую будете биться не на жизнь, а на смерть??

Женя устало посмотрела на нее, не ощутив даже ни капли какого-то гнева или желание ответить поострее, а только безразличие и разрывающая душу боль...

Сергей резко повернулся к Лене, вспыхнув новой яростью, и сквозь зубы строго и беспрекословно прикрикнул:

— Закрой рот! Что ты хотела, Лена? Что нужно?

— Так закрыть рот или говорить, что нужно, ты уж опреде...

— Лена!!! — прорычал Сергей, и Лена, испугавшись его взгляда, более миролюбиво проговорила:

— Поговорить пришла насчет того, что случилось позавчера... Или тебе показалось, что так обращаться с женщиной можно? — ядовито проговорила она, мстительно зыркнув на Женю, которая ощутила вдруг такое бессилие, что поплелась за свою стойку и, усевшись на стул, стала вяло расстегивать сапоги, не желая больше ни смотреть на них на всех, ни слушать их.

Сергей раздраженно вздохнул и в приказном порядке произнес:

— Иди ко мне в кабинет, Лена. — затем он повернулся к Паше и отпустил его, гневно процедив:

— А ты — на свое рабочее место, Павел Юрьевич. Живо!

Паша ухмыльнулся и, хлопнув Сергея по плечу, довольно провозгласил:

— Ты сначала со своими бабами разберись, Серега, а уж потом мне дельные советы давай, как жить и с кем. Ладно. Увидимся, Женя. — попрощался он, и Женя, тяжело оторвав расфокусированный, больной взгляд от монитора, с трудом ответила:

— Увидимся, Павел Юрьевич.

Секретарская опустела. Сергей с какой-то нервной тревогой посмотрел на Женю и стремительно зашагал к своему кабинету, на ходу строго бросив:

— Будь здесь, Женя, никуда не уходи. — и тоже исчез за дверью кабинета, оставив лишь

болезненного червя, выедающего сердечное яблоко Жени изнутри.

Оставшись, наконец, одной, Женя вдруг сложила руки на столе и, положив на них голову, расплакалась, сама не ожидая от себя подобного действия.

Она плакала, думая о том, что было вчера вечером, о его прикосновении к ней, о его руке, горячо и неистово ласкавшей ее руку, о его глазах, жадно, желанно изучавших ее губы, и умирала от ужаса, что это всего лишь его очередная игра, а она — глупая, безмозглая кукла, попавшая, как и все эти несчастные Вики, Лены и какая-то Ксюша в его сети... Женя плакала и плакала, пока ее не отвлек тихий, встревоженный голос:

— Жень? Жека?? Ты... ты чего?? Плачешь, что ли?? Зябликова, посмотри на меня!

Женя подняла голову, всхлипывая и вытирая слезы, размазывая тушь по щекам, а перед ней стоял Семен, в неопишемом волнении склонившийся к ней и внимательно вглядывающийся через свои модные очки в ее лицо.

— Только не говори, Женька, что ты опять из-за Минаева плачешь! — усмехнулся он, нежно рукой вытерев ей слезу, вновь побежавшую по щеке.

Женя ухмыльнулась через слезы и утвердительно закивала головой:

— Ага, из-за него... Я запуталась, Семка, я ужасно запуталась! Я уже ничего не понимаю! Это его способ поиздеваться надо мной? Но зачем? Что ему от меня нужно, а?..

Семен улыбнулся и весело проговорил:

— Ну... Что ему сейчас от тебя нужно, видно невооруженным глазом. Успокойся и расскажи, что произошло, только по порядку и без лирических отступлений на тему: «Чем же я так плоха для него, такого прекрасного и расчудесного». А я пока кофе попью.

Женя вытерла слезы и подробно рассказала о вчерашнем вечере, о Сережиной драке с Васькой, о его знакомстве с родителями и о прикосновении в подъезде, закончив свою сбивчивую тираду его сегодняшним столкновением с Пашей.

Вздыхнув, Женя снова почувствовала навернувшиеся на глаза слезы и, игнорируя разрывающийся телефон, значки оповещения о входящих сообщениях и груду неподписанных документов на столе, она положила локти на стол и, опустив на них подбородок, уставилась в пустоту, тихо проговорив:

— Зачем он все это делает, если не хочет сближения со мной? Зачем отталкивает всех, кто имеет на меня какие-то планы? Цветы зачем принес? Я что, недостаточно... привлекательна?? Мне... стоит покрасить волосы, надеть контактные линзы, удалить веснушки? Что?

Семен в веселом нетерпении закатил глаза и взял ее за руку, проговорив:

— Ты опять рассуждаешь с позиции «я хуже всех на свете». Женька, с твоей самооценкой надо что-то делать, это катастрофа! Не будь дурочкой, рыжик! Ты привлекательна, ты красива, сколько раз я говорил тебе об этом??? Ты разве не замечаешь, как мужчины реагируют на тебя? А насчет Сергея... Думаю, он не сближается с тобой не из-за твоих кудряшек и веснушек, а по каким-то своим причинам. Что ты о нем знаешь? Да ничего. Не нужно думать, что всегда и во всем ты виновата. У людей бывают свои проблемы. Ну а то, что ты заставляешь его слетать с катушек и уничтожать всех на своем пути... Это факт. Потерпи, Женька. Он либо сдастся, либо отступится от тебя, вот увидишь. — пожал плечами Семен, с улыбочкой прихлебывая кофе из кружки. — Одно мы знаем точно: он отвалил от себя своих любовниц, и Вику, и Ле... — Сема немного взволнованно осекся. — И Лену. И случилось это после Нового года, так что делай выводы, Зяблик, не спе...

Он не успел договорить: резким пинком отлетела дверь директорского кабинета и

оттуда на всех парусах вылетела Лена, отчаянно вытирая слезы, бегущие ручьями по щекам, и часто всхлипывая, а следом стремительно вышел Сергей, тут же посмотрев за стойку.

Женя почувствовала новый прорыв слезной плотины и резко выдохнула, стараясь не всхлипывать, как Лена, и держаться до последнего, но несколько слезинок все же скатились по ее щекам, образуя новые блестящие дорожки.

Сергей подлетел к Семену и грозно и недовольно проговорил, нахмурившись:

— Почему не на рабочем месте, Семен? Какие-то проблемы с новым тензопреобразователем, который я у тебя сегодня лично проверю в конце дня???

Семен расширил глаза и примирительно проговорил:

— Никаких проблем, Сергей Викторович, тензик в процессе... Ну, я пойду? — он вдруг наклонился к Жене, спрятавшей лицо вниз, пытающейся сделать вид, что она занимается документами, и нежно погладил ее по волосам, тепло проговорив:

— Не грусти, рыжик, тебе не идет, да и нос распухнет, станет, как картошка. Потом поболтаем, пока! — и он быстро вышел из секретарской, сопровождаемый пристальным и гневным взглядом Сергея.

Женя отвернулась, не желая смотреть на него, не желая снова чувствовать боль, обиду, разочарование, крушение надежд, и, спрятав лицо в ладони, пытаясь не плакать, с трудом удерживая себя от истеричных рыданий с подвыванием и безграничной жалостью к несчастной себе, глубоко вздохнула.

— Женя. — тихо проговорил он ей в спину. Настойчиво, но максимально мягко, как только он умел. — Женя. Посмотри на меня. Женя! — приказной тон вернулся, и Женя всхлипнула, вдруг услышав шаги, а затем почувствовав, как он присел около нее на корточки, внимательно вглядываясь в то место на ее голове, где должно было быть лицо, но которое в данную секунду было крепко закрыто ее ладонями.

— Женя! Ты плачешь? Из-за меня? Не реви! Твою мать, Женя! — процедил он с бешеной тревогой, и его руки вдруг аккуратно взяли ее за запястья и потянули на себя.

Женя вздрогнула и неожиданно, как-то инстинктивно, даже откатилась на стуле от него, почувствовав, как быстро заколотилось ее сердце, и посмотрела на него большими, сияющими болью и трепетом перед его присутствием, глазами, разрываясь в противоречиях.

— Не орите на меня. — тихо и строго проговорила она, а Сергей поднял брови и вдруг улыбнулся самой нежной, самой искренней улыбкой, сразив Женю наповал.

— Извини. Перестань плакать, пожалуйста. Ты просто не понимаешь кое-каких...

— Ксюша. — тихо сказала Женя, с болью закусив губу. — Кто она такая?

Сергей резко нахмурился и вздохнул, секунду глядя куда-то на стол, а затем спокойно произнес:

— Нет никакой Ксюши. Паша это назло сказал... Женя...

Что-то достигло своего максимума в Жениной груди, она ощутила, как усталость, обида и непонимание льются через край, грозя устроить пожар на газовой конфорке ее сердца, и она тяжело вздохнула, посмотрев в окно и с трудом прошептал:

— Как же я от вас устала, Сергей Викторович...

Он нахмурился еще больше, но затем вдруг резко выпрямился и снова шагнул к ней, в ту же секунду импульсивно облокотившись руками на ее стул и жадно заглядывая ей в глаза, оказавшись в опасной близости от ее лица.

Сердце Жени подпрыгнуло так, что она вжалась в сиденье, расширенными глазами глядя на него и не зная, чего ожидать... А ее мозг, чиркнув спичкой внутри ее тела, уже

пустил по кругу разгоряченную кровь, которая тут же подослала ее сознанию сладкий мираж его поцелуя, его рук на ее спине и шее, его грубой, но такой дикой, страстной энергетикой, которая и сейчас, в эту самую минуту обволакивала ее и заставляла забыть даже об обиде и боли...

— Женя, ты просто не понимаешь... — начал он шепотом, глядя на ее дрожащие малиновые губы с необузданным, маниакальным, безумно сжигающим Женю заживо в этом стуле мужским интересом, но к несчастью, узнать то, чего она не понимала, Жене было не суждено: в секретарскую, шумя и галдя, как стая ворон, вплыли начальники отделов, которые в ту же секунду заставили Сергея выпрямиться и разочарованно сложить руки на груди, хором проговорив: «Здравствуйте, Сергей Викторович!», как будто их специально тренировали в синхронном приветствии.

Сергей нахмурился, а его глаза тут же сделались деловыми и задумчивыми:

— Доброе утро, коллеги. У вас что, массовый пикет?

Все хором рассмеялись, а бригадир с участка датчиков давления Юра, скромный и очень вежливый, тихо, но отчетливо проговорил:

— Мы на оперативку, Сергей Викторович. Сегодня четверг.

Сергей резко вскинул брови и поморщился: Женя заметила, что со всеми своими разборками и переживаниями он даже забыл о работе, а Сережа в этот момент недовольно протянул:

— Да, конечно. Входите, рассаживайтесь. — скомандовал он и, снова с сожалением посмотрев на Женю, стремительно двинулся в свой кабинет и от души долбанул за собой дверь.

*** «Минус»

За целый чертов день ни одной свободной минуты! Это не работа, это ад какой-то! Сергей проводил совещание за совещанием, решал какие-то проблемы, договаривался о встречах, говорил по телефону, но внутри него до самого вечера все отчаянно и нетерпеливо пульсировало, заставляя его злиться, что обычно он всегда и делал, испытывая сильные чувства, и с упоением орать на подчиненных, срывая бешеную ярость, заменявшую ему боль.

Боль от того, что он видел ее слезы. Черт возьми, она плакала из-за него!!! Сергей проклинал себя за то, что не поцеловал ее там, в подъезде, он был так близок к этому, так желал ее, как никогда не желал ни одну женщину в этом мире, что его собственный огонь, собственная необузданная страсть до ужаса напугали его...

Он вспомнил о Ксюше и Насте, он возненавидел себя за то, что он так глубоко привязан к Жене, настолько, что не сможет освободиться от нее и причинит ей боль...

И в результате он причинил ей боль.

Что она подумала? Что он играет с ней?? Что хочет сделать ее своей любовницей?? Да еще чертов Паша... О Ксюше сказал, знал, что это ее заденет, да и его тоже...

Сергей хмурился, постоянно подавался влево из-за стола, чтобы посмотреть на нее, а Женя целиком окунулась в работу. Он видел ее сосредоточенные глаза, просматривающие документы, видел доброжелательную улыбку, относящуюся ко всем, кто входил в кабинет, без разбора, видел ее стройные ножки, ровную спинку, подчеркнутую идеально сидящем на ней платьем, наблюдал, как она ходит туда-сюда...

И ждал, когда же окончится этот идиотский день, и все, наконец, отстанут от него хотя бы до завтрашнего утра.

Последнее совещание с начальником отдела закупок завершилось, и в кабинете и секретарской, наконец, настала тишина.

Шесть часов.

Сережа сидел за ноутбуком, пытаясь ответить на пару последних писем, но лишь прислушиваясь к Жениным шагам по секретарской, к ее тонким каблучкам, вышагивающим в разных направлениях и заставляющих его лишь бессмысленно пялиться в монитор, совсем забыв обо всем на свете... кроме нее...

Он подался влево, увидел, как Женя аккуратно поливает цветы лейкой, такая нежная и тонкая, такая сосредоточенная и грустная... Он ловил движение ее ресниц, ее нежных рук, и внутри него все обрывалось в стремлении подойти к ней, развернуть, прижать к стойке и целовать, целовать...

Сердце забило сильнее, кровь бежала все быстрее, разгорячив его тело, он не мог отвести от нее глаз...

Женя не смотрела на него. Она обижалась, он знал, но сейчас почти не думал об этом...

Она перестала поливать, зашла за стойку и на полсекунды исчезла из его поля зрения... Сердце недовольно сжалось, Сережа нахмурился, ощутив моментальную, кратковременную, но глубокую тоску... Он хотел смотреть на нее, а она скрылась из виду, он ужасно хотел смотреть на нее... До безумия...

Но Женя выпрямилась и, выйдя из-за стойки, уже в потрясных кожаных сапожках, подошла к зеркалу, достав помаду и принявшись красить губы...

Сергей так и уставился на ее губы, с жадностью, волнением, притяжением глядя на них... Она стояла спиной, такая красивая, чертовски красивая... Сергей снова скользнул взглядом по ее ногам, умирая от желания коснуться их, сжать ее бедра ладонями, провести рукой по ее спине... Выдохнув, он закусил губу и нахмурился, подняв глаза к ее пышным, рыжим кудряшкам, мечтая узнать, какие они на ощупь...

А Женя, легко сунув помаду куда-то к себе за стойку, открыла шкаф, намереваясь одеть пуховик...

Бешеная паника, черт, она не должна уйти, он не может отпустить ее, он не должен...

Голоса в горящей от вожделения голове Сергея разом запели, каждый на свой лад, крича то о необходимости отпустить ее, оставить в покое, дать шанс на нормальную жизнь, то о бешеном желании немедленно, срочно остановить ее, не дать уйти, не дать...

Сергей вскочил из-за стола и, практически ничего не понимая, а чувствуя только конвульсивный жар и непреодолимое желание коснуться ее, стремительно полетел в секретарскую.

Она хотела достать пуховик, но он не дал ей это сделать, резко захлопнув перед ней дверцу шкафчика и лишь увидев ее удивленные и потухшие глаза, прежде чем...

Прежде чем он грубо схватил ее в охапку и, бешено прижав к этому дурацкому шкафу, наконец, поцеловал.

Она была прекрасна... Ее губы, мягкие, сладкие, такие нежные... Он грубо и жадно целовал ее, умирая от удовольствия и не чувствуя ничего, кроме ее тепла, ее прекрасного тела, зарывшись руками в эти кудряшки, восхитительные, мягкие...

Жарко, жарко, он не мог контролировать себя, едва дыша, лаская ее руками, слыша ее тяжелое дыхание и чувствуя, как она обняла его, прильнув к нему, прижимаясь все теснее, словно это было жизненно необходимо, поглаживая руками его шею, у нее такие мягкие руки...

Он целовал ее, все сильнее прижимая к шкафу, сходя с ума, проваливаясь в пропасть с кипящей лавой, грубо потягивая ее за волосы, упиваясь ее реакцией, она отвечала ему, он чувствовал ее сердцебиение, ее страсть, ощущал, какой горячей стала ее кожа...

Сережа открыл глаза, на мгновение посмотрев на нее: Женя тяжело и взволнованно дышала, он ощущал, как ее тело подрагивает, а на шее в сумасшедшем темпе бьется жилка... Ее странные сиреневые глаза умоляюще смотрели на него, а горячая маленькая ладошка нежно провела по его щеке, лаская его, страстно, легко, так по-женски...

Он не мог сдерживать себя, ее прикосновения выжигали в нем черную дыру, о, он бы прямо сейчас продал бы все на свете, лишь бы оказаться с ней наедине в какой-нибудь комнатке с кроватью...

Ему до смерти хотелось ласкать ее, он зарычал от отчаяния, снова жадно набросившись с поцелуем на ее нежную шею, целуя, целуя эту бархатистую кожу, она так восхитительно пахла! Цветами какими-то... Сиренью, может... Да, точно, сирень...

Женя еле слышно застонала, прижавшись к нему и нежно, но горячо и неистово затрепетав под его напором... Взрыв в голове, Сергей сильнее сжал ее, целуя ее плечи, шею, слыша ее вздохи и сходя с ума... Чертова Женька, он уже был близок к фантастическому завершению, хотя до процесса дело даже не дошло...

— Сережа... Сережа... — ласково прошептала она, сжав пальцами его спину, и он вздрогнул, понимая, что прекрасней в своей жизни ничего не слышал... Лишь бы она всегда говорила его имя... Всегда... Именно таким голосом...

Он умирал, она убивала его, он снова и снова целовал ее губы, чувствуя ее горячее дыхание, его руки спустились к ее поясице, мечтая двинуться ниже, сердце бешено билось, в голове стучало, черт, они же еще в секретарской, вдруг кто-нибудь увидит... Да плевать ему на это, плевать на всех, она... она...

В его руках... Его Женя... Его...

Что же это за жжение в груди, отчего он так взволнован, отчего так счастлив, просто до одури?.. В его мозгу, воспаленном лишь желанием получить непременно всю Женю, всю целиком в его власть, чтобы он мог ласкать ее, ласкать каждый дюйм ее тела, вдруг что-то очень громко, болезненно и отчаянно щелкнуло: ты влюбился в нее, Сережа, ты чертовски сильно влюблен, ты помешан на ней, дурак, разве ты не понял?..

Разве ты не понял, что она тоже влюблена в тебя и сейчас сходит с ума под твоим напором и неистовыми, жадными ласками, а ты?? Ты убьешь ее, уничтожишь, растопчешь ее сердце, потому что ты — эгоистичный мерзавец, привыкший получать то, чего он хочет, не задумываясь о последствиях?

Ты не имел права трогать ее, не имел права оставлять на ее коже память твоих рук, на губах — след своего поцелуя, потому что ты НИКОГДА НЕ СМОЖЕШЬ БЫТЬ С НЕ КОГДА ОНА УЗНАЕТ О КСЮШЕ...

Ощувив бешеный испуг, злость и невероятную ненависть к себе, Сергей резко отстранился от Жени, заметив лишь ее недоуменный и слегка напуганный взгляд, и, желая убить себя, почувствовать боль, нестерпимую муку, истязать и истязать свое раненное сердце, он зарычал в порыве омерзения к себе и ярости и резко отошел от нее, отвернувшись спиной и сжав кулаки, чувствуя, как разрывается его сердце, осознавая, что он последний подонок, ублюдок, самовлюбленный и заносчивый кретин...

Женя стояла позади... Он не мог к ней обернуться, она должна была уйти... Должна была...

Шаг в его сторону, тихий, дрожащий голос:

— Сережа!..

Все взорвалось внутри него, он снова чуть не сошел с ума, услышав, как она зовет его по имени, а она... Она резко открыла шкаф, вытащила пуховик и, схватив сумку, выбежала из секретарской...

Сергей с болью слушал стук ее удаляющихся каблучков, обессиленно облокотившись на стойку и, дрожа всем телом, закрыл лицо руками, умирая от бессилия и отчаяния.

Он не знал, что такой бывает любовь. Жестокой. Горячей. Несчастливой.

*** «Плюс»

Шел первый час ночи. За стеной, в комнате Игоря, играла какая-то музыка... Она напряженно прислушалась:

— «Дома, проспекты, улицы — куда бежим?

Ты ненавидишь мои мысли — ты стал чужим.

Я растоплю твой лед. Я попаду в твой мир.

Для нас с тобой начнется очередной турнир.

Найди ответы, но не стоит мне их говорить,

Дотронься до моей руки — пора все изменить.

Кому-куда лететь, нам время повзрослеть.

Моя любовь, как айсберг — на виду всего на треть.

Ты просто дай минуту, мне минуту на объятия.

Дай мне мгновение, чтобы все на миг связать,

И дай обещание — забьются сердца;

И то, что ты со мной будешь до конца!

Ты просто дай минуту, мне минуту на объятия.

Дай мне мгновение, чтобы все на миг связать,

И дай обещание — забьются сердца;

И то, что ты со мной будешь до конца!

Рассветом давит по лицу, я не боюсь!

Мы с ним сегодня заодно — договорюсь,

Ты утопил наш миг и поднялась стена;

На ней мы раньше рисовали свои имена.

Мы- два героя черно-белых кинокартин.

По-прежнему одна, по-прежнему один.

Время уходит в сон, война меж двух сторон -

Последний шанс, чтобы сердца забились в унисон.

Ты просто дай минуту, мне минуту на объятия.

Дай мне мгновение, чтобы все на миг связать,

И дай обещание — забьются сердца;

И то, что ты со мной будешь до конца!

Ты просто дай минуту, мне минуту на объятия.

Дай мне мгновение, чтобы все на миг связать,

И дай обещание — забьются сердца;

И то, что ты со мной будешь до конца!..»

Женя тяжело вздохнула, покачав головой. В комнате Жени и Поли было темно, только лунный свет пробивался сквозь незашторенное окно, окрашивая холодным, голубым сиянием все предметы и игрушки вокруг.

Поля тихо спала, дышала на редкость бесшумно. Женя пусто смотрела куда-то сквозь нее, сжавшись в тугий комок под одеялом и дрожа, стараясь не всхлипывать. Сколько можно плакать? Она плакала по дороге домой, плакала дома, закрывшись в комнате и никого к себе не пуская, даже Игоря, который за дверью клялся, что он «вытащит ее из любой депрессии за пять тире семь минут», она сжимала себя руками, пытаясь забыть его, забыть его губы, его руки, его сильное, крепкое тело, его бешеную нежность и дикую страсть...

Женя будто горела в тех местах, где он касался ее, будто плавилась снова и снова, утопая в садистском, болезненном желании снова прижаться к нему, но...

Он отвернулся от нее.

Почему? Почему? Почему?!?

Разочарован.

Единственное объяснение, которое пришло бедной, неуверенной в себе Женьке в голову. Она не оправдала его ожиданий, поэтому он так сильно разозлился... Наверно, считает себя полнейшим дураком, что связался с ней и потратил на нее свое время... Может, она недостаточно ласкова? Не достаточно горяча? Нежна? Она бы все отдала за то, чтобы иметь вторую попытку, Боже мой... Как же он ей нужен! Как же она любила его!..

Ее сердце стонало, она ворочалась с боку на бок, обливаясь слезами, стискивая кулаки и мечтая забыться вечным сном, потому что все в ее груди нещадно горело, живот скручивало адским жгутом, а кожа пылала в тех местах, где он касался ее...

Женя разрывалась, ненавидя себя такую, умоляя Господа дать ей еще один шанс... Она бы доказала ему, какой может быть, она бы смогла выразить то, что испытывает к нему, она бы попыталась почувствовать, что ему нужно, и стала бы такой ради него...

Глупо? Становиться кем-то другим ради какого-то мужчины?

Пускай. И пускай глупо!!! Жене было плевать, лишь бы он позволил ей любить себя, лишь бы он полюбил ее...

Тихое жужжание.

Женя вытаскила дрожащую руку из-под одеяла и взяла телефон. На экране смс: «Выходи. Жду в подъезде».

Она резко села в постели, задрожав так, что телефон выпал из ее рук... Это он. Сережа. Он пришел к ней... В половину первого ночи?..

Женька схватилась за голову, чувствуя, как от волнения заливаются алым ее щеки и как неистово колотится ее сердце...

Он пришел. Он пришел. Он пришел.

Вот и второй шанс...

Умирая от волнения и трепета, Женя выскользнула из-под одеяла и, накинув поверх хлопчатобумажной сорочки белый халат, закуталась в него и, наскоро стерев последние

слезы на щеках, тихо, на цыпочках вышла из комнаты.

*** «Минус»

Сергей ехал домой, находясь в полнейшем, саморазрушающем безумии. Светофоры, улицы, дома — все пролетало мимо, пока перед его глазами было только ее нежное лицо с этими чудесными веснушками, которые он хотел целовать и целовать, только ее сладкие, горячие губы, пылко отвечавшие на его поцелуй, только ее осторожные и такие ласковые руки, горячо скользящие по его шее, и ее гибкое, волнующее тело, трепещущее под его настойчивыми ласками...

Странное ощущение. Как будто пьян. Голова как в тумане, никаких других эмоций, кроме пульсации в сердце, никаких зрительных образов, кроме Жениного, никаких запахов, кроме ее духов... Сирень...

Сережа как-то доехал до дома, бросив машину во дворе, как попало, как-то зашел в свою квартиру, спотыкаясь на ровном месте и чувствуя только жар рук, только жгучую ненависть к себе за то, что отвернулся, за то, что не объяснил ничего...

А она, наверное, плачет... Эта мысль заставила его сердце сжаться еще сильнее, он нахмурился, яростно стиснув зубы.

— Папа, папа, папа!!! — заверещал тоненький девчачий голос, и в коридор влетела Настя в желтой домашней пижаме и с распущенными темными волосами, бросившись к Сереже в объятия.

Чувствуя себя на грани чудовищного взрыва, Сережа горячо обнял дочку и покружил на месте, слушая ее счастливый и звонкий смех и чувствуя свое предательство, ворочавшееся где-то в глубине его души.

— Привет-привет, Настена! — обрадованно проговорил он и, поставив дочку на ноги, чмокнул в щечку. — Как дела, дочка?

— Хорошо, папочка! — звонко сообщила она. — Пошли со мной, в шашки поиграем? А то мама не хочет, говорит, у нее ногти намазанные...

«Ну конечно... Когда это они у нее были не намазанные?» — с раздражением подумал Сергей, а вслух с улыбкой добавил:

— Давай, поиграем. Иди, доставай шашки, я сейчас приду.

Счастливая дочурка с веселым криком: «Ура!! Шашки! Шашки! Шашки!», — умчалась вприпрыжку в свою комнату, а Сергей хмуро пошел в гостиную, снова думая о Женьке вместо того, чтобы уделять внимание своей настоящей жене.

Ксюша сидела на диване в ярко-красном шелковом халатике, едва застегнувшись на ее груди четвертого (благодаря силикону) размера и красила ногти, одним глазом поглядывая в телевизор, где шел какой-то зарубежный сериал.

Увидев Сергея, она надменно подняла брови и холодно и язвительно проговорила:

— Неужели ты дома? Еще и десяти часов нет. Решил вспомнить, как дочка выглядит?

— Ужин готов? — в свою очередь тоже холодно спросил Сергей, а Ксюша фыркнула:

— Ужин? Сережа, ты нормальный вообще? Я с утра отвожу Настю в садик, потом спортзал, потом салон красоты, потом шоппинг, потом, между прочим, Настю надо забрать и отвезти в художественную школу, потом у нее танцы, да вот, если ты не заметил, мне еще маникюр сделать надо! Когда я должна была тебе приготовить??? Не ленись, закажи себе в «Бонапарте» чего-нибудь, ну и Насте тоже, я не буду: после шести не ем. — закончила она свою раздраженную речь и тут же, подумав, добавила:

— И, ах да, оставь-ка мне еще денег. Те, которые ты мне давал в понедельник, закончились.

Сергей разозленно посмотрел на нее, удивляясь, как его женушка могла профукать пятьдесят штук всего за четыре дня, но сегодня он был так измотан своими душевными переживаниями, что даже не стал спорить с ней, а просто достал кошелек и, выложив оттуда еще пятьдесят тысяч перед ней на стеклянный столик, молча ушел на кухню, угрюмо взяв телефон и набрав номер ресторана, с грустью вспоминая уютную маленькую кухоньку в старой девятиэтажке, такую светлую и живую, такую теплую и наполненную цветами, голосами, запахами, улыбками... вспоминая невероятно вкусную домашнюю еду в кругу любящей и крепкой семьи, создающей вокруг купол надежности, любви, сопереживания и нежности, которой у него никогда не было и, судя по всему, не будет.

Находясь в своем странном, болезненном, отчужденном состоянии, Сергей играл в пашки с дочерью почти до десяти часов, после чего вдруг очнулся и вспомнил, что Насте уже давненько пора спать, а потому, с трудом удерживая себя в этой реальности, он уложил ее в кровать и поплелся в спальню.

Ксюша уже лежала на своей половине постели на боку, накрывшись одеялом, но он видел кусочек шелковой ночнушки и тонкие, красные бретельки, спавшие с плеча. Ее глаза были закрыты, и Сергей облегченно вздохнул: прямо сейчас он чувствовал отторжение к ней сильнее, чем когда-либо...

Надо же... Прожил девять лет с одной женщиной, тридцать четыре года на этой земле, встречался с огромным множеством девушек, но такое испытывает впервые...

Сергей разделся и лег, думая только о ней, о Жене, о том, что их взаимное счастье могло быть так близко... Если бы не мирно спавшая позади него Ксюша.

В его груди все горело, память подсовывала образы Жени из сегодняшнего дня, из вчерашнего, из более далекого прошлого, когда он терпеть ее не мог... Это было так давно, что казалось неправдой. Он не понимал, как он мог тогда так к ней относиться?..

Сережа не мог заснуть, все лежал и чувствовал, как напрягаются все его мышцы от одной только мысли о ней, как сворачиваются от боли и тоски все внутренности при воспоминании о ее слезах, о том, как он оттолкнул ее в конце поцелуя...

Отчаянно злясь на себя, ненавидя себя и чертовски желая, чтобы Женя оказалась здесь, в этой постели, он ворочался, глядя хмурым взглядом то в потолок, то в окно, пока на его плечо не легла женская рука с идеальным маникюром, а призывный голос не шепнул на ухо:

— Сережа... Сереж... Ты чего не спишь?.. Может, мы...

— Нет. — жестко проговорил он, резко повернув голову и посмотрев на идеальное, красивое лицо, обрамленное черными волосами, которое с легким удивлением и недовольством хлопало на него искусственно наращенными шелковыми ресницами. — Не надо, Ксюша.

— Почему? — требовательно и холодно спросила она, обиженно сев в постели. — Что с тобой? На работе с любовницами напрыгался?? — ревниво прошипела она змеей, насмешливо и брезгливо опустив уголки рта.

— Спи. — строго и холодно сказал Сергей, отвернувшись от нее и чувствуя, как все быстрее приближается к нему черная, скалистая расщелина, куда он так стремительно бежал все эти дни.

— Какой же ты мерзавец, Сережа! — с чувством произнесла Ксюша и импульсивно легла, гневно дыша. — Быть замужем за тобой — самое большое наказание для любой

женщины! Ты никого не уважаешь, кроме себя.

— Ты тоже. — усмехнулся Сергей и вдруг резко посмотрел на пытящую от обиды и гнева Ксюшу. — И тебя никто не просил женить меня на себе любой ценой, так что не жалуйся. Ты наказала сама себя за то, что также, как и я, привыкла получать все, чего захочешь.

Ксюша фыркнула, а Сергей внезапно встал и подошел к окну. Белые сугробы блестели в свете фонарей, окрашиваясь в рыжий цвет, детская площадка внизу, во дворе, была пустынна, а на парковке мертвым грузом стояли автомобили — никому не нужные до утра жестянки...

Сергей посмотрел вперед, на многочисленные дома, темные, прямоугольные и квадратные каменные стены, где, то тут, то там, светили желтые огоньки окон, поглядывая на него с каким-то притязательным интересом... Широкие проспекты, мелькающие фары снующих автомобилей и снег... Везде снег... Когда же кончится зима?..

Сережа вдруг понял, что он ужасно замерз, не телом, а душой, что внутри него до сих пор стоял лишь колючий холод и темные очертания зубчатых, кирпичных стен, не имеющих к настоящей жизни никакого отношения... Никогда в жизни он не задумывался над этим, да и не над чем думать, когда не было ни минуты того живого, настоящего, искреннего тепла, которое сегодня подарила ему она... словно впустив луч света в его вечную стужу, словно оживив лед его сердца, заставив его мерцать разными красками и биться, биться... Не просто в желании близости, а в огромной, сильнейшей потребности душевного единения с кем-то... И Господи, как же он мечтал снова ощутить это тепло! Он умер бы за него, умер бы лишь за один ее взгляд, тот самый, который говорил ему, что она любит, который говорил бы, что она будет с ним... Он бы сто раз сгорел и возродился из пепла за одну лишь возможность держать ее за руку... Как же это восхитительно! Быть живым, понимать, что хочешь сделать ради кого-то все, что хочешь вывернуться наизнанку, лишь бы сделать ее счастливой... Сережа удивлялся себе, чувствуя мурашки по коже, словно его только что опустили в ушат с ледяной водой, но дышал все глубже, впиваясь в свое новое ощущение, вгрызаясь в него, чтобы не отпустить, чтобы случайно не вернуться...

Дома, дома... Черные, на небе светлое пятно — снеговые тучи... Как же там она?..

Спит? Или сидит и плачет, закрывшись в комнате? Или послала его ко всем чертям и больше не вспоминает о нем?? Что же делает Женя? Что она чувствует сейчас?..

Он ощущал бесконечную тягу к ней, такую, которая словно ножовкой его пилила, чувствовал дикое, сводящее с ума желание увидеть ее, услышать ее голос, коснуться ее тела, рассказать ей... Сказать, что произошло сегодня... И отчего ему так нелегко переступить эту черту... Он не должен был, он эгоист...

Эта бешеная карусель мыслей с такой силой захватила его, что он быстро стал одеваться, плюнув на то, что часы едва пробили полночь, что Ксюша смотрит на него с невообразимой яростью, что Женя, скорее всего, спит и не ждет его... Но он до болезненного пульсирования в голове и до умопомрачительного жара в сердце должен был ее увидеть...

— Ты куда, Сережа, ты совсем охренел?!? — услышал он гневный шепот, спешно натягивая черную футболку и джинсы, и, глядя на Ксюшу, готовую с самым воинствующим видом перекрыть ему выход и терроризировать расспросами до утра, беспрекословно заявил:

— К Ярику поеду. Он сейчас в своем клубе должен быть. Кое-какие дела мы с ним не дорешали.

— Двенадцать ночи, Минаев, козлиная, не вешай мне лапшу! Кто она??? — возмущенно воскликнула Ксюша, сжимая кулаки в приступе собственнической ревности, а Сергей хмуро бросил:

— Ярик — это «он». Ложись спать, Ксюша, не мотай мне нервы. Я скоро вернусь.

— Да ты в своем уме, подлец?.. — зашипела женушка, но Сергей уже стремительно вылетел из спальни, чувствуя, как сердце звонко забилося в предвкушении... Он увидит ее. Он поговорит с ней. Женя не должна плакать. А с Ксюшей он уж как-нибудь разберется... Ему придется разобраться. Раз и навсегда.

*** «Плюс»

Женя на цыпочках пронеслась по коридору, белой тенью скользнув мимо гостиной, где в темноте мерцал экран, демонстрируя для Эдуарда Петровича очередной спортивный обзор, в то время, как он сладко спал, раскинувшись на диване и тихонько похрапывая.

Дрожащими руками она плотнее запахнулась в халат и, обув желтые тапочки, беззвучно, чтобы не щелкнул замок и не скрипнул ни один шарнир, открыла входную дверь, а колени ее от волнения обессиленно подкашивались...

Он был здесь. Сергей сидел на стыке перил, нетерпеливо глядя на дверь семьдесят восьмой квартиры, сложив руки на груди. В темноте подъезда Женя различила лишь хорошо знакомый широкоплечий и подтянутый силуэт и выскользнула на площадку, бесшумно прикрыв дверь за собой...

Мгновение лишь они смотрели друг на друга... После чего Сергей стремительно прыгнул с перил и, подлетев к Жене, нетерпеливо и жадно схватил ее и жестко прижал к холодной стене, обжигаяще, неистово и грубо поцеловав.

Новый удар электрическим током, счастье, счастье, восторг, эйфория... Слава Богу! Слава Богу! А она-то, рыжая клуша, подумала было, что он приехал ради того, чтобы развязаться с ней раз и навсегда, чтобы сказать ей, что она не должна ни на что надеяться, и ей нужно уволиться как можно скорее... А она уже не представляла своей жизни без него, без его рук, поцелуев...

Женя выдохнула, ощутив бешеный отклик в своем сердце, в своем теле, руках, и сама страстно, жадно прижалась к нему, не помня себя от жара и любви, лаская его шею, потягивая за волосы, опуская руки на грудь, к сердцу, слушая его стук, впиваясь в его стук, желая ускорять это прекрасное биение, и целуя, целуя, впитывая его энергию, его огонь, его напор каждой клеточкой собственного тела...

Он настойчиво ласкал ее губы, его руки двигались по ее телу, грубо, жестко, горячо, горячо... Шея, волосы, спина...

Огненный шар в животе разрастался, Женя сильнее прижалась к холодной стене, с силой притянув его на себя и откинув голову назад, ощущая жуткое головокружение и пытаясь сделать хотя бы вдох, все внутри нее пульсировало обжигающим пламенем... Она слышала его дыхание, слышала, как оно становилось тяжелее и более порывистым, как же она любила его дыхание! Дыши, дыши, ты так нужен ей, потому что она дышит лишь тобой!.. А Сережа снова взволнованно вздохнул, скользнув руками к ее пояснице и ниже, и подхватил ее на руки, и Женя, подчиняясь инстинкту, обняла его ногами, с трудом выдохнув от нового электрического удара, от его близости...

Она целовала его, не понимая ничего, не слыша ничего, ничего вокруг не замечая, и чувствуя лишь, как обжигающее наслаждение разливается по ее телу, вызывая сильную

дрожь и заставляя гореть ее кожу, концентрируясь безумным, почти до боли, и таким бесконтрольным вулканом где-то в животе...

Сереза целовал и покусывал ее шею, она мечтала умереть в этих руках, лишь бы он никогда не отпускал ее, Женя чувствовала напряжение всех его мышц пылающего тела, она не могла терпеть вспышки в своем животе, понимая, что находится на грани огромного, волшебного, сладкого взрыва и все прижимаясь к нему, двигаясь ему навстречу, подставляясь под его ласки и поцелуи, скользнув руками под его куртку и вцепившись в футболку на спине до боли в пальцах, мечтая продлить этот миг на всю оставшуюся жизнь... Она часто-часто дышала, двигаясь в такт его рукам, а он все яростнее и самозабвеннее целовал ее... Губы... шея... плечи... Снова губы... ушко...

Халатик развязался, и она ощутила, как опалили ее кожу под тонкой сорочкой его руки, жадно и нетерпеливо пройдясь по ее спине, выше, к груди... Женя застонала, не в силах сдержать этот жар, она выгнулась навстречу его руке, и взрыв наслаждения резко накрыл ее, она напряглась в его руках и, чувствуя, как пульсирует каждая клеточка в ее теле, как сладкий огонь срывает ей крышу, снова нашла его губы, чувствуя, как подрагивает все его тело, как горят они, его губы, нежно, со всей любовью поцеловала его, понимая, что никогда в жизни не достигала такого момента ни с одним мужчиной, понимая, что теперь ее душа не просто привязана к нему, она не сможет существовать без него...

Женя не знала, как она сможет жить, если его вдруг не станет... Это любовь? Или страсть? Или зависимость?

Да какая разница... Главное, что она теперь принадлежала Сергею, и она понимала это всем сердцем сейчас, когда открыла глаза и посмотрела в его черный-пречерный, безумный от импульсивной и мощной, совершенно безудержной страсти, взгляд...

*** «Минус»

Сергей едва дышал, сжимая ее в своих руках и чувствуя, что сейчас все внутри него разлетится к чертям из-за того...

Из-за того, что он с ней сделал... Она прекрасна, чудесна, он хотел продолжать целовать ее, но был не в силах, чувствуя, что если хотя бы на секунду потеряет контроль снова, то с ним случится то же самое, что и с ней, только это уже не будет выглядеть так красиво.

Сердце бешено долбило в груди, он зачаровано смотрел на нее, на ее нежное лицо, пылающие щеки, яркие, сияющие глаза... Он смотрел на ее подрагивающие губы, слышал, как она дышала, и умирал, умирал...

Женя сводила его с ума, он не мог контролировать себя, он желал ее всем телом, а его рука... Он опустил взгляд на ее сорочку... Белую, невинную, хлопчатую, но под ней чертовски сильно горела ее кожа... Сереза вздохнул, спускаясь взглядом ниже... Ее ножки. Они обнимали его за талию... С жадным вздохом он провел ладонью по ее голому бедру и ощутил, как она снова вздохнула, а кожа покрылась мурашками... Ее реакция на его действия выводила его из равновесия, доводила до крайней степени безумства и желания... Он бы целовал это бедро всю ночь напролет, он бы целовал ее всю: чудесную, женственную, сладкую, желанную...

Ощувив, как волна сумасшедшего, невыплеснутого, неудовлетворенного желания снова накрывает его, он отчаянно зарычал и быстро поднял на нее глаза, а она...

Она улыбалась, черт бы побрал все на свете, нежно глядя на него, наблюдая и чувствуя

его реакцию, и он заметил в ее сияющих глазах...

Его сердце ударило с новой силой.

Боже, он пропал. Это любовь. Она смотрела с любовью... Никогда, никогда он не видел ничего подобного в глазах смотрящей на него женщины... Это что-то едва уловимое, словно она приоткрыла некую завесу, словно поделилась с ним своим теплом, словно позволила взять часть ее души себе... Черт бы его побрал, идиота, что же ему делать теперь?..

А Женя игриво погладила его по шее, опустив свои маленькие ладошки ему на грудь и, вдруг подавшись к нему, поцеловала его — сначала в подбородок, затем в шею, заставив его снова взвинтиться своей дразнящей игрой... Сергей глубоко выдохнул, пытаясь удержать себя в руках, а она продолжала нежно целовать его шею, и ее ладошки скользнули ниже, к его животу, заставив его тело моментально отреагировать на ее ласки и уже болезненно и отчаянно вздрогнуть.

Все, это конец, конец. Если она не прекратит, он умрет прямо здесь, нельзя же так, а ведь у него даже нет возможности разрядиться, как будто кто-то переполнил (понятно, кто) его сосуд с безумными, огненными чувствами и продолжал утрамбовывать сумасшедшей похотью, придерживая при этом крышку, чтобы все содержимое не вырвалось наружу.

Он резко схватил ее руки и зашептал ей на ушко, почти умоляя:

— Все, все, Женя, хватит, все, ты же не хочешь, чтобы я сделал с тобой кое-что в этом подъезде, правда?

Она весело хмыкнула, но все же переместила руки выше, просто обняв его за шею, и, игриво глянув на него, серьезно шепнула:

— Неправда.

Ну что за девчонка! Издевается еще! Сергей тяжело вздохнул и поставил ее на пол, с сожалением выпустив из рук ее ножки, но... так будет безопаснее. Он серьезно посмотрел на нее, все еще чувствуя, что не может успокоиться, что не может налюбоваться на ее лицо, веснушки, рыжие, милые кудряшки и глаза, глаза... Хоть бы кто-нибудь помог ему отлепиться от нее! Подчиняясь необузданному желанию, он снова запустил руку в ее волосы, удивляясь тому, какие они легкие и мягкие... А она вдруг вздохнула.

— Сережа. — его сердце сжалось от нестерпимого удовольствия... Когда она произносила его имя, ему хотелось вокруг земли оббежать, он сам не знал, отчего оно так действовало на него, заставляя трепетать от эйфории. — Я не понимаю. Ты мне объяснишь? Почему?

С блеском отчаяния она заглянула в его глаза, и Сергей сразу догадался, о чем она говорит. О сегодняшнем поцелуе в секретарской, который прервался по его вине... Он нахмурился, снова почувствовав жгучую злость на себя, и, пристально посмотрев в ее взволнованное лицо, тихо проговорил:

— Дело не в тебе, Женя. — он вздохнул и нежно провел рукой по ее шее, едва удерживаясь от того, чтобы снова не поцеловать ее. Ее глаза зачарованно смотрели на него, и он, приблизившись к ней, к ее лицу, шепнул ей в губы, жадно уставившись на них, а его рука с грубой силой сжала ее волосы, потянув их назад:

— Ты меня уничтожаешь. Мне срывает крышу, когда ты находишься рядом. Я перестаю контролировать себя. Я становлюсь идиотом, Женя, понимаешь? — шепнул он, в безумном желании снова нежно коснувшись губами ее губ и ощутив, как ее тело снова прильнуло к нему и вздрогнуло, заставив его вспыхнуть с новой, ужасающей силой. Женя счастливо посмотрела на него, снова скользнув руками под его куртку и проведя ладошками по его

спине, и Сергей, понимая, что безнадежно снова реагирует на нее, тут же грубо сжал ее и требовательно и жестко процедил:

— Твою мать, Женя!

Она улыбнулась и тепло и очень нежно обняла его, положив голову ему на грудь и проговорив:

— Ты и есть идиот. Не нужно этого стесняться. Знаешь, тебе даже идет — быть идиотом...

Сергей закатил глаза, понимая, что она шутит, и чувствуя себя как никогда спокойно и счастливо, тоже обнял ее в ответ, поцеловав в макушку:

— Все, хватит. И с первого раза понятно. — он вдруг резко отстранил ее от себя и строго, в приказном порядке, ощущая поднимающуюся бешеную ревность, жестко и беспрекословно проговорил:

— Я задам тебе два вопроса. И ты мне на них ответишь.

Женя нежно улыбнулась и официально проговорила:

— Да, Сергей Викторович? Я вас слушаю.

Он чуть прищурился, глядя ей в глаза, на ее странные, темные, с сиреневым отливом радужки, и спросил:

— Глаза... Настоящие?

Женя прыснула, как девочка, и весело шепнула:

— Нет, стеклянные. А внутри — светодиодные лампочки...

— Женя! — строго прервал он ее. — Почему они такие? Ф-ф... фиолетовые?

Она вздохнула и спокойно ответила:

— Здесь нет никакой мистики, все прозаично. Это генетическая мутация, которая называется «происхождением Александрии». Обычно фиолетовый цвет глаз можно заметить у альбиносов, потому что он характеризуется недостатком меланина в организме человека, но бывает, что синий цвет дает такой оттенок и... вот. — она пожала плечами. — Ничего особенного, на самом деле.

Сергей ухмыльнулся, насмешливо проговорив:

— Ну да. Совсем ничего. — затем он вдруг нахмурился, подступаясь к нервировавшей его теме, и ревниво проговорил:

— Теперь расскажи об этом соп... об Игоре. И Семене. Что у тебя с ними за отношения??? Почему, почему, почему все вокруг болтают о вашей с этим сопляком свадьбе??? — он грубо схватил ее за плечи, нетерпеливо и жадно глядя на нее, и легонько потряхнул, чувствуя, как ревность захватывает каждую клеточку его тела. — Отвечай, Женя, быстро, быстро!!! Или я могу сейчас пойти и вытряхнуть твоего соседа из своей скорлупы, узнав нужную мне информацию из первых уст. Ну???

Женя нежно и успокаивающе провела рукой по шее Сергея и вздохнула с улыбкой:

— А ты все командуешь, это так мило! Игорь — мой друг, и не надо его ниоткуда вытряхивать, мы с ним с пяти лет вместе, ну, знаешь, одна песочница, один садик, один класс в школе и так далее.

Сергей нахмурился, не ощущая, что его успокоила данная информация, и требовательно уточнил:

— И у вас с ним никогда ничего не было??

Женя нежно улыбнулась, пожав плечами:

— Конечно, нет! Что еще за глупости, мы — как брат и сестра, нам даже приглашение

друг к другу в дом не нужно.

Сергей внимательно заглянул в ее глаза, выискивая в них следы обмана или скрытой правды, но... Женья была спокойна и безмятежна, поглаживая его рукой по щетинистой щеке, а значит... честна.

— А Семен? — раздраженно спросил Сергей, внезапно вспомнив не только о словах Раисы Васильевны о нем и Жене, где-то целующихся, а о корпоративе и вообще об их поведении на фирме... Он общается с ней очень близко, и его жесты, прикосновения к ней больше личные, чем дружеские... Гнев, гнев, бешеная ярость, желание устранить соперника любым способом, и Сергей, сжав руками Женину поясницу в собственническом жесте, злобно прошипел:

— Я его убью... Это же о нем говорила та всезнающая бабка из этой квартиры? — он кивнул на квартиру Игоря, пылая от ярости. — Ты целовалась с ним? Женья!!

Женья вздохнула и нежно прижалась к нему, ласково и успокаивающе потершись об него, словно кошечка, после чего заглянула в его злые глаза и успокаивающе погладила его рукой по груди:

— Ну, целовалась пару-тройку раз, и что?..

— Пару-тройку?!? — чуть не взвился на весь подъезд Сережа, резко схватив ее за подбородок и заставив посмотреть на себя. — И что, черт возьми, все это озна...

— Да ничего. — улыбнулась она, аккуратно взяв его руки своими ладошками. — Это ничего не означает, Сережа, тем более это было давно, не будем ворошить прошлое... Успокойся, мои поцелуи с ним — ничто, по сравнению с тем, что ты и твои... Вика или Лена вытворяли в директорском кабинете...

В душе Сережи моментально проснулась омерзительная зеленая пакость, заставляющая его совесть пожирать внутренние органы и тут же успокоиться, потому что Женья была права... Его поведение было более распутным и, как он вдруг недавно понял, на редкость отвратительным... Он внимательно заглянул в Женины глаза и успел заметить, как в них скользнула затаенная боль... Его сердце сжалось в новом приливе злости на себя и он, стремительно наклонившись к ней, тут же нежно поцеловал в губы, снова ощутив себя на вершине блаженства, особенно после того, как ее ручки опять ласково погладили его по груди, неторопливо двигаясь к животу.

Нет, она опять за свое! Чувствуя, как снова отключается его мозг, а по телу разливается бешеный огонь, Сергей, который не привык быть нежным и ласковым с кем-либо, вновь схватил ее и грубо прижал к себе, желая, чтобы она ощутила его реакцию на ее ласки, чтобы она целовала и целовала его вечно, сводя с ума своими сладкими, нежными губами, маленькими, горячими ладошками, восхитительными изгибами тела...

Она прошлась ноготками по его спине, и Сергей, чувствуя, как горит и трепещет ее тело в его руках, жадно набросился с поцелуями на ее шею, лаская ее разгоряченную кожу под сорочкой и чувствуя лишь всполохи обжигающей страсти в своей голове и во всем теле, а Женья, ощутив его руки на своей спине, талии и выше, на груди, такой мягкой и манящей, что Сережа зарычал от отчаяния, откинулась в его руках и еле слышно, но невероятно чувственно и трепетно прошептала:

— Сережа... Сережа... Сережа...

Новый взрыв в его голове, ее шепот сводил его с ума, он мечтал целовать ее, чтобы она говорила его имя еще и еще, мечтал держать ее в своих руках вечно, ласкать эту восхитительную, бархатистую кожу, вдыхать легкий и нежный аромат сирени, он сжимал ее

в объятьях, ускоряя темпы и заставляя ее тело послушно двигаться навстречу его ласкам и желая лишь сделать ее самой счастливой на этой земле, ее одну — его милую, горячую, как огненная печь, страстную и такую нежную Женю... Ради ее улыбки он готов был сровнять с землей любой город, ради ее прикосновения — убить всех, кто мог помешать этому, ради ее сладкого стога — перевернуть мир с ног на голову...

Взрыв, взрыв, головокружительный, сумасшедший, волшебный, был совсем близок, он почти не мог дышать, умирая от наслаждения, а его сердце долбило, наверное, по двести раз за минуту...

Сергей выдохнул и резко отстранил ее от себя, тяжело дыша и едва сдерживаясь от расправшей его изнутри похоти... Женя дрожала, тоже раскрасневшись и жадно, умоляюще глядя на него, желая продолжить то, что сводило их обоих с ума, но Сергей больше не мог это терпеть, умирая под ее взглядом, поэтому он с трудом проговорил:

— Иди домой, Женя!! Ну?? Я долго ждать буду??

Женя внимательно поразглядывала его, спустившись глазами к его футболке и ниже, ниже, потом вдруг слегка покраснела и счастливо улыбнулась, видимо, обнаружив то, что искала, а еще через мгновение шагнула к нему и, мимолетно поцеловав его в губы, мило проговорила:

— Спокойной ночи, Сережа! — и, снова послав ему самую восхитительную улыбку на земле, бесшумно исчезла за дверью, оставив его одного в полутьме, глубоко дышавшего и пытавшегося прийти в себя... Только Сережа не знал, что после Жени в себя он уже никогда не придет.

Глава 14. «Плюс»

До того момента, как Женя начала понимать, что в их отношениях что-то, а может быть, и все не совсем так, прошло около трех недель.

На фирме никто, кроме Семена, который на следующий же день сам за полсекунды догадался о том, что с ней произошло, заметив ее сияющий счастьем и великой, окрыляющей влюбленностью, невыспавшийся взгляд, ничего не знал об их романе.

Женя не понимала, как она жила без этого раньше? Без этого чувства... Оно заставляло ее улыбаться каждую минуту, дарило ей море энергии и сил, желания сделать этот мир лучше и помочь всем на свете без исключения, а главное — жить только лишь одной мыслью: встретиться с ним, увидеть его, заметить на себе этот огненный, полыхающий страстью взгляд серых глаз, и, конечно, узнать в них то, что заставляло ее душу разрываться от счастья...

Женя каждое утро просыпалась с восторженным трепетом в груди, седлая свою желтую «пташку» и устремляясь к нему, к нему, к Сереже... Любое его слово отзывалось эхом в ее сердце, любой недостаток вставал с ног на голову и превращался в его великое достоинство, а его поцелуи... Ей казалось, что если их вдруг не будет, если он перестанет ее касаться, то... внутри нее что-то почернеет и иссохнет от боли, а сама она завянет, как цветок без спасительного дождя...

Можно ли так зависеть от кого-то и жить, дышать только им, только его любовью, только его существованием?.. Правильно ли это, или во всем, даже в любви, нужно соблюдать меру? Где эти границы?? Имеют ли значение приличия, когда она готова была ради него на что угодно, на что угодно, любую его прихоть или каприз???

Даже если бы он захотел, чтобы она ушла, исчезла из его жизни, испарилась и дала легко и беспрепятственно забыть о себе... Женя бы сделала это, не задумываясь. Она бы страдала... Она бы тосковала по нему, по его жесткому, холодному приказному тону, по его грубой, стремительной, но такой горячей энергии, по его импульсивности и невежеству, хамству, стремлению командовать всеми и управлять людьми ради достижения собственных корыстных целей, и по его бешеному желанию быть ласковым с ней, нежно любить ее и пытаться, хоть пока и кривовато, но все же уважать ее интересы...

Она бы умирала, вспоминая его образ каждый день, но если бы Сережа сказал, что счастлив без нее, она отступила бы, не мешкая.

Может, это мания? Может, просто страсть? Женя не знала, но подозревала, что с прошествием времени это чувство, переполнявшее ее изнутри, никуда не денется, а значит... Значит, она теперь целиком зависела от него, совершенно не представляя, что с ними будет дальше.

Но пока наивная и полная необыкновенных надежд Женя Зябликова лишь витала в облаках, растворяясь в собственном, накрывшем ее с головой, мощном чувстве женского счастья и неземной любви, она не замечала, как на горизонте, как раз в том направлении, куда двигались они с Сергеем в своей всепоглощающей страсти, замаячил удручающий и грозный знак тупика...

Зато сейчас, окутанная морозным февральским утром, солнечным и настолько

ветренным, что в некоторые моменты Женька, закрывая отмороженное лицо варежкой, со смехом замечала, что не двигается вперед, а стоит на месте, все шагая и шагая, и буравя каблуками тонкий слой снега на асфальте, заботливо оставленный дворником иной, чем русская, национальности, спешила на работу, несмотря ни на какую непогоду, пробки и пролитую утром на себя кружку горячего чая, предвкушая, как счастливо и бурно забьется ее сердце, когда она снова увидит его...

Плотно укутанная в свою волшебную эйфорию, Женя стремительно залетела на свой этаж и вошла в коридор фирмы, жалея лишь о том, что ее «смена» закончится в два часа и заветное место в секретарской, а значит, рядом с Сережей, займет ленивая, но беспечная в своей жизнерадостности Светка.

События, развернувшиеся в секретарской, так ее поразили, что она сначала застыла, вытаращив глаза, как рыба, с которой сдирают чешую, не подозревая о том, что она еще жива, а уж потом обрела способность громко и изумленно возмущаться, кричать и так далее...

А выглядело все очень симпатично: тихо играло радио, бурно зеленела растительность на подоконнике, улыбаясь яркому солнышку, пробивающемуся через разрисованное витиеватыми, морозными узорами окно, урчала кофемашина, тихо щелкали настенные часы, мирно дремала заваленная грудями папок и документов после вчерашней вечерней смены Светы секретарская стойка...

И во всю эту тихую, умиротворенную и еще спящую перед началом рабочего дня атмосферу вклинился нежный букет первых, бледно-розовых тюльпанов, из-под которого, по обыкновению, торчала ярко-голубая, узорчатая карточка, а прямо в центре этого букета, грубо заставляя нежные бутоны разъехаться в разные стороны, очень живописно вписалось красное и напряженное от боли лицо тихого и скромного бригадира Юры, живот которого был резко и крепко прижат к секретарской стойке, а рука в белом халате так сильно заломлена назад, что бедный Юра фыркал и морщился, что-то там причитая и лепеча...

Женя вспыхнула от негодования (но это внешне, на деле же она снова восхищенно затрепетала, с восторгом и внутренним триумфом сжав в волнении свои маленькие кулачки), даже и не сомневаясь, что бесплатным приложением к очередному грубому и своевольному кадру насилия над людьми послужил не кто иной, как Сергей Викторович Минаев собственной персоной, в восхитительной белой рубашке, расстегнутой на верхние пуговицы, черных дорогих брюках и туфлях, требовательно и грозно наклонившемуся к лицу Юры и испепеляя его уничтожающим, ледяным взглядом всемогущего властелина всех времен и народов:

— ...какого, мать твою, треклятого дьявола ты таскаешь ей эти букеты? Сазонов!!! Отвечай, или через секунду твоя рука будет сломана сразу в трех местах!! Ну??? Юра!!!

— Сережа!!! — вскричала Женя в ужасе, сбросив с себя доспехи оцепенения, подлетев к ним и схватив Сергея за мускулистую, напряженную руку, пытаюсь освободить бедного, страдающего бригадира участка датчиков давления от физической расправы, ошеломленно глядя то на одного, то на другого. — Сережа!!! Ты что делаешь??? — она вдруг опомнилась, сообразив, что не должна была так фривольно обращаться к своему начальнику в условиях абсолютной непосвященности фирмы в их с Сергеем отношения, а потому поспешно добавила:

— Сергей Викторович, вы же ему руку сломаете, отпустите его сейчас же!!!

— Сергей Викторович... Сергей Викторович... П-п-пожалуйста... Я все объясню... Эт

не то, что вы подумали. — лепетал Юра, пофыркивая от боли и конвульсивно морщась, а Сергей, посмотрев на Женю решительными, сияющими гневом серыми глазами, злобно процедил:

— Это он тебе полгода уже цветы носит и записки оставляет втихаря, пока в секретарской никого нет. — проговорил он, а Женя, удивленно вытаращив глаза на бедного, измученного Юрия, даже не ощутила особой радости от разрушительных, ревнивых ноток в голосе Сережи, лишь остолбенело от подобной новости, вскрывшей завесу тайны, разглядывала парня, не веря своим ушам.

Юра?!? Это он ее тайный поклонник??? Скромный и тихий, который, кроме «привет» и «как дела?», больше не произносил в сторону Жени ни единой фразы, в отличие от ее коллеги Светы, с которой они подолгу могли болтать, когда он приходил на совещания или за кофе, это он — тот самый тайный поклонник???

Женя изумленно раскрыла рот, а Юра снова застонал и почти шепотом проговорил:

— Сергей Викторович, пожалуйста, я могу все объяснить, вы не так поняли, я... я...

— Говори, зачем ухаживаешь за ней и какие у тебя на нее планы, пока я твое лицо в твой возвышенно-романтический мозг не вдавил, поклонник хренов!!! — прорычал в бешенстве Сергей, вновь дернув руку Юры, а Женя, нервно прыснув над его изощренной угрозой, осторожно взяла Юру за плечо и ошарашено наклонилась к нему, заглядывая в его несчастные карие глаза своими фиалковыми:

— Это правда, Юр??? Ты мне цветы и подарки носил???

Юра судорожно закивал, с трудом сглотнув и простонав:

— Правда, Женя, это был я, но все немного не так... ай!!! Сергей Викторович, пустите, я все расскажу, я не Жене эти букеты дарил, я... я...

Сергей и Женя нахмурено и непонимающе переглянулись, после чего Минаев все же соизволил выпустить бедную руку Юры, и тот, резко развернувшись и прислонившись спиной к стойке, обессиленно обмяк, стелая и поглаживая больное место, тяжело дыша.

— Что еще за бред?? — недовольно спросил Сергей, требовательно и нетерпеливо сложив руки на груди. — Как это — не Жене??? А в открытках ты что, по ошибке ее имя указывал или под кайфом??

Юра выдохнул и виновато посмотрел сначала на Сергея, потом на Женю:

— Нет, я для Жени все оставлял... но рассчитывал, что ты, Женя, когда узнаешь, каким я могу быть... ну, то есть галантным, романтическим, обходительным... проникнешься ко мне теплыми чувствами и... подробно расскажешь обо мне Свете... Которую я уже год как люблю. — тихо проговорил он, виновато опустив глаза в пол и сокрушенно прошептал:

— Извините, Сергей Викторович, я не знал, что... вы и Женя... что у вас... что между вами... — замялся он, но выдохнув, решил просто переступить эту неловкую тему и двигаться дальше. — Мне просто показалось, что Женя сможет по достоинству оценить нежные слова, подарки от всего сердца и выбор цветов... ну и... составит обо мне наиболее полное мнение... чтобы... чтобы помочь мне понравиться Свете.

Сергей вытаращил на него глаза и вдруг захохотал, как обычно в своем репертуаре глядя на бедного, поникшего Юру надменным и насмешливым взглядом, проговорив:

— Ты что сейчас, серьезно?!? Это самая идиотская мысль, которую я слышал в своей жизни!

А Женя, которая тоже была поражена просто до мозга костей и ужасно разочарована, что все эти подарки и знаки внимания были, как выяснилось, не для нее, ошеломленно

воскликнула:

— Что-о-о?!? Юра, но... То есть, ты дарил мне подарки, цветы, чтобы... я свела тебя со Светкой??? — Женя приложила руку ко лбу, пытаясь переварить эту информацию, а Юра виновато спрятал глаза в пол и кивнул, ожидая приговора. — Но... Это вообще что за логика такая?!? А еще говорят, что женская логика не поддается объяснению... Как ты вообще до такого додумался???

Юра поднял на нее растерянный, угрюмый взгляд и тихо начал:

— Извини, Жень, я...

— Что-то я тебе не очень верю, Сазонов. — вдруг снова хмуро и ревниво проговорил Сергей, хлопнув Юру по плечу, наверное, очень больно, потому что Женя заметила, как он поморщился, а Сережу понесло в очередное гневное наступление, и он быстро и угрожающе закончил:

— А это значит, что если через секунду ты не скажешь мне правду, пострадает и твоя левая рука... Ну так что? Начинай рассказ. Хотя, может ты предпочитаешь разговаривать с перекошенным от боли лицом, засунутым в твои же чертовы цветы??? Секунда, Юра, или я за себя не отвечаю! — на повышенных тонах закончил Сережа, полыхая неудержимой яростью, и в честь подтверждения своих слов он грубо тряхнул бригадира за халат, а тот испуганно вжался спиной в стойку, замотав головой и закричал:

— Сергей Викторович!!! Подождите, но я вам правду сказал!! Я... мне Света нравится я...

— Сережа! — недовольно воскликнула Женя и поспешно стряхнула руки Сергея с халата Юры, строгим голосом проговорив:

— Сережа, перестань! Он говорит правду! Сереж, оставь нас, пожалуйста, наедине.

Сергей сложил руки на груди и упрямо посмотрел на Женю, прищурившись:

— Еще чего. Говори при мне.

Женя закатила глаза, в душе, однако, пританцовывая от счастья, что ее, как оказалось, мнимый поклонник вызывает в Сереже столько разрушительной ревности, правда, ее смущало то обстоятельство, что он действительно может случайно прибить, потому что его ярость явно не испытывала на себе ни малейших попыток контроля со стороны его же самого, поэтому она успокаивающе взяла его за плечо и, внимательно заглянув ему в глаза, с нажимом проговорила:

— Иди, пожалуйста, Сереж, мне нужно поговорить с ним о Свете. Все в порядке иди. — мягко, но весомо завершила она, а Сережа, блистая недоверчивой и гневной искрой в глазах, чуть прищурился, посмотрев на нее своими внимательными и пронизательными серыми глазами, а затем сурово и испепеляюще глянул на Юру, проговорив:

— Больше никаких цветов и подарков Жене, ты понял?! Еще хоть один цветочек увижу — засуну его тебе в... куда придется. — угрожающе закончил он, усиленно поработав над собой и попытавшись без выражений, а затем, бросив последний сложный и противоречивый взгляд на Женю, стремительно унесся в свой кабинет, импульсивно хлопнув дверью и звякнув табличкой с надписью «Генеральный директор».

Женя вздохнула и с веселой усмешкой облокотилась на стойку спиной, встав рядом с Юрой, который шумно вздохнул от облегчения, потому как его мучитель, наконец, утек в нейтральную зону, и виновато покосился на Женю, тихо проговорив:

— Прости, Жень... Глупо получилось. Я не хотел создавать тебе проблемы... Не знаю, почему мне в голову пришла такая идиотская затея... Теперь он... — Юра испуганно

стрельнул глазами в сторону все еще трясущейся в мелком ритме таблички на двери, за которой скрылся Минаев. — ...он и с тобой будет... разбираться, да?

Женя фыркнула и улыбнулась, покачав головой и легонько толкнув плечом плечо Юры:

— Нет, не будет, не переживай. В крайнем случае, ну, если начнется новый приступ зверской и ревнивой тирании, у меня есть наушники и отличный плейлист в телефоне... — она вдруг посерьезнела и, ощутив какое-то непонятное, тянущее опасение, тревожно попросила:

— Ты, Юра, о нас, пожалуйста, никому не рассказывай, ладно? А то от слухов потом не отмоешься... — угрюмо проговорила она, а Юра решительно кивнул и вновь вернувшимся к нему тихим, уверенным тоном проговорил:

— Конечно, Женя, это даже не обсуждается. Я бы и без твоей просьбы распространяться не стал — не мое это дело... Так ты поможешь мне со Светой? — с надеждой спросил он, даже как-то испуганно и взволнованно посмотрев на Женю, будто от нее сейчас зависела судьба первого полета человека на Марс.

Женя улыбнулась и с укором, но шутливо, проговорила:

— Ну и дурак же ты, Юрка! Прикинь, насколько тебе было бы проще сейчас, если бы ты не стал выдумывать сложные, хитроумные схемы, будто тебя назначили тренером сборной России по футболу, а сразу бы начал дарить все эти цветы ей! Целых полгода насмарку! — всплеснула руками Женька, покачав головой от досады и веселого возбуждения. — Запомни, Юрка: женщины не любят нерешительных, им подавай тех, кто будет открыто, настойчиво и планомерно их добиваться, используя для этого все возможные средства и максимум фантазии.

Юра тихо ухмыльнулся, как-то печально глянув на Женю и проговорив:

— Ну да. Я об этом догадывался. А вот что делать, если ты не такой? Мне абсолютно нечего ей предложить... Я не генеральный директор, у меня совсем нет столько денег, чтобы выполнить любой ее каприз... Я только и могу, что быть нежным и романтичным... И даже внешности эффектной природа мне не оставила...

Женя засмеялась, взяв его за плечи, и, заглянув в его потухшие глаза, покачала головой:

— Ты себя с Сергеем сравниваешь, что ли? Ой, Юра, я тебя умоляю! Он меня терпеть не мог, ты разве не помнишь, как он вечно пытался меня унижить и турнуть отсюда в самые кратчайшие сроки, чтобы глаза не мозолила? И что ты думаешь, меня кто-то добивался?? Я всего лишь хотела тебе сказать, что нужно поверить в себя, свои силы, свой характер, брать ее не тем, о чем пишут в пособиях по укрощению женщин, а тем, что самое лучшее есть в тебе, твоими сильными сторонами, понимаешь??? Ты столько раз общался с ней, а она даже не знает о твоих чувствах! Так что, Юра, боишься ты или нет, хочешь-не хочешь, а придется брать быка за рога. — Женя улыбнулась и, заметив испуг на лице Юры, спокойно зашагала по секретарской, снимая пуховик и зимнюю обувь, подготавливаясь к рабочему дню. — Света придет в два часа, и я ей все расскажу... А потом придешь ты, и уж лучше заberi пока вот этот букетик — подаришь его лично ей и пригласишь ее куда-нибудь, ясно?

Юра растерялся, судорожно схватив букет и чуть не опрокинув вазу, дико разволновавшись и заметавшись около стойки подбитым в крыло орленком, расширенными глазами тарашась на Женю:

— Пригласить?.. А... куда?..

Женя пожала плечами.

— Да хоть куда. Не суть важно. Главное — откройся ей, поверь в себя, поухаживай за

ней как настоящий мужчина! Ты же это умеешь? Женщины любят, когда вокруг них развивают бурную шумиху, в которой они — центры галактики: самые красивые, умные, утонченные и так далее... Поверь мне — деньги, внешность или статус играют роль только на этапе знакомства, а дальше — лишь химия взаимоотношений, ничего больше.

Юра сжал в руках букет и, грустно посмотрев в пол, ухмыльнулся:

— Это очень мило, Женя, что ты так думаешь. Твоя наивность и доброта делают тебя не только привлекательной, но и, на редкость, сильной. У тебя есть свой взгляд, принципы, убеждения... Но так, как ты описала, живут сейчас очень немногие, и Света здесь, к сожалению, скорее правило, чем исключение... Но я очень благодарен тебе за понимание и помощь, ты даже не представляешь, как для меня это важно... И извини еще раз за то, что расстроил... Я понимаю, ты думала, что все это тебе дарит тайный поклонник... Прости. — виновато закончил он, а Женька весело махнула на него рукой:

— Не волнуйся, Юрка, я это как-нибудь переживу! Иди, работай, а в два часа готовься стать самым неотразимым! Все!

Она ободряюще подмигнула Сазонову и бодро вытолкала его из секретарской, уже переключившись мыслями на одного-единственного, которого сейчас так некстати скрывала от нее тонкая дверь из белого пластика.

Ее сердце, ее душа или ее ноги сами понесли ее к нему, на ходу захватив на всякий случай головной мозг и другие органы, и, задыхаясь от нестерпимого желания скорее увидеть его, Женя почти бегом бросилась к его кабинету, стремительно залетев внутрь и прикрыв за собой дверь.

Сергей стоял, склонившись над своим столом и глядя в одну из многочисленных папок с отчетами, что-то там хмуро изучая и теребя в руках дорогой темный галстук в полоску, собираясь, судя по поднятому вверх вороту рубашки, одеть его для повышения и так распиравшей из него в разные стороны солидности и важности.

Когда Женя вошла, встав у входа и, прислонившись к стене, сложила руки на груди, с полуулыбкой нежно глядя на него, он тоже резко поднял глаза, и Женя заметила, как изменилось выражение его правильного, красивого лица: хмурость и сосредоточенность не исчезли, но вспыхнуло то самое, такое волнующее ее, жадное и собственническое сияние, а еще его серые глаза огненно скользнули по ее тонкому, черному трикотажному платью, облегающему силуэт, и проследили по всем изгибам ее тела, задерживаясь там, где, в общем-то, это и ожидалось, и с каждой секундой обжигая все сильнее безудержной, вихреобразной страстью, которая у него заменяла ласку на грубое неистовство и настойчивую требовательность, а трепет — на восхищение и... Женя улыбнулась еще ярче, зная то, что он тщательно скрывает. Она видела это в его глазах, и ее сердце раздувалось от бесконечного счастья... Сережа смотрел так, будто не мог смотреть иначе, будто если отведет взгляд — случится техногенная катастрофа и вымрет все живое, включая и его, будто вся его жизнь зависела от того, как она на него реагирует... Что она к нему чувствует... Она... Она... Да, Женя чувствовала себя, наконец, нужной кому-то. И это было самое сказочное для нее чувство.

А сейчас он откровенно нагло, но с невозмутимой серьезностью, разглядывал ее ноги, восхищенно и медленно скользя по ним снизу-вверх, излучая все большую и большую огненную энергию, а Женя ласково и влюбленно таранилась на него, ужасно желая подойти к нему, поцеловать, прижаться всем телом и ощутить его руки на своей шее, спине или ножке...

— Ну вот обязательно, что ли, сразу бить, Сережа? — с веселым укором спросила Женя. — От тебя вечно достается бедным, невинным людям.

Сергей насмешливо ухмыльнулся и, взяв галстук, накинул его на шею, уверенно подойдя к ней и зачарованно, желанно уставившись в ее лицо, при этом не забыв самодовольно и жестко ответить:

— Это не моя проблема, что вокруг тебя вечно крутятся одни «бедные и невинные», вместо богатых и виноватых. — он шагнул к ней, заставив ее замереть на месте и затаить дыхание, в то время, как ее сердце понеслось куда-то вскачь, а ее глаза тут же жадно уставились на его губы. Женя, ощущая себя полнейшей влюбленной идиоткой, понимала, что даже через силу от них оторваться не может, да еще и думает лишь о том, чтобы прильнуть к нему и целовать, целовать... — В любом случае, — все тем же приказным, беспрекословным тоном заявил он, хоть Женя и уловила кое-какие новые нотки в его голосе помимо обычных раздраженных, — никто не будет дарить тебе цветы или подарки, кроме меня. Я любого превращу в москитную сетку и на окошко натяну, кто только попробует встать у меня на пути, потому что...

— Потому что ты, мой великий узурпатор, вне любой конкуренции! — весело и шутливо закончила за него Женя, слегка покраснев от его слов и счастливо заулыбавшись. Да и нужны ли ей чьи-либо еще подарки и знаки внимания? Она даже думать об этом не желала, а желала, прямо сейчас, переполненная нежностью и любовью, смягчить его импульсивную жестокость и ревность волшебным, сладким поцелуем... Да она бы и от кое-чего другого не отказалась! Но, еще сильнее порозовев, Женя откинула эти не очень приличные мысли и с трудом оторвала глаза от его губ, чтобы заглянуть в самые любимые на свете глаза.

Он улыбался, глядя на нее, глядя на ее волосы, кудряшки, обрамлявшие нежное личико, на ее белоснежную, полыхнувшую игривым румянцем кожу, веснушки, покрывавшие нос еле заметными рыжими крапинками, на ее губы, которые она взволнованно покусывала... Еще шаг, Женя ощутила его горячее дыхание на себе, глядя в эти пристальные и страстные серые глаза, окунувшись в его стремительную, жесткую и такую разрушительно-бесконтрольную энергетику, ощутив, как внутри ее живота начались огненные всполохи и трепыхания, а дыхание замедлилось... Сергей еще раз оглядел ее лицо нежным взглядом и остановился на губах, с жадным интересом разглядывая, как Женя покусывает их в невероятном волнении, ожидании, и, ухмыльнувшись, с шутливой насмешкой проговорил:

— Как ты догадалась? — он взялся руками за свой галстук, не отрывая глаз от Жениных губ и пытаясь завязать его в аккуратный узел, а Женя, повинувшись невероятному желанию и бешено набирающим обороты вспышкам в своем животе, нежно взяла его за руки, забрав у него галстук, и тяжело и неохотно перевела взгляд на эту деловую тряпочку, ловко завязывая ему красивый узел и глубоко вздыхая, ощущая, как вспыхнули в сладком притяжении его глаза и как поднялась температура его тела от легких касаний ее рук.

Сережа внимательно и жадно смотрел на Женю еще пару секунд, затем вздохнул и, слегка нахмурившись, нетерпеливо провел ладонью по ее щеке, приподняв ее голову и заставив посмотреть на себя, в свои стремительно темнеющие глаза...

Женя вздрогнула, нежно подавшись к его руке и ласково, слегка повернув голову, поцеловала его ладонь, не замечая, как ее руки соскользнули с галстука ему на грудь, замерев в районе сердца и прислушавшись к его ускоряющемуся ритму.

— Значит, женщинам нравится, когда их добиваются, когда за ними ухаживают,

нахваливают их и... что там еще? Водят куда-нибудь, совсем не важно, куда? — весело проговорил Сережа с насмешкой, но не злой, как раньше, а доброй и даже какой-то умильной, а Женя резко покраснела, сердито вскинув на него свои фиалковые глаза:

— Ты что, подслушивал? Сергей Викторович, а периодическое прикладывание уха к двери что, тоже входит в ваши должностные обязанности? — с недовольством проговорила она, а Сергей ухмыльнулся, слегка подтолкнув ее к стене, и, подойдя близко-близко, нежно, но весьма нетерпеливо зарылся руками в ее кудряшки. Наклонившись к ней и заставив Женю прерывисто вздохнуть от ощущения огненного залпа во всем теле, он пожал плечами, невозмутимо заявив:

— Мой кабинет, моя дверь. Что хочу, то и делаю.

Женя вздрогнула, а он уже целовал ее, нежно, легко, постоянно прерываясь и глядя на нее черными глазами, касаясь ее губ так аккуратно, так волшебным образом, что Женя с трудом выдохнула, чувствуя, как разгорается огонь внутри нее, как его руки дразняще поглаживают ее шею, а дыхание обжигает...

Горячая, страстная змея распускала внутри ее живота свои кольца, а Женя, нежно прильнув к Сереже и нетерпеливо ожидая, когда же он снова станет собой — грубым, требовательным, жадным, сама неистово тянула его на себя, не понимая, зачем он дразнит ее, почему вдруг стал таким нежным и аккуратным с ней, таким ласковым???

Она желала продолжить поцелуи, тяжело вздыхая и ощущая огненную светомузыку внутри себя, сводящую с ума ее разум, ее тело, ее настроенные лишь на его прикосновения и губы ощущения, а Сережа ухмылялся, продолжая легко целовать ее, с паузами, желанно разглядывать ее горячим серым взглядом и сдерживать ее страсть, ее настойчивость...

Женя прижималась к нему, тяжело дыша и лаская руками его шею, плечи, спину, ощущая, как быстро и очумело растет огненный салют внутри нее, заставляя подрагивать тело и сжигая ее заживо изнутри, она нетерпеливо и умоляюще посмотрела на него, еле слышно выдохнув:

— Сережа, что ты делаешь?

Он наклонился к ее ушку и, обжигаяще целуя ее кожу, горячо шепнул, сжав руками ее спину:

— Ухаживаю за тобой. Ты же этого хочешь?

Женя улыбнулась, удивленно и любовно посмотрев на него, и, проведя рукой по его щеке, шепнула ему в губы:

— Не надо. Лучше отвесь какой-нибудь стандартный комплимент и пригласи куда-нибудь... А сейчас не мешай, пожалуйста.

Она потянулась к нему, чтобы поцеловать, но увидела вдруг, как он резко нахмурился, а мышцы его тела напряглись...

Женя вздрогнула, чуть отстранившись от него и с невероятным ужасом внутри себя ощущая, как моментально куда-то улетучилась его горячность, как будто он резко окунулся в холодную воду... Она с трудом слотнула, а внутри нее, впервые за прекрасные, самые счастливые в ее жизни две с половиной недели, что-то неприятно заскрежетало, будто кто-то вставил в быстро бегущее от захватившей ее сердце головокружительной влюбленности колесико не просто палку, а самую настоящую ржавую кочергу, заметно притормаживая его бег и заставляя... Очнуться. Задуматься. Засомневаться...

Женя не чувствовала своих ног: они, кажется, заледенели или отнялись, как же ей вдруг стало страшно! Но она все еще не понимала, отчего, почему... Сережа вдруг посмотрел на

нее, и Женя неожиданно обратила внимание на какой-то странный блеск в его взгляде... Будто отчаянный?..

Вздых. Это он вздохнул...

Женя слегка отстранилась, расширенными глазами изучая его выражение лица, пытаюсь считать его эмоции, а внутри нее все гудело, словно вытяжка на подземной парковке... Сережа всматривался в нее тоже с необыкновенным вниманием, хмурясь все больше и... Что там... Женя уловила еще какое-то чувство... Тоже страх?? Нет... это как-то странно...

Она не понимала, что происходит, что случилось, почему огонь и взаимное любовное поглощение друг друга сменилось на какую-то тягучую, переваренную сгущенку, замороженную в холодильнике... Это ее слова о комплименте так подействовали? Или намек на желание побыть с ним вдвоем где-нибудь вне фирмы?..

Сережа вдруг резко и грубо схватил ее, с силой прижав к себе и неистово поглаживая по щеке, снова секунду внимательно глядя на нее... А затем уже поцеловал. Как раньше. Грубо, напористо, горячо, отпуская себя с тормозов и лаская, лаская ее с невероятной, сжигающей страстью, как будто внутри него кто-то снова разжег камин...

Только Женя, отчаянно и жадно отвечавшая на его поцелуй, и, дрожа, теснее прижимавшаяся к его все больше и больше разгорающемуся телу, уловила странное дуновение — словно тот самый камин разжигается в последний раз перед длинной и тоскливой, обмороженной полярной ночью...

Поцелуй, поцелуй, она вздохнула, он становился все настойчивее, не контролируя набирающие между ними обороты, Женя горела в собственном извержении вулкана, мысли, мысли усвистали прочь, испарившись на этих жадных губах, в его нетерпеливых ласках, в его руках, скользящих по ней с неистовым желанием... Она подалась к нему, отдаваясь его рукам без остатка и тяжело дыша, пытаюсь успокоиться, но Сергей отчаянно зарычал, лишь сильнее прижав ее к себе... Она почувствовала его напряжение в мышцах тела, слышала бешеный стук сердца в груди и с ее самоконтролем тоже происходил какой-то кавардак...

Как вдруг...

Снова внешний мир дал о себе знать. Оказывается, он еще жил и даже ни капли не подплавился на их взаимном огне, а был невозмутим, спокоен и улыбался широченной улыбкой, растягивающей круглое лицо в подобие эллипса, который кто-то уронил на пол, да еще и сверху на него упал нечаянно...

В светло-сером костюме на широкой, слева-направо и сверху-вниз растянутой в пародию на шкаф-купе для квартиры с высокими потолками фигуре в кабинет спокойно и без стука заплывал Павел Юрьевич самой вальяжной, уверенной походкой, заставив Женю и Сергея недовольно оторваться друг от друга и расцепить объятия. Паша, однако, все прекрасно заметив, тут же переквалифицировал свою улыбочку в ядовитый оскал и проговорил:

— Ой! Простите, что помешал... Сережа, ты бы табличку на двери хоть вешал! «Не беспокоить, занят с женщиной», а рядом кармашек неплохо было бы приделать, чтобы фирма ставки делала, гадая, с кем ты там опять заперся...

Женя, наконец-то отдышавшись и быстро оправив платье, гневно вспыхнула, услышав подобные слова, но ответить не успела, потому что ее опередил Сергей, хмуро завязывающий так некстати брошенный Женей узел галстука и насмешливо проговоривший:

— Паша, ты бы научился с гордостью принимать поражение. И если ты надеялся еще пригласить Женю на свидание с расчетом на ее согласие, то называть ее очередной дешевой

игрушкой в моих ужасных руках было как-то... недалековидно с твоей стороны. Ты на совещание? Нужно решить вопрос с новым поставщиком проводов, сейчас начальника отдела закупок вызовем...

Женя глубоко вздохнула, пытаясь усмирить гнев, но Паша, как оказалось, еще не закончил. Он снова гниловато улыбнулся и проговорил:

— Ну что ты, Серег! Я и не думал такое о Женечке говорить! Она же не виновата, что ей... ты понравился, правда, милая? — оглядел он Женю выжидательными маленькими глазками, а Женя нахмурилась, жестко проговорив:

— Мне кажется, вы лезете не в свое дело, Павел Юрьевич. Уж извините, если грубо прозвучало.

Павел примирительно поднял руки и, хитро прищурившись, поспешно произнес:

— Прости, прости, конечно, Женечка, ты права... Возможно, у вас и правда все серьезно... Да, Серега? Ты же сказал ей? Ну и? Она согласна??? Согласна быть с тобой на таких условиях? А что ты собираешься делать с...

— Паша!!! — громыхнул рассерженный Сергей, кипя такой бешеной яростью, что Жене вдруг показалось, будто даже воздух вибрирует вокруг него, а предметы в кабинете как-то отодвинулись подальше, опасаясь злостного выплеска негативной энергии прямо на них. — Прекрати молоть чушь, И ХВАТИТ СОВАТЬ НОС В ЧУЖУЮ ЛИЧНУЮ ЖИЗНЬ!!! Я ТЕ ЧТО, В УПРЯЖКУ К УГРЫЗЕНИЯМ СОВЕСТИ НАНИМАЛ??? — разъяренно загромь Сергей, а Паша все больше и больше улыбался, глядя на Женю... Бедную, растерянную и подавленную...

Что за условия??? О чем это он говорит??? Просто поссорить их хочет, мстит за то, что она отказала ему в пользу Сережи???

Но ведь и она сама почувствовала, что что-то не совсем правильно, не совсем естественно, как ржавая кочерга в новехоньком, торопливом колесе ее сердца, и он... он...

Сергей так злился, просто ужас, он полыхал яростью, словно зарницы при приближении сильной грозы, а его энергетика сшибала с ног уничтожающей волной... А это значит, что Паша не врет, о Боже, Боже...

Женя потерянно и отчаянно смотрела на Сергея, чувствуя, как ее снова засасывает черный, болезненный страх, но... Ах, если бы понимать, почему? Знать бы причину...

А может, Краснохатов, все же, просто мстит, поэтому Сережа и злится, как сто чертей, боясь ее потерять из-за каких-то глупостей?

Вспыхнув лучом надежды, Женя впиалась взглядом в Сережу, который, тем временем, рычал:

— Прекрати болтать о том, чего не понимаешь, и иди лучше позови Татьяну Константиновну — займемся работой, пока солнце еще не село. Давай, Паша, не стой, ну?? Я долго буду ждать???

— А чего ты так кипятишься, Сергей? — невозмутимо, но с большим оттенком откровенного издевательства проговорил Павел Юрьевич. — Я же не против. Если ее все устраивает, то, как говорится, совет вам да любовь и всякое такое... Правда, я не думал, что ты, Женечка, такая гордая и чистая, словно капелька дождя на прозрачном стекле, — промурлыкал Паша, триумфально посмотрев на молчавшую и пытающуюся ухватиться за край единственного просвета среди туч, растерянную Женю, глядевшую то на него, то на Сережу, — на такое согласишься... Ну да ладно, я принимаю твой выбор, дорогая. — сокрушенно вздохнул он, а Женя, чувствуя себя на грани глубокого отчаяния и ужаса,

стремительно сорвалась с места, не глядя на Павла и Сергея, и полетела в секретарскую, бросив через плечо:

— Я пойду. Извините, много работы.

Ей надо было прийти в себя. Осмыслить. Подумать. Понять. Хоть на секунду успокоиться и остановить рост огромной и страшной тени, наползающей на их отношения, такие горячие, такие долгожданные, такие самозабвенные и такие спутанные и противоречивые... такие катастрофические для них обоих.

*** «Минус»

Наконец-то закончилось это совещание, наконец-то Татьяна Константиновна деловито и медленно выплыла из кабинета и чертов сволочной ублюдок Паша, которому Сергей напоследок напомнил, что если он еще раз попробует исполнить что-то подобное в присутствии Жени, он лично и очень больно сломает ему челюсть и, вдобавок, вышвырнет из «Черного полюса», обеспечив самые гадкие рекомендации всем его последующим работодателям, на что Павел лишь ехидно, но как-то не очень весело улыбнулся и тоже ушел, громко и пафосно хлопнув дверью за собой, окончательно разрубив давний и довольно прочный узел их дружеских отношений, а Сергей остался один.

Он откинулся на спинку стула, едва дыша от подпирающего его гнева, он злился, злился, злился до яростных, разноцветных бликов в своей голове, ненавидел Пашу, ненавидел себя за то, что Паша, по сути, был прав, и он не может ничего предложить Жене...

Женя...

Сергей моментально вспомнил ее губы, ее горячее, гибкое тело, ее мягкие волосы, нежные руки...

Гневный рык — и документы со стола бешено полетели на пол одним мощным и безумным движением... Звуки смявшихся листов, грохот упавших папок, треск полетевшего следом за всем остальным бедного, ни в чем не повинного ноутбука заставил Сергея вздрогнуть и, подчиняясь продолжавшемуся кипению котла, схватить себя за голову, а потом ударить кулаками по столу, тяжело дыша от сумасшедшей ярости...

Он должен что-то сделать! Он должен развязаться с Ксюшей, должен оставить семью... Но Женя, Женя не простит ему, что он посмел прикоснуться к ней, быть с ней, целовать ее, в то время, как сам по вечерам уходил домой, к своей официальной жене и самой настоящей дочке...

Она не простит ему, что он обманывал ее, что фактически сделал ее своей любовницей, хоть до этого дело и не доходило, что заставил ее поверить в счастливое будущее, а сам...

Сережа горел от ненависти к себе, от ядерной, саморазрушительной злости, и ощущал настоящий, ни с чем не сравнимый...

Страх.

Он не мог себе представить, что с ним будет, если он потеряет ее... Он больше не представлял себе своей жизни без ее красивой улыбки, этой белоснежной кожи, рыжих, почти как чистая бронза, кудряшек и странных, фиалковых глаз, нежно смотрящих на него с таким невероятным чувством, от которого подкашивались колени...

Он почти не мог жить, каждую секунду думая о ней, не мог работать, когда она была за дверью кабинета, вечно глядя на нее, как идиот, не мог находиться рядом, желая целовать ее, обнимать... Да он с ума сходил в своем жарком царстве похоти, желая ее каждый миг, едва выползая с работы после ее поцелуев и думая лишь о ее прекрасном теле, невероятном

аромате сирени и горячих вздохах, мечтая никогда не выпускать ее из рук, проводить с ней каждое мгновение своей жизни, существуя, только потому что жила она...

Он бился в бессилии, утопал в отчаянии, зная, что Женя хочет свидание, хочет проводить с ним время, хочет подарков... Но он не мог переступить эту черту, не мог из-за своей чертовой ситуации, связывающей его по рукам и ногам... Он должен ей как-то рассказать... Но не мог решиться... Не мог ее потерять... Он потерял себя, когда влюбился в нее, и Женя, теперь лишь она была центром его вселенной, а не он сам, как это было всегда...

Дверь отворилась, и на пороге снова появилась она, видимо, прибежав на шум от сброшенных со стола бумаг, а Сергей, чувствуя, как все в нем бесконечно реагирует на ее присутствие, замер, жадно вглядываясь в ее лицо, чувствуя, как бешено стучит его сердце, отзываясь на нее, сходя с ума по ней...

Женя была заметно расстроена и бледна... Она не плакала, но Сережа, заметив ее сияющий напряжением и какой-то болью взгляд, резко подался вперед, чувствуя, как его душа дрогнула от дикого чувства вины и нового прилива злости на себя... Это он с ней сделал... Это из-за него она такая... Она должна быть счастлива, а вместо этого...

А вместо этого Женя, вздохнув, осмотрела «место происшествия» ни капельки не удивленным взглядом, а лишь слегка приподняла брови, разглядывая разлетевшиеся и смятые графики, чертежи, приказы, отчеты, ноутбук «попой кверху» и многое другое, а затем быстро подошла и, присев около Сергея на корточки, спокойно и уверенно начала все подбирать, рассматривать и подсовывать листы в нужные папки.

Сережа смотрел на нее, ждал ее взгляда, как террорист-смертник — чудесного спасения, но видел лишь ее опущенные ресницы, уставшее, нахмуренное лицо, обрамленное рыжей дымкой волос, прекрасный изгиб ее тела и совершенно отшибающие разум, восхитительные ножки, которые ему тут же захотелось потрогать рукой...

А она спокойно собирала документы, ничего не говорила, не поднимала на него глаз, и Сергей едва сдерживал в себе крик бессилия, жаждав, жаждав все изменить, но... Это было невозможно. А значит, если она не простит его, то в их отношениях наступит тот самый, страшный и болезненный конец... И Сергей не представлял себе, как сможет справиться с этим... Вот же дурак влюбленный...

Дверь в секретарскую была распахнута, и Сергей услышал тихое пение радио, продолжая зачарованно, восхищенно и отчаянно таращиться на Женю, на ее плавные движения, ее аккуратные ручки, пальчики, перебирающие бумагу...

— «Осталось никаких сомнений
Похоже счастлив я, и не слегка
Чтобы в таком хорошем настроении
И голова легка, хоть ночь и коротка

Все это ты, — и ты не приведенье,
Фантастика, фантастика...
Неужто мы остаемся вместе
На века, на века...

Чтобы мечты не превращались в пену,
Не убегали наутёк, все выкипит до дна.

Я назову тебя Галактикой, Вселенной
И буду бороздить от звезд до черных дыр без усталости и сна

Все это ты, — и ты не приведенье,
Фантастика, фантастика...
Неужто мы остаемся вместе
На века, на века, на века...»

Сережа слушал, чувствуя, как теряется в ее образе, умирая от страха, умирая от этого голоса, который пел про...

— Женя. — тихо позвал он, впервые в жизни услышав свой осипший от ужаса голос, чувствуя, как нервное напряжение до боли стиснуло его мышцы, а сердце лупасило в груди, будто мечтая выбить из него всю дурь...

Она посмотрела на него расширенными глазами... Она как-то светилась, то ли надеждой, то ли болью, то ли всем вместе, но Женя не плакала, не злилась, не бросала ему вызов, не требовала объяснений... Черт, как было бы проще, если бы она наорала на него, обозвала бы как-нибудь, устроила ему истерику, чтобы он хоть немного успокоился, чтобы знал, что делать... Он привык к женским крикам — Ксюша без конца надсаживала горло по поводу и без...

А Женя лишь выжидающе, но ужасно отчаянно смотрит, желая поверить, что слова Паши — всего лишь дурацкий бред на почве ревности...

— Жень. — снова повторил он и, не удержавшись, едва заметно коснулся ее щеки... Он так любил эту нежную кожу! Боже, Боже, что сказать, что ей сказать, как успокоить, как все исправить, как, как, как... — Ты... расстроилась? — тупо спросил он, поморщившись от собственного безмозглого идиотизма, а она лишь едва заметно улыбнулась, тихо проговорив:

— Нет, Сережа. Ведь если бы... если бы что-то подобное было... — она вздохнула, тихо опустив голову, и от этого невинного движения сердце Сергея сжалось еще больше. — ...ты бы мне рассказал, верно? Зачем утаивать причину, которая может помешать нам быть вместе??

Она легонько улыбнулась и, подняв последнее — ноутбук, спокойно вышла, плавно качая бедрами. Сергей с ужасом смотрел ей вслед, проклиная себя, проклиная страшными словами, потому что он вновь не рассказал... Вновь поступил эгоистично... Вновь думал только о себе, не представляя, какая ужасная пропасть ждет его, если правда все-таки выплывет наружу.

Глава 15. «Плюс»

Пока грозный и самоуверенный Сергей Викторович Минаев уничтожал сам себя своей вдруг проклюнувшейся в нем нерешительностью и маниакальным страхом потерять Женю, спокойно устроившись на блюдечке с голубой каемочкой перед своей же собственной совестью и чувством вины, позволяя им жадно и больно жрать его изнутри большими ложками, Женя погружалась в не менее отвратительное и болезненное состояние сомнения, которое с каждым днем находило в ее мозгу какие-то подкрепления.

Любовь, ее любовь, которая возносила ее к солнцу первые пару недель, теперь превратилась в клубок болезненных, недоверчивых, тяжелых сплетений, заставляя ее анализировать все, что происходит между ней и Сергеем, и с каждым днем убеждаться все больше в том, что все идет совсем не так, как должно быть...

После той стычки с Пашей, Женя решила понаблюдать за Сережей, стремясь понять, почему у нее вдруг возникло чувство, что они находятся в глухом, окруженном с трех сторон отвесными стенами тупике, из которого была лишь одна дорога — назад... И это чувство ужасно мучило ее, не давая спокойно жить и работать, спокойно спать ночью.

Все последующие дни Женя исподтишка следила за ним, его реакциями на ее действия, его отношением к тому, что касалось ее...

Он по-прежнему желал быть с ней — она чувствовала это всем сердцем, она видела, как он смотрит на нее, изучает ее горячим взглядом, как пытается каждую свободную минуту проводить с ней, целовать ее, ласкать ее, прикасаться к ней...

Но все это происходило лишь во время работы. Сергей не делал попыток пригласить ее куда-нибудь, не желал сблизиться, всячески пресекая ее попытки перейти с ним на новый уровень отношений, не предлагал поехать к нему домой... Несколько раз он дарил ей совершенно незабываемые, шикарные букеты, но... на этом, собственно, их отношения и заканчивались.

Женя, погруженная в непроходимое, болезненное отчаяние, ехала домой, чтобы провести очередной вечер в одиночестве...

Что же это за отношения? Встречаются они? Или это какая-то странная интрижка, правда, без постельной части?? Что же все это означает?? Женя запуталась, измучилась, извела себя, но... Так и не поняла, почему.

Да и Сергей с каждым днем становился все угрюмее, чаще хмурился и резче прерывал ее попытки поцеловать его, уходя от нее куда-то, словно избегая... Это причиняло Жене невыносимую боль, она бы желала разлюбить его, порвать с ним, но... Он снова целовал ее, по-прежнему горячо, желанно, с наслаждением, заставляя на несколько минут поверить, что она ему нужна... А потом уходил. И ничего не объяснял.

В конце концов, усталая от собственных спутанных мозговых анализов и от постоянной, щемящей душу занозы в сердце, Женя пришла лишь к одному выводу: Сергей хотел сделать ее своей любовницей, но разочаровался и теперь не знает, как ему с ней порвать, потому что... Знает о ее любви к нему?

Мда. Звучит как-то чересчур благородно для него, но у Жени пока не было другой версии, а значит, становясь все несчастнее и несчастнее с каждым днем, но не имея сил или

гордости, или все-таки желания оттолкнуть его и жить дальше, не представляя себе даже ни одной минуты, когда вдруг она осознает, что у нее нет этого грубого, вечно командующего, но такого сильного, мужественного и решительного Сережи, а значит, вновь и вновь она беззаветно отвечала на его поцелуи, умирая от его близости, наслаждаясь каждым мгновением с ним, каждой секундочкой, чтобы запомнить это надолго. Навсегда.

Навсегда.

Это подвешенное состояние где-то посередине ломало ее, Женя не знала, как ей быть, была в растерянности... и, следовательно, зависела лишь от него, лишь от его решения... Как же она хотела узнать всю правду о нем! Понять, почему, почему, почему?..

Женя задумчиво и угрюмо вертела в руках ручку, бессмысленно перечитывая в сто пятидесятый раз входящее сообщение для генерального директора, да, да, того самого, что кружил в ее голове спутанной каруселью, и судорожно пытаюсь осмыслить, кто еще, кроме нее самой, что от него хочет.

Сегодня она решила быть немного другой, и это проявилось в том, что Женька выпрямила утюжком свои рыжие кудри, которые теперь пышными, но густыми и аккуратными прядками блестели в лучах первого теплого солнышка, пробившегося сквозь густую растительность на подоконнике. Ради этой долгой и нудной, порядком осточертевшей ей процедуры, она подняла себя за шиворот не раньше, не позже, а ровно в четыре утра.

Женя хотела измениться, привнести что-то новое в свой образ и проверить его реакцию на себя, а, возможно, даже вернуть ему по-новой влечение к ней...

Снова прочитав письмо и, намотав прямую, гладкую прядку волос себе на ручку, Женька вдруг разозлилась на Сергея, на все его секреты, какие-то страшные и ужасные, раз он не хочет посвятить в них ее, на ее стремление зацепить его, на то, что он обижает ее своим обращением с ней и этими непонятными, терзающими ее душу и рвущими ее на части отношениями...

Она так жутко рассердилась, что аж зарычала, бешено застучав по клавиатуре на одну единственную букву «Ж», нажав ее раз сто за одну секунду, пока ее не привел в чувство удивленный и веселый голос, мгновенно втянувший в секретарскую теплый и очень дружелюбный ветерок:

— Это кто тут у нас дровосеком прикинулся? Женька, ты... Зябликова?!? — воскликнул ошарашено Семен, подлетев к стойке и с огромными-преогромными синими глазищами за стеклами модных очков с изумлением, любопытством и интересом уставившись на нее.

Женя подняла на него глаза и, откинув со лба упавшую на лицо прядку, впервые искренне и радостно улыбнулась, ощутив, как волна позитивной и такой живой энергии подхватывает ее на свой гребень, чего ей очень недоставало все эти дни. Семка же выглядел как обычно необычно в ярко-желтой рубашке, темно-зеленом галстуке и потертых джинсах, рваных на коленках, а сейчас он пытливо разглядывал Женину новую прическу с открытым ртом, аккуратно прикоснувшись к ее волосам своей теплой ладонью.

— Рыжулик, это что, ты??? Ты... такая необычная! Надеюсь, это временно? — требовательно спросил он, взяв в руку прядку ее волос, а Женька захохотала:

— Ну спасибо, друг! Два анти-комплимента за раз отвесил, пожалел бы мою несчастную, зарывшую голову в песок самооценку и хоть как-нибудь поделикатнее со мной обошелся! Противный ты, Карташов!

Семен весело рассмеялся и, наклонившись к Женьке, мило поцеловал ее в макушку и

двинулся к кофемашине, на ходу заявив:

— Прости, Женька, я просто пока в невероятном удивлении от того, что увидел! Тебе очень идет, не сомневайся! Но я буду скучать по твоим кудряшечкам, я был их фанатом... — грустно протянул он, а Женька прыснула:

— Семка, да не спеши ты мои кудри хоронить, это же всего лишь утюжок! Помою голову — и львиная грива Бонифация вернется, не бойсь.

— Правда? — обрадованно воскликнул Семен под звук запущенной кофемашины и вдруг пристально посмотрел на нее, проницательно прищурившись:

— Ну и??

— Что? — выдохнула Женька, снова с тоской посмотрев на экран компьютера и злополучное письмо, которое она ну никак не могла осилить.

— Как что? Рассказывай, что случилось. — заявил немедленно Семен, попивая кофе и устроившись по ту сторону стойки напротив Жени, которая снова поникла, вернувшись в свое обозленно-депрессивное состояние. — Волосы выпрямила. Лицо хмурое и бледное... Вон, даже красные пятна на щечках проявились! — с теплой улыбкой потискал Женю за щеку Семен. — Долбила по клавиатуре, как будто желала кого-то на ней прибить... Все признаки сексуальной неудовлетворенности!

Женька возмущенно уставилась на него, а Семен примирительно поднял руки, с улыбкой поспешно добавив:

— Только не пыхти, рыжик, я говорю лишь то, что вижу! А это, между прочим, как-то странно... Вот то ли дело я: сводил Лену на свидание и понял, что она со мной не то, что больше не пойдет никуда, а даже разговаривать не будет ближайшее время... В моем случае все понятно. Грусть, депрессия, горе, бутылка... Ну а ты-то? У вас же с Сергеем супер-пупер-невероятная страсть, выжигающая время и пространство, безумство чувств и взаимного влечения... Ну и чего мы сидим, как печальный и обиженный жизнью, прилизанный кокер-спаниель? М-м??

Женя шутливо прищурилась, сердито пробурчав:

— Сам ты кокер-спаниель, йоркширский терьер! — и, обрадовавшись возможности хоть как-то переключиться с тяжелых и запутанных собственных переживаний, Женя возбужденно спросила:

— А что там насчет твоего с Леной свидания??? Ну-ка, поподробнее давай, с чего такие нерадостные выводы?

Сема вздохнул и, печально улыбнувшись, пожал плечами:

— Понимаешь... Лена... она хорошая, на самом деле. Она смеялась над моими шутками, рассказывала о себе, была очень простой и открытой... Ну, в общем, — подвел итог Карташов, — ей понравилось все, кроме моего финансового положения. Когда я увидел, как она брезгливо морщится и ерзает в «Дарах моря», как будто боясь испачкать о местный диванчик свое недешевое красное платьишко... Я понял, что она испорчена и избалована, а мне... — он снова вздохнул, поникнув. — ...мне не по карману ее капризы. Так что это конец. Мне ее не заполнить никогда.

Женя нахмурилась, про себя ругая дуру Ленку, которая даже не понимает, насколько близко ее женское счастье, сердито буркнула:

— То есть, ты сдаешься?!? Нет, Карташов, так не пойдет! — вдруг гневно сказала она, подавшись к нему и горящими решительным вызовом и гневом глазами заглядывая в ее печальные синие. — Пригласи ее еще раз! Будь настойчивей! Поцелуй ее! Ей понравится, ты

целуешься просто улетно! Постарайся быть с ней пожестче, не потакай всем ее капризам, она характерных любит, дура этакая... — гневно шепнула Женя, сжав кулаки и почему-то невероятно взбесившись на то, что Старцева так по-идиотски обошлась с ее хорошим другом.

— Это ты характерных любишь, Женька, и тех, что пожестче. — весело ухмыльнулся Семен и задумчиво отпил кофе из кружки. — Хотя... она тоже. Я вижу, как ей тяжело — она Сергея твоего забыть не может...

— Он не мой. — как-то болезненно проговорила Женя, обессиленно размякнув в кресле и почувствовав сильный толчок в самое сердце, отчаянно скрипнув зубами и снова разозлившись и расстроившись одновременно.

Семен нахмурился, облокотившись локтями на стойку, и удивленно проговорил:

— Это еще почему? Женька, поскольку я хорошо знаю твою склонность все драматизировать, то давай-ка быстро, содержательно и по делу излагай свои мысли, попробуем спасти твое настроение, а уж с Леной я как-нибудь сам разберусь.

Женя вздохнула, чувствуя жгучую пульсацию в груди, и устало проговорила:

— Я чего-то не понимаю, Семка... Может, я ему разонравилась? Он все чаще злится в моем присутствии, периодически отталкивает меня, не давая целовать себя, даже не предлагает поехать к нему домой! — Женя нахмурилась, а Семен скептически вскинул брови, слушая ее.

— Может, он просто не хочет торопить события или все испортить?

— Месяц прошел, Карташов, какое «торопить события»? — вскинулась Женька, болезненно заломив руки. — Ничего не сдвигается с мертвой точки, понимаешь? Застряли на уровне кабинетных поцелуев, даже ни одной прогулки под Луной, ничего! Ни кино, ни ресторана, ни музея... Сема, что это такое, а?? Это разве нормально? Когда двое хотят быть вместе, они не упускают ни единой свободной минуты, а я все вечера играю с Полиной в конный клуб! — Женя сложила локти на стол и опустила на них подбородок, пылая от обиды и душевного раздрая. — Тут только одно напрашивается, Сема. Я надоела ему. Разонравилась. Он поигрался со мной и понял, что совершил ошибку, а сейчас пытается мягко отстранить от себя, чтобы ни на что не надеялась... И это так... больно. — шепнула она, стиснув зубы, чтобы не заплакать, а Семен протянул руку и погладил ее по плечу, успокаивающе проговорив:

— Ну, рыжик... Мне кажется, ты заблуждаешься. Возможно, есть еще какая-то причина, по которой он сохраняет дистанцию... Попробуй с ним поговорить!

— Я действительно думаю, что он что-то скрывает... — тяжело проговорила Женя, отчаянно глянув на Семена и закусив губу. — Но тогда это означает, что он... обманывает меня?.. — Женя болезненно вздрогнула, ощутив, как в ужасе сжалось ее сердце. — Нет, уж лучше придерживаться версии, что он меня разлюбил. Так легче, чем понимать, что он крутит со мной какую-то несерьезную, глупую интрижку, имея за спиной другую жизнь, в которой мне нет места... Что же делать, Семка? — умоляюще глянула она на Семена, а тот вдруг хитро прищурился и улыбнулся:

— Ну... Если он разлюбил тебя, это легко можно проверить на практике. Заставим его ревновать. Поведется — значит, точно небезразличен, тогда будешь выяснять у него насчет страшного скелета в шкафу. Не поведется — что ж, видимо, ты ошиблась с выбором. — печально закончил он, а Женя, чувствуя огромный, тугой узел, подкативший прямо к горлу, шепнула, разрываясь от желания разреветься:

— Я не выбирала, Сема... Сердце за меня выбрало. А самое ужасное в том, что даже если он меня разлюбил и наши отношения закончатся... — она тяжело сглотнула, подняв на друга обреченный взгляд. — Я не смогу его разлюбить. Я где-то вот здесь, — она положила руку себе на грудь в районе сердца, — понимаю это. Судьба громко и злобно похихотала надо мной.

Женя закрыла лицо руками, тяжело дыша, а Семен погладил ее по голове:

— Эй, ну перестань! Вот! Говорил же — трагедизируешь! Еще ничего не случилось, и почему ты решила, что между вами все будет обязательно плохо? Ну ты смешная, Женька! — в этот момент хлопнула дверь с магнитным замком и в коридоре послышались такие знакомые, родные и столь любимые Женей шаги. Она вздрогнула и, встряхнув волосы и одернув свободную, полосатую трикотажную тунику, судорожно оглядела темно-синие брючки с отворотами у голени, смахнув с них невидимую пыль, дрожа от волнения и неизменного трепета перед ним.

— Это он! — восторженно вскрикнул Семен, а его глаза залились игривым азартом. Он схватил Женьку за плечи и легонько дернул, тихо воскликнув:

— Подыграй мне!

Женька не успела опомниться, как через пару секунд Сергей уже стремительно и уверенно входил в секретарскую, как всегда одетый в дорогой темный костюм, белую рубашку и туфли, как он по привычке внимательным взглядом посмотрел за стойку, на Женю... Их глаза встретились, Женя вдруг неожиданно ощутила, как будто бы ей на голову обрушился звездный дождь: она до таких бешеных чертиков злилась на него за все, что сейчас происходит, за его отношение к ней, то ли как к любовнице, то ли как к мимолетному развлечению со скуки, то ли как к забавной игре под названием «укроти рыжую и оттолкни», что в порыве своей безумной ярости готова была на все, даже на то, чтобы прямо сейчас, на его глазах поцеловать Семена и тоже сделать ему очень больно, как он ей, вместе со своими заморочками и тайнами Мадридского двора.

— Привет. — спокойно сказал Сергей, и Женя мило, но не более того, улыбнулась, тоже отстраненно махнув рукой и проговорив:

— Доброе утро, Сергей Викторович.

Так, так. Поддерживаем иллюзию, что Семен как бы не в курсе об их с Сережей отношениях... Сергей пошел к своей двери, а Семка вдруг наклонился к Жене и, нежно пропустив ее прямые волосы каскадом сквозь пальцы, ласково и очень интимно проговорил почти ей в губы:

— Ты такая сегодня красивая, Женька! Волосы просто обалденные! Мягкие такие! Же-е-енечка... — горячо протянул он, а Женя увлеченным взглядом глядящая на Семена, вдруг заметила боковым зрением, как Сережа, открывавший ключами свой кабинет, резко замер и обернулся, пристально и недовольно глядя на Семена...

Ее сердце подпрыгнуло, но радоваться было пока рано... Игриво улыбнувшись Семе, Женя тепло и ласково проговорила:

— Спасибо, Семочка, я знала, что тебе понравится! Ты всегда такой внимательный...

...Чуть голову наклонил... Женя с абсолютнейшим удовольствием ощутила волну разрушительного гнева, направленного на бедного, пытающегося помочь подруге наладить личную жизнь Карташова, а сам Семен, не ощущая на своей спине яркую, красно-белую мишень от взгляда Сергея, дотронулся рукой до Жениной щеки в очень близком, нежнейшем жесте и, не унимаясь, притягательно проговорил:

— Женька, это ты меня таким делаешь! Кстати, глядя на тебя, мне тут на ум пришло небольшое стихотворение... — он чуть прищурился, как бы собираясь с мыслями, а затем, в невероятном чувственном порыве выдал:

— В твоих фиалковых глазах
Я грусти вижу отраженье...
Моя душа — как на ножах,
И сердце дрогнет в исступленьи!
Хочу собрать букет проблем,
Тревог, печальных размышлений,
И в тот же миг их растворить,
Стереть своей любви томленьем...
Ах, знала б ты, как ты прекрасна!
Как каждым жестом хороша!
Для сердца ты — как яд опасный,
И для меня и смерть светла.
Но жить я начал, лишь услышав
Твой добрый, тайный сердца зов,
С тобой быть рядом — мне погибель,
Тебя любить — как сладкий сон...

Женька замерла в невероятном восторге, даже на миг забыв о Сереже... Нет, способность Семена на ходу сочинять такие строки — это просто уму не постижимо! Она даже растаяла, окунувшись в тепло и трепет этих слов, и на мгновение поверила в сказочную, чудесную любовь молодого юноши в свой адрес, на мгновение забыла о своих тревогах и печалях, словно Сема и правда умудрился забрать их и растворить в своей дружеской любви... Однако, секунды ей хватило понежиться на теплом Карташовском солнышке поэзии, потому что в реальности Семен хитровато улыбался, а за его спиной маячил жутко грозный и до наивысшей степени взбешенный дорогой костюм генерального директора... Но пьеса для того и начата, чтобы быть доигранной до конца...

— Сема... Я даже не знаю... — восторженно протянула Женя, взяв Семена за ладонь и нежно погладив. — Такие красивые стихи! А ты мне их запишешь? А то я не запомнила...

Семен рассмеялся и тепло проговорил:

— Конечно, рыжик, для тебя — все, что угодно! Кстати, можем отметить твоё чудесное перевоплощение. Сегодня вечером. Кафе. Согласна?

— М-м-м! А куда пойдём?? В ту кофейню, что на Северной улице? — оживленно защебетала Женька, изображая радость и предвкушение от перспективы провести с Семеном вечер. — Или нет, погоди-ка, давай в «Макдоналдс»!! У-у, я так давно там не была!.. — она весело запрыгала на стуле и захлопала в ладоши, как маленькая девочка, а Семен рассмеялся и кивнул:

— Конечно! Почему бы и нет? Я тебе даже «детский сундучок» куплю. Помнишь, в прошлый раз...

Волна гнева, или огненный торнадо, что тоже верно, вдруг стремительно приблизился к стойке, и Женя с огромным, разрывающим душу, восторгом смотрела, как Сергей слетает с катушек от ревности, упиваясь его реакцией на их с Семей игру и счастливо улыбаясь, после чего сильная и тяжелая рука Сережи грубо хлопнула Семена по плечу, да с такой силой, что Сема поморщился, а с ним и Женя, очень все-таки переживавшая, что от их безумной затеи

может пострадать добрый и лучезарный Семен.

— Ко мне в кабинет. Живо!!! — жестко и гневно, абсолютно беспрекословным тоном скомандовал он, и Сема, удивленно посмотрев на своего босса, состроил печальное лицо и обреченно кивнул, двинувшись к двери и успев-таки весело подмигнуть Жене, которая с тревогой глядела ему вслед.

Сергей бросил на нее пылающий взгляд и исчез следом за печально поникшим «цыпленком» в своей желтой рубашке, громко треснув дверью за собой.

Женька выдохнула, хмуро посмотрев на дверь, разрываясь от волнения за Карташова, от злости на Сергея и бешеной радости от осознания того, что ему все-таки не безразлично то, как, где и с кем она проводит вечера и насколько близко общается.

В течение последующих десяти минут Женька, пытающаяся собрать себя в более-менее приличную рабочую кучку и одолеть, все же, входящую корреспонденцию, написав несколько вежливых ответов и переслав письма всем адресатам, напряженно слушала то, что происходило за дверью кабинета, а происходило там, не что иное, как самый обыкновенный для Минаева громкий разнос, в результате которого Женя сделала выводы, что Сережа нашел отличную возможность выпустить гнев, пройдясь по всем рабочим моментам с участием несчастного, тихо лепечущего оправдания Семена.

— ...отгрузить датчики В НОВЫХ КОРПУСАХ «Гидролинии», когда разработк
ЛЕЖИТ НА ТВОЕМ ЧЕРТОВОМ СТОЛЕ БЕЗ ВСЯКИХ НАМЕКОВ НА ПРОДВИЖЕН
СЕМЕН!!! — раздавалось из кабинета, и Женька, бросая на дверь тревожные взгляды и слыша оттуда какой-то оправдательный шорох Семена, виновато нахмурилась.

— А ЧТО С ЗАКАЗОМ ОТ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ??? — не унимался Сер
разрывая секретарскую бешеным криком. — Как это «почти готов»??? Что, мать твою так и
разэтак, означает «почти»??? Карташов, дуй на рабочее место, и чтобы к вечеру все было
готово, мне лично отчитаешься, или я тебе ЗАРПЛАТУ В ДВА РАЗА УМЕНЬШУ, ил
«ПОЧТИ» в три, ты меня ПОНЯЛ???

Через секунду из кабинета вывалился раскрасневшийся и взмыленный Семка и, подлетев к стойке, лучезарно улыбнулся тарасившей на него виноватые глаза Жене, подняв два больших пальца:

— Вот видишь! Сработало! Ты сто процентов ему небезразлична! А значит, надо поговорить! — радостно шепнул он, а Женька взяла его за руку и бешено зашептала:

— Семка, прости, прости меня, пожалуйста, у тебя теперь проблемы из-за меня!!! Я с ним поговорю...

Семен лишь махнул рукой и подмигнул Женьке:

— Не волнуйся, рыжик, у меня уже все готово, я ему соврал. Надо же человеку пар выпустить!

— Женя!!! — громынул Сергей из кабинета, и Семка весело поднял брови:

— О! Это тебя! Ну, я побежал! Удачи, Зябликова!

И через секунду он испарился, оставив Женю одну в секретарской.

Ощущая, как и всегда, волнительный трепет, правда, сегодня перемешанный с искорками гнева, то и дело вспыхивающими где-то в ее груди, Женя поднялась и уверенно прошагала в кабинет, прикрыв за собой дверь.

Не успела она даже войти, как следует, Сергей подлетел к ней и, не помня себя от гнева и сверкающей в его глазах сумасшедшей ревности, схватил Женьку за плечи и грубо прижал к стене, требовательно и нетерпеливо проговорив:

— Ну и куда, черт подери, ты с ним собралась идти??? Женя, отвечай сейчас же!!! Ну???

— В «Макдоналдс». Ты разве не слышал? — спокойно проговорила Женя, чувствуя целую волну горячности и эмоционального огня, исходившую от него, и глядя в его серые, сияющие бешеным раздражением глаза, внимательно оглядывающие ее лицо и считавающие ее эмоции.

— Ты никуда с ним не пойдешь!!! — отчеканил беспрекословным тоном Сережа, сильнее сжав ее плечи своими горячими ладонями. — Ты не можешь с ним никуда ходить, Женя!! И вообще, что этот... додик себе позволяет?!? Почему он тебе стихи, мать его за ногу, читает о какой-то волшебной любви??? Почему ты разрешаешь ему так прикасаться к себе??? Он не имеет никакого права так близко к тебе подходить, ты слышишь??? Женя!!!

Женя вдруг тоже почувствовала, как огромный и тяжелый пузырь обиды и злости подобрался к самому горлу и, сходя с ума от огненной, отчаянной ярости, она стряхнула с себя его руки и, вывернувшись, отошла, всплеснув руками и импульсивно воскликнув:

— Значит, вот как??? Не могу никуда с ним пойти??? Не имеет права прикасаться??? А кто имеет? — она обернулась и посмотрела на Сережу, который хмуро и внимательно слушал, сложив руки на груди. — Ты имеешь??

— Женя... — начал было жестко Сергей, но Женя уже не могла держать себя в руках: обида брызгала из ее сердца фонтаном, она больше не хотела молчать и мириться со всем, что причиняло ей столько ненужной боли, поэтому она прервала его:

— Подожди!!! А на каком основании ты можешь ко мне прикасаться, а другие не могут?? Что у нас вообще за отношения?? — вскинула она руки в стороны, дрожа от обиды и негодования. Сережа напряженно посмотрел в окно, хмурясь все больше, а его глаза отчаянно блеснули, но Женя ничего больше не улавливала. Она просто кричала. — Я ничего не понимаю, Сережа! Кто я тебе? Девушка? Секретарша? Или просто твоя очередная интрижка, которая быстро тебе надоела?? Поэтому ты отталкиваешь меня? Я больше не нужна тебе? Поиграли — и хватит???

Сергей вдруг подлетел к ней, обхватив ее руками за голову и, злясь все больше и больше, жестко и гневно прорычал:

— Ты что такое говоришь, Женя??? У тебя что, крыша поехала??? Какая интрижка, какая игра, черт бы тебя побрал, ты о чем...

— А что тогда??? — снова крикнула она, а по ее щеке скатилась непрошенная слеза. — Почему мы встречаемся только в пределах этого кабинета?? Почему ты не зовешь меня на свидания? Почему не приглашаешь к себе домой?? Почему ты больше не хочешь меня??

— Что ты сказала?? — вытаращил глаза Сергей в насмешливом удивлении и вдруг захохотал. — Жень, ты что, совсем с ума сошла?? Ты вообще, что ли, ничего не понимаешь, глупая?!?

— Не понимаю! — воскликнула она, снова ощутив слезы и глядя в его сияющие негодованием и какой-то странной, затаенной болью глаза, нежно, но в то же время гневно рассматривающие ее лицо, пока его руки ласково поглаживали ее голову по волосам и щекам, забирая себе весь накопленный за последние недели негатив, оставляя ей только бешеное, отчаянное чувство любви к нему: ужасное, трагичное, навязчивое... — Не понимаю. У тебя есть какая-то тайна, да, Сережа? Ты что-то скрываешь. Поэтому мы застряли в мертвой точке?? Скажи мне!! — потребовала с болью Женя, а Сережа вдруг отпустил ее и как-то отчаянно зарычал, опустившись на край дубового рабочего стола и сжимая руки в кулаки, нервно и болезненно покусывая нижнюю губу. Женя выдохнула,

чувствуя, как пульсирует в ней боль, и обреченно обхватила себя руками. — Или ты просто желаешь порвать со мной? Так сделай это, Сереж, зачем мучить меня?

— Порвать с тобой? — тихо и ошеломленно спросил он и снова, яростно и импульсивно, воскликнул:

— Женя, как я могу порвать с тобой, если я, черт бы меня побрал, схожу по тебе с ума?? Ты хочешь сказать, ты не видишь этого?? Не чувствуешь?? — он встал и подошел к ней, отчаянно глядя ей в глаза, а Женя, почувствовав вспыхнувший внутри нее факел надежды, тихо проговорила с дрожью в голосе:

— Тогда объясни мне. Расскажи. Я должна знать, ты не можешь до бесконечности играть с моими чувствами к тебе в пределах этого кабинета!

Сергей выдохнул и хмуро кивнул, стискивая зубы и пристально глядя на Женю, которая вдруг испугалась... Что это за правда? И почему он так не хочет ей говорить?? Он бы сказал, сказал... Если бы был уверен, что Женя... останется с ним? Поймет правильно? Не испугается? Что же это...

— Хорошо. — хмуро и тихо сказал он. — Я расскажу тебе. Сегодня вечером, после работы поедешь со мной. И никаких треклятых Семенов!!! — ревниво и вспльчиво проговорил он, а Женя выдохнула, опустив голову и смахнув слезы со щек, чувствуя, как от болезненного и нервного напряжения подрагивает сердце в ее груди.

Он вдруг наклонился к ней и провел рукой по ее прямым волосам, зарывшись в них и легонько потянув, чтобы Женя посмотрела на него. Она подняла глаза, ощутив жгучий трепет от его прикосновения, и увидела, как он улыбается, оглядывая ее.

— Ты зачем волосы выпрямила? — тихо проговорил он, а Женя, почувствовав теплый дождь внутри себя, легонько пожалала плечами и прошептала:

— Тебе хотела понравиться.

Он внимательно посмотрел в ее глаза, и она вдруг почувствовала, заметила, как он загорелся, как стремительно потемнел его взгляд, как он желанно скользнул по ее губам, замерев на них... Женя вздохнула, почувствовав волнуящий толчок.

— Глупая. — все так же тихо сказал он, нежно проведя рукой по ее щеке, и Женя улыбнулась, утопая в его прикосновении, в его взгляде, в его сильной, обжигающей энергетике, едва дыша, едва понимая, что с ней, не слыша ничего, кроме него, и не видя ничего, кроме его глаз, жадно глядящих на ее губы... — Ты... прекрасна. Ты чертовски хороша... И я не позволю никому никогда к тебе прикасаться, читать тебе дурацкие стишки, звать в какие-то там кафешки и вообще смотреть на тебя, поняла? Убью! Убью любого, размажу, разотру в порошок, уничтожу. — жестко и беспрекословно заявил он без тени шутки, а Женя, умирая от любви, счастливо улыбнулась и вздохнула, чувствуя лишь только всепоглощающее желание стоять вот так рядом с ним, понимая, что она нужна ему, чувствуя его ревность, его желание любить ее, чувствуя его страсть и растворяться в ней, забыв обо всем, даже об этой дурацкой тайне...

Тайна.

Тайна.

Мгновенный испуг вернул ее на землю, и она, легонько и быстро прильнув к нему, нежно и мимолетно поцеловала его, двинувшись в сторону секретарской и бросив через плечо:

— Ты очень страшный, Сережа. Тебя все боятся, и я — в том числе! — игриво проговорила она, вернувшись за стойку и принявшись за работу, а Сергей лишь как-то

отчаянно и обреченно хмурился, глядя ей вслед.

*** «Минус»

Сергей с огромным, щемящим, отвратительным чувством, сжимающим все его внутренности в тяжелый и очень горячий, болезненный комок, ждал вечера, с трудом поддерживая в себе рабочий лад. Он что-то решал, какие-то проблемы, издавал распоряжения, провел полдня на производстве...

Но все его мысли неизменно бумерангом возвращались к Жене.

Как он ей скажет? Как признается в том, что каждый раз, разрываясь от боли и отвращения и видя, как Женя с надеждой смотрит на него, а потом с потухшим, измученным взглядом уходит одна, как он признается ей, что просто не может ее никуда пригласить, не может провести с ней вечер, потому что дома... дома его ждали Ксюша и Настя...

Сергей смотрел на часы и понимал, что когда она узнает, случится что-то непоправимое... Она отвернется от него. Она никогда его не простит, как бы он ни пытался объяснить ей, что этот брак — глупая и расчетливая договоренность, нелепая ошибка, которая связывала его по рукам и ногам, предопределяя за него его судьбу... Он не верил в удачу, случайности и тому подобную дребедень, потому что знал, что все, что происходило и происходит в его жизни — он сделал сам, своими руками.

Брак с Ксюшей, рождение Насти, руководство фирмой, знакомство с Женей, последующие его чувства к ней — все это его выбор, как ни крути, и то, что он не сказал ей раньше, сразу, перед тем, как его сердце стало отказываться биться дальше без надоедливой и наивной рыжей девчонки — это тоже его ошибка, за которую придет и расплата...

Сергей злился, злился, потому что ничего другого не мог, потому что не знал, как ему быть, потому что понимал, что даже когда он разведется с Ксеньей и станет свободным, она не простит его... Умирая от собственной глупости и обреченности, Сережа пытался направить свой пыл в работу, но не мог отвязаться от едкого и настойчивого, как репей на одежде, глубокого страха потерять ее.

Потерять ее, Женю! Когда он только узнал о ее чувствах, когда смог, наконец, держать ее в своих объятиях, слышать ее нежный голос, ощущать ее прикосновения... Сережа готов был разорвать себя на мелкие клочки, лишь бы находиться рядом с ней бесконечное время, вдыхать ее духи, целовать ее кожу, ее губы, получить ее всю себе, в свое распоряжение, бесконечно дарить ей свою любовь и слышать ее чудесные вздохи... Он бы все отдал за любое свидание с ней, хоть на лютом морозе около грязной помойки с бомжами, гремящими бутылками и пустыми консервными банками, за то, чтобы проводить с ней каждый вечер своей жизни и слышать ее красивый смех, ее милые шутки, видеть ее волшебную улыбку...

Да он совсем свихнулся, как дурак! Зависимый, бесхарактерный, слабавольный, влюбленный...

Сережа проклинал себя, не понимая, как можно было так влюбиться, а теперь он сходил с ума от ужаса, не представляя, как будет жить без нее дальше, как будет жить, зная, что причинил ей самую настоящую боль...

А время шло, часики неумолимо тикали, и вот, как говорится, отзвенел звонок, и по коридору мимо секретарской зашагали бодрые и счастливые работники, радуясь первой оттепели и свободе от трудов праведных, предвкушая прогулку на свежем воздухе или ужин в кругу семьи...

Женя тоже засобиралась. В смертельной нерешительности, злобной панике и бешеной

ненависти к себе и ко всему на свете, кроме нее, Сережа следил за тем, как она весело машет коллегам на прощание, как надевает свою короткую курточку светло-оранжевого оттенка, тут же отенившую ее волосы и ярко-красные губы, как собирает что-то в сумку и выжидающе, удивительными фиалковыми глазами смотрит на него.

— Ну? Идем? — вздохнула она, и Сергей уловил нежный румянец волнения на ее щеках, ощущая, что нервное напряжение превращает его в железного истукана, пытающегося оторваться от гигантского магнита.

— Идем. — хмуро и решительно сказал он, хотя внутри не мог собрать в кулак свое мужество, мечтая просто плюнуть на все и, купив билет на двоих в какую-нибудь чертову тундру, уехать навсегда...

Но...

Он взял куртку и, закрыв кабинет, дождался Женю, убирающую со стола какие-то документы. Мир проплывал мимо, пока они шли к лифту. Звуки сделались едва слышными, позволив отчаянию захватить его в свой плен, пока они ехали в душной, битком забитой коллегам и работниками с других этажей кабине, а существовала только Женя, стоящая рядом с ним, взволнованно и задумчиво глядящая через плечо какого-то парнишки перед ней, только она, ее дыхание, тонкий аромат сирени...

Сережа не удержался и, пока никто не видит, прижатый со всех сторон усталыми и о чем-то галдящими мужчинами и женщинами, протянул к ней руку и нежно, но так желанно дотронулся до ее пальцев, проведя по ним рукой и лаская в отчаянном исступлении, боясь, что это последнее его прикосновение к ней, последний раз, когда она, вот так, как сейчас, слегка вздрогнет от неожиданности и посмотрит на него нежными, невероятно игривыми, невероятно влюбленными глазами...

Да, он дурак, идиот, вспыльчивый, грубый, жестокий, но сейчас эти пальцы, ответившие на его прикосновение легким, заботливым сжатием, эти пальцы, горячо и ласково проскользившие по его руке, были для него последней соломинкой, брошенной утопающему, последним волшебным мигмом, отрывающим от реальности...

Женя улыбнулась ему, а он едва сумел вздохнуть, хмурясь, злясь, умирая и чувствуя, как его сердце бьется все быстрее и быстрее... Чувствуя, как он безумно любит ее.

Все вокруг блестело, гудело и радовалось, проплывая мимо них во времени и пространстве... А вот и проходная, его рука даже пропуск приложить сумела... Женя идет рядом, смотрит на него периодически, стучит себе каблучками сапожек, волосы свои нежные откидывает за плечо...

Дверь открылась, и свежий, весенний, хоть и редкий для конца февраля, прогретый до плюс одного градуса воздух ударил его по лицу, слегка отрезвляя...

Но окончательно отрезвил его самый неожиданный и самый неприятный сюрприз, который только мог здесь его поджидать: на парковке, около его автомобиля с усталым, скучающим видом стояла Ксюша, а рядом с ней, кружась и улыбаясь солнышку, что-то весело щебетала Настя.

*** «Плюс»

Женя ужасно волновалась, стараясь, однако, скрыть свое ощущение за маской легкости и обыденности, а сама же при этом перепробовала в голове все варианты его возможного «страшного секрета»: от непредумышленного убийства человека до отсидки реального срока в тюрьме, — но даже ее рыжая, богатая на фантазийные образы головушка и представить

себе не могла, что она увидит и услышит...

— Папа, папа, папочка!!! — радостно завизжала какая-то милая девчушка в розовой шапочке и бежевом пуховике в цветочек, подбегая к...

К Сергею. К ее Сереже... А он наклоняется и, натянув улыбку, целует ее...

Удар. Женю будто хватил мощнейший разряд молнии в один и двадцать одну сотую гигавайт, как говорилось в одном популярном и очень любимом ею фильме о путешествиях во времени...

Она замерла на месте, не в силах оторвать глаз от этой девочки и понимая, понимая, медленно, плавно, тяжело...

Перехватило дыхание... Солнце? Воздух? Тепло? Все пропало, провалилось в глухую пропасть, разбиваясь о камни... Сердце тяжело стучало, медленно, медленно... Сознание слегка помутилось, в ушах загудело... Женя резко дернулась и закашлялась, ощутив тревожный взгляд Сережи на себе, но не желая даже смотреть на него, не желая стоять рядом с ним после того, как она узнала, увидела...

Боль, боль толчками гоняла ее кровь, боль пульсировала в голове, прыгая на мягкой, пустой вате, образовавшейся на месте головного мозга благодаря невероятному стрессу... Как же так... Как же так...

— Сережа! — вдруг услышала она властный и недовольный женский голос и вздрогнула от нового взрыва боли, засасывающего ее в новую сверхмассивную черную дыру, заставляя с огромным, невероятным ужасом повернуть голову и посмотреть на красивую, эффектную брюнетку в черной кожаной куртке с лисьим мехом, ярко-синей короткой юбке и модных, облегающих сапожках, с абсолютно насмешливым, хозяйским видом глядящую на Сергея. — А я как раз собиралась тебе звонить! Хорошо хоть сам догадался вовремя с работы уйти! Сейчас отвезешь меня в «Нойзи хаус», я там кое-какие дела не дорешала, а сам посидишь с Настей, у няни сегодня выходной. Ну? Чего ты стоишь, как баран? А это кто? — вдруг грубо и брезгливо проговорила она, вперившись презрительным взглядом в Женю и оглядывая с ног до головы ее вовсе даже не дорогой и не шикарный прикид.

А Женя едва дышала, силясь шевелиться, силясь выглядеть, как обычно, находясь на грани бешеных слез, находясь на грани безумного горя, отчаяния, душевной гибели...

Внутри нее расцветала черная паутина, она была парализована... Тело — не ее тело, голос — не ее голос, все это словно страшный, страшный сон... Женя не могла осознать это мозгом и сердцем, не могла пережить эту информацию, что у него, у ее Сережи, у ее любимого... уже есть семья.

Жена. Дочь.

А значит...

Она — лишь временное увлечение. Но даже если и нет... Даже если он... любит ее, то... Женя не могла себе даже представить, что она заберет у этой маленькой, крутящейся от радости вокруг Сергея девчушки папу, разрушит ее хрупкое и тонкое детское счастье...

И это конец. Конец всему.

Женя вдруг вдохнула воздух, тяжелой, дрожащей рукой нашарив в кармане ключи от машины и, пикнув, увидела, как приветственно мигнула ей ее желтая «пташечка», стоящая через машину от «Экстрейла» Сережи.

— Не груби ей, Ксюша. Разговаривай нормально! — гневно приказал ей Сережа, но Женя почти не слышала ничего, медленно шагая к своему автомобилю, переставляя неподъемные, неуклюжие ноги и ощущая, как ее желудок болезненно сворачивается и

стонет, заставляя пульсировать все ее тело...

— Не грубить?!? — насмешливый голос Ксюши, жены, его жены, мамы его ребенка... — Это ТЫ меня просишь? Ты чего, Сереженька, на солнышке перегрелся? Что так смотришь?.. — пауза, затем:

— Подожди-ка... А может, это... может, это она? Та прошмандовка, к которой ты ночью тогда таскался? Это она, да? Эй, шалава! — вдруг услышала себе в спину Женя и ощутила такой безрассудный, такой безграничный и зверский гнев, что резко развернулась к ней с гулко бухающим сердцем, как раз в тот момент, когда Сергей подлетел к Ксюше и, гневно схватив ее за локоть, бешено потрянул, прошипев:

— Не смей с ней так разговаривать, дрянь! Еще раз услышу, я...

Но Женя и сама могла за себя постоять, едва дыша от полыхающего в ней яростного костра и зверски злясь на грубую, тупую Ксюшу и на чертового обманщика Сергея, раздробившего ее сердце на острые и мелкие осколки, а поэтому спокойно ухмыльнулась и мстительно проговорила:

— Ты бы при ребенке постеснялась так выражаться, а лучше с мылом бы свой рот прополоскала и мозги себе очередной пластической операцией вставила бы, вместо того, чтобы обвинять всех подряд в том, что твой муж от тебя гуляет налево и направо. Знаешь, а ведь это даже и не удивительно. — закончила свою гневную тираду Женя и, резко развернувшись под ошарашенный и гневный взгляд Ксюши и чуть насмешливый, но хмурый и болезненный взгляд Сергея, открыла водительскую дверь, чувствуя, что от боли не сможет больше и звука вымолвить и что сейчас ей остро необходимо побыть одной или умереть, что вряд ли случится.

Дрожа, она села в машину и, не закрывая двери, завела мотор, молясь, чтобы ее «Опелек» сегодня очень быстро прогрелся под шумок теплой погоды и отчаянной мольбы ее души, бьющейся в груди, словно в клетке...

— Ах ты, шлю... — начала там что-то кричать Ксюша, но жесткий голос Сергея и, возможно, какие-то действия, Женя не знала, чувствуя отторжение и боль всем сердцем, не желая смотреть на него, резко ее прервали:

— Садись в машину, Ксюша!!! Немедленно!!!

И воцарилась тишина... Стук, провал. Стук, провал... Тяжело хромало ее сердце, слезы так и норовили хлынуть из глаз, Женя смотрела куда-то вперед, а видела лишь страшную и темную расщелину прямо перед собой... Маленький шаг — падение и смерть...

Тихие шажки, потом милое восклицание:

— Ух ты! Какая красивая машинка! Желтенькая! Пап, смотри!

Женя вздрогнула и тяжело вышла из машины, увидев Настю, расширенными серыми глазами глядящую на ее автомобиль и медленно, но восторженно вышагивающую вдоль него.

— Женя. — тихий голос Сергея сзади, и вот он, этот шаг... Она полетела, полетела, падала, падала...

С трудом сглотнув, Женя обернулась, с болью посмотрев в его глаза... Он чертовски злился, чертовски страдал, чертовски боялся... Все это она замечала, потому что чувствовала то же самое: сокрушительную злость на него, на его обман, его существование, на то, что он не остановился тогда, еще до Нового года, не прекратил все то, что росло в ней снежным комом, не остановился, зная, что не сможет быть с ней... А теперь уничтожил ее, раздавил, сломал, разбил, как ставшую ненужной вазу, растоптал ее чувства, надежды, мечты...

Он пристально смотрел на нее, не решаясь что-либо говорить, но отчаянно желая все

изменить...

Женя тоже этого хотела, но время вспять не повернуть...

— Женя... — севшим голосом проговорил он, заглядывая в ее потерянные фиалковые глаза, а Женя дрожала, понимая, что не может, не может сейчас ничего слышать, не хочет ничего знать, а желает лишь уехать как можно дальше и поплакать, наконец, как нормальная девушка.

— Не надо. — еле слышно выдавила она дрожащим голосом. — И так все понятно.

— Папочка, я когда вырасту, тоже куплю себе такую машинку, ладно? — раздался снизу восторженный щебет, и Женя, повинувшись какому-то сложному, непонятному инстинкту, едва вдыхая прохладный февральский воздух, вдруг присела около Насти на корточки и улыбнулась, глядя на ее нежное, детское личико, пушистые ресницы, серые глаза... как у Сережи... и губы... как у него... Все внутри нее задрожало, все зашипало и закружилось в панической бешеной атаке, а сердце живо отозвалось на улыбку этой малышки, которая не виновата ни в чем, которая должна иметь нормальную, полноценную семью, должна быть счастлива... И с этим счастьем, с этой улыбкой ребенка рядом не могло находиться ничто на этой земле...

— Нравится машина? — с улыбкой спросила Женя, впиваясь взглядом в ее глаза, напоминающие его глаза... В ее красивое, округлое личико... Настя уверенно кивнула.

— Да! Она желтая, как солнышко!

Женя рассмеялась, чувствуя слезы, чувствуя, как лопаются сердце внутри нее и, аккуратно взяв ее за плечо, сказала:

— Ты сама — как солнышко! А хочешь конфетку? — оживленно спросила Женя, а Настя на мгновение просияла, а потом вдруг нахмурилась:

— Мне нельзя. Мама говорит, от них зубы портятся.

Женя вскинула брови, снова весело засмеявшись и упиваясь своей болью.

— Сколько тебе лет?

— Шесть! — гордо ответила девочка, покосившись на Сергея и, видимо, ожидая, что он будет гордиться ею за правильные ответы.

— Так через год они у тебя все равно выпадывать начнут, милая, поверь мне! — задорно проговорила Женя, а Настя в надежде снова посмотрела на Сережу, который уставшим голосом тяжело проговорил:

— Можно, Настя, я разрешаю.

— Ура!!! — захихикала девчушка, захлопав в ладоши и запрыгав на месте, а Женя залезла в бардачок и, вытащив оттуда целую горсть желтых, таких же, как ее «ласточка», конфет, снова присела около Насти и, бережно взяв ее ладонь, вложила ей конфеты, тихо проговорив дрожащим от слез голосом:

— Держи, Настенька, но все сразу не ешь, потому что это не простые конфетки, а особенные.

— Особенности?!? — вытаращила на нее счастливые глазки Настя, а Женя кивнула, улыбаясь:

— Особенности. Видишь, какие они желтые? В них живет солнышко, также, как и в этой машине. Одну конфетку съешь сейчас, а остальные спрячь под подушку, и когда тебе вдруг будет очень грустно или больно, ты скушай эту конфетку — и солнышко согреет тебя изнутри и излечит от любой печали. Договорились?

Настя счастливым, шокированным взглядом тарасилась на конфеты, а потом вдруг

засмеялась, облив сладким сиропом израненное Женино сердце, и закричала:

— Ничего себе! Правда?? И... и это мне??

— Тебе. — кивнула Женя, выпрямившись, а Настя радостно прокричала:

— Спасибо, тетя Женя, я побегу, маме покажу! Волшебные конфетки со вкусом солнышка!!!

И она убежала в «Экстрейл», живо запрыгнув на заднее сиденье и устраиваясь в детском кресле.

Женя вздохнула и, не глядя на Сережу, села в свою машину, ощутив первые слезы на своих щеках, попытавшись отгородиться от него дверью «Опеля», но он перехватил ее, наклонившись к ней и заставляя ее болеть еще сильнее.

— Женя! Ты многого не знаешь, давай я вечером приеду, и...

— Нет! Нет. Все. Оставь меня в покое! — бешено процедила Женя, на одно мгновение встретившись с ним взглядом и заметив его отчаяние и боль, но... Ее рана была сильнее. Она пока еще не могла пережить свою реакцию, пережить эмоции, поэтому рванула со всей силы на себя несчастную дверь и, больше не сдерживая слез, резко нажала на газ, поскорее уехав с этой парковки в собственное мучительное плавание по океану боли.

Глава 16. «Минус»

Да, вот ты и получил за все, Сережа... За пренебрежение к людям, за беспечное и наплевательское отношение к женщинам, за желание командовать всеми и вся и добиваться своих целей, не гнушаясь никакими способами...

Теперь ты потерял то, что стало тебе невероятно дорого, теперь ты узнал на себе, каково это — когда тебя так жестоко и больно бросают, и...

Ты растерян, разозлен, растворяешься во времени...

Ее образ не уходит из твоей головы, выжигая в твоём сердце ужасно болезненное лазерное клеймо, заставляя винить лишь себя во всем, что произошло...

И да, так получилось, что в один волшебный момент ты вдруг понял, что не можешь жить без нее, что желаешь лишь одного-единственного в своей жизни — быть рядом с ней, любить ее, делать ее счастливой. Ты стал зависим от нее, от ее состояния, настроения, от ее чувств по отношению к тебе... Ты заиклен на ней, ты привязан к ней, как чертов бездомный пес, ты и представить себе не можешь ни одного дня, в котором ее не будет...

Ты упивался ею, ее любовью, ты сдыхал от счастья каждый раз, когда она смотрела на тебя, ты готов был на все, ради лишь одного ее прикосновения, ради ее чувственного шепота, ради того... Чтобы она просто была твоей. Была рядом.

А теперь ты сделал ей чертовски больно... Ты — эгоистичный мерзавец, который не смог пойти против собственного «мне надо», против себя, и подарил ей надежду, закрепил ее чувства, дал ей то, о чем она мечтала — крупинку женского счастья... И она, черт тебя подери с твоими заморочками, заслуживала того, чтобы быть счастливой! Нежная, женственная, чувственная и невероятно обжигающая, как огонь, такая смелая и сильная, наивная, но впечатлительная, готовая до конца бороться за правду и даже встать на сторону врага, если это необходимо... Она доказала тебе, что женщины достойны того, чтобы их уважать, чтобы с ними считаться, чтобы ухаживать за ними и любить их...

А ты обидел ее... Жестоко, глубоко, сильно... Она не простит тебя никогда. Ты всю жизнь будешь жить с этим, идиот... Ну и что ты собираешься делать теперь?

Так шипел ядовитой гадюкой его внутренний голос, пока Сергей остервенело вел машину, стискивая зубы от черной, отвратительной и чертовски болезненной пустоты, разверзшейся внутри него...

Какой-то фон... Настя что-то мило говорила сзади, а справа, с самым рассерженным, как пчела на медвежью лапу, влезшую в ее улей с медом, лицом сидела Ксюша, тоже что-то тихо и злобно бурча, а перед его глазами, помимо дороги, стояло лишь Женино лицо, лишь ее блестящие слезы, бегущие по щекам, лишь ее убитые горем, потерянные и отчаянные глаза...

Что он собирается делать???

Сережа крутанул руль, бешено скрипя зубами от злости и решительности, сжимая рулевое колесо до боли в руках и прекрасно понимая, что.

Он все исправит. Он добьется ее прощения. Он развяжется с Ксюшей раз и навсегда и будет с Женей, не важно, сколько времени ей потребуется. Он будет ждать ее и добиваться ее прощения. Или не будет ни с кем. Никогда.

Сереза больше не мог даже представить себе, как он смотрит на какую-то другую женщину или прикасается к ней. Это вызывало в нем жгучее отвращение к себе и новую боль, мысли о ней...

А значит, он все сделает, чтобы Женя снова улыбалась. Чтобы она была счастлива и... может быть, позволила ему любить себя.

— ...Сереза, ты меня вообще слышишь? — вклинился гневный голос в его внутренний диалог, и Сергей хмуро очнулся, быстро взглянув на свою жену, которая сейчас вызывала в нем самое сильное отторжение и неприязнь за все совместно прожитые годы.

— Что тебе нужно, Ксения? — жестко и холодно спросил он, а Ксюша ядовито ухмыльнулась:

— Ты поворот проехал. «Нойзи хаус», не забыл? Ну, я тебе удивляюсь, Сергей. — ухмыльнулась она, однако же как-то боязливо и жадно посмотрев на него. — Неужто ты об этой рыжей девчонке задумался? Ты же рыжих на дух не переносишь, вот так дела! — она язвительно захохотала, растянув накачанные губы и глядя на него из-под пушистых ресниц. — Она еще и молоденькая, к тому же... Лет этак двадцать пять на вид... Совсем ты хватку теряешь, Сереза. Раньше у тебя такие статусные любовницы были! А сейчас что? Стареешь?

Она смеялась, а Сергей молчал, гневно глядя на летящие мимо со скоростью движения его автомобиля улицы, злясь на себя, на эту ситуацию, на всю свою чертову неправильную, бессмысленную жизнь... А Ксюша ревниво смотрела на него, говоря все больше о Жене, все обиднее ее слова... Значит, почувствовала...

И словно в подтверждение его мыслей, Ксюша вдруг насмешливо выдала:

— Постой-ка... А ты случайно не... не влюбился, Минаев? А?.. — пауза... злобный смех, истерика, паника... Ксюша судорожно стискивала свою сумочку, отчаянно и гневно продолжив:

— Вот так-так, ничего себе!! Как же это тебя угораздило? И что ты в ней нашел?? Она даже не красотка... Ни лица приличного, ни груди, да ничего вообще! Таращится, как дура... Чем она лучше меня, а, Серез?

— Отвяжись, Ксюша. Не лезь в мои дела. — жестко отрезал Сереза, а Ксения вдруг вцепилась в его руку своими аккуратными ноготками и зашипела, вне себя от страха и бешенства:

— Ну уж нет, Сереза, это и мои дела! Я твоя жена! И ты — мой, понимаешь? Мой!! Я никому тебя не отдам, я эту рыжую размажу на бутерброд и съем, если придется, слышишь??

Сергей ухмыльнулся, скинув ее руку и насмешливо проговорив:

— Очень страшно. Особенно та часть, где ты угрожаешь держать меня при себе всю жизнь. — он вдруг гневно наклонился к ней и прошептал так, чтобы не слышала Настя:

— Запомни, Ксения, если я захочу от тебя уйти, то ни ты, ни твой брачный контракт, ни твой или мой папаша не смогут меня удержать, так что радуйся, что ты еще сидишь в этой машине!!!

Ксюша расширила глаза и на ее лице мелькнул дикий, бесконтрольный страх, а сзади вдруг послышался голос Насти:

— Папочка, а тетя Женя с тобой работает, да? Она такая хорошая! Может, позовем ее к нам в гости??

Сергей вздрогнул и отодвинулся в свое кресло, снова ощутив сильный болевой шок, даже не видя, где он паркуется, и снова думая лишь о ней, о Жене...

— Нет, Настена, она стеснительная, в гости не пойдет. — тихо ответил он, а Ксюша вдруг триумфально улыбнулась и шепнула:

— Может, от меня ты и сможешь уйти, а вот от Насти — вряд ли... Разведешься со мной — и больше никогда дочь не увидишь, понял??

Она кровожадно улыбнулась, врезав Сереже по больному месту своими словами и отправив в глубокий нокаут, и довольная вышла из машины, оставив его лишь безнадежно и пусто гореть в собственном мучительном аду.

*** «Плюс»

Женя ехала домой, рыдая в голос и радуясь, что ее никто не слышит, а водители из соседних машин обычно избегают заглядывать к соседям по пробке в кабины... И это давало ей возможность рулить, почти не разбирая дороги от слез.

— «Место мое здесь.

Пусто и холодно мне

От тоски и молчания. Рвется надежды нить.

Место твое здесь.

Руки мои берешь и греешь,

Нежным дыханием, вновь заставляя жить.

Сердце мое здесь.

Где подо льдом сокрыты все мечты и желания,

Брошенные на дно.

Сердце твое здесь.

Бьется так часто всем назло твоим обещаниям

Все повторить за мной...»

Голос эхом отражался от болезненных глубин Жениного сердца, задевая самые тонкие струны ее души, заполняя каждую клеточку, обреченную на вечное одиночество и ту самую пустоту и холод, о котором пело радио в машине... Она не верила во все это, она не понимала, что же ей теперь делать? Как жить дальше?

Как будто на широкую и далекую дорогу вдруг опустился густой туман, закрыв от нее будущее, спрятав от нее понимание ее смысла жизни... Наверное, ей суждено быть одной. Не зная любви, счастья быть нужной кому-то... И не важно, любит ее Сергей или нет. Важно лишь то, что Женя никогда не сломает счастье никому, тем более — ребенку, чтобы построить на нем свое счастье. Она всю жизнь презирала и укоряла тех, кто уводит мужчин из их семей, не понимая, как можно ломать и рушить чью-то жизнь?.. А теперь ей открылось и это. Но она не сможет, не сможет... Уж лучше умереть!

— «Дыши как можно дольше,

Не сдавайся.

Иди за мной по краю,

Не пугайся.

И рук замерзших бережным дыханием

Согрей и стань моим очарованием...»

Женя выдохнула, заплакав еще сильнее от огромной черной ямы, развернувшейся внутри нее, сжигающей ее внутренности болезненным червем, сжигающей до пепелища все ее мечты...

А вот и дом, милый дом. Женька забежала в свою квартиру, исчезнув, испарившись в своей комнате и, переодевшись в ночную рубашку, она залезла под одеяло, желая пережить это, пережить эту ночь, завтрашний день и все последующие дни, не несущие ей ничего хорошего...

Тело дрожало, дрожал телефон рядом на тумбочке, оповещая о десятках входящих звонков, но Женя не могла слышать его голос, разрывающий ее на части...

Минута еле-еле перетекала в следующую, день все никак не кончался, став черной-пречерной, болезненно плакающей линией в ее замерзшем, резко потухшем теле, когда же наступит тишина?..

Слезы льются, сзади мама и отец, и даже Поля, все хором что-то говорят ей, но она не понимала ни слова, чувствуя лишь собственную боль от разрыва, от резкого и неожиданного конца...

А всего несколько часов назад она считала, что у нее все будет хорошо с Сергеем! Всего несколько часов назад он гладил ее руку, и она вспыхивала огоньком надежды, веря, что ситуация разрешится в их пользу... Как?.. Почему?.. Зачем он играл с ней столько времени, если... Боже, Боже, Женя даже в голове не могла произнести эту фразу... если он был ЖЕНАТ??? Как он мог так с ней поступить??? Она же, как дурочка, влюбилась в него, умирала, горела, готова была на все ради него! А он... сделал ее своей игрушкой?? Развлечением на время? И после поцелуев с ней он шел к себе домой и ночевал со своей женой?

Женя закричала от новой боли, от злости на него, от невероятной, всепоглощающей обиды, а холод в ее теле, долбящий каждую мышцу нервной дрожью, вдруг сменился жаром... Голова плыла в тумане, слезы смочили всю подушку, жарко, жарко и ярость! «Ненавижу, ненавижу, ненавижу! За что он так со мной?.. Знал ведь, что не будет между ними, в итоге, ничего, кроме интрижки! Так зачем?.. Издевался?»

Новая вибрация мобильного, и Женя вздрогнула, отчаянно вспыхнув с новой силой, вдруг вспомнив его слова в кабинете сегодня... О том, что он сходит по ней с ума... Что она прекрасна... Что он не позволит никому и близко к ней подходить...

Разбитая любовь вновь захватила ее горячей волной боли, Женя заметалась по подушке, с трудом открыв горящие глаза и отчаянно всхлипывая, умирая, умирая... А в комнате было темно, а в комнате уже царилась ночь, но Поли не было... Почему Полины нет?.. Женя не могла ничего понять, мобильник жужжит... Боль во всем теле, сердце долбит в уши страшным исходом, страшной мыслью о самой главной потере в ее жизни, и ужас, ужас... Женя не слышала, она кричала...

Яркий свет пробился сквозь мрак из коридора... В комнату забежала мама... Женя потянулась к ней, как к якорю спасения, чтобы она вытащила ее из пропасти, помогла ей, сказала, что делать, как пережить то, что произошло... Жар, в комнате будто костер разожгли... Сквозь пляшущее перед глазами пламя, Женя с трудом оторвала голову от подушки и пересохшими губами прошептала:

— Мама...

Дарья Федоровна поспешно опустилась около Жени на кровать и крепко-крепко обхватила дочь, прижав к себе, а ее губы осторожно коснулись ее лба, и она вдруг воскликнула:

— Боже мой, дочка! Да у тебя жар! Эдик! — крикнула она в дверь. — Женя заболела! Неси жаропонижающие! — она снова заботливо и очень встревоженно посмотрела на

дрожащую Женьку и ласково погладила ее по голове, успокаивая:

— Тихо, тихо, дочка, не плачь! Все разрешится, вот увидишь! А сейчас нам с тобой полечиться надо, ладно, Жень? Тихо, тихо... Не надо, Женечка... Милая, ты же знаешь, ты не одна, у тебя есть я и папа, и Полина... Мы все вместе поможем тебе, все будет хорошо, Женя, все будет хорошо!

Женя хотела сказать что-то, но не могла, уплывая на огненной лаве куда-то в черную темноту и лишь видя перед собой его лицо, лицо Сережи, с улыбкой нежно глядящее на нее, и прикосновение его руки к своей щеке... Волшебство, которого никогда больше не будет. Магия чувств, когда находишься рядом с тем, кого любишь... Всему пришел беспощадный и безоговорочный конец.

*** «Плюс»

И целая неделя прошла в борьбе с невесть откуда взявшимся ОРЗ, сжимающим Женю в свои болезненные тиски и испытывая на прочность высокой температурой, кашлем и ужасно большим горлом, добывая ослабевшую девушку назойливым насморком и как бы мечтая или надеясь, что она, все-таки, не выживет...

Но ни высокая температура, ни слабость, ни боль физическая не могли высушить ее слезы, не могли успокоить бешеное сердце, превращающееся почти каждую секунду в огромный, тугой ком, мешающий дышать, сводящий с ума одной лишь мыслью о том, что произошло... Катастрофа... Обман... Зачем, зачем, зачем он так с ней поступил? Почему не остановился, когда понял, что она влюблена в него? Зачем продолжал игру, зная, что она закончится для Жени лишь страданиями? Как же можно так...

На второй день, когда температура на время спала, и Женя смогла немного продохнуть, не чувствуя кипящей лавы в безумной голове, мозги в которой словно кто-то дубинкой лупасил, в комнату вошла мама и, осторожно сев на край кровати, ужасно обеспокоенно взглянула на дочку, глядящую пустым, невидящим взглядом в потолок:

— Женя. Это из-за него, да? Из-за Сергея? — тихо спросила она, а Женька вздрогнула, услышав его имя и почувствовав новый поток слез, подошедших к ее горлу болезненным комком.

Она медленно посмотрела на маму, не зная, как ей сказать, боясь даже произнести вслух свою мысль, которая парализовывала ее не хуже энцефалитного клеща, но мама должна была знать, она ужасно волновалась, Женя видела это по ее глазам, под которыми залегли темные тени, и, вздохнув, ощущая слезы в горле, шепнула:

— Да, мам. Он... он... он женат. И у него есть ребенок.

Все, слезы выстрелили, как из водного пистолета, Женя прижала бледные, холодные руки к пылающему лицу и зарыдала, не в силах остановить страдание, а мама сокрушенно покачала головой:

— Женя, Женя, Женечка, не плачь, дочка, подожди... Он не говорил тебе? Ты не знала?

Женя закивала, продолжая рыдать, а мама отняла ее руки от лица и, вздохнув, проговорила:

— Знаешь, Женя... Иногда, мне кажется, бывают такие ситуации, что лучше поступиться некоторыми принципами, иначе не будет счастья ни тебе, ни тому, кто от тебя зависит... Сергей совершил ошибку... Но единственное, что сейчас действительно важно, так это то, любит он тебя или нет.

Женя расширенными глазами посмотрела на маму, от изумления даже перестав

плакать.

— Мама! — прохрипела она больным голосом. — Ты... ты что такое говоришь?? Поступиться принципами??? То есть... то есть увести его из семьи ради собственного счастья?? А как же его дочка? Она же такая маленькая!! Она что, обречена быть несчастной?? Только потому, что какая-то рыжая дура влюбилась в ее отца??? Мам, это что за ужасы жизни вообще?!? Ты сама! Ты меня учила по-другому!!!

Мама вдруг улыбнулась и тихо проговорила:

— Я думаю, ты преувеличиваешь насчет несчастья ребенка... Многие семьи растут без отцов, и это плохо, да... Это несет в себе определенные последствия... Но не всегда оборачиваются несчастливим детством. Другое дело — если он любит свою жену, а с тобой... с тобой просто поступил подло... Но знаешь, — вдруг пожала она плечами, — когда он приходил к нам домой, мне показалось... Мне показалось, что он очень сильно влюблен в тебя. Ну а твое поведение и волнение выдавало тебя с головой. — она наклонилась и поцеловала ошеломленную ее словами Женю. — Подумай об этом, дочка, и не руби с плеча. Мы все ошибаемся в жизни! Мы легко ставим крест на тех, кто сошел с правильного пути, но каждый, даже самый глубоко запутавшийся человек заслуживает второго шанса... Поверь мне.

И мама вышла, а Женька, приняв очередную дозу таблеток, влив в себя малиновый чай и отвратительное молоко с медом, вдруг впервые заснула крепко и без сновидений.

Но даже последующие несколько дней, по крупицам возвращающие ей здоровье, не могли дать ей трезво обдумать мамины слова, потому что гнев, злость сокрушительной, отчаянной волной душили Женьку, которая как-то не особо сопротивлялась этим чувствам, и ужасно, ужасно бесилась, ненавидела Сережу за свою боль, за обман, за несчастье, за испорченное будущее, что в результате вылилось в категорическое игнорирование его звонков, разрывающих ее телефон по сто раз на дню.

— Наверное, я уволюсь. — грустно сипела Женька в пятницу вечером, сидя в своей кровати и безэмоционально жуя картофель фри, любезно возникший перед ней, как и несколько видов бургеров, исчезнувших в ее желудке пятнадцатью минутами ранее по мановению волшебной руки Игорька Сторожева, сидящего напротив нее на стуле и с самым своим любимым лицом таратившегося на маленький экранчик на своих очках, размахивая перед носом пальцами и что-то там интенсивно листая. — Как я смогу каждый день ходить туда и работать с ним? Это выше моих сил, Сторожев... Найду что-нибудь получше...

— Получше?!? — насмешливо воскликнул Игорь, на секунду перефокусировав зрачки на подругу. — Получше той цифры, что ты мне называла, в рублевом эквиваленте, у нас получают, наверное, только начальники отделов какие-нибудь! Не дури, Женька, ты обещала накопить Поле на путевку, забыла, что ли, совсем со своими шурами-мурами??? Да еще помирись вы сто раз, не волнуйся. Ты же любишь его, вроде, у тебя вон, все лицо от любви мокрое.

Женя сердито бросила в него картофелем и возмущенно прохрипела:

— Вот же идиотина ты, Игорь! Я же тебе сто раз говорила — это не имеет больше значения! Он обманывал меня, играл со мной, как с Барби-дурой, у него семья! Конец истории... А любовь... — Женя тяжело вздохнула, откинувшись на подушку. — А любовь пройдет, наверное... Если сделать так, чтобы мы друг другу на глаза не попадались.

Игорь с насмешкой посмотрел на Женю и покачал головой:

— Дура ты, Женька, гамбургеров, что ли, переела?? Любовь пройдет! Любовь не проходит, балда, только если это лишь увлечение и больше ничего. Книг ты о любви совсем не читала, видимо??

На тумбочке снова зажужжал мобильный, и Женька дернулась, ощутив, как тугой, болезненный узел подскочил прямо к ее больному горлу, а в голове мелькнула одна сумасшедшая мысль с яростной надеждой: может, это он?..

Да, да, это его номер, его номер, облегчение, сердце трепещет — он все еще хочет поговорить с ней!!! Женька даже заулыбалась, проклиная свою глупую привязанность к нему несмотря ни на что, ощущая, как неистово сжимается ее сердце, но тут же вспомнила о его обмане, и ярость, бешеная, горячая, кипящая и ужасно болезненная ударила ей по вискам, она покраснела и, едва дыша, отвернулась, чувствуя обжигающую пульсацию во всем теле.

— Опять звонит. — спокойно констатировал факт Игорь, вытянув шею и посмотрев на экран мобильного. — Поговори...

— Нет, нет, не хочу, не хочу, не хочу слышать!!! Знать не желаю!!! Пусть катится ко всем чертям!!! Ни за что!!! — заверещала в бешенстве Женька и закашлялась, сорвав больное горло, а Игорь с укором посмотрел на нее:

— Ты как маленькая, Женька, ей Богу! Хоть он мне и не нравится, но так тоже нельзя. Ты хотя бы его выслушай, а потом уж посылай, тем более, судя по количеству звонков, он так просто не отвяжется.

Женька гневно посмотрела на Игоря и дрожащей рукой взяла мобильник, чувствуя жжение на лице и даже в коже рук, едва дыша от охватившего ее волнения, смешанного с глубокой, яростной обидой.

— Ладно. — тихо и угрюмо сказала она и нажала на кнопку приема вызова. — Ты что, Сережа, сам не можешь догадаться со сто пятидесятого раза, что я не хочу с тобой разговаривать? — гневно прошипела она в трубку хриплым, больным голосом, а в ответ услышала вполне ожидаемое:

— Мать твою, Женька!!! Наконец-то!!! Что с тобой?!? Как ты себя чувствуешь??? Женька, а ты сама-то, со сто пятидесятого раза не могла догадаться, что я хочу поговорить с тобой??? — требовательно и гневно проорал в своем стиле Сергей, и Женька тоже вспыхнула новым приступом ярости.

— Да плевать мне, чего ты хочешь, Сережа!!! И не ори на меня! — она закашлялась и хрипло продолжила, чувствуя, как все внутри нее дрожит от неопишуемого гнева:

— Мое здоровье тебя не касается, и разговаривать с тобой я не буду, не буду, не хочу, не хочу тебя видеть, не хочу тебя слышать!!! Оставь меня в покое, слышишь? Отстань!!!

— Женька! Прекрати! Успокойся! — скомандовал Сергей и тут же добавил в жестком, беспрекословном тоне:

— Нам нужно поговорить, ты многого не знаешь. Выходи. Я жду за дверью.

Женька вытаращила глаза, чуть не подавившись картошкой, которую только что взяла в рот, и возмущенно воззрилась на Игоря, глядевшего на него недовольно и укоряюще.

— Нет, ты посмотри, он за дверью ждет! — сообщила другу новость Женька, и Игорь, удивленно подняв брови, кивнул на выход:

— Так иди! Чего расселась, Зябликова!

— Еще чего! — гневно отрезала Женька, а Сергей тут же ревниво и недовольно спросил:

— Ты с кем там разговариваешь?? Со слизнем этим, что ли?.. А, да черт с ним, Женька, давай, давай, сколько я тебя ждать буду?!?

— Это тебе надо, хоть до скончания времен сиди, плевать я хотела с высокой колокольни, Сережа!!! Никуда я не пойду, мне не о чем с тобой разговаривать, иди домой, к жене, а от меня отстань навечно, слышишь???

— прокричала, насколько позволяло больное горло вперемешку с кашлем, Женя, кипя от бешеной злобы, и тут же возмущенно добавила:

— И не смей мне приказывать! Я не на работе сейчас, понятно?

Тяжелый и гневный вздох в трубке, а затем новый ор, да такой сильный, что даже Игорь подскочил, вытаращив на телефон глаза:

— Понятно, Женя, а теперь ИДИ И ОТКРОЙ ЭТУ ЧЕРТОВУ ДВЕРЬ, ИНАЧЕ ПОЗВОНЮ В МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРНЫЙ ЗВОНОЧЕК И ПОПРОШУ ТВОЮ МАМУ ПУС МЕНЯ К ТЕБЕ В КОМНАТУ, ДАЮ ТЕБЕ ТРИ СЕКУНДЫ: РАЗ...

— Да что же это такое, ты что, совсем офонарел???

— заорала Женька, срывая остатки голоса и схватившись за горло от жгучей боли. — Мама тебе не откроет, я ей все рассказала, так что можешь не стара...

— ДВА!!! — прогромыхал Минаев, а Игорь выпучил на Женю глаза:

— Женя, иди, иди, пока хуже не стало...

Но Женя не слушала Игоря, потому что в трубке вдруг раздался какой-то щелчок, и в динамик вплыл еще один решительный и скрипучий голос:

— Это кто тут шумит на весь подъезд, и как не стыдно, хулиганье! Щас милицию вызову!!! Ба! Да ведь это ты! Это ж ты у моего Игорька невесту отбиваешь! А ну пошел вон отсю...

— Захлопни варежку, бабуля, не до тебя сейчас! — грубо ответил Сергей, и Женя так и подпрыгнула, чуть не умирая от возмущения и, кажется, догадываясь, что сейчас ему устроит «бабуля», которую Женька сразу идентифицировала по голосу как Раису Васильевну и которой Сергей мило посоветовал прикрыть свой ротик с великолепной вставной челюстью, а Сережа, тем временем, снова громко прорычал в трубку:

— Женя, выходи, или...

— Ах ты грубиян этакий, да я сейчас тебя с лестницы спущу, харю невоспитанную, и милиционеров позову, чтобы научили тебя вежливости, гада такого... Так... где тут телефон у меня был... — услышала Женя яростный стрекот Раисы Васильевны и в ужасе вытаращила глаза на Игорька, который ни сном, ни духом не предполагал, что сейчас творилось в подъезде.

— Игорь! Срочно дуй на площадку!! Сережа бабушку твою послал, она ментов вызывать собирается!! Ну! Не сиди!!! — в панике пролепетала Женька, и Игорь, вытаращив глаза, тут же подскочил и, бросив на ходу: «От твоего любимого у нас у всех одни неприятности!», — выскочил из комнаты, а действие в подъезде набирало обороты:

— Женя! Выходи сейчас же, давай поговорим, хватит уже меня избе...

— А ну пошел вон отсюда, ирод проклятый!! Думаешь, костюм приличный одел — и все можно, да? У Жени совсем с головой плохо, если она тебя выбрала... Ну? Текай давай, говорю же...

— Да отстань ты от меня, бабка! Иди домой, бигуди для челки стирай, не мешайся под ногами!! — снова гневно приказал Раисе Васильевне Сергей, и Женька бешено закричала:

— Сережа!!! Прекрати с ней так разговаривать!!! Как у тебя вообще...

— ТРИ. - сказал Сергей, и через секунду Женя, помимо громкого вопля в трубке бедной, обиженной старушки, услышала тихое треньканье звонка из коридора, затем щелканье входной двери и дальше какую-то несурезицу слов и голосов:

— Бабушка! Ты чего??? Иди домой, он к Женьке пришел!

— Да я енто наглеца сейчас ремнем-то отхожу, чтобы хоть поздно, но все-таки воспитывать начать...

— Жень, Жень, выходи...

— Так, что тут за ор??? Раиса Василье... Ты!!! Ты!!! — это уже бешеный рев ее папы вклинился, и Женька поняла, что мешкать больше нельзя. Она вскочила и, бросив телефон, помчалась к двери, умирая от гнева и смеси разных других чувств.

А в подъезде ее глазам предстала следующая картина: Игорек едва сдерживает бешеный натиск и скрипучие крики обиженной и разозленной Раисы Васильевны, машущей руками и трясущей своей закрученной челкой, отец в своих неизменных шортах и футболке, размахивающий битой, за которую в огромном ужасе вцепилась мама, что-то громко ему крича, а посреди этого бедлама стоял с абсолютно бесстрашным и наглым, нетерпеливым видом Сергей, развязно сунув руки в карманы брюк и хмуро, но вызывающе поглядывая на Эдуарда Петровича, который громко кричал:

— ...из-за тебя моя дочка так плакала несколько дней, что даже заболела!!! Да как ты посмел... — пи-пи-пи, много нехороших слов подряд, Женя поморщилась. — ...да я тебе сейчас своей битой все ребра пересчитаю, слышал, гад???

— Эдик! Эдик, успокойся!! Перестань, им поговорить надо, Эдик!!! — кричала мама, повиснув на папиной бите, а Сергей невозмутимо и твердо заявил:

— Бейте. Можете даже убить. Но я не уйду, пока не поговорю с ней.

— Не волнуйся, Эдик, я уже милицию вызвала! Уж они-то ему мозги поставят на место!!! — скрипела Раиса Васильевна.

— Бабушка! Ну что ты наделала??? — возмущенно кричал Игорь, и Женя в ужасе всплеснула руками, вылетев в коридор и, быстро обув кеды, выскочила к Сергею в подъезд, наступив на какие-то осколки... Под ногами валялся разбитый сотовый телефон, но Жене пока некогда было об этом думать:

— Да вы что все, с ума посходили??? — закричала она, тут же закашлявшись. — Раиса Васильевна! Какая милиция?? Немедленно отмените вызов! Здесь что, убивают кого-то, кроме вашей завышенной самооценки??? — и, не дожидаясь бешеного крика бабушки Игоря, теперь уже обращенного на нее, она посмотрела на отца, пышущего яростью до такой степени, что даже усы вздымались, и возмущенно проговорила:

— Пап! Ну ты-то что делаешь?!? Убери биту, сейчас же! Мам, уведи его, нам с Сережей поговорить надо. — сказала она, едва дыша, и все вокруг, что-то возмущенно ворча, шепча, бурча и восклицая, наконец, разошлись по квартирам, оставив Женю и Сергея вдвоем.

Женя возмущенно и гневно посмотрела на него, чувствуя, как болезненно екнуло его сердце, тут же сорвавшись с места и помчавшись куда-то в дальние края... Он посмотрел на нее внимательным, жадным взглядом, нежно, но с большой долей отчаяния оглядев ее бледное лицо, темные круги под глазами, розовый топ на лямках и серые спортивные штаны, провисшие под коленками милостивыми и веселыми пузырями... Через боль, через обиду, через гнев Женя вдруг почувствовала, как ее все равно, с неистовой силой тянет к нему, как она желает тонуть в его серых, внимательных и решительных глазах, как ей хочется коснуться его, ощутить мужскую силу его тела, почувствовать его сумасшедшую энергетику...

Ну почему, почему она не может отвязаться от него?? Почему все равно умирает от его близости, хоть и злится на него, хоть и ненавидит сейчас всеми фибрами своей души?.. Что

же это за издевательство-то такое???

— Ты совсем, что ли, уже?? — возмущенно прохрипела она, поморщившись от боли в горле. — Ты зачем орал? Зачем Раисе Васильевне хамил?? А... а это что?? — она посмотрела на обломки от очень даже недешевого телефона и поспешно отступила, чувствуя хруст под своими кроссовками.

Сергей внимательно и ужасно ненасытно смотрел на нее, не отводя глаз, поэтому он просто безразлично пожал плечами и проговорил:

— Разбил.

— Разбил? — Женя выдохнула и присела, очень жалея дорогой аппарат и взяв несколько кусочков пластмассы в руку, растерянно глядя на них и пытаясь сообразить, как можно это склеить.

Сергей импульсивно наклонился к ней и, взяв ее за запястья, легко поднял, поставив на ноги и заглядывая в глаза отчаянным, нетерпеливым взглядом:

— Женя, да черт с этим телефоном, ты о чем думаешь, вообще?!? Жень... — снова позвал он ее, а Женя, ощущая, как обожгли его руки своим прикосновением ее кожу, тяжело выдохнула и гневно отошла от него, присев на корточки у стены и устало, с болью глядя на него:

— Ну давай. Поведай мне, чего я еще не знаю о тебе, твоей жене и шестилетней дочке. А может, я чего-то и о себе еще не знаю? — гневно закончила она, а Сергей вздохнул, нахмурившись, и легко запрыгнул на стык перил, не обращая внимания на свой дорогой костюм, тяжело проговорив:

— Это фиктивный брак.

Женя даже вздрогнула, совсем не ожидая ничего подобного и даже на мгновение перестав злиться.

— Как это — фиктивный???

— Очень просто. Обычная договоренность Ксюшиного отца и моего. Если бы я не женился на ней, Кроповницкий забрал бы у моего отца весь бизнес и пустил бы нас по миру... А значит, мой папа в не очень мягкой форме попросил меня жениться на ней, чтобы сохранить свое влияние и «Черный полюс», а также множество других проектов.

Женя в ужасе смотрела на него, не веря, что такое вообще возможно... Отец заставил сына жениться на ком-то, ради... денег? Работы?

— Но... зачем... почему именно жениться? Есть много других способов шантажа...

Сергей печально и холодно ухмыльнулся.

— Ксюша. Она влюблена в меня. Была. — добавил он, а Женя с болью и ревностью понятливо кивнула. Ну конечно. Как же иначе? — А я...

— Вел себя с ней как обычно? — усмехнулась Женя. — Ну ясно тогда, почему ей в голову пришел такой вариант. Разве тебя по-другому привяжешь?

Сергей хмуро посмотрел на нее, чуть склонив голову, и Женя вздрогнула, заметив какую-то искру в его взгляде...

— Странно, что именно ты говоришь мне об этом. В общем, между нами заключен брачный контракт на десять лет, по которому Ксюша должна родить Кроповницкому внука, а я не могу развестись с ней, поскольку тогда весь мой бизнес уплывет в ее руки, а значит, в ее семью. И если это произойдет, мой папочка выжжет меня сигаретой со всех семейных фотографий.

Женя в ужасе смотрела в пол, обдумывая все, что он сказал. Ей было даже страшно

представить, какво ему жилось все эти годы под отцовским надзором и по его указке, что значит — жить с нелюбимым человеком столько лет и понимать, что не можешь никуда уйти, не можешь сам управлять своей судьбой, быть с тем, кого...

Женя решительно встала, вдруг вспомнив свою обиду, свою боль.

— Почему ты не сказал мне?.. — с болью прошептала она, глядя на его рассерженное красивое лицо, яркие серые глаза, изучающие ее отчаянным взглядом, и ощутила такой тугой узел в груди, что по ее щеке моментально скатилась слеза.

Он соскочил с перил, подойдя к ней, и импульсивно произнес, недовольно и гневно глядя на ее слезинку:

— Я не смог, Женя, я — как идиот, боялся, что потеряю тебя! Я вел себя, как эгоистичный подлец, поддаваясь своим желаниям, и прекрасно понимал, что когда ты узнаешь — все будет кончено, я никогда не смог бы прикоснуться к тебе! — процедил он с болью, и Женя вздрогнула, чувствуя начинающийся жар во всем теле и мелкую, мелкую дрожь... Слезы, слезы так и побежали по ее щекам, она гневно смахнула их и воскликнула:

— Но так нельзя!! Ты... ты не оставил мне выбора! Ты же видел, что я... что я влюбляюсь в тебя... — прошептала она, в ужасе от того, что сказала это вслух, и заметив, как загорелись его слова, когда он услышал заветное слово. — Ты должен был остановиться! А не играть со мной, привязывая к себе все больше и больше...

— Женя!!! — гневно воскликнул он, схватив ее за плечи и ужасно, чертовски сильно горя, Женя едва вздохнула от отчаяния и обреченности. — Никогда не смей так говорить, ты слышишь?? Я знаю, я не должен был продолжать все это, но не мог, я не мог остановиться, черт побери, ты даже не представляешь, что ты сделала со мной! Я готов на все, лишь бы ты позволила поцеловать себя, готов на все, чтобы оставаться с тобой каждый вечер, каждую минуту моей жизни, я умирал всякий раз, когда ты смотрела на меня, когда ты целовала меня, потому что до безумия мечтал увезти тебя в какое-нибудь укромное место! Да я душу бы дьяволу продал, лишь бы обладать тобой! Ты одна, только ты, ты сводишь меня с ума, ты заставляешь меня чувствовать что-то невероятное и только ради тебя я бы сделал что угодно... Что угодно, Женя, и это не игра, это никогда не было игрой! Но я не мог сблизиться с тобой!.. Было бы только хуже... Я должен был держаться от тебя подальше, не мог никуда тебя приглашать и не мог даже закончить то, что миллион раз начиналось в кабинете... Женя! — он схватил ее за локти и легонько потрянул, а Женя сходила с ума, не веря в то, что слышит, задыхаясь от его импульсивного огненного сияния, от слов, каждое из которых рвало, рвало ее душу на мелкие кусочки, рвало отчаянием ее сердце до кровавых ран, рвало пониманием, что не будь этого обмана, не будь этой ситуации с его женой и дочкой, она сейчас бы просто летала от счастья на каком-нибудь облаке, тая в его руках, мечтая подарить ему взаимную любовь и всю свою ласку, свою нежность...

Она расширенными, мокрыми от слез глазами смотрела на него, задыхаясь от боли, пытаясь отвести глаза, унять дрожь, собственный трепет и... успокоить злость, гнев, непонимание...

— Женя! — снова жестко позвал он ее и очень тихо, с болью в голосе проговорил:

— Прости меня, прости, прости... Никогда в жизни я не хотел сделать тебе больно... Прости меня, прошу тебя, пожалуйста... Черт, я не знаю, как еще сказать, я не умею извиняться! Проклятье! — в гневе на себя выругался он, а Женя наконец выдохнула и, пылая от смеси совершенно противоположных, разрывающих ее чувств, тихо прошептала:

— К чему теперь эти слова? Зачем ты мне это говоришь?.. Что ты хочешь от меня?

Сергей сжал губы и нахмурился, а его глаза вдруг осветились маленьким огнем надежды. Он шагнул к ней ближе, попытавшись дотронуться до ее щеки, но Женя отстранилась, не желая новой боли, не желая вспоминать, как обжигают ее кожу и скручивают живот в неистовом огне его прикосновения, и он, снов злясь на себя, опустил глаза и тоже шепотом проговорил:

— Я хочу быть с тобой, понимаешь? Хочу быть только с тобой, хочу, чтобы ты была моей. Дождись меня, Женя. — тихо, отчаянно, будто с мольбой... Женя вздрогнула и вдруг истерично рассмеялась, утирая слезы, так и льющие по ее щекам целыми ведрами.

— Предлагаешь еще лет пять подождать, пока ты будешь жить с женой, ночевать с ней и...

— Не говори ерунды. — строго прервал ее Сережа. — До окончания брачного контракта еще год, а не пять лет. Но это не важно. Я имел ввиду бракоразводный процесс. Это займет не меньше двух месяцев... Я подам...

Женя вдруг с болью замотала головой и отчаянно, горя от ужаса того, что говорит это, тяжело прошептала заплетающимся языком:

— Нет. Ты не сделаешь этого, Сережа, по нескольким причинам. Во-первых, ты потеряешь все, и отец тебе этого не простит.

— Да плевать я хотел...

— Брось! — резко прервала его Женя, жестко вскинув руку и усмехнувшись. — Мы оба знаем, как ты любишь свою работу и что с тобой произойдет, если ты потеряешь ее. Во-вторых... — она осеклась, обхватив себя руками и умирая от ужаса того, что собирается сказать... Разрушить свою судьбу... Свое возможное счастье... Но это было бы неправильно... Она не сможет жить с этим... А без Сережи... Женя пока не представляла себе, что будет с ней без него... Вообще не видела будущего. Но, возможно, она заслужила эту муку. Зато все будет честно и справедливо. — Сережа... — шепнула она, и он вздрогнул, подавшись к ней и жадно заглядывая в ее глаза, с огромным страхом ожидая ее приговора, умирая, умирая... Тонкий луч надежды все тусклее... Женя едва могла дышать от переполнявшей ее души боли. — А во-вторых, я не буду тебя ждать. — еле слышно выдавила она.

Он вздрогнул, все глядя и глядя в ее глаза, не смея поверить в то, что он услышал, он летел и летел вниз, в страшную огненную пропасть, сжиравшую его душу живьем, и в эту же пропасть летела она, отрезая себя от собственного счастья...

— Почему? — дрогнувшим голосом спросил он. — Не любишь?

Дрожь, дрожь, слезы, Женя закусил губу, но:

— Люблю. Но это все не имеет значения. Ни твои чувства, ни моя любовь. Потому что... — вздох, боль, сердце стонет, захлебываясь кровью. — Потому что хоть ваш брак с Ксюшей и фиктивный, но Настя... настоящая. И я никогда, никогда, никогда не стану той, кто разрушит ее семью, понимаешь? — все, истерика подкатывает, Женя затрепыхалась, чувствуя какой-то синусоидообразный приступ гнева, и яростно зашипела, умирая от боли:

— Я не отберу у нее отца, не сломаю ее детское и искреннее счастье, не стану причиной ее слез!!! Я не имею на это права! И ты! Ты не бросишь ее, слышишь? Нельзя, чтоб дети росли без отцов, она еще слишком мала, это может сокрушить ее, перепутать все истины семейных ценностей в голове, она станет ненавидеть тебя, потому что для нее существует лишь реальность, в которой папа любит маму, а не кого-то там еще! Она не сможет понять, почему ты бросил ее и маму, она никогда тебя не простит! — прокричала ему в лицо

Женька, чувствуя, как гнев забирает у нее остатки совсем небольших сил, подкопившихся за пару дней победы над температурой, и, видя, как отчаянно и гневно он смотрит на нее, ее затрясло от ужаса и безнадежности еще больше.

— Женья! Я никогда не брошу Настю и буду всегда участвовать в ее...

— Нет! Нет! Это не заменит ей отца, Сережа! И я не договорила! Она не простит тебя.. но и я, я не смогу простить тебя за то, что втянул меня в эту ситуацию, за то, что ставишь в такое положение, где я вынуждена выбирать между собственным счастьем и правильным решением, за то, что не дал шанса сбежать от тебя раньше и жить нормальной жизнью, за то, что обрек меня на все эти страдания своим обманом... Я чертовски зла на тебя, Сережа! — выкрикнула она, а он хотел подойти к ней, но Женья отстранилась, тяжело дыша, понимая, что опускает концы в воду, что рубит по живому, что пытается вырвать сердце из груди...

— Женья, Женья, подожди, ты имеешь полное право на меня злиться, я идиот, но, пожалуйста...

— Нет! Нет, нет, нет, нет!!! Все, Сережа, это все, возвращайся домой, к дочке, она ждет тебя, и забудь обо мне, забудь все, что было, а главное — оставь меня в покое, не рви мне душу, не мучай!!! Я научусь, я как-нибудь придумаю, как мне жить без тебя...

— Женья, не смей!.. — закричал Сергей, сверкая отчаянной болью и ужасом в глазах, но Женья, заливаясь слезами и желая провалиться в какое-нибудь темное болото, рванула к своей квартире и громко крикнула напоследок:

— Уходи!!! И никогда не приходи ко мне больше!!!

Сережа кинулся к ней, но не успел: Женья шмыгнула за дверь своей квартиры и, щелкнув замком, осела на коврик, отчаянно рыдая и не зная, как унять огромную кровоточащую рану, разверзшуюся в ее душе, плещущую горячей кровью от осознания того, что она никогда больше не будет с ним, никогда не испытает этого трепета от того, что находится рядом с тем, чьи чувства полностью совпадают с ее... Что она не сможет быть больше счастливой по-настоящему...

Боже, Боже, хоть бы это была не любовь, хоть бы это было лишь увлечение, лишь страсть, ничего больше, лишь только легкая влюбленность... Время пройдет, зализет раны, пустит по ее венам свежую кровь... Она попытается жить хотя бы ради семьи, ради мамы и отца, ради Поли, которой так нужна ее помощь... Она целиком погрузится в это и найдет новый смысл...

— Женья! Женья! Черт... черт! Женья!!!

Стук, стук, стук, плачь, плачь, Женья, плачь, не слушай, уносись на волне своих слез, на волне обжигающего, выпивающего душу до дна, жара, руби, руби этот узел в груди, тебе с ним не выжить ни одной секунды, и злись на него, злись...

Коридор потонул в ее слезах, изображение поехало вокруг ее головы, Женья впивалась ногтями в обшивку двери и, слыша его голос, упиваясь его близостью там, всего в нескольких сантиметрах, разделенных крепкой преградой, чувствуя его энергию и впиваясь в нее каждой клеточкой своего тела перед тем, как рухнуть в темную, страшную и непроглядную, бессознательную бездну, Женья лишь страстно шептала, царапая дверь ногтями до крови:

— Уходи... уходи... уходи...

А в голове бешеным потоком пульсировала ее любовь...

Глава 17. «Минус»

В его ушах все еще раздавался ее плач, когда он, словно во сне, не веря в то, что произошло, вывалился из ее подъезда.

Как, как, как получилось, что его дурацкая, пустая жизнь, в один момент заполнившаяся до отказа, показавшая ему, ради чего и как нужно жить, вдруг отобрала у него все?..

Сергей плюхнулся за руль, не помня себя, не чувствуя своего тела. Внутри него лишь она, он видел ее бледное лицо, слышал ее голос, она, она, Женя пульсировала в каждой его клеточке огненной, невыносимой болью, боль жрала его изнутри, выкручивала наизнанку, сводила его с ума...

Его глаза видели ее образ, его руки помнили ее кожу, и даже сейчас он будто чувствовал аромат сирени, тот самый, легкий и цветочный, вокруг себя...

Женя была везде: внутри него, снаружи, в его голове, в его сердце, в его душе, она заставляла его рычать от отчаяния и беспощадной злости, она заставляла его сдаться и пропасть, исчезнуть, испариться... И она заставляла его бороться, зная, зная, что он небезразличен ей, она же сказала, что любит...

Проваливаясь в огненную безысходную пучину, в собственную кровавую рану и ощущая, что он до ужаса ПЕРЕПОЛНЕН ею, Сергей импульсивно и резко вырулил на дорогу и, не за пределами для города скорости он поехал, конечно же, не домой, а в самое ожидаемое для его состояния место — в кабак к Ярику.

Время подходило к восьми, клуб уже был заполнен до отказа, вокруг Сережи шумели и веселились парни и девушки, все при нарядах, счастливые, довольные и беспечные, как будто никаких проблем в жизни вообще не существовало.

Пройдя напрямую к барной стойке и прекрасно зная, что Ярослав увидит его из своего кабинета, Сергей сел и хмуро заказал себе виски, поставив перед собой совершенно не хитрую цель — выпить столько, чтобы хватило на то, чтобы заглушить страшную боль и пустоту в сердце, и, в то же время, чтобы с сознанием дела самому добраться до дома.

Отключившись от внешнего мира, не видя ни женских глаз, с интересом изучающих его, не обращая внимания на музыку, хохот и разговоры вокруг, Сергей хмуро пил обжигающий алкоголь, в надежде, что завтра он проснется, а всего этого разговора не было, и Женя, прекрасная, нежная, желанная, его Женя будет по-прежнему ждать его, с надеждой смотреть ему в глаза, будет отвечать на его поцелуи, на его ласки... Как чертовски сильно он желал этого! Он не знал, что бывает такая привязанность, он не знал, что способен так сильно влюбиться, что теперь, даже в мыслях понимая, что все кончено, что она порвала с ним раз и навсегда, Сережа умирал от боли и одиночества, умирал, не желая двигаться дальше без нее...

— Эй, брат! Выглядишь не очень! — с веселым отблеском золотых зубов сообщил Ярик, плюхнувшись рядом с ним на стул и махнув бармену, чтобы тот и ему чего-нибудь выпить сообразил. Хлопнув Сергея по плечу, он с сочувствующим, но от этого не менее довольным видом проговорил:

— Что, опять Ксюха достала? Или папашка попытался затянуть очередную петлю на шею?? А может, с кем-то из своих ручных кошечек поцапался? М-м? — хитро подмигнул он,

а Сергей, в душе которого ветер разносил пепел от еще не догоревшего пожара, поморщился:

— Ярик, если ты притопал, чтобы побыть для меня бесплатным психотерапевтом, то лучше иди обратно в свой кабинет. Или пей молча.

— Оу, Сереженька... Это точно баба! — захохотал Ярик, скрипнув своей неизменной кожаной курткой, в которой он ходил и зимой, и летом. — Вадик! Наливай ему сегодня за мой счет, так уж и быть, скрашу тебе горе по дружбе... — он наклонился к Сергею и плотоядно улыбнулся:

— Ну? Кто она?? Серый!

— Ярик! Я тебе язык в морской узел завяжу!! Отвали, еще раз повторяю!

Ярик захихикал и вздохнул, снова хлопнув Сережу по плечу:

— Пошли ко мне в кабинет, страдалец! И кстати, клин клином вышибают... Можем каких-нибудь сладких кошечек с собой забрать. Вот увидишь, забудешь о своей подружке раз и навсегда!

Сережа угрюмо покачал головой и, понимая, что, даже разговаривая со своим якобы «приятелем» Яриком, не может выключить образ Женьки из своей головы, вздохнул и, схватив бутылку, хмуро сказал:

— Идем. Только никаких баб, усек? Слышать не желаю!

— Эх... Ты какой-то скучный стал в последнее время, мой серый братишка... Ну ладно, как хочешь, можем и без баб о ней поговорить... — снова закинул хитроумную удочку Ярик, но Сергей промолчал, и они уверенно ушли к нему в кабинет, не забыв прихватить из бара по несколько бутылок элитного алкоголя.

*** «Минус»

Завтра. Завтра понедельник. Женя выйдет на работу. Женя выйдет на работу. Он ее увидит... Всего несколько часов...

Женя. Женя. Женя...

Сергей стоял около окна их с Ксюшей спальни и смотрел на то, как мирно ложится спать целый город, прекрасно обозримый из той точки, в которой он находился, потому что дом Сергея был построен на пригорке.

Фонари горели, снег таял, машин на дорогах все меньше и все тише становился воздух, еще прохладный, но почти весенний, влажный, освежающий... Ни алкоголь, ни постоянная занятость, ни бесконечные игры с Настей, ни вечно зудящая о каких-то своих проблемах Ксюша, ни даже ворчливый деспот-отец, позвонивший с очередным идиотским, никому не нужным разносом, ни душ, ни сон, ни ежеминутная смерть не смогли отвлечь его от мыслей о ней.

Она сказала, что научится жить без него... Но как, черт возьми, ему научиться жить без нее??? Как найти в себе силы вставать по утрам и заниматься привычными делами, зная, что он не увидит ее, не заговорит с ней, не поцелует???

Да он живет лишь одной мыслью, что завтра она снова войдет в его офис, звонко стуча своими тонкими каблучками, завтра он увидит ее улыбку, ее решительный взгляд, ее деловитую хмурость и сосредоточенность и услышит, как она что-то весело рассказывает... кому-то.

Нет, нет, он не может жить без этого, он не сможет примириться с этим, он должен вернуть ее, вернуть, иначе он погибнет, иначе задохнется, иначе умрет от пустоты и боли, рвущей все его внутренности изнутри... Она сказала, что не сможет простить его... Если она

его любит, по-настоящему любит, то должна, черт возьми, простить! А еще она сказала, что все дело в Насте...

Сережа любил Настю. Он ужасно хотел быть с ней всегда, видеть, как она взрослеет, как меняются ее интересы, привычки, хотел участвовать в ее жизни... Но эта семья была ненастоящей. Все было фальшивкой. Навязчивым действием ради меркантильных интересов его отца... Сережа не знал, что когда-нибудь полюбит кого-то, он был уверен, что не способен на это, потому что презирал женщин, считая, что им нужны лишь деньги, статус и власть... И в принципе, он уже смирился со своим положением... Но сейчас... Сейчас ему нужна была свобода. Ради Жени. Ради еще одной попытки получить ее прощение, быть с ней, быть, черт возьми, живым, любимым и любить ее так, как она того заслуживает. И он не хотел больше ни дня в своей идиотской жизни оставаться с Ксюшей, пусть даже рухнет вечность вокруг него, пусть даже ему придется ночевать на вокзале... стать нищим и начинать с нуля... Он заслужил свои страдания, а Женя стоит любой цены, которую ему придется заплатить.

— Чего ты там встал, как столб? — недовольно раздался сзади голос Ксюши, прощурившей в постель своей шелковой рубашкой и сопроводившей свое движение ароматом какого-то там ночного крема для рук.

Тело горело, в груди все пульсировало, боль долбила в виски, но Сережа был решителен и непреклонен, как всегда:

— Я подаю на развод, Ксюша. Завтра с утра поручу моему адвокату подготовить все бумаги. — жестко сказал он и обернулся к ней.

Ксюша сидела в постели, а в ее ошеломленных глазах мелькал бешеный страх. Секунда... Она пытается осмыслить то, что он сказал... Вторая... Ксюша громко и истерично рассмеялась, гневно воскликнув:

— Ты что, перепил вчера, Сережа?? Что за чушь ты несешь?? Какой еще развод?!!

— Обыкновенный. Ты будешь жить своей жизнью, а я — своей. И это не подлежит обсуждению. — грозно и строго отрезал Сергей, снова отвернувшись к окну.

Тишина, затем бешеный крик, охваченный паникой:

— Да ты в своем уме, Сережа?!? Ты что, собираешься бросить Настю?? Да как ты смеешь...

— Ксюша! — начал выходить из себя Сергей, гневно обернувшись и чувствуя себя на грани глубокого срыва. — Не испытывай мое терпение! Я никогда не брошу Настю, никогда!!! Дело не в ней, а в тебе и во мне.

— Ты потеряешь все!!! Весь твой бизнес станет моим!!! Виктор Петрович сгнобит тебя, ты станешь ничтожеством!! Бомжом! Он тебя после такого даже к себе в дом не пустит! — кричала в исступлении Ксюша, а Сергей хмуро проговорил на повышенных тонах:

— Неужели ты не поняла еще, Ксюша, что мне плевать!! Плевать на идиотский контракт, сделавший меня твоим домашним псом на десять лет без права на прогулку, плевать на отца, который распорядился моей жизнью, прикрывая собственные интересы, плевать на то, что со мной будет, пусть даже мне придется начинать все с начала и питаться на помойке! С меня хватит, Ксюша. Я собираюсь жить своей жизнью, и можешь орать, сколько влезет, но мое решение окончательное и бесповоротное.

Он импульсивно подошел и сел на кровать спиной к ней, пылая от ярости, ненавидя себя, такого, какой он есть, потому что только он — главная причина всех своих бед и несчастий и теперь еще несчастья Жени... А сейчас... Сейчас пришла пора все исправить.

Начать жить правильно и сделать все, чтобы наивная и милая рыжая девчонка, сводящая его с ума одним лишь взглядом и накрепко засевшая внутри него, в его душе, в его сердце, в его мечтах и желаниях, тоже была счастлива.

— Ты идиот, Минаев!!! — прошипела змеей Ксюша прямо позади него. — Это из-за нее, да? Из-за той рыжей девки??? Я не понимаю, Сережа! Неужели она действительно смогла тебя так зацепить? Что в ней особенного?? А? Она не так уж и красива... Одевается как-то... простовато, будто с китайского рынка!!! И вообще...

— Перестань. — грубо прервал ее Сергей. — Твоя злость и ревность ничего не изменят. Не расплескивай свой яд понапрасну.

Ксюша вскочила и заходила по спальне, продолжая шуршать ночнушкой и кричать:

— Ну и черт с тобой, Минаев! Катись! Катись к своей рыжей шляхе, живи с ней в раю, в каком-нибудь шалаше!!! Но запомни, Сережа: когда твоя фирма станет моей, первым же делом я вышвырну ее, как вшивую кошку, с такими рекомендациями, что ей и не снились!!! А Настя... — она остановилась напротив пылающего яростью Сергея, едва сдерживающегося от того, чтобы не разгромить всю эту чертову спальню вместе со своей чертовой жизнью, ненавистной, тупой, отвратительной... — А Настю ты больше никогда не увидишь! Уж я об этом позабочусь!!! Я не дам тебе даже на метр к ней подойти, ты понял, мерзавец?..

— Понял. — злобно и резко проговорил Сергей и вдруг вскочил, грубо схватив Ксюшу за локти и бешено прижав к стене, глядя в ее отчаянные, до ужаса злые, до ужаса больные глаза своими серыми, сверкающими от гнева. — Теперь ты меня внимательно слушай, Ксения, и запоминай, потому что дважды повторять не буду! С Настей ты мне видеться не запретишь — запрет устанавливает только решение суда, которого в данном случае категорически и стопроцентно не будет. А насчет Жени... выгоняй. Я открою свой бизнес, свой целиком и полностью, и возьму ее к себе на лучшую должность и лучшую зарплату, плевать мне на твои рекомендации!!! Пока я жив, ты не сможешь ей навредить, поняла? Все, с меня хватит! — он резко оттолкнул ее от себя и помчался к выходу из комнаты, мечтая оказаться как можно дальше от нее, от этого разговора, от этого места, цепляющего его сознание лишь идиотским и никчемным, никому не нужным браком, но Ксюша помчалась следом и, увидев, что Сергей обувается и хватается за куртку, заверещала:

— Куда ты собрался, Сережа??? Мы еще не договорили! Ты не посмеешь сейчас у...

— Иди ты к черту, Ксюша! — гневно крикнул Сергей, чувствуя, что его терпение на исходе. — Поеду покатаюсь. Всяко лучше, чем в этом дурдоме...

— Сереж!!! — вдруг с мольбой шепнула Ксения, поменяв тактику на кардинально противоположную и даже выдавив несколько скупых слезинок, протягивая к нему руки. — Пожалуйста! Ну... ну не уходи! Давай поговорим спокойно! Давай все обсудим! И этот развод... дурацкий... Я же люблю тебя, Сережа... — прошептала она, а Сергей, схватив ключи от машины с полки, вдруг на секунду остановился и посмотрел на нее:

— Не надо. Любишь? Да разве так поступают с теми, кого любишь? Нет, Ксюша, это не любовь. Это все твое упрямое и глупое детсадовское «хочу вот эту игрушку»! Но люди не игрушки, с ними нужно тоже считаться... хотя бы иногда.

— Вот как ты заговорил?? — снова истерично хохотнула она, уперев руки в бока. — А сам-то ты больно много о других думаешь? С каких это пор тебе вдруг открылась истина человеколюбия, великий манипулятор и тиран?

— Все, Ксюша. Разговор окончен. И... лучше поздно понять что-то в своей жизни, чем

никогда. — жестко проговорил он и вылетел из дома, чувствуя странное, колоссальное облегчение, которого он не испытывал еще ни единого раза в своей жизни...

Неужели ему удалось хоть что-то в своей жизни сделать правильно? Именно так, как он хочет, а не как хочет его отец, или жена, или кто бы то ни было...

Опустошенный, выпитый до дна, усталый от своих сильных, крепко вцепившихся в него острыми когтями эмоций и просто утопая в глубокой, угрюмой тоске, Сергей катил и катил по улицам, которые с каждым перекрестком становились все пустынной, думая лишь о том, какую длинную и бессмысленную жизнь он прожил, осознавая, что именно сейчас настало время платить за свои ошибки...

А еще он вновь и вновь, как заведенный, думал о Жене, сгорая в сильнейшем чувстве вины перед ней, понимая, что она наверняка ужасно страдает сейчас... Его мысли вели его, управляли им, и Сережа не заметил, как снова очутился в тесном и глухом дворе ее дома, пристроившись около старой детской площадки... Облокотившись на руль, он смотрел на окна ее квартиры, ощущая, как и всегда, удивительную тягу к ней и даже волнение, потому что она казалась так близко... А завтра он увидит ее... Она придет. Придет. Завтра.

— Женя, Женя... — шепотом проговорил он, впиваясь взглядом в ее окно и как никогда сильно чувствуя тугой и болезненный узел в груди, а еще — сумасшедшее желание увидеть ее, увидеть ее глаза, коснуться хоть на мгновение...

— Я все исправлю. — снова тихо шепнул он, а в спальне Жени в этот миг погас свет.

Глава 18. «Плюс»

Болезнь почти отступила. О, Слава Богу, хоть тело здорово, чего нельзя сказать о ее сердце, о ее душе.

Женя ехала на работу, почти не чувствуя рук и ног, а лишь сильнейшее давление в груди, мешающее дышать и запускающее слезный поток при любом, даже самом незначительном случае.

Ее тело превратилось в тяжелую грудку металла. Ее зрению мешала какая-то вата. Ее слух не воспринимал звуки, а нос не реагировал ни на какие запахи. А самое трагичное было в том, что ее мозг жил внутри всего этого пустого, туманообразного теремка, выкручивая из ее сердца неотжатое белье, которое желательно бы запустить еще на программе «отжим+слив» и высушить болью без остатка, а в груди пульсировал горячий узел, без конца возвращающий образ Сережи в ее мысли.

Она готова была на что угодно, она хваталась за домашние дела, ходила по магазинам все выходные до упаду, пока еще ослабленный болезнью организм не начал активно сопротивляться и проявлять жуткую немощность, она искала любой компании, пытаясь жить, жить дальше, не считая собственных вздохов, не глядя на часы, отсчитывающие каждую минуту до ужаса медленно, не думая о нем, не вспоминая всего, что их связывало, и плохое, и хорошее... Но Женя ничего не могла с собой поделать и каждую ночь беззвучно рыдала, вцепившись руками в подушку и снова, снова пытаясь придумать, как ей прожить без него целую вечность и как научиться заново существовать в этом мире без любви и замечать его великолепие и многообразие...

Женя ехала на работу, зная, что нужно отрубить окончательно, иначе ей не выжить. Она никогда не сможет двигаться дальше и отпустить его, если будет каждый день сталкиваться с ним нос к носу в одной секретарской. Это будет последний шаг, после которого она должна переступить через себя, свою боль, свое страдание и начать все с начала, зажечь своей пустой, погасшей, как глубокая осень, безнадежной и отчаянной жизнью...

Заставив себя не плакать, чувствуя, как растет и растет давление в груди, Женя, как во сне, прошла через дверь с магнитным замком, не слыша даже своих шагов по полу, устланному ковровым ковролином... А вот и секретарская... Ее сердце сжалось в глубокой тоске и боли, а мозг живо подослал картинку того, как Сергей впервые поцеловал ее здесь, и это было несказанное волшебство... Которое сейчас лишь больно ударило ножом в свежую рану...

Дверь кабинета директора была приоткрыта. Женя выдохнула, зная, что он там. Она чувствовала его, будто видела наяву, она очень сильно ощущала его стремительную, решительную и жесткую энергию, которая жгла ее даже через эту дверь.

Тяжело выдохнув и понимая, что боль съедает ее заживо, Женя села на свое место и трясущейся рукой написала заявление на специальном бланке, а затем встала и, мечтая поскорее решить этот вопрос и уйти, пока слезы не одолели ее хилую плотину, пока разум еще владеет ее душой и телом, пока не стало еще больней ей и ему, уверенно толкнула дверь кабинета и вошла к нему.

Сережа сразу же поднял глаза от ноутбука: он ждал ее, это было видно. Женя с трудом

могла вздохнуть, впиваясь в него жадным взглядом и мечтая запомнить его навсегда...

Он был чертовски красив, чертовски привлекателен, чертовски мужествен и самоуверен, решителен и серьезен... За одним лишь исключением: его больной, воспаленный взгляд светился невероятной жадностью, отчаянием и... той же подавленностью и чувством глубокой потери, которое ощущала и Женья...

Вздых... Его глаза медленно и любовно проšliсь по ее ногам к трикотажному облегающему платью с рукавом в три четверти и овальным вырезом от плеча до плеча, светло-кораллового цвета, желанно скользнули по шее к волосам, россыпью кудряшек обрамлявших ее лицо, и к губам, губам, зависнув на них, мучительно долго, мучительно горячо, страстно, будто обжег своим взглядом...

Вздых... Да, Женья, давай, дыши, еще пять минут — и ты освободишься от этого образа, освободишься от чарующих оков этого взгляда, впитывающего каждый изгиб твоего тела с необузданной жадностью и сможешь, сможешь жить дальше... Нужно только пережить лишь пять минут...

Шаг, шаг к нему, боль все сильнее, обида тут же нарисовалась, Жене вдруг захотелось закричать и впасть в бешеную истерику, надо же!..

Все жарче его энергетика, сидит, отчаянно разглядывает ее, да все равно в такой развязной, самоуверенной позе, что все перед ним должны ниц падать... Вот же чертов кретин! Кретин!!! Сломал ее, он сломал ее, он уничтожил все, он растоптал ее чувства и еще смотрит с таким жаром, да как он смеет так пялиться на нее после всего-то?..

Дрожь, еще шаг... Гнев, Сережа внимательно изучал ее глаза — он чуть прищурился, видимо, заметив ее злость... Его серые глаза снова вспыхнули болью и неистовой яростью... Надо же! И на кого же ты так злишься, милый??? Это ты во всем виноват, ты все разрушил, ты уничтожил ей все шансы на нормальную жизнь!! Так что и злись лишь на себя, придурок...

Встала перед ним. Ну давай же, Женька, ты сможешь, ты сможешь, руби, руби, пока злишься, пока забыла о невероятной, безумной любви к нему, о сумасшедшей страсти...

Сережа выжидающе и отчаянно смотрел на нее.

Вздых... Женья положила листок перед ним и жестко, уверенно, гораздо увереннее, чем она чувствовала себя внутри, проговорила:

— Я увольняюсь. Вот заявление.

Его глаза вспыхнули безумным гневом, мощной волной прошедшим вокруг Жени и обрушившимся на нее. Он схватил листок и яростно тряхнул им, злобно проговорив:

— Что?? Нет! Абсолютно исключено!!! Ты никуда не уйдешь, ты слышишь??? Я не подпишу. — и он легко порвал ее заявление, самым отработанным жестом сбросив его в мусорную корзину под столом.

Женья вдруг тоже взвинтилась до того, что яростно всплеснула руками и возмущенно крикнула:

— Ты опять распоряжаешься? Не имеешь права!!! Я напишу другое...

— Я его порву, Женья!

— ...и буду писать до тех пор, пока ты мне его не...

— Я ВСЕ ПОРВУ!!! — яростно гроыхнул Сергей, вскочив на ноги и разъяренно глядя ей в глаза. — Не будь душой, куда ты пойдешь??? Кто станет платить тебе столько, сколько я??? Тебе нужны деньги! И хватит заниматься ерун...

О-о, вот и Женина ярость вдруг неожиданно нашла возможность вылиться, и девушка,

услышав его слова и проваливаясь в отчаянную, обозленную яму, закричала:

— Не смей решать за меня, Сережа!!! Я найду другую работу, и плевать, что платить будут меньше! Ты разве не понимаешь? Я ни секунды не хочу оставаться здесь!!! Я не смогу пережить то, что ты со мной сделал, ЕСЛИ ВСЕ ВРЕМЯ БУДУ ТОРЧАТЬ ОКОЛО ТЕБЯ Так что поставь свою каракулю и прекрати издеваться надо мной!!!

Сергей подлетел к ней, горя бешеной, сводящей с ума яростью, и, грубо схватив ее за локоть, категорично и жестко прокричал:

— НЕТ, НЕТ и НЕТ!!! Даже не думай, Я НИКОГДА, НИКОГДА НЕ ПОДПИ...

— Ах так!!! — заорала Женька, не чувствуя рук и ног от пульсирующей в ее теле горячей крови и задыхаясь от обиды, злости и подступающих слез, и, оттолкнувшись от него, она стремительно пошла в сторону секретарской, на ходу крича:

— Тогда я дождусь, когда ты улетишь к чертовой матери в какую-нибудь командировку и подпишу заявление у Павла!!! Пообещаю ему кое-чего взамен, он мне не откажет!!! Понятно???

Сергей догнал ее бегом и, грубо схватив за руку, со всей силы прислонил спиной к стене, останавливая и оказываясь в ужасающей, непременно волнующей все ее проклятые и глупые внутренности близости от нее, горячо, но в то же время гневно глядя ей в глаза и на губы, и снова в глаза, бешено прошипев:

— Он не подпишет!!! Я запрещаю ему под страхом смерти, ты слышишь???, Женя, прекрати эту бессмысленную истерику и давай лучше нормально поговорим, я все равно...

— Да что ты будешь делать!! — гневно крикнула она ему в лицо и попыталась вырваться из его рук, но он только крепче держал ее, не давая ей даже шевельнуться, и Женька пылала от ярости все сильнее, желая прибить его, упрямого, жестокого, глупого кретина прямо на этом самом месте, снова яростно затараторив и затрепыхавшись в его руках:

— Значит ты, идиот, не оставляешь мне выбора: мне придется уйти так!!! Ничего, начну трудовой стаж с чистого листа, подумаешь, в двадцать пять-то лет!!! Но я ни за что, ни за что не останусь здесь, с тобой, я хочу жить дальше, я хочу жить, а не болеть и не умирать, как ты не понимаешь, придурок?!?

Первые слезы, но Женька злобно смахнула их, а Сергей неистово, с силой тряхнул ее и, сгорая от бешеной ярости, от боли, отчаяния, от всей этой идиотской ситуации, прошипел:

— Ты не можешь от меня уйти, Женя! Ты не можешь, я тебя не отпущу!!! Никогда! Ты не оставишь меня, потому что я, я не смогу без тебя, ты разве не понимаешь???, Я люблю тебя, люблю, глупая!!! — в ужасе крикнул он ей в лицо, и Женя на секунду замерла, ощутив такой сильный прыжок сердца в груди, что ей снова сделалось невыносимо больно, больно... Как же это больно!!! Она слышит эти слова, самые долгожданные для той, которая сама дышит лишь своей любовью, но как, как они могут быть вместе?? Когда у него есть семья, есть дочь, которая безумно любит папу и даже не думает о том, что он может уйти куда-то из дома и не вернуться, забрав у нее тем самым частичку ее сердца... Есть этот странный, договорной брак и контракт, по которому Сережа потеряет все, если разведется, а его отец никогда ему этого не простит... Сколько несчастий случится сразу, из-за одного только появления Жени Зябликовой в его жизни, из-за любого, хоть маленького лучика надежды, который она, счастливая до боли от осознания того, что он любит! любит! ее, может случайно подарить ему невзначай... Сколько трагичных событий произойдет в результате! Но главное — это маленькая девочка... Ее лицо все время вставало у нее перед

глазами... Довольное, красивое, улыбочивое... Его глаза... Его губы... Она так на него похожа! Нет, нет, Женя, ты не можешь поддаться, ты не можешь рискнуть этой улыбкой, ты не можешь поставить на карту ее счастье в обмен на свое...

— Да я же говорила тебе уже, Сережа, это не имеет значения! — со слезами и гневом крикнула Женя, чувствуя отчаянную, болезненную черную пропасть в груди и едва дыша от боли. — Ты...

— Сергей Викторович, мы на совещание... — вдруг послышались недоуменные голоса за дверью, и Женя и Сергей, очнувшись и вспомнив, что они в реальном мире, где в понедельник утром происходит обычный рабочий процесс, одновременно посмотрели на нескольких начальников отделов, стоящих у входа в кабинет и удивленно глазающих на то, как их директор зачем-то грубо прижимает свою секретаршу к стене, а та что-то гневно кричит ему прямо в лицо, не опасаясь ни выговора, ни увольнения...

— Я занят! Вся рабочая болтовня через час!!! — громыхнул он безапелляционным тоном и с силой хлопнул дверью перед вытянувшимися от обиды лицами коллег, а Женя, продолжая дико злиться, импульсивно сложила руки на груди и гневно воскликнула:

— Вот ты как всегда, Сережа! Никого не уважаешь, тебе на всех плевать, кроме себя!!! Зачем наорал на них??? Они не виноваты в том, что ты — идиот! Так еще и привыкший, что все всегда только по-твоему делается!..

Сергей гневно слушал ее, пылая яростью, а затем бешено проговорил:

— Ты закончила нравоучения?? Сейчас не время мой стиль руководства обсуждать!! Так что вернемся к нашей проблеме, и прекрати уже называть меня...

— Идиотом??? — бешено выкрикнула Женя, захохотав, и, полетев к двери, она на ходу гневно затрещала:

— Идиот, идиот, идиот!!! Ненавижу тебя!!!

— Подожди!!! — громыхнул Сергей, помчавшись следом. — Не смей уходить, мы еще не закончили!!! Женя! Давай поговорим спокойно...

Женя выбежала в секретарскую, истерично смеясь и думая лишь о том, как же ее угораздило попасть в эту ситуацию и как ей теперь научиться существовать в ней, но эта мысль была второй, а первой было дикое желание уйти куда-нибудь и поплакать, выплеснуть пар, не находиться рядом с ним, поджигаясь на его и своей ярости, не ощущать этого отчаяния, исходящего от него и не слышать о его любви к ней, разрывающей ее на мелкие, мелкие кровавые кусочки...

Она кипит, кипит ужасно: лицо, руки, шея — все покраснело от злости и слез, а внутренний инстинкт резко развернул ее к нему и заставил снова закричать:

— Поговорим?!? Нет, нет, Сережа, слушай меня сюда теперь ты: если я останусь на твоей чертовой фирме, то все наши разговоры ограничатся только РАБОТОЙ!!! Тебе ясно??? Ни одного слова о каких-то чувствах, ни одного слова не по теме, ни одного физического контакта!!! Слышать больше ничего не желаю!!! Надеюсь, ты запомнил??? А теперь оставь меня в покое, Сергей Викторович, и занимайся своей работой!! — снова гневно шепнула она, смахивая слезы, и, перегнувшись через стойку, судорожно попыталась подумать о своих обязанностях, сделать что-то, отвлечься, успокоить свое сердце, а он...

— ЧТО-О-О?? Работой??? Нет, Женя, не запомнил, как это, мать твою, «ни одного слова не по теме»??? Женя! Вернись в кабинет, немедленно!!! — грозно и беспрекословно прошипел он, снова схватив ее за локоть, и Женя, вырвав руку, зарычала от негодования и усталости, схватив приказ на повышение одной из сотрудниц отдела продаж и, с силой

оттолкнув Сережу от себя, яростно проговорила ему в лицо:

— Хватит уже мной командовать!!! Что хочу, то и делаю!!! Отвяжись! — и она побежала по коридору, стуча каблучками туфель и мечтая исчезнуть в каком-нибудь подвале, лишь бы не слышать, как этот упрямый кретин стремительно шагает следом, пытаясь ее догнать.

— Женя!! Перестань убегать и вернись в секретарскую, живо!!! — гневно прошипел Сергей ей в спину, а она побежала быстрее, замечая, что на них с интересом стали поглядывать сотрудники, встречающиеся на их пути в коридоре, и тоже гневно ему шепнула, чтобы не привлекать ненужного внимания:

— У меня много дел, Сережа, так что ОТСТАНЬ, пожалуйста, иначе сам же будешь визжать, что я ничего не успеваю!!!

— Визжать?!? Ну, Женька...

Ступеньки, Женя сбежала по ним и ворвалась в тот самый, хорошо ей знакомый оупенспейс, привлекая на свой стремительный полушаг-полубег на каблуках всех, сидящих на своих местах и мирно занимающихся своими делами коллег, заставляя их с огромным любопытством проследить за ней и за сердитым, шагающим следом за ней Минаевым, буквально сшибающим яростной волной наповал.

— Женя! — прошипел он тихо. — Срочно вернись в секретарскую, сколько раз тебе повторять??

Так, так, где же эта Таисия Севастьянова, которой нужно подписать приказ о повышении??? Женя на секунду остановилась и огляделась, встретившись с веселым и недоуменным взглядом Семена, удивленными глазами работников, злым и ревнивым взглядом Лены... Лены... Ага, да вон же она, рядом с ней, она же из ее отдела!

— Быстро... вернись... в секретарскую, Женя, нам надо поговорить!!! — прошипел Сергей, схватив Женю за локоть, но она вырвалась и, прищурившись, зыркнула на него яростными глазами, после чего взвинченно прошептала:

— Никуда я не вернусь!!! К черту и тебя, и твою секретарскую!!! У меня здесь есть дела, сколько раз тебе повторять, может ты лучше сам вернешься на свое место и начнешь уже работать, как ты на это смотришь???

Ой. Кажется, слишком громко получилось... Все, Женька, ты — труп. Перегнула палку, нарушила субординацию в общении с собственным шефом, не говоря уже о том, что поставила грозного Сергея Викторовича не на самое выгодное место в глазах его подчиненных, которые тут же зашушукались, заинтересованно следя за этой сценкой...

Бежать, бежать, Женя почувствовала, как его взгляд полыхнул по ней зверской молнией сзади, опалив спину до костей и добавляя к ее чувствам гнева и обиды толику страха, поскольку она понимала, насколько разрушительным и непредсказуемым может быть Сережа, если его окончательно вывести из себя...

Эй, Женька, а тебе это удалось, слышишь?

Стремглав понеслась Женя по кабинету и, подлетев к столу малюсенькой блондиночки в розовом, купленном, судя по размеру и цвету, в «Детском мире» костюмчике, она резко положила перед ней приказ и, слегка задыхаясь и ощущая дрожь во всем теле, быстро проговорила ошарашенной девушке:

— Вот, Тая, подпиши вот здесь, где галочка, только скорее, пожалуйста!

Сердце, сердце колотится в зверском, огненном бешенстве, в зверском бешенстве и огне, и огне, жарко, страшно, воздуха не хватает, какая-то отчаянная паника, черт, что же это

такое, что такое???

Сильная и такая чертовски любимая ею рука грубо схватила ее, а гневный, обжигающий яростью и чем-то еще голос жадно прошептал ей на ушко:

— Вернись в кабинет, Женя, или я...

— Что? — вызывающе и едва слышно шепнула она, повернувшись к нему и встретив... его... страстный, гневный, но до безумия горящий взгляд, неотрывно следящий за ее глазами... Дрожь, Женя вспыхнула, щеки покраснели, она злится, злится, это такая злость странная... Сворачивающаяся огненной, сладкой змеей внизу живота, заставляющая ее глубже задыхаться, а сердце стучать быстрее... Боже, Боже, Женька, что ты делаешь?? Зачем так пялишься на него, не смотри ты на него вообще!! Ты же порвать с ним хочешь, он же обидел тебя, ты же злишься, ненавидишь его, так чего ты так заветно уставилась на его губы, почему вся горишь от его шепота и прикосновений?..

А Сергей секунду изучал ее лицо, ухмыльнулся и, снова наклонившись к ее уху, дьявольски прошептал:

— Или я тебя при всех поцелую.

Взрыв, взрыв, щеки запылали, горячность разлилась по телу в приступе болезненного, поглощающего желания, и Женя, не сдерживая ужаса, импульсивно прошептала:

— Только попробуй, убью!!! Я тебе так врежу!..

— Давай. — снова горячо шепнул он, а его глаза сияли сумасшедшим пламенем... — Грубой со мной ты еще не была.

Вот же скотина!!! Женька вырвалась из его руки и бегом, то есть, почти бегом, помчалась на выход, не помня себя от ужасного жара, простреливающего ее тело в каждой клеточке и почти отключая разум, оставляя лишь ярость, обиду и дикое, неистовое вожделение, разгоняясь все быстрее и совершенно не зная, куда ей деться, как ей спрятаться от него и не наделать новых ошибок...

А Сергей устремился следом, на ходу жестко и холодно проговорив, видимо, обращаясь ко всем остальным:

— Работаем, работаем, не сидим! Спектакль окончен!

*** «Минус»

Злился! Невероятно, ужасно, беспредельно! Сергей быстро шел за Женей, улепетывающей прочь из кабинета, и умирал от желания разнести все это здание в щепки, выпустить гнев, кипящий у него внутри и выкручивающий его наизнанку...

А еще он умирал от того, что дико, убийственно и отчаянно хотел Женю... Что с ним такое?.. Он же злился на нее, за ее поведение, за желание уйти, чтобы никогда его не видеть, за то, что унизила его в глазах коллег... Но когда там, у стола Севастьяновой, она обернулась к нему... Бешеная, огненная волна, черт, как же так?!? Он видел в ее глазах желание, видел, как она горячо смотрела на него, тоже утопая в злости, и... и...

Ее волосы, ее спина впереди, ее ножки, стремительно уносящие ее прочь, Сергей быстро догнал ее у лифта и, не зная, как ему успокоиться, как подавить в себе безумную похоть, схватил за локоть в привычном жесте и развернул к себе, заставляя посмотреть на него...

Пульс ударил в виски, тело мгновенно напряглось, внутри все всколыхнулось... Она тяжело дышала, ее щеки были покрыты обжигающим румянцем, а локоть в его руки подрагивал...

Толчок, толчок, Женя, перестань, прекрати, просто злись, просто гневайся, потому что это пытка, это смерть, он не выдержит, он не сможет контролировать себя...

— Никогда, никогда не смей так со мной разговаривать в присутствии моих подчиненных!!! — яростно выдохнул он, сходя с ума от неистового желания схватить ее в охапку и не отпускать ближайшие полчаса где-нибудь в укромном месте...

Ее глаза осветились новой волной вызова и огня, и она прошептала дрожащим (черт, почему у нее дрожит голос? Почему она так горячо дышит, издевается, что ли?) голосом:

— Ой-ей, уже дрожу от страха, деспот! Как хочу, так и разговариваю, а если что-то не нравится — уволь меня!

Сережа еще сильнее схватил ее, пылая от ярости, пылая от вожделения, но в этот момент двери лифта открылись, выпуская из кабины двух пареньков-конструкторов, и Женька, вырвавшись, шмыгнула туда, воскликнув:

— Не ходи за мной! Я одна поеду!

— Вот еще. — сказал Сергей, залетая следом за ней в кабину и, подчиняясь собственному, неумолимому желанию, встал совсем рядом с ней. Женя тяжело вздохнула и как-то оглянулась, видимо, желая отступить от него назад, но некуда, некуда... Ее глаза сверкнули отчаянием, а дрожащие пальцы нажали на кнопку седьмого этажа.

Двери начали закрываться.

— Отойди от меня, Сережа!.. Отойди, ненавижу тебя, видеть не хочу... Отойди, слышишь?.. — слабым голосом прошептала она, чуть ли не с мольбой глядя на него, а глаза ее светили чем-то невероятным, а ее дыхание становилось все тяжелее... Сережа сходил с ума, волна огня захлестнула его, он резко шагнул к ней и, не имея сил больше сдерживаться, тихо прорычал:

— Ненавидишь, значит...

Бешеный удар по кнопке «Остановка кабины», и он схватил ее и поднял на руки, жестко прижав к металлической стене замершей в тишине кабины, и, услышав ее сладкий вздох, бросился яростно целовать ее, умирая от бешеного, импульсивного, отчаянного желания, умирая от злости, не контролируя свои силы, свою грубость, только мощно прижимая ее к стене и упиваясь вкусом ее губ, которые не были мягкими и нежными, как раньше, а были злыми, агрессивными и до изнеможения страстными, отвечая ему на поцелуй с той же жадностью, что и он целовал ее, поглощая ее, упиваясь ею, сходя с ума от бешеных ударов сердца...

Она кусалась, больно, обиженно, она горела в его руках и тянула, тянула его на себя, прижимаясь все теснее, не давая вздохнуть, не давая собрать себя под контроль...

Мозг поплыл, жарко, жарко, Сережа не мог насладиться ею, отчаянно целуя и бешено лаская ее шею, жестко потягивая за волосы, слыша ее вздохи и умирая от собственного напряжения, начинающего потихоньку взрывать его внутренности...

Она, Женя, была прекрасна, божественна, идеальна для него... И она... была чужой, она не принадлежала ему, она хотела порвать с ним... Нет, нет, лишь бы эта минута никогда не кончалась, Сережа умер бы вот так, рядом с ней, ощущая, как ее нежные руки впивались в его шею, поглаживая в огненном трепете плечи и спину, как она выгибалась навстречу ему, жадно подставляясь под новые ласки и вздыхая, вздыхая...

Нет, он умрет прямо сейчас, умрет от наслаждения, от бешеного отчаяния, от желания, сводящего его с ума своей неистовой силой...

Ее ножки обнимали его, он видел, как задрался подол ее платья, посылая новые искры

его телу, он не мог сдерживать себя, грубо лаская руками эти бедра, ощущая, как она теснее сжимает их вокруг него и едва вдыхая воздух от жара, желая целовать их, целовать ее всю... Она будто создана для него, для того, чтобы он целовал ее...

Темпы все нарастали, Сережа был на грани фантастического взрыва, он все горячее ласкал ее, целуя ее губы, губы, шею и снова губы, лаская руками ее тело, ее бедра, прекрасные, фантастические, нежные, ощущая, как она движется в такт его ласкам и продолжая дарить ей всю свою жадную и отчаянную любовь, упиваясь ее тяжелыми вздохами, ее ответными прикосновениями, обжигающими его кожу...

— Все, все, Сережа, хватит... — едва слышно, умоляюще шепнула она, задыхаясь, и он посмотрел ей в глаза на один лишь миг, заметив блеснувшие слезы и огненный румянец на ее щеках... Она хотела оттолкнуться, слабо, обессиленно, но он не мог, не мог ее выпустить, лишь сильнее прижав к себе и понимая, что это, возможно, последний раз, когда он держит ее в своих руках, когда чувствует ответные ласки и ее нежное, трепещущее, горящее тело под его неистовым напором...

Нет, нет, ни за что, лучше сдохнуть сто тысяч раз самой мучительной смертью, но... Он ее не выпустит, не сейчас...

Сережа зарычал, снова набросившись на нее с поцелуями, жадно потягивая ее за нежные кудряшки и лаская ее кожу, ее горячую щеку, спускаясь ниже, к шее... Ее руки с силой вцепились в его спину, тяжелый вздох... Никаких остановок, никакого контроля, он никогда в своей жизни никого так не желал, он никогда не доходил до болезненного, уничтожающего конца, он никогда не был так влюблен в кого-то... Настолько, что готов был на любую муку... любой ад...

Рука, его рука... скользнула к груди... Он едва выдохнул, ее грудь была прекрасной, слишком прекрасной, мягкой, манящей...

О, нет, нет, потерпи еще, Сережа, не сейчас, не сейчас...

Ее губы стали нежными, она задрожала, откинувшись к стене лифта, и тихо застонала, заставив его тело отреагировать до предела... Руки, грудь, грудь, бедра, быстрее, быстрее, рука все выше по бедру, уже под платьем, нужно остановиться, она стонет, ах, Боже, как же она прекрасна... Ее бедра конвульсивно сжались, Женя вдруг легко прикусила ему губу и тихонько вскрикнула, обмякнув всем телом, а ее дрожащая рука процарапала глубокий огненный след по его спине...

Сергей не мог не смотреть на нее, не мог не сжимать в объятьях, наслаждаясь ее состоянием, умирая от счастья, мечтая держать ее в руках вечно, целовать ее лоб, нос, эти веснушки, эти румяные щеки, вдыхать ее запах и... взрываться бешеным фейерверком вместе с ней, с трудом вдыхая и выдыхая, с трудом сдерживая себя на грани волшебного завершения, тоже ощущая обжигающую дрожь...

Он жадно, любовно смотрел на нее, а она, положив голову ему на грудь, тяжело дышала, а из глаз ее лились слезы, все сильнее... Она всхлипывала, дрожала, неистово обнимая его, не позволяя выпустить из рук, и Сергей до боли стискивал ее в своих объятьях, ощущая ее дрожь и ненавидя себя, ненавидя снова и снова злясь...

— Женя. — тихо позвал он ее шепотом, хриплым, еще страстным, да разве он мог успокоиться рядом с ней хоть на секунду???

Он злился на ее слезы, отчаянно желая, чтобы она вернулась к нему, но Женя лишь покачала головой и, подняв на него обессиленные, сияющие глубокой болью и безнадежностью глаза, вдруг потянулась и поцеловала его в губы...

Вспышка, вспышка, о, Женя, прошу, не целуй так, это прощальный поцелуй, я чувствую, прощальный, я не могу тебя потерять, я не могу без тебя жить, не могу ни единой секунды, прошу, не делай этого, я все исправлю, я, черт возьми, планету с ног на голову переверну, я все исправлю, только не оставляй меня, ты нужна мне, ты нужна мне, ты нужна мне...

Губы, такие нежные, но в них будто сосредоточилась вся ее любовь, все ее отчаяние, вся боль... Она не могла иначе, она была слишком правильной...

Секунда... Она посмотрела на него, сердце, сердце Сережи разрывалось от боли, он провел рукой по ее щеке... Она плакала, он все летел и летел дальше в свою болезненную пустоту, одиночество, отчаяние... Как же больно, он никогда не испытывал столько боли...

Женя тяжело вздохнула и, бросив на него последний, любящий взгляд, слабой рукой нажала на кнопку этажа, медленно убрав с себя его руки и встав на пол, оправляя платье.

— Женя... — севшим, отчаянным голосом позвал он, но она лишь посмотрела через слезы в его глаза и покачала головой:

— Я научусь жить без тебя, Сережа... И ты научись как-нибудь. У тебя семья. Это был последний раз...

Дверь лифта отворилась, и Женя, обходя столпившихся на площадке людей, стремительно убежала, закрывая лицо руками, а Сергей с огромной, разрывающей его душу болью смотрел ей вслед, все еще чувствуя на губах ее поцелуй, а в руках, словно ожог, — ее нежное тело.

Глава 19. «Плюс»

Февраль закончился, а вместе с ним и медленно ползущий в сторону лета, приятный, поднимающий настроение и заставляющий все чаще улыбаться на солнце и снимать шапки — и март, уступив место то теплоте, то лютоте, то дождливому, то снежному, то солнечному, то пасмурному апрелю.

На жухлых и грязных газонах, даже там, где во дворах они были умело и беспечно использованы под парковку автомобилей, на всех незаасфальтированных участках земли стала пробиваться свежая, зеленая трава, а деревья окружились бледной, нежной дымкой листвы, предвкушая все больше и больше теплых дней впереди...

Кошки громко мяукали, молодежь все чаще застревала парочками на каких-нибудь скамейках в парках, обнимаясь, целуясь или даже просто глядя друг на друга влюбленными глазами... Даже Игорек Сторожев вдруг случайно обнаружил свою страшную тайну, что он уже давненько общается с сисадмином своей фирмы по «скайпу» и в социальных сетях, стремительно наращивая обороты и уже желая перевести виртуальное общение в разряд реального...

Все кругом цвело и впадало в беспросветную романтику... А Женя все барахталась в своем море боли, пытаясь найти хоть что-нибудь, хоть бревно, хоть спасательный круг, хоть нащупать камень под ногами, чтобы перестать тонуть с головой в своей несчастной любви.

Она не уволилась. Угрюмо проанализировав все шансы, Женя пришла к выводу, что устроиться на работу в почти что двадцать шесть лет без трудовой книжки, а значит, без реального доказательства своего опыта работы, она вряд ли сумеет, а найти еще более-менее приличную должность, чтобы платили хотя бы половину из того, что ей платит Минаев (категорически отказавшийся уволить ее и выдавать ей на руки трудовую книжку, кретин этакий!), вообще не представлялось возможным в этой реальности...

Стиснув зубы и думая только о Полине и о том, что осталось меньше полугода на то, чтобы собрать нужную сумму на путевку, Женя каждый день шла на «Черный полюс», где ей предстояло стать настоящим призраком для него, для Сергея...

Забавно, когда мы влюбляемся в кого-то, и что-то идет не так — нас не любят в ответ или есть какая-то другая причина, по которой мы не можем быть вместе с любимым, — мы отчаянно надеемся, что эта любовь пройдет...

Женя думала, что она сильная, думала, что сможет двигаться дальше, что время излечит ее болезнь, а душа найдет иной объект для бескомпромиссного притяжения, но каждый день, встречаясь с Сережей лицом к лицу и работая в тесной связке, ей было до изнеможения трудно говорить с ним, обходить его стороной, не приближаться ближе, чем на метр, стараться не смотреть в глаза и разговаривать с ним холодно, отстраненно... Каждый день она переживала словно на поле битвы с самой собой, отчаянно понимая, что дни идут за днями, превращаясь в месяцы, а любовь, ее любовь, никуда не девается, принося ей каждый миг новое и новое мучение...

Она отчаянно пыталась жить своей жизнью, она общалась, заводила новые знакомства, мечтала о свидании и о том, что ей кто-нибудь так ужасно понравится, что она забудет о Сереже и станет свободной... Но каждую минуту ее сердце взывало к нему, тянулось, как

зеленые ростки к восходящему солнцу, чеканило удары только понимая, что он там, за этой закрытой, теперь всегда закрытой дверью директорского кабинета... Каждую минуту ее взгляд, больной, измученный, потухший, падал на него, особенно когда Женя знала, что он ее не видит... Каждую минуту все ее нутро до боли скручивало в узел при мысли, что она не может подойти к нему, не может прикоснуться, не может поцеловать, потому что он не принадлежит ей и никогда не будет принадлежать...

О, если бы забыть все то, что было между ними! Если бы вырвать из груди бешеный трепет от звуков его голоса, уверенной походки, деловых жестов рук, тех самых, что когда-то давно, миллионы лет назад ласкали ее до сумасшедшего фейерверка, до изнеможения, если бы не замечать его уверенного, но такого отчаянного, такого манящего и обжигающего страстным сиянием взгляда на себе, она могла бы двигаться дальше! Но малейшая мысль о том, что Женя вдруг, в какой-то из дней не сможет увидеть его или вдруг заметит, что он увлекся кем-то другим, другой девушкой, превращала ее душу в глубокий и огненный котел с несчастьем, а ее жизнь — в страшный, обременительный для нее самой, непроглядный ад...

И в этом аду Женька варилась ежедневно, забыв, что такое шутка и как звучит ее смех, а лишь направляя все силы на то, чтобы выдержать, выстоять, не рухнуть и не дать Сереже обрушить тот купол, который она эмоционально выстроила вокруг себя...

*** «Минус»

А что Сережа? Сережа, страдавший не меньше Жени от того, что она каждый день находилась рядом, но была настолько далекой и чужой, что хотелось разломать какой-нибудь многокомпонентный комплект мебели, от того, что она отчаянно пыталась жить дальше без него, сводя его к безумной, яростной ревности лишь одной только мыслью о том, что Женя, его Женя, вдруг начнет встречаться с кем-то другим, позволит кому-то целовать себя, а может, даже и кое-что большее, да он готов был на любые муки, лишь бы не видеть этого, не знать об этом и вообще, как-то вылезти из той черной дыры, в которой он очутился...

Но проблема была в том, что Сережа, в отличие от Жени, даже не мог помыслить, чтобы попробовать двигаться дальше без нее... Он не представлял своей жизни ни с кем другим, его мозг был как будто зациклен на ней, повернут на ней, все его чувства были направлены лишь на считывание ее эмоций: она грустит? Она подавлена? Она несчастна? А теперь улыбается... А сейчас?.. Не голодна ли она? Не холодно ли ей? И так далее, и так далее.

Целых два месяца в невероятном, сжигающем душу, бесконечном, постоянном желании разбить все стены, что она выстраивала между ними, поступить эгоистично и заставить ее снова быть с ним, отказавшись принять ее решение и ее выбор, в бесконечном страдании от того, что ее лицо теперь всегда оставалось бледным и поникшим, а в глазах, кроме боли и усталости, не было больше ничего... Ни задора, ни огонька, характерных для этой веселой рыжеволосой, наивной девчонки, ни самого долгожданного и желанного сияния любви, которое накрепко захватывало Сережу в свои сети и не отпускало...

Но, несмотря на все это, Сергей ощущал и садомазохистское удовольствие от этой боли. Во-первых, так он понимал, что Женя его еще любит, а значит... А значит, у него оставался маленький, едва заметный огонечек надежды, который и давал ему силы просыпаться утром и потихоньку жить...

Два месяца прошло с тех пор, как он целовал ее там, в лифте, последний раз... И с того

дня, когда он подал на развод. Ад в связи с тем, что Женя отстранилась от него, дополнялся еще и бесконечным зудежем со стороны Ксюши, которая, получив первую повестку в суд, сначала долго и отчаянно кричала, а потом плакала, напуганная и подавленная, растерянная и... да, Сергей нехотя признавал это, но все еще небезразличная к нему... Но это ничего не меняло. Ему нужна была Женя, а чтобы получить ее, хотя бы иметь хоть малюсенький шанс вернуть ее, он должен быть свободен, даже если эта свобода будет стоить ему семьи, работы, бизнеса и всего остального... Женя стоила любой цены, которую он готов был платить, а следовательно, Сережа и жил лишь маленьким отголоском надежды, что когда-нибудь в будущем, она простит его и преступит через свои принципы, согласившись быть с ним...

Но возвращаясь к разговору о Ксюше. Как и много лет назад, чтобы сохранить себе Сережу, чтобы не дать ему уйти «к этой рыжей марамошке», она каждый день крушила его психику разговорами о Насте, о том, какой несчастной она будет, если папа уйдет, как она станет его ненавидеть, а еще излюбленным шантажом на тему «ты ее больше никогда не увидишь, подонок!». Сергей все прекрасно понимал, он действительно ужасно хотел быть с Настей рядом, всегда помогать, защищать, видеть, как она вырастет... Но без Жени он не представлял своего существования, дыхания, жизни.

Заметив, что разговоры о Насте не особо действуют на Сережу, Ксюша зашла с другой стороны, решив растянуть бракоразводный процесс словно жевательную резинку — на очень и очень долгое время. На первом заседании суда она выражала несогласие ни с одним пунктом раздела имущества, даже когда Сергей плюнул на все и предложил оставить ей и квартиру, и машину... А бизнес и так уже отходил к ней по брачному контракту, в котором, как назло, не было ни одного пункта касательно недвижимости и всего остального... Но Ксения тут же «переобулась» и сказала, что так дело не пойдет, и что она «слишком любит мужа, чтобы оставить его с голым задом»... Что в результате вылилось в еще одну повестку, а затем и еще... Но Сережа упорно работал в этом направлении и со своим, и с ее адвокатом, прикидывая, что на крайний случай, видимо, придется забашлять некоторым рылам кругленькую сумму и, как говорится, утрясти вопрос... Но и это было не единственной его проблемой.

Отчаянно умирая от перспективы одиночества и от того, что любимая игрушка скоро перейдет в чужие руки, Ксюша прибегла к самому крайнему, но зато суперэффективному, как ей показалось, средству шантажа, а именно: она позвонила Виктору Петровичу Минаеву и все ему рассказала.

Именно поэтому, рассекая прохладный воздух коридора через несколько дней после первого заседания суда, отец Сергея уже летел к нему на всех парусах гнева, не разбирая дороги и мечтая только как следует встряхнуть из сына всю дурь, вернув его к нормальной, с точки зрения Виктора Петровича, семейной жизни.

— Где он??? — заорал приказным тоном его голос в секретарской, и Сергей, в это время корпевший над бухгалтерской отчетностью, угрюмо ухмыльнулся, представляя, что сейчас будет.

— Там. — ответил уверенный и недоуменный голос Жени за дверью, от которого сердце Сережи сжалось, но его внимание тут же переключил на себя отец, ворвавшийся огненным вихрем в его кабинет и так приложивший дверью об косяк, что табличка с надписью «Генеральный директор» с жалобным позвякиванием отвалилась на пол.

— Что ты себе позволяешь, сын?!? — прогромыхал Виктор Петрович, раздувая ноздри и гневно глядя на Сережу, который чувствовал себя, на редкость, спокойно: видимо, весь

негатив на себя забрал отец. — Что ты творишь???

Сергей ухмыльнулся, отложив отчет и откинувшись на спинку стула, с вызовом и бесстрашной самоуверенностью проговорил:

— Что, Ксюша пожаловалась тебе? А своего папочку она уже успела осчастливить новостью, что скоро он станет обладателем всего твоего... ой, точнее, моего бизнеса?

— Ты о чем, Сергей? Какого еще «твоего» бизнеса? — недовольно буркнул Виктор Петрович, нервно расхаживая по кабинету и распространяя гневные флюиды в разные стороны.

— Такого «моего». - спокойно ответил Сергей, пожав плечами. — Помимо «Черного полюса» у меня еще есть доля на авторынке и в сети магазинов автозапчастей.

Отец на миг остановился, удивленно посмотрев на него, но снова яростно вспыхнул, зашагав по кабинету с утроенной скоростью:

— Это не имеет значения. Я не могу понять, почему ты вдруг решил развестись с ней, да с такой спешкой, плюнув при этом на дело всей моей жизни???. Ты хоть можешь себе представить, как сложно раскручиваться в производственном сегменте???. Как нелегко заработать доверие со стороны Минобороны и получить от них госзаказ???. Ты думаешь, эта фирма нам так просто досталась?? Я всю душу в нее вложил, а ты хочешь ее профукать из-за КАКОГО-ТО СВОЕГО ОСЛИНОГО УПРЯМСТВА???. — заорал он, дико завращав глазами Сергей ухмыльнулся:

— Да, так и есть. — нагло заявил он. — Видишь ли, папа, мне как-то наплевать, сколько труда ты там куда вложил, потому что теперь я собираюсь начать свою жизнь, нравится тебе это, или нет. Я освобожусь от Ксюши, потому что люблю другую женщину, и если ради нее мне придется потерять все, включая и твою бесконечную тиранию надо мной... Ну что ж. Я тут как-то подумал... И понял, что прекрасно смогу без всего этого обойтись, так что можешь бегать здесь, размахивать руками, выпускать дым из ноздрей, но изменить ты ничего не сможешь. Мне тридцать четыре года. Пора начинать жить нормально, а не по чьей-либо капризной указке. — завершил он свою жесткую речь и ухмыльнулся, а Виктор Петрович подлетел к нему и, не помня себя от ярости, схватил его за пиджак и прошипел ему в лицо:

— Ты — разбалованный, неблагодарный сосунок!!! Я доверил тебе свое самое ценное — свой бизнес, а ты хочешь просто отдать его в руки конкурента из-за... из-за какой-то рыжей шлюхи???. Нет, нет, исключено!! Ты не сделаешь этого, я не позволю тебе! Ты заберешь документы о разводе и будешь терпеливо ждать до следующего июня, когда закончится твой брачный контракт, и тогда можешь кидать сколько угодно свою стерву-жену и уплывать в закат со своей проשמандовкой хоть тридцать три раза, ты меня ПОНЯЛ???

— НЕТ, НЕ ПОНЯЛ!!! — громыхнул в тон ему Сергей, резко взбесившись на своего отца и возненавидев его за то, что он так отозвался о Жене. — Я не собираюсь ждать целый год и жить с той, которая мне осточертела еще со школьной скамьи! Перестань орать, отец, и оставь меня в покое! Я все равно сделаю это, к чертям тебя и твой бизнес! Ты своей сделкой века спас свои деньги и разрушил мою жизнь, так что теперь настала пора послать тебя и твою фирму к чертовой матери, теперь ты МЕНЯ ПОНЯЛ???. — проорал он, резко встав и скинув руки отца со своего пиджака, глядя на его бешеное, разъяренное и изумленное до глубины не очень-то и глубокой души лицо.

— Чертов неблагодарный молокосос!!! Ты здесь, в этом дорогом костюме и в этом

кресле, потому что Я ТЕБЕ ЭТО ПОЗВОЛИЛ, и ты не уйдешь просто так из-за какой-то. Кто она? Как ты там говорил? «Любишь» ее?? — язвительно рассмеялся отец, с презрением глядя на сына. — Да ты и понятия не имеешь, что такое любовь! Ты всю жизнь вел себя, словно Казанова, используя женщин по одному разу и выбрасывая из своей жизни на следующий день! И между прочим, это из-за твоей получасовой интрижки с Ксюшей мы сейчас по уши в этом дерьме!!! Так что не смей говорить мне, что любишь кого-то, ты...

— Люди меняются, отец. — серьезно, вдруг успокоившись, сказал Сергей, отходя к окну. — Я многое понял о себе и о своей жизни и хочу теперь поступать правильно. Так что мое решение окончательное, отец. А теперь — иди домой, не мешай работать. — грозно проговорил Сергей, а Виктор Петрович, не помня себя от гнева, снова заорал на предельно допустимых децибелах:

— Что-о-о?!? Идти домой??? Значит так, Сергей, если ты не заберешь документы, еслипустишь псу под хвост из-за своего мимолетного увлечения мой бизнес, я запрещаю тебе появляться в нашем доме и отрежу доступы к любым источникам доходов, ты усвоил это??? Ты больше НЕ БУДЕШЬ МОИМ СЫН...

— ВИТЯ!!! — отчаянно и тоже гневно крикнул женский голос, и на сцене драматического театра появилась мама Сережи, торопливо вбегающая в кабинет и тревожно и озлобленно глядящая на мужа. — Немедленно остановись!! Что ты делаешь??? Оставь, оставь его в покое, дай ему жить своей жизнью, прекрати угрожать ему и манипулировать им, он — ТВОЙ СЫН, и НЕВАЖНО, сколько ошибок в своей жизни и каких он сделал!!! Ты слышишь меня???

— Тамара! Не лезь!!! — проорал Виктор Петрович, глядя на жену пылающими глазами. — Твой сын хочет рискнуть всем ради какой-то рыжей прости...

— Виктор!!! — гневно крикнула на него мама и показала на дверь. — Ты все сказал, теперь иди в машину и жди меня! Ну??

Надо сказать, отец Сережи в своей жизни слушался лишь одного человека в целом мире — свою жену Тамару Николаевну Минаеву, которая, несмотря на почти шестьдесят лет, была очень энергичной и ухоженной: ее темно-каштановые волосы всегда укладывались в какой-нибудь элегантный узел на затылке, лицо, слегка округлое, но очень гладкое, никогда не появлялось на людях без идеального макияжа, а на полноватой к своим годам фигуре неизменно сидел деловой, строгий костюм.

Виктор зарычал от негодования и бешено полетел к выходу, громко распахнув дверь и стремительно оказываясь в секретарской. Там он вдруг остановился, и Сергей, мгновенно ощутив тревогу в сердце, заметил, как он пристально и гневно оглядывает Женю, после чего эффектно поднялся указательный палец, и он заорал:

— Ты!!!

Сергей хотел было выбежать, стремясь защитить Женю на случай, если отцу вдруг приспичит выпустить пар, но он, ничего больше не говоря, умчался в коридор, в сторону выхода из фирмы.

Сережа нахмурился, гневно и опустошенно отвернувшись к окну и кусая губы, злясь на эту идиотскую, уничтожающую его со всех сторон сразу ситуацию, а мама подошла к нему и, положив руку ему на плечо, проговорила:

— Не волнуйся, Сережа. Ты никогда не перестанешь быть частью нашей семьи, никогда не перестанешь быть моим сыном, и я всегда, слышишь? — она внимательно заглянула в его большие, уставшие глаза. — Всегда буду поддерживать тебя и любить.

Сергей печально ухмыльнулся, испытывая благодарность к маме, а она вдруг с веселым любопытством спросила:

— Так она... та девушка, действительно стоит того, чтобы ты доводил своего отца до состояния зверства и разрушительного гнева???

Сергей пожал плечами, устало глядя на маму.

— Я не знаю. Я просто люблю ее и все. А значит, мне не важно, какой будет цена за нее.

Мама вдруг счастливо улыбнулась и обняла его, нежно, тепло... Сергею так не доставало этих эмоций в последние месяцы... Он с удовольствием чмокнул ее в щеку и проговорил:

— Иди. А то отец машину разнесет там в одиночестве. Кто-то же должен его остановить.

Тамара Николаевна тихо рассмеялась и проговорила:

— Ладно, пойду. И, Сереж... Я очень за тебя рада. — тепло и нежно проговорила она и двинулась к выходу, но, оказавшись в секретарской, она вдруг тоже остановилась напротив стойки, и Сергей увидел, как расширились в изумлении и внезапной догадке ее глаза, и она тихо прошептала, прикрыв рот ладонью:

— Ой... Рыженькая... — она обернулась на Сережу, который испытал неловкость и смущение перед Женей, и поспешил махнуть маме руками, поторапливая ее:

— Иди, иди, мам, давай! Отец ждет!

— Так это... это... — заговорила от внезапного волнения Тамара Николаевна, снова с изумлением и восторгом уставившись на Женю, а та, Сергей не видел ее из кабинета, но понял по ее голосу, видимо, пришла в недоумение по поводу такой странной реакции его мамы на себя и с волнением проговорила:

— Меня зовут Женя. Я могу вам чем-то помочь? У вас все в порядке? — с тревогой и искренним переживанием прошептал ее голос, а Сергей вновь испытал прилив неистовой тяги к ней, жадно впиваясь в ее голос и тяжело вздохнув.

Мама вдруг с широкой, счастливой улыбкой посмотрела на Женю и тихо и задумчиво проговорила:

— Женя... Нет, нет, не волнуйтесь, все хорошо... Женя... — и, бросив мельком какой-то странный, сияющий удовольствием взгляд на отчаянно махавшего ей Сережу, улыбнувшись и окончательно утвердившись в своей догадке, она тоже пошла в сторону выхода, так и продолжая счастливо улыбаться, будто только что познакомилась с самим солнышком.

Глава 20. «Плюс»

«Возвращайся ко мне крышами,
Тротуарами, взглядами,
Проводами провисшими
И столбами распятыми.

Одиночеством берега
На экране той осени,
Красно-жёлтой истерикой,
И улыбками просеки...

Возвращайся ко мне мыслями
Одинокими, упрямыми,
Электронными письмами
Безответными, пьяными.

Коридорами верности,
Лабиринтами памяти,
Камышовой нежностью
В тихой солнечной заводи.

Возвращайся отравой, потускневшими травами,
Возвращайся в словах и без слов,
Из немой фотографии улыбкою, взглядом,
Переулками выцветших снов.
Возвращайся!

Возвращаться — не каяться,
Возвращаться — быть вечными,
Возвращаться — не стариться,
Оставаясь конечными.

Возвращаться — не выстоять,
Возвращаться — быть слабыми,
Возвращаемся к пристаням
Кораблями усталыми...
Возвращайся!

Возвращайся отравой, потускневшими травами,
Возвращайся в словах и без слов,
Из немой фотографии улыбкою, взглядом,

Переулками выцветших снов.

Возвращайся! Возвращайся... Возвращайся...»

Женя сидела в своей машине перед зданием завода, раскрыв водительскую дверь и подставившись в расслабленной позе теплому солнышку, уже который день качающему права на вступление в жаркое лето.

Вытянув ноги, обутые в красные кеды, на тротуар и почти не шевелясь, не думая о том, что полу-лежащее положение в автомобильном кресле может помять ее черную строгую юбку и светло-голубую блузку без рукавов, нежно огибавшую очертания ее тела и заправленную в ту же самую юбку, Женя лишь слушала и слушала красивый, глубокий голос солиста, заполняющий каждую клеточку ее тела, отзывающийся каждым словом где-то в глубинах ее души и заставляющий чувствовать что-то непреодолимо болезненное и тоскующее, но неизменно чувственное в ее сердце... Да разве музыка, сильная, насыщенная, многогранная и живая, может оставить равнодушным, если она призвана заставить тебя ощущать???

Снаружи было жарко, Женя чувствовала, как солнце печет ее ноги через тонкие колготки, как горит кожа на ее левой руке под его лучами, а внутри, внутри нее в странном контрасте царили холод и отчаянная тоска. «Возвращайся! Возвращайся!» — кричали динамики ее магнитолы, а она лишь с болью сжималась, до ужаса желая этого, всем своим усталым, истосковавшимся, больным сердцем... Она желала разрушить все преграды, желала быть только с ним, умирать рядом с ним не от ненавистного, обреченного, страстного желания лишь коснуться, ощутить рукой его сердцебиение в груди, окунуться в его взгляд, а от осознания своего бесконечного счастья и того, что Сережа будет навечно с ней, навсегда, навсегда...

Но это никогда не станет реальностью. А значит, Жене оставалось лишь страдать дальше и тонуть в своем болоте холода и одиночества, понимая лишь одно — она делает это ради Насти. Ну и еще слушать музыку, которая, как специально, призывала ее совсем к иным действиям и глубоко рвала уже и так порядком изорванные кровавые раны в ее душе...

— Ага! Вот мы чем занимаемся по утрам, значит? Торчим в машинке, упиваемся музыкой, чтобы чувствовать себя еще более несчастной, чем есть на самом деле, а потом на всех парусах пытаемся успеть на работу, натянув маску гордой и неприступной снежной королевы, которая мучает себя и других ради общего блага! Жека, але, реальный мир вызывает! — ворвался в ее сознание веселый и невероятно теплый голос Семена, который, проникнув туда, куда не могло попасть солнце, а именно внутрь ее тела, ее души, привнес ей немного успокоительного, сладостного тепла, такого нужного ей, такого спасительного, дарящего жизнь и пару градусов настроения.

Женька лениво открыла глаза и слабо улыбнулась, увидев перед собой парня в модных квадратных очках, с пирсингом в нижней губе и в своей излюбленной рубашке кричащего, ядовито-зеленого цвета, дополненной красным галстуком в черный горошек и потертыми темно-синими джинсами с кедами в придачу. Потянувшись, она села и сонно проговорила:

— Ну вот... Даже проигрыш дослушать не дал... Карташов, вот ты вечно лезешь со своим ненужным реальным миром туда, куда тебя не просят, да еще и нравоучения бесплатные с утра... — зевнула Женька, доставая туфли и скидывая кеды, переобуваясь для работы. — Вот я лично не заказывала...

— Вообще-то, Зябликова, Минаев тоже душевных страданий не заказывал, а ты ему их обеспечиваешь по полной...

— У-у-у, все, все, все, Семка, иди на работу один, потому что если ты собираешься снова говорить со мной о Сергее, то я лучше обойдусь без занудного провожатого, так что выбирай: или молча — со мной, или молча — один... — резко прервала его Женька, ощутив боль в сердце и нахмурившись, а Сема покачал головой, ожидая, когда она натянет-таки каблук и закроет машину, проговорив:

— Это все потому, что мне со стороны немножко виднее, чем тебе, страдальца ты моя ненаглядная! И вообще, я считаю, что ты совершаешь...

— Семка, сейчас пойдешь впереди, я не шучу! — грозно проговорила Женька, пикнув сигнализацией и направившись к парадному входу завода, грустно глядя себе под ноги. — Я уже все решила. Я не собираюсь уводить его из семьи, я не собираюсь отнимать у ребенка отца, ты только представь, что с ней будет! — воскликнула она, отчаянно взмахнув руками. — Нет, нет, даже думать не хочу, я не смогу, Сема, она не заслуживает этих слез, понимаешь?

— Женька, но ты ведь разрешишь ему видеться с ней! Он будет помогать ей, общаться, а насчет несчастной, испорченной жизни... — Сема пожал плечами, обняв Женю за шею, и спокойно проговорив:

— Мой отец свинтил из семьи, когда мне было девять... Мы не общались много лет, я злился на него, но... Если бы он хотя бы попробовал наладить со мной отношения, я бы его простил, потому что всегда очень скучал по нему... Но он был не заинтересован в этом, у него — новая жена, новые дети, а я... — он улыбнулся, увидев неподдельный и искренний ужас на лице Жени. — Женька, могу тебя заверить — я не считаю, что его уход сломал мне жизнь и сделал несчастным. Я нуждался в нем, какое-то время горевал, что все стало по-другому, не как раньше, печалился из-за того, что стал ему не нужен... Но не считаю, что моя жизнь испорчена или разбита. У меня сейчас отличный отчим, он любит маму... Что еще нужно? Все норм. Вот это я и пытаюсь до тебя донести, рыжик. — закончил он, поджентльменски пропуская ее вперед, в лифт, а Женька, шагая, не зная куда, вдруг ощутила, как затрепыхалось ее сердце и как что-то странно сжалось в груди, хоть она и не понимала, что...

Она рассеянно посмотрела на Семена и как-то через силу выдохнула, тяжело проговорив:

— Это только твой один-единственный пример... Но ведь есть миллион других...

— Каких? — с веселым любопытством спросил Сема, а Женька, испытав какое-то острое, режущее чувство внутри, махнула на него рукой, проговорив:

— Разных. Отстань, Карташов. Я не могу, все равно не могу! А следовательно, я попытаюсь жить дальше, завести другие... отношения... — с болью шепнула она, отвернувшись от Семена и чувствуя, что скорее умрет, чем позволит кому-то другому прикоснуться к ней, целовать ее, обладать ею... Она до отвращения, до ужасного отторжения боялась себе это даже представить.

— У-у, ладно, мой милый аленький цветочек! Я не буду переубеждать тебя в том, что ты дуришь, и из-за твоей дури страдаете вы оба...

— Семен!

— Ладно-ладно, Жека, закрыли тему, но что-то мне подсказывает, что тебе нужно развеяться... — Сема хитро подмигнул и первый вышел из лифта, взяв Женю, охваченную все тем же странным щиплющим, режущим и колющим чувством, за руку и ведя уверенной походкой в секретарскую, видимо, понимая, что его подруга включила пилот-автомат и сама

может туда попросту не пойти.

— Как развеяться?.. — потерянно спросила Женя, а Семен хитро улыбнулся:

— Майские праздники будут теплыми, поедem в парк АТтракционов! Обещаю, никаких разговоров о Сергее Викторовиче! Я тебе даже сладкую вату куплю!

— О-о!!

— Да-да! — подтвердил Семен, увидев на лице Жени небольшой проблеск оживления через беспросветную хмурость. — И все ради твоей улыбки, рыжик! Хватит уже горевать, на тебя смотреть страшно! Пора отыскать в этой горке депресняка мою веселую и милую подружку! У тебя, кстати, помада сегодня не очень... — тут же озабоченно и все по-прежнему искренне заявил Сема, показав пальцем на Женины губы, и Женке вдруг действительно по-настоящему захотелось улыбнуться, впервые за два долгих месяца.

Она в шутку обиженно пихнула его в плечо и возмущенно проговорила:

— Эй! Если ты уже начал разрывать свою подружку из «горки депресняка», то, пожалуй, не стоило начинать с замечаний по поводу внешности... И на помаду не гони! Я утром торопилась, пришлось мамину взять. — вдруг правда улыбнулась она и со вздохом проговорила:

— Ладно, поедem в парк. Только Полину с собой возьмем, а то она мне своим велосипедом всю плешь проела: когда кататься поедem, когда кататься поедem...

— Отлично! С малышкой будет веселей! Супер! Со мной поедет маленькое солнышко и рыжая, угрюмая тучка! Славно повеселимся. — радостно заулыбался Семен, первым входя в секретарскую и направляясь напрямиком к кофемашине, а Женка хмыкнула:

— Завязывай с аллегориями, Карташов! А то... — она осеклась и остановилась, а внутренности ее настороженно напряглись: около секретарской стойки с самым самодовольным и важным видом, вновь сверкая, подобно айсбергу, светлой, блондинистой шевелюрой и белоснежным, режущим глаз, огромным костюмом на крупной, массивной фигуре стоял Павел Краснохатов и нетерпеливо поглядывал на вход, ожидая... ожидая...

Кого ж это, интересно, он ждал с таким хищным видом, позвольте спросить?!?

Женя, которая целых два месяца умирала от своей несчастной любви, даже забыла о нем, потому что Павел, после того случая, когда он застал ее целующейся с Сергеем в его кабинете, перестал навязываться ей, общаясь исключительно по работе, так что даже его жадные взгляды не мешали Жене спокойно жить и страдать дальше от гложущего желания быть с Сережей Минаевым...

Ну а здесь, сейчас, он, завидев ее, вдруг улыбнулся, как раньше, когда она была объектом его притязаний, только в его широченной и счастливой улыбке Женя неохотно уловила и кое-что новое для себя... Нет, тот же оценивающий взгляд, бесцеремонно шарящий по ее телу и плотоядно зависающий на особо «выдающихся» местах, те же омерзительные маленькие глазки, те же румяные, как у ребенка переростка, щечки и огромные лапищи... Ну а взгляд... светился триумфом, что ли?

Женя настороженно и недоуменно смотрела на него, наконец, оторвав себя с места, и, снова обойдя Пашу по широкой дуге, спокойно, но нервно проговорила:

— Доброе утро, Павел Юрьевич. Вы Сергея Викторовича ждете?

Она бросила опасливый и какой-то светящийся мольбой взгляд на Семена, который, налив себе кофе, игриво ей подмигнул, а Павел, тем временем, проговорил своим фирменным, «чарующим», мурлыкающим басом:

— Доброе утро, Женечка... Нет, я тебя ждал. Прекрасно выглядишь сегодня, кстати.

— С-спасибо, Павел Юрьевич... — настороженно проговорила Женя, усевшись на стул и включая компьютер, судорожно думая, что ей сейчас ему отвечать, если он снова «подкатит» к ней с предложением о свидании. — Что-то случилось?? Я что-то натворила?

Павел жарко оглядел ее губы и шею своим отвратительным, вожделенным взглядом и, наклонившись к ней, тихо проговорил:

— О да, милая, натворила, и уже давненько... Семен! На свое место. — вдруг громыхнул он в распорядительном, беспрекословном тоне, и Женя совсем-совсем напряглась, до крайности, ощущая даже какой-то страх за свою целостность и неприкосновенность, отчаянно и вызывающе глядя на Пашу, который нетерпеливо ждал, пока Сема возьмет свой кофе, пошлет Жене воздушный поцелуй и испарится из секретарской, что он с удовольствием и сделал, оставив настороженную и взволнованную Зябликову наедине с ее мучителем, после чего Павел, вновь обратив свой похабный взор на Женю, низко промурчал:

— Что-то ты грустна в последнее время, Женечка... Непорядок, мне это совсем не нравится... Что, с Сережей не сложились отношения? — жадно спросил он с победной ухмылкой, а Женя с отвращением поморщилась:

— Павел Юрьевич, извините, но это вас не касается.

Павел тут же поднял лапы в примирительном жесте и поспешно проговорил:

— Извини, дорогая, ты права, просто, как ты помнишь, ты была мне... скажем... небезразлична, вот я и не смог удержаться... И очень прошу тебя все-таки ответить на мой вопрос. — безо всякого приказного тона, а наоборот, тихо и, как бы, упрашивая проговорил он, а Женя вздохнула, чувствуя дикую усталость и раздражение от всего, что происходит, от него самого и его дурацких вопросов в придачу.

— Павел Юрьевич, еще раз повторяю — моя личная жизнь вас не касается, но насчет Сергея могу вам сказать одно: все гораздо сложнее, чем вы думаете, но мы не вместе, это так.

Женя отвернулась к монитору, мельком заметив, как его улыбка стала еще шире и раздраженно и угрюмо услышала в ответ:

— Мне очень жаль, Женечка, что все так вышло, но... Сергей — такой человек... Грубый, непостоянный...

— Что вы хотите, Павел Юрьевич? — жестко прервала его Женя, не желая ничего слышать о Сереже, потому что, помимо боли, в ней присутствовало еще и понимание того, что Паша, как его бывший друг, возможно, знает о каких-нибудь еще Сережиных скелетах, которые Жене не хотелось обнаруживать.

— Женечка, милое солнышко, я хотел бы поднять как-нибудь тебе настроение. Помнится мне, мы как-то давненько с тобой договаривались насчет совместного ужина в ресторане... Тебе тогда одна презентация была нужна, и ты...

Вот же чертов гад, вспомнил, подлюга! Женька мигом взвинтилась, гневно посмотрев на него и наткнувшись на довольный и очень коварный взгляд маленьких глазок, внимательно изучающий ее лицо.

— Да, Павел Юрьевич, я помню об этом, а еще о том, что случилось несколькими неделями позже, на корпоративе, и мы с вами, по-моему, обо всем поговорили: насчет вашего поведения и моего к вам отношения...

Паша закивал и тут же поспешно прогромыхал на всю секретарскую самым вежливым и виноватым тоном:

— Да, милая, да, я помню, я усвоил урок и ни за что не сделаю тебе ничего, что может вызвать твое недовольство... Я прошу лишь дать мне шанс показать, каким я могу быть... И кроме того, у меня есть к тебе одно предложение, которое заинтересует нас обоих...

Женя настороженно и недоуменно вытаращилась на него, опасливо проговорив:

— Предложение? Какое еще предложение?

Павел хитро подмигнул и промурлыкал:

— Очень, очень выгодное... Но детали я расскажу тебе только в ресторане. Так что скажешь, Женечка? Лучший ресторан, цветы, обслуживание, никаких приставаний, лишь интересное и культурное общение... Согласись, прошу!

Женя видела его хищный, пожирающий взгляд на себе и не верила ни единому слову насчет того, что приставаний не будет... А после всего, что она испытала с Сергеем и без него, она и думать не могла ни о ком! Она так ужасно, просто до тошноты, не желала ни с кем видеться, встречаться и сидеть в дурацких ресторанах!!! Она бы променяла все на свете, лишь бы просто провести хоть минуту рядом с Сережей, минуту из той, прошлой жизни, когда она не знала ни о чем и была самой счастливой на свете, только лишь минуту... молча, без лишних разговоров...

— Павел Юрьевич... — устало начала она, но ее резко прервал до крайности разъяренный и грозный голос:

— Паша!!! У тебя что, память отшибло??? Что ты, мать твою, опять здесь приклеился???

Женя вздрогнула, а ее сердце полетело в свою любимую и такую привычную огненную пропасть: Сережа. Сережа пришел.

*** «Минус»

Погруженный в свои невеселые раздумья, Сергей мрачно рассекал воздух коридора своей фирмы, на минуту застряв около кабинета бухгалтерии и учета персонала, требовательно обсудив с подчиненными необходимость срочного подведения итогов по квартальной премии и затребовав отчет о прибыли за прошедший месяц, а затем, нерадостно и пусто глядя куда-то перед собой, он переключился мыслями на другие рабочие проблемы, которые предстояло решить, и всеми силами стараясь не думать о том, что там, в секретарской, в считанных шагах от него уже находилась Женя... Холодная, неприступная, чужая... Но ни на секунду не перестававшая притягивать его, словно чудесный рыжеволосый магнит... Он уже чувствовал запах сирени в коридоре, ее духов... В груди все болезненно сжалось... Как вдруг до его слуха донесся тихий, низкий и вкрадчивый голос, который Сережа мог узнать и во сне... Голос, заставивший его за одну секунду озвереть и обезуметь от гнева и ревности, потому что ему категорически было запрещено находиться в секретарской, рядом с ней...

— ...что скажешь, Женечка? Лучший ресторан, цветы, обслуживание, никаких приставаний, лишь интересное и культурное общение... Согласись, прошу!

Бешеный взрыв, Сергей ощутил такую яростную вспышку в своей груди, что у него даже голова заболела... Ах он говнюк!!! Да как он посмел снова подкатить к ней со своим рестораном, урод вонючий!!! Нет, нет, ни за что, он не отдаст Женю в эти пошлые лапы, которые лишь и тянутся только, чтоб ее заполучить!!! Убью, убью, не позволю даже прикоснуться, убью!!!

Звезды в глазах, салют в голове, Сережа полетел в секретарскую, едва сдерживаясь, чтобы не навалиться на Пашу сразу с кулаками, а еще хотя бы попытаться решить конфликт

мирным способом, но бешено колотящееся в груди сердце не оставляло ему практически никакого шанса...

— Паша!!! — заорал он, не видя ничего, кроме вспышек в своей голове, белого медведя Паши с довольной ухмылкой и слегка удивленный, но по-прежнему измученный и потухший взгляд Жени из-за стойки. — У тебя что, память отшибло??? Что ты, мать твою, опять здесь приклеился??? — проорал он, гневно подлетая к Паше и яростно и требовательно заглядывая ему в глаза.

— О, Сережа! Ты что, опять не в настроении, господин директор? — с наглой и вызывающей улыбкой проговорил Павел, сунув руки в карманы. — Каждый день с криков начинаешь... Тебе нужно расслабиться, дружище... И, желательно, в женском обществе...

Сергей гневно ухмыльнулся, мечтая размахнуться и так ударить этого белобрысого подонка, чтоб у него мозги из ушей потекли, а сам жестко процедил:

— Спасибо за совет, Паша, что же еще ты мог мне предложить? Я еще раз повторю вопрос: что ты забыл около Жени и какой, к чертям собачьим, ресторан???

Паша триумфально и коварно, словно жирный питон, отзавтракавший крокодиллом, улыбнулся и весело проговорил:

— Самый шикарный в городе, Сережечка. Женя ведь заслуживает только идеального свидания, ты согласен со мной?..

— Павел Юрьевич, прекратите! — прошипела разгневанно Женя, возмущенно глядя на него и избегая смотреть на Сережу, чем еще больше заставила его злиться на всю эту ситуацию.

— И думать забудь, Паша, слышишь??? Она с тобой никуда не пойдет! Никогда! Ты понял??? Исключено!!! — прошипел, едва сдерживая бесконтрольную ярость Сергей, а Паша в фальшивом удивлении вытаращил свои маленькие, отвратительные глазки, проговорив:

— А чего это ты за нее решаешь, Серега? Она — не твоя женщина, не твоя жена. Женечка сказала мне, что вы не вместе, а значит, она свободна, дорогой мой, как прекрасная Рапунцель! У тебя же есть Ксюша, вот и распорядись...

Взрыв в голове, ревность, ревность, гнев — накопленный, отчаянный, — и Сергей, не зная, как это получилось, в следующую секунду уже видел, как его руки схватили Павла за белый воротник и так грубо прижали к стойке, что тот даже поморщился от боли и покраснел, пытаясь снять железную, подкрепленную отключающей мозги и чувства безумной яростью хватку его рук с себя, а Сережины губы бешено зашептали очередную угрозу:

— Не лезь к ней, Паша, и еще раз повторяю — она с тобой НИКУДА НЕ ПОЙДЕТ, если ты будешь упорствовать и продолжать клеиться к ней, я размажу тебя по стенке в большое-пребольшое, грязно-белое пятно за считанные секунды, ты даже не успеешь...

— Сережа!!! — вдруг услышал он сквозь злость возмущенный до предела голос Жени и мигом остыл, ощутив на своем плече ее маленькую, теплую ладошку... Ощувив ее руку впервые за эти месяцы... Он резко повернул к ней голову, жадно оглядывая ее разгоряченное гневом лицо, такое чертовски близкое, такое прекрасное, что он готов был прямо сейчас выбросить Пашу куда-нибудь в окошко и только целовать, целовать ее лицо, смотреть в ее странные, фиалковые глаза и...

— Сергей Викторович. — отстраненно проговорила Женя, и внутри Сережи все обрушилось холодным водопадом... Он отпустил Пашу и рассерженно уставился на нее, умирая от ее близости, умирая от желания коснуться, но... Эх, Женя, Женя...

Ее глаза яростно сияли, и она проговорила холодным, категоричным тоном:

— Прекратите решать за меня, с кем и куда мне идти! Вы не имеете на это никакого права. И оставьте Павла Юрьевича в покое! Он еще ничего не сделал!!! Вы слышите меня???

— она пылала от гнева, ее глаза искрились болью, рассудок Сергея дрожал, но Женя вдруг посмотрела на Пашу, который счастливо улыбался, оглядывая ее желанным взглядом, и неожиданно проговорила:

— Павел Юрьевич, я подумаю над вашим предложением и дам вам знать о своем решении позже, хорошо?

Павел заулыбался еще омерзительнее, и Сергея прошиб новый приступ ярости:

— Женя...

— Женечка, конечно хорошо, я на все согласен! Главное, что ты не сказала «нет»! Ладно, пойду, а то у Сереженьки на меня, кажется, аллергия — вон, как покраснел весь! — и, громко захохотав, Паша ушел с чувством исполненного долга и невероятного триумфа.

Сергей посмотрел на Женю, которая спокойно прошла к себе за стойку, пылающими от ярости глазами и прошипел:

— Женя!!! Ты никуда с ним не пойдешь!!! Ты слышишь???

Даже не думай, поняла? — холодно отрезал он приказным тоном, а Женя вдруг гневно и мстительно рассмеялась:

— Вот еще! С чего бы это, Сергей Викторович? С кем хочу, с тем и хожу на свидания, и вы не можете мне этого зап...

— Женя, ну не будь ты дурочкой! — обессиленно воскликнул в гнев Сергей, желая стереть этого треклятого Павла с лица земли навечно, и, схватив большую и толстую веревку, привязать Женю к себе, не давая никому даже смотреть в ее сторону, а не то, что звать на какие-то там свидания... Женя обиженно зыркнула на него и возмущенно проговорила:

— Ах, теперь я еще и дура! Иди-ка ты в зад, Сережа! Мало тебе, что ты мне всю душу вымотал, так еще и дальше продолжаешь мне судьбу портить?? Хочешь моей смерти в одиночестве, а не в окружении детей, внуков и любящего мужа???

Она резко отвернулась от него к экрану монитора, раскрасневшись от злости и собственной боли, а сердце Сергея дрогнуло сто тысяч раз... Но он снова вспыльчиво и раздраженно проговорил:

— Сейчас не об этом речь! Ты разве не видишь сама? Паше от тебя нужен лишь... — он замолчал, не в силах проговорить это вслух, не в силах даже представить, что Женя позволит кому-то, кроме него, так к себе прикасаться...

Женя резко вскинула голову и с огромным, светящимся отчаянием проговорила:

— Секс? Ну и что! Сережа, это тебя уже теперь не касается! И я сама разберусь с тем что нужно Паше, и с тем, что нужно мне от него, понятно тебе???

Это моя жизнь, Сережа! И мой выбор! Все, иди работать. — и она снова уставилась в экран, демонстрируя всем своим видом, что разговор окончен, а Сергей зарычал в безумной ярости и ревности, в сердцах воскликнув:

— Твою мать, Женя!!! — и, понимая, что она из принципа не будет слушать его и реагировать ни на какие аргументы, яростно прошагал в свой кабинет и громко хлопнул дверью, не зная, как Женя с огромной, всепоглощающей тоской посмотрела на его спину и тяжело, с глубоким душевным страданием, вздохнула, обессиленно откинувшись на спинку стула.

Глава 21. «Плюс»

Парк Атракционов гудел вокруг, как тысяча слонов, вышедших, на водопой. Жара, солнце пекло нещадно, ужаливая белые после зимы и впервые за этот год продемонстрированные миру голые плечи, ноги, лысины и лица, а кое у кого — даже спины и животы. Люди всех возрастов, национальностей, любого пола, будь то мужчины, женщины или дети, сновали по парку туда-сюда, развлекаясь на аттракционах, макушки которых торчали то здесь, то там среди деревьев, или маячили в специально установленных палатках с переносными развлечениями, как-то: тир, метание дротиков по надувным шарам, детская «рыбалка» и многое другое, все быстрее истощающее запасы кошельков.

Люди разговаривали и смеялись, птицы чирикали, собаки лаяли, из кафе и со стороны аттракционов играла музыка, поддерживая всеобщие майские гуляния, а лотки с прохладительными напитками и мороженым неизменно манили разгоряченных солнцем прохожих, зазывая яркими, разноцветными зонтиками.

Женя сидела на одной из скамеек, свободной только потому, что она как раз располагалась под прямыми солнечными лучами знойного и гипер-активного майского солнышка, а не где-нибудь в теньке под раскидистой, цветущей яблоней, и, глядя на то, как ее младшая сестренка в белоснежном сарафане с подсолнухами и огромным мотком сладкой ваты в руке нарезает круги вокруг фонтана на своем любимом велосипеде с лошадкой Джулией, том самом, что ей когда-то давно привез Минаев, а Семен в непривычной для него, нормальной, абсолютно белой футболке, простых джинсах и кедах засекает время, отсчитывая, за сколько минут Поля пролетела тот или иной круг, Женя впервые за эти тяжелые месяцы чувствовала относительное спокойствие, не считая того странного, зудяще-режущего чувства в груди, которое появилось после их с Семой разговора о Сергее в лифте...

Но она игнорировала этот зудеж, вполне успешно умудряясь почти ни о чем не думать, а лишь расслабленно раскинуться на скамейке в легком летнем платье нежно зеленого, елочного оттенка, облегающем грудь гипюровым лифом и разлетающимся по бедрам от талии, доставая длиной до колена, а еще на ней были босоножки ярко-желтого цвета на высокой и аккуратной танкетке, желтый широкий браслет на руке в тон к ним и черные солнцезащитные очки, скрывающие ей добрую половину лица. Женя смотрела на свою сестру и слегка улыбалась, откидывая с плеч свои рыжие кудряшки и отчего-то понимая, что в ее жизни, возможно, все еще наладится, может не быстро, может не сразу, но... когда-нибудь она преодолет эту катастрофу, выкарабкается... Вон какое солнышко теплое! Еще все лето впереди... Лето всегда спасает, лето всегда вытаскивает из любой депрессивной ямы, лето дарит надежду и шанс поверить в то, что жизнь преподнесет какое-нибудь прекрасное чувство за поворотом...

— Фу, Женька, ты видела, видела??? — заверещала подъехавшая к лавочке Полина, весело плюхаясь рядом с сестрой с самой счастливой на свете улыбкой. — Три минуты сорок секунд! Это наш с лошадкой Джулией рекорд!! — заявила она, похлопав по изображению любимой лошади на велосипеде.

Женя улыбнулась и, потрепав Полю по каштановым волосам, проговорила:

— Ты бы поберегла Джулию, Поля, а то, я так понимаю, ты то можешь и быстрее, а вот

она после твоих рекордов как-то неважно выглядит... — и Женька весело покосилась на унылый, лежавший уставшей грудой и затихший велосипед, а Поля рассмеялась. В этот момент явился Семен и, усевшись с другой стороны от Женьки, вручил ей и Поле по большому рожку мороженого, весело улыбнувшись:

— Пора сделать мороженную паузу! Жека, если бы ты сразу предупредила, что твоя сестренка — такой реактивный двигатель, я бы из дома табурет захватил, а то ноги скоро совсем отвалятся! — довольно улыбаясь, сказал он, посмотрев на Полю, которая счастливо показала ему язык, и на Женю, которая вдруг улыбнулась, шутливо ответив:

— Так ты бы, Семка, сразу предупредил, что у тебя аккумулятор разряжается, я бы тебе какой-нибудь подзарядник захватила, в виде Лены Старцевой, например.

— О, рыжик! Ты наглая, хитрая лиса! Значит, о тебе с Минаевым говорить нельзя, а на моих чувствах поиграться и повспоминать о Лене — так пожалуйста, конечно! — Семен шутливо погрозил Жене пальцем, а Поля вдруг заявила:

— Минаев — это тот дядя Сережа, да, дядя Семен? Который Женьке цветы дарил, и из-за которого она плакала?

Ощувив болезненное колыхание внутри себя, Женя вздрогнула и поморщилась, чувствуя, как резко и больно кольнуло ее сердце, и тяжело проговорила, с трудом улыбувшись девочке:

— Полюшка, а ты, может, на аттракционе каком-нибудь хочешь покататься?? Давай, выбирай, я тебе билет куплю.

Счастливая Полина тут же оживленно соскочила и, запихивая в рот мороженое огромными кусками, радостно поскакала к билетному киоску, в задумчивости замерев около него и глядя на названия аттракционов.

— Так тебе и надо, Женька. — назидательно проговорил Семен, а Женя, ощутив укол вины, положила голову ему на плечо и, обняв одной рукой его под локоть, пристыженно проговорила:

— Прости, Карташов. Я больше не буду, честное пионерское! Все, никаких Сереж и Лен, сегодня будет наш идеальный, свободный от мучений день! Вот увидишь!

Семка улыбнулся и, поцеловав Женю в макушку, проговорил:

— Ловлю тебя на слове, Женька!

В этот миг снова подбежала Полина и затрещала, прыгая вокруг скамейки:

— Хочу, хочу, хочу на «Торпеду»!! А потом на «Пиратский корабль», ладно, Жень? «Пиратский корабль»! Пойдем, идем, пойдем, а дядя Семен велик посторожит, да ведь?

— Непременно! — весело заявил Сема, подмигнув девушке. — Я на нем еще и покатаюсь, пока ты будешь на этих советских развалинах трястись, так что не волнуйся, Пулька, получай удовольствие!

Полина захлопала в ладоши и, схватив Женьку за руку, поволокла что есть мочи к кассам, на ходу что-то оживленно тренькая.

Стоя в длинной и нудной очереди, Женя тихо переговаривалась с Семеном и поглядывала в сторону фонтана, куда укатила на своем велике неусидчивая Поля, дабы успеть сделать еще «пару кружочков перед тем, как заняться аттракционами», и даже представить себе не могла, что все ее великие надежды отвлекусь от Сергея и отогреть заледенелую душу на этом майском солнышке не увенчаются успехом, потому что судьба не дремлет и не собирается прислушиваться к нашим излияниям, а делает все по-своему, с одной, только ей известной пользой...

Гудеж и болтовня вокруг продолжались, и Женя, расслабленно доедающая мороженое, вдруг неожиданно услышала позади себя тихое:

— Гляди, Холмс... Вон эта чика похожа на мою бывшую... Помнишь, у меня Женька была?

— Ну? — буркнул второй голос в ответ недовольным тоном.

— Че «ну»? Вон та, в зеленом платье, с кудряшками! Рыжая, Холмс, догоняешь?? А ножки у этой девахи ниче такие... Тоже шикардос! Надо бы перед заценить, может и там что интересного...

Ошарашено посмотрев на Семена, который, обернувшись, как-то хмуро пялился куда-то, видимо, на тех, кто сейчас в такой культурной манере обсуждали Женин вид сзади, девушка резко обернулась, с ужасом и некоторой усмешкой понимая, что голос этот, собиравшийся «перед заценить», ей очень даже хорошо знаком.

Да. Это был он. Илья Буреломов, по кличке «Буря», все верно. Стоял чуть в стороне от очереди и внимательно, с интересом таращился на Женины ноги все теми же, хорошо известными Женьке живыми карими глазами.

— Буря... — выдохнула она, как-то больше удивившись, чем обрадовавшись встрече с бывшим парнем, с которым она провстречалась, к своему несказанному ужасу, практически год, и который по совместительству оказался угонщиком автомобилей, работавшим когда-то на того самого Берса, которого Женя «сделала» в карты.

— Ты что, его знаешь? — с недовольным видом спросил Семен, оглядев высокую, тонкую, но крепкую фигуру Буреломова, одетую в летнюю голубую рубашку с коротким рукавом, расстегнутую чуть ли не наполовину и обнажавшую толстую золотую цепь с крестом, путавшимся в волосах на груди, джинсы и модные, фирменные и явно недешевые кроссовки, а еще Семин взгляд задержался на щетинистых квадратных скулах, перебитой переносице и какой-то замысловатой татуировке на предплечье Ильи, обозначающей стаю птиц, слетающих к какой-то горе. Илья с самым расслабленным видом гремел четками, намотанными на его левую руку, украшенную, как и положено выходцам из криминального мира, толстым золотым перстнем, и жевал жвачку, внимательно оглядывая Женину фигуру цепким, оживленным взглядом, а рядом крутился еще один паренек, низенького роста брюнетик в черной рубашке, на которой уже проступили пятна пота от жары, черных джинсах и остроносых туфлях, как-то уж слишком придиричиво оглядывавший всех, входящих в парк через главные ворота, и тех, что стоят сейчас в той же очереди, что и Женя.

Услышав Женин вздох, Илья поднял глаза на ее лицо, и его брови взметнулись прямо под ежик коротко стриженных, темно-русых волос, а губы расползлись в удивленной, но довольной улыбке:

— О-о-о, Женька! Это ты, что ли??? Ну ни фига себе, сколько лет, сколько зим! Иди-ка сюда! — и он бесцеремонно вытянул Женьку из очереди за руку, внимательно и с интересом разглядывая ее и совсем не обращая внимания на Сему, хмуро смеривающего его недовольным взглядом.

— Буреломов, я, вообще-то, в очереди стояла! — возмутилась Женька, а Илья выпятил нижнюю губу и громко рассмеялся:

— Ну и че теперь? Прикажешь обратно тебя втолкать? Женька, ты че вообще?? Мы с тобой лет пять не виделись, давай хоть поцелуемся! — и он полез к Жене обниматься, невозмутимо схватив ее за плечи и притягивая к себе, а Женька, памятуя о склонности ее бывшего парня вести себя так, как ему вдруг втемяшится в его дурную голову, нахмурилась и

попыталась отстраниться, воскликнув:

— Илья!! Перестань, какие тебе еще поцелуи?? Совсем сдурел??

— Эй! — вдруг жестко и спокойно вмешался Семен, аккуратно забрав Женю из крепких рук Ильи и недовольно проговорив:

— Я тебя не знаю, но ты не очень прилично ведешь себя в отношении Жени! Не распускай руки, парень!

Илья смерил Семена презрительным взглядом и хохотнул, посмотрев на хмурую Женю, которая уже жалела, что вообще повернулась к нему: как-то ей не очень хотелось вспоминать свою идиотскую девичью влюбленность в хулигана-мальчишку с соседнего двора.

— А ты че, ее новый хахаль, типа? Да ладно тебе, я же ее не обижу! Это ж моя Женюшка, мы с ней долго мучили, она за мной все бегала, милашка, хорошая девочка! Она, может, прикинь, до сих пор меня любит, слышишь, пацки?

Женя фыркнула, закатив глаза и воскликнув:

— Ой, Буря, не льсти себе! Мне было девятнадцать лет! И я же не знала, что ты на самом деле машины уго...

— Ш-ш-ш! Малышка, тише! Не ори ты так на всю улицу! Здесь же мусора вон, повсюду шпындрают! — зашикал на нее Буря, и Женя угрюмо нахмурилась, сделав невеселый вывод:

— Значит, ты до сих пор этой ерундой занимаешься... А ты не боишься, что тебя, ну...

— Заметут? — ухмыльнулся Илья и снова громко захохотал. — Детка! С нашими суперсхемами им мозгов не хватит! Это ж мусора! А ты че в очереди делала? На карусельках хотела покататься? — он как-то огненно и с особым мужским интересом опустил взгляд на Женину юбку и пошло ухмыльнулся. — Я бы посмотрел... Ты, так-то, ниче так выглядишь... Секси-детка!

Он захохотал, а Женя вздохнула, поражаясь, как любовь в ее жизни оказывалась зла каждый чертов раз... Или это у нее с головкой плохо???

— Не будь идиотом, Буря, я здесь с сестрой! Она, между прочим, билеты на «Пиратский корабль» и... как ее там?... — Женя напряглась, вспоминая название второго аттракциона, но ей на помощь пришел угрюмый Семен, буркнув:

— «Торпеду».

— Да, «Торпеду»! Она билеты на «Пиратский корабль» и «Торпеду» ждет, а ты...

— Ты серьезно, что ли?!? Полинка?!? У, я ее когда в последний раз видел, ей лет пять было... На «Мерине» ее катал тогда, она смеялась! — расплылся в улыбке Илья и тут же решительно скинул руку:

— Да ты не дрейфь, детка! Ща все будет, не зуди! — и он уверенно направился к кассе, обогнув всю очередь и, подойдя к окошку, сунул голову прямо внутрь, оттолкнув при этом какую-то женщину с мальчиком, недовольно заголосившую:

— Молодой человек! Здесь очередь, вообще-то!

— Тихо, тетя, не вопи, не уплывет куда твоя очередь за две минуты! — нагло и бесцеремонно заявил он и, сунув руку в карман и гремя четками, достал оттуда пачку денег, а затем также невозмутимо, совершенно не обращая внимания на бурное недовольство очереди и Жени, сердито звавшей его по имени, проговорил в окошко:

— Так, бабуля, мне на «Пиратский корабль» штук пять отхреначь, и еще «Торпеду» надо, ну штук десять отбабахай. Давай, давай, не гунди, тут мамашки с мелкими ждут, вообще-то!! — недовольно поторопил Буря билетершу, которая гневно ему что-то

выговаривала, и, получив целую ленту билетов, с довольным видом направилась к Женьке, будто он только что совершил двенадцать подвигов Геракла.

— Мда, Зябликова... — тихо протянул Семка, глядя на самоуверенную рожу Ильи. — Я, почему-то, совсем не удивлен. Твой типаж! Что Минаев, что этот...

— Брось, да ты что?? — удивленно вытаращилась Женя, хотя, невольно задумавшись, вдруг отчего-то поняла, что в данной ситуации и Сергей наверняка не очень-то бы стал стоять в очереди... А Илья, подойдя к Жене и сунув ей целую ленту билетов, довольно проговорил:

— Ну вот, детка! А ты вайдосила! Я же Буря, забыла, что ли?? Для меня нет преград и всякого такого... А ты и впрямь секси стала, Женька! Че, давай, может, по новой поиграем? — плотоядно улыбнувшись, проговорил Илья и шагнул к Жене, которая даже не удивилась такому подкату, но от души рассмеялась:

— Не-е-ет, Буреломов, хватит! Поиграли уже! — хохотала она, глядя на недовольное лицо Ильи. — Я другого люблю, так что извини.

— Да-а?? — разочарованно протянул Илья, но в этот момент ему вдруг кто-то позвонил, и он, достав мобильник, с довольной улыбкой буркнул:

— Ну че у тебя, Жук? Есть пара ключиков? Отли-и-ично! Ща Холмса отправлю проверить, надо бы на основной парковке пошуршать, там сегодня наверняка отличные есть экземплярики... Все, давай. — он сунул телефон обратно в карман, а Женька сморщила нос.

Илья весело улыбнулся и подмигнул ей:

— Ну ладно, чика, мне пора, дела, дела! Короче, имей ввиду, я для тебя всегда свободен, Женек! В любое время звони, если заскучаешь вечерком, телефончик тот же.

И чмокнув Женю прямо в губы, естественно, не дожидаясь ее на это разрешения, Илья крикнул своего дружка-брюнета и развязно отчалил прочь, к выходу, затерявшись в толпе.

— Ну и ну! Угонщик! Женька... И что же это тебя на всяких понторьлых уродов тянет? — усмехнулся Семен, жестом подзывая Полю, которая, наверно, двадцатый круг вокруг фонтана наматывала, а Женя вздохнула и пожала плечами:

— Не знаю... Я что, по-твоему, специально?

— Женька, Женька, ты купила??? — подлетела верещащая Полина, на ходу спрыгивая с велика, и Женя, сунув ей ленту билетов в руку, как-то грустно и устало проговорила:

— На, катайся!

Оглядев количество билетов, Поля даже рот открыла и очумело проговорила:

— Офигеть!!! Ну, я пойду??

— Иди. — хором ответили Женя и Семен с одинаковыми довольными улыбками, и Поля с горящими глазами побежала на «Торпеду», вприпрыжку пересекая ступеньки в горку и торопясь, пока старичок в оранжевом жилете не запустил карусель без нее.

Пока Полина с огромным наслаждением на лице резко взлетала вверх и ухала со всей скорости вниз в кабинке, выполненной под вид настоящей «торпеды», Женя и Семен стояли внизу, тихо переговариваясь и периодически усердно махая руками в ответ Поле.

— Неужели я и впрямь такая дура? — тихо и угрюмо проговорила Женя, ощущая неприятный осадок после встречи с бывшим парнем-уголовником и одновременно пытаюсь проанализировать свою жизнь. — И ежу понятно, что я несчастна только потому, что парней нормально выбирать не умею! Ну вот как мне переделать себя?

Семен обнял Женьку за плечи и весело заглянул ей в глаза, проговорив:

— Я где-то слышал, что женщины подсознательно выбирают себе мужчин, похожих на их отцов... Может, у тебя папа такой? Ну, характерный, воинствующий...

Женя посмотрела на Полю и вдруг прыснула, обняв Семена за талию в ответ:

— Воинствующий? Да, есть такое... Но это правило не на всех действует, Семка! Вон, Поля, например, влюблена в Игорька, моего друга, а он — мягкий и пушистый, хуже кролика! Где здесь, спрашивается, логика?..

Она снова посмотрела на карусель, на улыбающуюся во весь рот Полинку, ее волосы разлетались в разные стороны, а глаза горели, на другие кабинки с детьми...

И ее сердце резко остановилось.

Встало.

Внутренности рухнули вниз, провалившись в глубокий овраг... Женя ужасно побледнела, а ее руки, подрагивая, опустились... Нет, нет, что за шутки, ну почему? Почему именно сейчас, когда она так отчаянно желала отдохнуть, забыться, освободиться!

— Женя, Жень, Жень! — звал ее встревоженный голос Семена, но она не могла отвечать, голос не работал, а бешеный страх, страх и отчаяние затягивали ее в свои сети, сводя с ума от новых и новых болезненных ударов...

Там, в трех кабинках от Поли, каталась маленькая Настя, дочка Сергея.

— Сема... — едва прошептала она тяжелыми губами и резко ощутила, что ужасно хочет плакать, рыдать, уйти, но только вот ноги не слушались...

— Женя, говори словами, я не могу читать в твоей милой головке! Что случилось? — требовательно проговорил Карташов, слегка тряхнув Женю за плечи, и она, тяжело переведя от смеющейся и такой красивой в своем очаровательном, красном платье Насти, которая тоже рьяно махала рукой кому-то в толпе... понятно, кому: своим родителям, кому же еще?.. Так вот, Женя, посмотрев на Семена взглядом, рвущим душу на части, проговорила:

— Он здесь. Сережа...

Семен резко нахмурился и вытаращил на нее глаза:

— Как здесь? С чего ты решила? Где?

А Женя, не желая, сопротивляясь, умирая, все же повернула голову и посмотрела туда, куда махала милая девчушка в красном платье: чуть поодаль от них, недалеко от раскидистого дуба, стоял Сергей и... пристально и с отчаянием в глазах смотрел на нее.

О, Боги, ну что же это за испытание такое — любить человека, который никогда не сможет быть с тобой, принадлежать тебе???

Тысячи осколков вонзились в ее душу, Женя хотела убежать, хотела отвернуться, но не могла, не могла... Он смотрел на нее своими сияющими серыми глазами, она ощущала, что он сердится, что он напряжен, что он ревнует, гневно оглядывая руку Семена, обнимающего ее за плечи... Женя чувствовала каждую его эмоцию, она всем сердцем впитывала его энергетику, такую бурную, импульсивную, сильную и страстную, она до боли желала прекратить чувствовать его, прекратить настраиваться на него всякий раз, как встречала, прекратить трепетать от его взгляда...

Но как она могла заткнуть свое сердце, которое кричало от боли разлуки с ним? Как могла остановить это бешеное, сдавливающее чувство в груди, желая прикоснуться, вспомнить, оказаться в его объятьях? Как можно было затормозиться и раскрутиться назад?

Не думать о том, как он ужасно привлекает ее, как он самоуверен, красив... И сейчас: серьезный, решительный, в черной футболке, подчеркивающей его хорошо сложенную, подтянутую фигуру, его сильные плечи, мускулы рук, в джинсах, кроссовках... легко,

современно, ну конечно! В парк же гулять пришел! С семьей...

Женя вздрогнула, неистово закачав головой, отчаянно посмотрев в небо и пытаясь успокоиться, не плакать, не плакать...

Какая же глупая и наивная у нее натура! Только сейчас она поняла, что все эти месяцы ужасно надеялась, что Сергей разведется с женой, будет снова настойчиво добиваться ее, бросит все ради того, чтобы быть с ней... Хотя она и решила для себя, что ни за что не сможет вернуться к нему... Вот же девчачий парадокс!

А теперь... а теперь рухнула последняя надежда. Раз он пришел сюда с Ксюшей и Настей, значит... значит они по-прежнему живут все вместе... Он и Ксюша... А вон и она... Стоит с самым раздраженным видом и что-то говорит Сереже... Волосы длинные, до пояса... Ярко-желтое, модное, дизайнерское платье... Не в пример Жениному дешевому, купленному на распродаже... Туфли в тон...

Отвернись, Женя, отвернись, не мучай себя, и так уже всю душу себе измотала, работая с ним каждый день... Так еще и в парке будешь страдать, глупая? Что ты Семе обещала?? Никакого Сергея! Так плюнь на него, давай, плюй...

— Вот черт. — хмуро проговорил Семен, крепче обняв Женю и, видимо, тоже глядя на Сергея, потому что Женя, так и не пересилившая себя и не отвернувшая головы, увидела, как Сережа гневно прищурился, глядя на Карташова, и, сказав что-то Ксюше, вдруг решительно двинулся к ним.

— Сюда идет. — выдохнула Женя, отчаянно посмотрев на все еще катающуюся с самым счастливым видом Полю и обреченно, с мольбой перевела глаза на Сему. — Я не смогу, Семка, я не смогу...

— Тихо, зяблик, не паникуй! Ты же не одна! И он не один. Ничего он тебе не сделает, милая, да и целоваться в присутствии жены вряд ли ползет... Бери себя в руки, ты ли это??? — потрянул ее Семен, и Женя вдруг почувствовала силы в ногах, а в голове — тихонько наплывающую ярость. Ярость поможет ей выдержать, поможет оттолкнуть, поможет спастись...

— Женя. — услышала она такой строгий и такой любимый ею голос и вздрогнула, судорожно повернувшись и оказавшись в опасной, чудовищной близости от него.

*** «Минус»

— «Не оставляя за собой следов
Пройти сквозь чью-то жизнь
Неясной тенью. Тихо.
И догореть костром
Без права на «потом...»

Я в чьей-то жизни шрам
Я в чьей-то жизни весна,
И для кого-то гений,
Для кого-то пень,
Но только это все не про тебя
И в твоей жизни я всего лишь...
Тень.

Тень...

Тень...

Не оставляя за собой следов -
Да, я согласен, я давно готов,
Быть в твоей жизни миг -
Короткий и не ясный крик.

И проходя сквозь двери
Заново рождаться,
Постоянно путать ночь и день.
И продолжая биться головой об стену
Оставаться в твоей жизни под табличкой
Тень.

(Тень...) Не оставляя за собой следов
(Тень...) Да, я согласен, я давно готов
(Тень...) Быть в твоей жизни только миг,
(Тень...) Короткий и не ясный... Крик...»

— Сережа! Ну ты уснул, что ли? Выключай свою дурацкую музыку и пойдём уже, а то парк скоро закроется! — возмущенно ворвался в сознание Сергея, который действительно хмуро и задумчиво погрузился в песню, голос Ксюши, а за ним и Настин тоненький голосок:

— Да, папочка, пойдём скорее! Там карусели!!! Пойдём!

Сережа вздрогнул, сморщившись от боли. Настя. Она не знает, что совсем скоро он уйдет из семьи... Он запретил Ксюше говорить ей... пока. Он не знал, как она отреагирует, но предчувствовал, что ей будет очень и очень больно... И Сережа ужасно мучился от этого...

Но остаться он не мог. Ксюша кричала, плакала, снова кричала, потом пыталась быть ласковой, заново приручить его, как ягненка, а потом опять кричала, понимая, что не может ничего изменить... А Сережа каждый день ощущал свое приближение к свободе, к тому состоянию, когда он вырвется из всех оков, и пусть он упадет ниже плинтуса, пусть останется ни с чем, без дома, денег, работы, но...

Но он сможет рассчитывать на то, что Женя... согласится, позволит ему быть с ней... И Сергей торопил каждый день до очередной повестки в суд, чувствуя ужас от одной только мысли, что он не успеет, что Женя увлечется кем-то другим, что она перешагнет через себя и двинется дальше без него... Что тогда с ним будет?

— Пап!

— Сережа!

Он снова очнулся и хмуро вылез из «Ниссана», помогая дочке выбраться из автокресла и глядя на ее сияющее в предвкушении лицо. Это Настя уговорила его отвезти их с мамой в парк. Он категорически был против, не желая устраивать семейные походы, когда на горизонте маячил их с Ксюшей разрыв, но Настя была такой упрямой, делала настолько жалостливый, просящий вид, что Сережа не смог отказать.

И вот они здесь.

Толпы, толпы вокруг, Сергей никого не замечал, погруженный в угрюмое, хмурое состояние, глядя практически себе под ноги и не слушая, что там бормочет Ксюша и кому строит глазки, едва реагируя на радостные щебетания Насти, рвущие его на части еще больше, и...

— Пап, мам, смотрите: «Торпеда»!!! Можно, можно, можно??? — затараторила Настена, схватив Сергея за руку и указывая куда-то в кусты, где над макушками деревьев то и дело показывались лихо взлетающие ввысь и стремительно исчезающие где-то внизу кабинки.

— Конечно, Настя. Катайся, где хочешь. Сергей — купи билет. — распорядилась Ксюша, и Сережа, решив не вступать с ней ни в какой диалог, мирно пошел и, нетерпеливо и раздраженно, но все же вопреки логике Жени, отстоял очередь, купив Насте несколько билетов и благополучно отправил на ту самую, злосчастную «Торпеду».

«Торпеда».

Дети визжали и махали руками, родители скучковались на земле, внимательно и немного опасливо косясь на старые советские механизмы, толпа вокруг, Сергей задумчиво и угрюмо глядел на Настю, снова провалившись в какой-то личный вакуум, чувствуя и вину, и боль, и тоску, и злость...

А его взгляд вдруг упал на веселую девчущку с густыми, каштановыми волосами, в простом, но очень милom летнем сарафанчике...

Полина. Сестра Жени.

Сердце Сережи дрогнуло так, что он задохнулся, резко переведя взгляд на толпу и нетерпеливо, торопясь, быстро заскользил по ней глазами...

Удар. Остановка. Напряжение во всем теле, взрыв... Она.

Вон она! Женья... Сергей нашел ее, жадно впившись глазами в ее кудряшки, пройдясь взглядом по ровной спине, ниже, к ногам... Его любимые ножки... Стройные, длинные... Она сама так легка, изящна, Сережа не мог оторвать глаз от ее голых плеч, от ее нежных изгибов тела...

Голова погрузилась в болезненный, отчаянный туман, Сережа до боли сжал зубы, упиваясь собственным увлечением, собственным жаром, собственной безнадежностью... Подойти к ней, подойти — в его голове бешено семафорила мысль, разрывая его душу, каждую клеточку, стремящуюся к ней в удушливом порыве...

Так, а ну-ка, остынь-ка на секундочку... Кто там с ней??? Кто там черт побери мать его за ногу ко всем треклятым собакам с ней стоит??? Убить, убить, схватить за шиворот... Какая-то знакомая спина...

Сергей силился взять свою безумную ревность в руки и попытаться проанализировать, узнать человека, который вдруг так нежно обнял Женю, его Женю, его его его Женю за плечи своей рукой...

Сломать сто тысяч раз каждую косточку!

Новый взрыв — Сережа едва вздохнул. Женья... обняла его за талию... Ее тонкие, белые ручки обнимают какого-то там му... Тихо, тихо, успокойся, Минаев, она же не твоя, забыл? Она пытается жить своей...

Семен!!! Дикое облегчение, Сергей даже захотел улыбнуться: она уже пробовала с ним, у них не вышло! Она бы не стала по второму разу...

Хотя, почему не стала бы??? Что здесь такого? Если она его так обнимает, значит, он ей точно безразличен...

Сергей снова утонул в бешеном потоке разрушительной, яростной ревности, жадно глядя на ее руку, обнимающую за пояс не его, а какого-то там Карташова... Он вдруг неожиданно осознал, что чувствует жжение на своей пояснице, будто эта ручка, милая, белоснежная, находится именно здесь... Он слишком живо помнил ее прикосновение...

Ощувив, как стремительно начинает воспламеняться и терять рассудок, и разозлившись на самого себя, Сергей резко поднял глаза на Женины кудряшки, а она... она вдруг обернулась.

Толчок, толчок, жар нарастает, а она смотрит своими странными, фиалковыми глазами, она смотрит так пристально, так отчаянно... В его душе все заныло, Сережа порывисто вздохнул... Она была бледна... Взгляд на Настю... Потом быстрый — на Ксюшу...

Ее глаза расширились, Сережа буквально физически ощутил, что она близка к тому, чтобы заплакать... Черт побери! Она же... она же думает, что он пришел с семьей!!!

Гнев, гнев, страх, Сережа сжал кулаки, пылая от ярости... Она не знает, что он разводится, она будет думать, что он живет дальше с Ксюшей! Нет, нет, нельзя допустить, нет...

— Сереж! На кого ты там пялишься? Лицо бы свое видел! — хохотнула язвительно Ксюша, а Сергей резко и жестко бросил:

— Будь здесь. Я сейчас. — и он помчался к ней, чтобы поговорить, чтобы все объяснить, чтобы рассказать...

— Женя. — с трудом ровно выдавил он, подойдя к ней почти вплотную и с невероятным волнением оглядывая ее восхитительные рыжие волосы, и Женя резко обернулась...

Ее лицо, бледное, осунувшееся, вдруг вспыхнуло слабым румянцем, а в глазах заиграл гнев... Сергей выдохнул: правильно, Женя, злись, злись на него, ненависть, кричи... Но главное — продолжай чувствовать, продолжай быть небезразличной, ему это нужно больше жизни...

— Что ты хочешь, Сережа? — едва слышно, вибрирующим голосом выговорила Женя, и ее голос, словно живая вода, побежал внутри Сережи чарующим, заставляющим гореть все его внутренности, теплым водопадом... А за ним пришел гнев, потому что Семен вдруг бережно обхватил Женю обеими руками за спину и нежно прижал к себе, невозмутимо проговорив:

— Добрый день, Сергей Викторович! А вы тоже в парк пришли? С семьей? Здорово, вот мы с Женечкой тоже...

Ах ты, гад паршивый! С Женечкой! Какая она тебе Женечка, сосунок??? В клейстер обойный размажу, наизнанку выверну... Видимо, его мысли как-то отразились на лице, потому что Женя вдруг вздохнула и устало проговорила:

— Ой, только давай, пожалуйста, без угроз! Каждый раз одно и то же...

Сергей резко перевел на нее глаза, пылая от смеси разнообразных чувств, от отчаяния до ярости, и жестко проговорил:

— Нам нужно поговорить. А ты иди погуляй. — беспрекословно и с нажимом скомандовал он Семену, а тот только мягко улыбнулся и вдруг покачал головой:

— Извините, Сергей Викторович, но Женя не хочет с вами разговаривать.

— Я тебе сейчас гланды на лицо намотаю, если не прекратишь за нее отвечать! — разъяренно прошипел Сергей, а Женя возмущенно проговорила:

— Ну вот! Так я и знала! Сереж, нам не о чем разговаривать, возвращайся к жене, сейчас

придет с аттракциона твоя дочка... Иди. — с болью в глазах проговорила она, тяжело вздохнув и опустив голову, обессиленно посмотрев на серый асфальт. Сергей кипел от разрывающего его душу чувства вины и отчаяния, он не мог отойти от нее, хотя знал, что должен пощадить ее чувства, ее сердце, но она должна знать правду, знать его планы... Почему, почему он не сказал ей раньше???

— Женя!!! Две минуты!! Ты все не так поняла, дай мне две минуты, черт бы тебя побрал!!! — тяжело процедил он, шагнув ближе к ней, но она резко отстранилась, а ее дыхание стало прерывистым, будто испуганным...

— Вы хотели сказать «пожалуйста»? — вежливо осведомился Семен, а Сережа, лишь бросив на него уничижительный взгляд и едва сдерживаясь от дикого желания схватить Женю и увести подальше отсюда, снова нетерпеливо и с надеждой посмотрел на нее...

А в ее глазах мелькнули первые слезы.

— Нет. Никаких минут. Не о чем говорить, Сережа, уйди!!! — прошептала она, и в этот момент на Сережу налетело маленькое, шестилетнее чудо в красном платье, обняв его и громко заверещав:

— Папа, папа, папочка, это так классно!!! Пойдем еще куда-нибудь??

Настя. Сережа вздрогнул, с болью посмотрев на Женю, которая поспешно смахнула слезы с лица и вцепилась в плечо Семена с такой силой, что побелели ее пальцы... С ужасом Сергей видел, как его милая и наивная Женя собирала по крупицам все свое мужество, все свои силы, чтобы удержаться на грани от болезненного срыва, чтобы постараться принять то, что с ней происходит, то, что она чувствует и видит... И как же он ненавидел себя за то, что сделал с ней все это... Он не должен был, он не имел права обрекать ее на страдания... Она не заслуживала этого всего...

— Ой, тетя Женя! Здравствуйте! — вдруг разулыбалась Настя, увидев Женю и с интересом разглядывая ее. Женя выдавила улыбку и весело проговорила чуть дрожащим голосом:

— Привет, Настя! Как твои дела?

— Все хорошо! — бодро ответила девчушка, и Женя выдохнула, а Настя вдруг заметила около Семена велосипед. Сергей отлично помнил этот велик... Еще бы... Он лично исхитрился, чтобы достать его для Полины. Хамелеон, с лошадкой Джулией на руле... — Ух ты! А... а это чей велосипедик? — с огромным оживлением спросила Настя, сделав аккуратный шаг к нему, но ни Женя, ни Семен, ни Сергей ответить ей не успели, потому что в эту секунду, словно маленький, теплый вихрь, на них налетела Полина и весело проговорила:

— Это мой велосипед! Хочешь посидеть?

— Хочу, хочу! — обрадовалась Настя и умоляюще посмотрела на отца. — Пап, можно?

— Угу. — едва выдавил Сережа, не сводя глаз с Жени, но его привлек веселый голос Поли:

— О, дядя Сережа! Здравствуйте! А вы к Жене пришли? Она уже почти по вам не плачет! — радостно заявила Поля, а Женя покраснела и закатила глаза, в который раз поражаясь прямолинейности своей сестры.

Сергей с внимательным интересом посмотрел на Женю, изучая ее реакцию и чувствуя разочарование и новый приступ страха, после чего с любопытством проговорил:

— Правда?

— Правда. — грубо отрезала Женя и недовольно сказала, обращаясь к Полине,

помогающей Насте сесть на велосипед:

— Ты бы базар фильтровала хоть иногда, сестренка. Не обязательно все рассказывать, что видишь.

— А что такого? — недоуменно спросила Поля и через секунду уже переключила внимание на Настю, которая держалась на велике только благодаря ее рукам и весу. — Ты на двухколесном умеешь?

— Неа...

— Не бойся, я держу... Ты мультик про Джулию смотришь?

— Ага! Она такая классная! А где... где достать можно такой велик?? — с восхищением спросила Настя, а Поля гордо заявила:

— Нигде! Он один такой на всем белом свете! Мне его Женя с Игой достали, он розыгрышный! Ни у кого такого нет!

Настя разочарованно надула губки и вдруг заявила:

— А мой папа может достать все, что угодно! Пап! Достань мне тоже такой велосипед, ладно?

Женя резко обхватила себя руками и отвернулась, сердце Сережи сжималось, он помнил ее в тот день, когда достал этот велосипед для Полины... Помнил ее фиолетовое платье... Ее волнение... Ее страх за своего дружка Игоря, которого он случайно сбил машиной... Ее глаза, сияющие надеждой и искренним восхищением... И свои чувства. Тогда, в тот день, он понял, что с ним что-то происходит. Что Женя что-то сделала с его эмоциями. Что она не раздражает, а напротив, притягивает его, как магнит...

Разговор девочек задевал за живое, за те воспоминания, которые причиняли им обоим боль... Сергей шагнул к Жене, она стояла спиной и подрагивала... Плачет... Черт, плачет!.. Невыносимо...

— Жень. Пожалуйста. Дай мне две минуты. Ты должна кое-что знать. — тихо проговорил он, любовно оглядывая ее волосы, а она лишь замотала головой, прошептав:

— Зачем? Иди к своей жене, Сережа... Дай же мне хоть глоток кислорода, не издевайся! Мы — чужие друг другу люди. Посмотри на свою дочку — этого не изменить!

— Женя! — он хотел развернуть ее за плечо, но Женя сама обернулась, пылая гневом и вдруг скользнув взглядом куда-то за его плечо, а ее глаза чуть расширились... Сергей резко повернулся: Ксюша. Сложила руки на груди, вся пышит гневом и ядом, бледная, злая...

— Вот ты где! Сережа, если ты не заметил, мы в парк пришли с семьей, с дочерью, так что как-то не очень уместно к любовницам бегать, правда? Или она вон за тем гаражом согласится...

Женя вздрогнула, а Сергей разъярился до потемнения в глазах. Грубо схватив Ксюшу за локоть, он прорычал:

— Еще одно подобное высказывание — и пойдешь в машину, я не шучу, Ксюша! Врубай мозги, дура!!!

— Пойдем, Семка, Поль — поехали! — услышал он решительный и больной голос Жени и отчаянно обернулся, снова шагнув к ней и увидев, как она помогает Насте слезть с велосипеда и берет под руку Семена, собираясь уйти...

— Женя, Женя!!! Постой, давай поговорим!!!

Женя отрицательно покачала головой, ошеломленно шепнув:

— Ты идиот! — и быстро-быстро, почти бегом, бросилась в толпу, уводя за руку Семена и отчаянно показывая Полине, чтобы скорее ехала за ними...

Сергей закрыл глаза, сгорая, проваливаясь в пульсирующую темноту, а сзади раздалось насмешливое:

— Ты и правда идиот, Минаев! Не удивительно, что в твоей жизни все через жопу. Она захихикала, а Сергей глубоко вздохнул, вдруг осознав, что Ксюша права.

*** «Плюс»

Разбитая, удрученная и окончательно выбитая из колеи встречей с Сергеем, Женя силилась собраться, силилась взять себя в руки и очистить голову, как советовал ей Семка, но она ничего не могла с собой поделать: картина Сережи с семьей, с дочкой, никак не сходила с экрана ее мысленного телевизора, и она лишь с трудом заставляла себя двигаться, что-то отвечать Поле и Семе и вообще — дышать, чувствуя непроходимый слезный комок в горле.

Они еще погуляли по парку, Полина испробовала на себе почти все возможные карусели, наелась до отвала сладкой ваты и успела наехать на Семена своим велосипедом, долго хохоча потом над его расплющившимся по асфальту телом. Потом тройка, состоящая из веселого, грустного и озабоченного грустью одной и чрезмерным весельем другой, пообедала в летнем кафе, а когда день неумолимо склонился к вечеру, и через вход в парк стали чаще выходить наружу, чем входить внутрь, Женя, Семен и Полина, наворачивающая вокруг них круги, тоже двинулись на парковку, к черному и далеко не новому, но от этого не менее резвому «Субару Форестеру» Семена, обсуждая на ходу все, что только можно, кроме Сергея Викторовича Минаева и его семьи, так неожиданно свалившихся на их головы именно в тот момент, когда от них и хотели, собственно, отдохнуть.

Парковка кишмя кишела рассаживающимися по машинам и отъезжающими людьми, и ребята, неторопливо плетясь в один из дальних концов, сначала даже не поняли, что что-то случилось, когда услышали разгневанный женский крик:

— Ну и где она??? Где??? Я не понимаю, как ее могли украсть?!? Сережа, она же на сигнализации была!!! Ил ты забыл ее закрыть??? Что вот теперь прикажешь делать???

— Успокойся, Ксюша! Перестань гнать истерику! Я вызову вам с Настей такси, а сам дождусь приезда ментов...

— Столько денег!!! Сережа, это же машина!!! Она новая была!!!

Женя резко остановилась, услышав такие знакомые ей голоса и обернулась вокруг себя, тревожно выискивая их глазами, забыв обо всех своих обидах и думая лишь о том, чтобы что-то сделать, как-то помочь...

— Семка! Ты слышал? Это Сережа, кажется, кричал... — пробормотала она, а Семен схватил ее за руку и показал куда-то левее:

— Вон! Вон они.

— Идем!!! — быстро скомандовала Женя и полетела на всех парусах, совершенно не представляя, как сможет помочь Сергею, если его машину действительно угнали.

Втроем они быстро добежали до одного из парковочных мест перед парком, где в суровом раздумье шагал вперед-назад хмурый Сергей, металась в бешенстве и панике его жена Ксюша и грустно, уже всхлипывая, сидела на поребрике Настя, подперев руками щеки и тоскливо глядя на асфальт, где, судя по всему, еще недавно стоял «Ниссан Экстрейл» с таким хорошо знакомым Жене номером Е313ЕЕ.

— Что случилось?? — резко и взволнованно спросила Женя, подлетая к Сереже и требовательно заглядывая ему в глаза, всеми фибрами души ощущая его гнев и тревогу.

— Тачку угнали. — спокойно пожал он плечами и ухмыльнулся. Тихий такой. Удивительное дело. — Даже ключи из кармана свистнули... Пасли, наверное, от машины. А ты что здесь делаешь?

— Услышала тебя. Вот и пришла. — хмуро проговорила Женя, задумчиво глядя на то, как Полина, подкатив к хныкающей Насте на велосипеде, бросила его и, подлетев к девчонке, обняла ее и стала суетливо утешать и расспрашивать, что произошло.

— А все ты виноват, Сережа! — гневно прокричала Ксюша, подлетев к Сергею и ткнув в него пальцем. — Наверняка дружки твои какие-нибудь взяли, кому ты там должен опять остался... — она вдруг перевела глаза с раздраженно ухмыльнувшегося Сережи на Женю и Семена, и ее лицо из огненно-красного резко стало практически бледным от презрения и недовольства.

— А тебе что здесь надо, рыжая?? Ты что, следишь за нами, что ли? Постоянно появляешься, куда бы мой Сережа ни пошел...

Фраза «мой Сережа» так сильно резанула Женю по сердцу, что она поморщилась, но собралась и фыркнула:

— Вот еще! Мне что, делать больше нечего? Ваши крики на парковке только мертвый не услышит... Я помочь пришла.

Женя задумчиво посмотрела на Семена, который вдруг прищурился и проговорил:

— А ты не думаешь, что...

И тут Женьку осенило. Да она совсем забыла про чертового Бурю, которого встретила несколькими часами ранее и который промышляет как раз тем, что ворует чужие машины!!! Вот дура, как же сразу не догадалась!!!

— Точно! — гневно хлопнула в ладоши Женя и, судорожно достав телефон из сумки, стала поспешно рыться в телефонных номерах, молясь, чтобы у нее еще сохранился телефон Буреломова... Она контакты никогда не удаляла, на всякий случай.

— Жень? Ты что делаешь? — недоуменно спросил Сережа, а Ксюша снова вылезла, язвительно проговорив:

— И как ты можешь помочь, малышка? Такси нам вызвать хочешь? А что, я не против, вызывай. Хоть на что-то путное сгодишься, а не только на то, чтобы мужей чужих кадрить.

— Ксюша!!! — громыхнул рассерженно Сергей, а Женя, отключившись из реального мира и погрузившись в многочисленные строчки с номерами телефонов и именами, наконец, нашла то, что искала.

— Есть! Будем надеяться, что это все еще его номер... — буркнула Женька, нажав кнопку вызова, а Сергей недоуменно нахмурился, сложив руки на груди:

— Может, ты объяснишь...

— Сергей Викторович, тихо, она звонит одному знакомому, он может... — начал было объяснять Сема, а Женька, наконец, услышала в трубке:

— Буря у аппарата. Че кому надо? — раздался развязный и до ужаса самодовольный голос, и Женька, не помня себя от гнева, закричала:

— Буря, черт тебя дерит, это ты с парковки «Ниссан» синий увел??? Быстро отвечай, скотина, или я тебя сдам в полицию через минуту!!!

Тишина, затем веселое:

— О, Женька! Секси-детка, ты, я погляжу, быстро по мне соскучилась! Только я че то не догоняю, о чем базарим, пупсик?

— Я тебе сейчас покажу «пупсика»!! — гневно закричала Женя, а Сергей так и

установился на нее удивленным и недовольным взглядом. — Буреломов, последний раз спрашиваю: «Экстрейл» с гос. номером Е313ЕЕ ты угнал?!?

— Че... Какие, на хрен, е-е-е... А-а! погоди! Да ты про тачку, что ли, спрашиваешь? — наконец, сообразил Илья, а Женя раздраженно выдохнула, заходяв назад-вперед по клочку асфальта, бывшего ранее парковочным местом для автомобиля Сергея.

— Ну не про корову же! Про тачку, конечно, Илья, не тормози!! — гневно проговорила Женя, вздохнув. — Где она???

— Синенький «Ниссанчик»? Да, это мы с пацанами прихватизировали! — довольно сообщил, не стесняясь, Буря, и Женя с огромным облегчением выдохнула. — А че? Это твоя точила, что ли, детка?? Хороша машинка, кстати. И сигналочка нештатная норм такая, на уровне...

— Быстро!! Быстро верните машину на место, придурки! Илья!!! — закричала в гневе и облегчении Женя. — Это не моя машина, а машина моего... — она бросила быстрый взгляд на ошеломленного и слегка улыбающегося Сергея и тяжело выдохнула, продолжив:

— Это машина моего начальника! Он с семьей в парк отдыхать приехал! Так что давай, давай, разворачивайся, Буря, где бы вы ни были, и гони «Экстрейл» сюда, да чтоб целехонький был, без единой царапины!!! Ты меня понял? Иначе я прямо сейчас звоню ментам и заявляю о краже как свидетельница, сдам тебя с потрохами, Буреломов! Так что выбирай: или тачку в зад или отправишься на нары, слышишь???

 — кричала разъяренная Женя, а Буря примирительно проговорил:

— Тихо, тихо, детка, я же не знал, что это другана твоего точильваген, не бухти, милашка, ща назад прикатим, делов-то! Женя, ты же знаешь: я за тебя горой, малышечка! Давай, жди, киса, скоро будем. Холмс, разворачивай быстро, назад погнажи... — проговорил он уже не в трубку и отключился, а Женя выдохнула с облегчением и, радуясь тому, что все получилось, улыбнулась Сереже, все еще ошеломленно изучающему ее пристальным взглядом:

— Сейчас будет твоя машина. Подождать немного надо.

— Да, рыжик, в кои-то веки пригодились тебе связи с проходимцами! — весело заявил Семен, а Сергей, огненно и восхищенно оглядев Женю сияющим взглядом, проговорил:

— Кому ты звонила? Как узнала, что это твой знакомый машину взял??

Женя хмыкнула, не имея сил удержаться от наслаждения под его горячим взглядом, и проговорила:

— Да он угонщик. И мы его сегодня в парке видели. Кто ж еще мог взять?

— И откуда у тебя такие зна... — начал было ревниво допытываться Сергей, но его перебила Ксюша, сощурившись и гневно глядя на Женю:

— Что-то подозрительное совпадение, рыжая. Может, ты сама сказала ему угнать именно Сережину машину, чтобы потом замутить якобы «чудесное» спасение, а?

Женя устало фыркнула, насмешливо посмотрев на нее:

— Ну да. Все утро планировала, как бы так исхитриться?

— Ксюша. Не лезь. — жестко сказал ей Сергей, не сводя с Жени пристальных и ревнивых глаз, но поговорить им, к огромному облегчению, не удалось: на въезде на парковку послышался рев двигателя, и все, включая Настю и Полю, резко обернулись туда, увидев агрессивно влетающий и ни капельки не притормаживающий перед бросающимися враспынную пешеходами «Ниссан», на огромной скорости гнавший в их сторону.

Женя гневно сложила руки на груди, чувствуя ужасную злость, хоть и понимая, что в

глазах Сережи одержала очередную, пусть и маленькую, но очень существенную победу, а Настя радостно заверещала:

— Папа, папа, это же наша машина!!! Вон там, видишь?!?

— Настя, успокойся. — скомандовала Ксюша, раздраженно и с огромной ненавистью поглядывая на Женю и Сергея, глаза которого горели невероятным, счастливым триумфом, а еще слишком нежно оглядывали эту рыжую, с трудом отрываясь от нее, чтобы снова посмотреть на приближающийся авто.

«Экстрейл» бешено подлетел к ним и резко, с визгом, затормозил, а через секунду дико злая Женя могла лицезреть вывалившегося с пассажирского сиденья Бурю, который поднял руки, с глупой ухмылкой посмотрев на Сережу, и расхлябанно проговорил:

— Пардоньте... — он повернулся к Жене и игриво улыбнулся ей, собираясь что-то сказать, но его перебила Ксюша, подскочив к нему, и, гневно пыхтя, как паровоз, крикнула ему в лицо:

— Ты!!! Ты как посмел нашу тачку взять, уродец! Да я вот сейчас мусорам-то позвоню, они тебя быстренько к рукам приберут, мразь такую...

— Ксюша!!! — прошипел на нее Сергей, пылая гневом. — Ты дура, что ли?? Тебе только что тачку вернули, ты что, неприятностей хочешь, идиотка? Закрой рот, немедленно!!!

— Э-э... Че за борзая баба, Женек? — недовольно проговорил Буря, подходя к Женьке и смеривая ее довольным, светящимся взглядом.

— Она со всеми такая. — отмахнулась Женя и возмущенно воскликнула:

— Илья, ну тебя только могила исправит, честное слово! Ключи давай. — требовательно протянула она руку, и Илья громко захохотал, махнув своему чернявому другу по кличке «Холмс», чтобы отдал Жене ключи:

— Да не ругайся, киска! Слушай, детка, а может, ты попробуешь меня исправить? А че? В натуре! Не зря же нас судьба столкнула и всякое такое...

Женя угрюмо выхватила ключи у Холмса и кинула их в руки Сергею, который хмуро и гневно следил за Бурей, а затем проговорила:

— Буреломов, ты опять? Я же тебе русским языком сказала: мы уже все проехали очень и очень давно! Отвянь лучше и езжай по своим делам. — устало посоветовала она, а Илья усмехнулся:

— Ладно, не серчай, милашка, уж больно ты красивая стала, глаз не отколупать! Ты прости за тачку, я ж за тебя, что хочешь, сделаю, вон, даже машинку такую шикарную в зад прикатил... У нас же с тобой целый год шоколадный был, котена, колечко-то мое... — он вдруг взял Женю за руку и потрогал большим пальцем золотое кольцо с изумрудным изящным цветком на ее пальчике. — Колечко-то мое до сих пор носишь... Может, любишь? Забыть не можешь, а?

— Фу, все, Буря, иди, хватит ерунду собирать! — возмущенно воскликнула Женя, чувствуя жгучее неудобство перед Сережей за эту сцену, а главное — спиной ощущая его ярость, которая может неожиданно воплотиться в какой-нибудь хорошенький, увесистый ударчик по Буреломовской челюсти, и для подкрепления собственных слов еще замахала руками, поторапливая Бурю. — Давай, вон, друзья твои заскучали уже! Ну?

Буря ухмыльнулся и, шагнув к Жене, нежно потрепал ее по волосам, проговорив:

— Ладно, детка, не буду тебя при твоём хахале смущать! — подмигнул он Семену и добавил:

— Позвони как-нибудь вечером, когда дружка не будет, я пригоню и притащу колечко получше, раз ты эти финтифлюшки любишь! Ха, ну ладно, погоним мы, там «Субарик» неплохой вон в том углу стоял, мы его возьмем вместо...

— Какой еще «СУБАРИК»??? — вытаращив глаза, в бешенстве воскликнула Женька, с негодованием заметив, что Илья махнул в сторону Семеновой машины и поражаясь идиотизму этих совпадений, выпавших на сегодняшний день. — Ты что, Буря, офонарел??? Это НАШ «Субарик», мы на нем приехали!!! Даже думать не смей!!!

— Серьезно, что ли?? — захохотал Илья и живыми, игривыми глазами осмотрел Женьку с ног до головы. — Ну, детка, это точно судьба! А давай...

— Все, иди к черту! — резко отрезала Женя, а Илья снова рассмеялся и, пожав плечами и чмокнув Женю, на этот раз, в щеку, развязно двинулся вместе со своими дружками прочь, завершив, наконец, этот идиотский спектакль.

— Ксюша, Настя. В машину, быстро! — скомандовал Сергей, гневно глядя на Женю, и та сразу поняла, о чем сейчас пойдет разговор: ревнивые флюиды и бешеная злость уже сшибали с ног.

Ксюша что-то недовольно ворчала, усаживаясь в «Ниссан» вместе с Настей, Поля напевала под нос какую-то песенку, вышагивая вокруг машины, а Семка недовольно хмурился, поглядывая то на Женю, то на Сергея, сложив руки на груди.

— Женя! Почему этот парень так с тобой разговаривал? Откуда ты знаешь его??? — требовательно проговорил Сережа, хмурясь и поглядывая вслед Буре и его товарищам, а Женя, тоже ужасно разозлившись, что Сережа вновь требует у нее отчет за все ее действия или знакомых, с наслаждением и мстительным удовольствием проговорила:

— Это Илья Буреломов, по кличке «Буря», он промышляет угоном и продажей автомобилей. Жил со мной по соседству, и мы встречались почти год. — пожалала она плечами.

— Встречались??? — удивленно поднял брови Сергей, явно злясь и ужасно ревнуя, доставляя этим новый приступ несравнимого удовольствия Женьке, которая сейчас лишь хотела жалить и жалить его посильней, чтобы он мучился не меньше, чем она, чтобы тоже страдал, гад такой! С семьей он, видите ли, приехал!!! Ненавижу!! — Ты? С ним?? С таким уродом? Он же уголовник!

Женя закатила глаза и спокойно проговорила:

— Ну и что. Он очень красиво ухаживал. В кафешки водил.

— Почему ты кольцо его носишь?? — процедил сквозь зубы Сергей, так и уставившись на руку Жени, где поблескивало то самое, элегантное колечко.

— Из-за ужасно сильных чувств к нему. — съязвила Женя и нетерпеливо закончила:

— Нравится кольцо, это подарок, что же мне теперь, после расставаний все подарки своих бывших выкидывать? Сережа, допрос окончен? Я устала и Поля тоже, мы бы домой хотели поехать.

— Своих бывших? Их что, много было?? — снова гневно и требовательно проговорил Сергей, а Женя всплеснула руками:

— Да хоть сто человек, тебе то какая разница, Сереж?? Все, хватит дебильных разговоров, будем считать, что ты сказал «спасибо» за чудесное возвращение своей тачки, а теперь мы пойдем. Поля! Поехали домой. — резко скомандовала она и, махнув сестре, быстро двинулась в сторону «Субару», не забыв захватить по дороге веселого Семена, который вежливо проговорил:

— Хорошего вечера, Сергей Викторович!

Сергей гневно сощурился, глядя на него, а затем снова отчаянно посмотрел на спину Жени, уверенно шагающей прочь на высокой танкетке своих босоножек, и поспешно крикнул:

— Женя!! Стой! Мы не все обсудили!!

Но Женя лишь махнула ему рукой, не обернувшись, а Поля, прежде чем уехать на велосипеде следом за сестрой, тихо проговорила:

— Ну вот, опять Женька плакать весь вечер будет... — и девчушка тихо укатила, оставив Сергея беситься в одиночестве.

Глава 22. «Плюс»

Когда в понедельник, после продолжительных и ужасно пресных, как детское тесто для лепки, выходных Женя, разбитая, невыспавшаяся и просто преследуемая везде, куда бы ни пошла, образом взвинченного от ревности Сергея и его семьи, с которой он проводит выходные, а значит, продолжает жить прежней жизнью, без нее, той самой Женьки, которая все никак не могла выкарабкаться из...

Ну, в общем, Женя продолжала мучиться, но сейчас не об этом речь, а о том, что когда она вошла в секретарскую, то вместо пустой и холодной стойки и тихо жужжащей кофемашины ее встретила возбужденная улыбка и восторженно горящие глаза бутылочного цвета, а веселый голос затрещал, грозя убить наповал пулеметной очередью:

— Женька!! Ну наконец-то! Вот ты где! Давай, рассказывай скорее, ну? Долго еще скрывать будешь? Колись, колись, теперь точно не отвертишься!!! Женя, Женя, Женя...

Женя ошарашено уставилась на Светку, которая с самым хозяйским видом расположилась на ее стуле, жадно уставившись на девушку требовательными, расширенными глазами в обрамлении черных и блестящих, прямых волос, и с абсолютно счастливым видом, закинув ногу на ногу, размахивала перед своим носом какой-то бумажкой и маленькой, темно-бордовой коробочкой, чуть не прыгая от нетерпения, даже стул под ней скрипел, хоть и был на колесиках.

— Ты чего тарыхтишь, Светка? Зачем мне колотья, я тебе что, нарик из соседнего переулка? — с ухмылкой вздохнула Женя, устало направляясь к ней и, хоть и слабо, но все же улыбаясь. — Ты, вообще, что тут делаешь? Я же с утра работаю.

— Так я кое-что не доделала в четверг, перед праздниками, ну так сделать надо, а то Сергей Викторович с меня три шкуры спустит! — весело заявила Светка, а Женя удивленно усмехнулась:

— Ну ты смешная! Мне бы позвонила, я бы за тебя доделала... У тебя же пары, небось?

Светка нетерпеливо отмахнулась и вскочила на ноги, уступая Жене место и снова оживленно защебетав:

— Да Бог с ней, с этой учебой и работой, Женька, расскажи лучше, что там у вас с Минаевым??? Давай, давай, я его почерк хорошо знаю, это он написал! — проверещала она, а Женя нахмурилась, ничего не понимая и снова почувствовав боль в груди.

— Ты то откуда знаешь, Светка? И при чем здесь его почерк, я что-то не пойму...

— Ой, балда, вот же, вот его подарок! — и Светка подтолкнула к растерянной Жене темно-бордовую, оказавшуюся бархатной, коробочку и бумажный листок, сложенный вдвое. Женя с трудом сглотнула, чувствуя, как быстрее от волнения забилось ее сердце, а Светка продолжала вещать:

— И записку он написал! Его рука, это я точно поняла! Ну открой, открой, чего ты сидишь? Там такая красотень, закачаешься!!!

Женя вздрогнула, судорожно вздохнув, и, чувствуя, как начали подрагивать руки, аккуратно взяла коробочку и открыла...

Кровь зашумела в ушах.

Колечко.

Тонкое, изящное, золотое, с восхитительными тремя цветками, в центре которых блестели белые камни, Женя даже подумать боялась, что это были за камни и в какую цену, а лепестки украшали восхитительные светло-сиреневые стекляшки, целая россыпь, тонкая и невероятно кропотливая ювелирная работа...

Женька ахнула, с трудом понимая, что эта неземная, волшебная красота для нее, а Светка прозудела прямо ей в ухо:

— Ну ты чего, Женька? Я тебя не узнаю! Надевай, надевай, надевай! Вот же офигенная штучка... — вздохнула она, а Женя, не чувствуя рук, ног, а лишь слыша внутри себя вновь то самое, звенящее, пилящее, режущее ее чувство, такое непонятное, такое сумасшедшее, лишь закусила губу и дрожащими пальцами взяла записку, раскрыв ее. Внутри красивым почерком Сергея было написано:

«Вот теперь будем считать, что я сказал «спасибо» за чудесное возвращение моей тачки. Просто носи его, Женя. Это подарок. Ничего больше».

Женя обессиленно откинулась на спинку стула, едва сдерживая тяжелый узел в груди, готовый разорваться в любую секунду, и, сжимая руками его записку, судорожно попыталась успокоиться, уgomонить что-то невероятное внутри себя, буйное и очень-очень настойчивое и болезненное, сжимающее ее сердце в тугие тиски... А голова лишь крутила и крутила слова из записки, то вспыхивая очумелым восторгом, то обрушиваясь в депрессию, то снова загораясь надеждой, то все падая и падая в озлобленную и глубокую пропасть от бесконечных, не развязанных до конца отношений...

— Эй... Ну ты чего, Жень? — тихо спросила с тревогой Света, и Женя поняла, что плачет, опять, опять, черт возьми! Это невыносимо... Невыносимо!

Она резко села и, вытерев щеки, вдруг улыбнулась, резко сжав записку Сережи в кулаке, и, посмотрев на Свету, глубоко вздохнула:

— Ничего. Все нормально, Светик. Ты только никому об этом не говори, хорошо?

Светка вдруг прыснула, потрепав Женю по волосам:

— Да ты что, Жень? Все уже давно все знают! На вас даже уже ставки делают, будете вы вместе или нет! Ну ты чудик! — она рассмеялась, а Женька так и присела, ошеломленно посмотрев на свою коллегу:

— Все знают?!? И что они знают? Между нами ничего нет, Света, нет, нет и никогда не будет!! Что они могут знать?? Все закончилось, мы разошлись, как в море корабли, пусть он катится к своей...

Светка снова рассмеялась, похлопав Женю по плечу с самым сочувствующим видом и мигмом успокоила ее пыл следующей фразой:

— Ну-у-у... подруга, здесь, как я погляжу, совсем безнадежный случай. Ты его любишь! Хо-хо! А он — тебя! Только вы, как два осла, очень много упираетесь...

— Никого я не люблю! — вновь вспыхнула Женька, покраснев и откинув от себя записку Сергея, хмуро уставившись на кольцо. — Точнее, это все не имеет значения! Он женат, Светка! Ты понимаешь? Он же...

— Ну и что? — вдруг беспечно заявила Света, сунув в рот конфетку и пожав плечами. — Это же фиктивный брак, вроде.

— Как «ну и что»? — воскликнула Женя, негодуя на слишком легкое отношение подруги к данному факту. — У него есть жена!! И дочь! Дочь тоже, скажешь, фиктивная? Я не беру чужого, Света, я так не могу! Ты бы видела эту девочку! Настю... — Женя вздохнула, снова взяв в руки записку Сережи и теребя ее в руках. — Как она сможет пережить его уход?

Она же останется без папы! Это неправильно, нечестно, подло — уводить из семьи, отбирать чужое счастье ради своего!

— Женя! — воскликнула вдруг Светка, взяв ее за плечи. — Да о чем ты вообще говоришь??? Ты что, собираешься Сергея в Антарктиду увезти и в каком-нибудь чуме запереть ото всех?!? Да если ты ему позволишь, он хоть каждый день сможет видеться с ней и не по разу! А о нем ты подумала? Он и так несчастлив с женой, наконец-то судьба ему предоставила возможность что-то понять, что-то почувствовать сердцем, полюбить, а ты... Он же тоже страдает, Женька, ты что, не видишь? Да все работники уже устали от его бесконечного ора! Они все ждут, когда же вы помиритесь, чтобы можно было вздохнуть спокойно... — Света улыбнулась и, неожиданно достав кольцо из коробочки, легко и непринужденно надела его на палец Жени, усмехнувшись. — Ого! Смотри-ка... Идеальное подошло! Женя... Не мучай его, дай ему шанс! Он наверняка уйдет от жены к тебе, если ты хоть малюсенький лучик надежды ему подаришь... И дай уже нам всем возможность без опасений и страха ходить на работу, а то сама знаешь: рассерженный Минаев — неадекватный Минаев...

Женя зачарованно смотрела на кольцо на своем безымянном пальчике, его кольцо, Сережино... Светины слова рвали на клочки... Внутри все гудело, зудящее чувство лишь росло, грозя поглотить ее с головой, живьем сожрать... Оно раскалывало ей голову, давило и давило грудь...

А колечко так нежно блестело... Золотые лепестки будто дышали им, Сережей, его озабоченностью тем, понравится ли ей кольцо или нет... Она даже прикасаться к нему боялась, не имея сил оторвать глаз и разрываясь в противоречии... Ну вот как можно порвать с человеком навсегда, если его подарок будет вечно у нее под носом, напоминать о себе, слепить глаза своим чудесным блеском? И разве она сможет теперь снять его и вернуть ему, когда это кольцо буквально сквозило его мощной энергетикой, демонстрируя ей, что он все еще к ней небезразличен?.. Да как он вообще мог дарить ей такие вещи, когда она так отчаянно пыталась избавиться от него, постараться жить дальше, отпустить?..

Вот подонок, сволочь, сволочь, Женька сжала зубы от боли и гнева, дико прошипев:

— Нет, ни за что, ни за что, нет, никаких шансов, никаких...

— Привет. — раздался позади нее голос Сережи, и Женька вздрогнула от неожиданности, мельком глянув на улыбающуюся во все тридцать два зуба Светку и резко обернувшись...

Темный, нет, черный костюм, белая рубашка, без галстука, конечно... Женя прекрасно знала, что он надевает его, лишь приехав сюда, в свой кабинет... Самоуверенная поза, локти на стойке... Едва заметная щетина, колючая... Женя помнила ее на ощупь... Правильное, красивое лицо и серые глаза, внимательные, сияющие мужеством, решительностью, уверенностью в себе и... пристальным, нетерпеливым интересом. Да. В кои-то веки Сергей с особым вниманием разглядывал не Женино лицо и даже не ноги, а ее руку, ту самую, тонкую, белоснежную, на пальчике которой сидело его колечко...

Он слегка ухмылялся, излучая триумф и победное торжество, а Женя вспыхнула, тут же сунув обе руки под стол, и, злясь все больше с каждой секундой, проговорила:

— Доброе утро, Сергей Викторович. У вас какое-то поручение ко мне?

Сережа насмешливо и красиво ухмыльнулся, чуть подняв брови и взглянув Жене в глаза, заставляя ее вспыхнуть и разгневаться еще больше, после чего невозмутимо заявил:

— Нет, просто хотел узнать, подошло ли колечко.

Женя гневно воззрилась на него, недоуменно покосившись на Свету, которая якобы «ничего не должна знать» об их отношениях, и раскрыла рот, чтобы гордо вспылить насчет его выходки с подарком, но щебетание Светки ее опередило:

— Ой, Сергей Викторович, колечко — просто класс, Женька чуть в обморок прямо на этом стуле не шмякнулась, кошмар! Ей очень, очень понра...

— Света! — шикнула на нее возмущенная Женя и, переведя взгляд на довольное и торжествующее лицо Сергея, продолжавшего самодовольно ухмыляться, оглядывая при этом ее лицо сияющим каким-то отчаянием взглядом, достала руки из-под стола и, сняв кольцо, положила его обратно в коробочку, гневно сложив руки на груди и категорично проговорив:

— Я не могу принять такой подарок. Ни сейчас, ни когда-либо вообще теперь. Забери, Сережа.

— Жень, Жень, ты чего такое говоришь? Сергей Викторович, она... — возмущенно затараторила Светка, но Сергей, глаза которого вспыхнули ядерным гневом, поднял руку и резко приказал ей:

— Тихо! — он перевел взгляд на Женю, которую потряхивало от разнообразных, противоречивых чувств, и гневно, повышенным тоном проговорил:

— Что ты сказала?!? Забрать?!? Это еще почему?

— Слишком дорогое. — яростно прошипела Женя, а Сергей нахмурился и вдруг расхохотался, схватив Женю за руку и указывая на то самое кольцо, которое ей когда-то давно подарил Буря, импульсивно проговорив:

— Дорогое?!? А вот это? Это не дорогое? — он сунул руку Жени к ее глазам и указал на россыпь камешков по цветку и вдоль передней части, проговорив:

— Это что, по-твоему? Стеклашки? Нет, Женя, это топазы, а вот эти, в середине, — он указал на камни, украшавшие золотой цветок, — это изумруды и бриллианты, карат десять, не меньше. Значит, это кольцо ты смогла принять и проносить, черт знает, сколько времени, а мое одевать не хочешь?!? — бешено почти прокричал он, пылая огнем, а Женя в невероятном шоке таращилась на свое старое кольцо, пытаясь осмыслить услышанное. Она и вправду думала, что все это — обыкновенные фианиты или хорошо выделанное стекло...

Но сути дела не меняет. Женя возмущенно вырвала свою руку из горячей и такой знакомой, такой родной ладони Сережи, и возмущенно крикнула:

— Откуда ты вообще столько знаешь об украшениях?? Много кому дарил, да?!? Да черт с тобой! Сережа, неужели ты не чувствуешь разницу??? Илья дарил мне это кольцо, когда мы еще встречались, а ты...

— Да ну и что!!! — тоже вспылил Сережа, гневно хлопнув рукой по стойке. — Ты же говорила, что подарки от бывших не выкидываешь? Так что, Женя? Для моего исключения сделать решила?!?

— Ты мне не бывший, ты мне...

— Ну кто, кто???

— Конь в пальто!!! Забери, Сережа, носить не буду!!!

— Ах ты!.. Не будешь, да?! — бешено наклонился к ней Сергей, излучая железобетонную ярость.

— Женя, Сергей Викторович, послушайте, Женя... — все верещала Светка, пытаясь их образумить, но те хором рявкнули на нее:

— Молчать!! — и снова переключились друг на друга. Сергей, стгорая в безумной злости, резко наклонился к Жене и, снова схватив ее руку, стал со всей силы стягивать с нее

старое кольцо, на ходу прорычав:

— Раз мое не будешь, то и это не носи, поняла??? Вернешь обратно тому дебилу безмозглому, и никаких больше колец, слышишь?? Снимай...

Женя со всей силы пыталась выдернуть руку, громко и гневно крича и шлепая Сережу по плечу свободной ладонью:

— Прекрати! Прекрати, кретин, ты что делаешь??? Ненавижу, ненавижу, убью!!! Отстань, отстань, отстань...

— Нет, не ори и снимай, или мое надевай, дура, я...

— Сергей Викторович, Женя, успокойтесь, успокойтесь!!!

Три голоса смешались в один, распространяя по секретарской облако гнева и разрушительной, ревнивой ярости, но Женя и Сережа, наверное, долго бы еще ругались и кричали друг на друга, если бы в помещение не вплыло очередное действующее лицо, очень даже довольное собой и достаточно широкое для того, чтобы не остаться незамеченным.

— Женечка! Милая, что случилось? Сережа, ты что делаешь??? — громыхнул мурлыкающий бас, и Женька, все-таки вырвав руку из ладони Сергея и гневно дыша, резко обернулась к Павлу Юрьевичу, маленькие, плотоядные глазки которого жадно оглядывали Женино лицо и хитровато прищуривались, стреляя в сторону Сергея с явной насмешкой.

— Паша! — громыхнул в ответ взвинченный до предела Сережа, импульсивно сложив руки на груди. — Ты зачем пришел? Я не вызывал тебя.

Павел безразлично пожал плечами и невозмутимо ответил:

— Так я и не к тебе, Серег, не волнуйся. — он с игривым, дурацким подмигиванием снова глянул на Женю и, облизав жирные губы, как котяра на сметану, феерично закончил:

— Я к Женечке... Хотел узнать, что она решила насчет моего приглашения на свидание.

— Ой, мама... Копец... — прошептала Светка, схватившись за пылающие от возбуждения щеки, а Женя, злясь на Сережу и желая разрубить, наконец, чертов узел, вдруг, неожиданно, все для себя решила. Плевать, что Паша смотрел на нее лишь через постельную призму. Ей что теперь, всех мужчин избегать, которые изъявляют желание подружиться с ней поближе??? К черту, к черту тебя, Сергей, иди домой, командуй в своей семье, оставь душу бедной Жени в покое, дай ей шанс на спасение, хоть малейший! Что же ты упрямый такой, что же такой глупый, не понимаешь??? Или упиваешься ее страданием? Ее несчастной любовью? К чертям эту любовь!! Женя решительно вскочила на ноги, желая вырвать больное сердце из груди и шагнуть, шагнуть в новый мир...

А тем временем, в реальном мире...

— Она с тобой никуда не пойдет, Паша!!! Исключено!!! Никаких свиданий, не смей даже говорить об этом!!! — бешено и категорично орал Сергей своим любимым командным голосом, на что Паша ответил с самым счастливым и беспечным круглым лицом:

— Это не тебе решать, Серег. Она не твоя.

— Сережа!!! — в агонии крикнула Женя, сжимая кулаки. — Прекрати распоряжаться моей жизнью!! Мы с тобой все решили еще два месяца тому назад, ты что, так медленно думаешь или совсем плохо понимаешь??? Не смей...

— Паша, еще раз повторяю, Женя с тобой НИКУДА НЕ ПОЙДЕТ, Я НЕ ПОЗВОЛЮ ЕЙ...

— Кошмар... Дурдом... Санта-Барбара какая-то... — бормотала Светка, переводя взгляд с одного на другого, а крики все продолжались, создавая в воздухе густой, огненный ореол.

— Сережа, не ори, тебе это уже не поможет...

— Сережа, ПРЕКРАТИ НЕМЕДЛЕННО, ХВАТИТ!!! — прокричала Женя и, умирая от злости и боли, гневно проговорила, повернувшись к Паше:

— Павел Юрьевич, я согласна, ресторан так ресторан, сегодня в восемь, заезжайте за мной домой, адрес я вам скину электронной почтой.

— Отлично, Женечка, ты не пожалеешь! — просиял довольный, как олимпийский чемпион, взявший золото в тяжелой борьбе, Павел, а Сергей бешено грохнул рукой по стойке, яростно глядя на Женю и дико прошептал:

— Ах, так!!!

— Да, вот так! — крикнула она ему в лицо, и Сергей, переведя глаза на Пашу, поглядел на него пару секунд уничтожающим, презрительным взором, а затем стремительно умчался себе в кабинет, громко треснув несчастной дверью так, что Женя даже почти оглохла от резкого звука.

Она обессиленно плюхнулась на стул, едва дыша от гнева и подступающих слез, а Павел, наклонившись к ней, успокаивающе проговорил:

— Не переживай ты так, милая! Я тебе сказочный вечер устрою, забудешь о Сергее раз и навсегда! Ну ладно, я пойду, — засуетился он, не сдерживая ликующей улыбки, и, как-то уж очень браво и мерзковато подмигнув Жене, напомнил:

— Адресок не забудь кинуть, красавица! Трам-пам-парам... — запел он, уверенно и развязно направившись прочь, к выходу из секретарской, а Светка прошептала горячей от отчаяния и глубокого разочарования во всей своей жизни Жене:

— Мда, Женек, с Сергеем ты, конечно, круто... Я и не думала, что у вас тут бразильские страсти... По крайней мере, Дашка с шестого мне ничего об этом не говорила...

А Женя выдохнула, не зная, что теперь круто, а что нет, и как нужно правильно поступать, и лишь медленно, тяжело, сквозь вернувшееся, грызущее ее чувство зачем-то взяла коробочку с кольцом и, достав его, надела на палец... Снова надела. Ничего не могла с собой поделаться, глупая, это ведь было его кольцо...

*** «Минус»

Дура, дура, Женька! Дура! Как она могла согласиться на свидание с Пашей??? Он же любое свидание умудряется превратить в грязную оргию... Глупая девчонка, все назло ему сделала!

Сергей бушевал, не имея сил остановить в себе бурный поток ревнивой и тревожной ярости, гневно стуча ручкой по столу и пытаясь работать над отчетом по закупкам... А в голове его мелькало лишь ее гневное лицо, ее сияющие вызовом и болью глаза, прекрасные, фиалковые...

Черт, и кольцо носить отказалась, глупышка! Сергей еще больше нахмурился, ощущая себя невероятно уязвленным... Да, он, возможно, не имел права делать ей такие подарки, когда она порвала с ним отношения, он должен был отпустить ее, дать ей двигаться дальше... Но не мог.

Женя не знала, что официальная дата его развода, хоть и тяжело, хоть и медленно, но все-таки приближалась, Сережа рассчитывал за одно, максимум, два заседания суда закрыть все спорные вопросы с недвижимостью и совместным имуществом, которые специально затевала Ксюша, и что единственная мысль, заставлявшая Сергея хоть как-то жить — это мечта о том, что она все-таки переступит через свои принципы и вернется к нему, узнав, что

он свободен... Но Женя пыталась отказаться от своей любви, даже на это чертово свидание согласилась...

Сергей ужасно волновался, он прекрасно понимал, что Паша ничего не делает просто так, что Паша, если чего и захотел, то обязательно этого добьется, причем любыми способами... И сейчас ему нужна Женя. Он не успокоится, пока не получит ее в свое распоряжение, он использует все варианты, сыграет на ее желании вырваться из несчастного круга... Сережа стиснул зубы, чувствуя, как пульсирует все в его груди. Он использует Женю, а потом бросит, причинит ей новую боль!

Нет, нет, нельзя этого допустить... Сережа даже помыслить не мог, что эти грязные лапы прикоснутся к ее восхитительному телу, эти губы, мерзкие, отвратные, будут целовать ее кожу, нежную, пахнущую сиренью, созданную лишь для любви... Не мог представить, как Паша в нетерпении расстегнет застежку ее платья и увидит то... то, что должен был видеть лишь он, Сергей, потому что он любил ее. Несмотря ни на что, несмотря на свою ярость, несмотря на ее решение, несмотря ни на какие преграды...

И он не мог отказаться от нее. Ни сейчас, ни когда-нибудь потом. Никогда.

Сергей приоткрыл дверь, хмурясь и периодически наклоняясь влево, высматривая Женю. Она молча работала, почти не вставала из-за стойки и периодически отвечала на звонки... Сережа так и умирал от желания подойти к ней, попытаться поговорить, объяснить, рассказать о Паше, о своем разводе, снова сказать ей, что любит... Но она не станет его слушать, он это понимал.

А следовательно, оставалась лишь надежда на здравый смысл и на то, что Женя, все-таки, откажется от своей затеи со свиданием, иначе... Иначе? Сережа рычал от бессилия, он совершенно не знал, что будет делать, но понимал, что если сам не убережет Женю от новой личной трагедии, то будет снова и всецело виноват, поскольку она из-за него на все это согласилась...

Один раз Женя вошла в кабинет, бросив холодный, пылающий гневом взгляд на Сережу и хлопнув перед ним папкой со срочными документами.

Злится, дурочка, не понимает, что он помочь ей хочет, не понимает, что он давно уже с ума сошел на ее почве... Сережа тоже гневно посмотрел на нее, но затем его взгляд вдруг внезапно скользнул по ее руке... И сердце подпрыгнуло в груди от неистового счастья. Кольцо! Надела! Же-е-еня...

Она резко развернулась и двинулась обратно в секретарскую, а Сережа счастливо смотрел ей вслед, улыбаясь, как дурак, чувствуя лишь огромное торжество, радость, дикий триумф! Надела, надела, надела! Значит, точно любит, значит, еще есть шанс, значит, можно все исправить...

Вечер неожиданно постучался в окна, окрасив кабинет и секретарскую ярко-алыми лучами теплого, заходящего майского солнца, и Женька, не успели часы даже тикнуть в попытке отбить 18:00, мгновенно выключила компьютер и, привычным, быстрым жестом подкрасив губы у зеркала и поправив свое темно-зеленое платье, схватила сумку и умчалась на всех парусах, оставив Сереже лишь тонкий и такой нежный аромат сирени.

Сережа хмуро посмотрел ей вслед, раздраженно вздохнув, и попытался сконцентрироваться на работе, прорабатывая в голове план спасения Жени из лап «вонючего Краснохатова».

Что-то сделав, а много чего и не сделав, тупо и угрюмо «пропялившись» в экран

задумчивыми серыми глазами, Сережа едва дождался, когда время перевалит за семь часов, и, стремительно поднявшись, выключил ноутбук, и, заперев кабинет, рванул к своей машине, не замечая ничего на своем пути.

Полчаса по пробкам, наводнившим город в конце рабочего дня, медленным, выводящим из себя не хуже, чем тупость или тормознутость (а, может, просто усталость, но Сереже и в голову бы не пришло кого бы то ни было оправдывать) водителей впереди ползущих автомобилей, — и порядком взбешенный Сергей, наконец, попал-таки во двор к Жене, где занял волшебным образом освободившееся полуместо-полупроход с детской площадки к дому, и, заглушив двигатель, принялся взволнованно ждать Женю, нервничая так, будто это не Павел, а он идет с ней на свидание.

За пять минут до восьми часов во двор медленно заехал черный и тщательно вымытый «БМВ» Краснохатова, и Сергей с быстро растущей внутри себя ненавистью и желанием набить эту широкую морду человека, когда-то, по каким-то странным причинам бывшим ему почти что другом, увидел, как Павел, облаченный в шикарный черный костюм, внимательно озирается в поисках нужного дома и оглядывает двор на предмет того, куда бы можно было приткнуть автомобиль на время ожидания Жени.

Наконец, он, по-видимому, сообразив, который ее подъезд, аккуратно пристроил свое авто возле запаркованных прямо на газоне у дома машин и, нетерпеливо поглядывая на часы, стал с явно заметным предвкушением таращиться на домофонную дверь ее подъезда.

Сережа озлобленно смотрел на него, нервно постукивая пальцами по рулю и дергая ногой, а ровно в восемь часов из подъезда вышла Женя.

Увидев ее, Сергей даже на спинку сиденья откинулся, взорвавшись одновременно и гневом, и огнем, и жадностью — ревнивой, тянущей, полыхающей...

— Твою мать, Женя! — выругался он, ударив кулаком по рулю и даже не заметив боли в руке, потому что Женька... Дурочка, ну зачем, зачем, зачем она так нарядилась??? Черт бы ее побрал...

Сережа гневно и до ужаса зачарованно оглядел ее платье, бежевое, жаккардовая ткань с выпуклым, цветочным орнаментом... у Ксюши он однажды видел такое... Рукава до локтя... Шея, шея открыта, вырез на груди, глубокий, грудь, грудь... Все открыто, все видно, все чертовски соблазнительно, Сережа с трудом вздохнул, умирая от ревности и вулканообразных извержений внутри себя...

Он внимательно оглядел ее стройный силуэт, аккуратную талию, бедра, округлые, манящие, и черт! Что же это за платье-то такое? Ножки, ножки, всем их видно, все могут смотреть, стройные, длинные, ужасно горячие, да вообще жарко как-то... Сережа злобно ткнул кнопку стеклоподъемника со своей стороны, чувствуя огненный жар во всем теле, чувствуя, как сильно сжали его руки рулевое колесо, как растет его желание с каждой секундой, окутывая мозг плотной дымкой...

Эх, Женя, черт возьми! Как она могла так для него одеться?!? Каблуки, тоненькие, длинные, кудряшки заколоты на затылке какими-то сверкающими зажимами, собраны в замысловатый узел, макияж вечерний, губы, губы темно-красные... Боже, успокойся, идиот, возьми себя в руки, вспомни, зачем ты здесь...

Тяжело вздохнув, Сережа с трудом оторвал восхищенный взгляд от Жени и посмотрел на Павла, который вылез из машины с огромным букетом красных роз и сейчас ждал, когда Женя подойдет к нему, вожаденно и с отвратительной похабной ухмылочкой разглядывая ее с ног до головы, скользя глазами по ее изгибам, по ее шее...

Сереза зарычал, снова бешено ударив руль, не в силах выплеснуть по-другому свою ярость и желая лишь выколоть глаза мерзавцу, чтобы не смел так паяться на нее, его Женю... А ее схватить и сунуть к себе в машину, а потом увезти куда-нибудь подальше, и...

Так, успокойся, Сереза, ты что, совсем?? Ты сейчас мыслишь, как Паша, так чем ты лучше его?

А Паша, тем временем, вручил Жене цветы, что-то сказал ей с препоганенькой улыбочкой и, получив какой-то сухой и отстраненный ответ, открыл перед ней дверь машины, приглашая сесть, после чего, торопясь, сам засунул свою огромную, квадратную тушу за руль и поехал прочь из двора.

Сергей завел мотор и поехал следом.

*** «Плюс»

Женя собиралась на это свидание с особым остервенением, чувствуя бушующее в ее душе море во время шторма и злясь, злясь на все, что происходит вокруг нее... Макияж? Поярче! Платье? Покороче! Каблуки? Повыше! Прическа? Открыть шею, пусть, пусть смотрит! Она должна быть привлекательной, соблазнительной, манящей! Она шагнула в другой мир, мир без одинокой, стонущей любви, высохшей, так и не дожившей до живительного ответного глотка счастья. Она молода, не дурна собой, поэтому чахнуть дольше она не намерена! Нет, не сегодня! Все, прощай, Сергей, прощай, любовь, прощай...

Павел не мог оторвать от нее глаз, Женя то и дело чувствовала, как его жаркий, похотливый взгляд скользит по ее коленям и бедрам, пока они ехали в шикарной машине с тонированными задними стеклами, она ощущала, как он смотрит на ее руки, как желанно и взволнованно оглядывает грудь, смотрит в зону декольте, где Женя постаралась выставить на показ все, что только возможно, с помощью одного интересного приспособления под названием «пуш-ап», смотрит на ее шею и губы, ярко-красные, притягательные, сладкие и спелые, как вишенка...

Ей не нравилось то, как он смотрел, ей было противно прерывистое дыхание, его легкое покашливание, скрывающее возбуждение, его глаза на всех частях ее тела, но она твердо решила не обращать внимания, понимая, что сама спровоцировала подобную реакцию.

— Куда бы ты хотела, Женечка? — севшим голосом спросил Паша, крутя баранку огромными ручищами и постаравшись хоть пару секунд удерживать взгляд на дороге. — Как насчет «Бонапарта»?

Женя безразлично пожалала плечами, бросив взгляд на его круглое, покрасневшее лицо и подрагивающий жирный кадык на шее, тут же отвернувшись и чувствуя, что ее ужасно тошнит от всего, что сейчас происходит, но отступать было поздно.

— Мне без разницы.

— Хорошо, милая. Тебе там понравится. — промурлыкал Паша, разворачиваясь на перекрестке и взяв курс на самый дорогой ресторан в городе.

Пятнадцать минут — и Женя с Пашей уже входили в массивные, лакированные дубовые двери, попав в роскошное фойе с администратором в черно-белой ливрее и с очень приятным, даже красивым лицом, который с гордо поднятой головой и невероятно вежливым приветствием проводил их за шикарный, накрытый белоснежной, кристально чистой скатертью столик в укромном уголке зала, украшенного скульптурами из белого камня, мини-водопадом по левую сторону, живыми цветами на стенах и на каждом столе, и

настоящим оркестром, который сейчас наигрывал нежную, но очень грустную мелодию.

Женя уселась на заботливо выдвинутый стул и зачем-то уставилась на оркестр, где ее внимание привлекла молодая девушка в строгом, черном платье — скрипачка. Она смотрела на свою скрипку из-под опущенных ресниц, аккуратно и так ласково перебирая струны смычком, что казалось, она едва их вообще касается, а из инструмента лилась печальная музыка, заставившая все внутренности Жени сжаться... Как будто эта печаль как-то касалась ее саму, как будто тоска девушки нашла отклик в ее душе и была очень похожа на то состояние, в котором уже давно находится сама Женя...

— Меню, пожалуйста. — разбудил ее от грустного сна официант, вежливо поклонившись и положив перед Женей и Пашей две кожаные папки, поспешно отойдя в сторону, дабы не мешать выбирать.

Павел раскрыл меню и, горящими маленькими глазами посмотрев на Женю, облизал толстые губы и угодливо проговорил:

— Выбирай все, что хочешь, милая, любое блюдо, напиток... Что угодно.

Женя снова обратила внимание, что смотрит на капельки пота, выступившие на лбу у Павла, и кроме тошноты и брезгливости не чувствует ничего, даже голода, хоть она и не ела с самого обеда, но, вздохнув и не открывая меню, Женя положила руку на кожаную папку и, припомнив, что сейчас как раз смена ее мамы, спокойно проговорила:

— Я буду Рататуй Мишеля Герара и утиную грудку Магре. Напитки сами выбирайте, Павел Юрьевич.

Паша от удивления даже на спинку стула откинулся, вытаращив свои круглые, восхищенные глазки до размеров двухрублевых монет, и, слегка запинаясь, проговорил:

— Ну... ну ничего себе, Женечка! Вот так познания французской кухни! Ты, кажется, не раз была в этом ресторане, смею предположить?

Женя устало вздохнула и, посмотрев на Пашу, безразлично ответила:

— Да, мне доводилось здесь бывать, а эти блюда готовит моя мама, она здесь поваром работает и сейчас на кухне.

Паша еще больше расширил глаза, Женя даже не удержалась от смешка, представив, как трескается во все стороны кожа на его лице от излишнего, старательного напряжения, а затем восторженно прогромыхал:

— Правда? Вот это да! Так это хорошо, что мы сюда приехали! С удовольствием попробую, что готовит твоя мама. Может, порекомендуешь что-нибудь?

Женя смерила грузную тушу Павла оценивающим взглядом и подумала, что ему бы идеально подошел какой-нибудь тушеный слон с кабачками, и то еще неизвестно, кто смотрелся бы симпатичнее: подрумянившийся на огне слоняра или раскрасневшийся от предвкушения Паша, с дурацкой и игривой, как ему самому казалось, улыбкой глядящий на нее.

— Попробуйте шатобриан в соусе из красного вина. Это говяжья вырезка, мужчинам обычно нравится, Павел Юрьевич.

— Жень, давай уже на «ты», мы же в неформальной обстановке. — потянулся к ней Павел и вдруг накрыл огромной ручищей ее ручку, слегка сжав пальцы и вызвав у Жени немедленный рефлекс отстраниться и отдернуть руку, но... Она терпела и не делала этого, сжав зубы. Ее цель была еще не достигнута. Она должна была освободиться от Сережи... И живо в ее мозгу вспыхнуло воспоминание о том, как Сережина рука коснулась ее тогда, зимой, в ее подъезде... Сколько бесконечных звезд и искр запылали от одного лишь касания

его ладони... Как желала его поцелуя, как желала объятий... Как горела, сходя с ума от страсти...

А сейчас, вместо того, кого она мечтала всем сердцем здесь видеть, сидел лишь грузный и круглолицый Паша, внимательно и с огромным, пристальным интересом блуждая взглядом по ее зоне декольте, и Женя, слегка вздохнув, строго проговорила:

— Хорошо, Паша, только пожалуйста, я тебя прошу: давай пока без физических контактов. Я еще не готова к такому общению.

Паша разочарованно оторвал глаза от ее груди и посмотрел на лицо, как-то недовольно поджав губы, но, видимо, взяв себя в руки, натянул на свои пухлые детские щеки понимающую улыбку и, слегка помяв ее руку в своей ладони каким-то собственническим жестом, со вздохом проговорил:

— Конечно, милая, конечно, мы же договаривались — все будет так, как ты захочешь... — Женя кивнула и попыталась аккуратно высвободить свою ладошку из начинающей потеть лапищи Краснохатова, но его взгляд вдруг упал на ее руку, а глаза вперились в кольца... Точнее, в одно кольцо. То самое, да, то самое, на которое Женя украдкой посмотрела уже сто тысяч раз за сегодняшний день и с огромной тоской крутила его пальчиками, будто ощущая любимую, такую жесткую и стремительную энергетику... Секунда, взгляд Павла мигом посуровел, и в его глазах мелькнула некая рассерженность. — Постой, погоди-ка... — он потрогал большим пальцем три золотых цветка, украшенные россыпью фиолетовых камней, и хмуро проговорил:

— Минаев... Это его колечко. Дорогая бирюлька, он своим девочкам всегда такие дарит... Дизайнерская работа, высшее качество... В его вкусе. — мстительно и ревниво проговорил Павел, а Женя вздрогнула, ощутив удар в груди, будто ее сердце еще и крапивой сверху хлестнули, не волнуясь о том, что будет с ней... Тугой комок подскочил к горлу, но Женька удержалась и лишь выдернула руку из ладони Краснохатова, гневно уставившись на оркестр и ту самую печальную скрипачку, которая сейчас исполняла «Осень» Антонио Вивальди. Мда. Глубокая, беспросветная осень.

— Женечка, ты сердишься? — промурлыкал Павел, попытавшись заглянуть девушке в глаза. — Не переживай, милая! Я куплю тебе другое кольцо, в десять раз лучше этого!

Женя насмешливо прыснула и холодно посмотрела на Павла:

— Да не нужны мне эти дурацкие кольца! Дело вообще не в них, Паша. А если мы собираемся говорить о Сергее, то пожалуйста, отвези меня лучше домой, или сменим тему! Ты, кажется, говорил, что у тебя есть какое-то предложение ко мне? Ну так я внимательно слушаю. — жестко закончила она, а Паша все то время, что она говорила, пожирающе смотрел на ее губы, будто собирался припасть к ним в жадном, неистовом поцелуе, от которого Женю, наверное, точно бы стошнило, учитывая ее теперешнее болезненное и усталое состояние...

— Да, моя красавица, есть кое-что...

Но закончить он не успел: у входа послышался какой-то шум, и Женя невольно посмотрела туда, к своему ужасу увидев, как в зал стремительно и уверенно входит Сергей, оглядывая столики сердитым, нетерпеливым взглядом, а перед ним маячил тот самый администратор в ливрее, с симпатичным лицом, суетясь перед Минаевым и, кажется, пытаясь преградить ему дорогу:

— Мужчина, мужчина, стойте! Вам нельзя, если у вас нет брони!.. Выйдите, или я охрану вызову...

— Да плевать мне на твою охрану, мальчик, отвянь, или я тебя вон в тот горшок с незабудками засуну, чтобы не мешался под ногами, усек, шпингалет?.. — гневно и бесстрашно отмахнулся с помощью излюбленного метода угроз Сережа и, увидев, наконец, Женю, которая расширенными от злости глазами смотрела на него, решительно направился к ней, сопровождаемый криками «шпингалета»:

— Мужчина, остановитесь! Все, я зову охрану! — и он достал из кармана рацию и быстро загудел в нее, что-то возмущенно объясняя скрипучему голосу на том конце.

Женя в ужасе и невероятном, озлобленном возбуждении смотрела на быстро идущего к ней Сережу, а Павел хмуро и гневно процедил:

— Вот же дятел упертый...

— Женя! — громыхнул Сергей, подлетев к ней и сурово глядя на девушку своими притягательными серыми глазами. Женя так и подскочила на стуле, чувствуя, как подрагивают ее руки, и возмущенно заголосила:

— Сережа!! Ты что здесь делаешь??? Зачем пришел??

— Так, мужчина! Общественный порядок нарушаем? А ну, на выход! — прогремел грозный голос позади Сергея, и Женя увидела, как на его плечо легла крупная, мускулистая рука, а за его спиной показались двое здоровенных мужчин в костюмах, хмуро глядящие на его затылок.

— Руку убрал. — спокойно, с ухмылкой порекомендовал Сергей, сложив руки на груди и продолжая смотреть на Женю. — Или я тебе все пальцы переломаю, дружище, ни одной косточки не пропущу! Отойди, мне здесь поговорить надо! — уже в более жестком тоне и приказным голосом проговорил Сергей, и Женя закатила глаза, узнав его любимую привычку лезть на рожон и быть сто раз побитым, но, как говорится, не сломленным. С ужасом увидев, как с силой сжались грубые пальцы вокруг Сережиного плеча, Женя резко встала и, по уже сложившейся привычке всегда защищать того, кто лезет на рожон, спокойно и уверенно проговорила:

— Оставьте его, пожалуйста. Он не будет шуметь больше... Я сама его к выходу провожу. Отпустите. Он ничего никому не сделает, ну? — более жестко, с нажимом проговорила Женя, и один из охранников хмуро посмотрел на нее:

— Вы точно уверены, что он не угрожает спокойствию других посетителей? По инструкции мы обязаны выводить из зала нежелательных лиц...

— Отойди, дубина, или твое лицо станет очень нежелательным. Совершенно никому. — процедил угрожающе Сергей, развернувшись к охранникам, но Женя, увидев, как начали звереть глаза секьюрити, быстро встала между ними и поспешно проговорила, глядя на охрану:

— Позвольте мне самой его вывести, пожалуйста! Это я виновата, что он сюда ввалился, как какой-то... — Женя осеклась, бросив гневный взгляд на Сережу, который с ухмылкой слушал ее. — В общем, ответственность за спокойствие посетителей я беру на себя. Пожалуйста!

Охрана переглянулась, и тот, что держал Сергея за плечо, вдруг отпустил его, угрюмо проговорив:

— Хорошо, но если он начнет вести себя неподобающим образом, мы его выставим.

— Идет. — тут же согласилась Женя, и оба секьюрити бесследно испарились, оставив ее, Сережу и Павла одних.

— Ну и ну, Сережа! Опять ты концерт по заявкам устроил! Все тебе нейдет, дру

мой... — с ядовитой ухмылкой проговорил Павел, но Сергей только бросил на него ледяной взгляд и хмуро приказал:

— Замолчи! Женя, идем, поговорим на улице. Это срочно. — жестко проговорил он, и девушка чуть не задохнулась от возмущения, тут же гневно плюхнувшись обратно на свой стул и разозленно закинув ноги на ногу, скрестив руки на груди в категорическом жесте:

— Еще чего! Я, вообще-то, занята сейчас, Сережа. На свидании, если ты не заметил!

Он импульсивно наклонился к ней и, гневно глядя на Пашу, тихо, но очень горячо шепнул ей прямо в шею, отчего у Жени тут же побежали мурашки по всему телу:

— Заметил, заметил, а теперь встань из-за этого чертового стола и выйди со мной на улицу, давай, Женя, ну?!?

— Ты забыл сказать «пожалуйста», как всегда. — сурово и холодно проговорила Женя, а мурашки все бежали и бежали по ее коже, ощущая его близость позади себя и предательски превращая жгучую злость в необыкновенную страсть, которая Жене сейчас очень и очень была противопоказана в дурацком и, видимо, безнадежном стремлении жить без него.

Однако, гневный вздох, говорящий о том, что Сережа вовсе не собирается говорить «пожалуйста», а вполне себе успешно, хоть и с трудом, сдерживает себя от дикого желания выволочь Женю силой и разломать по пути любой предмет мебели, подвернувшийся под горячую руку, прервал ее огненное затмение, и сзади снова раздалось гневное, но уже более жесткое и взвинченное:

— Ты же обещала охранникам выставить меня? Так давай, проводи меня на улицу, или я тебе клянусь, через секунду начну громить к чертовой бабушке этот зал и начну вон с того симпатичного бара, слышишь, Женя?!?

Женя гневно развернулась, не помня себя от злости и, встретившись с яростным, но особенно победным взглядом серых глаз, пристально глядящих на нее сверху вниз, прошипела:

— Я сказала это лишь для того, чтобы они ушли и не набили тебе морду там, на улице! И никуда я с тобой не пойду, нам нечего обсуждать...

— Женя... — начал было Сергей, но тут неожиданно включился Павел, великодушно проговорив:

— Женечка, выйди, поговори с ним! Ты же понимаешь, что он не уйдет? Я тебя подожду и вино закажу, ты какое любишь? Белое или красное?

Женя удивленно воззрилась на Пашу, который так легко и щедро махал рукой, отпуская ее к конкуренту, по-видимому, считая, что он этот бой уже и так выиграл, и раздраженно выдохнула, действительно понимая, что убрать отсюда Сережу сможет лишь наряд полиции, и то — на короткое время, проговорив:

— Красное. Ладно, я на пару минут, Паша, извини.

— Да-да, милая, иди. — абсолютно безмятежно улыбаясь, проговорил Павел и обернулся, выискивая глазами официанта.

Женя со вздохом встала и тут же была гневно схвачена за руку и, бешеным вагончиком на прицепе, едва успевая за вихрем по имени «Сергей» к выходу, полетела за ним, на ходу шипя ему в спину:

— Да не тащи ты меня так, идиот! Все равно из твоей хватки мне не вырваться!

Сережа не обращал внимания на ее недовольные восклицания и стремительно вывел ее на улицу, заведя за угол, и гневно развернул к себе лицом, прижав ее к серой, облупившейся стене и яростно проговорив:

— Черт, дурында, ты зачем с ним пошла??? И какого дьявола вырядилась... так?.. — его серые глаза вдруг скользнули по ее шее к груди и ниже, к ногам, а Женя, порывисто вздохнув, заметила, как в его взгляде, помимо злости, вдруг вспыхнула страсть. — Мне назло, да???

Ощувив, как полыхнуло огненной молнией ее внутренности, Женя едва слышно вздохнула, желая оттолкнуть его от себя на безопасное расстояние, но руки не слушались ее... А он так близко, облокотился рукой о стену, его лицо... всего в каких-то десяти сантиметрах... она даже дыхание его на своих губах ощущала... Сердце быстро застучало в груди, и Женя, умирая от разрывающих ее противоречивых ощущений, гневно и язвительно проговорила:

— Да, конечно, весь мир же только вокруг тебя вертится, Сережа!! Да как я могла назло тебе одеться, если даже не знала, что ты придешь!! И как ты вообще узнал, что мы здесь?? Следил за мной, что ли?

— Да какая разница, Женя! — с нажимом, вспыльчиво проговорил он, оглядев ее лицо и спустившись жадным, истосковавшимся взглядом на ее вишневые губы. — Ты не понимаешь! Паша — не хороший человек! Он попытается любым способом заполучить то, что ему нужно, он использует тебя, а потом забудет, когда ты станешь ему неинтересна! Он давно уже вынашивает идею с тобой пере... — Сережа вдруг осекся, тяжело вздохнув, а Женя, прислонившись к холодной и грязной стене, ощущая, как ее накрывает огненная волна, его волна, его энергетика, ставшая почти болезненно горячей, едва смогла заметить, как потемнели его глаза, как в ураган ревности и гнева вновь вмешалось еще и неистовое желание...

Она выдохнула, отвернувшись... Не смотреть, не смотреть ему в глаза! Ее тело подрагивало от маленьких вспышек, внизу живота разразился мучительный, огненный торнадо, сердце стучало...

Сережа вздохнул, пытаясь взять себя в руки, Женя почувствовала, как он ближе наклонился к ней в бесконтрольном порыве, не касаясь, но находясь не более, чем в одном мгновении от этого...

— Женя... — горячо выдохнул он рядом с ее ушком, вызвав в ее теле очередной всплеск огня, она тут же ощутила, как стремительно краснеют ее щеки, шея, руки... Кожа горит, в животе — бешеная пульсация, а душа, душа неистово тянется к нему, умирая от одной только мысли о том, как желанно он смотрит на нее, как тяжело дышит, как упорно не хочет уйти прочь из ее жизни...

Она заметалась в отчаянии, замотав головой в разные стороны и чуть не плача от того, что так сильно желала быть с ним и так долго страдала, что эта минута, когда она на грани провала, когда она балансирует на остром краю своих принципов, причиняла ей огромную, раздирающую душу боль...

— Сережа... — голос дрожит, черт, она вся — как оголенный, стремящийся к нему, к его прикосновениям и поцелуям нерв... Нельзя, нельзя... Женя с трудом посмотрела на него, задыхаясь и видя, какими черными были его глаза, как нежно он смотрит на нее, как желает целовать ее... она знала, она чувствовала это в его энергии — сильной, доминирующей, страстной и грубой... — Сережа, сохраняй дистанцию. — едва слышно шепнула она, стиснув кулаки до боли и стараясь успокоиться, перестать так жаждать его объятий, прикосновений, прекратить так пылать, черт возьми!!!

Он слегка наклонил голову, глядя на ее губы, и тоже тихо проговорил:

— Ты должна быть осторожна с Пашей, Женя. Он обидит тебя, он вынудит тебя отдаться ему и предложит что-то очень нужное взамен... Он всегда так делает, я давно его знаю, Женя!!! — он вздохнул, а Женя, упиваясь этой минутой, закрыла глаза и, умирая от любви, от желания сдаться ему, от желания прекратить эти длинные и ужасно болезненные страдания, тоску по нему, вдруг вспомнила о Насте и Ксюше...

Их лица яркими, красными кругами зажглись в ее мозгу, и она, ощутив, как резко подступили слезы, яростно открыла глаза и, посмотрев на Сережу, с тревогой и неистовым вожделением смотрящего на нее, тихо и отчаянно, с огромной, разрушительной яростью проговорила:

— Тебя это не касается, Сережа! Оставь меня в покое, дай мне возможность жить дальше, не волнуйся о том, с кем я буду спать и по какой причине — это не твое дело!! — почти крикнула она, заметив бешеный, болезненный блеск в его глазах и вздрогнув, когда он с сумасшедшей яростью хлопнул ладонью по стене рядом с ней. — Занимайся своей семьей, следи за своей женой, беспокойся о дочке! А от меня отстань, сколько можно уже??? Больше двух месяцев я прошу тебя об этом! Хватит, не мучай меня, не издевайся, не ходи за мной! Мы никогда не сможем быть вместе, а если ты не в состоянии с этим смириться, то позволь мне уйти с работы, и давай прекратим наши встречи, так будет легче нам обоим! А сейчас — отпусти. Меня Паша ждет. И что бы он мне ни предложил, я соглашусь на все, лишь бы от тебя избавиться!!! — гневно закончила она, попытавшись уйти, но Сергей схватил ее за плечи и вернул на место, с огромным отчаянием и злостью глядя на нее:

— Что??? Он тебе уже что-то предложил?!? Женя, клянусь, если ты согласишься, я...

— Что «ты»?!? Что?!? Что?!? — бешено закричала Женя, а из ее глаз побежали горькие слезы, Сережа вдруг жестко прижал ее к стене и зашептал ей в губы, а его рука огненно коснулась ее щеки в страстном, ласкающем порыве:

— Я никогда, никогда, никогда не отпущу тебя, ты слышишь? Никогда в жизни, даже не надейся, не рассчитывай, я никогда не сдамся и не перестану преследовать тебя, и это ты виновата, глупышка, это ты со мной сделала!!! А если ты только попробуешь провести ночь с Пашей, я его прибью, слышишь?? Уничтожу, самой мучительной смертью, буду жестоко пытаться, ты меня поняла???

Женя откинула голову на стену, умирая от его слов, умирая от его прикосновения, от того, как его рука неистово гладила ее щеку, спускаясь к шее и снова поднимаясь к щеке, как близко было его сильное, горячее тело, как ужасна была эта минута! Мучительна, болезненна, волшебна... Она на миг подалась к его руке, продолжая плакать и закрыв глаза, а из ее горла вырвался тяжелый вздох...

Сережа не мог больше контролировать себя, он наклонился к ней, чтобы поцеловать, но Женя, неожиданно очнувшись, открыла глаза и с силой ударила его по руке, глядящей ее с такой жадной любовью, что она бы стояла с ним в этом грязном проулке вечно, и, опомнившись и обезумев от гнева, прошипела:

— Не трогай меня, Сережа, или я тебя ударю, слышишь??? Ничего мне не говори, уходи, уходи к своей жене, а я пойду к Паше, и закончим на этом бессмысленный треп! Сохраняй дистанцию, я же сказала!

Сережа тоже вспыхнул гневом и, снова схватив Женю за плечи, прошипел:

— Не будь душой, Женька, какая еще, твою мать, дистанция?..

Но Женька изловчилась и вдруг отвесила Сергею мощный удар кулаком в живот и, оттолкнув, пошла в сторону входа в ресторан, пылая от боли, от ярости и отчаянного

желания порвать чертову связь, проговорив:

— Вот такая, Минаев! Не понимаешь — следующий будет ниже!

И, не взглянув на согнувшегося от боли Сергея, Женька со слезами побежала ко входу, мечтая скорее оказаться внутри, но Сергей вдруг догнал ее и, схватив за руку, быстро притянул к себе и гневно проговорил на ухо:

— Я все равно люблю тебя, Женька, сколько ни бей. — после чего он подтолкнул ее ко входу и стремительно ушел на парковку, даже не обернувшись и не посмотрев на Женю, которая всхлипнула, закусив губу до боли и глядя ему вслед, мечтая прекратить все это, мечтая быть с ним... но разве она могла?.. Ей оставалась лишь другая жизнь. Без любви. Без страсти. Она побрела обратно к столику, отчаянно рыдая и пытаясь судорожно остановиться, утирая все новые и новые потоки слез со своих щек.

*** «Плюс»

Паша ждал ее, как и обещал, нервно и нетерпеливо поглядывая на вход. Завидев идущую в его сторону Женю, едва переставляющую ноги и хлюпающую носом, вытирая слезы тыльной стороной руки, его глаза коварно сощурились, а на лице быстро, словно прыщ, вскочила сочувствующая, но в то же время победная улыбка.

Женя отчаянно пыталась переключиться, глубоко вздохнув несколько раз и ощущая кровотечение в душе. Она подошла к столику и села на свое место, глядя на отвратительное для нее круглое лицо, румяные щечки и жирные, толстые губы, глядя в его маленькие, не перестававшие скользить по ней с пошловатым огоньком глазки, на его огромную, медвежью фигуру, светлую, короткую стрижку... А в голове ее лишь всплывали глаза Сережи, тело будто до сих пор чувствовало его энергетику, его огонь, стремительность и мужество, его грубый напор, в ушах лишь звучал его голос: «Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя»... Черт, ну за что, за что??

Она угрюмо опустила глаза на стол и, увидев вино в своем бокале, взяла его и сделала несколько больших глотков, посмотрев на Пашу и отчаянно удерживая себя не в своих глупых фантазиях и воспоминаниях, а в реальном мире. Павел с фальшивой грустинкой и заботой проговорил, чуть нахмурившись:

— Женечка, как ты? Сергей тебя обидел? Ты плакала?? Могу ли я чем-то помочь??

Женя печально ухмыльнулась, дернув плечами:

— Все в порядке, Паша. Извини за это... Я не думала, что он нас выследит...

— Не волнуйся, Женечка, для Сережи характерны непредсказуемые выходки и стремление излить злость с помощью кулаков. Другое дело, если он что-то сделал тебе... — с наигранной тревогой пробасил Павел, опустившись взглядом в Женино декольте, будто выискивая там отпечатки Сережиных пальцев, а Женя устало и раздраженно махнула рукой, чувствуя свое отторжение к мерзкому, думающему только одним местом, Паше, жестко отрезав:

— Ничего он мне не сделал, и я очень прошу — давай сменим тему! Вернемся к разговору о твоём предложении.

Паша вдруг как-то победно ухмыльнулся и порозовел, с предвкушением скользнув по Жениной шее взглядом, а Женя ощутила в себе дрожь отвращения и новый приступ подкатившей тошноты... Мда, его помыслы явно одним мылом не отмоешь, прав был Минаев...

— Предложение... Да, Женечка, есть тут у меня одна идейка, которая поможет нам

решить разом все проблемы... — ядовито усмехнулся Павел, и Женя настороженно сложила руки на груди, кивнув и продемонстрировав, что слушает, а сама ощутила нехорошее предчувствие внутри себя. Паша подался вперед и, жадно глядя на ее лицо, глаза и губы, тихо, вкрадчиво начал:

— Я тут случайно узнал, что твоя младшая сестренка болеет тяжелой формой астмы, и ты собираешь деньги, чтобы отправить ее в санаторий на Алтай, поэтому и не уходишь с работы, несмотря на... трудности общения с непосредственным начальником. — триумфально выдал он, а Женя вздрогнула, испытав невероятный, пронзительный ужас в груди... Ой-ей, это очень опасный крючок, Женя, тебе с него не соскочить... Она едва разжала пальцы от сильного нервного напряжения, сковавшего ее тело, и с огромным опасением спросила:

— Как ты узнал? Я никому не говорила, кроме Светы и Семена.

Паша пожал плечами, продолжая плотоядно оглядывать Женины губы, спускаясь к шее и груди, и тихо продолжил:

— Случайно. Услышал, как ты говорила об этом со Светой. Но это не важно, Женечка. А важно то, что я изучил кое-какую информацию об этом санатории, переговорил там кое с кем по телефону... И выяснилась такая пренеприятнейшая деталь, что места на сентябрь, бархатный сезон, самый благоприятный для лечения подобных заболеваний, бронируются уже сейчас и их остается катастрофически мало... Если ты не поторопишься и не внесешь половину стоимости путевки уже сейчас, то через пару недель мест в этом санатории, даже самых дорогих, люксовых, совсем не останется... А ты вряд ли собрала нужную сумму к текущему дню календаря... Не так ли, милая?

Женя с ужасом смотрела на него, надеясь, искренне, отчаянно, что он врет, это неправда, неправда... Как это — нет мест??? Сейчас только май, как такое возможно вообще?!? Внести предоплату?? Женя скопила едва ли чуть больше половины суммы, рассчитывая на отпускные отца в июле-месяце, и на то, что она еще поработает и, что называется, затянет пояс потуже и наскребет Поле на все двадцать один день лечебного отдыха... Как она внесет предоплату, если абсолютно не уверена, что ей удастся скопить нужную сумму, чтобы выкупить путевку целиком? А вдруг что-то случится, тьфу-тьфу-тьфу, конечно, но деньги могут понадобиться в любой момент... Черт, вот это попала, так попала... А Павел довольный такой... Внутри Жени все перевернулось в отвратительном предчувствии.

— Нет, конечно, не собрала. — тихо и хмуро буркнула Женя, и, едва переведя дух, с нажимом проговорила:

— Это все правда, Паша? Ты... м-м-м... ничего не перепутал??

Павел легко пожал плечами и отпил вина из бокала.

— Нет, милая. Можешь проверить сама. Позвони туда и убедись.

— И сколько осталось мест? — с замиранием сердца спросила Женя.

— Девять, вроде бы. — как-то уж слишком радостно поведал Павел, и Женя тяжело вздохнула, положив локти на стол и повесив голову.

— Что дальше? — обреченно шепнула она, уже примерно догадываясь, о чем пойдет речь, но в глубине души все же надеясь на здравый смысл и благоприятный исход.

— Ну-у-у... У меня завалилась подходящая сумма. — беспечно проговорил Паша, вдруг наклонившись к ней и оглядев ее жадным взглядом, проникновенно закончив:

— Я мог бы купить путевку твоей сестренке... Хорошие места, двадцать один день...

Женя вскинула голову, чувствуя, как кровь застучала в ее висках, как внутри разворачивается что-то мерзкое и склизкое в ожидании приговора... Сделка, которая не даст ей возможности отказаться, когда на кону здоровье Полины... Что бы там ни было...

— А взамен? — почти прошептала она, чувствуя подкатившую дрожь, охватывающую все ее тело, а Паша лишь грязно ухмыльнулся и, протянув руку, взял ладонь Жени в свою огромную лапу, вызвав у нее приступ тошноты, и тихо промурлыкал:

— А взамен... Сама понимаешь, Женечка, путевка стоит очень и очень недешево, и плата за нее должна быть соответствующая... Взамен я прошу лишь... провести со мной ночь.

Женя вздрогнула и отстранилась, выдернув руку из его ладони и с ужасом взирая на него, не веря в то, что вот так, таким омерзительным образом можно заставить женщину отдаться...

— Это отвратительно, Паша, ты ведешь себя подло! — тихо, но жестко воскликнула она, ощущая, как ее сердце неистово колотится в грудной клетке, а омерзение накатывает волной, даже при одной только мысли, что она сблизится с этой огромной, румяной горой, что его жирные губы коснутся ее губ, ее кожи, что ей придется... Женя не удержалась и обхватила себя руками, передернув плечами.

Паша немного рассерженно проследил за ее телодвижением, а затем тоже сложил руки на груди и вздохнул, спокойно проговорив:

— Да, возможно, на первый взгляд это выглядит именно так... Но Женя. Я предлагаю тебе отличное решение твоей проблемы с сестрой, при этом, я не просто привезу тебя к себе домой на полчаса, я приготовлю тебе ужин, я буду ухаживать за тобой и очень надеюсь, что тебе все понравится... Видишь ли... Ты мне нравишься, милая. — протянул он, снова оглядев Женю огненным взглядом. — Но пока ты заиклена на Сереже, я совершенно не могу представить себе другой способ, по которому я бы мог получить тебя...

Женя нервно ухмыльнулась, закатив глаза и покачав головой, чувствуя, как все ее внутренности будто выплыли на огромной льдине в Северный-Ледовитый океан, а омерзения от всей этой ситуации, в которой она должна продать себя ради своей маленькой сестренки, после его слов не поубавилось.

— Паша, что за чушь? Ты бы мог просто ухаживать за мной, разве ты не видишь, что я желаю развязаться с Сережей раз и навсегда??? Если бы ты просто вел себя, как нормальный мужчина, а не занимался этим отвратительным шантажом, у тебя бы...

— У меня не было бы ни единого шанса, Женечка, я ведь не идиот! — громыхнул сердито Паша и наклонился к ней, быстро проговорив:

— Что я, по-твоему, не замечаю, что вызываю у тебя лишь отторжение?? Да мне никогда в жизни не заполучить хоть мимолетный, но тот самый взгляд, каким ты смотришь на него! Женя, я предлагаю тебе этот вариант в надежде, что, узнав меня поближе, ты хоть немного, но оттаешь в отношении меня! — он вздохнул и нахмурился, жестко проговорив:

— Повторяю еще раз: ты очень сильно нравишься мне. И я не откажусь от своих слов. Тебе решать. Путевки раскупят в ближайшие дни, и тебе, милая, остается два варианта: либо ты принимаешь мое предложение и отправляешь сестричку туда, где смогут облегчить ее страдания, либо находишь нужную сумму самостоятельно... А вот где — это уже другой вопрос, тоже требующий физических и временных затрат. Выбирай.

Он замолчал, а Женя опустила голову, чувствуя приступ истерического смеха от всей этой ситуации. Вот, пожалуйста, Женя, теперь судьба предлагает тебе сделаться дешевой

шлюхой ради благородной цели...

Сначала подставь свое плечо и помоги другу — как благородно! Спаси бедного Игорька от злого дяди Сережи Минаева... Потом спаси самого Минаева, да еще как! Ни много, ни мало сыграй на себя (опять на себя, опять на себя!) в карты с криминальным авторитетом... Потом влюбись в этого чертового Сережу и откажись от него, ради спасения семьи для маленькой, ни в чем не повинной девочки... Ух, как благородно! Аж крышу сносит! А вот теперь, ради сестренки, проведи шикарную ночь с омерзительным, холмоподобным и животнобразным Краснохатовым... Далеко же тебя завело твое благородство, Женька... В самую грязную, порослячью лужу...

Женя посмотрела на себя, ощущая свою ненужность этому миру, ощущая всю свою жизнь невероятно глупой и бессмысленной... Чередой лишь трагичных, никому не приносящих пользы событий...

И что стоит это ее тело? Она посмотрела на свою грудь, небольшую, никакую не особенную, самую обыкновенную, посмотрела на свою талию, бедра и две длинных, в общем-то, не таких уж и плохих ноги... Посмотрела на свои дрожащие ладони... А в груди все режет и режет мясницкий нож, а в душе все зудит и зудит непроходящая рана...

Ради чего? Ради чего живет она? Чтобы страдать? Чтобы влипнуть во всякие глупости?? Нет. Она же решила, уже давно, когда искала свой смысл! О, она постоянно думала над идеей ее существования, такого бесполезного, что хотелось кричать... И придумала. Она живет ради родных, ради семьи. Ради мамы с отцом, ради Поли... А это лишь означает, что ее тело не стоит ничего, по сравнению с мечтой о новой, лишенной страшных ночных приступов, наполненной цветами и красками жизни для маленькой девочки, каждый раз с огромными, испуганными глазами хрипло дышащей в ингалятор и испытывающей настоящий, панический ужас: а что, если не поможет? А что, если не сможет сделать следующий вдох? Что будет тогда?.. Да разве **дыхание ребенка** может иметь хоть какую-нибудь цену? Это жизнь, это необходимость, это суть...

Она подняла на Пашу глаза, полные решительного отчаяния, а он, внимательно изучая ее, проговорил:

— Ты можешь не отвечать сейчас, милая. Подумай, и...

— Я согласна. — выдавила Женя, ощутив приступ жгучего отвращения к себе, а Паша расширил в удивлении глаза и триумфально улыбнулся.

*** «Минус»

Сережа нетерпеливо и хмуро ждал в машине, нервно трясая коленом, барабанил пальцами по рулю, совершая периодические импульсивные вылазки и стремительный обход собственного автомобиля и все ожидая, ожидая, когда же Женя с Павлом выйдут из ресторана.

Он должен был знать, что задумал Паша. Он безумно злился на него за то, что тот дождался подходящего случая, чтобы подкатить к ней с каким-то очередным извращенным предложением, когда она была особенно уязвима, разбита, обижена и удручена своей несчастной любовью. Мысли пылали в его мозгу, проплывая огненными линиями, заставляя его бесноваться от бессилия и злости, заставляя ненавидеть Пашу и... в первую очередь, себя. Если бы не он, Женя была бы в порядке, она была бы, как прежде, весела и счастлива, она бы ни за что не поддалась бы на его уловки и какое-то там чертово предложение...

Предложение... Сережа сжимал кулаки в ярости. О, он прекрасно понимал, что именно

потребуется от нее Паша. Но что, черт возьми, он предложит ей взамен? Настолько ценное для нее, что она сблизится с ним... Боль резко сжала легкие, не давая вздохнуть, да он убил бы его прямо сейчас, если бы была возможность!..

Почти стемнело, и, наконец, он увидел их. Паша и Женя вышли из «Бонапарта», при этом Сережа успел заметить отчаянную тоску и бледность на ее лице, будто все жизненные соки ушли из той милой, наивной девчонки, которая так неимоверно раздражала его в начале и которую он так беззаветно и яростно любил в конце...

Они сели в машину, и Сергей, выждав пару минут, двинулся следом. Как и ожидалось, Паша привез Женю домой и остановился около ее подъезда, не заглушая мотор. Сергей тоже завернул в Женин двор, выключив фары, чтобы Женя его случайно не заметила, и остановился около мирно спящих на газоне автомобилей, пристально вглядываясь в салон «БМВ».

Павел что-то говорил Жене, она односложно отвечала, почти не глядя на него и будто совсем не слушая, опустив глаза куда-то вниз и продолжая грустить... Сердце Сережи оборвалось, но он не успел подумать о этом, потому что Паша вдруг наклонился и чмокнул ее в щеку... Совсем рядом с губами, черт бы его побрал!

Вспылив, Сергей едва удержался от хорошенького удара по несчастному рулю своего автомобиля, а Женя, с отторжением посмотрев на Пашу и слегка поморщившись, забрала свои цветы с заднего сиденья и, что-то проговорив ему на прощанье, вышла, стремительно исчезнув за дверью подъезда.

Паша опустил окно со своей стороны и, достав сигареты, закурил с такой довольной улыбкой, будто только что поймал в реке пятикилограммовую щуку, а Сергей решительно вышел из машины и, кипя от гнева, быстро двинулся к нему.

Сунув сигарету в зубы, Павел слегка сдал назад, пытаясь выполнить разворот в ограниченном пространстве, и, в тот миг, когда он желал бы от души поехать прямо, Сережа налетел на него и, резко встав на его пути, гневно хлопнул ладонью по капоту автомобиля и грозно прошипел одними губами:

— Выходи.

Завидев его, Паша вытаращил свои маленькие глазки и, триумфально улыбнувшись, дернул ручник и медленно, вальяжно вышел из «БМВ», выдыхая дым сигареты:

— О, опять ты, Сережка... Крепко же она зацепила тебя, раз ты весь вечер караулил нас у ресторана.

Не помня себя от ярости и желая только размазать эту жирную морду об асфальт, не обращая никакого внимания на то, что он значительно уступал по габаритам Паше, хоть и периодически бывал в спортзале, Сергей бросился к нему и, схватив за грудки, треснул Павла спиной об его же автомобиль, требовательно процедив в его улыбающееся, хоть и красное от удара лицо:

— Что ты предложил ей, Паша!?! Отвечай, или начну выбивать из тебя дурь прямо сейчас!!!

Паша ухмыльнулся и, похлопав Сергея по кулаку, зажавшему воротник его пиджака, невозмутимо проговорил:

— Ничего особенного, Серый. Лишь то, что не предложил ей ты по одним, только тебе известным причинам. — Сережа нахмурился, а Павел триумфально подмигнул:

— Я предложил ей купить путевку для ее сестренки в тот самый санаторий на Алтае... Видишь ли, сколько Жене ни стараться, она все равно не успеет выкупить эту путевку,

потому что мест осталось лишь считанные единицы, а денежек у нее как не было, так и нет... Прекрасно, правда??

Сергей так и устоял на него, в какой-то момент даже забыв, что он злится. Надо же! Додумался! Сережа сжал зубы: ну почему эта гениальная мысль не пришла в его голову?!? Хотя, понятно почему: Сережа не привык делать столь щедрые и безвозмездные подарки кому-либо... И вообще не умел быть благородным, иначе, с его-то финансами, он бы, не задумываясь, помог этой милой маленькой девчужке вылечиться от этой чертовой болезни... И оставил бы Женю в покое, но такой душевный и жертвенный порыв со своей стороны он даже представить себе не мог.

Да, Паша, чертов ублюдок!! Угадал с Жениным желанием, она только об этом и мечтает, вообще ради сестры на все готова... На все готова??? Проклятье!!!

Мгновенно вспыхнув, Сергей снова с такой силой ударил Пашу об автомобиль, что тот сморщился, хоть и не перестал улыбаться, и разъяренно прошипел:

— Что взамен?!? Что?!? Что?!?

— Я думаю, ты и сам знаешь, что. — спокойно выдохнул ему в лицо дым Паша и победно ухмыльнулся. — Она займется со мной любовью, Сережа, чертовски прекрасной, чертовски страстной... А может, и не один раз. Уж я постараюсь удовлетворить все ее желания...

Сережу аж затрясло от безумия, он снова ударил Пашу о его машину и, стискивая в своих кулаках его пиджак до боли и желая переехать этим же «БМВ» раз двадцать по горизонтали и вертикали, бешено прорычал:

— Не смей!!! Если ты ее хоть пальцем тронешь, я тебя превращу в огромное, кроваво-красное месиво, не смей, ублюдок!!! Ты не прикоснешься к ней, ты не тронешь ее, ты...

Паша вдруг гневно и с силой оттолкнул от себя Сергея, стряхнув его руки, и, упиваясь его ревностью, его болью, коварно и мстительно проговорил:

— Твои угрозы бессмысленны, друг, потому что она уже СОГЛАСИЛАСЬ. Слышишь? Она согласна на мое предложение!! И ты ничего не можешь изменить, идиот, потому что она желает вычеркнуть тебя из своей жизни! Уймись уже, Сережа, и прими действительность — ты проиграл! Знаю, ты к этому не привык, ты не можешь смириться с поражением и с тем, что эта сладкая девочка в кои-то веки будет кувыряться не с тобой, а с кем-то другим! Утомонись, Минаев, и сам отстань от нее, потому что она теперь МОЯ. Понял??? Моя!!!

И с довольным хохотом Павел преспокойненько уселся в свою машину и стал отъезжать, а Сергей, чувствуя себя в очередной раз на грани огромной, черной пропасти, полной бессилия и отчаянной боли, ударил по корпусу его автомобиля кулаком и прошипел в окно:

— Никогда!!! Она твоей никогда не будет, ублюдок дерьмовый!!! Я тебе не позволю...

— До завтра, Сергей Викторович! — с ликующей ухмылкой махнул Сереже Павел и нажал на газ, оставив пылающего, разъяренного Сергея одного среди темных, притихших автомобилей.

*** «Минус»

Сгорая в атмосфере разрушительной ярости, Сергей гнал по ночному городу, скорее по инерции двигаясь к дому, чем разумно понимая, куда он едет. Бегом ворвавшись в свою квартиру, которая, на его счастье, была пустой, поскольку Ксюша с Настей уехали на

несколько дней пожить к ее родителям в большой, трехэтажный коттедж с собакой лайкой во дворе в качестве привлекающего детей дополнения, Сергей влетел в комнату, которая звалась его кабинетом, потому что он действительно работал в ней почти все время, которое проводил вне фирмы, и упоенно занялся тем самым делом, о котором мечтал всю дорогу домой, а именно: стал громить и крушить все, что попадалось под руку.

Стул на колесиках полетел в стеллаж с книгами, стол был опрокинут вверх ногами, подмяв под себя бумаги, папки и новенький ноутбук; графин с водой и пара стаканов были сброшены с тумбочки у стены и разлетелись повсюду, разбившись вдребезги, а горшки с цветами на подоконнике под сумасшедший ор: «Урод!!! Урод!!! Ненавижу, убью!!!» — полетели в ближайший угол, взорвавшись земельно-лиственным фонтаном и глиняными черепками.

Рухнув около батареи на пол и обессиленно сложив локти на колени, отчаянно и тяжело дыша, Сергей медленно оглядел погром в комнате и вдруг захохотал, чувствуя, что теперь он точно сошел с ума... Так страдать из-за какой-то девчонки!!! Он хохотал, не веря в то, что это происходит с ним, что через каких-то несколько недель он лишится всего ради той, которая и видеть его не желает, хохотал от того, что он ее терпеть не мог за ее детскую наивность, за ее рыжие кудри и эти идиотские веснушки, за ее вечное желание подставить спину, влезть не в свое дело, бесстрашно бросаться навстречу опасности ради правды... Хохотал от того, что теперь он любил ее до умопомрачения, что ни есть, ни спать, ни работать не мог без ее образа в своей голове, думая лишь о ней, желая лишь схватить ее, поцеловать, услышать ее вздох, мечтая умереть, лаская ее чудесную кожу, теребя ее мягкие кудряшки и глядя, глядя на те самые, ненавистные веснушки и в ее странные, фиалковые глаза...

А теперь она, забравшая его душу и вывернувшая набекрень его мозги, собирается лечь с этим ублюдком и извращенцем Краснохатовым в одну постель ради своей сестренки, которой она уже много лет желает помочь!.. Мда... У нее и выбора-то особого не было. Сергей прекрасно понимал, что она, в отличие от него, пойдет на все ради того, кто ей дорог, на любую жертву, любое дебильное предложение...

Щелк! Что-то включилось в голове Сережи, а сердце в груди прыгнуло так, что ударилось об горло. Он резко встал на колени и подполз к столу, грубо и нетерпеливо отодвинув его в сторону и явив миру ноутбук с треснутой крышкой, который так некстати не был убран в другую комнату и попал под горячую руку.

Схватив его, Сергей открыл крышку и бешено и торопливо нажал кнопку запуска раз эдак десять, но... увы. Экран продолжал мстительно чернеть, даже не думая запускать приветственный синий фон. Сережа сердито потыкал кнопку еще несколько раз, но, к сожалению, действия это никакого не возымело: кажется, компьютер был безнадежно сломан.

— Твою мать!!! — искренне кипя, выругался Сережа и, швырнув ноутбук в стену и убив его, тем самым, окончательно, он вскочил на ноги и стремглав помчался прочь из дома, шумно дыша и гремя ключами от машины.

На работе Сергей был уже через пятнадцать минут. Слава Богу, что успел до полуночи: его пропуск работал лишь до этого времени, — и, поднявшись на свой этаж и поприветствовав ошарашенных столь поздним его появлением сборщиков и монтажников из цеха, работающих в ночь, он забежал в свой кабинет и засел за ноутбук, боясь того, что может опоздать.

Ага, а вот и сайт этого санатория... Сережа внимательно изучил все, что предлагалось на данный момент, и был действительно удивлен тем, с какой скоростью раскупали путевки... Он сам никогда бы даже не помыслил о том, чтобы отправить Настю куда-нибудь не на Черное море, а на Алтай, в восточную часть нашей необъятной родины...

Выбрав лучшие, люксовые места с самым полным комплексом лечебных процедур и лучшим питанием, Сережа закрепил за собой бронь и перевел на счет санатория половину суммы. Убедившись, что все сделал правильно, и почувствовав невероятное облегчение и триумф, Сергей расслабленно откинулся на спинку стула и, забросив локти за голову, уснул крепким, но тревожным сном.

Ночь пролетела, как одна минута, и вот, в расплывчатые сновидения, в которых фигурировал и Павел, и Ксюша, и, конечно, Женя, а еще, зачем-то, группа немолодых монтажниц из сборочного цеха, ворвалось суетливое тарыхтение и щебетание Светкиного голоса из секретарской, кой сегодня должен был вещать в утреннюю смену.

Очнувшись и размяв затекшую шею, Сергей скинул пиджак и, сделав три чудовищно огромных глотка воды и закатав рукава рубашки, умирая от жары в кабинете, стремительно помчался к выходу, совсем не обратив никакого внимания на то, что у него уже начался рабочий день.

Вылетев в секретарскую и заставив Свету от неожиданности подпрыгнуть на стуле и хлебнуть кофе носом, не дожидаясь, пока она прокашляется, Сережа хмуро ткнул в сторону своего кабинета и своим привычным, командным голосом проговорил:

— Света, открой все окна, подготовь срочные документы, отмени ближайшее совещание — меня не будет час-полтора.

Светка прокашлялась, но не перестала таращить на него удивленные глаза, медленно оглядев его мятый и небритый, в общем и целом, не очень свежий вид, и, кивнув, хрипло проговорила:

— Ладно... А-а-а... а вы откуда здесь взялись, Сергей Викторович?? Я думала...

Что она там думала, Сережа знать совершенно не хотел, поэтому просто пронесся мимо, к выходу с фирмы, а его мозг занимали проблемы совсем иного рода, чем мыслишки его сороки-секретарши...

Лифт, проходная, улица — солнце палит, жара! В воздухе запах цветения, сирени... Все внутри Сережи всколыхнулось от этого запаха, и он поспешил запрыгнуть в свой автомобиль стоявший, по счастью, в тени, под раскидистым тополем, а потому прохладный и свежий, что и требовалось Сергею на текущий момент.

Через десять минут он был уже в одной из туристических фирм, где, по информации на сайте санатория, можно было выкупить путевку. С трудом дождавшись, пока молодая, бестолковая парочка выберет себе-таки, наконец, отель в Тунисе, и желая треснуть их головами друг об друга, чтобы им думалось еще лучше, Сережа яростно мерил шагами офис турагентства и, в конце концов, наступил и его звездный час.

Десять минут ушло у него на разговор с белозубой и невероятно улыбчивой работницей агентства, которой, похоже, очень понравилась жесткость и решительность Сергея в выборе билетов на самолет до Горно-Алтайска, а еще его состоятельность и количество бабок на банковской карте, поэтому она старательно стреляла в него глазками и поправляла волосы, открывая шею и зону декольте, но Сережа и внимания не обращал на ее внешний вид, тщательно контролируя все ее действия и внимательно следя за тем, чтобы все было

забронировано так, как нужно, ну и в результате, получив на руки две путевки в тот самый санаторий и чувствуя себя невероятно счастливым, просто до отупения, Сережа вышел из офиса и полной грудью вдохнул аромат сирени, прекрасный, легкий, напоминающий ему о ней...

Пребывая в отличном настроении и даже улыбаясь, что за ним наблюдалось крайне редко, Сережа вернулся на фирму и провел целых полдня, умудрившись разрулить большую часть скопившихся проблем, провести две оперативки и даже ни на кого не наорать, а также добродушно отпустить Свету, слезно умолявшую его об этом, на полчаса раньше с работы, посчитав, что фирма не умрет без секретаря, если случится тридцатиминутная пауза.

Когда до прихода Жени оставалось всего ничего, Сергей, все с той же дебильной улыбкой, которая никак не хотела слезать с его лица и превратила его на несколько часов в кота Леопольда, прошел к секретарской стойке и положил перед компьютером Жени две путевки, а сверху — душистую и невероятно пышную веточку сирени, которую он сорвал специально для нее, в надежде, что ей понравится... Да конечно, понравится, это же Женья! Она любит все простое и нежное...

Предвкушая ее реакцию на столь важные и ценные подарки и пытаясь представить, что она скажет, когда узнает, что это Сережа купил ее сестре путевки, Сергей ушел в свой кабинет, оставив дверь приоткрытой и чувствуя дурацкое, мальчишеское волнение, понимая, что, возможно, этот шаг позволит Жене немного пересмотреть свое решение относительно него, сел на место и стал ждать.

*** «Плюс»

Ну а Женья, ничего не зная о метаниях Сережи и о его благородном, спасительном жесте, всю ночь проворочалась в безумной ненависти к самой себе, в ужасном, разрывающем ее на части отвращением к Павлу, поставившему ее в ситуацию с выбором, где у нее не было выбора, и горящую в ужасном, болезненном огне отчаяния, каждую секунду убеждая себя в том, что она поступает правильно, что она идет на эту мерзость ради Поли...

У Полины снова случился приступ: она хрипела и надрывно кашляла, покрывшись маленькими капельками пота и жадно вдыхая воздух через ингалятор... Обнимая ее худенькую спинку, глядя на ее тонкие плечи и дрожащие руки, с силой сжимающие единственное средство к облегчению страданий, Женья наполнялась решимостью и совершенной озлобленностью, откинув прочь гордость, откинув принципы...

Разве эта малышка, ее сестренка, не заслуживает простого, человеческого счастья пребывать в здравии и наслаждаться жизнью, как все другие дети?.. Разве может что-то быть дороже, чем дыхание твоего близкого, родного человека?.. В конце концов, это всего лишь ночь. Обыкновенный секс, ничего больше...

Яростно собравшись утром, чувствуя себя раздраженно, нервно и потеряно, как никогда, Женья натянула легкую розовую блузку из шелка без рукавов и черную, облегающую бедра, юбку до колен, с разрезом по левому бедру, и, наскоро нарядившись и обув туфли на высоком каблучке, Женья поехала на работу, яростно и угрюмо следя за дорогой.

Вот так, незаметно для себя, она вошла в секретарскую, даже не повернувшись в сторону открытого кабинета директора, чувствуя, что не сможет избежать новых приступов боли, если встретится с Сережей взглядом, поэтому она просто прошла за стойку...

И увидела сирень.

Женья замерла, ощутив, как пропустило пару ударов ее сердце...

Глаза метнулись к кабинету, она была на все сто уверена, что это он. Сережа знал ее духи, он любил вдыхать их аромат тайком, не зная, что она замечает это... Только он мог принести ей эту чудесную веточку...

Запах зелени, весны, новой жизни, надежд, солнца — вот что несет в себе запах майской сирени... Женя заулыбалась, подойдя к веточке, и, нежно подняв ее, аккуратно и бережно, как ценное сокровище, вдохнула ее аромат, чувствуя его энергетику, чувствуя его руку, его эмоции, когда он оставлял ей...

Стой-ка, погоди, Женька, чего ты там расчувствовалась? Вон, погляди получше, что это тут еще на столе лежит?

Женя села на стул и внимательно и хмуро подняла два прямоугольных листа жесткой бумаги... И все внутри нее взметнулось сумасшедшим вихрем... Путевка... На двоих, в санаторий...

Женя дрожащими руками положила листы на стол, взяв себя за горящие щеки и пытаюсь сфокусировать дополнительную информацию... Билеты на самолет, туда и обратно, двадцать один день в номерах класса люкс! Женя и мечтать не могла о таких условиях для Полины и мамы, зная, что сутки в таком номере стоят в полтора раза дороже... Конец августа! Это немыслимо...

Глубоко вздохнув несколько раз, Женя облокотилась на спинку своего стула и, глядя в потолок, попыталась прийти в себя и обмозговать все, что происходит... Ее сестричка поедет лечиться! Она поедет лечиться! Боже мой, что за чудо! Женя не сдержала радостной улыбки, но... Это лишь означает, что теперь за ней должок перед Павлом... Сердце рухнуло куда-то в коленки, вызвав омерзение и дикую, сильнейшую неприязнь, Женя поморщилась. И цветы не Сережины... Странно... Женя ужасно разочарованно посмотрела на сирень, не понимая, как она могла так ошибиться?.. Даже энергетику какую-то почувствовала, дурочка! И как она могла вообще рассчитывать на какие-то жесты с его стороны после того, что случилось вчера, там, в «Бонапарте»? Тяжело и обессиленно вздохнув и поддерживая в себе энергию и силы только мыслью о чудесной надежде для Полины, Женя, все же, поставила сирень в вазу и, встав, утрюмо зашагала к Паше, чтобы лично договориться с ним о второй части сделки, не привлекая при этом нежелательных слушателей.

Спустившись на шестой этаж и пройдя к кабинету Краснохатова, Женя секунду помешкала, поглядев в потолок и постаравшись разжать стиснутые зубы, а затем постучала в дверь.

— Да-да. Входите. — раздалось знакомое, басовитое бурчание, и Женя, почувствовав, как тупая пустота обхватила ее внутренности вместе с бесконечной озлобленностью, вошла внутрь.

— Доброе утро, Паша. — холодно поздоровалась она, а Павел, увидев ее, расцвел своей кошачьей улыбкой, выпилив глазами зигзагообразную линию от Жениного лица к груди, затем — ниже по животу и к разрезу на юбке, завершив все это оживленным интересом к Жениным ногам, одна из которых взволнованно подергивала коленом.

— Женечка! Наконец-то ты пришла! Полдня без тебя были ужасно мучительными! — засахарился Павел, суетливо поднявшись и быстро подойдя к Жене, нависнув над ее ладошкой боксерской грушей и приложив свои жирные губы к ее руке. Ощувив колоссальное желание вырвать руку и убежать, но удержавшись, Женя с трудом выудила из своего спутанного и измученного мозга лицо младшей сестренки, кашлявшей и страшно хрипящей два часа к ряду этой ночью, а потому попыталась проигнорировать свои рефлексy. — Чем

обязан твоему визиту?

— Как «чем»? Путевкой, конечно. Спасибо, Паша. Места очень хорошие, программа лечения полная и билеты на самолет... Мы о таком и мечтать не могли. — шепотом проговорила Женя, с болью посмотрев в окно и чувствуя себя разбито и удрученно.

Павел как-то странно таращил на нее глаза, не спеша открывать рот и что-то отвечать, а лишь хмурясь и поглядывая на нее, поджав жирные губы. Женя недоуменно посмотрела на него, не понимая причины его молчания, и удивленно проговорила:

— Что-то не так? Ты почему так странно смотришь?

Павел вдруг неожиданно расплылся в улыбке и, легонько взяв Женю за плечо, немного нервно, но развязно и уверенно произнес:

— ПUTE-е-евка... Да, да, прости, я совсем с работой замотался... Так значит, тебя все устроило? — аккуратно и сдержанно спросил Павел, а его глаза снова странно заблестели, будто заметавшись по Жениному лицу.

Женя фыркнула, уверенно и с небольшой долей сарказма проговорив:

— Ну, конечно, устроило, Паша! Это же лучшие места, там за ужином даже десерты подают! И программа лечения полноценная, Поле с мамой некогда будет скучать! Конечно, можно было ограничиться и обыкновенным номером, — пожалала плечами Женя, удрученно глядя на Пашу, который как-то уж слишком пристально и нервно вглядывался в ее лицо и противно сглатывал, наверное, предвкушая час расплаты за столь щедрые дары, — мы же не обговаривали стоимость мест, и я в любом случае должна буду... — Женя замолчала, а Павел вдруг взял ее за плечи и, развернув к себе, жадно оглядев ее кудряшки, шею и задержавшись в вырезе блузки, мерзопакостно промурлыкал басом:

— Перестань, милая, твоя семья заслуживает всего самого лучшего... ТЫ заслуживаешь самого лучшего... — он вдруг провел костяшками пальцев по Жениной щеке, и Женя слегка отклонила голову, едва удержавшись от дрожи отвращения и желая отойти от него на пару шагов, чтобы не чувствовать его свистящего, спертого дыхания на себе с ароматом кофе и сигарет в придачу, чтобы ощутить себя не маленькой и уязвимой в руках этого борова, а хоть немного, но защищенной...

Эй, Женька, о какой защищенности идет речь? Ты сама позволила ему все, вот теперь терпи, мучайся! Думай о Полине!

— Так что ты скажешь насчет исполнения своей части уговора?.. — хриловатым голосом произнес Павел, потемневшими глазами уставившись на Женины губы, а она лишь выдохнула, обозленно и отчаянно проговорив:

— Что тут говорить? Выбирай день. Я приеду. Или желаешь прямо здесь? — как-то нервно и язвительно усмехнулась она и вдруг, чувствуя, как гнев руководит ею, гнев и жгучая неприязнь, начала расстегивать пуговицы блузки, а Паша так и уставился на ее пальцы, вытаращив глаза и снова покашливая, а его щеки запылали обжигающим румянцем волнения.

— Тихо, тихо, стой, милая! — неожиданно взял ее за руки Павел и сам, огромными толстыми пальцами, стал лихо застегивать ее пуговицы обратно, не отрывая взволнованных и жадных глаз от ее груди и снова кашлянув, пытаясь скрыть свое желание. — Я, конечно, был бы ужасно рад и прямо сейчас, но... Наш уговор был не на пять минут. А НА НОЧЬ Целую ночь, только ты и я... — он вздохнул, пытаясь взять себя в руки, и закончил мысль, посмотрев уже в полные решительного омерзения и злости глаза Жени:

— Давай не будем с этим тянуть, Женечка. Я заеду за тобой сегодня, около восьми. И

мы поедем ко мне. Только, пожалуйста, милая, не смотри на меня так! Все будет в лучшем виде, я обещаю! — Паша снова провел пальцами по Жениной щеке, и Женя, сухо кивнув, быстро устремилась к выходу, бросив через плечо:

— Раз мы все решили, Павел, то я пойду. Много работы.

И, стремясь поскорее уйти от него, убежать, испариться, гонимая лишь жутким, болезненным отторжением к себе, Женя быстро ушла обратно в секретарскую, с ужасом думая о том, что ей предстоит пережить сегодня ночью и борясь с подступившими первыми слезами.

*** «Минус»

Сережа в неопишемом волнении ходил по кабинету вперед-назад, хмурился, сжимал руки в кулаки и то и дело выглядывал в секретарскую, из которой только что куда-то умчалась Женька с каким-то потерянным, удрученным видом...

Странно все это... Он специально оставил ей сирень, будучи на все сто уверенным, что она догадается, поймет, что это он, кто же еще? Он так хорошо знал ее духи... А она... Сережа нахмурился еще больше, вдруг внезапно осознав, что Женя... Женя подумала, что путевки купил Паша. Иначе где еще она могла сейчас быть?..

Почувствовав, как в беспросветном ужасе рухнуло его сердце, Сергей бросился к телефону и, пару секунд подумав, набрал номер Семена: он со своего рабочего места может прекрасно лицезреть кабинет Павла, а свою подругу он мимо себя точно не пропустит, так что...

Гудок.

— Да, Сергей Викторович? — оживленный и веселый голос Карташова, и Сергей нетерпеливо и грозно процедил в трубку:

— Сема! Женя у Краснохатова? Ты видел ее?? Говори, Семен, это чертовски важно!!!

Секунда, потом:

— Да, Сергей Викторович, она к нему зашла минут пять назад... А что...

Но Сережа уже яростно хлопнул трубкой, бешено прорывав:

— Твою мать, Паша!!!

А через мгновение Сергей уже выбегал в секретарскую, чтобы встретить ее, поговорить с ней, объяснить ей, что это не он, не Паша купил ей путевки, что она ему ничего не должна...

Но как всегда это бывает по закону подлости, когда ты очень желаешь куда-то успеть, что-то сделать, сказать или исправить, пока не поздно, судьба выставляет ровный и очень изощренный строй препятствий на твоём пути... И сейчас Сережу в секретарской остановил самым неожиданным образом появившийся откуда ни возьмись Виктор Петрович Минаев собственной персоной, величественно и неторопливо входящий со стороны коридора в неизменном дорогом темно-сером костюме, и, завидев нервного, спешащего в неизвестном направлении, взмыленного сына, недовольно громыхнул на все помещение:

— Сергей! И куда это ты несешься, позволь спросить? Разгар рабочего дня, а ты слоняешься без толку! Совсем решил плюнуть на свои обязанности, сын?!?

— Отец. — выдохнул Сергей, умирая от разочарования... Ну черт бы побрал его папочку!! Какого хрена он именно сейчас решил заявиться, когда Сереже так нужна была передышка, так нужно было перехватить Женьку, все ей рассказать, пока она ошибок не наделала... А тут...

Виктор Петрович надменно поднял бровь и, прошагав вглубь секретарской, взглянул на себя в зеркало, поправляя свои густые, но во многом уже седые волосы и раздраженно покосившись на пустую стойку:

— А эта где??? Почему на звонки никто не отвечает?!? Что за бардак у тебя, Сергей, опять творится? Или ты разрешаешь своим любовницам не работать, а платишь лишь за их согласие проводить с тобой время? — с ненавистью громыхнул он, а Сергей, ощутив болезненную ярость, холодно ответил:

— Ты пришел ради того, чтобы сунуть свой нос в мою личную жизнь в очередной раз? А может, у тебя новая идея, как с помощью моего бестолкового существования устроить себе новые комфортабельные условия для ведения бизнеса???

Отец прищурился, гневно глянув на него и жестоко проговорив угрожающим тоном:

— Не смей так со мной разговаривать, мальчишка! Все, что есть в твоей жизни — деньги, влияние, статус — все это моя заслуга!! А сейчас — бегом в кабинет. Обсудим новые модификации источников питания... И пригласи начальника отдела разработок! Пусть хоть кто-то поприсутствует, кто хоть что-то в этом понимает... — буркнул папаша, уверенно и по-хозяйски входя в кабинет директора, и Сергей, пылая от ярости, негодования и безысходности, вынужден был идти за ним, разрываясь от желания послать отца со своими «заслугами» в его жизни куда подальше и бежать, бежать к Жене, пока не поздно...

Но Виктор Петрович, будто чувствуя, что как раз сейчас Сергею нужна очень важная для его, и не только его, жизни пауза, снова, как назло, оказался тем, кто решил всю его судьбу устроить по-своему, и, изучая то одни показатели, то другие, пробираясь по отчетам настоящим ледоколом «Лениным» и застревая, как казалось Сереже, на каждой идиотской запятой, вызывая для доклада то одних начальников, то других и непременно критикуя любые результаты, Виктор Петрович продержал Сережу в кабинете до самого вечера, не дав ему возможности даже взглянуть в сторону Жени, чтобы хотя бы по ее лицу понять, что сейчас происходит в ее жизни и о чем она говорила с Пашей...

Один лишь раз она заглянула в его кабинет, и то, как предполагал Сережа, только потому, что услышала голос Минаева-старшего, но, к сожалению, она не догадывалась о его теперешнем отношении к ней, что вылилось в очень и очень неприятный разговор...

— Виктор Петрович! Как я рада вас видеть! — радушно воскликнула Женя, натянув на лицо вежливую улыбку и оживленно посмотрев на отца Сережи. — Как ваши дела? Может, что-нибудь нужно? Чай, кофе? Я вам все организую.

На это самый обходительный и культурный человек на свете Виктор Петрович с ненавистью посмотрел на нее и грубо и категорично произнес:

— Закройте дверь с той стороны, Евгения! Вы что, не видите, что мы работаем?!? Живей, живей!!! — скомандовал отец, а Сережа с очередной, негодующей болью заметил проблеск непонимания и жуткой обиды на лице Жени, прежде чем она выполнила просьбу его папочки и хлопнула дверью, и, испытывая в себе неистовое желание прибить его на этом самом месте, яростно прошипел, глядя на каменное, морщинистое лицо:

— Ты зачем с ней так грубо разговариваешь?!? Отец, не смей обижать ее!! Ты и половины всего не знаешь...

— А что, ты уже забрал свое заявление о разводе из суда, как я тебе велел? — с нажимом проговорил Виктор Петрович, пытливо и гневно уставившись на сына, а Сергей лишь отрицательно покачал головой и бескомпромиссно проговорил:

— Нет.

— Ну, в таком случае, я могу разговаривать с этой девкой, как пожелаю, раз это из-за нее мой бизнес скоро отойдет к конкуренту. — триумфально и гневно заявил Минаев-старший, и, видя, что Сергей собирается вступить с ним в бурную полемику, нетерпеливо отрезал:

— А теперь вернемся к делу.

К вечеру переговоров в кабинете Сергея побывало, по меньшей мере, с десяток начальников, выходящих за дверь с такими лицами, будто их протянули через колбасную кишку, и очередь, наконец, дошла до Павла.

Он вел себя обычно, на первый взгляд: был уверен в себе, хорошо парировал в ответ на критику со стороны отца Сергея, сохранял непринужденность и расслабленность... Но Сережа слишком хорошо его знал и слишком тщательно разглядывал сейчас, чтобы не заметить, как Пашины руки отчаянно не находили себе места, устраиваясь то на столе, то на его массивных, жирных коленях, то снова на столе, а взгляд маленьких глазок как-то суетливо блуждал по кабинету, опасаясь встретиться с пронзительным и гневным взглядом серых глаз Сережи.

Внутри Сергея все извивалось и клокотало от ярости. Он догадывался, что Паша, вероятнее всего, присвоил его путевки себе и, возможно, уже потребовал от Жени расплату за его, так сказать, «щедрое подношение»... Но высказать свои мысли или приложить Пашу лицом об этот дубовый стол он не мог при отце... А значит, ему лишь оставалось с огромной силой удерживать внутри себя гневную лавину и ждать, когда папочка, наконец, успокоится и направится прочь, по делам семейным.

Но время шло и шло... Отчет за отчетом, разговоры за разговорами, какое-то бурное обсуждение вариантов привлечения новых инвесторов, плавно переплывшее в выбор фирмы-поставщика комплектующих для тензопреобразователей, Паши уже и след простыл... А Виктор Петрович, будто чувствуя, как Сережа нетерпеливо ерзает на стуле и хмурится, без конца поглядывая на часы, как специально, все продолжал и продолжал бубнить, прихлебывая кофе из кружки и шурша бумагами на столе. И вот, время перевалило за шесть часов вечера.

— ...нужно учесть еще форму корпусов для датчиков, мы продаем «Водоканалу» восемьдесят процентов всего произведенного количества, а значит, стоит принимать во внимание, насколько удобна для них П-образная форма, по сравнению с Г-образной, которую нам навязывает «Саймекс»... Необходимо переговорить с отделом закупок «Водоканала», уточнить этот вопрос... Ясно, что «Саймекс» продает материалы по более выгодной цене, но если мы лишимся главного клиента из-за желания сэкономить, это будет недальновидно и неэффективно... Разузнай... Сын!!! Ты меня слушаешь??? — в монотонный бубнеж вдруг ворвался недовольный и возмущенный оклик, и Сережа с трудом оторвал глаза от секретарской, где в спешке собиралась уходить Женя, стуча каблучками вперед-назад и тихонечко погромыхая какими-то папками, ни на секунду не оборачиваясь в сторону приоткрытой двери в кабинет, а потому он, как ни старался, не мог увидеть ее лица, понять, считать ее эмоции, подать ей знак, чтобы она остановилась, подождала его...

— Слушаю, конечно. Можно было в ухо не орать. — недовольно проговорил Сергей, продолжая смотреть в секретарскую и поймав как раз тот момент, когда Женя с сумочкой через плечо стремительно пронесется к выходу, погасив в секретарской свет, а Виктор Петрович щелкнул у него перед глазами пальцами и насмешливо, с раздражением проговорил:

— Ты отвлекаешься на всякую ерунду! Мы тут, между прочим, важные вещи обсуждаем, а ты!..

— А я? — ровно, как и отец, насмешливо и вызывающе проговорил Сергей, нетерпеливо сложив руки на груди и посмотрев на папу. — Отец, рабочий день закончился, давай продолжим завтра. Мне нужно идти.

Цепкие голубые глаза Виктора Петровича так и расширились в гневе и возмущении:

— Идти??? Завтра??? Я что, по-твоему, своих дел не имею, чтобы каждый день к тебе кататься и исправлять за тебя все твои ляпы и косяки?? Никаких «завтра», Сергей, закончим сегодня. Время еще не позднее. Итак...

И папаша снова пустился в пространные устные рассуждения насчет упущенных выгод, себестоимости, накрутки, конкурентоспособности, даже какого-то международного промышленного форума, на который Сергею бы не помешало съездить в сентябре, если, конечно, он одумается и «заберет свое чертово дурацкое заявление о разводе», а Сережа, поставив в своей голове Виктора Петровича на «выкл», думал лишь о том, где сейчас Женя, что она делает и с этим ли она мерзавцем, лжецом и подонком... И как же он боялся опоздать к ней, боялся, что она совершит эту ошибку, ни за что, просто так, не зная, что Паша никакого отношения к этим путевкам не имеет, не зная, что она ему совсем ничего не должна...

И вот, время уже переплыло к началу восьмого, заставляя едва дышащего от напряжения Сережу плавать в огненной пучине тревоги, когда, в конце концов, Виктор Петрович смилостивился и проговорил:

— Ладно. Остальные проблемы разберешь завтра сам. Там остались лишь мелочи. Будем считать разговор оконченным.

Услышав это, Сергей быстро хлопнул крышкой ноутбука, схватил пиджак, мобильник и, не оглядываясь и не дожидаясь отца, медленно встававшего из-за стола с хмурым видом, рванул на выход, бросив через плечо:

— До свиданья, папа, кабинет сам закрой. — и, услышав в ответ милое: «Да ты совсем оборзел, сосунок!», и проигнорировав отца в очередной раз, Сергей на всех мыслимых и немыслимых парусах полетел к ней, отчаянно желая, чтобы она, Женя, была дома.

Пробки, пробки... Кто придумал час-пик и узкие дороги?? Кто придумал, чтобы рабочий день во всех организациях, фабриках, заводах и офисах заканчивался примерно в одно время, чтобы потом бессмысленно тратить последующие пару часов на пустое глазение на чей-нибудь невымытый автомобиль перед собой и вдыхать ароматные бензиновые пары в тесном окружении других, мечтающих попасть домой хотя бы к вечерним новостям, бедолаг??

Матеря в своей голове все, на что падал его взгляд, и беснуясь от бессилия, Сергей, написавший, наверное, с десяток смс-ок Женьке на тему: «Женя, никуда не ходи с Пашей!!!», «Женя, оставайся дома!», «Женя, надо поговорить» и других подобного характера, но не получив никакого ответа, стремительно лавировал среди ползущих в заторе автомобилей, прыгая из ряда в ряд и спеша, спеша к ее дому, но все равно, несмотря на все усилия, он смог добраться до ее двора лишь в начале девятого вечера. Бросив «Ниссан» посреди дороги, не заботясь о том, что перекрывает и въезд, и выезд, и собрав на себе недовольные взгляды двух старушенок на лавочке у подъезда, Сережа рванул к ее квартире.

Лифт не работал, как и в прошлые разы, когда он здесь бывал, поэтому Сергей просто побежал по лестнице вверх, достигнув восьмого этажа за считанные секунды. А вот и ее

дверь, звонок...

Сергей принялся назойливо трезвонить, чувствуя, как неистово долбит его сердце в груди, как ужасно он желал, чтобы она была дома... Женя, Женя, пожалуйста... пожалуйста...

Дверь щелкнула и открылась, и на пороге перед Сергеем предстала Полина в светло-зеленой, клетчатой пижаме и со странной, разлохмаченной во все стороны косичкой на голове. Увидев Сергея, она вытаращила глаза и оживленно проговорила:

— О, дядя Сережа, здравствуйте, а вы что здесь делаете??

Сергей присел на корточки около нее и, взяв за плечи и тревожно заглядывая в ее глаза, проговорил:

— Привет, малышка, скажи, твоя сестра дома? Женя дома? Мне очень нужно с ней поговорить!

Полина недоуменно улыбнулась и, замотав головой, громко заявила:

— Нет, дядя Сережа, она уже ушла, она же к вам ушла! Женька сказала, что у нее с вами свидание! Вы с ней не встретились, что ли? Ой...

Сергей изумленно вытаращил глаза, но через секунду все понял и, тревожно глянув вглубь квартиры, где явственно слышались голоса Дарьи Федоровны и Эдуарда Петровича, пережегавшиеся с ором футбольного комментатора из телевизора, серьезно посмотрел на Полю и проговорил:

— Да, точно, я совсем забыл, мы же договаривались у работы встретиться... Поля, — внимательно позвал он ее, и девочка встrepенулась, выжидающе расширив глаза, — не говори маме и папе, что я приходил, ладно? Пусть это останется между нами, окей?

Поля заулыбалась и стеснительно опустила глаза, закачав телом:

— Секретик? Наш общий?

— Да, секретик.

— Хорошо!

— Вот и молодец! — улыбнулся ей Сергей и встал, направившись к лестнице. — Пойду Женю встречать.

— Привет ей передавайте, дядя Сережа! — замахала руками Полина и, захихикав, хлопнула дверью.

Вне себя от неопиcуемой тревоги, Сергей пулей сбежал на первый этаж и вылетел на улицу, где вокруг его машины столпились недовольные автомобилисты, подперев его «Экстрейл» со всех сторон, и теперь громко ругающиеся около него, для пущей убедительности размахивая руками.

— Ты че, мужик, офигел совсем??? Ты че здесь тачку бросил?? Нам ехать надо!

— А нам домой надо, давай, убирай свою колымагу с прохода!..

— Ну урод, надо же так машину оставить! Совсем охренел, ни до кого дела нет!.. — посыпалось на Сережу со всех сторон, а он, с разбегу прыгнув в свой автомобиль, недовольно ответил всем, собравшимся вокруг:

— А теперь сами поживее рассосались, телеги свои с проезда убирайте! Или до утра так стоять будем, ну?? Вон та — чья тачка? Или мне по ней проехать?? — указал он на небольшой, синий «Хендэйчик», вставший поперек выезда и мешавший ему убраться куда подальше из этого двора, после чего, не желая больше слушать ругань водителей, закрыл окно и нетерпеливо подъехал к «Хендэ», нервно ожидая, когда молодой, но толстоватый парень в джинсовых шортах и сандалиях, наконец, отъедет, позволив ему рвануть дальше

спасать свою Женю.

Освободившись из плена Жениного двора, Сергей в своей излюбленной манере собирания вспышек фотокамер, фиксирующих превышение скорости, полетел в сторону элитного района на другом конце города, где в одной из шикарных высоток, на последнем этаже проживал Павел Краснохатов.

*** «Плюс»

Опустошенная и потерянная, Женя приехала домой после работы и, не зная, что делать и как занять себя, просто слонялась по своей спальне, отчаянно путаясь под ногами у своей сестренки, которой вздумалось собрать целую железную дорогу на полу, и даже не имея сил поддерживать беседу, слова не шли... В восемь за ней придет Паша.

Раздавленная, размазанная, чувствуя себя униженной, грязной, хотя еще даже ничего не случилось, Женя заперлась в ванной, пустив воду и тупо уставившись на свое отражение в зеркале: да... бледное лицо, темные круги под глазами, глаза... Глаза блестят отчаянием, усталостью, болью...

В омерзении к себе, Женя сунула руки под ледяную воду и просто смотрела, как краснеют ее пальцы под холодной струей, как вода шумит, сливаясь в раковину и распадаясь на отдельные струи и капли... Как ее душа, разбившаяся на осколки...

Ну почему? Почему сирень подарил не Сережа??? Ей все не верилось, что это не он, и почему ее сейчас так волновал этот вопрос? Вот же дурочка, к сирени, зачем-то, привязалась... Воспоминания о Сергее вызвали в ней новый всплеск болезненного, колюще-режущего и разрывающего изнутри, непонятного чувства, Женя поморщилась и глубоко вздохнула.

Она посмотрела на себя: розовая блузка та же, та же юбка с разрезом... Переодеться? Нет. Какая разница, что на ней надето, все равно снимать... Женя передернула плечами и, выдохнув, едва шевеля ногами, поплелась на кухню.

Мама что-то активно строгала ножом на деревянной досочке, и, судя по ее мокрому от слез лицу, это был лук. Женя тихо уселась на стул и молча стала следить за ее быстрыми, умелыми руками, но мама, как и все люди, которые всегда чувствуют на себе чей-то взгляд, обернулась и улыбнулась Жене, вытерев плечом слезы с щеки и проговорив:

— Ты что-то уж больно неразговорчивая сегодня, Женька. Случилось что? Или новая волна депрессии из-за трагичной любви к женатому мужчине? — больше печально, чем весело спросила она, а Женя, испытывая колоссальное бессилие, как-то тяжело вздохнула, почти не понимая маминых слов, и вдруг поднялась и, выйдя в коридор, вытащила из сумки путевки, чувствуя, что при одном только взгляде на них ее живот скручивает тошнотворным узлом, но, вернувшись на кухню и почти не чувствуя рук, выложив перед мамой заветные прямоугольные бумажки, Женя едва слышно проговорила:

— Вот. Теперь вы с Полиной можете ехать в санаторий на Алтай. Это путевки и билеты на самолет туда и через двадцать один день обратно.

Мама в невероятном изумлении положила нож и, вытерев руки полотенцем, медленно взяла путевки в руки, расширенными глазами читая то, что на них написано.

Женя, ощутив бешеную слабость, прошла к столу и молча рухнула на стул, подперев лицо руками и уставившись в пространство, слыша лишь мамин ошарашенный шепот:

— ...номера класса «люкс»... «Люкс»??? Двадцать один день, все включено... С

двадцатого августа... Женя?!? — она села около дочери, тревожно заглядывая ей в глаза. — Откуда они у тебя??? Я даже представить боюсь, сколько они стоят! Люкс! Жень?? Скажи мне, ты меня пугаешь! — воскликнула мама, а Женя слабо ухмыльнулась, чувствуя, как ее сознание едва выплыло из-за шторки протрации.

— Не волнуйся, мама, все нормально. Фирма дала мне кредит... На оставшуюся сумму... Так что теперь вы с Полей можете спокойно ехать лечиться... Дай Бог, чтобы это помогло...

Мама внимательно смотрела на нее пару минут, а потом едва-едва улыбнулась, погладив дочь по голове и проникновенно проговорив:

— Жень?

— М-м?

— А может, это Сергей тебе купил эти путевки? — почти уверенно проговорила она и как-то странно улыбнулась, а ее глаза загорелись.

Женя даже вздрогнула, поразившись такому вопросу, и, тяжело вздохнув и почувствовав, как от напряжения у нее начала болеть голова, чуть громче, чем нужно, воскликнула:

— Мам! Ну что за глупости? С чего бы ему это делать, скажи?? У нас с ним... Короче, я же тебе сказала, на работе дали кредит, вот я и...

— Женя, дочка, скажи мне правду, пожалуйста! — мягко, но строго потребовала мама. — Какие кредиты? Такого не бывает, Женя, прошу тебя, расскажи все, как есть, иначе мы никуда не полетим!

Женя даже на спинку стула обессиленно повисла, чувствуя, как все внутри нее переполнено от боли и напряжения, как тяжело ей даже языком ворочать, как сердце медленно стучит, вызывая жаркие приливы тошноты, и как раскалывается, ужасно болит голова...

Как мама может говорить такое?? Не полетят?? Не полетят??

Это же все ради Полины, это же все для нее, эти мучения, страдания, та ужасная и глубокая грязная лужа, в которую Женя упала, согласившись обменять свое тело на здоровье сестренки... Выдохнув от бешеной боли, Женя закрыла глаза и еле слышно проговорила, умирая от отчаяния:

— Это Сергей... Да, это Сережа купил путевки... Мама... Полине нужен этот санаторий... Пожалуйста, не заставляй меня их возвращать...

Мама вздохнула и неодобрительно покачала головой, проговорив:

— Ну и зачем ты соврала? Нужно было сразу признаться, что за детские глупости, Женя?? Путевки, конечно, очень дорогие... Но... Да простит нас Господь, мы воспользуемся этим шансом. Поле очень тяжело уже много лет... Как мы можем отказаться от возможности помочь ей выздороветь и почувствовать себя полноценной девочкой??? Сергею спасибо огромное, конечно... Как же мы сможем его отблагодарить?.. — задумчиво протянула мама, нахмурившись, а Женя, услышав, как в ее комнате играет телефон, глянула на часы и, с ужасом увидев, что время ровно восемь, подскочила на ноги и, задыхаясь, проговорила:

— Не волнуйся, мама, я что-нибудь придумаю, ты, главное, спрячь путевки, чтобы не потерялись...

И она вылетела из кухни. Звонил, естественно, Павел. Женя, проглотив тугой ком в горле, выглянула в окно и с огромной обреченностью увидела его «БМВ» во дворе, пытящую прозрачно-белым дымом в ожидании ее...

Снова пустота и тугая вата окутали ее со всех сторон. Едва понимая, что она делает, Женя взяла сумочку и, обув туфли, посмотрела на себя в зеркало... Мда... Видок не очень... Через вату, почти не шевеля пальцами, намазала малиновую помаду на губы... Так, вроде, лучше... Да без разницы вообще... Запинаясь, она вошла в кухню и тихо, бесцветным голосом проговорила маме, которая снова взялась за укрощение лука, в спину:

— Мама... Я уйду... Мы с... с Игорем пойдем в клуб. — снова соврала она, с трудом сглотнув и быстро подумав о том, что надо бы предупредить Сторожева, чтобы обеспечить себе стопроцентное алиби. — Я вернусь утром.

— Утром??? Мам, я тоже хочу в клуб!! — послышался сзади веселый голос, и в кухню влетела Полина, подпрыгивая на одной ножке и бросившись к маме с объятьями, а мама, странно посмотрев на Женю пытливым взглядом, лишь отмахнулась от младшей дочки:

— Полина, какой тебе клуб?!? Ты еще маленькая. Вот подрастешь... И то не факт, что отпущу. Женя. — снова со вздохом и как-то грозно сказала мама. — Что-то мне подсказывает, что ты опять врешь! И это твой виноватый вид! Женя!

— Мама! — обессиленно всплеснула руками Женя, чувствуя, как плещется в ней переполненное море, грозя разорваться гневной и отчаянной волной.

— Женька, говори правду! — пискнула весело Полина. — Мы с мамой час назад из окна видели Игу с какой-то девочкой, так что колись, колись, колись, колись...

— Женя. — мама подошла к ней и взяла ее за обессиленно повисшие руки, требовательно, но ужасно встревоженно посмотрев на нее. — Куда ты пошла? Скажи мне, скажи, дочка, ты сама не своя! С... с Сережей встречаешься? — тихо проговорила она, а по щеке Жени побежала первая слеза... Ну опять, опять о нем говорить! Нет, она не выдержит этого натиска, сломается, пропадет в пучине собственных страданий... Эх, мама, мама...

— Да, с Сережей. — шепнула она, спрятав глаза, понимая, что все вопросы разом отпадут, и она хоть на немного, но обезопасит себя от дальнейшего обсуждения данной темы.

— Ой, у вас свидание, да? Свидание??? — запрыгала вокруг Полина, а мама вдруг взяла ее за руку и осадил, посмотрев на Женю новым, сияющим, каким-то странным взглядом, проговорив:

— Иди, Женя. Будь на телефоне, если что. Поля, не приставай к ней.

Дарья Федоровна чмокнула растерянную от такого спокойного отношения мамы к тому, что она уходит на ночь, Женю в щеку и отошла к столу, а Женя, потрясенно протянув: «Пока», — медленно вышла за дверь, стгорая от ужаса того, что ей предстоит...

Путевки... Да... Если бы Женя прочитала не только первую страницу договора на лечение в санатории, а долистала бы все до конца, то как и Дарья Федоровна, ее мама, которая сейчас чему-то счастливо улыбалась, поглядывая то на Полю, то на лук, увидела бы в конце такую знакомую ей, размашистую подпись с инициалами С.М.И.Н., и все ее проблемы, переживания и прочее остались бы позади...

Но она не знала. Не видела.

Она молча спускалась к Павлу, обреченно и послушно двигаясь к тому, чтобы исполнить свою часть сделки... Омерзительную, тошнотворную, грязную...

Она почти не дышала, с ужасом плавая в своей пустоте и думая лишь о том, что с ней будет этой ночью, не зная, что Сережа в этот момент спешит к ней, отчаянно ругая пробки, что на ее телефоне целая куча сообщений и неприятых вызовов от него, что ей совсем не

нужно никуда ехать...

Паша сидел в машине, крепко вцепившись в руль, и с большим нетерпением в глазах ждал ее. Женя быстро вышла из подъезда и, не дав ему даже рыпнуться к ней навстречу, проявляя медвежью галантность, сама открыла себе дверь и молча села, ничего не говоря.

Павел вздохнул, окинув ее огненным взглядом, и, с огромным интересом поглядывая на ее ножку, показавшуюся в вырез юбки на бедре, проговорил:

— Прекрасно выглядишь, Женечка. Тебе очень идет розовый цвет.

Женя сложила руки на груди и вдруг насмешливо и злобно проговорила:

— Подчеркивает мою наивность?

Паша вздохнул и поспешил вырулить из двора, взяв курс... неизвестно куда, но Женя так подозревала, что к нему домой, проговорив:

— Перестань, милая. Твоя наивность — это твое достоинство. Вообще все твои качества — твои достоинства... И пожалуйста, не злись, Женя. Представь, что ты на свидании. Не нужно относиться к этому, как...

— К насильственной оргии? — снова злобно проговорила Женя, вздохнув и чувствуя, как куда-то девается ее растерянность и пустота, сменяясь агрессивным чувством самосохранения. — Хорошо, Паша, постараюсь представить, что ты вовсе не поставил меня в безвыходную ситуацию, а я сама, по доброте душевной, решила продать себя за кругленькую сумму. Мне просто невероятно полегчало! — она отвернулась к окну, а Паша, помолчав, вдруг тихо проговорил:

— Извини. Может быть, я ужасен... Но у меня тоже не было выбора.

Остаток дороги они ехали молча.

Женя не поворачивалась в сторону Павла, но слышала его медленное дыхание в ее направлении и ощущала на себе его взгляд, будто он уже прикасался к ней, вызывая лишь жгучее отвращение в груди... Волосы, глаза, губы, подбородок, шея... Вздох. Женя сжала зубы, глубоко выдохнув. Шея, грудь, живот, бедро... Вздох. Как же спастись из этого кошмара???

А Паша все смотрел, все вздыхал, все улыбался своей победе, ослабив галстук на широкой шее и раздумываясь от собственных страждущих эмоций, атакующих его в ее присутствии... Скорей бы все закончилось. Женя даже представить себе не могла, что с ней будет этой ночью... Утро кажется таким далеким, осыпанным черным пеплом, безрадостным... На ее коже будет след его прикосновений, его губ, вся она будет словно пустой, использованной дурочкой... Одной из множества несчастных российских женщин из разряда тех, кто живет с нелюбимыми людьми, терпит побои от них и сквернословие в свой адрес, но все равно остаются с ними, потому что так ужасно боятся одиночества... Одиночество. Хуже не придумаешь наказания. Женя бы могла без мужчины... Наверное. Но ей очень сильно хотелось стать матерью. А когда у тебя есть ребенок — ты никогда не будешь одинока...

Павел заехал во двор элитной многоэтажки и встал на свободное парковочное место, очевидно, свое, потому что лавировал к нему среди машин, поворачивая то налево, то направо с сознанием дела, явно понимая, что оно его ждет.

— Приехали. Пойдем, милая. — проворковал он излюбленным нежным басом и в этот раз первым вышел из машины, подав Жене руку и помогая выйти.

Женя молча оглядывала шикарный, двадцатиэтажный дом, облицованный белым камнем, огороженный забором, с ухоженной придомовой территорией, идеальной новой

детской площадкой, на которой сейчас резвились ребяташки, носясь по ней, как маленькие торпеды, с цветочными клумбами в виде звезд, ярко-выкрашенными лавочками и многим другим, поймав себя на мысли, что она никогда не бывала в подобных шикарных домах — все ее ухажеры жили гораздо скромнее... Но это не имело никакого значения.

Крепко обхватив Женину маленькую ладошку своей огромной лапицей, не давая ей ни малейшего шанса выскользнуть, Павел повел Женю к подъезду, уверенно и развязно шагая впереди, а Женя едва смотрела себе под ноги, по сторонам... куда угодно, лишь бы не на него, не на его широкую спину, толстую, красную шею, светлые, короткие волосы...

Они вошли в лифт, и Павел нажал на кнопку последнего этажа. Двери закрылись и лифт неспешно пополз, растягивая удовольствие пребывания с Пашей в закрытом пространстве.

Она не хотела смотреть на него, прислонившись спиной к зеркальной стене и не отрывая глаз от ковролина на полу, а Паша нежно мял ее руку в своей ладони, стремительно начинавшей потеть, поддавая в топку отвращения внутри Жени еще дровишек, а затем она заметила, как он вплотную шагнул к ней и, испытывая ужасную дрожь, ощутила его горячее, шумное дыхание на своей щеке, едва удержавшись, чтобы не поморщиться, а он вдруг провел рукой по ее кудряшкам и вздохнул:

— Женечка... Ты очень красивая, моя девочка... — шепнул он практически ей в ухо, и Женя закрыла глаза, задышав чаще, чувствуя, как нервное напряжение до боли сводит все ее мышцы, как она мечтает, когда это закончится, как же она жалела, что попала на эту удочку именно к нему, к этому отвратительному, жирному, подлому Краснохатову... Она стискивала зубы, отчаянно удерживаясь, чтобы не отойти от него, чтобы не поморщиться от отвратительного запаха каких-то мужских духов и сигарет... Ей нужно держаться...

Спасительные двери открылись, и Женя, открыв глаза и мимоходом взглянув в покрасневшее Пашино лицо, заметила блеск разочарования в его глазах, и он первым вышел на площадку, потянув за собой Женю и торопясь скорее оказаться в квартире.

Отперев массивную сейфовую дверь в конце коридора, Паша любезно пригласил Женю жестом первой войти в его обитель, что она, собственно, и сделала.

— Располагайся, Женечка, чувствуй себя, как дома, проходи... — ворковал довольный, если не сказать, ликующий Паша, запирая за ними дверь и показывая руками на широченный коридор, из которого несколько дверей вели, по-видимому, в различные комнаты.

Женя выдохнула и, обрадовавшись возможности отойти от Павла подальше, скинула туфли и прошла в первую комнату налево, оказавшейся огромной гостиной.

Выглядела комната, конечно, идеально, считая панорамное окно во всю стену, из которого открывался потрясающий вид на добрую часть города, постепенно погружающегося в сумерки, и учитывая строгий, но выполненный с тщательным, дизайнерским подходом интерьер: темно-серый диван посередине, ламинат цвета слоновой кости, стены, выкрашенные в тех же серо-белых оттенках, плазменный телевизор, стеклянный журнальный столик и пушистый ковер с огромным ворсом.

Несмотря на отношение к Паше, комната Жене понравилась: чистая, без лишних предметов, идеально мужская... Подходит состоятельному холостяку. А вот интересно... Какая гостиная у Сережи?

Женя вдруг вздрогнула, испугавшись своих мыслей, чувствуя, как все в ней всколыхнулось старой болью и отчетливо понимая, что она даже, наверное, не смогла бы ее разглядеть, эту его гостиную — так дико, отчаянно и беззаветно она желала просто остаться с ним вдвоем... А гостиная... Там наверняка все обставила Ксюша...

Закусив губу и тряхнув головой, чтобы переключиться, Женя подошла к окну и замерла, с восторгом глядя на бесконечное море огней, светящиеся окна домов, медленно ползущие по проспектам автомобили, глядя на высоковольтные башни, вон там, левее — темнеющий парк Атракционов и где-то справа, в чередe серых, разновеликих, квадратно-прямоугольных девяти и пятиэтажек — ее дом... Такой далекий, будто на другой планете...

— Женя? Ужинать будем здесь или на кухне? Там тоже достаточно уютно, думаю, тебе понравится. — вернул ее к реальности голос Павла, и Женя со вздохом обернулась, увидев, как он снимает пиджак и галстук и небрежно скидывает их на кресло у стены, не сводя глаз с Жени, точнее, судя по направлению взгляда, с того места, что пониже спины, и Женя снова ощутила какую-то отчаянную злость, сложив руки на груди и проговорив:

— Зачем вообще ужин? Можем перейти сразу к делу. Чего время-то тянуть?

Паша подошел к ней и, укоризненно взглянув, взял за руку, проговорив:

— Женя. Я повторяю еще раз: это не насилие. Это свидание. Пожалуйста, позволи поухаживать за тобой, как положено! Я вообще-то стараюсь.

Женя вздохнула, ощутив небольшой укол жалости к нему, и кивнула:

— Хорошо. Идем на кухню.

Кухня и правда была столь же комфортной, что и гостиная: бежевый кафель, темно-рыжий гарнитур, барная стойка посередине, заставленная огромным количеством блюд на любой вкус. Женя в удивлении расширила глаза: здесь были и салаты, и рыба, и запеченное мясо, и закуски, и даже десерт...

Все, что пожелаешь... Только вот... Женька, напряженная пониманием того, что после чудесного ужина последует ужасное продолжение, даже есть совсем-то и не хотела.

— Садись, пожалуйста, милая. — промурлыкал Паша, выдвигая перед ней высокий стул около стойки и довольно плотоядно улыбаясь, будто вместо ужина он собирался съесть ее.

Женя послушно села, глядя на еду и совершенно не представляя, что с ней надо делать, чувствуя лишь тошноту и ярое отторжение всего происходящего, но, собрав все силы, постаралась немного расслабиться и, взяв тарелку и положив себе всего понемножку, даже поест.

Весь ужин Паша сидел напротив нее, засыпая ее вопросами о семье, о родителях, о сестренке, об учебе и даже о предыдущих отношениях, на что Женя тяжело, но все-таки отвечала, не делясь особыми подробностями и понимая, что Паша спрашивает не потому, что ему интересно, а для того, чтобы заполнить пустоту. Женя очень старалась держать себя в руках, но взгляд маленьких голубых, огненных глазок, внимательно и с неусыпным интересом следивший за ее руками, за пальцами, державшими вилку, за движением ее губ, ресниц, за тем, как она поправляет волосы и за линией шеи и разрезом блузки, стремительно темнея при виде того, как Женя закусывает губу, слегка хмурясь и обдумывая ответ на очередной его вопрос, просто выбивал ее из колеи...

Когда Женя, наконец, без аппетита дожевала последние пару ложек горячего со своей тарелки, Паша встал и, достав из круглого, подсвеченного голубым, бара бутылку дорогого вина, повернул к ней разгоряченное собственными дурными мыслями лицо и, чуть задыхаясь, хрипло проговорил:

— Идем в гостиную, милая. Вино больше подходит к той комнате.

Женя почувствовала, как резко все то, что она только что съела, попросилось обратно, подкатив к горлу отвратительной, тошнотворной волной, но вздохнула и на негнущихся ногах двинулась следом за Пашей, с каждым шагом ощущая невероятную тяжесть своего

тела.

В гостиной было также сумеречно, как и на улице, создавая совсем ненужную Жене и такую благоприятную для Паши атмосферу, и Павел, конечно, вопреки мечтаниям Жени, включать свет не стал.

Он прошел и, взяв два бокала, сел на диван, похлопав по нему рядом с собой и огненно глядя на Женю:

— Иди сюда, моя девочка. Не нервничай.

Женя тяжело подошла и села примерно в полуметре от него, чем вызвала веселую насмешку, но ей было отнюдь не весело.

Паша медленным взглядом прошелся по ее ногам, скользнул к груди и голым плечам, а следом, вожделенно зависнув на шее, жадно посмотрел на ее губы, протянув ей бокал вина и проговорив:

— Выпей, милая. И пожалуйста, не волнуйся так. Я вижу, как ты напряжена.

Женя нервно усмехнулась и сделала несколько глотков под пристальным взглядом Павла, а он вдруг резво подсел вплотную к ней, и Женя ощутила, как его рука, обняв ее со спины, нежно коснулась ее плеча, поглаживая ее кожу...

Она тяжело выдохнула, убрав бокал на столик и понимая, что, кажется, теперь ей никуда не убежать из этого захвата... А горячее, потное тело под белоснежной рубашкой прижималось к ней сбоку, вызывая тошноту, рука, огромная лапища, гладила ее плечо, заставляя дрожь сильнейшего омерзения охватить ее тело, а круглое, горячо дышащее прямо на нее лицо с этими влажными, жирными губами было всего в нескольких сантиметрах от ее лица...

Бежать, бежать, Женя, что ты наделала??? Ты не сможешь, он противен тебе всей своей сущностью, как ты себе представляешь целую ночь в его объятиях?? Это невозможно, сердце бьется бешено, как раненная птица в клетке, Женя не могла смотреть в его полные животной похоти глаза, а Паша наоборот, желая смотреть на нее, свободной рукой развернул ее лицо к себе за подбородок и, проведя большим пальцем по его нижней губе, тяжело выдохнув от захватившего его нутро огня, прошептал:

— Женя, Женя... Почему я так не нравлюсь тебе? Почему ты так напряглась, будто я самый отвратительный на земле? Скажи мне... — он наклонился к ней, и его губы вдруг коснулись ее щеки в мимолетном, влажном поцелуе. Женя вздрогнула и, поддавшись реакции и инстинкту самосохранения, отстранилась, с ужасом выдохнув... Некуда бежать... Некуда... Все внутри бушует от отвращения, Женя глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки, но по ее щеке вдруг покатилась слеза...

— Скажи мне... — он снова аккуратно и нежно поцеловал ее совсем рядом с губами, желанно и с неописуемым восторгом оглядывая ее лицо голубыми, потемневшими глазами. — Чего ты хочешь? Что ты любишь? Что тебе нравится... Я на все готов, моя девочка... Ну? — уже более требовательно и жарко спросил он ей в губы, а Женя лишь в ужасе смотрела на его огромное, круглое лицо, которое было так близко к ней, просто до сумасшедшего ужаса, которое было таким красным и огнедышащим, словно жерло вулкана, и с трудом выдавила:

— Дело не в тебе, Паша... Просто я... люблю другого человека, вот и все. — дрожащим голосом проговорила она, а Паша недовольно вздохнул, чуть нахмурившись:

— А может... я помогу тебе его забыть? Женечка... — протянул он, и его рука скользнула по ее щеке к шее, а губы... губы неистово и жадно поцеловали ее.

Женя не хотела отвечать на поцелуй, ей было душно, плохо, она ощущала лишь тошноту и его настойчивые, влажные губы, его пылающую руку, глядящую ее шею с неопишуемым желанием, а вторая рука все теснее прижимала ее к своему разгоряченному телу...

Нет, нет, Боже, пусть это прекратится... Женя неожиданно всхлипнула, вдруг осознав, что плачет, плачет, а Паша, на секунду взглянув на ее мокрое лицо, вдруг зарычал и набросился с новым, нетерпеливым и напористым поцелуем, будто пожирая ее заживо своими губищами, а руки нежно, будто разласканный котяра, мнуций хозяина своими лапами, мяти Женину спину, талию, опускаясь ниже, к пояснице...

Женя судорожно вздохнула, а Паша, переключившись с ее губ на шею, принялся ласкать ее и шептать:

— Женечка... Ты так прекрасна... Я несколько месяцев мечтал об этой минуте... Я схожу по тебе с ума... Ты чертовски хороша...

Женя зажмурилась, умоляя в голове все силы, какие только существовали, чтобы это прекратилось, чтобы случилось какое-нибудь чудо, чтобы что-то произошло, что могло ее спасти из этого омерзительного ада...

Его рука дотронулась до ее бедра, сжав его и пройдя вдоль разреза выше, к началу, Женя вздрогнула, судорожно сжимая зубы, а Павел дышал все тяжелее и просто пылал жаром, как огненная печка или... бронепоезд, который невозможно остановить в тот момент, когда он набирал скорость...

Снова неистовый поцелуй в губы, рука конвульсивно сжала ее бедро, а вторая скользнула по шее ниже, к груди...

Паша открыл глаза, вожделенно уставившись на ее грудь, и торопливо кинулся расстегивать маленькие пуговички, дыша через зубы и слегка подрагивая от напряжения, но его толстые пальцы все не слушались...

Он тяжело выдохнул, бешено стерев пот со лба и процедив в сердцах:

— А... черт...

Женя мельком взглянула в его лицо и... и вдруг, к своему изумлению и невероятному смущению, поняла, что он волнуется. По-настоящему, реально волнуется, аж до дрожи в руках... В его глазах мелькнула злость на себя, а Женя вдруг осознала, что действительно нравится ему... И это чувство не было похоже на желание провести с ней лишь одну ночь... Поддавшись мимолетному приливу жалости, она убрала его руки с себя и сама вытащила блузку из пояса юбки и расстегнула все пуговицы, позволив Паше с невероятным восторгом уставиться на ее кружевное, черное белье, и жалость как рукой сняло — вернулось все то же безнадежное отчаяние и отторжение... Как же ей ужасно не хотелось продолжать, как же она мечтала оказаться дома, в своей кровати!

— Уф... — выдохнул Павел и с новыми силами напал на Женю, пытаясь положить ее на диван и бешено и влажно лаская, лаская ее губами, хватая ее за грудь, наваливаясь на нее всем своим огромным весом...

Воздух, воздух, спасите, спасите, пожалуйста, пусть случится чудо...

Дура ты, Женька, настоящая дура...

И в тот самый момент, когда ей казалось, что надежды нет, в тот самый момент, когда она, с яростью сжимая зубы, смирилась со своей участью...

Раздался громкий и настойчивый стук в дверь.

*** «Минус»

От волнения и бешеной злости Сергей готов был прыгать в собственном автомобильном кресле. Уже почти девять часов, какие, вашу мать, тут могут быть пробки?!?

Он все ехал и ехал от Жениного дома, ненавидя весь этот мир и мечтая схватить какую-нибудь секиру и разрубить чертову материю на клочки! Ну как может все вокруг мешать ему в попытке уберечь Женю от беды??? Женя, Женя... Как она там? Что он делает с ней? Нет, Сережа даже думать не мог о том, что он делает с ней в своей квартире, уединившись в какой-нибудь спальне...

Нет, нет, он успеет, успеет...

На центральной улице пробка... Авария впереди — шумят водители из встречных машин... Сережа развернулся и помчался в объезд, понимая, что накидывает себе еще двадцать минут сверху к общему времени своей дороги...

А сумерки неумолимо ложились на город, погружая его в темноту и прохладу наступающей ночи... И им совершенно нет дела до двух людей, в яростном порыве умоляющих задержаться, не желающих, чтобы эта темнота так быстро опустилась на город... Сергей ехал и ехал, казалось, целую вечность, прыгая из одной улочки в другую, отражаясь в свете рыжих фонарей темно-синим отблеском и спеша, спеша в тот самый, элитный квартал...

Наконец, он добрался до Пашиного дома. Сереже уже приходилось пару-тройку раз бывать у него в гостях, и он прекрасно знал, где, в каком подъезде и на каком этаже проживал его бывший друг. Заехав на парковку, Сережа, как и в случае с Жениным двором, не стал терять времени на какой-то пресловутый поиск места, а бросил машину на дороге как попало, выскочил из нее и помчался к Пашиному подъезду.

И вот здесь, наконец, ему мелькнула настоящая удача, хоть и маленькая, но все же существенная: в тот миг, когда он судорожно пытался придумать, как войти через домофонную дверь, прекрасно понимая, что звонить в Пашину квартиру бесполезно, поскольку он ни в жизни не откроет, находясь наедине с Женей, в этот самый момент какая-то молодая женщина с мальчуганом лет четырех-пяти направились с площадки именно к тому самому подъезду, куда и мечтал попасть Сергей.

Быстро нагнав их, Сережа успел проскользнуть в знакомый ему, шикарно отремонтированный подъезд с красным ковровым покрытием, позолоченной люстрой и неспешным, зеркальным лифтом.

Не глядя по сторонам и думая лишь о Жене, Сергей залетел в лифт вместе с женщиной и ее сынишкой и, нетерпеливо трясая коленом, нажал на кнопку последнего этажа.

Мальчик и его мама всю дорогу до своего двенадцатого странно поглядывали на него, и Сергей, слегка отступив от них вправо, посмотрел на себя в зеркало... Да... Бывало и получше...

Темные круги под глазами, щетина, трехдневная, как положено модным парням, но Сережа не любил неопрятности, хмурое лицо и прекрасный, мечтающий кое-кого убить, блеск глаз... А в довершение — несвежая, мятая рубашка, брюки и туфли... Ну, туфли-то еще ничего... Спасал ситуацию только золотой «Ролекс» на руке и дорожные запонки, говорящие, все ж таки, о его достатке и состоятельности.

Женщина с мальчиком вышли, бросив на Сережу последний, недоверчивый взгляд, и Сергей остался один на один с собственным нервным напряжением, чувствуя, что еще немного — и он очень страшно вспылит, потеряв всякий контроль над собой.

Двадцатый. Наконец-то! Быстрее ветра Минаев промчался к Пашиной квартире и из всех сил заколотил в дверь, пылая от ярости и молясь, чтобы он был внутри, чтобы он не успел еще причинить Жене вред...

Тишина... Сережа забарабанил настойчивее, не обращая внимания на боль в кулаке... Ну же! Ну же!! Открывай, чертов ублюдок!! Ну!!!

Стук, стук, стук...

Щелк!!! Сергей нетерпеливо дернулся, собравшись всем своим нутром и услышав изнутри недовольный бас Краснохатова:

— Ну кто там приперся еще?..

Вжик, щелк, щелк — и дверь приоткрылась, явив Сереже покрасневшее жирное лицо в образовавшемся проеме и хмурые, недовольные глазки, со злостью и нетерпением скользнувшие по Сережиным брюкам, рубашке, к лицу...

— Серега?!? — удивленно и недовольно воскликнул Павел и как-то испуганно оглянулся вглубь своей квартиры. — Ты чего пришел?!?

Сережа схватил дверь и рванул на себя, с бешеной силой распахнув ее настежь, и, вплотную шагнув к Павлу и сжав в ярости кулаки, злобно процедил:

— Где она, Паша??? Где Женя??? Говори, иначе я...

— Ты что, Сергей, с дуба рухнул, что ли? — как-то нервно озираясь, проговорил Павел уже не басом, а почти баритоном, стремящимся к альту. — Откуда я знаю...

— Сережа?.. — вдруг услышал он такой любимый, такой удивленный голос и резко поднял глаза за спину Паши... увидев...

Женя.

Его мозг взорвался бешеным гневом...

Ее рубашка... расстегнута...

Нет, нет, черт, он опоздал, он не мог опоздать... нет, нет!!!

Проклятье!!!

— Твою мать, Паша!!! — зарычал он. — Я тебя УБЬЮ!!!

И не успела Женя вскрикнуть, Паша — как-то среагировать, а мозг — подать сигнал в мышцы, рука Сергея, зажатая в увесистый кулак, уже бешено летела точно в толстый, широкий нос Павла и, с огромной силой встретившись с ним, извлекла из него противный хруст, а изо рта Краснохатова — поток ругани, но что сейчас могло остановить Сережу, когда его мозг разрывала красно-белая пульсация, тормоза остались где-то далеко позади, а крыша улетела в теплые края??

— Что ты с ней СДЕЛАЛ??? ОТВЕЧАЙ, УБЛЮДОК!!!

Удар, удар... Грузное тело Павла повалилось на пол, рука Сережи отчаянно заныла и покрылась ободранными ранами, но все, что мог видеть его взгляд — это его омерзительная рожа, эти губы, прикасавшиеся к ней, эти глаза, разглядывавшие ее тело, эти руки, посмевавшие коснуться ее...

Он не понимал ничего, кроме гневного ореола, охватившего его, кроме бешеного желания заставить его страдать за то, что обманом заставил ее отдаться, за то, что посмел касаться ее, чертов грязный мерзавец...

Паша не сопротивлялся, лежа на полу и лишь пытаясь прикрыть лицо, а Сережа все бил и бил, и бил бы еще неизвестно сколько, пока не превратил бы ненавистное лицо в кровавую рану, но в какой-то момент в его плечо вцепились две маленькие ладошки, потянув его назад, а отчаянный голос прокричал ему в ухо:

— Сережа! Сережа, все! Хватит, перестань! Сережа!

Удар, удар, он не мог затормозить, не мог...

Секунда — маленькие ладошки с силой развернули его к себе, а затем Сережа получил мощный, отрезвляющий шлепок женской ладони по своей щеке, мгновенно очнувшись и крикнув на Женьку, глядящую на него с неопишуемой яростью:

— Ты что делаешь???

— А ты что делаешь?!? — закричала в бешенстве Женя, снова трянув его за плечи и гневно глядя в его злые, решительные глаза, чуть прищурено глядящие на нее. — Ты же его убьешь!!! У нас был с ним уговор, Сережа!!! — вспльчиво крикнула она, а Павел как-то надсажено и хрипло рассмеялся, утирая кровь, льющуюся из сломанного носа, и пытаясь неуклюже сесть, а Сережа разъяренно посмотрел на него и, наклонившись и снова отпуская самоконтроль проветриться, бешено схватил его за рубашку и дико потрянул так, что Пашина голова безвольно и грузно качнулась вперед-назад, как на автомобильном аксессуаре для панели — собачке.

— Уговор, да, Паша?!?

— Отстань от него, Сережа, это не твое дело, почему ты опять встречаешь, как какой-то упертый... — Женька замолчала, вцепившись в волосы руками и огненно закончив:

— Он купил моей сестре путевку! А взамен я должна была...

— Так когда ты собирался рассказать ей, а, Паша???

— гневно прошипел в кровавое жирное лицо Сергей, а Паша снова как-то жалко рассмеялся, тяжело посмотрев на Женю, которая с непониманием тарасилась на спину Сергея, нервно сжимая руки в кулаки.

— Никогда, Сереженька... — прогундосил Павел, кашлянув. — Я не мог упустить этот шанс... Я только о ней и думал все эти месяцы... А тут — ты...

— Ублюдох... Ты хоть представляешь себе, что ты собирался сделать с ней???

— Убью. — снова прорычал Сережа, чувствуя, что действительно может сделать сейчас с Павлом все, что угодно, но возмущенный и растерянный голос Жени не дал ему завершить удар, ради которого он уже занес кулак.

— Да стой же ты! Что происходит, Сережа???

— Ты нормально можешь сказать??

Он обернулся и увидел ее расширенные, фиалковые глаза, с волнением и нетерпением смотрящие на него, и жестко проговорил, едва сдерживая ярость:

— Это не он, а Я. Я купил тебе путевку. — он резко повернулся к Паше, который снова хрипло и печально рассмеялся, и закончил:

— А Паша просто забыл тебе об этом сказать.

— Ты?.. — тихо прошептала Женя в сильнейшем удивлении, глядя то на Сережу, то на Пашу, как бы желая понять, что это — шутка, или все действительно происходит с ней наяву... — А... а ты?.. — шепнула она, поглядев на Пашу, а тот лишь тяжело пожал плечами, вздохнув:

— Прости, Женечка... Я не мог иначе... Пойми... По-другому я никогда не смог бы получить тебя... Прости...

Женя еще секунду шокировано смотрела на него с приоткрытым ртом, и Сережа уловил новые призраки боли в ее глазах, а потом она импульсивно схватилась за щеки и гневно закричала:

— Да что же это такое, вообще?!? Ты купил... нет, ты купил... Я вам что, переходящее знамя???

— Да вы мне уже все поперек горла сидите, я видеть вас не хочу, ненавижу!!! Ненавижу!!! Я, я...

— Успокойся! — вдруг строго велел ей Сережа, шагнув к ней и дернув за локоть, не придумав ничего лучше в данной ситуации, а затем он повернулся и, наклонившись к Паше, гневно, испепеляюще посмотрев на него диким взглядом, жестко проговорил:

— А ты — чтобы больше никогда, никогда, никогда не подходил даже близко к Жене и к моей фирме, слышишь?? Ты уволен!! Пошли, Женя, мы уходим.

И, не дав Жене даже слово вставить, Сережа, злясь, как сумасшедший, быстро оглядел коридор и, завидев ее сумку, схватил ее, затем схватил растерянную и гневную, обувающую туфли девушку за руку и поволок ее к лифту, а Паша, тяжело поднявшись на ноги, успел лишь прогудеть через разбитый нос ей вслед:

— Прости, Женя, слышишь?.. Прости...

А через секунду громко хлопнула его дверь.

*** «Плюс»

Женя никак не могла осмыслить все, что только что произошло — ее мысли разлетались в голове, как тополиный пух... Сережа... Сережа купил путевки! Но почему? Почему он не сказал ей об этом???

— Так это ты купил путевки?? — тихо, немного успокоив гнев, спросила она ему в спину, едва поспевая за его широким, стремительным шагом в сторону лифта.

— Я. - мрачно, видимо, все еще злясь, проговорил Сергей.

— А почему не сказал мне?? — непонимающе буркнула Женя, дернув его за руку.

— Хотел, чтобы ты с ним переспала. — язвительно проговорил он, подойдя к лифту и нажав на кнопку вызова, после чего повернулся к ней и, хмуро посмотрев на нее, закончил:

— Не успел я просто, Женя! Ты же видела — отец приходил сегодня, а от него так просто не избавишься.

Женя нахмурилась, вспомнив, как холодно и гневно поговорил с ней сегодня Минаев-старший, и почувствовала новый приступ чувства вины... Видимо, он как-то узнал, что Сережа увлекся ею и хотел даже из семьи уйти...

Двери лифта открылись, пролив яркий свет на полутемную площадку, и Женя, войдя в кабину, вдруг испытала невероятное, мощное, готовое разорваться прямо сейчас, колюще-режущее, зудящее и выворачивающее ее наизнанку чувство, даже подавшись спиной к зеркальной стене, чтобы не упасть от слабости... Ну что же это, что же это...

Сережа вошел следом, сложив руки на груди и хмуро встав напротив Жени, глядя на нее внимательным взглядом...

А Женя, благодаря этому головокружительному чувству, вдруг очнулась... Она все поняла, все! Все поняла!

Сережа пришел забрать ее... Он хотел предотвратить этот исход, он первым выкупил путевки... Да как он вообще узнал об их договоре?? Не важно... Сердце Жени разрывалось в груди, чувствуя еще остаточную злость и отторжение от всего, что только что произошло и происходило ранее... Но она не могла оторвать от него глаз... Как же она тосковала по нему, просто до ужаса, до крика, до истерики!..

— Застегнись. — строго приказал он ей, а его взгляд вдруг упал ниже, на ее грудь, на ее красивое белье, на ее живот и выше, к шее, вспыхнув мощным огнем страсти, опалив ее кожу, заставив Женю покраснеть и испытать то самое, заветное, жгучее трепыхание бабочек внизу живота... Да... Это ни с чем не сравнится и никогда не встанет рядом со взглядом

человека, который тебе безразличен... Как физика... Положительный и отрицательный заряд... Плюс и минус... Только притяжение, никаких иных вариантов.

Женя взялась за пуговицы рубашки, не отрывая от него глаз, ужасно желая, почему-то, улыбаться, улыбаться, даже смеяться от невероятного счастья... Почему?? Зудящее, болезненное чувство никуда не делось... Почему? Она должна оттолкнуть его... Она же все решила...

— А что? — вызывающе ухмыльнулась Женя, не торопясь застегивать блузку и упиваясь этим взглядом, жадно и очень желанно следящим за ее пальцами и нежно скользящим по ее шее к груди и обратно, постепенно превращаясь в неистовый, страстный, неудержимый... — Опять лифт остановишь? Или я тебя просто смущаю?

Шаг... еще шаг... Женя едва вздохнула, взорвавшись огнем, а его глаза уже совсем рядом, его губы всего в нескольких сантиметрах, его руки... схватили ее блузку и живенько так принялись сами ее застегивать, а Сережа, пылая страстью и не сводя взгляда с ее лица, будто впиваясь в него глазами, будто боясь, что оно исчезнет через секунду, и он не сможет вспомнить его очертания, жадно смотрел на нее...

— Скорее — провоцируешь. Смущать ты начнешь тех, кто сейчас встретится на твоём пути, так что прекращай глупости.

Как же давно она не была с ним вот так, наедине... Как давно она не видела его взгляда, блуждающего по ней с нетерпеливой, поглощающей любовью, как давно не ощущала эту грубую, но такую мужественную энергетику... Женя упивалась его присутствием, опустив глаза и глядя на то, как его руки в опасной и такой желанной близости от ее тела застегивают ее блузку, мечтая оказаться в объятьях этих рук, и... Странное дело... Почему, ну почему она так спокойна, так счастлива??? Почему не отстраняется от него, почему нет боли, нет чувства потери и того, что она никогда не будет с ним??? Что с ней? Что с ней??

Эх, Женька, Женька, неужто ты догадалась, что означало это сверлящее тебя изнутри ощущение, сводящее с ума последние пару месяцев?? Неужто поняла, что это было лишь огромное, болезненное сомнение, раздирающее тебя на части в попытке благородно уступить Сережу маленькой девочке??? А теперь ты, наконец, все поняла, да? Что все эти дни и недели в твоих несокрушимых принципах образовалась гигантская брешь, увеличиваясь с каждым днем и принося тебе все новые всполохи сомнения? Что в этой ситуации играет роль не только твой выбор, но и его, его решение тоже? Как ты себе представляешь существование его семьи в дальнейшем, когда этот брак был основан лишь на холодном расчете, когда Сережа всей душой мечтает вырваться и жить своей собственной, новой, подвластной лишь ему жизнью, как, по-твоему благородному устремлению, ты представляешь его жизнь в прежнем русле?.. И в конечном итоге, если он решил для себя, что уйдет, то ты не в силах будешь остановить его, даже если тысячу раз прокричишь, что не будешь с ним... Это неправильно?.. Все неправильно, ты стала причиной этой ситуации... Возможно, стоило пойти до конца... Но ради чего?..

В конце концов, и за эти решения нас ожидает расплата.

А сейчас Женя понимала лишь одно: он не уйдет. Она не сможет без него. И сейчас, стоя рядом с ним и глядя на него такими ненасытными глазами, она ощущала себя целой, живой, спокойной... Счастливой. И что он чувствует то же самое, как же она могла не замечать этого раньше??

Сережа застегнул ее блузку и поспешно убрал руки в карманы брюк, а Женя вдруг улыбнулась ему и игриво шепнула:

— А в юбочку заправить?

Секунда — его взгляд вспыхнул, чуть прищурился, потемнел стремительней, чем Женя вздохнула, и Сережа, глядя на нее с упоением, любуясь ею и тоже вдруг улыбнувшись, наклонился к ней, горячо шепнув ей в губы:

— Я на это не гожусь. — и тут же более серьезно, чуть вздохнув и взяв себя в руки, строго добавил:

— Прекращай, Женя. Последнее предупреждение.

А лифт все ехал, а Женя все стояла и стояла, легко улыбаясь и слушая пение птиц в своей душе, слушая стук своего сердца, радостный, быстрый, чувствуя, как горит все в ее животе, заставляя ее желать прикосновения, желать чудесного момента поцелуя... Последняя дрожь — и стена обрушена... Назад дороги нет, необратимое свершается, и совершенно непонятно, что будет с ней дальше... Когда она перешагнула, перешагнула... Не стоило... Нельзя... Но это ее выбор и ее сценарий...

Поддавшись на собственное желание, будто не она руководит своим телом, а ее душа, Женя подняла руку и нежно коснулась его щеки, ощутив, какая она колючая... но такая родная... Сережа подался к ее ладони, на секунду закрыв глаза, впитывая магию от ее прикосновения... Женя чувствовала, как сильнее стала жечь его энергетика, услышала его вздох... Его рука потянулась к ее волосам, он хотел зарыться в них, он хотел провести ладонью по ее щеке... Но за мгновение до этого долгожданного момента, когда Женя, сходя с ума от того, что делает все это, от того, что ужасно желанно и нежно ласкает его щеку, он отчаянно зарычал и, сняв Женину руку с себя и быстро наклонившись к ее вспыхнувшему огненным румянцем лицу, тяжело прошептал:

— Женя, перестань пожалуйста, или Богом клянусь, я остановлю этот проклятый лифт! Сказал же, не провоцируй меня!

Женя снова улыбнулась и, зачарованно глядя на то, как Сережа расхаживает по лифту, пытаясь успокоиться, и упиваясь его реакцией на свое легкое прикосновение, проговорила:

— Так это была твоя сирень?

Сережа остановился, хмуро поглядев на нее:

— Моя, конечно. Я думал, ты догадаешься.

Женя не стала говорить ему, что догадалась, а душа ее ликовала... Его, его сирень! Ну конечно... Не зря она энергетика почувствовала...

Лифт, наконец, добрался до первого этажа, и Женя, продолжающая легко улыбаться, и Сережа, наоборот, хмуриющийся и злящийся, черт знает, на что, вышли на прохладную улицу, залитую желто-оранжевым, теплым светом фонарей.

Несмотря на поздний час, на парковку то и дело подъезжали автомобили, а на детской площадке еще резвились детишки, пока их мамы что-то бурно обсуждали, устроившись неподалеку, на удобной, деревянной лавочке.

Ничего не говоря, а просто погрузившись в свою легкость, в свою неожиданную весну, в свою невероятную любовь, Женя молча прошла на ближайшую лавочку и села, вытянув усталые за целый день ноги. Сережа сел рядом, сложив руки на груди и тоже сохраняя молчание...

А кругом шла чья-то жизнь... Играли дети, судачили женщины, смеялась какая-то молодая компания... Все вокруг цвело и вращалось в наступающее лето, шум превратился в музыку, раздающуюся из подъехавшей на парковку очередной машины:

— «Там, позади,

Белый след в пустыне синей,
Там, за кормой, дом остался мой.
В океане пенных далей
Растворю печаль твою,
Там растает грусть прощаний,
Верю, что вернусь!

Эй, не грусти,
Наша память сильнее разлуки,
Всё впереди, надо дальше жить!
В океане пенных далей
Растворю печаль твою,
Там растает грусть прощаний,
Верю, что вернусь!

Только дождись меня,
Через дожди храня,
Цвет моих глаз, свет моих грёз, песни о нас.
Знай, что пройдут дожди,
Только меня дождись,
Памяти нить наши сердца соединит.

Эй, не грусти,
Корабли вернутся в гавань,
Знай, без разлук — не бывает встреч.
В океане пенных далей
Растворю печаль твою,
Там растает грусть прощаний,
Верю, что вернусь!

Только дождись меня,
Через дожди храня,
Цвет моих глаз, свет моих грёз, песни о нас.
Знай, что пройдут дожди,
Только меня дождись,
Памяти нить наши сердца соединит...»

Ветрообразные дуновения вокруг, энергия звуков, цветов, света, людские голоса — все вместе окружило Женю странным вихрем, складывая в ее голове беспрецедентное, сложное, тяжелое, но единственно возможное для нее решение, и она, погружаясь в эти вихри, вдыхала ночной воздух полной грудью, будто перестав тонуть и захлебываться в собственной боли, будто освобождаясь от страшных оков бессмысленного будущего, будто чувствуя, наконец, свое место в этом мире... Она улыбнулась... Кругом шла жизнь... Кругом шла жизнь.

А в ней шла ее жизнь. В ней была ее любовь.

Сереза хмурился, сложив руки на груди и глядя на детскую площадку... Глаза странно

сияли, он будто слушал песню, а вроде и нет... Женя смотрела на его красивый профиль, не веря в то, что сейчас, в данный момент, хочет сказать ему, не веря в то, что все складывается именно так...

А он вдруг сурово и жестко, в такой родной и любимой Женей манере, проговорил:

— Я подал на развод.

Женька вздрогнула, аж выпрямившись на скамейке и чувствуя, как всколыхнулось бешеным рывком ее сердце...

— Что ты сделал???

Он как-то отчаянно посмотрел на нее, продолжая хмуриться и злиться, но не на нее, Женя чувствовала, не на нее...

— Подал на развод. Еще два месяца назад. — повторил он и снова отвернулся к детской площадке, а Женя будто оглохла, пытаясь осмыслить... Два месяца?!? То есть... Это когда, когда она объявила ему, что между ними ничего не будет???

— Но... Ты же потеряешь все!!! Твой бизнес... Не твой, семейный!.. — Женя дрожала от неопишуемого волнения и посмотрела на звезды, рассыпавшиеся на темном небосклоне, будто дающие ей какой-то знак, будто показывающие что-то... — Твой отец тебя не простит, Сережа! — воскликнула она, отчего-то захотев улыбнуться этим звездам, почему? Ничего веселого сейчас не происходит... Эй, звезды! Почему она, как дурочка, улыбается, глядя на вас???

— Да плевать мне на этот бизнес, Женя! — воскликнул рассерженно Сережа, с болью посмотрев на нее. — И плевать на то, что скажет отец. Неужели ты думаешь, что меня может интересовать мнение человека, который заставлял меня много лет плясать под его дудку ради исполнения его желаний и его интересов???

Женя с неопишуемым волнением взглядела в его лицо, не понимая, что сейчас происходит: словно странный, чарующий сон...

— Но... как же Настя?..

— Я говорил тебе уже, Женя. Я никогда ее не брошу, буду участвовать в ее судьбе, насколько это возможно. — категорично ответил Сережа строгим тоном и как-то внимательно и взволнованно посмотрел на Женю, будто ожидая приговора.

Женя выдохнула, чувствуя необыкновенный трепет в груди... О, счастье, счастье... Она отчаянно посмотрела на звезды, все глядящие и глядящие на них с небес горящими глазами, и мысленно спросила: «Пора?»

Порыв ветра взъерошил ей волосы, его взгляд, с надеждой смотрящий на нее... Сможет ли она хоть минуту обойтись без этого взгляда?? Разве она теперь может идти по своей дороге без него??

Женя слегка улыбнулась и вздохнула, тихо проговорив:

— Не надо, Сережа. Забери заявление, я...

— Женя! — отчаянно воскликнул он, импульсивно развернувшись к ней. — Ты что, не понимаешь?? Я не заберу заявление, я не могу остаться в этой семье, не могу, ты слышишь?? И даже если ты снова будешь прогонять меня, даже если не захочешь быть со мной, я все равно разведусь! Я не могу больше жить с Ксюшей! И это решение окончательное и осмысленное. Я перееду в другую квартиру и начну новую жизнь... Свою собственную. И больше не буду зависеть ни от каких обстоятельств, кроме... — он с болью посмотрел на нее. — Кроме твоего решения. Я не могу без тебя, Женя. Ты слышишь?.. — он отвернулся, отчаянно и обреченно посмотрев на звезды и яростно вздохнул, отвернувшись от

Жени и утопая в собственной боли...

А Женя улыбалась, умирая от счастья, умирая от его слов, чувствуя, что сделала все так, как единственно было возможно для нее и него, что ветер несет ее в нужном направлении, что она никуда теперь не свернет с этой дороги, никуда не денется...

— Сереж... — тихо и ласково позвала она его дрожащим голосом и, потянувшись, взяла его ладонь в свою, нежно сжав ее и проведя по ней пальцами, как тогда, в подъезде у ее квартиры... Он расширенными глазами посмотрел на ее руку, а затем судорожно, резко — на нее, будто не веря в то, какую интонацию услышал, будто не веря в реальность ее прикосновения... — Забери документы на развод. Я подожду тебя. Я подожду год. Я и так слишком виновата во всем, что произошло, несправедливо, если из-за меня ты еще поссоришься с отцом и матерью, если потеряешь дело всей своей жизни, дело своего отца. — со вздохом и простой улыбкой сказала она, а в ее сердце будто что-то щелкнуло, растекаясь по ней горячей волной... Странное оно — это счастье...

Сережа не верил своим ушам, он секунду таращился на Женю взглядом сумасшедшего или идиота, после чего резко подался к ней, грубо, стремительно притянув ее руку к себе и вцепившись так, словно он боялся разжать пальцы, а его глаза пронизательно и нетерпеливо уставились в ее фиалковые, и он, нервно покусывая губу, импульсивно проговорил:

— Что ты сказала??? Женя, повтори немедленно, ты слышишь??? Что ты сказала??? Ты серьезно??

Он несколько раз подергал ее за руку, нетерпеливо требуя ответ и ужасно волнуясь, даже дыхание сбилось... А Женя нежно улыбалась ему, желая продлить этот миг, желая всегда чувствовать себя такой же нужной ему, как в эту минуту, умирая от его глаз и его присутствия, от его сильной и крепкой руки, неистово сжимающей ее ладонь...

— Серьезно. Я люблю тебя. — легко пожала плечами Женя. — И я подожду год. Если ты решил развестись... Тогда разведешься нормально.

Он вдруг заулыбался... Красиво так, облегченно, счастливо... Тяжело выдохнув, он откинулся на спинку скамейки и посмотрел в небо, продолжая улыбаться, продолжая держать ее за руку, а потом, недоверчиво покачав головой, он вдруг сказал:

— Я так чертовски надеялся, что когда-нибудь услышу от тебя нечто подобное... Же-е-еня... — с чувством протянул он и снова придвинулся к ней, любовно оглядывая ее лицо, а глаза его светились, будто он увидел чудо какое-то... Женя улыбнулась, а он потянулся к ней свободной рукой и горячо так, осторожно коснулся ее щеки, тяжело прошептал:

— Моя Женя...

— погоди, погоди! — усмехнулась Женька, нежно взяв его за ладонь и легко поцеловав ее... Любимая ладонь. Самая лучшая в этом свете... — Есть одно условие.

Сережа тут же нахмурился и сел, собственническим жестом все же подтянув к себе Женину руку, слегка поглаживая ее пальцы.

— Что еще за черт? — недовольно проговорил он, а Женя закатила глаза. — Никаких условий! К чертям все! Что ты еще выдумала?? — беспрекословно заявил он, а Женя прыснула:

— Ну-ну. Возвращение командного тона... Сережа, есть одно условие, и это очень важно. — серьезно проговорила она и прищурилась, глядя на его недовольное лицо. — Пока ты будешь женат, между нами ничего не будет. Это серьезно, Сережа. Ничего!

Сережа с ужасом посмотрел на нее, потом раздраженно вздохнул и поморщил нос:

— Целый год?? Совсем ничего??

— Совсем ничего. Ты же будешь еще женат! О чем здесь вообще может идти речь? — беспрекословно заявила Женя.

— А целовать можно? — насмешливо спросил Сергей, вдруг потянув ее ладонь и нежно коснувшись ее губами, внимательно следя за реакцией Жени, которая, конечно, предательски вздохнула, не удержавшись.

— Нет! Никаких поцелуев! — отрезала она чуть дрожащим от волнения голосом и забрала ладонь, сложив руки на груди, а Сережа обиженно нахмурился.

— А за руку держать?

— Может быть... — смягчила приговор Женя, и Сережа тут же снова потянул к себе ее ладонь, жестко заявив:

— Тогда давай ее сюда. И вообще... — он чуть наклонил голову и горячо посмотрел на Женю, ласково и желанно оглядев ее лицо, волосы, шею... Женя тут же покраснела и рассердилась, понимая, что он ее провоцирует. — ...может, начнем добропорядочные отношения с завтрашнего дня? Поехали ко мне, а, Жень?

Женя гневно вспыхнула, возмущенно воскликнув:

— Нет! Прекрати, Сережа, не хочешь год ждать, тогда вообще забудь...

— Ладно, перестань. — примирительно остановил он ее и снова улыбнулся, нежно сжав ее руку своей рукой... Вздохнув, он посмотрел на ее ладонь, с любовью, с трепетом, желанно... Посмотрел на кольца на ее руке... На свое кольцо, которое он подарил ей... И на кольцо Бури, преспокойненько сидящее на соседнем пальчике. Его взгляд сверкнул гневом и ревностью, и он молча снял кольцо с Жениной руки и совершенно самодовольно и даже победно сунул его к себе в карман, а Женя, положив голову ему на плечо, тихо и счастливо шепнула:

— Идиот!

Тишина... Прекрасная, легкая, волшебная...

— Значит, год? — тихо вздохнув, спросил Сережа.

— Год. — шепнула Женя, закрыв глаза.

Его рука решительно сжала ее руку: Женя поняла в этом легком жесте, что он был готов на все ради нее... О, она поняла это гораздо раньше...

Ночь опускалась на город, лавочка, на которой они сидели, освещалась светом фонаря... Звуки становились все тише, пения птиц практически не слышно... Опустела детская площадка... Мир, огромный, сложный, наполненный чувствами, запахами, светом, окружил их со всех сторон и, схватив, понес с собой в наступающее лето, в состояние, когда только любовь разрушит все преграды, победит трудности, движет вперед сердца и соединит два противоположных заряда в один-единственный, но очень мощный, побеждающий эту ночь, побеждающий всё.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

*- Учеными не доказан факт существования фиолетового цвета глаз, также, как и не доказан факт их отсутствия. Согласно одной старой легенде, несколько столетий назад жители небольшого египетского поселения заметили в небе яркую вспышку непонятного происхождения. Вскоре после этого в деревне стали рождаться дети, у которых были невероятно красивые фиолетовые глаза. Одной из первых была девочка, которую звали Александрия, родившаяся в 1329 году. Спустя полгода после ее появления цвет глаз малышки из голубых превратился в фиолетовый. А гораздо позже, когда у нее родились

четыре дочери, оказалось, что у каждой из них также были глаза фиалкового цвета. В честь этой девушки медики и назвали данную патологию «Происхождение Александрии».

Помимо этого, существует и иная версия, по которой фиолетовый цвет глаз может проявиться, в связи с отсутствием не только в мезодермальном, но и в эктодермальном слое радужной оболочки меланина, что встречается в природе у людей, страдающих альбинизмом... Но конкретных доказательств ни тому, ни другому варианту не приводится.

Бытует мнение, что фиолетовые глаза были у актрисы Элизабет Тейлор и с этим также связано множество легенд и домыслов... Но это уже совсем другая история)

Плейлист песен, встречающихся в книге, в порядке их упоминания:

Король и Шут — «Кто это все придумал?» (альбом «Как в старой сказке», 2001 г)

ДДТ — «Песня о свободе» (альбом «Иначе», 2011 г)

Рекорд Оркестр — «Лада Седан» (сингл, 2013 г)

Savage Garden — «Breake me Shake me» (альбом «Savage Garden», 1997 г)

The Muse — «The Handler» (альбом «Drones», 2015 г)

Алиса Мон — «Алмаз» (альбом «Алмаз», 1997 г)

Thousand Foot Krutch — «Welcome to the Masquerade» (альбом «Welcome to the Masquerade», 2009 г)

ДДТ — «Метель» (альбом «Мир номер ноль», 1999 г)

Мураками — «Минуты» (альбом «Без суеты», 2015 г)

Мумий тролль — «Фантастика» (альбом «Восьмерка», 2008 г)

Кукрыниксы — «Холодно» (альбом «XXX», 2008 г)

Обе-Рек — «Возвращайся» (альбом «Присутствие», 2010 г)

Lumen — «Тень» (альбом «Правда?», 2007 г)

О. Газманов — «Дождись» (альбом «Перезагрузка», 2014 г)